

ИСТОРИЯ
УКРАИНЫ
Delineatio Generalis
CAMPORUM DESERTORUM
vulgo
UKRAINA.
Cum adjacentibus Provinciis
Bono publico erecta
per
Guilhelmum le Vasseur
de Beauplan
S.R.M^tis Architectum militarem
et Capitaneum.
PODOLIA
VOLYNIE
PARS

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

ИСТОРИЯ УКРАИНЫ

Санкт-Петербург АЛЕТЕЙЯ

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)
И 907

И907 История Украины. – СПб.: Алетейя, 2018. –508 с.

ISBN 978-5-9906154-0-3

Читателю предлагается История Украины, написанная известными российскими историками, членами российско-украинской комиссии. Авторами представлен современный академический взгляд на исторические события, с учетом новейших знаний науки.

Книга будет полезной и интересной как для студентов вузов, так и для широкого круга читателей.

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей книге представлена история украинских земель с древности до современности. Авторы книги входят в состав российской части Совместной российско-украинской комиссии историков. Каждый из них является специалистом в своей области украинистики, в отдельном её хронологическом периоде, история которого им и написана. В совокупности представленная на суд читателя «История Украины» является выражением одной из различных имеющихся в историографии концепций. От появляющихся в последнее время попыток «новаторского» толкования истории украинского народа и украинских земель авторов данного произведения отличает, прежде всего, приверженность к академическому подходу в исследованиях. Академический стиль подразумевает внимательное отношение к фактам, мнениям коллег, знание современной историографии вопроса, а также отказ от политизации и политиканства. История украинских земель всегда была тесно связана с историей соседей — России, Польши, Турции и тех стран, которые в разные исторические периоды существовали на их территории. В различные периоды украинские земли входили в Киевскую Русь, в Великое княжество Литовское, в Речь Посполитую, в Российскую империю, в Австро-Венгерскую империю, в Советский Союз и т. д. Борьба за украинскую идентичность была драматичной и непростой.

Эта книга не является выражением какой-то официальной позиции, а приглашением группы авторов к диалогу по весьма актуальной и непростой исторической проблеме.

Мы полагаем, что знание прошлого, достижений и ошибок наших предков крайне важно для нашего будущего.

Сопредседатель совместной
российско-украинской комиссии историков
Академик РАН
А. О. Чубарьян

Часть 1
И. Н. Данилевский
ПРЕДЫСТОРИЯ УКРАИНЫ

Наш разговор придется начать с нескольких общих положений, без которых дальнейшее изложение будет не вполне понятно.

Во-первых, ни одно из ныне существующих государств не является прямым наследником тех государственных (иди догосударственных) объединений, которые существовали в далеком прошлом.

Во-вторых, большинство из ныне существующих этносов не имеет единого племени-прародителя, народа-предка. Все современные народы возникли в результате сложного взаимодействия носителей различных антропологических черт, языков и культур.

В-третьих, ни одна из ныне существующих культур не имеет единого истока. Все они — результат взаимодействия и видоизменения нескольких культурных традиций.

Наконец, в-четвертых, формирование народов, которые ныне населяют территорию Восточной Европы, началось сравнительно поздно: не ранее конца XV в. До этого представлений о собственно этническом единстве у их предков не существовало.

Все это касается как современных Республики Украины, украинцев и украинской культуры, так и Российской Федерации, русских и русской культуры — или любого другого государства, народа, культуры.

Тем не менее, наши народы считают себя, так сказать, правопреемниками определенных этнических, государственных и культурных сообществ, существовавших в прошлом (хотя в большинстве случаев это мифические представления, которые лишь отчасти соответствуют действительности). При этом начало нашей истории было общим: до определенного момента наши предки не подозревали, что от того, на какой территории они обосновались, будет зависеть национальность их потомков. Попробуем разобраться в том,

какие именно этносы, культурные традиции и государственные образования дали жизнь современным украинскому народу, украинской культуре и государству Украине.

Чтобы не пересказывать в очередной раз хорошо известные факты, изложенные, кажется, во всех более или менее популярных очерках истории Украины, постараемся выяснить, что лежит в основе этих представлений, откуда известно о том, «как это было на самом деле», — и было ли «это» именно так. При этом остановимся только на ключевых событиях и явлениях, предваряющих собственную историю Украины, которая начнется гораздо позже: в XV–XVI вв.

Русь легендарная

Традиционно — к чему имеются все основания — считается, что общим предком украинского, русского и белорусского народов являются восточные славяне, создавшими первое государство, которое условно принято называть Древнерусским (Киевской или Древней Русью). Именно это объединение стало общим «предком» последующих государственных образований, продолживших те или иные традиции Древнерусского государства.

Не останавливаясь на весьма спорной проблеме происхождения и первоначального расселения славянских племен[1], обратимся к тому времени, память о котором сохранилась в письменных источниках.

---

[1] При отсутствии письменных источников, которые позволили бы однозначно решить этот комплекс вопросов, ученые, решая ее, опираются на лингвистические и археологические источники. Однако первые не позволяют получить достаточно точных географических и временных ориентиров, с которыми связаны те или иные языковые явления, а вторые не дают возможности установить, на каких языках говорили носители тех или иных археологических культур. К тому же ареалы распространения языковых явлений, фиксируемых лингвистами, и археологических культур, как правило, не совпадают. Ситуация усугубляется еще и тем, что первые письменные свидетельства о славянах (которые появляются только с VI в. н. э.) очень приблизительно фиксируют территории, на которых обитают славянские племена, причем эти области подчас не совпадают с пространствами, на которых найдены материальные объекты, которые археологи связывают со славянами.

Первым и самым важным из них является «Повесть временных лет», которая охватывает период с древнейших времен до второго десятилетия XII в. Она сохранилась в составе позднейших летописей XIV–XVI вв. Еще в 30-х годах XIX в. стало ясно, что сама «Повесть» является продолжением более ранних летописных произведений. Анализ текста Повести показал, что в ее основе лежат более ранние летописи: так называемые «Начальный свод» (1096–1099), «Свод Никона» (1073) и, наконец, предшествовавший им «Древнейший свод» (1037–1039), или появившееся тогда же некое сюжетное повествование о начальной истории («Повесть о начале Русской земли», или «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси», или какое-то другое сказание). Важно отметить, что до «Свода Никона» текст летописи не был разбит на годовые статьи. Даты ранних событий были проставлены «задним числом» только в 70-х гг. XI в. Основания, на которых была проделана эта работа, нам не известны (как, впрочем, точно не известны и системы счета времени, которыми пользовались первые летописцы). Другими словами, большинство дат древнерусской истории носит условный характер и без специальной проверки (если это вообще возможно) приниматься не могут.

Очевидно также, что самые ранние летописные записи могли опираться только на какие-то устные предания, которые впоследствии были переработаны древнерусскими летописцами в своих целях. Правда, неоднократно высказывались догадки и о том, что до 30-х гг. XI в. могли вестись какие-то спорадические записи (например, на полях пасхальных таблиц). Однако никаких источников, которые бы подкрепили эти предположения, пока найти не удалось. Так что, самый ранний период древнерусской истории носит явно легендарный характер. К числу таких легенд относятся, очевидно, и предания о происхождении и расселении восточных славян.

Итак, что же знает автор «Повести» о восточнославянских «племенах» и их ранней истории?

Представления летописца о восточнославянских племенах

После рассказа о разделении после Потопа земли между сыновьями Ноя и расселении славян летописец сообщает: «... словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припетью

и Двиною и нарекошася дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речьки ради, яже втечеть в Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словене же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ и нарекоша и Новъгородъ. А друзии седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекошася северъ».

Традиционно это сообщение рассматривается как точное указание на то, где обосновались те или иные «племена» восточных славян. Так, в фундаментальном труде украинских историков «История Украины», в полном соответствии с летописным текстом, указывается: «Племя полян заселяло Киевщину и Каневщину на Днепровском Правобережье, древлян — Восточную Волынь, северян — Днепровское Левобережье. Кроме них на территории современной Украины проживали уличи (южное Поднепровье и Побужье), хорваты (Прикарпатье и Закарпатье), а также волыняне или, как их еще называли, бужане (Западная Волынь)». Другими словами, автор приведенного текста полагает, что непосредственными предками будущих украинцев были представители летописных полян, древлян, северян, уличей, хорватов и волынян (бужан).

Гораздо осторожнее подходит к использованию летописного сообщения П. П. Толочко. Он совершенно справедливо отмечает: «Если бы мы попытались представить этническую картину восточного славянства накануне образования в них государства как сформированную основу трех нынешних народов — украинского, русского и белорусского (как это имеет место в некоторых новейших работах, преимущественно украинских авторов), ничего реалистического мы бы не получили. На территории, где сформировался украинский народ, в VII–IX вв. было фактически три группы племен, разных по своим субстратным этническим компонентам, и какую из них следует считать праукраинской, сказать сложно. К тому же, ни одно летописное «племя» не вписывается в более позднюю этнотерриториальную структуру». При этом специально подчеркивается, что перечисленные «племена» занимали территорию не только современной Украины, но также России (северяне, кривичи) и Беларуси (дреговичи, древляне, волыняне и кривичи), Польши, Словакии и Венгрии (хорваты). Причем, судя по антропологическим и археологическим материалам, «кроме восточных славян, участниками этногенетических процессов здесь были ирано- и тюркоязычные

племена в южном и юго-западном регионах, западные славяне, балты и финны — в западном и северо-западном».

Представляется весьма опасным доверяться уникальному известию. К тому же, по мнению А. А. Шахматова, оно появилось только собственно в «Повести временных лет», но отсутствовало как в Древнейшем, так и в Начальном сводах. Очевидно, что записано это предание было после нескольких столетий устного бытования. Сведения об этих «племенах» вообще прерываются на событиях, происшедших задолго до того, как они попали в летопись. Так, последнее упоминание полян датировано 6452 (944) годом, древлян — 6485 (979), северян — 6532 (1024), уличей — 6393 (885), хорватов — 6500 (992) годом, а волыняне (бужане) вообще отсутствуют в датированной части «Повести временных лет»; т. е. все сообщения об этих «племенах» носят легендарный характер. Насколько точна информация об их локализации на карте Восточной Европы, сказать трудно (если вообще возможно).

Столь же сомнителен и рассказ об обычаях этих «племен». Здесь внимание летописца сконцентрировано на противопоставлении не столько полян и их соседей (как обычно отмечается комментаторами), сколько языческих («поганых») традиций восточных славян (имеющих «обычаи свои, и закон отец своих»), с одной стороны, и веры в Христа, христианских норм, — с другой. Отсюда, видимо, здесь такое обилие рассказов о тех, кто «имяху бо обычаи свои, и закон отец своих и преданья, кождо свои нравъ», «своих отець обычаи имуть кротокъ и тихъ», «закон имуть отець своих обычаи», «закон же... от прадед показаньемъ и благочестьемъ», «беззаконьная яко законъ отець творять независтьно ни въздержаньно», «якоже се и при нас ныне... закон держать отець своих». Им противопоставляются «хрестияне, елико земль, иже верують въ святую Троицю, и въ едино крещенье, в едину веру» «мы», которые «законъ имамъ единъ, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся».

Трудно сказать, насколько точен летописец в описании языческих обычаев восточных славян и их соседей. Тем более что в предшествующем «Повести» «Начальном своде», как считал А. А. Шахматов, дело вообще ограничивалось лаконичным упоминанием, будто поляне «бяху... погани, «жьруще озеромъ и кладяземъ и рощениемъ», якоже прочии погани», то есть вообще никакие обычаи не описывались.

Так что, летописные свидетельства о расселении и обычаях племен, живших на территории современной Украины, крайне приблизительны. Единственным надежным источником по этим вопросам являются археологические материалы. К собственно восточнославянским относят находки, связанные в V–VII вв. с так называемыми корчакской (Житомирская область) и пеньковской (лесостепная зона от Северского Донца до Правобережья Днестра, включая Среднее Поднепровье, бассейн Южного Буга и Среднее Поднестровье) археологическими культурами, а в более поздний период (VIII–IX вв.) — с лука-райковецкой (Среднее Поднепровье, Правобережье Днепра; традиционно идентифицируется с культурой предков волынян, дреговичей, древлян и полян) и волынцевско-роменской (Днепровское Левобережье; обычно связывается с северянами) археологическими культурами.

Первые исторические предания

Не менее легендарный характер носят и первые рассказы о событиях, связанных с ранней историей народов Восточной Европы. Судя по всему, все эти рассказы попали в летопись не просто потому, что помнили только эти предания. Они, видимо, так или иначе соответствовали основной цели, которую преследовали древнерусские летописцы, — отвечали на вопрос: «како избьра Богъ страну нашю на последьнее время», к которому примыкала тема «о статии Кыева, како въименовася Кыевъ». При этом, естественно, не приходится надеяться на то, что летописец стремился описывать события, которые интересуют нас (как, скажем, зарождается государство у восточных славян, или когда и как на самом деле был основан Киев, и т. п.), стараясь как можно более точно зафиксировать важные для нас звенья исторического процесса. Исходя из задачи, которую он ставил перед собой, создатель летописи отбирал те события, которые, по его мнению, были существенными в процессе выбора Богом Русской земли как избранной «на последнее время». При этом автор стремился объяснить своим читателям, почему именно эти события важны, каков их «истинный» смысл. В ходе такого объяснения, естественно, некоторые детали народного предания должны были претерпевать некоторые изменения. Их надо было привести в соответствие с безусловно авторитетными для древнерусского человека текстами, отсылка к которым и придавала событию особый смысл: прежде всего, к текстам Священного Писания. Именно поэтому столь

часты прямые и косвенные библейские цитаты в древнерусских текстах. Это не просто «церковная риторика», от которой следует «очистить» текст летописи. Летописец не «только внешне присоединял свои религиозные толкования тех или иных событий к деловому и в общем довольно реалистическому рассказу», в чем просто «сказывался... средневековый «этикет» писательского ремесла», как считал Д. С. Лихачев. Для книжника Древней Руси это — естественный способ дать оценку, характеристику событию, явлению, историческому деятелю. Разобравшись с такими оценками, мы лучше поймем смысл летописных рассказов о начальных этапах становления древнерусского общества и государства.

Легенда об апостоле Андрее

Великое будущее древнерусской столицы предсказывается в «Легенде об апостоле Андрее», помещенной в недатированной части Повести: «Оньдрею учащю в Синопии и пришедшю ему в Корсунь, уведе, яко ис Корсуня близь устье Днепрьское, [и] въсхоте поити в Римъ, и проиде въ вустье Днепрьское, [и] оттоле поиде по Днепру горе. *И по приключаю приде и ста под горами на березе. [И] заутра въставъ и рече к сущим с нимъ ученикомъ: «Видите ли горы сия? — яко на сихъ горах восияеть благодать Божья: имать градъ великъ [быти] и церкви многи Богъ въздвигнути имать». [И] въшедъ на горы сия, благослови я, [и] постави крестъ, и помоливъся Богу и сълезъ съ горы сея, идеже послеже бысть Киевъ*, и поиде по Днепру горе».

В приведенной цитате обращает на себя внимание текст вставки (выделен курсивом). Из 100 слов, составляющих его, 7 — слово «гора» (в разных значениях). И это при том, что на всю «Повесть временных лет» (свыше 47 тысяч слов) оно употреблено всего 56 раз (в среднем 0,12 упоминаний на каждую сотню слов текста, т. е. в 58 раз реже; наш случай дает ⅛ всех случаев использования слова «гора»; причем почти половина их непосредственно связана с Киевом).

Для летописцев гора — понятие, имеющее хорошо различимую ценностную (собственно, сакральную) окраску. Поэтому вряд ли чрезвычайно частое упоминание «гор» в рассказе об Апостоле Андрее можно объяснить простой случайностью или лексической небрежностью летописца. Скорее, в столь частом употреблении лексемы «гора» прослеживается определенная тенденция. Летописец явно считает этот пространственный ориентир в данном случае принципиально важным. Недаром образ горы занимает

существенное место и в описании погребения библейских патриархов. Гора как обозначение места захоронения в библейских текстах тесно связана с пещерой. Не случайно и Киево-Печерский монастырь начинается с символической могилы — пещеры, выкопанной будущим митрополитом Иларионом в правом (крутом) берегу Днепра: в старославянском языке брегъ означало не только «крутой берег», но также «холм, склон, гора». С вершины горы Фасги (что, собственно и значит «вершина»; в Повести она называется «гора Вамьская») Моисей перед кончиной увидел всю Обетованную землю (Втор 3 27).

Смысл, который автор вставки мог вкладывать в заинтересовавшее нас слово, может быть понят при обращении к тексту Библии. В пророчестве Иезекииля предсказывается, что Господь соберет избранный Им народ «из среды народов, между которыми они находятся», и приведет их «в землю их». Здесь, «на горах Израиля» они станут «одним народом, и один Царь будет царем у всех их». Здесь они «очистятся» «и не будут уже осквернять себя идолами своими и мерзостями своими и всякими пороками своими» и станут народом Божиим» (Иез 37 19–28).

У Иезекииля речь идет об основании Иерусалима. Можно предположить, что описание миссии Апостола Андрея, остановившегося «под горами Днепрьскими» и пророчествующего о «граде великом», который появится «на сих горах» по истечении некоторого времени, понадобилось летописцу — помимо всех прочих целей — для обоснования пока еще не до конца оформившегося представления, что именно Киеву суждено стать новым центром христианского мира — Новым Иерусалимом.

Легенда об основании Киева и его первых правителях

Такое впечатление усиливается при чтении рассказа о знаменитых братьях-основателях новой столицы: « [И] быша 3 братья: единому имя Кии, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, [и] сестра ихъ Лыбедь. Седяще Кии *на горе*, гдеже ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ седяше *на горе*, гдеже ныне зовется Щековица, а Хоривъ *на третьеи горе*, от негоже прозвася Хоревица. И створиша градъ во имя брата своего стареишаго, и нарекоша имя ему Киевъ».

Дело здесь даже не столько в том, что текст вновь насыщается упоминанием «гор», сколько в имени одного из братьев, Хорива. Еще Г. М. Барац в 1924 г. отметил совпадение его имени с названием библейской горы Хорив («*сухой, пустой, разоренный*»),

расположенной в Аравийской пустыне. Именно на ней Моисею было явление Божие в купине горящей и несгораемой; здесь Моисей ударом жезла источил воду из скалы; здесь из среды огня Господь изрекал Закон Израилю. Восточный хребет Хорива называется Синаем, в связи с чем в Св. Писании эти два топонима смешиваются. Так, дарование Богом Закона Моисею связывается то с Синаем, то с Хоривом. Во всяком случае, под Хоривом в Библии разумеется вся центральная группа гор Синайского полуострова, а под Синаем — только одна из гор этой группы. Так что, уже само упоминание имени третьего из легендарных братьев, построивших Киев, вполне может рассматриваться как намек на библейский Синай.

Впрочем, по мнению В. Я. Петрухина, «русские книжники не обратили внимания на это совпадение (в „Речи философа" в ПВЛ приводится мотив „непалимой купины" без упоминания горы Хорив), по-видимому, потому, что в древнерусской книжности мотив купины приурочивается к горе Синай». Из этого следует предположение, «что имя „Хоревица" закрепилось за киевской горой в дохристианский период и было заимствовано славянскими жителями Киева у еврейско-хазарской общины, которая приурочивала легендарные топонимы к киевским реалиям». Между тем, в Толковой Палее (Толковом Ветхом Завете), текстом которой, судя по всему, пользовался создатель Повести временных лет, Хорив упоминается неоднократно. Впрочем, исходный смысл такой библейской параллели мог быть легко утрачен последующими поколениями летописцев. Все зависело от того, насколько образован был компилятор, редактор или переписчик текста.

В любом случае приходится признать, что имя одного из легендарных основателей Киева, скорее всего, не было собственно славянским.

Между тем, принято считать, что основатели Киева — поляне, т. е. представители восточных славян, населявших Киевское Поднепровье. Согласно мнению Б. А. Рыбакова, «легендарный Кий приобретает реальные черты крупной исторической фигуры. Это — славянский князь Среднего Поднепровья, родоначальник династии киевских князей; он известен самому императору Византии, который пригласил Кия в Константинополь и оказал ему „великую честь". Речь шла, очевидно, о размещении войск Кия на дунайской границе империи, где поляне построили укрепление, но затем оставили его и во главе со своим князем возвратились на Днепр».

В основе таких рассуждений лежит еще один летописный текст, который, правда, не столько свидетельствует об историчности основателей Киева, сколько о том, что уже во времена первых летописцев рассказ о Кие и его братьях воспринимался как легенда. Об этом вполне четко говорит разъяснение, которое было включено кем-то из киевлян — создателей летописей, полемизировавших со своими новгородскими «коллегами»: «Ини же, не сведуще, рекоша яко Кий есть перевозник был, у Киева бо бяше перевоз тогда с оноя стороны Днепра, темь глаголаху: на перевоз на Киев. Аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил Царюгороду; но се Кий княжаше в роде своемь, приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь приял от царя, при которомь приходив цари. Идущю же ему вспять, приде къ Дунаеви, и возлюби место, и сруби городок мал, и хотяше сести с родом своим, и не даша ему ту близь живущии; еже и доныне наречють дунайци городище Киевець. Киеви же пришедшю в свой град Киев, ту живот свой скончa; и брат его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь ту скончашася».

Заметим, что рассуждения Б. А. Рыбакова об «историчности» Кия существенно «дополняют» летописное сообщение. В «Повести временных лет» упоминается лишь о том, что Кий *приходил* в Константинополь. Б. А. Рыбаков «уточняет» сведения летописца: Кий был *приглашен* императором, *договорился с ним о размещении войск* на границе Византийской империи. Появляется здесь и некая династия «Киевичей».

Как бы то ни было, принадлежность Кия, Щека и Хорива к местной полянской знати считается почти безусловно доказанной. Некоторые сомнения в бесспорности такой точки зрения вселяют несколько странные для славян имена первых киевских князей.

Приемлемая славянская этимология предлагается только для имени старшего из братьев, Кия: «Возможно, имя Кия происходит от **kuj-*, обозначения божественного кузнеца, соратника громовержца в его поединке со змеем. Украинское предание связывает происхождение Днепра с божьим ковалем: кузнец победил змея, обложившего страну поборами, впряг его в плуг и вспахал землю; из борозд возникли Днепр, днепровские пороги и валы вдоль Днепра (Змиевы валы)». С такой точкой зрения согласен и Б. А. Рыбаков: «Имя Кия хорошо осмысливается по-русски: «кий» обозначает палку, палицу, молот, и в этом смысле имя основателя Киева напоминает имя императора Карла Мартелла — Карл „Молот“».

Если имя Кия хоть как-то поддается «славянизации», то более или менее приемлемой основы для признания славянского происхождения его братьев — Щека и Хорива — найдено не было (лучшей этимологической параллелью для второго из них, пожалуй, было упоминание литовского названия церковного жреца — *krive*). В связи с этим иногда отрицается их присутствие в первоначальной версии сказания об основании Киева. Так, Б. А. Рыбаков полагает: «мы должны быть осторожны по отношению к братьям Кия. Правда, летописец стремится связать их имена с местной топонимикой XI в., указывая на Щековицу и Хоривицу, но нам очень трудно сказать, действительно ли имена реальных братьев перенесены на эти горы, или же, подчиняясь требованиям эпической тройственности, автор сказания от названий этих гор произвел имена двух мифических братьев?».

Не будем останавливаться на весьма спорном тезисе о «реальности» Кия и его братьев. Безусловно, прав В. Я. Петрухин: «Очевидно, что киевская легенда о трех братьях — основателях города имеет книжный характер: имена братьев «выводятся» русскими книжниками из наименований киевских урочищ. Это делает малоперспективными попытки искать исторические прототипы для основателя Киева».

Речь здесь, конечно, должна идти о другом: присутствовали ли имена братьев в исходном предании, которое летописец использовал в рассказе о начале Киева? Ответ на это вопрос, видимо, содержится в легенде, попавшей в армянскую «Историю Тарона», которую приписывают сирийцу, епископу Зенобу Глаку (VI–VII вв.). Среди прочих преданий он записал историю о братьях Куаре, Мелтее и Хоресане.

По крайней мере, имена двух из трех братьев напоминают имена братьев — основателей Киева (Кий — Куар и Хорив — Хореан). По мнению Н. Я. Марра, имена Щека и Мелтея совпадают семантически, поскольку якобы и то, и другое означают — соответственно, на русском и армянском языке — «змей» (правда, историческими словарями русского языка это не подтверждается). Кроме того, в обеих легендах совпадают некоторые детали повествования (каждый из братьев сначала живет на своем месте, позднее братья строят городок на горе и т. п.). Все это позволило рассматривать обе легенды — летописной и Зеноба Глака — как имеющие общую основу.

Славянская этимология имен основателей полянской столицы, как видим, вызывает серьезные затруднения. Зато отказ от их признания славянами значительно упрощает ситуацию. Расширение круга поисков дает довольно любопытные (хотя и вовсе не бесспорные) результаты. Например, О. Прицак прямо связывает летописного Кия с отцом хазарского вазира (главы вооруженных сил Хазарского каганата) Ахмеда беи Куйа, упомянутого ал-Масуди в рассказе о постоянной наемной армии хазарских правителей.

Что касается «неизбежности» заключения об идентификации летописного Кия и хазарского (точнее, хорезмийского) Куйа, то здесь, видимо, правильнее будет прислушаться к упоминавшемуся мнению В. Я. Петрухина. Однако само признание возможности иранского происхождения имени основателя Киева довольно любопытно. Не менее интересно и мнение о возможной тюркской этимологии имени *Щек*, высказанное В. К. Былининым: «Имя Щек, Щека, возможно, — славянизированное произношение тюркской лексемы «cheka», «chekan» (боевой топор, секира), при котором твердое -Ч перешло в смягченное –Ш'Т» (-Щ болгарского типа)».

В этот ряд попадает и, предположительно, мадьярское происхождение имени *Лыбедь*: «Тут вспоминаются будущие венгры, которые под предводительством Леведии контролировали хазарскую «Белую крепость» в бассейне Северского Донца. В честь Леведии территория названа Леведия».

В таком окружении оказывается «родным» и иранское или еврейско-хазарское происхождение имени *Хорив*.

Так что, легендарные основатели Киева имеют, скорее всего, неславянские имена и вряд ли их читатели «Повести временных лет» представляли себе полянами.

Такой вывод хорошо согласуется с тем видом, в котором рассказ о приезде Аскольда и Дира в Киев, сохранился в Лаврентьевской летописи: «И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родом своим. И придоста по Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок. И упрошаста и реста; „Чий се градок?“. Они же реша: „Была суть 3 братья: Кий, Щек, Хорив, иже сделаша градоко-сь, и изгибоша, и мы седим, платяче дань р о д о м и х, козаром“». Правда, многие исследователи считают, что в данном случае имеет место искажение первоначального чтения. В качестве такового они принимают текст Ипатьевской летописи, в котором

выделенная часть фразы выглядит так: «и мы седим, род их, платяче дань козаром».

Заметим, однако, что и при таком чтении понимание текста во многом будет зависеть от того, как понять выражение: «род их». Речь здесь может идти и о том, что летописец считал полян потомками («родом») Кия и его братьев, и о том, что поляне платили дань потомкам Кия — хазарам. Во всяком случае, уже одно то, что в наиболее ранних списках «Повести временных лет» в данном тексте встречаются разночтения, служит свидетельством того, что летописцы второй половины XIV в. по-разному понимали этническую принадлежность основателей Киева.

То, что первые упомянутые в летописи полянские князья могли быть иноплеменниками, судя по всему, вполне спокойно воспринималось как авторами, так и читателями «Повести временных лет». Дело в том, что во главе большого числа ранних государственных объединений стояли представители других народов, чаще всего завоеватели: булгары, франки, норманны, лангобарды, бритты, англы, тюрки-сельджуки. По их имени эти государства и назывались: Болгарское царство, Франция, герцогство Нормандия, Ломбардия, Бретань, королевство Англия, Сельджукский султанат. Так что, иноземные правители в ранних государственных объединениях — скорее закономерность, нежели исключение. Необходимость призвания иноплеменника в качестве правителя — насущная необходимость, возникающая прежде всего в условиях межплеменного общения, доросшего до осознания общих интересов. Приглашенные правители играли роль своеобразного третейского судьи, снимая межэтническую напряженность в новом союзе. Тем самым они как бы защищали членов этого союза от самих себя, не давая им принимать решения, которые могли бы привести к непоправимым — для существования самого сообщества — последствиям.

Легенда о хазарской дани

Недатированную часть «Повести временных лет» завершает несколько странная легенда, породившая множество различных, порой взаимоисключающих, интерпретаций. Это предание Н. М. Карамзин назвал «басней, изобретенной уже в счастливые времена оружия Российского, в X или XI веке». Недаром она часто привлекалась историками оружия как одно из первых отечественных свиде-

тельств о различиях в вооружении руси и хазар. При этом подчеркивалось, что меч был своего рода военной эмблемой Руси.

Сообщение же о хазарской дани воспринималось как довольно точное описание более или менее реального события, а «противоположение однолезвийной сабли и двухлезвийного меча» подтверждалось множеством археологических примеров. В то же время авторы подобных рассуждений вынуждены были признавать, что «настоящая» сабля, появившаяся в IX–X вв., все-таки составляла серьезную конкуренцию мечу. Тот обладал рядом преимуществ в пешем бою, однако заметно уступал сабле в конных столкновениях. В южных регионах Киевской Руси княжеским дружинам чаще всего приходилось сражаться с отрядами кочевников. Поэтому здесь наряду с мечами, все больше приспосабливавшимися к кавалерийскому бою, стали широко использоваться сабли, заимствованные из арсенала противника.

Кроме того, оказалось, что не только сабля, но и меч «не имеют местных корней в культуре предшествующей поры». До конца X в. большинство мечей в землях восточных славян были привозными, изготовленными в мастерских Рейнской области. Это подтверждается не только археологическим материалом, но и письменными источниками. Так, арабоязычные авторы отмечают, что русы (в отличие от вооруженных преимущественно копьями, дротиками и стрелами славян) не расстаются с *франкскими* мечами (ср. у Ибн-Русте: «Мечи у них [славян] сулеймановы»).

Вместе с тем, меч вовсе не был чужд хазарским воинам. Достаточно вспомнить упоминания меча в отрывке из письма неизвестного хазарского еврея X века (так называемый Кембриджский документ), в частности рассказ о том, как некий Бул-ш-ци (он же «досточтимый Песах») «... спас казар от руки RWSW [Руси]. Он поразил всех, кого он нашел из них, ... мечом», а также свидетельство, что «один еврей одержал победу своим мечом и обратил в бегство врагов, выступивших против хазар» и упоминание «об уцелевших от меча» (имеются в виду враги хазар) в письме еврейского сановника Хасдая ибн-Шафрута к хазарскому царю Иосифу.

Вряд ли летописец не знал об этом. Легендарные опасения, вложенные им в уста хазарских старцев, видимо, относились вовсе не к «тактико-техническим данным» различных видов холодного оружия. Наверное, поэтому в последние годы исследователи древнерусского оружия все реже вспоминают о «хазарской дани».

Буквальное понимание рассказа о выплате полянами хазарской дани именно мечами затруднялось и тем, что в другом месте Повести временных лет (под 6367/859 годом) утверждалось, что в качестве таковой каганат получал «по беле и веверице от дыма». То, что дань хазарам выплачивалась славянами в денежной, а не в натуральной форме подтверждает и летописная статья 6393/885 года. Здесь рассказывается о том, как радимичи начали платить дань Олегу «по щьлягу, якоже [и] Козаромъ да[я]ху». Возможно, поэтому многие историки и литературоведы рассматривают эту легенду лишь как образ, метафорически или аллегорически передающий субъективную оценку каких-то реальных событий или отношений. Так, В. О. Ключевский полагал, что предание о мечах, данных в качестве дани, передавало субъективное впечатление, которое произвели на днепровских славян захватившие их хазары («впечатление народа невоинственного и нежестокого, мягкого»). В. Г. Мирзоев же видел в этой истории просто иллюстрацию к представлению летописца об изменчивости «судьбы истории». В чем-то близок такой точке зрения взгляд Г. М. Бараца, полагавшего, что «этот вымысел» сложился «под влиянием еврейских понятий» об обоюдоостром мече «как эмблеме и орудии правосудной кары и отмщения за содеянное зло» (неясно, правда, какое).

Несколько иное толкование легенда о хазарской дани получила в комментариях Д. С. Лихачева. По его мнению, это — народное историческое предание, которое подобно другим преданиям, записанным летописцем, «политически осмысляет события прошлого». В данном случае, считал Д. С. Лихачев, летопись «не столько стремится передать исторический факт, сколько его осмыслить, соотнести с современностью». С такой трактовкой сюжета о дани вполне можно согласиться. Остается неясным лишь, *как* мудрые «старцы хазарские» сумели разгадать в необычной дани «великую историческую судьбу» полян?

Близкую точку зрения высказал Б. А. Рыбаков. Он назвал рассматриваемое сообщение «записью эпического сказания». Дань в виде меча «от дыма» трактуется им как символическое выражение полной независимости полян от хазар и «возможность силой оружия отстоять ее». С такой трактовкой легенды о хазарской дани соглашается и С. А. Плетнева. В данном случае, полагает она, мы имеем рассказ о последнем «полюдье» хазар в полянскую землю. Получив вместо дани символический вызов («не мир, но меч!»), хазары якобы

«отступились от сильного и далекого народа». Однако сами поляне, видимо, такого взгляда не придерживались, поскольку на протяжении многих лет все-таки платили хазарам дань — и не символическую. Об этом, в частности, они говорят (под 6370 годом) Аскольду и Диру, когда те пришли в Киев («и мы седимъ, платяче дань... Козаром»).

В несколько ином освещении упоминает легенду о хазарской дани А. С. Демин. Он толкует это предание как один из примеров использования летописцем загадок для отделения «не своего», «околного» этноса (хазар) в переходной области, населенной не абсолютно «чужими», но и не совсем «своими» народами.

Ни одно из приведенных объяснений не дает, однако, ответа на вопрос: какой все-таки смысл вкладывал летописец в образы меча и сабли, противопоставляемые в легенде о хазарской дани? Видимо, автора летописи в данном случае интересовали не буквальное противопоставление конкретных видов холодного оружия, не символическая декларация полянами собственной независимости, подкрепленная «превосходством» вооружения, и не политическое противопоставление полян Хазарскому каганату, получающие аллегорическое воплощение в оппозиции «меч — сабля».

Возможно, в данном случае имеется в виду оружие как святыня. Известно, что мечи на Руси выполняли — помимо основной — определенные сакральные функции.

Видимо, в связи с этим уместно вспомнить, что не только у восточных славян, но и у народов Западной и Центральной Европы (христиан, в том числе) меч был объектом культового поклонения.

Известно, однако, что клинки большинства мечей IX–XIV вв., найденных на территории Руси, имели надписи-клейма. Они инкрустировались в верхнюю треть дола меча во время ковки, в горячем состоянии металлической проволокой (железной или дамаскированной). Как показали многолетние исследования, клинковые надписи, представляющие собой, как правило, довольно сложные сокращения, имеют преимущественно религиозное содержание и связаны с именами Иисуса или Богоматери. Это дает основания предполагать, кроме всего прочего, что упоминание именно лезвий меча и сабли в легенде о дани, которую поляне заплатили холодным оружием, могло иметь какой-то сакральный смысл, до последнего времени ускользавший от внимания исследователей.

Поскольку рассказ о хазарской дани входил в состав уже самых ранних древнерусских летописей, возможно, рассматриваемое сообщение было связано с задачей, которая стояла перед их составителями, и соответствовало контексту, в который оно было вплетено. В этом семантическом ряду, видимо, и следует искать место легенде о хазарской дани.

Идея, которой проникнут текст Повести, предшествующий рассказу о хазарской дани, вполне соответствует центральной мысли Послания ап. Павла к Римлянам. В нем дается ответ на вопрос об условиях спасения римских христиан из иудеев и язычников. Лишь вера в Иисуса Христа, утверждает ап. Павел, дает человеку оправдание Божие. Ни соблюдение иудеями закона Моисея, ни мудрость «еллинов» не могут выполнить этой задачи. «Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую». Эта мысль, как мы помним, является «стержневой» в уже рассмотренном рассказе о полянах и их соседях.

Логично было бы ожидать, что вслед за описанием «законов беззаконьных» язычников должно последовать обличение формально исполняющих Закон, но не признающих Христа иудеев. Вместо этого мы читаем посторонний, как будто, для данного контекста рассказ о хазарской дани. Правда, хазары (прежде всего, их верхушка) были иудеями, но, пожалуй, такой параллели недостаточно, чтобы попытаться увязать по смыслу оба интересующих нас текста. Во всяком случае, на первый взгляд.

Анализ образной системы Послания к Римлянам позволяет, однако, более оптимистично смотреть на возможность его использования в качестве «ключа» к раскрытию семантики легенды о хазарской дани. Среди прочих обязанностей христианина ап. Павел называет покорность верующего высшим властям: «ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены». «Хочешь ли не бояться власти? — продолжает апостол. — Делай добро, и получишь похвалу от нея: Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся: ибо он не напрасно носит меч; он Божий слуга, отмститель в наказание делающему зло. И потому надобно повиноваться не только из страха, но и по совести. Для сего вы и подати платите: ибо они Божии служители, сим самым

постоянно занятые» (Рим 13 1, 3–6). Как видим, здесь присутствуют вместе образы меча, как символа власти от Бога, и подати (дани), как знака веры (исполнения закона). Кстати, по мнению А. А. Шахматова, комментированная цитата именно из 13 главы послания к Римлянам предваряла рассказ о полянах в Начальном своде.

В свете приведенных текстов, поляне в легенде о хазарской дани выступают, с одной стороны, как истинно верующие (в отличие от хазар)[1], а потому подчиняющиеся власти хазарского «князя» и платящие ему дань. С другой же, — как избранные Богом, сами потенциальные «Божии служители», которые «не без ума» носят мечи — символ власти. Отсюда — и заключение хазарских старцев: «Си имуть имати дань на нас и на инех странах». Противопоставление полян с их мечами иудеям-хазарам в такой трактовке вполне объяснимо.

Остается, однако, вопрос: какую роль в развитии данного сюжета и идеи играет сабля, почему именно она рассматривается летописцем в оппозиции мечу?

Обратим внимание на то, что такое противопоставление основано, как ни странно, на количестве лезвий. «Мы ся доискахомъ оружьемь *одиною стороною..*, а сихъ оружье *обоюду остро*», — говорят в Повести старейшины хазарам. Причем, эти слова они «рекоша... от Божья повеленья». Очевидно, данный признак был весьма существенным в глазах авторов Начального свода и Повести временных лет.

Прежде всего, «меч обоюдуострый» — один из атрибутов богоизбранного народа. При таком понимании образа меча, имеющего два лезвия, допустимо следующее понимание легенды о хазарской дани.

Старцы по-своему разгадывают загадку, заданную полянами хазарам. Противопоставляя полянский меч своей сабле, они «не отъ своея воля» признают превосходство христианства над иудаизмом, «двух лезвий» нового меча духовного (Ветхий и Новый заветы) над «одним лезвием» Ветхого завета. Рассказ о дани занимает тогда вполне ясное место в повествовании о том, «како избьра Богъ страну нашю на последьнее время». Понятнее становится и библейская параллель, приведенная летописцем в заключение этой легенды: «Яко и при Фаравоне, цари Еюпетьстемь, егда приведоша

[1] Естественно, речь здесь не идет о том, что поляне исповедовали христианство. Просто текст летописи написан православным, считающим себя потомком и «правопреемником» полян на богоизбранность.

Моисея предъ Фаравона, и реша стареишина Фараоня: се хочеть смирити область Еюпетьскую, якоже и бысть: погибоша еюптяне от Моисея, а первое быша работающе имъ. Тако и си — владеша, а послеже самемъ владеють; якоже и бысть: володеють бо Козары Русьскии князи и до днешнего дьне». Обретение Слова Божьего, по мнению летописца, — залог освобождения народа и лучшее знамение его избранности Богом. Принадлежность же такого «меча» именно полянам, а не хазарам, может подкрепляться утверждением ап. Павла, что «спасение Божие послано язычникам: они и услышат» (Деян 28 22–28).

Таким образом, противопоставление меча и сабли в легенде о хазарской дани, скорее всего, рассматривалось авторами Древнейшего и Начального сводов, а также «Повести временных лет» как символическое доказательство преимущества христианства над иудаизмом.

Итак, речь здесь идет об условиях обретения спасения. Основная идея обоих рассказов практически совпадает с основной идеей послания ап. Павла к Римлянам, цитата из которого предшествовала рассказу о полянах. В этом контексте и разрешается загадка обоюдоострого меча из легенды о хазарской дани — а заодно проясняется и вся структура начальной, недатированной части Повести временных лет.

В этом контексте и разрешается загадка обоюдоострого меча из легенды о хазарской дани — а заодно проясняется структура и смысл преданий, включенных в начальную, недатированную часть «Повести временных лет».

Аскольд и Дир

В датированной части «Повести временных лет» имеется очень краткое сообщение о том, как в Киеве появились правители-варяги. Это якобы были приближенные легендарного Рюрика: «В лето 6370 [862] ... бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родом своим. И придоста по Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок. И упрошаста и реста; «Чий се градок?». Они же реша: «Была суть 3 братья: Кий, Щек, Хорив, иже сделаша градоко сь, и изгибоша, и мы седим, род их платяче дань, козаром». Асколд же и Дир остаста въ граде семь, и многи варяги съвокуписта, и начаста владети польскою землею». Впрочем, этот рассказ имеет все признаки вставки.

С именами Аскольда и Дира летописец связывает первое известие о походе Руси на Константинополь. Этот рассказ был заимствован при составлении «Повести временных лет» из болгарского перевода продолжателя греческой «Хроники» Георгия Амартола. Правда, имена Аскольда и Дира в греческой хронике не упоминались и были внесены туда летописцем произвольно.

Помимо всего прочего, этот рассказ любопытен еще и тем, что показывает, насколько опасно доверяться ранней летописной хронологии. Дело в том, что первоначально, сообщение о походе на греков, видимо, имело только относительную дату: «в 14 лето Михаила» (имеется в виду византийский император Михаил III. Абсолютная дата — 6374 год, — очевидно, была рассчитана искусственно, отталкиваясь от первой даты, которая открывает датированную часть «Повести временных лет»: «Въ лето 6360, индикта 15 день, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо уведахом, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгород, яко же пишется в летописаньи гречьстемь». 6360-й год был взят из греческого «Летописца вскоре» патриарха Никифора (в «Хронике» Георгия Амартола годовые даты не проставлены). Летописец, однако, не подозревал, что в этом источнике была использована так называемая болгарская эра, насчитывавшая 5504 года от Сотворения мира до Рождества Христова. Соответственно, 6360 год от Сотворения мира соответствовал 856 г. в нашей системе летосчисления, когда Михаил III достиг совершеннолетия и стал полноправным императором (правда, его мать, императрица Феодора не сложила с себя функций регентши и еще 9 лет оставалась соправительницей сына). Между тем, 14-й год правления, указанный в летописном сообщении о походе Аскольда и Дира, явно отсчитывался от 842 г., когда после гибели отца двухлетний Михаил был провозглашен императором. Таким образом, оба летописных сообщения — о начале правления Михаила и о походе Аскольда и Дира — имеют одну дату: 856 год.

Некоторые историки, опираясь на поздние и малонадежные источники, пытаются объявить Аскольда и Дира прямыми наследниками легендарного Кия, представителями уже упоминавшейся династии «Киевичей». Существование этой «княжеской династии» основывается на сведениях польского историка XV в. Яна Длугоша, который писал, что летописные киевские князья Аскольд и Дир, убитые Игорем, были потомками Кия. Это сообщение Длугоша было

использовано в работах Д. И. Иловайского (кстати, весьма вольно обращавшегося с фактами) и М. С. Грушевского (стремившегося во что бы то ни стало доказать существование особого украинского этноса уже в IV в.); прибегал к ним в своих исторических реконструкциях и А. А. Шахматов. Впрочем, эта точка зрения в последнее время редко находит поддержку у специалистов.

Б. А. Рыбаков высказал, кроме того, догадку, что появление имен Аскольда и Дира в летописи есть следствие ошибки одного из ранних летописцев. На самом деле якобы в первоначальном тексте речь шла об одном киевском князе — Асколдыре или, точнее, Осколдыре. Такое прочтение летописного текста — результат предположения, не имеющего текстологического основания. Оно, однако, позволило Б. А. Рыбакову «установить» славянскую этимологию имени Аскольда (как давно доказано, безусловно скандинавского) от р. Оскол. Название же этой реки, в свою очередь, связывалось Б. А. Рыбаковым со *сколотами,* упоминаемыми Геродотом. Те якобы были славянами (вопреки самому Геродоту, писавшему, что сколоты именуют себя *скифами),* которые позднее стали называть себя *русью.*

Между тем, упоминание Яном Длугошем родственных связей Аскольда и Дира с легендарным Кием вызывает серьезные сомнения. По мнению В. Я. Петрухина, «Ян Длугош не был настолько наивен, насколько наивными оказались некоторые современные авторы, некритично воспринявшие его построения. Дело в том, что польский хронист стремился обосновать претензии Польского государства на Киев и поэтому отождествил киевских полян с польскими, Кия считал «польским языческим князем» и т. д.». Следовательно, никаких оснований полагать, что Аскольд и Дир принадлежали к «династии Киевичей» (или даже просто были славянами), у нас нет.

Предание о том, как Киев стал столицей

Самые ранние — уже собственно исторические — предания о первых правителях Киева связаны с именами Олега и Игоря. Их обоих принято титуловать князьями. Однако, как показал анализ ранних летописных текстов, первоначально Олег «числился» лишь регентом при малолетнем Игоре: во всех сообщениях они упоминались только вдвоем. Потом, когда создатель «Повести временных лет» вставил договоры с греками, в которых Олег предстает самостоятельным действующим лицом, летописные сообщения были изменены: Олег стал называться князем.

Первым важным событием в жизни этого «князя» стал захват Киева: «И седе Олег княжа въ Киеве, и рече Олег: „Се буди мати городом русьским“».

Последняя фраза Олега обычно рассматривается едва ли не как протокольно точная. Она уже давно стала общим местом в рассказах об образовании Древнерусского государства. Собственно, описанные выше события, как правило, и рассматриваются как происшедшее объединение северных (новгородских) и южных (киевских) восточнославянских земель в единую Киевскую Русь. Причем, именно Киевскую, поскольку заявление Олега о том, что Киев будет теперь «матерью город русских», рассматривается как учреждение здесь столицы единого государства.

Однако смысл этой «речи», вложенной летописцем в уста Олега, не так прозрачен, как это кажется на первый взгляд.

По мнению Д. С. Лихачева, «слова Олега имеют вполне точный смысл: Олег объявляет Киев столицей Руси (ср. аналогичный термин в греческом: μητρόπολις — мать городов, метрополия, столица)» — и ничего более. Между тем, Киев здесь явно отождествляется с Новым Иерусалимом. Об этом говорят текстологические параллели, которые мы находим как в Св. Писании (ср., напр.: «вышний Иерусалим... *Матерь всем нам*». — Гал 4 26), так и в древнерусских апокрифических памятниках. В частности, в одном из вариантов духовного стиха о Голубиной книге на вопрос «премудрому царю Давыду Евсеичу»: «А который город городам мати...?» следует ответ: «Русалим [!] город *городам мати*». Аналогичное отождествление встречаем и в варианте самой «Голубиной книги», и в «Иерусалимской беседе» (XII в.). В последней царь Давид загадывает загадки богатырю Волоту Волотовичу об устройстве Вселенной, о христианских древностях и символах. Здесь Иерусалим также называется матерью всех городов, а затем дается разгадка сна Волота: «Будет на Руси град Иерусалим начальный [в данном случае — «верховный'], и в том граде будет соборная и апостольская церковь Софии Премудрости Божия о семидесяти верхах, сиречь Святая Святых». В этой «разгадке», очевидно, речь идет о Киеве.

Однако самой сильной параллелью является, видимо, упоминание рассматриваемого фразеологизма в Житии Василия Нового, которое, как было установлено, использовалось при составлении Повести временных лет. В Житии «мати градом» упомянута дважды — в одном и том же контексте. Первый фрагмент помещен в Видении

Григория: «... Град сии есть град Царя великаго... Град же сии есть Господа нашего Исуса Христа, его же Сам по совершении Своем по оустроению таинства, ибо въстание Его тридневное и възнесшюся Емоу на небо ко Отцю и Богу, по четыридесятих же днии сего Сам Себе во имя Отца Своего оухитрова... Град тои предивныи, град новыи, град христианскии, град вышнии, м а т и г р а д, Сион град, Новыи Иерусалим: се имя граду...». И далее: «... И призре Господь Бог на град и оутвердися дивне на месте и вся благаа его посреде его и добрее града того не обреташеся, занеже сии град Божии вышнии, м а т и г р а д о м Сион, Иерусалим».

Приведенные параллели летописному упоминанию «матери градомъ русьскимъ» позволяют думать, что Киев здесь не просто называется столицей Руси, но центром православного, богоспасаемого мира. Недаром в Житии Василия Нового уточняется: «*вся благаа* его *посреде* его». Подобная фраза встречается в тексте «Голубиной книги», восходящем к домонгольскому времени: об Иерусалиме — прообразе Киева говорится, что «тут у нас *среда земли*». Действительно, на средневековых картах типа О–Т Иерусалим располагался в самом центре мира.

Косвенно эту мысль прекрасно подтвердил А. В. Назаренко, обративший внимание на то, что «обретение» создаваемым Олегом столицы, каковой, вне всякого сомнения, представляется Киев уже в XI в., является редким исключением в средневековой европейской истории. При этом подчеркивается, что все «столичные» эпитеты Киева, встречающиеся в источниках, ясно указывают на «воспроизведение константинопольской модели».

В то же время, утверждение, что Киев в глазах создателей первых древнерусских летописных сводов мог претендовать на роль «третьего Рима» и — главное — «Нового Иерусалима», вызывает вполне оправданные сомнения. Традиционно считается, будто мысль о «переносе» центра христианского мира на Русь могла возникнуть лишь после падения Константинополя в 1453 году. Поэтому представления о Третьем Риме и Новом Иерусалиме связываются только с Москвой, хоть иногда и упоминаются ее «идейные предшественники»: Тырново и Тверь, — но не Киев.

Тем не менее, уже рассмотренные нами тексты Повести временных лет подтверждают мысль о значительно более раннем бытовании на Руси представления о присутствии именно здесь Нового Иерусалима. Дальнейший анализ исторических преданий, включенных

в состав «Повести временных лет», показывает, что эта идея была одной из базовых при написании летописных текстов. В частности, это касается последующих преданий об Олеге.

Вещий Олег

Как уже отмечалось, придание Олегу не свойственного ему изначально княжеского статуса (по мнению А. А. Шахматова, еще в «Начальном своде» тот фигурировал лишь как воевода Игоря), было связано с тем, что создателю «Повести временных лет» удалось найти и вставить в свою летопись договоры Руси с греками, в которых Олег фигурировал как «первое лицо».

После захвата Киева Олег, согласно «Повести», подчинил, помимо полян, деревлян, северян и радимичей, «а съ уличи и теверци имяше рать».

6415-м (907) годом летописец датирует поход Олега на Константинополь–Царьград. Сама дата похода, видимо, была заимствована из самого текста первого договора с греками. Результатом этого набега и стало якобы заключение договора. Это событие, однако, сопровождалось довольно странными обстоятельствами: «И повеле Олег воем своим колеса изделати и воставляти на колеса корабля, и бывшю покосну ветру, въспя парусы съ поля, и идяше къ граду. И видевше греци, и убояшася, и реша, выславше ко Олгови: „Не погубляй града, имемся по дань, якоже хощеши". И устави Олег воя, И вынесоша ему брашно и вино, и не приа его; бе бо устроено со отравою. И убояшася греци, и реша: „Несть се Олег, но святый Дмитреи, послан на ны от Бога". И заповеда Олег даяти на 2000 корабль по 12 гривен на человек, а в корабли 40 мужь. И яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкые земли. Олег же, мало отступи от града, нача мир творити со царьма грецкима, со Леоном и Александром...».

После заключения договора, как пишет автор «Повести», «рече Олег: „Исшиите парусы паволочиты руси, а словеном кропиньныя". И бысть тако. И повеси щит свои въ вратех, показуа победу, и поиде от Царяграда. И воспяша парусы паволочиты, а словене кропиньны, и раздра à [их] ветр; и реша словени: „Имемся своим толстинам, не даны суть словеном пре кропинныя". И приде Олег к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Олга вещий: бяху бо людие погани и невеигласи».

Практически все исследователи давно уже сошлись во мнении, что все эти детали похода имеют фольклорное происхождение: упоминания о поставлении кораблей Руси на колеса, о парусах из драгоценных материй, сшитых для руси и славен, о том, как на ворота города был повешен щит (или щиты), а также о прозвании Олега Вещим. Скорее всего, когда-то они составляли единый рассказ. Правда, единства сюжета в них как будто не прослеживается. Связь между перечисленными фрагментами становится понятной при обращении к ветхозаветным пророкам.

Итак, после заключения мира с греками князь якобы приказал сшить «парусы паволочиты» и «кропиньныя», т. е. паруса из ценных шелковых тканей. Мнение А. С. Львова о том, что в данном случае речь идет о парусах, сшитых из крапивной (сделанных из волокон крапивы) ткани не получила поддержки у специалистов. Дело в том, что А. С. Львов исходил не столько из собственно филологических оснований (как это, скажем, делал А. А. Шахматов, не принявший точку зрения И. И. Срезневского о том, что форма *кропииные* возникла из *коприиные*, «шелковые»), сколько из буквального понимания текста и собственного здравого смысла: «Едва ли ветер так легко может разодрать шелковую ткань. В самом деле, здесь речь, должно быть, идет о ткани из волокон крапивы — наименее устойчивой, которую ветер легко мог разодрать». При этом, правда, ему приходилось делать одно небольшое допущение: «Обычай ткать из крапивной пряжи холст *мог существовать* и в древней Руси». Тем не менее, такое решение не снимало формально-логического противоречия: «Правда, немного странно то, что после того, как ветер разодрал пря кропиныя, словене взялись за тълстины, т. е. за парус из простого и грубого холста. Чем лучше холст из крапивы холста из конопли или льна?»

Приказание несколько странное: на первый взгляд, такие роскошные паруса вряд ли могли быть достаточно прочными (на самом деле, они гораздо прочнее *на раздир*, нежели парусиновые). И славяне скоро убедились в этом, когда ветер «раздра» их.

Смысл этого рассказа неясен. Попытки истолковать его как насмешку киевлянина над новгородцами, или как проявление недовольства новгородцев, «подчеркнувших свое невидное положение в войске Олега, простоту и суровость своего походного быта» (Д. С. Лихачев), вряд ли можно принять. Ведь из текста летописи следует, что если руси Олег приказал сшить паруса «паволочитые»

(т. е. из ткани, вышитой шелком), то «словеном — кропиньныя», из коприны — шелка. Разница, как видим, здесь почти неощутимая, если она вообще есть. Да и разделение руси и словен здесь не носит, скорее всего, принципиального характера.

Столь необычная деталь, как паруса из дорогих тканей, встречается и в Библии. Пророк Иезекииль, обличая тирян (Иез 27 1–22), среди прочих излишеств упоминает узорчатые полотна из Египта, которые те употребляют для изготовления парусов. Совпадают с отдельными моментами в описании похода Олега в Греки и некоторые другие детали того же пророчества. В частности, Иезекииль говорит о воинах из Персии, Лидии и Ливии, взявших на себя защиту Тира, в знак чего они повесили на него «щит и шлем». Олег, как мы помним, тоже «повеси щит свои въ вратех». Кстати, объяснить, зачем Олег повесил свой щит на ворота Константинополя, долгое время не удавалось. Отмечалось только, что это «было, по-видимому, в древней Руси знаком победы, при этом связанный с каким-либо ритуалом» (Д. С. Лихачев). Основанием для такого мнения служит разъяснение, приведенное в самой Повести: щит (или щиты) повешен, «показающе победу». Однако, во-первых, слово «победа» в X–XII вв. имело гораздо более широкий спектр значений: от «*поражения*» до «*победы*». И, во-вторых, по наблюдению А. С. Львова, все слова с основой *побед-*, встречающиеся в ПВЛ, являются «книжными» и используются в тех случаях, когда летописец стремился «излагать мысль так же, как и в церковных книгах».

В «библейском» же контексте эта деталь приобретает вполне определенное значение: Олег тем самым показывал, что берет город под свою защиту.

С этим вполне согласуется вывод А. Л. Никитина, сделанный на основании «здравого смысла» (очевидно, отличающегося от «здравого смысла» Д. С. Лихачева): «В тексте рассказа можно найти еще одно доказательство мирных намерений Олега, по традиции толкуемое в прямо противоположном смысле: упоминание о его щите и щитах его сподвижников, вывешенных „на воротах“ (т. е. на воротных башнях) Константинополя, „показающе победу“. Если использование колес и повозок для перевозки судов, в том числе и при осаде городов, хорошо известно, то в этом случае мы никаких аналогов не находим. Наоборот, различные знаки, изображения и предметы, которые помещали на башнях и воротах крепостей, выполняли роль талисманов и оберегов, служили защитой от врага

и злоумышленника, будучи в прямом смысле слова «щитом» городу и его жителям. С той же целью над городскими воротами помещали иконы, кресты и гербы. Кроме того, как показал Я. К. Грот, выражение „поднять щиты“ для предводителя одной из воюющих сторон в ту эпоху означало призыв к перемирию и началу переговоров. Поэтому можно утверждать, что, вешая свои щиты на башнях Константинополя, „русы“ объявляли о готовности отныне защищать этот город вместе с его обитателями. Если вспомнить, что вскоре в византийской армии появляются отряды „русов“ (морская экспедиция на Крит 911–912 гг.), а сами греки наименовали Олега „святым Димитрием“, то подобное утверждение вряд ли покажется слишком смелым».

После эпизода с парусами сообщается: «И приде Олег к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье». В пророчестве же Иезекииля говорится, что за товары, вывозимы из Тира, другие страны платили золотом, пурпурными и узорчатыми тканями, пшеницей, оливковым маслом, сластями, медом, вином и выделанным железом. Эти перечни совпадают практически полностью.

Таким образом, мы наблюдаем вполне определенное сближение у летописца деталей в описании похода Олега и в пророчестве Иезекииля.

Зачем же понадобилось такое отождествление языческой Руси и Тира[1]?

В то же время эпизод с парусами, видимо, подчеркивал, что Русь никогда не достигнет мощи и богатства финикийского города («не даны суть словеном пре кропииньныя»). Быть может, основная идея этого летописного рассказа перекликалась с продолжением пророчества Иезекииля, посвященным обличению «начальствующего в Тире» (Иез 28 17)? Тема обличения — гордость и дерзость правителя, поставившего «ум свой наравне с умом Божиим»: «От красоты твоей возгордилось сердце твое, — утверждает Иезекииль, — от тщеславия твоего ты погубил мудрость твою; за то Я повергну тебя на землю, перед царями отдам тебя на позор».

---

[1] Отождествление Руси с Тиром, возможно, восходит к Иосифу бен Гориону (IX–X вв.) автору «Иосиппона». Знакомство одного из летописцев с его трудами подтверждается, по крайней мере, двумя обширными цитатами из этого произведения, обнаруженный в недатированной части Повести.

Такое решение, однако, оставляет без ответов целый ряд вопросов. Во-первых, неясно, от кого (или от чего) должен был защищать Олег столицу Византии. Во-вторых, непонятно, почему вид кораблей, поставленных на колеса, заставил греков сдать Константинополь.

Интересную трактовку описанным библейским параллелям дает Д. А. Добровольский. Он предположил, что летописец использовал образ Тира для описания Византии. Смысл такого уподобления «помогал книжникам осмыслить несомненный парадокс: победу слабовооруженного войска полудиких славян над регулярной армией, оснащенной разнообразными техническими новинками. Оправданный пророчеством, этот странный поворот истории приобретал статус божественной воли, и, соответственно, высший религиозный смысл». При этом выстраивались семантические параллели: «Русь — страна Савеев, управляемая известной своей мудростью царицей, а Византия, важнейший центр предпринимательства, культуры и техники, представляет собой новый Тир».

Подробные списки племен-участников военного мероприятия, открывающие статьи 6415 (907) и 6453 (944) гг., по мнению Д. А. Добровольского, связаны с перечислением в пророчестве Иезекииля войск Гога, «князя Роша, Мешеха и Фувала»: «и выведу тебя, и все войско твое, коней и всадников, всех в полном вооружении, большое полчище, в бронях и со щитами, всех вооруженных мечами, Персов, Ефиоплян и Ливийцев с ними, всех со щитами и в шлемах, Гомера со всеми отрядами его, дом Фогарма, от пределов севера, со всеми отрядами его, многие народы с тобою» (Иез 38 4–6). При этом, подобно многолюдным полчищам Гога, отряды русских князей «покрывают» собой огромные пространства:

Повесть временных лет	Книга пророка Иезекииля
«се слышавше Корсунци, послаша къ Раману глаголюще: „Се иде Русь — бе-щисла корабль: *покрыли суть море* корабли“».	«И поднимешься, как буря, пойдешь, как туча, *чтобы покрыть землю*, ты и все полчища твои и многие народы с тобою» (Иез 38 9).

Судя по этому, именно страна Магог является наиболее перспективным ветхозаветным соответствием к созданному летописцами образу Руси. Византия в данной связи — богоизбранный народ, своего рода Израиль христиан, впавший в грех, за что и наказывает его пришедшая под стены Константинополя Русь.

Этот вывод подкрепляется параллелью между сообщением, позаимствованным летописцем из Хроники Георгия Амартола, об использовании захваченных греков в качестве мишеней для стрельбы («иныя растреляху»). Эта деталь перекликается с целым рядом библейских образов, связанных с наказанием за грехи. Русь, таким образом, приобретает в глазах летописца высокий статус Господних слуг.

Показательно и то, что в описании бесчинств, которые творит Русь под стенами Константинополя, образы из Хроники Георгия Амартола в рассказе о походе Игоря на Царьград подкрепляются заимствованиями из Жития св. Василия Нового. Так в тексте Повести развивается тема наказания греков за содеянные ими грехи, — тема, которая гораздо яснее звучит именно в Житии Василия Нового. Как считает Д. А. Добровольский, «анализ книжных связей начальной летописи позволяет утверждать, что летописцы XI — начала XII в. целенаправленно строил образ Руси, атакующей Константинополь, по модели «Гога в земле Магог, князя Роша, Мешеха и Фувала». Под названную цель... специально подбирались материалы — выписки из переводных исторических сочинений и фрагменты библейских книг. Однако в Библии князь Гог является важным персонажем мифа о конце света, и может показаться парадоксальным, что «эсхатологический контекст» фактически «обернулся началом истории нового народа» — Руси. Но если вдуматься в особенности иудео-христианской эсхатологии, то ничего странного в подобном ходе мысли нет. Согласно Писанию, появление и разгром народов Гога и Магога должны стать не только знаком гибели нашего мира, но началом новых времен. У Иезекииля вслед за рассказом об истреблении огромного воинства следует подробная... картина восстановленного Храма, поднятого из руин Иерусалима и возрожденного Израильского царства (Иез 40–48). В Откровении Иоанна Богослова обсуждаемый сюжет непосредственно предшествует пророчествам о Страшном Суде, по исполнении которых человечество узрит «новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Откр 21 1). С точки зрения Церкви, конец света есть не прекращение всякой истории, а переход времени и бытия в принципиально новое качество обóжения. ... Видимо, и масштабные военные предприятия руси рассматривались средневековыми книжниками не как вселенская катастрофа, а как начало некоего принципиально нового

периода в истории человечества, периода осуществленных пророчеств и Царства Божия на земле».

Вернемся, однако, к обстоятельствам захвата Константинополя Олегом, описанным в летописи. В ней, в частности, упоминается, будто столица Византии сдалась, когда после длительной осады воины Олега поставили корабли на колеса и подошли к Константинополю со стороны суши. Описание это удивительно напоминает обстоятельства взятия Константинополя в 1453 г. войсками Мехмеда II Завоевателя: тот приказал проложить через перешеек, отделявший Золотой Рог от Босфора, деревянный настил и ночью перетащил по нему 18 кораблей своей флотилии. Увидев утром корабли в заливе, греки сдались. Интересно, что и в том, и в другом случае непосредственным поводом к сдаче города становится передвижение вражеских кораблей по суше. Эта деталь оказывается решающей. Видимо, она имела для греков какое-то особое значение. Действительно, согласно сообщению участника взятия Константинополя, турка Коджиа-Еффенди, существовало предание: Византия будет завоевана, когда неприятельский флот «переплывет сушу». Вместе с тем, считалось, что Константинополь недолго пробудет в руках неприятеля. В весьма авторитетном Предсказании, приписываемом византийскому императору Льву VII Мудрому (886–911), имелось упоминание о «роде русых» или «русских» (В оригинальном тексте «flava gens» или «το ξανϑον γενος»), который придет после завоевания Константинополя измаильтянами и вместе с прежними правителями якобы освободит Царьград от безбожных врагов. Ему вторило пророчество, записанное, по преданию, некими мудрецами на крышке гробницы Константина Великого. Это пророчество неоднократно упоминается в различных греческих источниках (напримет, объясняется сенатором Григорием Схоларием (1421), а также встречается в Видении монаха Даниила, Записке Лиутпранда о путешествии в Царьград в 968 г. и др.). Перевод этого предсказания приводится и во многих древнерусских рукописях.

По всем этим «предвещаниям», люди «от рода русского» должны были освободить христианскую столицу и взять ее под свою защиту. Упоминание представителей «рода русского» в греческих предсказаниях заставляет вспомнить первые строки договора с греками, заключенного в 6420/911 г. Олегом: «Мы от рода Рускаго...». Судя по всему, именно это предсказание и стало основой для того, чтобы Олег получил знакомое нам прозвище.

Договор Игоря с греками 6453/945 года начинается теми же самыми словами — при том, что описание бесчинств войск Игоря под стенами Царьграда в 6449/941 году текстуально совпадает с рассмотренными описаниями, связанными с Олегом...

При таком восприятии летописного рассказа проясняется странная — в традиционном прочтении — «защитная функция», которую берется выполнять Олег после падения Константинополя. Она становится более понятной в восстанавливаемом эсхатологическом контексте: христианская столица сдалась, когда неприятельский флот «переплыл сушу», но люди от «рода русского» взяли Город — до «последнего времени» — под свою защиту. Любопытно, что захватчиками-язычниками и защитниками оказываются одни и те же — воины Олега. Впрочем, не исключено, что это — следствие переноса на поход Олега ряда текстов, первоначально связанных с походом Игоря на Константинополь.

Таким образом, есть основания предполагать уже в 30-х годах XI в. начало формирования на Руси представления о Киеве как Новом Иерусалиме — центре спасения православного человечества. Мысль о «византийском наследстве» — пусть еще в неразвитом виде — вполне могла возникнуть задолго до падения Константинополя под ударами турок в 1453 г.

* * *

Завершает летописный рассказ об Олеге легенда о его смерти. Пересказывать ее вряд ли имеет смысл: с ней знакомы все, кто читал хотя бы пушкинскую «Песнь о Вещем Олеге». Сто́ит только добавить, что в основе ее лежит скандинавская сага об Орваре-Одде (Одде-Стреловержце): ««Вещунья предсказала норвежскому герою Орвару-Одду, что ему назначено роком 300 лет счастливой жизни, в продолжение которых он наполнит своею славою отдаленнейшие страны; но по истечении этого срока погибнет от своего коня, цветом пепельного и называющегося, от повислой гривы, Факсом. Орвар-Одд умертвил Факса и свергнул его в глубокий ров, зарыл его и сделал над ним большую насыпь из камней и дерна. Спокойный за свою будущность, Орвар-Одд отправился в далекие путешествия. Ровно через 300 лет воротился он в отечество. Многие места, покрытые прежде зеленью, поблекли и высохли; высохло и болото, в которое брошен был Факс, и не осталось никакого следа от могильной насыпи: лежала только голая и гнилая голова коня. «И это голова

Факса!» — сказал Орвар-Одд, ворочая ее копьем. Между тем ящерица выползла из конской головы и уязвила Орвара-Одда в пяту, откуда смертельный яд разлился по всему телу».

Помимо всего прочего, рассказ о смерти Олеге должен был напомнить читателю признак, отличающий истинных пророков от самозванцев: «Если пророк скажет именем Господа, но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорил сие слово, но говорил сие пророк по дерзости своей, — не бойся его» (Втор 18 20–22). Олег не понял загадку, загаданную ему волхвом, посчитав пророчество того несбывшимся, — и поплатился за свою дерзость. При этом сам Олег, несмотря на свое прозвище, не смог предсказать собственное будущее. Это еще раз подтверждало, что Вещим его назвали «люди погани и невеигласи».

Сообщение о смерти Вещего Олега под 6420 (912) годом сопровождает упоминание: «И плакашася люде вси плачем великим, и несоша, и погребоша [его] на горе, еже глаголеться Щековица. Есть же могила его и до сего дни». Впрочем, другие летописцы называют местом погребения Олега Ладогу, третьи утверждают, что он скончался где-то «за морем». Уточнение о том, что его могила «есть и до сего дне» сопровождает сообщения о кончине князей Игоря (под 6453 годом), Олега Святославича (под 6485 годом) и Святополка Окаянного (под 6527 годом).

Смысл столь противоречивых, с точки зрения современного читателя, свидетельств нуждается в специальном анализе и толковании. Очевидно, что значение этого выражения не сводится только к тому, что летописцу известна сама «могила» (т. е. могильный холм). Причем, как справедливо подчеркивал А. И. Попов, вовсе не обязательно, чтобы в могильной насыпи сохранялись останки погребенного князя. И после их «изъятия», за «могилой» сохранялись ее прежнее название, скажем, «Ольгова могила» или «Аскольдова могила» Скорее, это в первую очередь констатация самого факта смерти князя.

Любопытно, что текстологический анализ позволяет говорить о единой литературной основе описаний погребения Аскольда и Дира под 6390/882 г. («несоша на гору и погребоша и на горе»), Олега под 6420/912 г. («и с того разболеся и умре, и плакашася людие вси плачем великим, и несоша и погребоша его на горе») и княгини Ольги под 6477/969 г. («разболелась уже <…> по трех днехъ умре Ольга, и плакася по неи… людье вси плачемъ великомь, [и] несоша и погребоша ю на месте»), а потому и об их трафаретности.

Не исключено, что основой этих сообщений послужил апокрифический рассказ, приведенный в описании смерти Моисея у Иосифа Флавия: «Когда Моисей объявил, что ему пришло время умереть, весь народ еврейский пролил слезы <...> Со слезами все последовали за ним, когда он пошел на гору, где должен был умереть...». Знакомство русского летописца с «Иудейскими древностями», возможно, опосредованное через греческие хроники подтверждается наименованием в Повести временных лет царицы Савской правительницей Эфиопии: «Се же бысть, якоже при Соломане приде царица Ефиопьская к Соломану». Источником этой «ошибки» (на которой мы подробнее остановимся чуть ниже) является упомянутое сочинение Иосифа Флавия.

Такие параллели показывают, что, скорее всего, летописное «есть же могила и до сего дне» является аналогом библейского «точного адреса» погребения патриархов и соответствует по смыслу более раннему обороту, который применяется по отношению к Адаму, Сифу, Еносу, Каинану, Малелеилу, Иареду, Мафусаилу, Ламеху и Ною: «и он умер» (Быт 5 5, 8, 11, 14, 17, 20, 27, 31; 9 29). Это, кстати, вовсе не исключает возможности существования реальной (пусть и легендарной) могилы, которую могли видеть летописец и его современники. Так, скажем, с именем Олега в Киеве, как отмечал М. С. Грушевский, связывали сразу две «могилы»: на Щековице и у Жидовских (Львовских) ворот.

Фразеологизм «есть же могила и до сего дне» встречается исключительно в сочетании с именами князей-язычников. Единственное исключение составляет Святополк Окаянный. Это могло объясняться тем, что он был «беззаконными», и, как считают некоторые исследователи, не являлся христианином. Основанием для такой догадки полсужила, в частности, только что упоминавшаяся Эймундова сага. В ней Эймунд говорит о Бурислейфе (который традиционно идентифицируется со Святополком): «И слышал я, что похоже на то, что он отступится от христианства...» К этому можно добавить и точку зрения М. П. Сотниковой и И. Г. Спасского, которые в свое время высказали предположение, что крестильное имя Святополка — Петр — «могло быть для этого князя не просто христианским, но и католическим». «Впрочем, — добавляют эти авторы, — никакими данными о вероисповедании Святополка наука не располагает». К тому же, до разделения церквей в 1054 г. говорить о католическом вероисповедании Святополка вообще вряд ли возможно.

Впрочем, судя по всему, данный текст был написан уже после этой даты. Во всяком случае, как мы скоро убедимся, косвенные летописные характеристики Святополка подтверждают его «беззаконность» и вероотступничество...

По-видимому, исторической основой этого явился обычный для IX–X вв. курганный обряд погребения восточнославянских князей, выполнявших, возможно, не только государственные, но и жреческие функции. Вместе с тем такая связь позволяет слышать в этом обороте отголосок заклятия, лежавшего на тех, кто «преступил завет Господень, и сделал беззаконие» (Нав 7 15). Основанием могло служить описание гибели Ахана в долине Ахор. За нарушение священного запрета он был убит, «и набросали на него большую груду камней, которая уцелела *и до сего дня*» (Нав 7 25–26). Таким образом, данный фразеологизм дает историку информацию, которая не совпадает с его буквальным смыслом. Во всяком случае, его ли можно использовать как свидетельство, что летописцу действительно была известна могила того или иного персонажа и потому может использоваться как датирующий признак.

Такой вывод имеет серьезные последствия, ведь именно упоминание того, что могила Олега Святославича «есть и до сего дне у Вручьего», послужило одним из оснований для датировки Древнейшего (либо, если речь идет об оппонентах А. А. Шахматова, альтернативного ему) свода. А. А. Шахматов писал: «Сопоставляем следующие два места в тексте Повести вр[еменных] лет (Начального свода). Под 6485 (977) годом в рассказе о войне Ярополка с Олегом Древлянским, читаем: «И погребоша Ольга на месте у города Вручего, и есть могила его и до сего дне у Вручего». Под 6552 (1044) находим: «Выгребоше 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица». Следовательно, с 1044 года могила Олегова уже не существовала близ города Вручего; она была разрыта (если, действительно, Олег был погребен близ этого города), и останки Олега были перенесены в церковь св. Богородицы. Отсюда видим, что статья 6485 года, содержащая приведенную выше фразу, составлена до 1044 года. Этот вывод наш согласуется с тем, что Древн[ейший] свод доходил только до 1039 года; он составлен, очевидно, до 1044 года». Правда, А. Г. Кузьмин считал, что запись о смерти Олега могла существовать «параллельно» с сообщением о перенесении его останков — «в разных традициях»

Предания об Игоре

Рассказ о первом «законном» (и, судя по всему, вполне историческом) киевском князе, Игоре, оказывается гораздо лаконичнее. После весьма краткого упоминания о том, что после смерти Олега Игорю вновь пришлось «примучить» древлян и обложить их данью «болши Олговы», а затем удалось заключить мир с появившимися на восточных границах древнерусских земель печенегами, под 6449 (941) годом следует пространный рассказ о походе Руси на греков.

Многие детали этого похода совпадают с сообщением о походе на Царьград Олега.

О том, что действия Руси здесь соответствуют представлениям о том, как должны себя вести с христианами народы, появляющиеся в *последние времена* и наказывающие христиан за грехи, показывает использование этого же текста для описания в Лаврентьевской летописи монгольского нашествия на Рязанскую землю в 1237 г.: «В лето 6745. ... На зиму придоша от всточьные страны на Рѧзаньскую землю лесом безбожнии Татари, и почаша воевати Рязаньскую землю, и пленоваху и до Проньска. Попленивше Рязань весь и пожгоша, и кнѧзѧ ихъ оубиша. Ихже емше ѡвы растинахуть, другыя же стрелами растрелѧху в нѧ, а ини ѡпакы руце свѧзывахуть. Много же святыхъ церкви ѡгневи предаша, и манастыре и села пожгоша. Именья не мало ѡбою страну взѧша...».

То, что такой повтор не случаен, показывает рассказ той же Лаврентьевской летописи о том, как воспринималось нашествие иноплеменников: «*Си вся наведе на ны* [т.е., на нас] *Богъ грех ради наших*. Яко пророкъ глаголет: „Несть человеку мудрости, ни е мужства, ни есть думы противу Господеви. Яко Господеви годе бысть, тако и бысть. Буди имя Господне благословенно в векы“ [Иов 1 20–21]».

Итак, летописное повествование о походе Игоря на греков невозможно рассматривать в качестве достоверной информации о том, «как это было на самом деле».

Летописец завершает историю князя Игоря знаменитым преданием о том, как тот попытался вторично получить дань с древлян: «В лето 6453. В се же лето рекоша дружина Игореви: «Отроци Свеньлъжи изоделися суть оружьемъ и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». И послуша ихъ Игорь, иде в Дерева в дань, и примышляше къ первой дани, и насиляше имъ и мужи его. Возьемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущу же ему въспять, размысливъ рече дружине своей: «Идете съ данью домови,

а я возъвращюся, похожю и еще». Пусти дружину свою домови, съ малом же дружины возъвратися, желая больша именья. Слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: «Аще ся въвадить волкъ в овце, то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить». И послаша к нему, глаголюще: «Почто идеши опять? Поималъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкоръстеня деревлене убиша Игоря и дружину его». Завершается этот печальный рассказ уже рассмотренным нами оборотом: «И погребенъ бысть Игорь, и есть могила его у Искоръстеня града въ Деревехъ и до сего дне».

История с убийством Игоря находит подтверждение в греческой «Истории» Льва Диакона. Согласно ей, обращаясь к Святославу, император Иоанн Цимисхий якобы сказал: «Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который, презрев клятвенный договор[1] приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды. Не упоминаю я уж о его [дальнейшей] жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев[2], он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое».

Предания о княгине Ольге

Летописные предания о княгине Ольге, по признанию практически всех исследователей, имеют фольклорное происхождение.

Это, прежде всего, легенда о мести Ольги древлянам за смерть своего супруга.

По мнению Д. С. Лихачева, «Ольга говорит иносказательно о мести, послы же древлян не понимают иносказательного языка Ольги и воспринимают лишь поверхностный, прямой смысл ее речей, считая их лишь традиционной свадебной обрядностью». Овдовевшая княгиня как бы загадывает древлянам три загадки: о ладье, бане и пире — как элементах погребального обряда. Внешне обещая

[1] Считается, что здесь имеется в виду договор Руси с греками 911 г. Данное упоминание подтверждает достоверность летописных известий о походах Руси на Царьград.
[2] Упоминание о германцах загадочно. Полагают, что Лев Диакон хотел подчеркнуть, что это племя живет на западе Руси.

воздать послам почести, Ольга в прикровенной форме обрекает их на смерть. «Как это обычно бывает в сказках, — пишет Д. С. Лихачев, — женихи или сваты, не сумевшие разгадать загадки царевны-невесты, должны умереть».

Позднее, уже в «Повесть временных лет» было вставлено предание о четвертой мести Ольги. Аналогичное предание содержится в скандинавской саге о Харальде Суровом: «Когда Харальд приплыл на Сикилей, он воевал там и подошел вместе со своим войском к большому городу с многочисленным населением. Он осадил город, потому что там были настолько прочные стены, что он и не помышлял о том, чтобы проломить их. У горожан было довольно продовольствия и всего необходимого для того, чтобы выдержать осаду. Тогда Харальд пошел на хитрость: он велел своим птицеловам ловить птичек, которые вьют гнезда в городе и вылетают днем в лес в поисках пищи. Харальд приказал привязать к птичьим спинкам сосновые стружки, смазанные воском и серой, и поджечь их. Когда птиц отпустили, они все полетели в город к своим птенцам в гнезда, которые были у них в крышах, крытых соломой или тростником. Огонь распространился с птиц на крыши. И хотя каждая птица приносила немного огня, вскоре вспыхнул большой пожар, потому что множество птиц прилетело на крыши по всему городу, и один дом стал загораться от другого, и запылал весь город. Тут весь народ вышел из города просить пощады, те самые люди, которые до этого в течение многих дней вызывающе и с издевкой поносили войско греков и их предводителя. Харальд даровал пощаду всем людям, кто просил о ней, а город поставил под свою власть».

В данном случае очень трудно определить, кто у кого позаимствовал сюжет. С одной стороны, в скандинавской саге речь идет о зяте Ярослава Мудрого, супруге его дочери Елизаветы, и, следовательно, все описанное в ней происходит значительно позднее осады Искоростеня. С другой, — летописное сообщение о четвертой мести Ольги было записано только в начале XII в., причем еще в 90-х гг. XI в. его еще не было, а потому возможно и «обратное» заимствование. Правда, и сам Снорри писал свой труд еще позже, на рубеже XII–XIII вв. Кроме того, обычай присваивать землю, обнося ее огнем (а можно заподозрить, что именно он стоит за этим сюжетом), относится ко времени заселения Исландии, т. е. к 60-м годам IX в. А. Я. Гуревич подчеркивает: «О случаях насильственного захвата земли в период, когда в Исландии было очень легко приобрести владение

у первопоселенцев, «Книга о заселении Исландии» сообщает неоднократно. В то время как Семунд нес огонь вокруг своего владения (таков был способ присвоения земли в период заселения Исландии), Скефиль без его разрешения взял себе часть этой земли, совершив соответствующий обряд, и Семунду пришлось примириться с захватом. Пока Эйрик собирался обойти всю долину, чтобы установить над ней свои права, его опередил Онунд: он послал из лука зажженную стрелу и тем самым присвоил расположенную за рекой землю».

Аналогичный сюжет, как отмечала Е. А. Рыдзевская, — о взятии города при помощи подожженных воробьев — имеется в уэльском романе «Brut Tysilio», восходящем к «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, а также у Саксона Грамматика, который приводит два рассказа «о взятии города по искоростенскому способу». «Из них первый, о датском эпическом герое Хаддинге (Haddingus) локализован в Восточной Европе, по-видимому на Западной Двине (Hellespontus, Duna urbs), а второй — в Ирландии, причем Саксон ссылается здесь на военную хитрость, приписываемую им выше Хаддингу». В. Г. Васильевский же предложил в качестве дополнительной параллели ближневосточное предание об Александре Македонском и об эмире багдадском ибн Хосрове, о которых повествует армянский историк XI в. Стефан Таронский (Асохик). Причем, по мнению В. Г. Васильевского, «все это рассказывалось в Армении современно с пребыванием там и вблизи русского корпуса, почти современно с зимовками Варягов в Халдии, и тогда мы будем, по всей вероятности, гораздо ближе к родословной Гаральдовых птиц и Ольгиных воробьев и голубей».

Во всяком случае, до настоящего времени смысл легенды о четвертой мести Ольги не разгадан.

* * *

Однако центральное место среди летописных преданий об Ольге, несомненно, является история о ее крещении. Ольга стала первой древнерусской правительницей-христианкой. Впрочем, летописная история крещения прославленной древнерусской княгини носит явно легендарный характер.

О том, что Ольга действительно нанесла визит византийскому императору (правда, не Иоанну Цимисхию, как пишет летописец, а Константину VII Багрянородному), есть подтверждения в греческих источниках.

В частности, сам Константин Багрянородный рассказывает об этом так: «Девятого сентября, в среду состоялся прием... по случаю прибытия Русской княгини Ольги. Княгиня вошла со своими родственницами княгинями и избраннейшими прислужницами, причем она шла впереди всех других женщин, а они в порядке следовали одна за другою... Позади ее вошли апокрисиарии Русских князей и торговые люди и стали внизу у завес... Выйдя снова чрез сад, триклин кандидатов и тот триклин, в котором стоит балдахин и производятся магистры, княгиня прошла чрез оноπод и Золотую руку, т. е. портик Августея, и села там. Когда царь по обычному чину вошел в дворец, состоялся второй прием следующим образом. В триклине Юстиниана было поставлено возвышение, покрытое багряными шелковыми тканями, а на нем поставлен большой трон царя Феофила и сбоку царское золотое кресло. Два серебряных органа двух частей были поставлены внизу за двумя завесами, духовые инструменты были поставлены вне завес. Княгиня, приглашенная из Августея, прошла чрез апсиду, ипподром и внутренние переходы того же Августея и, вошедши, села в Скилах. Государыня воссела на вышеупомянутый трон, а невестка ее на кресло. Вошел весь кувуклий и препозитом и остиариями были введены ранги... Затем вошла княгиня (введенная) препозитом и двумя остиариями, причем она шла впереди, а за нею следовали, как сказано выше, ее родственницы-княгини и избраннейшие из ее прислужниц. Ей был предложен препозитом вопрос от имени Августы, и затем она вошла и села в Скилах. Государыня, вставши с трона, прошла чрез лавсиак и трипетон, вошла в кенургий и чрез него в свою опочивальню. Затем княгиня со своими родственницами и прислужницами вошла чрез триклин Юстиниана, лавсиак и трипегон в кенургий и здесь остановилась для отдыха. Когда царь воссел с Августою и своими багрянородными детьми, княгиня была приглашена из триклина кенургия и, сев по приглашению царя, высказала ему то, что желала. В тот же день состоялся званый обед в том же триклине Юстиниана. Государыня и невестка ее сели на вышеупомянутом троне, а княгиня стала сбоку. Когда стольником были введены по обычному чину княгини и сделали земной поклон, княгиня, немного наклонив голову на том месте, где стояла, села за отдельный стол с зостами по чину. На обеде присутствовали певчие церквей св. апостолов и св. Софии и пели царские славословия. Были также всякие сценические представления. В Золотой палате состоялся другой званый обед;

там кушали все апокрисиарии Русских князей, люди и родственники княгини и торговые люди и получили: племянник ее 30 милиарисиев, 8 приближенных людей по 20 мил., 20 апокрисиариев по 12 мил., 43 торговых человека по 12 мил., священник Григорий 8 мил., люди Святослава по 5 мил., 6 людей (из свиты) апокрисиариев по 3 мил., переводчик княгини 15 мил. После того как царь встал из-за стола, был подан десерт в ариститирии, где был поставлен малый золотой стол, стоящий (обыкновенно) в пектапиргии, и на нем был поставлен десерт на блюдах, украшенных эмалью и дорогими камнями. И сели царь, царь Роман Багрянородный, багрянородные дети их, невестка и княгиня, и дано было княгине на золотом блюде с дорогими камнями 500 мил., шести приближенным женщинам ее по 20 мил. и 18-прислужницам по 8 мил. Октября 18-го, в воскресенье, состоялся званый обед в Золотой палате, и сел царь с Руссами, и опять был дан другой обед в пентакувуклии св. Павла, и села государыня с багрянородными детьми ее, невесткою и княгинею, и дано было княгине 200 мил., племяннику ее 20 мил., священнику Григорию 8 мил., 16 приближенным женщинам ее по 12 мил., 18 рабыням ее по 6 мил., 22 апокрисиариям по 12 мил., 44 купцам по 6 мил. и двум переводчикам по 12 мил.».

Как видим, Константин нигде не упоминает о крещении Ольги. Мало того, в ее свите упомянут священник Григорий. Судя по этому, Ольга посетила Константинополь уже крещённой. Впрочем, греческий хронист Иоанн Скилица (к. XI — н. XII в.) писал: «И жена некогда отправившегося в плаванье против ромеев русского архонта, по имени Эльга, когда умер её муж, прибыла в Константинополь. Крещеная и открыто сделавшая выбор в пользу истинной веры, она, удостоившись великой чести по этому выбору, вернулась домой».

О том, что Ольга крестилась в Константинополе, говорит и так называемый Продолжатель Регинона (считают, что автором был Адальберт, епископ Магдебургский, приезжавший в Киев в 961 г.). При этом он упоминает сына и соправителя Константина, императора Романа II Младшего (959–963), который, скорее всего, и стал крестным отцом княгини.

Дата посольства Ольги в Константинополь заслуживает особого внимания. Если верить летописным указаниям, в момент визита в Византию княгине должно было быть около 70 лет. По мнению Д. С. Лихачева, летописный рассказ построен из двух составляющих: церковной основы, повествующей о крещении Ольги, а также

включающей благочестивые рассуждения на этот счет, и дополнивших ее впоследствии светских, анекдотических элементов, фольклорных по происхождению. Самое неожиданное состоит в том, что как раз те фрагменты, которые, как казалось Д. С. Лихачеву, должны быть «диаметрально противоположными по духу этой церковной основе», оказываются переложением библейского рассказа о приезде царицы Савской к Соломону. Сравним библейский и летописный тексты.

В Третьей книге Царств повествуется о том, как царица Савская, услышав о «славе Соломона во имя Господа» и его мудрости, «пришла испытать, его загадками». Она приехала в Иерусалим «с весьма большим богатством». В беседе царица убедилась в мудрости Соломона, который «объяснил ей <…> все слова ее, и не было ничего незнакомого царю, чего бы он не изъяснил ей». Пораженная царица дарит Соломону золото, благовония и драгоценные камни, которые привезла с собой, и заявляет ему: «Мудрости и богатства у тебя больше, нежели как я слышала». Затем следует перечень того, что Соломон ежегодно получал в дар от соседних правителей, в том числе «сосуды серебряные и сосуды золотые, и одежды, и оружие, и благовония, коней и мулов» (3 Цар 10 1–25).

Этот рассказ о визите царицы Савеи в Иерусалим отдаленно напоминает летописную статью о поездке Ольги в Константинополь. Ольга, как и царица Савская, отправляется в Константинополь, чтобы испытать его правителя (как Соломона) загадками. Однако константинопольский император, в отличие от легендарного правителя Иерусалима, оказывается не в состоянии объяснить приехавшей «царице» (да и себе самому) ее вопросы. Не разгадав истинный смысл предложений Ольги, он вынужден против своей воли выполнить все ее желания и признать ее мудрость («переклюкала мя еси», т. е., «обманула меня»). В результате византийский император и древнерусская княгиня меняются «ролями». Теперь он, пораженный мудростью Ольги (как царит Савская, пораженная ответами Соломона), одаривает ее золотом, серебром, дорогими тканями и различными сосудами — всем тем, что Соломон получал ежегодно в дар от соседних правителей.

Такое сопоставление может показаться несколько натянутым. Но в данном случае мы имеем редкое — и тем более ценное — прямое подтверждение своих наблюдений. Завершив рассказ о поездке Ольги, летописец уточняет: «Се же бысть, яко же и при Соломане

приде царица Ефиопьская к Соломану..., тако же к си блаженная Ольга искаше доброе мудрости Божьи...». Без него доказать близость образов летописной Ольги и библейской царицы Савской было бы невозможно.

Так, прямое сопоставление княгини Ольги с «царицеи Ефиопскои», собственно, и позволяет отыскать в, казалось бы, фольклорном по происхождению рассказе скрытый библейский мотив — хотя и в карнавальном, «перевернутом» виде.

Такой вариант вполне соответствует смыслу пророчества из Евангелия от Матфея: «Царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона» (Матф 12 42). Кстати, именно к этому стиху отсылается читатель и в Хронике Георгия Амартола: «о неи же Господь глагола: «цесарица Ужска приде от конець земли, да видить премудрость Соломоню"».

Повторим еще раз: подобная интерпретация летописного текста могла бы выглядеть спорной, если бы летописец на закрепил ее прямым указанием на тождество Ольги и царицы Савской. Так «фольклорные» сюжеты в летописи оказываются по происхождению сплошь и рядом книжными, наполненными вполне христианским содержанием.

Отождествление Ольги с царицей «южной», «эфиопской» заслуживает особого внимания. По сути, в данном рассказе речь идет о том, что Русь перенимает у Византии пальму первенства в христианском мире — буквально с момента крещения первой княгини-христианки.

* * *

Не обошлось без недоразумений и при истолковании летописного рассказа о погребении княгини-христианки. Там не указывается, где именно похоронена Ольга, летописец отмечает лишь: «погребоша ю [т.е. её] на месте». А. А. Шахматов, а вслед за ним М. Н. Тихомиров усмотрели в том «какую-то неточность, вернее оборванность фразы». Но в древнем проложном сказании (под 11 июля) объясняется, что Ольга завещала себя «погрести с землею равно, а могылы не сыпати». По мнению Д. С. Лихачева, «могила Ольги поэтому могла быть плохо известна в народе». Однако о незнании или забвении места погребения знаменитой княгини вряд ли можно вести речь, поскольку позднее ее останки были перезахоронены в Десятинной

церкви (хотя летопись об этом и молчит). А чтобы совершить перенесение мощей, очевидно, необходимо знать, где они были первоначально погребены.

Легенды о Святославе

Особое место в летописных легендах занимают предания о сыне Игоря, князе Святославе — фигуре уже вполне исторической. Мы даже можем представить себе, как он выглядел, благодаря всё тому же Льву Диакону: «Государь [Иоанн Цимисхий].., покрытый вызолоченными доспехами, подъехал верхом к берегу Истра, ведя за собою многочисленный отряд сверкавших золотом вооруженных всадников. Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми, бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос[1]– признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одеяние его было белым и отличалось от одежды, его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал».

Правда, автор этого описания вряд ли сам видел киевского князя, но, как полагают многие, в целом верно изобразил его наружность, опираясь на рассказы очевидцев. Впрочем, современные историки подчеркивают, что Лев Диакон стремился следовать в таких случаях древним авторам, а облик Святослава в его изложении очень

---

[1] Прическа Святослава объясняется обычно связью с обычаями кочевников. Подобные «чубы» отмечаются современниками, в частности, у гуннов. Как подчеркивают комментаторы этого текста, «облик киевского властителя должен был производить ошеломляющее впечатление на византийцев, ибо противоречил их собственным нормам самым вопиющим образом: ромеи стригли волосы только по случаю траура или судебного осуждения. Ходить стриженым представлялось уделом шута или фокусника. Усы мужчины, видимо, брили, зато бороды отпускали. Наконец, серьги среди мужчин носили только дети и моряки».

напоминает описание Атиллы, оставленное византийским автором V века Приском Панийским. Тот, скажем, отмечает, что Атилла «во всем... выказывал умеренность: так, например, гостям подавались чаши золотые и серебряные, а его кубок был деревянный. Одежда его также была скромна и ничем не отличалась от других, кроме чистоты; ни висевший у него сбоку меч, ни перевязи варварской обуви, ни узда его коня не были украшены, как у других скифов, золотом, каменьями или чем-либо другим ценным».

В отличие от своей матери, Святослав не склонен был принимать христианство, на что часто обращают внимание современные нам авторы. Бóльшую часть жизни он провел в военных походах, смысл которых, однако, судя по летописным записям, не был ясен его современникам, якобы заявлявшим ему: «Ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своей ся охабивъ [т.е., свою покинул]». Действительно, князь мало уделял внимания своим собственным владениям, поручив их сначала своей престарелой матери, а затем сыновьям. Зато ему удалось сокрушить могущество Хазарского каганата, дойти до Каспия, а затем несколько лет воевать в Болгарии. С последними походами, предпринятыми по договоренности с Византийской империи, связаны довольно любопытные моменты.

Так, загадкой для современного читателя является заявление Святослава Игоревича: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа в земли моеи». Если само желание перенести столицу в Переяславец представляется большинству исследователей достаточно логичным (при этом они часто ссылаются на греческого историка Скилицу, который писал, что Болгария привлекала Святослава своими богатствами), то ответить с позиций *здравого смысла* на вопрос, почему именно Переяславец — середина Русской земли, чрезвычайно трудно.

Естественно, речь Святослава — не протокольная запись, а текст, созданный летописцем-христанином и имеющий, скорее всего, литературную основу, согласно которой, *середой* земли назывался Иерусалим.

Однако мог ли киевский летописец связывать образ Иерусалима с болгарским Переяславцем? Для такого предположения имеются некоторые основания.

Официальное принятие в 864 г. болгарским князем Борисом I (852–889) христианства из Византии стало прологом к настойчивым попыткам Первого Болгарского царства добиться политической

независимости и автокефалии своей церкви. Уже сын Бориса, князь Симеон I (893–927) присвоил титул «василевса ромеев», поставил в 893 г. на болгарскую епископскую кафедру Климента Охридского — ученика и последователя свв. Кирилла и Мефодия, а Преславский собор принял решение заменить греческий язык в богослужении староболгарским. Одновременно Борис перенес столицу царства из Плиски в Преслав. Сын Симеона, Петр (927–969) в 927 г. путем договора с Романом I Лакапином и женитьбы на внучке императора Марии официально закрепил за собой титул «василевса ромеев». Византия обязалась по-прежнему выплачивать Болгарии ежегодную дань (под видом содержания византийской принцессы), а болгарская церковь получала патриаршество с центром в Преславе (позднее перенесен в Доростол). Таким образом, Преслав в определенном смысле перенимал у Константинополя статус центра православного (при всей условности применения данного термина к этому периоду) мира.

Однако в 963 г. в результате ожесточенной борьбы с сильной внутренней оппозицией Болгарское царство заметно ослабело. Этим попыталась воспользоваться Византия. По договору с византийским императором Никифором Фокой, против болгар и выступил Святослав. Во время первого похода (968) он захватил низовья Дуная, в том числе и город Преславец (Малый Преслав), расположенный на правом берегу Дуная, против озера Балта, между нынешними городами Чернавода и Хърсов (Гирсово). Во время второй болгарской экспедиции (969) Святослав захватил уже самую столицу Болгарского царства — Великий Преслав, взял в плен болгарского царя Бориса II (969–972), все его семейство и брата Романа. В Повести же временных лет под 6479/971 годом сообщается об осаде и взятии княжеской дружиной П е р е я с л а в ц а («В лето 6479. Приде Святославъ в Переяславець, и затворишася Болгаре въ граде. И излезоша Болгаре на сечю противу Святославу, и бысть сеча велика, и одоляху Болъгаре. ... И къ вечеру одоле Святославъ, и взя градъ копьемъ»). Так что, либо о захвате столицы Болгарского царства летописец умалчивает (что само по себе весьма странно), либо именно ее он называет Переяславцем (возможно, произвольно этимологизируя этот топоним).

Не исключено, что в представлении древнерусского летописца XI в. Малый Преслав мог ассоциироваться с Преславом Великим. Подобное отождествление, во всяком случае, встречается у некоторых

современных исследователей. Так, Г. А. Хабургаев прямо отождествляет Переяславец с Преславом: «мы не знаем, какой была бы его [Святослава] политика, если бы ему удалось (как он мечтал) создать единую русско-болгарскую державу с центром в христианском (!) Преславе (Переяславце)», а М. П. Кудрявцев, говоря о том, что Преслав претендовал на роль нового Рима, пишет: «Пять лет русский князь правил Болгарией (967–971 гг.) и пять лет Преслав был княжеской столицей, о которой Святослав говорил: «Ту есть середа земли моей...”».

Тогда заявление Святослава о Переяславце как «середине земли» приобретает вполне отчетливую претензию на то, чтобы киевский князь стал во главе правоверного мира. Подобная мысль звучит почти еретически, тем более что незадолго до того, под 6463/955 г. летописец рассказывал о решительном отказе Святослава креститься. Однако как ни парадоксально, язычество Святослава служит в данном случае дополнительным аргументом в пользу предлагаемого понимания летописного текста.

Свое желание перенести столицу в Переяславец Святослав объясняет так: «ту вся благая сходятся: оть Грекъ злато, поволоки, вина и] овощеве разноличныя, и-Щехъ же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скора и воскъ, медъ и челядь».

Тирада князя может быть соотнесена с рядом библейских текстов. Прежде всего, с пророчеством Иезекииля. С одной стороны, прообразом летописного Переяславца оказывается все тот же Тир: «Тир! Ты говоришь: „я совершенство красоты!“ Пределы твои в сердце морей; строители твои усовершили красоту твою: из Сенирских кипарисов устроили все помосты твои; брали с Ливана кедр, чтобы сделать на тебе мачты; из дубов Васанских делали весла твои; скамьи твои делали из букового дерева, с оправою из слоновой кости с островов Киттимских; узорчатые полотна из Египта употреблялись на паруса твои и служили флагом; голубого и пурпурового цвета ткани с островов Елисы были покрывалом твоим» (Иез 27 4–25) и т. д.

С другой стороны, летописный Переяславец — Новый Иерусалим: «вот, Я возьму сынов Израилевых из среды народов, между которыми они находятся, и соберу их отовсюду и приведу их в землю их..., и будут Моим народом, и Я буду их Богом» (Иез 37 21–23). Этот образ находит определенную параллель и в популярных на Руси сказаниях, согласно которым, в конце мира Христос вновь воцарится

в Иерусалиме и возобновит там храм. Богоизбранный народ будет собран в столицу богоспасаемого человечества со всех пределов земли. На пути туда его будут встречать побежденные народы и приносить ему дань и драгоценные подарки, как своему повелителю.

Имеется, однако, еще одна библейская параллель, представляющая, пожалуй, в данном случае наибольший интерес: «Господь подвиг дух Кира, царя Персидского, и он объявил по всему царству своему словесно и письменно: так говорит Кир, царь Персидский: Господь Израиля, Господь Всевышний поставил меня царем вселенной и повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, который в Иудее. Итак, кто есть из вас, из народа Его, да будет Господь его с ним, и пусть он, отправившись в Иерусалим, что в Иудее, строит дом Господа Израилева: Он есть Господь, живущий в Иерусалиме. Посему сколько их живет по местам, жители места того пусть помогут им золотом и серебром, дарами коней и скота и другими обетными приношениями на храм Господа в Иерусалиме. И поднялись старейшины племен колена Иудина и Вениаминова и священники и левиты и все, которых дух подвиг Господь идти и строить дом Господу в Иерусалиме; а жившие в соседстве с ними всем помогали им: серебром и золотом, и конями и скотом и весьма многими обетными приношениями многих, которых дух подвигнут был» (2 Езд 2 1–9). Как видим, перечень «вся благая», сходящихся в Переяславце, практически совпадает с приношениями, которые стали доставлять для строительства храма в Иерусалиме, возрождения города и воссоздания богопочитания. При этом стоит подчеркнуть, что возродить Иерусалим и храм Господень, по пророчеству Исаии, должен был язычник — персидский царь Кир: «Который [т. е. Господь] говорит о Кире: пастырь Мой, и он исполнит всю волю Мою и скажет Иерусалиму: „ты будешь построен!“ и храму: „ты будешь основан!“» (Ис 44 28); «Так говорит Господь помазаннику Своему Киру: ... Я препоясал тебя, *хотя ты не знал Меня*» (Ис 45 1, 5).

Аналогия Святослава с Киром выглядит достаточно плодотворной. Напомним, что о кончине Кира у Геродота сохранилось предание, которое также роднит образы персидского царя и древнерусского князя. Согласно «отцу истории», Кир погиб во время сражения с массагетами (так античные авторы называли среднеазиатские кочевые и полукочевые племена). Царица их Томирис велела найти

среди павших в бою труп Кира, отрубить ему голову и бросить в мех, полный кровью, чтобы персидский правитель мог вдоволь напиться кровью, которой он так жаждал.

История с отрубленной головой Кира невольно ассоциируется с рассказом о кончине Святослава. Как мы помним, половецкий хан Куря (кстати, в древнерусских текстах имя *Кир* передается как Кvръ, Куросъ, Кюръ или Куръ) велел из отрубленной головы Святослава изготовить кубок: «в лето 6480, поиде Святославъ в пороги. И нападе на нь Куря, князь Печенежьскии и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбе его съделаша чашю, оковаше лобъ его, и пьяху по немь». Естественно, столь колоритная (хотя и очень мрачная) деталь стала общим местом практически в любом рассказе о Святославе-воине. Ее достоверность, однако, вызывает некоторые сомнения.

Дело в том, что аналогичные рассказы — но не о Святославе! — мы находим в греческих Хронике Манасии и в Хронике Георгия Амартола.

В первой из них речь идет о том, как 26 июля 811 г. болгарский хан Крум, победив византийского императора Никифора I, отрубил ему голову, насадил ее на копье, а затем приказал оковать его череп в серебро и в дни больших торжеств пил из этой части здравицу за своих славянских бояр, предлагая и им пить из нее же. Еще больше сближает рассказы о гибели древнерусского князя и византийского императора то, что незадолго до смерти Никифор захватил столицу Крума Плиску, но по пути домой, попал в засаду. Все его воины утонули в болоте или же были перебиты болгарскими лучниками, а сам император пал в битве.

В Хронике Георгия Амартола эта история выглядит так: «Темь съгроустивьси, варваръ [т.е. Крум] въ страны своа входы и исходы, заградивь твердьми древными, пославъ затверди и, за два дьни събравъ воа многы и въ царевь въ шатеръ вшедъ, оуби его и вся велможа его и владоущемъ въиномъ и воинъ бесчислено. Никифору же главоу оусекноувъ, на древе повесивь не за колико дьнии, потомь же обнаживь лъба и оковавъ сребромъ извноу, и повеле пити из неа княземъ Болгарскымъ, хваляся ненасытовствовавшаго и мира не хотевшему». Впрочем, привлечение в данном случае Хроники Георгия Амартола представляется не вполне корректным, поскольку анализируемый рассказ есть в Новгородской первой летописи, а она сохранила текст Начального свода, составителю которого

Хроника Георгия Амартола, если принимать выводы А. А. Шахматова, еще не была знакома.

Аналогичный сюжет мы встречаем и в китайских хрониках. В конце 70-х — начале 60-х гг. II в. до н. э. на северных границах Китайской империи тюркоязычные сюнну победили своих главных противников — больших юэчжи. Счастливый победитель — предводитель сюнну Лаошан-шаньюй в честь этого события приказал изготовить из черепа убитого вождя побежденного противника чашу для питья...

Трудно сказать, с чем мы имеем дело в данном случае — с описаниями сходных событий, литературным заимствованием или же культурной традицией тюркоязычных народов (печенегов, протоболгар и их предков-сюнну).

Сообщение о гибели киевского князя летописец дополняет указанием на срок его правления: «И всех летъ княженья Святославля летъ 20 и 8». Геродот также сопровождает рассказ о гибели Кира уточнением: «Царствовал же он полных 29 лет». Не исключено, что такое совпадение могло учитываться летописцем и его читателями как дополнительное основание для ассоциации Святослава с Киром. Можно даже высказать догадку, что отдельные летописные характеристики Святослава должны восходить к характеристикам Кира в одном из известных летописцу (и пока не установленных нами) источников. Впрочем, не исключено, что некоторые из них (учитывая летописное происхождение Святослава от Ольги — «царицы Эфиопской») могут восходить к образу Александра Македонского.

Как бы то ни было, претензия Святослава на перенос столицы в Переяславец на Дунае, скорее всего, отображает представление летописца о том, что Переяславец (Преслав?) выполнял в свое время функцию Нового Иерусалима. Однако тот же летописец, видимо, считал, что к тому моменту, когда Святослав захватил столицу Болгарского царства, та уже начала утрачивать свой высокий статус. Возможно, негативное отношение летописца к отъезду Святослава в Переяславец подкреплялось представлением о том, что «земля, в которую идете вы, чтоб овладеть ею, земля нечистая, она осквернена нечистотою иноплеменных народов, их мерзостями, которыми они наполнили ее от края до края в осквернениях своих».

Как видим, в этом пророчестве описывается дальнейшая судьба Святослава, отправившегося, вопреки настоянию Ольги, в Болгарию. Между тем, в пророчестве Исаии сказано: «Если захотите

и послушаетесь, то будете вкушать б л а г а з е м л и; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни говорят» (Ис 1 19–20). Как известно, Святослав не захотел послушать своей матери: «Он же не послуша матере, творяше норовы поганьския, не ведыи, аще кто матерь не послушаеть, в беду впадаеть». Действительно, желая жить в земле, куда «вся благая сходятся», он, в конце концов, терпит поражение, его настигают голод и меч. После победы под Доростолом и мира с греками Святослав вынужден отправиться на родину, чтобы привести новые войска, поскольку его отряд почти весь перебит: «И приде Святославъ къ порогомъ, и не бе льзе проити порогъ. И ста зимовати в Белобережьи, и не бе у них брашна уже, и бе гладъ великъ, яко по полугривне глава коняча. И зимова Святославъ ту. Весне же приспевши, в лето 6480, поиде Святославъ в пороги. И нападе на нь Куря, князь Печенежьскии, и убиша Святослава...».

Описание голода, постигшего отряд Святослава, достаточно любопытно. Странное упоминание стоимости «главы конячи» (при том, что, судя по сообщению: «Свеналд же приде Киеву», тот должен был добираться до столицы, как он и советовал Святославу, «на конихъ около», и, следовательно, с позиций «здравого смысла», коней у Святослава не оставалось) позволяет его связать еще с одним библейским текстом. Речь идет о голоде в столице царства Израильского, Самарии во время осады ее Венададом, царем Сирийским: «собрал Венадад, царь Сирийский, все войско свое и выступил, и осадил Самарию. И был большой голод в Самарии, когда они осадили ее, т а к ч т о о с л и н а я г о л о в а п р о д а в а л а с ь п о в о с ь м и д е с я т и с и к л е й с е р е б р а, и четвертая часть каба голубиного помета — по пяти сиклей серебра» (4 Цар 6 24–25). Все сказанное позволяет сделать вывод, что описание последних лет жизни Святослава в Повести временных лет вряд ли сто́ит воспринимать как протокольно-точное описание того, «как все было на самом деле». Скорее, это — попытка метафорически передать смысл событий, происходивших в конце 60-х гг. X в. Речь идет, видимо, о преемственности христианских сакральных центров мира: Иерусалим — Константинополь — Преслав (летописный Переяславец?) — Киев.

Летописные легенды о Владимире Святославиче

Согласно летописному рассказу, отправляясь в последний болгарский поход, Святослав оставил на Руси наместников — своих

сыновей: Ярополка, Олега и Владимира. Ярополк был посажен в Киев, Олег отправился в землю древлян, а Владимир — на Северо-Запад, в Новгород. После смерти Святослава полноправным киевским князем стал Ярополк. Однако его правление длилось недолго. Между братьми началась междоусобица, которая окончилась гибелью Олега и Ярополка. Новым киевским князем стал Владимир. Раннее летописание оставило гораздо более подробные свидетельства о его жизни и деяниях, нежели о его предшественниках. Однако большинство из них также носит легендарный характер и нуждается в специальном анализе и толкованиях.

***

Во многом, скажем, загадочно происхождение Владимира. Обычно считается, что он был «незаконнорожденным» сыном Святослава (хотя, неизвестно, существовало ли такое представление в дохристианской Руси). Основанием для этого являются два связанных между собой сообщения Повести временных лет.

Одним из поводов начала активной борьбы Владимира против Ярополка стало якобы неудачное сватовство новгородского князя к полоцкой княжне Рогнеде. Гордая скандинавка (отец ее, Рогволод, по словам летописца, «пришелъ и-заморья», т. е. из Скандинавии) на предложение Владимира будто бы ответила: «Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». Из этого обычно делается, казалось бы, вполне логичный вывод, что матерью Владимира была рабыней. Иначе, с позиций «здравого смысла», называть Владимира «робичичем» не было никаких оснований. Правда, старославянское робичищь означало «слуга»; однако, это значение в данном контексте никогда не рассматривается, ввиду его полной — с точки зрения все того же «здравого смысла» — алогичности.

Это, как будто, подтверждается другим летописным сообщением, согласно которому та была ключницей княгини Ольги и звали ее Малуша, а отцом ее был некий Малк Любечанин. Известный советский историк Н. М. Тихомиров из этого даже делал вывод, что в данном случае мы имеем дело с первым свидетельством того, как дочь свободного горожанина попадает в рабскую зависимость...

Однако все не так просто. Дело в том, что «робичичами», или «чадами рабынинымі» в древнерусской литературе назывались люди, не принявшие христианства, в противовес христианам — «сынам свободным». Именно в таком значении «робичич» упоминается бу-

дущим митрополитом-«русином» Илларионом в знаменитом «Слове о Законе и Благодати». В основе этой фразеологии, видимо, лежит толкование апостолом Павлом (Гал 4 25–36) соответствующего места Книги Бытия, в котором речь шла об Измаиле — сыне праотца Авраама от рабыни Сары, Агари (Быт 21 1). Так что, «цитируя» полоцкую княжну, летописец, возможно, намекал, что та не пожелала идти за «сына греха», человека, не принявшего христианства. Естественно, из этого вряд ли следует, что сама Рогнеда была христианкой: в данном случае мы «слышим» голос летописца-монаха XI или XII в.

При таком толковании становится понятным и то, почему Рогнеда «хочет Ярополка»: по мнению М. С. Грушевского, тот был христианином. С этой точкой зрения, судя по всему, был согласен Б. А. Рыбаков: «М. Грушевский, задавая вопрос — откуда мог быть известен точный день смерти Ярополка, считает, что Ярополк, воспитанный бабкой-христианкой и женатый на христианке, мог и сам быть христианином.., а факт крещения Ярополка, или хотя бы его склонности к христианству, мог объяснить живой интерес к этому князю как со стороны папы Бенедикта VII, так и со стороны византийского императора, одновременно приславших свои посольства к Ярополку в Киев». Следовательно, ответ Рогнеды содержал вполне ясный для древнерусского читателя намек на то, что Владимир — нехристь, язычник.

Рассмотренная интерпретация получает дополнительное подкрепление при обращении к источнику предания о сватовстве Владимира, отразившемуся, как считал А. А. Шахматов, в Корсунской легенде. Здесь на предложение киевского князя отвечает уже греческая царевна Анна, а не Рогнеда, и смысл ее ответа вполне однозначен: «Не хощу аз за *поганаго* ити». Аналогичный сюжет присутствует и в Хронике Галла Анонима. Здесь, в частности, рассказывается, как польский король Мешко решил жениться на правоверной христианке Дубровке. Но та заявила, что не может выйти за него до тех пор, пока «не отказался от заблуждений язычества». Заметим, кстати, что это не единственное предание о Мешко, которое близко летописным легендам, в которых фигурирует Владимир Святославич.

***

Не менее сложным оказываются и сведения о сыновьях Владимира.

В Повести временных лет приводятся два не совпадающих между собой перечня сыновей киевского князя: под 6488 (980) и 6496 (988)

гг. Сравнительно-текстологический метод не позволил в свое время А. А. Шахматову установить соотношения между этими текстами, каждый из которых сохранился к тому же в нескольких вариантах.

Первый перечень сообщает: «Бе же Володимеръ побеженъ похотью женьскою, и быша ему водимыя [т.е., «законные» жены]: Рогънедь <...>, от неяже роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от Грекине — Святополка, от Чехине — Вышеслава; а от другое [т.е., от двух других] — Святослава и Мьстислава; а от Болгарыни — Бориса и Глеба».

В отличие от него список 6496 г. просто перечисляет: «Бе бо у него сыновъ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ, Глебъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ».

Сопоставление этих текстов привело А. А. Шахматова к выводу, что первый из них является компиляцией, составленной автором Начального свода, предшестовавшего Повести временных лет. Источником для него, по мнению А. А. Шахматова, послужили какая-то нелетописная повесть о Владимире (возможно, Корсунская легенда) и второй из процитированных перечней, возводимый к Древнейшему своду 30-х гг. XI века. Причем соединение выборок из них в ряде случаев было сделано «совершенно механически». Основанием для таких выводов выдащемуся исследователю раннего древнерусского летописания послужили общие соображения о целесообразности и уместности упоминания свв. Бориса и Глеба в рассказе о развратной жизни Владимира-язычника.

Некоторую ясность в проблему происхождения соотношения перечней сыновей Владимира Святославича вносит обращение к Библии.

Примечательно, что в обоих списках присутствует сакральное число «12». В Писании оно занимает особое место. Столько сыновей было у Иакова, столько же — и у Измаила. Количеством «колен Израилевых» определялось число камней, поставленных Моисеем у жертвенника перед Синаем, а также количество драгоценных камней, украшавших ризу первосвященника. Именно столько апостолов было избрано Христом. 12 ворот (по числу колен Израилевых) было и в стене небесного Иерусалима, явленного Иоанну Богослову, причем основания этой стены были украшены 12 драгоценными камнями... Так что указание, будто у Владимира было также 12 сыновей (или детей), уже само по себе с большой вероятностью может

расцениваться как «сигнал» о связи этих перечней с библейскими текстами.

Первое перечисление детей Владимира восходит, видимо, к следующему фрагменту книги Бытия: «Сынов же у Иакова было 12. Сыновья Лии: первенец Иакова Рувим, по нем Симеон, Левий, Иуда, Иссахар и Завулон. Сыновья Рахили: Иосиф и Вениамин. Сыновья Валлы, служанки Рахилиной: Дан и Неффалим. Сыновья Зелфы, служанки Лииной: Гад и Асир» (Быт 35 22–26). В Библии, однако, говорится только о сыновьях патриарха, в то время как автор перечня 6488 года называет лишь 10 сыновей Владимира и дополняет свое сообщение упоминанием двух безымянных дочерей князя. Причины появления дочерей в перечне нуждаются в дополнительном пояснении.

Быть может, у Владимира и, правда, было всего 2 дочери? Действительно, в летописном рассказе 6526 (1018) г. о борьбе старших Владимировичей за киевский престол упоминается, что, возвращаясь в Польшу после захвата Киева Святополком Окаянным, Болеслав Храбрый забрал с собой двух сестер Ярослава. А. А. Шахматов считал, что именно это упоминание послужило автору перечня 6488 г. источником записи о дочерях Владимира. Доказательств этому, однако, не приводилось. Сообщение о пленении Болеславом сестер Ярослава Мудрого подтверждается немецким хронистом Титмаром Мерзебургским. Но у немецкого хрониста фигурируют не две, а девять дочерей Владимира. Среди них была и известная Повести Предслава. Кроме нее, благодаря иностранным источникам, мы знаем еще трех дочерей Владимира, хотя и неизвестно, были ли они в числе пленниц Болеслава Храброго. Одна из них была выдана за нормандского маркграфа Бернгарда. Другая (как полагают, Премислава) вышла замуж за кузена венгерского короля Иштвана I герцога Ласло Сара. Наконец, третья (Добронега-Мария), по свидетельству Галла Анонима (автора древнейшей польской хроники), была взята в жены польским королем Казимиром I Пястом.

Во всяком случае, у Владимира явно было не две дочери, а больше. Тогда почему летописец упомянул именно двух дочерей Рогнеды? Быть может, запись составлена, когда другие дочери киевского князя еще не родились? Или же дочери других жен Владимира летописца не интересовали? Не исключено, конечно, что текст дошел до нас в дефектном виде. Но если это так, странно, почему «пострадали» только упоминания о дочерях Владимира. Впрочем, любое из этих

или подобных предположений рождает новые вопросы и требует дополнительных обоснований.

Упоминание только о двух дочерях, причем без имен, потребовалось, скорее всего, чтобы по форме приблизить летописный текст к библейскому прообразу. Задача летописца, видимо, сводилась не только к соблюдению сакрального числа детей, но и к определенной упорядоченности перечня. Не исключено, что «доведение» числа детей Рогнеды до шести должно было, по замыслу летописца, намекнуть читателю на неполноправное положение полоцкой княжны в семействе Владимира. Ведь именно шесть сыновей родилось у Лии, нелюбимой жены Иакова, обманом выданной за него Лаваном.

Однако более вероятным представляется другое объяснение. Благодаря упоминанию о дочерях, изменилось место Владимировичей, следующих за ними: Святополка, Вышеслава, «второго» Мстислава, Бориса и Глеба.

Теперь характеристики древнерусских княжичей определялись тем, кто из отпрысков Иакова занимал в библейском перечне места с 7-го по 12-е (а не с 5-го по 10-е), как это было бы, если бы летописец обошел молчанием дочерей Рогнеды.

Соответствие летописных Владимирович библейским персонажам должно было бы принять следующий вид:

1. Изяслав	Рувим
2. Мстислав (старший)	Симеон
3. Ярослав	Левий
4. Всеволод	Иуда
5. дочь	Иссахар
6. дочь	Завулон
7. Святополк	Иосиф
8. Вышеслав	Вениамин
9. Святослав	Дан
10. Мстислав (младший)	Неффалим
11. Борис	Гад
12. Глеб	Асир

Таков порядок перечисления сыновей Иакова в каноническом тексте Книги Бытия. Между тем, создателю Повести временных лет (как, видимо, и древнерусскому читателю) было хорошо известно Сказание о 12 драгоценных камнях Епифания Кипрского (367–408). В нем особое внимание уделялось символическому значению имени каждого из сыновей Иаковлевых, свойствам камня, на котором было вырезано данное имя, и этическим характеристикам каждого из братьев. В славянском переводе Сказания о 12 драгоценных камнях порядок перечисления сыновей Иакова несколько иной. Соответственно, должны сместиться и летописно-библейские параллели. Если автор перечня 6488 г. ориентировался на трактат Епифания Кипрского в редакции, вошедшей в Толковую Палею, они должны были выглядеть так:

1. Изяслав	Рувим
2.Мстислав (старший)	Симеон
3. Ярослав	Левий
4. Всеволод	Иуда
5. дочь	Иссахар
6. дочь	Завулон
7. Святополк	Дан
8. Вышеслав	Неффалим
9. Святослав	Гад
10.Мстислав (младший)	Асир
11. Борис	Иосиф
12. Глеб	Вениамин

Точность такой параллели косвенно подтверждается как летописными характеристиками Бориса, восходящими к библейским характеристикам Иосифа Прекрасного (скажем, «любимъ бо бе [Борис] отцемь своимь паче всехъ» — «Израиль любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сын старости его»), так и словами, которые автор «Страсти и сказания и похвалы святую мученику Брису и Глебу» приписывает Борису: «Оузрю ли си лице братьца моего мьншааго Глеба, яко же Иосифъ Вениямина».

Какое бы из возможных соответствий ни имел в виду летописец, для него, видимо, было принципиально важно через библейские образы охарактеризовать Ярослава, Святополка, Бориса, Глеба и, возможно, «младшего» Мстислава. Ведь именно они — главные участники трагических событий, последовавших за смертью Владимира Святославича в 1015 г. и подробно описанных в Повести временных лет. А характеристики, дававшиеся им таким образом, могли существенно повлиять на оценку роли каждого из братьев в происшедшем.

Предлагаемое объяснение позволяет рассматривать упомянутый перечень как символическую характеристику сыновей Владимира. За буквальным смыслом текста — кто из Владимировичей от какой матери родился — проступает еще один смысловой уровень. Он дополняет (но не исключает) очевидное, буквальное толкование текста, и одновременно в определенном аспекте ограничивает его. В частности, в каждом из «микроперечней» (по матерям) летописец, вероятно, старался придерживаться возрастной очередности Владимировичей. Однако не исключено, что она могла нарушаться в случае, если приходила в противоречие с основной задачей автора — дать характеристику каждому сыну.

Второй же перечень, видимо, позволял сравнить уже самого Владимира с библейским Иаковом. Возможно, в глазах летописца их сближало и то, что оба эти персонажа незаконно захватили право на власть, принадлежавшее их старшему брату.

Придется поэтому согласиться с выводами А. А. Шахматова: «Нельзя придавать никакой цены указанию на то, что Борис и Глеб рождены от болгарки, Святослав и Мстислав от чехини». И, уж тем более, не пытаться на основании этих перечней установить, сколько же, на самом деле, было сыновей у Владимира, и кто из них был старше, а кто младше.

***

Безусловно, самым важным событием, связанным с именем киевского князя Владимира Святославича, стало принятие им христианства как государственной религии. Мы можем только догадываться, что подтолкнуло его к этому шагу, который во многом определил всю последующую историю Русской земли и народов, ее населяющих. Точные обстоятельства Крещения Руси неизвестны. В ранних летописных памятниках сообщается несколько легендарных

версий этого события (так называемые испытания вер Владимиром, Корсунская легенда). Не вполне ясно и когда это произошло. Традиционно называется 988 год. Однако дата эта условна.

Как бы то ни было, можно с уверенностью говорить, что в конце X века Русь была крещена. И это стало поворотной точкой в ее истории. С этого времени, видимо, и начинает формироваться представление о *Русской земле*. Что стоит за этим словосочетанием, сказать трудно.

Широко бытует мнение, будто «благодаря тесной связи между образованием государства и образованием народности в сознании людей раннего Средневековья смешивалось сознание принадлежности к определенной народности и сознание связи с определенным государством, этническое самосознание и государственный патриотизм тесно переплетались между собой. Это и неудивительно, так как в условиях раннего Средневековья именно наличие особого „своего“ государства прежде всего отделяло ту или иную народность от иных частей славянского мира. В некоторых случаях возникновение государственного патриотизма предшествовало возникновению сознания принадлежности к особой народности. Так, термин „Русь“ в IX–X вв. обозначал особое государство — „Русскую землю“ и лишь к XII в. стал обозначить всех восточных славян, живущих на территории этого государства» (Б. Н. Флоря). Другими словами, современные исследователи обычно полагают, что летописная «Русская земля» была обозначением некоего государства. Между тем, обитатель Киева, не говоря уже о других городах и весях Восточной Европы X — начала XII в., был бы несказанно удивлен, если бы вдруг узнал, что он — подданный *государства* (а не того или иного князя). Само это слово появилось в источниках лишь в XV в. (один из самых ранних случаев его употребления относится к 1431 г.). Причем значения его сводились к понятиям: «определенная территория, страна, земля» или «правление, царствование; власть государя». Впрочем, и слово «государь» стало употребляться в современном значении лишь при Иване Грозном. Патриотические чувства древнерусского человека определялись, прежде всего, принадлежностью его к тому, что сегодня называют «малой родиной». Вместе с тем каждый житель Древней Руси, как справедливо заметил Б. Н. Флоря, знал, что он живет в *Русской земле*. Другой вопрос, была ли она для него *государством*.

Само понятие «Русская земля» неоднозначно. К нему не применимы представления о территориальной целостности, единого экономического, ультурного и политического пространства. Не было даже четко определенных границ. В этническом плане — сегодня это уже достаточно ясно — население *Русской земли* вряд ли можно представить в виде «единой древнерусской народности». Жители Древней Руси достаточно четко делились на несколько этнических групп — с разной внешностью, языком, материальной и духовной культурой. При всей близости они различались системами метрологии и словообразования, диалектными особенностями речи и излюбленными видами украшений, традициями и обрядами. Так что, содержание этого летописного словосочетания до сих пор представляет определенную загадку.

Анализ более семисот упоминаний «Русской земли» в летописных сводах до второй четверти XIII в. позволил уточнить значение этого словосочетания, как принято говорить, «в узком смысле». Работы А. Н. Насонова, Б. А. Рыбакова, В. А. Кучкина дают полное представление о том, что летописцы XI–XIII вв. к Русской земле относили Киев, Чернигов, Переяславль Южный, Городец Остерский, Вышгород, Белгород, Торческ, Треполь, Корсунь, Богуславль, Канев, Божский на ЮжномБуге, Межибожье, Котельницу, Бужск на Западном Буге, Шумеск, Тихомль, Выгошев, Гнойницу, Мичск, бассейн Тетерева, Здвижень. По словам В. А. Кучыкина, «основная часть Русской земли лежала на запад от Днепра... В целом же древняя Русь простиралась не в меридианальном, а в широтном направлении. Ее бóльшая часть, располагавшаяся в правобережье Днепра, занимала главным образом водораздел, отделявший бассейны Припяти и Западного Буга от бассейнов Южного Буга и Днестра. На западе Русская земля достигала верховьев Горыни и Западного Буга». Южные границы «узкой» Русской земли при князе Владимире доходили до р. Стугны. Лишь при Ярославе Мудром они дошли до более южной р. Рось (от наименования которой некоторые исследователи выводят название *Русь*). При этом, княжества Галицкое, Владимиро-Волынское, Овруч, Неринск и Берладь в состав этой Русской земли не входили.

Такие границы не связаны ни с каким-то протогосударственным объединением, ни с некоторой этнической общностью. Скорее всего, по мнению А. В. Назаренко, эта Русская земля была часть большого торгового пути, связывавшего Восток с Центральной Европой.

Еще более сложным представляется определение того, что представляла собой *Русская земля* в широком смысле. По мнению Б. А. Рыбакова, она охватывала «всю совокупность восточнославянских земель в их этнографическом, языковом и политическом единстве, свидетельствуя о сложении древнерусской народности на огромном пространстве от Карпат до Дона и от Ладоги до „Русского моря“». Границы ее, соответственно, якобы охватывали «сумму племенных территорий всех восточнославянских племен, исходя из тезиса летописца, что «словеньскый язык и руский — одно есть"». Однако именно это летописное определение заставляет с сомнением отнестись к тезису о том, что это была собственно восточнославянская территория. Анализируя «Список русских городов дальних и ближних» (1375–1381). М. Н. Тихомиров обратил внимание, что к числу «русских» в нем отнесены, помимо собственно восточнославянских, также города болгарские, валашские, польские и литовские. Это заставило исследователя прийти к выводу: «в основу определения того, чтó считать русскими городами, был положен принцип языка». Это подтверждается и другим свидетельством источника, что «болгаре, басани, словяне, сербяне, Русь — во всех сих един язык». Этот-то язык, судя по всему, и назывался «русским». Речь, очевидно, идет о литературном (книжно-письменном) языке, который в современной славистике принято называть церковно-славянским (или староболгарским). Уже само его условное название показывает, что он был непосредственно связан с конфессиональной общностью: именно на него свв. Кириллом и Мефодием были «переложены» книги Священного Писания, именно на нем написаны богослужебные и богословские тексты. Так что летописное прилагательное «русский» вполне может соответствовать не собственно этническому, а этноконфессиональному определению, близкому к тому, что сейчас именуется термином «православный».

Это позволяет дать нетрадиционное определение «широкого» значения словосочетания «Русская земля»: все территории, на которых христианская служба ведется на славянском языке.

Такое понимание определения «руськский» существенно изменяет восприятие текстов, в которых оно встречается.

Так, знаменитые слова Олега, которые он якобы произнес, когда захватил Киев («Се буди мати городом руськским»), обычно понимаются как определение Киева столицей нового государства. Между тем, это высказывание летописца (а в данном случае мы слышим

именно его голос, а не Олега) имеет выраженную эсхатологическую окраску. Киев здесь явно отождествляется с Новым Иерусалимом. Он не просто называется столицей Руси, а центром православного, богоспасаемого мира. Недаром в тексте «Голубиной книги», восходящей к домонгольскому времени, об Иерусалиме — прообразе Киева — говорится: «тут у нас середа земли». Как тут не вспомнить о словах того же летописца, вложенные им в уста князя Святослава Игоревича, мечтавшего перенести столицу из Киева в Переяславец на Дунае: «то есть середа земли моей». Несмотря на, казалось бы, далекую параллель, такая ассоциация имеет право на существование. Так что, эти летописные рассказы оказываются связанными общей идеей: мыслью о постепенном переходе центра *Русской земли* в Киев.

Когда же сформировалась эта идея, которую вполне можно охарактеризовать как основу государственной идеологии Древней Руси?

Русь историческая

Подлинная история, которая начинает фиксироваться летописцем, что называется, по горячим следам, восходит к первому летописному произведению, которое появилось в Киеве в годы княжения Ярослава Владимировича, которого историографическая традиция с 60-х годов XIX в. предпочитает величать Мудрым. Называют и характеризуют ее по-разному. А. А. Шахматов именовал ее Древнейшим сводом, Д. С. Лихачев — «Сказанием о распространении христианства на Руси», М. Н. Тихомиров — «Сказанием о первых русских князьях» или «Повесть о начале Русской земли». Но как ее не назови, это было повествование о том, «како избьра Богъ страну нашю на последьнее время», монотематический рассказ, не разбитый еще на годы. Датируется это произведение 30-ми годами XI в.

Заключительная его часть была посвящена кровопролитной усобице между сыновьями Владимира, начавшейся сразу после смерти князя-крестителя. Победителем в ней стал Ярослав. Он побеждает убийцу своих братьев Бориса и Глеба — Святополка Окаянного и после внезапной кончины Мстислава Тмутараканского окончательно обосновывается в Киеве. Здесь в 1036–1037 гг. разворачивается грандиозное строительство: возводятся храм св. Софии, Золотые ворота, учреждаются монастыри свв. Георгия и Ирины.

Киев — Новый Иерусалим

Семантика этих построек достаточно ясна. В христианском мире Центром Земли — и в прямом, и в переносном смысле — считался Иерусалим. Центром же Иерусалима — Храм Господень. Его окружали страны «праведные» и «грешные». Одни из них считались расположенными ближе к раю, другие — к аду; одни — к миру горнему, другие — к дольнему; одни — к небу, другие — к земле. Причем эта — сакральная — топография могла время от времени изменяться в зависимости от праведности или грешности населения той или иной земли. Одновременно мог перемещаться и духовный центр мира. Новый Иерусалим мог находить вполне конкретное воплощение теоретически в любом городе, который принимал на себя заботу о всеобщем спасении.

К моменту крещения Руси «Новый Иерусалим», а заодно — и «второй Рим» (т. е. духовный и светский центры вселенной), казалось бы, прочно обосновались в Константинополе. Даже структура городского пространства *Царь*града, как его называли на Руси, была приведена в соответствие с этой идеей. Наиболее показательно строительство в Константинополе Золотых ворот — во образ (то есть, точное перенесение основных черт прообраза на новый объект, как отмечает протоиерей Лев Лебедев) Золотых ворот Иерусалима, через которые Христос (*Царь* мира) въехал в Иерусалим, и центрального храма св. Софии-Премудрости Божией — во образ главной святыни древнего Иерусалима, Ветхозаветного Храма Иудейского.

В годы правления в Киеве Ярослава Мудрого (1018–1054), видимо, в связи с интенсивной христианизацией русских земель, начинает формироваться идея богоизбранности Руси. Еще при князе Владимире Святославиче освящение Десятинной церкви Успения Пресвятой Богородицы не случайно было приурочено к 11 мая. Именно в этот день в 330 г. византийский император Константин Великий посвятил свою новую столицу Богоматери, что было отмечено в греческом месяцеслове как праздник обновления Царьграда. Теперь же в столице Древнерусского государства появляются строения, аналогичные константинопольским.

Именно поэтому Ярослав Владимирович в «Слове о Законе и Благодати» сравнивается с Соломоном: Ярослав сделал в Киеве то же, что Соломон в Иерусалиме: построил новые крепостные стены с четырьмя воротами и в центре «города» — величественный храм. Следовательно, Золотые ворота в Киеве в сознании их строителей

имели своим прототипом не только Константинополь, но и Иерусалим. Отсюда понятно, почему они были не только и не просто главными, парадными, но и Святыми (иногда так и назывались современниками). Они как бы приглашали Иисуса Христа войти в Киев — как Он входил когда-то в Иерусалим — и благословить стольный град и землю Русскую.

То, что каменное строительство в Киеве изначально велось в подражание Константинополю, не вызывало сомнений уже у Н. М. Карамзина, котрый считал, что «... Великий Князь [Ярослав Мудрый] заложил... великолепную церковь, и распространив Киев, обвел его каменными стенами; подражая Константинополю, он назвал главные врата Златыми, а новую церковь Святою Софиею Митрополитскою... Ярослав начал также строить монастыри: первыми из них были в Киеве монастырь Св. Георгия и Св. Ирины».

Мало кто не догадывался и о том, что городская структура Константинополя отстраивалась во образ Иерусалима, чем подчеркивалась преемственность новой христианской столицы в деле спасения человечества — роль, утраченная «ветхим» Иерусалимом. По этой логике, организация городского пространства Киева во образ Константинополя также могла восприниматься современниками как претензия на право стать новым центром мира, столицей богоизбранной, обетованной или обещанной земли, если говорить языком Библии.

Подтверждением такой точки зрения является греческая надпись середины XI в., частично сохранившаяся на алтарной арке Киевской Софии: «Бог посреди нее, и она не поколеблется. Поможет ей Бог с раннего утра». Из контекста процитированного стиха очевидно, что в данном случае речь идет о Граде Божием (в данном случае «она» — *полис*, женского рода), т. е. о Сионе, культовом центре Иерусалима, месте расположения Храма как в древней «давидо-соломоновой традиции», так и в позднейшей библейской историографии эпохи Второго храма. Смысл этой надписи проанализирован К. К. Акентьевым. Исследователь обратил внимание на то, что в катенах Евсевия Кесарийского, Дидима Слепого, Кирилла Александрийского и особенно Исихия Иерусалимского, получивших — наряду с комментариями Феодорита — наиболее широкое распространение в толковых псалтирях X–XI вв., данный стих истолковывается как пророчество о Небесном Иерусалиме. В иллюстрированных псалтирях того времени миниатюры, сопровождающие

его, изображают либо идеальное церковное здание, либо Константинополь, в центре которого надпись выделяет здание Св. Софии. Греческое «Сказание о Св. Софии» (867–886) непосредственно связывает приведенный фрагмент Псалтири со Св. Софией как новым Храмом, возведенным Новым Соломоном (Юстинианом) и затмившем свой ветхозаветный прототип. Утверждается также, что данный стих был начертан на кирпичах, из которых были возведены подпружные арки и купол Софии Константинопольской.

Подобно греческому образцу, у Илариона образы Киева и его кафедрального собора соединяются в неделимое целое, что подчеркивается похвалой их строителям — Новому Давиду (Владимиру) и Новому Соломону (Ярославу). Кроме того, Иларион акцентирует внимание на том, что Владимир «съ бабою своею Ольгою» принесли Крест на берег Днепра из Нового Иерусалима — Царьграда, подобно Константину и Елене, доставившим Его туда в свое время из Иерусалима старого. Таким образом, крещение Руси уподоблялось обращению Империи, а древнерусская столица — Царьграду. Вместе с крещением (а быть может, и с реликвией Честного Креста) она как бы принимала от него ореол нового Святого Города.

Косвенно эта мысль прекрасно подтвердил А. В. Назаренко, обративший внимание на то, что «обретение» Русью столицы, каковой, вне всякого сомнения, представляется Киев уже в XI в., является редким исключением в средневековой европейской истории. При этом подчеркивается, что все «столичные» эпитеты Киева, встречающиеся в источниках, ясно указывают на «воспроизведение константинопольской модели». Как отмечает исследователь, «... источники знают применительно к Киеву два термина такого рода: „старейшинствующий град“ и „мати городов“, оба они весьма поучительны. Первый недвусмысленно увязывает проблему столицы с более общей проблемой сеньората-старейшинства как особого государственно-политического устройства. Так, в „Слове на обновление Десятинной церкви“ (которое мы склонны датировать серединой — второй половиной XII в.) Киев назван „старейшинствующим во градех“, как киевский князь —„старейшинствующим во князех“, а киевский митрополит — „старейшинствующим во святителех“. Второй, являясь калькой с греческого μητρoπολις, одного из эпитетов Константинополя, указывает на значение для столичного статуса Киева цареградской парадигмы. Это выражение встречается в источниках неоднократно.., но наиболее показательно его

упоминание в службе на освящение церкви святого Георгия в Киеве (середина XI в.): „... от первопрестольного матери градом, Богом спасенего Киева“. Здесь Киев назван еще и „первопрестольным“: калькированная с греческого терминология усугубляется специфически церковным определением, употреблявшимся по отношению к первенствующим кафедрам — προεδρος, πρωτοθρονος. Тем самым становится очевидной важность еще одного момента — наличия в Киеве общерусского церковного центра, Киевской митрополии „всея Руси“ (титул митрополитов, проэдров, архиепископов „всея Руси“ с 60-х годов XII в. неизменно присутствует на митрополичьих печатях)». И далее: «„римско-константинопольская подоплека“ самой идеи столицы становится определяющей, а броская цареградская топика Киева, как архитектурная (Святая София, дворцовый храм Святых Апостолов в Берестове, Влахернский храм на Клове и т. п.), так и литературная (например, формула Киев — „второй Иерусалим“ в так называемом пространном житии святого Владимира), приобретает характер не просто идеологически многозначительный, но и субстанциональный. Столичность была *по сути* воспроизведением константинопольской модели».

Остается, однако, неясным, почему строительство «Нового Иерусалима» было приурочено Ярославом именно к 30-м годам? И почему именно к этому времени относится создание древнейшей летописи, а также произнесение Илларионом «Слова о Законе и Благодати»?

Ответ на все эти вопросы, как представляется, дает «Раздрешение неизреченнаго откровения», приписываемое популяронму в Древней Руси богослову Ипполиту Римскому. Оно, как и памятники древнейшего летописания Руси, сохранилось в позднем списке XV в. — в Геннадиевской Библии 1497 г. После цитирования первых четырех стихов 20 главы Апокалипсиса его автор приводит рассуждение, заслуживающее особого внимания: «И по отрешении же реченному [подразумевается освобождение дьявола перед Концом света «на малое время», а именно на три с половиной года. — *И.Д.*] размыслимъ: Рече евангелист, яко связа диавола на тысящу летъ. Отнеле же бысть связание его? — От вшествиа въ адъ Господа нашего Иисуса Христа в лето пятьтысющное пятсотное и тридесять третьее да иже до лета шестьтисющнаго и пятьсотнаго и тридесять третиаго, внегда исплънитися тисяща летъ. И тако отрешится сатана по праведному суду Божию и прельстить миръ

до реченнаго ему времени, еже три и пол-лета, и потом будет конець. Аминь».

Если дата в расчете Геннадиевской Библии (6537 год) дана по аннианской эре, насчитывающей 5500 лет от Сотворения мира до Рождества Христова (по нашей эре), мы получаем новые данные, позволяющие вернуться к наблюдению А. А. Шахматова, обнаружившего в тексте Повести временных лет под 6544–6545 годами какой-то серьезный рубеж. Именно это послужило основанием для гипотезы о существовании так называемого Древнейшего свода (1036–1039). Во всяком случае, сопоставление дат создания киевской митрополии, строительства Софии Киевской, произнесения Слова о Законе и Благодати, помещения в Повести временных лет похвалы Ярославу Владимировичу и года, рассчитанного в послесловии Геннадиевской Библии, наводит на мысль, что их приблизительное совпадение во времени не случайно.

Именно к этому времени завершается (хотя бы формально) христианизация Руси, что должно было рассматриваться как дополнительное основание, подтверждающее наступление конца света. Вряд ли случайно и стечение в летописном 6545 году таких событий, как строительство Золотых ворот и Софии Киевской, учреждение в Киеве монастырей свв. Георгия и Ирины, произнесение в надвратной Благовещенской церкви Слова о Законе и Благодати, создание какого-то летописного произведения (условно называемого Древнейшим сводом) и, наконец, совпадение в 1038 году Благовещения с Великой субботой (подобные совпадения рассматривались в средневековом обществе как потенциальные даты конца света). Судя по всему, перед нами — след напряженного ожидания заранее рассчитанного конца земной жизни.

Ярослав и Святополк

Возможно, именно с этим ожиданием связаны и особенности описания междоусобицы Владимировичей, развернувшейся после смерти князя-крестителя.

Летописец рассказывает, что в момент смерти Владимира Святославича (15 июля 1015 г.) рядом с ним оказался туровский князь Святополк (считавший сыном Владимира, хотя родился он от вдовы Ярополка Святославича, которую Владимир взял в жены — после убийства брата — уже беременной). Любимый же киевским князем сын Борис незадолго до этого отправился с отцовской дружиной

воевать с печенегами. Это якобы позволило Святополку захватить власть в Киеве, убить Бориса, а затем и муромского князя Глеба. Зато Ярославу Владимировичу, благодаря помощи новгородцев, удалось победить Святополка, который бежал в Польшу. В 1018 г. Святополк вернулся на Русь в сопровождении польского князя Болеслава Храброго и вновь захватил Киев, а Ярослав бежал в Новгород. Здесь новгородцы вновь собрали войско, с которым Ярослав окончательно победил Святополка зимой 1018–1019 г. Святополк бежал «в печенеги», а Ярослав начал княжить в Киеве...

Так выглядит летописная версия борьбы за киевский престол. Однако обращение к иностранным источникам вносит в это описание некоторые коррективы. Согласно Хронике мерзебургского епископа Титмара, Святополк не мог захватить Киев сразу после смерти Владимира. Оказывается, туровский князь в момент смерти князя-крестителя находился в темнице, куда был заключен вместе со своей женой (дочерью Болеслава Храброго) и ее духовником, епископом колобжегским Рейнберном. После внезапной кончины Владимира Святополку удалось бежать из заключения. Он отправился в Польшу, где вместе с Болеславом собрал польско-немецкое войско и в 1018 г. вторгся в пределы Руси. Целью Болеслава при этом было, видимо, не столько желание посадить зятя на киевское княжение, сколько освободить из заключения свою дочь... Полвека назад это сообщение, подкрепленное свидетельствами (правда, не очень внятными) Эймундовой саги, позволило Н. Н. Ильину высказать догадку, что убийцей Бориса и Глеба был не Святополк (которого тогда не было на Руси), а сам Ярослав Мудрый...

Так это или не так, неизвестно. Для нас в данном случае важнее другое: как летописец характеризует Святополка. Если прямые обвинения его как братоубийцы вполне ясны и понятны, то косвенные характеристики туровского князя почти невидимы современному нам читателю.

Итак, Святополк впервые упоминается под 980 годом в перечне сыновей Владимира. В нем, как уже отмечалось он занимает то же место, что и Дан в библейском перечне сыновей патриарха Иакова. Под 988 годом летописец отмечает, что Святополк был посажен приемным отцом в Туров. Затем следует подробный рассказ об убийстве Бориса и Глеба, а также о борьбе с Ярославом Мудрым. Особый интерес представляет рассказ о бегстве Святополка после окончательного поражения в борьбе за киевский стол в 1019 г. Детали,

приводимые здесь летописцем, весьма ярки и создают иллюзию, что текст написан едва ли не очевидцем этого события.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что почти весь этот рассказ составлен из прямых и косвенных цитат, позаимствованных из Библии и апокрифов. Информация о самом событии сводится всего к двум коротким фразам, сохранившхся в Новогородской I летописи старшего извода: «И бежя Святопълк въ Печенегы, а Ярослав иде Кыеву». Уточнение же, что Святополка якобы несли на носилках, поскольку он не мог сидеть на коне, восходит к библейскому рассказу о бегстве Антиоха IV Епифана из Персии. Фразы же, выделенные курсивом, прямо заимствованы из греческой Хроники Георгия Амартола и относятся к описанию смерти Ирода Окаянного (здесь же мы найдм и упоминания о смраде, который исходил от правителя Иудеи перед смертью).

Естественно, эти цитаты не могут рассматриваться как свидетельства о том, «как все было на самом деле». Цель, которую преследовал летописец, вставляя их в свой рассказ, иная: дать характеристику Святополку.

При видимой разноплановости, все эти детали описания чрезвычайно близки по смыслу. Так, упоминание «дыма мучений», который якобы восходит по смерти Святополка, восходит, скорее всего к Апокалипсису: «и дым мучения их [тех, «кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое, или на руку свою»] будет восходить во веки веков» (Откр 14 9–11). Упоминание, что Святополку чудилось, будто за ним гонятся, хотя никто его не преследовал, в конечном итоге восходит к библейскому: «Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним» (Притч 28 1, 17). Как видим, две эти детали характеризуют туровского князя как нечестивца, поклоняющегося Антихристу. Эта характеристика усиливается сближением Святополка с Иродом Окаянным (откуда, судя по всему и прозвище, с которым Святополк вошел в историю). Образ противника Христа усиливается отождествлением с Данном: из рода Дана должен родиться Антихрист. Антиох же IV Епифан считался если не самим Антихристом, то его предтечей. То, что летописец отождествлял Святополка с Антиохом Епифаном, подтверждается «Сказанием о Мамевом побоище». Его автор именно так понял летописный рассказ о гибели туровского князя. В «Сказании» рядом с Олегом Рязанским, который прямо называется «предтечей антихристовым», упоминается рязанский боярин Епифан «Кореов».

Такое прозвище отсылает к 43-му псалму, в котором сыновья Кореевы предсказывают «злочестивый и зверский нрав Антиоха Епифана» (согласно толкованию блаженного Феодорита Киррского).

В таком контексте становится понятно, зачем летописец дважды подчеркивает, что матерью Святополка была монахиня-расстрига. Согласно «Откровению» Мефодия Патарского (которое было хорошо известно летописцу: он несколько раз цитирует его в Повести временных лет), Антихрист должен был родиться от монахини. Еще один любопытный момент: время действия Святополка в летописи — ровно три с половиной года. Это тот самый срок, который Антихрист должен править на земле. И то, чем занимается Святополк в Киеве, совпадает с тем, что должен делать Антихрист в последние времена. Удивительные характеристики дает летописец своим персонажам, хотя и не сразу заметные! Для того понять их, приходится приложить немало усилий.

«Завещание Ярослава»

Победа Ярослава в кровавой междоусобице Владимировичей обеспечила мир — но только до смерти великого князя киевского. Чтобы предотвратить повторение братоубийственной войны, Ярослав, как пишет летописец, перед смертью (1054) завещал сыновьям. «Завещание» это довольно точно охарактеризовал В. О. Ключевский: «Оно отечестки задушевно, но очень скудно политическим содержанием; невольно спрашиваешь себя, не летописец ли говорит здесь устами Ярослава».

Естественно, что касается *политического содержания*, то его трудно различить не вооруженным вполне определенной концепцией глазом в источнике, написанном в то время, когда самого понятия *политика*, видимо, не существовало. Что же касается оговорки, что здесь мы слышим скорее голос не Ярослава, а летописца, то она, как говорится, дорогого стоит. Перед нами — текст безусловно позднейшего, сугубо литературного происхождения, а вовсе не подлинная грамота Ярослава. Сменив «собеседника», мы меняем и свое отношение к тексту, — так сказать, перспективу его изучения. Слова, обращенные умирающим отцом к своим детям, исчезают, либо уходят на второй план. На авансцену же выходит сам летописец, обращающийся к своей аудитории. О чем же он говорит ей?

И здесь, пожалуй, один из самых сложных вопросов состоит в том, как воспринимали современники то состояние, которое историки

характеризуют как «период феодальной раздробленности», «удельный период», время «самостоятельных княжеств» или «суверенных феодальных земель»? Парадокс состоит в том, что ни у кого — ни из наших предков, ни из наших современников — судя по всему, не возникает никаких сомнений, что Русь как единое целое даже в таком «лоскутном» состоянии как-то умудряется сохраняться. Мало того, именно в период «раздробленности» процессы этнической и культурной консолидации явно нарастают вплоть до XIII–XIV вв.

Оставим за скобками вопрос о том, возможно ли *в принципе* существование источника, который бы «явно» не искажал «историческую ситуацию». К тому же, сокращение числа братьев, к которым обращается Ярослав, может и не восприниматься как искажение реальности. Во всяком случае, именно так понял эту замену В. О. Ключевский. Однако вывод, к которому пришел великий русский историк, радикально отличался от заключения А. А. Гиппиуса: «В сказании о Борисе и Глебе уже известного нам монаха Иакова читаем, что Ярослав оставил наследниками и преемниками своего престола не всех пятерых своих сыновей, а только троих старших. Это — известная норма родовых отношений, ставшая потом одной из основ местничества. По этой норме в сложной семье, состоящей из братьев с их семействами, т. е. из дядей и племянников, первое, властное поколение состоит только из трех старших братьев, а остальные, младшие братья отодвигаются во второе, подвластное поколение, приравниваются к племянникам: по местническому счету старший племянник четвертому дяде в версту, причём в числе дядей считался и отец племянника. Потом летописец, рассказав о смерти третьего Ярославича — Всеволода, вспомнил, что Ярослав, любя его больше других своих сыновей, говорил ему перед смертью: „Если бог даст тебе принять власть стола моего после своих братьев с правдою, а не с насилием, то, когда придет к тебе смерть, вели положить себя, где я буду лежать, подле моего гроба“. Итак, Ярослав отчетливо представлял себе порядок, какому после него будут следовать его сыновья в занятии киевского стола: это порядок по очереди старшинства».

Так что, как видим, даже, казалось бы, очевидные искажения того, «как это было на самом деле», могут получать вполне логичные объяснения. Другой вопрос, — насколько подобные рациональные интерпретации текста соответствовали представлениям автора анализируемого текста и его «актуальных» читателей. Быть может,

поэтому более продуктивным представляется несколько иной подход к подобным несоответствиям текста тому, что нам известно из других источников. Имеется в виду ориентация не на наши *здравые* представления, а на логику средневекового автора — насколько она может быть реконструирована при нынешнем состоянии источниковой базы и методического аппарата современного источниковедения.

Один из возможных вариантов такого подхода и демонстрирует А. А. Гиппиус: «Причина, побудившая автора перечня сократить число Ярославичей до трех, одновременно отступив и в других моментах от рассказа ПВЛ, может быть указана со всей определенностью: сообщение о разделе земли сыновьями Ярослава построено им по образцу открывающего ПВЛ рассказа о разделе земли сыновьями Ноя. Ориентация на этот образец проявляется не только в названных содержательных моментах, но и на стилистическом уровне — в заимствовании отдельных характерных оборотов („разделиша землю“, „всю страну въсточную“)».

Впрочем, аналогия между сыновьями Ноя и Ярославичами, которую проводил не только новгородский автор XII в., но и его предшественник — составитель Повести временных лет, уже неоднократно отмечалась исследователями. Действительно, на первых же страницах Повести читаем: «По потопе трие сынове Ноеви разделиша землю: Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся въстокъ Симови… Хамови же яся полуденьная страна… Афету же яшася полунощныя страны и западныя… <…> Симъ же и Хамъ и Афет, разделивше землю, жребьи метавше — не преступати никому же въ жребии братень. И живяхо кождо въ своеи части».

Несомненно, рассказы о распределении русских земель между сыновьями Ярослава создавались и закреплялись летописцем как параллель к библейскому сюжету вполне сознательно. Остается лишь выяснить, для чего это понадобилось.

Чтобы понять мотивы составителя Повести, избравшего именно такой сценарий раздела земли сыновьями Ноя, необходимо было найти непосредственный источник летописного рассказа. Между тем, установить его до сих пор не удается. Дело в том, что этот сюжет присутствует едва ли не во всех основных источниках Повести временных лет. Однако в каждом их них он имеет свои особенности, не совпадающие с деталями, которые упоминает древнерусский летописец.

Собственно в библейской Книге Бытия не уточняется, как именно был проведен раздел земли: после краткого сообщения о кончине Ноя просто перечисляется родословие его сыновей с упоминанием земель, которые населили потомки Сима, Хама и Иафета, завершающееся фразой: «Вот племена сынов Ноевых, по родословию их, в народах их. От них распространились народы на земле после потопа» (Быт 10 32).

Согласно Хронике Георгия Амартола, которой пользовался летописец, сыновья Ноя раздали своим потомкам земли согласно разделу, произведенному самим Ноем: «По размешении убо (языков. — *И. Д.*) и столпоу разроушении призваша 3-е сынове Ноеви вся родившаяся от них и дадять имъ написание страноу свою имена имъ, ихъже от отца прияша, откоуде соуть кождо ихъ и комоуждо свое колено и старостьство место и ветви и страны и острови и реки, комуждо что прилежить».

О том, что ни кто иной как Ной разделил земли между своими сыновьями, сообщается — со ссылкой на Иосифа Флавия — и в Исторической Палее: «И раздели Нои часть от мира всего триемь сыномъ своимъ, яко же въ писании Иосифове имать се о разделении».

Зато в Хронике Иоанна Малалы землю делят уже даже не сыновья Ноя, а их «колена».

Ближе всего к рассказу Повести, по наблюдению А. А. Гиппиуса, текст Толковой Палеи. Наконец, чрезвычайно близкий текст находим и в Летописце Еллинском и Римском.

Как видим, и здесь нет прямого упоминания, *как* происходил раздел земли. Впрочем, мотив разделения земли («уделов») между братьями («коленами») по жребию — один из распространенных в Библии.

Так что, для нас в данном случае гораздо более важным представляется даже не абсолютно точное установление протографа данного сюжета, а его смысл. В этом отношении вполне убедительным выглядит предположение А. А. Гиппиуса, что «причины различной трактовки авторами Начальной летописи рассматриваемого библейского мотива следует, как кажется, искать в эволюции древнерусской политической ситуации в конце XI — начале XII в. Автор статей 1054 и 1073 гг. (входивших, вероятно, еще в свод 70-х гг. XI в.) работал в период, когда ситуация эта определялась взаимоотношениями трех старших Ярославичсй, идеальным фундаментом которых было „завещание Ярослава". Библейская параллель в статье

1073 г. возникает поэтому в связи с идеей подчинения воле отца. Нарушивший завет Ярослава Святослав уподобляется сыновьям Хама, „преступившим предел“ Сима... вопреки завещанному Ноем.

В совершенно иной обстановке работал составитель библейско-космографического введения ПВЛ. В начале XII в. ни одного из сыновей Ярослава уже не было в живых; на исторической сцене действовало уже другое поколение князей, отношения между которыми строились на иных основаниях. Рубеж XI–XII вв. — эпоха княжеских съездов. На Любечском съезде 1097 г. впервые формулируется новый принцип наследования: „каждый да держит отчину свою“. На этом этапе „горизонтальные“ отношения договаривающихся между собой братьев приобретают самодовлеющий характер, не будучи связаны с „вертикальными“ отношениями исполнения сыновьями воли отца. Роль старейшего в роде, специально оговоренная завещанием Ярослава, при этом заметно ослабевает. В этой ситуации важнейшим средством разрешения княжеских споров оказывается жребий. Жребием, в частности, был разрешен спор между Мономахом и Олегом, возникший при перенесении мощей Бориса и Глеба в 1115 г. (одна из возможных дат составления ПВЛ). Этот новый порядок межкняжеских отношений, вероятно, и наложил отпечаток на рассказ библейского введения ПВЛ о сыновьях Ноя: принцип „не преступати в жребий братень“ формулируется здесь уже не как заповедь отца, а как договор братьев, разделивших землю по жребию».

Действительно, «горизонтальные» связи между братьями-князьями занимали летописцев едва ли не более всех прочих вопросов, связанных с межличностными отношениями: по числу упоминаний существительные «брат», «братья» занимают в Повести временных лет второе место после слова «лето» (в среднем, 4,6 упоминания на каждую тысячу слов текста).

Реализацией новых принципов междукняжеских отношений стало расчленение той территории, которую мы обычно именуем Древнерусским государством, на уделы, закрепленные за потомками того или иного Ярославича: «Девять земель управлялись определенными ветвями древнерусского княжеского рода Рюриковичей: столы внутри земли распределялись между представителями ветви. Ранее всех обособилось в династическом отношении Полоцкое княжество: еще в конце X в. Полоцкая волость была передана киевским князем Владимиром Святославичем своему сыну Изяславу и закрепилась за его потомками. В конце XI в. за сыновьями старшего

внука Ярослава Мудрого Ростислава Владимировича были закреплены Перемышльская и Теребовльская волости, позже объединившиеся в Галицкую землю (в правление Владимира Володаревича, 1124–1153 гг.). С вокняжения в Ростове сына Владимира Мономаха Юрия (Долгорукого) в начале XII в. берет начало обособление Ростово-Суздальской земли, где стали княжить его потомки. 1127 годом можно датировать окончательное обособление Черниговской земли. В этом году произошло разделение владений потомков Святослава Ярославича, закрепленных за ними Любецким съездом князей 1097 г., на Черниговское княжество, доставшееся сыновьям Давыда и Олега Святославичей (с 1167 г., после прекращения ветви Давыдовичей, в нем княжили только Ольговичи) и Муромское, где стал править их дядя Ярослав Святославич. Позже Муромское княжество разделилось на два — Муромское и Рязанское под управлением разных ветвей потомков Ярослава: потомки Святослава Ярославича княжат в Муромской земле, его брата Ростислава — в Рязанской. Смоленская земля закрепилась за потомками Ростислава Мстиславича, внука Владимира Мономаха, вокняжившегося в Смоленске в 20-х гг. XII в. В Волынском княжестве стали править потомки другого внука Мономаха — Изяслава Мстиславича. Во второй половине XII в. за потомками князя Святополка Изяславича закрепляется Турово-Пинское княжество» (А. А. Горский).

Такой порядок, однако, установился не во всех вновь появившихся княжествах. Как отмечает А. А. Горский, «четыре земли не закрепились в XII в. за какой-то определенной княжеской ветвью. Одним из них было Киевское княжество. Номинально киевский стол продолжал считаться „старейшим", а Киев — столицей всей Руси. Ряд исследователей полагает, что Киевское княжество стало объектом коллективного владения: князья всех сильнейших ветвей имели право на „часть" (владение частью территории) в его пределах. Другим „общерусским" столом был новгородский. Если в X–XI вв. его занимал, как правило, сын киевского князя, то в XII столетии усилившееся новгородское боярство стало оказывать решающее влияние на выбор князей, и ни одной из княжеских ветвей не удалось закрепиться в Новгороде. По-видимому, аналогичная система сложилась к середине XII в. в Пскове, ранее входившем в Новгородскую волость; при этом Псков сохранял элементы зависимости от Новгорода (ее характер и степень являются предметом дискуссии). Не стало отчиной определенной ветви и Переяславское княжество.

Им на протяжении XII века владели потомки Владимира Мономаха, но представлявшие разные ветви (Ярополк и Андрей Владимировичи, Всеволод и Изяслав Мстиславичи, сыновья Юрия Долгорукого Ростислав, Глеб и Михалко, Мстислав Изяславич, Владимир Глебович)».

Любопытно отметить, что среди этих центров, по крайней мере, два — Киев и Новгород — были сакральными столицами Руси.

В отношении Киева этот тезис не вызывает никакого сомнения. Город, который в современной историографии принято именовать столицей Древнерусского *государства*, воспринимался современниками, скорее всего, как центр мира, богоспасаемой, православной земли — *Русской земли* в широком смысле слова. При этом не следует забывать о наличии в Киеве резиденции митрополита «всея Руси» — факт, значение которого для древнерусского общества трудно переоценить.

Другое дело, казалось бы, Новгород. Однако и здесь мы имеем некоторые черты, которые позволяют догадываться, что древнерусская «северная столица» вполне могла ощущать себя соперником Киева не только в качестве политического, но и сакрального центра «Руськой земли» (впрочем, для рассматриваемого нами времени, кажется, понятия *политический* и *сакральный* чрезвычайно близки, если не тождественны). Во всяком случае, на такие размышления наводят и строительство в Новгороде храма Софии, и вполне серьезные претензии новгородских архиереев на независимость от киевского митрополита, и колоссальная роль архиепископов и архимандритов в государственных делах Новгорода.

Кстати, в полном объеме роль новгородского архимандрита в городском управлении была установлена сравнительно недавно трудами В. Л. Янина. В частности, выяснилось, что «новгородскую архимандритию следует представлять себе в виде особого государственного института, независимого от архиепископа, подчиняющегося вечу и формируемого на вече, опирающегося на кончанское представительство и экономически обеспеченного громадными монастырскими вотчинами. В системе новгородских республиканских органов архимандрития была прогрессирующим институтом, поскольку процесс увеличения ее богатств был необратим».

Что же касается Переяславского княжества, то его «особый» статус, скорее всего, можно было объяснить все-таки тем, что им владели потомки лишь одного из отпрысков Ярославова рода — Владимира

Мономаха, который сам приобрел особое место в числе наследников великого князя киевского.

Во всяком случае, вопрос о том, почему эти города, так сказать, выпали из формирующейся системы управления русских земель, нуждается в серьезном исследовании.

***

Анализируя летописное сообщение 6605/1097 г. о княжеском съезде в Любече, Д. С. Лихачев пришел к выводу, что Владимир Мономах «был идеологом нового феодального порядка на Руси», при котором каждый из князей «держить отчину свою» (т. е. владеет княжеством отца), «но это решение было только частью более общей формулы: «отселе имемься во едино сердце и съблюдемь Рускую землю"».

Тем самым, по мысли Д. С. Лихачева, Владимир Всеволодович закрепил в государственной и идеологической деятельности неустойчивое «балансирование» между обоими принципами — центробежным и центростремительным. Это стало доминантой «во всей идеологической жизни Руси в последующее время». Следовательно, «экономический распад Руси» якобы компенсировался новой «идеологической» установкой: «имемься во едино сердце». Идея единства Руси противопоставляется Д. С. Лихачевым (как, впрочем, и большинством других исследователей) «дроблению» Киевской Руси на княжества и земли.

Обращение к текстам, которые, видимо, легли в основу описания Любечского съезда (во всяком случае, учитывались автором летописной статьи), позволяет несколько сместить акценты, а вместе с ними — и общее понимание летописного текста. Во-первых, оборот «единое сердце» не выдуман летописцем, а заимствован им из Библии. «Единое сердце» — Божий дар народам Иудеи, которым отдана земля Израилева. Этот дар сделан им, «чтоб исполнить повеление царя и князей, по слову Господню», «чтобы они ходили по заповедям Моим, и соблюдали уставы Мои, и выполняли их; и будут Моим народом, а Я буду их Богом».

Последняя цитата возвращает нас к косвенной характеристике «Русьской земли» как земли богоспасаемой в уже упоминавшихся словах Олега и Святослава и к отождествлению Киева с Новым Иерусалимом.

При таком понимании смысла выражений, в которых зафиксированы результаты княжеских переговоров, яснее становятся

результаты Любечского «снема» 1097 г. Залогом мирного «устроенья» стало «держание» (правление, соблюдение) каждым князем своей «отчины» (территории, принадлежащей ему по наследству). При этом видимо, подразумевалось, что каждый из них будет «ходить по заповедям» Господним и соблюдать Его «уставы», не нарушая «межи ближнего своего». Такой порядок держания земель (наследственная собственность, закрепляемая за прямыми потомками князя) призван был уберечь «Русьскую землю» от гибели. В свою очередь, сам христианский мир выступал высшим, сакральным гарантом сохранения этого порядка (наряду с «хрестом честным»). Реально же соблюдение условий мира обязаны были контролировать все князья, принесшие крестоцеловальную клятву в Любече. Другими словами, речь здесь шла не о «естественном и характерном для этого времени неустойчивом положении „балансирования“» между действовавшими одновременно «противоположными силами» (центробежными и центростремительными, экономическими и идеологическими), а о своеобразном юридическом оформлении, легитимации нового порядка вступления князей на престолы, который окончательно разрушал прошлое эфемерное «политическое» единство Древнерусского государства (его основу составляли считавшаяся обязательной уплата дани в Киев и равные — разумеется, при соблюдении установленных порядков — права князей на занятие любого русского престола). В то же время сохранялась базовая «государственная» идея, оформившаяся в виде хотя бы общего представления не позднее 30-х годов XI в.: Киев — Новый Иерусалим, а окружающие христианские земли — богоизбранные.

Видимо, именно она нашла воплощение в наименовании всех православных земель единой «Русьской землей». Богоизбранность «Русьской земли» была тесно, точнее неразрывно, связана с представлением о приближающемся светопреставлении. Страшный Суд и следующий за ним Конец света — доминирующая тема русского летописания, оригинальной древнерусской литературы в целом. Она нашла как прямое, так и опосредованное отображение в большинстве пространственно-временных характеристик событий, которые мы находим в Повести временных лет. Именно эта идея является системообразующей древнерусского «хронотопа». Поэтому при анализе временных и пространственных данных, встречающихся в летописях, необходимо обязательно учитывать их смысловую

наполненность, иногда значительно превосходящую, а то и противоречащую буквальному значению.

Некоторые особенности развития западных и юго-западных земель древней Руси

Наступление удельного периода с одной стороны дало возможность ускоренного развития самостоятельных земель и княжеств. С другой, — это привело к многочисленным усобицам, связанным, прежде всего, с борьбой за «ничьи» стольные города, прежде всего, за Киев, который, помимо всего прочего, продолжал оставаться духовной столицей Русской земли, поскольку в нем находилась резиденция митрополита.

Самое активное участие в этой борьбе принимали северо-восточные князья. Так, Юрий Долгорукий после смерти великогно киевского князя Мстислава Владимировича пытался захватить власть в Переяславе Южном и Киеве. Дважды — хотя и ненадолго — он становился киевским князем: в 1149 и 1155 гг. Однако уже его сын, Андрей Боголюбский предпочел киевскому престолу Северо-Восток. Дважды — первый раз с разрешения отца, а во второй раз вопреки его воле — он отказывался жить и княжить на Юге. Во время своего тайного отъезда из Вышгорода в 1155 г. Андрей увез с собой драгоценную киевскую реликвию — икону Богородицы, которая, по преданию, была написана самим евангелистом Лукой. Это был первый шаг к попыткам лишить Киев его сакрального статуса. Около 1162 г., став уже великим князем ростовским, суздальским и владимирским Андрей Боголюбский отправил в Константинополь к патриарху Луке Хризовергу своего посла Якова Станиславича, прося учредить во Владимире митрополичью кафедру и поставить митрополитом своего приближенного Федорца. Однако константинопольский патриарх категорически отказал ему, указав на то, что это погубит Русскую землю. Андрей был вынужден отдать Федорца на расправу киевскому митрополиту.

Однако Андрей не просто стремился уйти как можно дальше от древнерусской столицы, где власть великого князя находилась под контролем вечевого собрания (на Северо-Востоке, колонизированном сравнительно недавно, вечевые порядки не имели столь глубоких корней, как в Киеве). Он попытался лишить Киев его статуса столицы богоспасаемого мира.

В 1169 г. он огранизовал грандиозный поход на Киев, в котором приняли участие «ростовци, и володимерци, и суждалци, и инехъ князии 11: Глебъ Переяславьскыи, Роман Смолиньскыи, Давыдъ Вышегородьскыи, Володимеръ Анъдреевичь [Дорогобужский], Дмитръ и Гюрги, Мстиславъ, Рюрикъ [из Вручего] с братомъ съ Мстиславомъ, Олегъ Святославичь с братом со Игоремъ». Город был захвачен: «и весь Кыевъ пограбиша, и церкви, и манастыре за 3 дни: и иконы поимаша, и книгы, и ризы». Это сообщение северо-восточного летописца дополняет рассказ Ипатьевской летописи: «и грабиша… весь град Подолье, и Гору, и манастыри, и Софью, и Десятиньную Богородцу; и не бысть помилования никомуже ни откудуже: церквамъ горящимъ, крестьяномъ убиваемомъ, другым вяжемымъ, жены ведоми быша въ пленъ, разлучаеми нужею от мужи своих, младенци рыдаху, зрящее материи своиихъ; и взяша именья множьство, и церкви обнажиша иконами и книгами, и ризами, и колоколы изнесоша все смоляне, и суждалци, и черниговци, и Олгова дружина; и вся святыни взята бысть… И бысть в Киеве на всих чловецехъ стенание и туга, и скорбь неутешимая, и слезы непрестаньныя».

В древней столице Руси он сажает своего младшего брата Глеба, а в Новгород отправляет «подручного» — князя Рюрика Ростиславича. После смерти Глеба Юрьевича Андрей назначает на киевский престол своего племянника, смоленского князя Романа Ростиславича, а его младших братьев, Давыда и Романа, сажает в Вышгород и Белгород. Однако братья Ростиславичи вскоре перестали подчиняться своему властолюбивому дядюшке, обиженные тем, что он обращается с ними как с «подручниками». «Мы тя до сихъ местъ акы отца имели по любви. Аже еси сь сякыми речьми прислалъ, не акы кь князю, но акы кь подручнику и просту человеку», — заявили они великому князю.

И тогда в 1173 г. Андрей Юрьевич организовал еще один общерусский поход на Киев. Войско его состояло из ростовцев, суздальцев, владимирцев, переяславцев, белозерцев, муромцев, новгородцев и рязанцев. По приказу князя к нему присоединились дружины полоцкого, туровского, пинского, городеньского, черниговского, новгород-северского, путивльского, курского, переяславль-русского, торческого и смоленского князей. Колоссальное войско, тем не менее, под стенами Киева потерпело поражение и вынуждено было с позором уйти: «И тако вьзвратишася вся сила Андрея, князя Суждальского, совокупилъ бо бяшеть все земле, и множеству вои

не бяше числа. Пришли бо бяху высокомысляще, а смирении отидоша в домы своя». На киевский престол (не без помощи Ростиславичей, естественно) сел впоследствии враг Андрея Боголюбского — Ярослав Изяславич Луцкий...

Одновременно с первым походом на Киев во Владимире началось грандиозное строительство: как и в Киеве, в городе были возведены Золотые ворота, храм Успения Пресвятой Богороицы. Здесь появилась речка Лыбедь, Печерский городок... Владимир явно должен был перехватить у Киева функцию столицы мира...

Действительно, после разгрома 1169 г., который может быть сопоставлен разве что с ужасами монгольского нашествия, Киев начинает терять свое значение. На юге инициатива переходит к Галичу и Волыни. А в борьбе князей за власть все чаще принимают участие иноземные отряды...

Последний момент нуждается в объяснении. Как ни странно, это связано не только с близостью южных и юго-западных древнерусских земель к Польше, Венгрии, Германии и Степи, но и с родословной самих древнерусских князей.

Авторы школьных учебников всегда с удовольствием и гордостью сообщают о том, как древнерусские князья выдавали своих дочерей за представителей правящих династий Западной Европы. На память, естественно, сразу приходит Анна Ярославна — «королева Франции» (тогда — Парижа с ближайшими пригородами, Иль-де-Франс). Можно также вспомнить, что сестра Анны, Елизавета вышла замуж за короля Норвегии. Сестры их отца, Ярослава Мудрого, были выданы за норманнского маркграфа Бернгарда, за кузена венгерского короля Иштвана I Ласло Сара и за польского короля Казимира I Пяста (Добронега-Мария), а дочери Владимира Мономаха — за венгерского короля Коломана (Евфимия), за византийского царевича Леона (Мария) и за венгерского короля Белу II (София). Но, вот, о том, кем были матери древнерусских князей, авторы учебников обычно не упоминают. А зря...

Итак, кем же были «наши» князья по материнской линии?

Начнем с первого вполне исторического киевского князя Игоря. От его брака с Ольгой (судя по имени, скандинавкой) родился сын Святослав, одной из жен которого была некая Малуша. Была ли она славянкой, сказать трудно...

Согласно летописной легенде, своего старшего сына Ярополка Святослав женил на монахине-гречанке, которую привез

из балканского похода, «красоты ради лица ея». Младший же Святославич, Владимир имел несколько жен: летописец упоминает, в частности, Рогнеду, отец которой, полоцкий князь Рогволод «пришел и-заморья» (т. е., был скандинавом), «чехиню» и «болгарыню», а также византийскую принцессу Анну.

От первой жены у Владимира родились будущие князья полоцкий Изяслав, тмутараканский (и, скорее всего, черниговский) Мстислав, а также новгородский и киевский Ярослав (которого мы обычно — вслед за историками XIX в. — называем Мудрым). Все они, соответственно, по материнской линии были скандинавами. От «чехини» был рожден будущий новгородский князь Вышеслав (судя по всему, самый старший из Владимировичей), а от «болгарыни» — Борис и Глеб, которые вскоре будут убиты своим сводным братом Святополком (сыном Ярополка Святославича и монахини-гречанки), женатого, кстати, на дочери польского князя Болеслава Храброго. Так что, судя по летописным данным, первые русские святые были наполовину болгарами.

В результате кровопролитной братоубийственной усобицы, начавшейся сразу после смерти Владимира, как мы помним, единственным правителем на Руси останется Ярослав. От брака со шведской принцессой Ириной-Ингигердой, дочерью шведского короля Олафа Шётконунга родятся все сыновья Ярослава. Старший из них, Изяслав, унаследовавший от отца новгородский и киевский престолы, женится на Гертруде, дочери польского князя Мешко II. Сменивший брата на киевском княжении Святослав Ярославич будет женат на дочери немецкого графа Леопольда фон Штаде, а младший Ярославич, Всеволод, также ставший киевским князем, — на дочери византийского императора Константина Мономаха.

Потомки Всеволода закрепятся на киевском престоле. Владимир Мономах женится на Гиде, дочери англосаксонского короля Гаральда II. Их сыновья также вступят в брак с иноплеменницами: Мстислав-Гаральд — с дочерью шведского короля Инга Стейнкельса Христине, Ярополк — с осетинской княжной Оленой, а Юрий Долгорукий и Андрей с дочерьми половецких ханов.

Сыновья Изяслава Ярославича свяжут свои судьбы: один с дочерью немецкого графа Оттона фон Орламюнде (Ярополк, князь туровский), другой — Святополк, князь киевский — сначала с половецкой хатунь, дочкой Тугорхана, а затем с представительницей византийской династии Комнинов Варварой. Сын Святополка Изяславича,

волынский князь Ярослав также будет женат дважды: первый раз на дочери венгерского короля Ласло, а второй — на дочери польского короля Владислава Германа.

Святослав Ярославич женит своего сына Олега, князя черниговского, курского и северского сначала на византийской аристократке Феофано Музалон, а затем на половецкой хатунь, дочери хана Осулука. Внуки же его возьмут в супруги дочерей польского князя Болеслава III (Всеволод, князь муромский) и половецкого хана Аепы (князь черниговский Святослав). От последнего брака, кстати, родится главный герой «Слова о полку Игореве», который, сам будучи внуком и правнуком половецких ханов, сына своего, Владимира (князя галицкого) также выдаст за половчанку, дочь хана Кончака...

Список жен-иноземок древнерусских князей можно продолжить. Здесь мы найдем и дочь чешского оломоуцкого князя Оттона II Евфимию (жену новгородского князя Святополка Мстиславича), и дочь хорватского князя Белуша (жену дорогобужского князя Владимира Мстиславича), и немецкую принцессу, и грузинскую царевну Русудан (жены великого князя киевского Изяслава Мстиславича), и дочь польского великого князя Болеслава III Агнешку (жену великого князя киевского Мстислава Изяславича), и дочь литовского князя Довспрунка (жену князя Даниила Романовича), и дочь польского князя Казимира III (жену великого князя киевского Всеволода Чермного), и дочерей половецких ханов Белгука (жену великого князя киевского Рюрика Ростиславича), Тоглыя (жену новгородского князя Мстислава Давыдовича), Котяна (жену князя Мстислава Удатного) и Юрия Кончаковича (жена Ярослава Всеволодовича), и осетинскую княжну Марию (жену князя Всеволода Большое Гнездо), и грузинскую царицу Тамар (жену сына Андрея Боголюбского Юрия) ...

Дело, конечно, не в том, что в подавляющем большинстве древнерусские князья (если не все они) не имели восточнославянских «кровей» и уже потому были если не «чужими», то не вполне «своими».

Иноземные «принцессы» приносили на Русь свою культуру, свои языки и обычаи. Они приезжали не одни, а с двором (пусть, небольшим). Христианки прибывали ко дворам своих супругов со своими духовниками (на этот счет есть важное свидетельство Титмара Мерзебургского, что дочь Болеслава Храброго приехала в Туров со своим духовным отцом, колобжегским епископом Рейнберном). Священники же, очевидно, привозили с собой книги...

До сих пор практически даже не поставлен вопрос о том, на каком языке (точнее, на каких языках) разговаривали при княжеских дворах. Владимир Мономах писал, что его отец, Всеволод Ярославич, «дома седя, изумеяше 5 язык — в том бо честь есть от иных земль». Пять языков (ученые, кстати, до сих пор спорят, что это были за языки: обычно называют латинский, немецкий, венгерский, половецкий, литовский, торческий, косожский, абезский, «скандинавский», язык волжских болгар и др.; единственно, в чем сходятся все, — Всеволод, безусловно, владел греческим языком) — это, конечно, много. Но, судя по матримониальным связям, каждый князь должен был достаточно свободно владеть не меньше чем тремя языками: чтобы беседовать со своей матерью (у которой он воспитывался лет до 6–8), отцом, женой и подданными. Древнерусский язык должен был, судя по всему, выполнять функции языка-посредника, языка межнационального общения в окружении князя.

Следует ли после этого удивляться довольно обширным познаниям древнерусских книжников в области античной и даже древнеегипетской мифологии, включению в круг их чтения не только греческих хроник, иудейских апокрифов, но и «Повести о Варлааме и Иоасафе», представляющей собой христианизированный вариант истории Гаутамы-Будды, или переводы с арабского или с сирийского языка ассиро-вавилонской повести VII в. до н. э. об Акире Премудром?

Показательно, что знаменитое Поучение Владимира Мономаха обнаруживает близость к западноевропейским наставлениям «к детям», к творениям отцов церкви (в частности, Василия Великого), поучениями из «Пролога», произведениям византийской, латинской и англосаксонской литературы. По мнению В. В. Данилова, князь косвенно использует в Поучении трактат раннехристианского римского автора III в. Минуция Феликса «Октавий».

В Повесть временных лет включены выдержки из древнерусского перевода еврейского хронографа «Книга Иосиппон», составленного в южной Италии в середине X в. Рассказ о четвертой мести Ольги (о том, как по приказу княгини была сожжена столица древлян Искоростень с помощью птиц, к которым был привязан горящий трут) находит параллели, как уже отмечалось, во многих произведениях средневековой западноевропейской литературы..

Есть основания утверждать, что на Руси делались (хотя бы в исключительном порядке) переводы с латинского и древнееврейского.

разыскания А. А. Гогешвили, проводившиеся в последнее десятилетие XX в., позволяют предположительно говорить о том, что древнерусским авторам домонгольского времени были в подлинниках знакомы многие произведения античной литературы и западноевропейский рыцарский роман, откуда они заимствовали не только отдельные образы и тропы, но и поэтическую технику. Существовали также культурно-литературные контакты и со странами Ближнего Востока.

И не последнюю очередь в обеспечении столь широкого контекста, в котором формировалась древнерусская культура, играли матримониальные связи древнерусских князей. Оставаясь для основной массы населения Руси чужими (иноземное имя легендарного Рюрика — лучшее тому подтверждение), они, сами того не подозревая, закладывали фундамент древнерусской культуры.

Учет материнской линии в родословных древнерусских князей может внести новые, порой неожиданные, ноты и в понимание логики развития политической истории Руси домонгольского времени.

В частности, учет семейно-брачных связей древнерусских князей домонгольского времени существенно проясняет многие вопросы, связанные, скажем, с участием иностранных отрядов в борьбе «Рюриковичей» за престолы на юге русских земель. Становится, скажем, понятным, почему в борьбе за киевский, галицкий или волынский престолы такое активное участие принимают отряды из Польши, Венгрии, Германии, а также половцы. Становится ясно и то, что отношения с соседями и на Западе, и на Востоке (в частности, отношения со Степью) — это не только противостояние и постоянная борьба с внешней агрессией. Это еще и решение, так сказать, внутрисемейных вопросов.

Южная Русь и Степь

Под 6653/1145 годом в Новгородской первой летописи старшего извода упоминается поход на Галич: «Томь же лете ходиша вся Русска земля на Галиць и много попустиша область ихъ, а города не възяша ни одиного, и воротишася, ходиша же и из Новагорода помочье кыяномъ, съ воеводою Неревиномь, и воротишася съ любъвью». Тот же поход описывается и в Ипатьевской летописи, но гораздо подробнее: «В лето 6654. Всеволод съвкоупи братью свою. Игоря и Святослава же остави в Киеве, а со Игоремъ иде к Галичю и с Давыдовичема, и съ Володимиромъ, и съ Вячеславомъ Володимеричемъ,

Изяславъ и Ростиславъ Мьстислалича, сыновчя его, и Святослава поя, сына своего, и Болеслава Лядьскаго князя, зятя своего, и Половце дикеи вси. И бысть многое множество вои, идоша к Галичю на Володимирка». Сопоставление приведенных текстов позволило В. А. Кучкину вполне резонно заключить: «Если новгородский летописец имел в виду всех участников похода, тогда под его Русской землей нужно разуметь еще поляков и половцев». И если присутствие в числе представителей «Русской земли» польского «князя» Болеслава автор известия Ипатьевской летописи хоть как-то оправдывает (уточняется, что тот — зять Всеволода), то «дикие половцы» выглядят в приведенном перечне действительно «дико»... Правда, уже в так называемом «этнографическом» введении к Повести временных лет половцы стоят в одном ряду с восточнославянскими племенами. Летописца вовсе не смущает такое соседство. Оно странно для нас. Мы даже не замечаем, как срабатывает стереотип: половцы — извечные враги Руси. Другого, кажется, просто не могло быть.

Кто же такие половцы для автора и читателя XII — начала XIII в.?

Под 6569/1061 годом в Повести временных лет имеется запись: «В лето 6569. Придоша Половци первое на Русьскую землю воевать. Всеволодь же изиде противу имъ, месяца февраля въ 2 день. И бившимъся имъ, победиша Всеволода, и воевавше отъидоша. Се бысть первое зло от поганых и безбожныхъ врагъ. Бысть же князь ихъ Искалъ».

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что это — вовсе не первое появление половцев в пределах Русской земли. Еще под 6562/1054 годом в летописи имеется сообщение о событиях, непосредственно последовавших после смерти Ярослава Владимировича: «В семь же лете приходи Болушь с Половьци, и створи Всеволодъ миръ с ними, и возвратишася Половци вспять, отнюду же пришли».

Настоящая опасность, исходящая от половцев, стала ясна лишь через несколько лет, когда в начале осени 1068 г. объединенные силы русских князей не смогли противостоять им в битве на Альте: «В лето 6576. Придоша иноплеменьници на Русьску землю, Половьци мнози. Изяславъ же, и Святославъ и Всеволодъ изидоша противу имь на Льто. И бывши нощи, подъидоша противу собе. Грехь же ради нашихъ пусти Богъ на ны поганыя, и побегоша русьскыи князи, и победиша Половьци». Следствием поражения на Альте стал, кстати,

переворот в Киеве: место изгнанного киевлянами Изяслава занял сидевший до того в «порубе» полоцкий князь Всеслав.

Однако торжество половцев оказалось недолгим: «Посемь же Половцемъ воюющим по земле Русьсте, Святославу сущю Чернигове, и Половцем воюющим около Чернигова. Святослав же собравъ дружины неколико, изиде на ня ко Сновьску. И узреша половци идущь полкъ, пристроишася противу. И видевъ Святославъ множьство ихъ, и рече дружине своей: «Потягнемъ, уже нам не лзе камо ся дети». И удариша в коне, и одоле Святославъ в трех тысячахъ, а половець бе 12 тысяче; и тако бьеми, а друзии потопоша въ Снови, а князя ихъ яша рукама, въ 1 день ноября. И възвратишася с победою в градъ свой Святославъ»...

В последующие десятилетия письменные источники дают нам огромное количество более или менее подробных описаний столкновений южнорусских и половецких войск. Видимо, именно такие рассказы, дополненные гениальным «Словом о полку Игореве», сформировали стереотип восприятия половцев в научной и научно-популярной исторической литературе, а тем более — в современном обыденном сознании: образ «чръного ворона — поганого половчина» стал своеобразным символом доордынской Степи. Кажется, что заветной мечтой половцев было, как пишет Д. С. Лихачев, «прорвать оборонительную линию земляных валов, которыми Русь огородила с юга и с юго-востока свои степные границы, и осесть в пределах Киевского государства»...

Однако, вопреки широко бытующему мнению, рассказы о русских набегах на кочевья половцев, пожалуй, ничуть не реже сообщений о разорении русских земель номадами. Достаточно вспомнить хотя бы самый знаменитый поход Игоря Святославича, совершенный в 1185 г. новгород-северским князем на оставленные без прикрытия половецкие вежи. Нередки были и случаи совместных походов русских князей с половецкими ханами. Мало того, поведение «коварных», «хищных», «злобных» и «алчных» (какими обычно рисует их наше воображение) половцев сплошь и рядом вызывает недоумение — именно потому, что оно радикально не соответствует клишированному образу исконного врага Русской земли.

Другими словами, отношения между Русью и Степью складывались не столь трагично, а, может быть, даже и не столь драматично, как может показаться на первый взгляд. Вооруженные столкновения сменялись мирными годами, ссоры — свадьбами. При внуках

и правнуках Ярослава Мудрого половцы уже были «нашими». Многие русские князья: Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Андрей Владимирович, Олег Святославич, Святослав Ольгович, Владимир Игоревич, Рюрик Ростиславич, Мстислав Удатной и другие, как мы поминм, женились на половчанках, либо сами были наполовину половцами. Не был исключением из этого ряда и Игорь Святославич: в его роду пять поколений князей подряд были женаты на дочерях половецких ханов. Кстати, уже из этого следует, что поход Игоря был не простой местью или попыткой, говоря современным языком, нанести превентивный удар потеницальному противнику...

Причиной столь неровных отношений была, судя по всему, специфика экономики кочевого общества. Подборку основных точек зрения на этот счет приводит Н. Крадин: «наверное, самый интригующий вопрос истории Великой степи — это причина, толкавшая кочевников на массовые переселения и разрушительные походы против земледельческих цивилизаций. По этому поводу было высказано множество самых разнообразных суждений. Вкратце их можно свести к следующему: 1) разнообразные глобальные климатические изменения (усыхание — по А. Тойнби и Г. Грумм-Гржимайло, увлажнение — по Л. Н. Гумилеву); 2) воинственная и жадная природа кочевников; 3) перенаселенность степи; 4) рост производительных сил и классовая борьба, ослабленность земледельческих обществ вследствие феодальной раздробленности (марксистские концепции); 5) необходимость пополнять экстенсивную скотоводческую экономику посредством набегов на более стабильные земледельческие общества; 6) нежелание со стороны оседлых торговать с номадами (излишки скотоводства некуда было продать); 7) личные качества предводителей степных обществ; 8) этноинтегрирующие импульсы (пассионарность — по Л. Н. Гумилеву). В большинстве перечисленных факторов есть свои рациональные моменты. Однако значение некоторых из них оказалось преувеличенным».

Исследования последних лет (прежде всего труды выдающегося американского социоантрополога О. Латтимора) позволили вплотную подойти к решению этой проблемы: «„чистый" кочевник вполне может обойтись только продуктами своего стада, но в этом случае он оставался бедным. Номады нуждались в изделиях ремесленников, оружии, шелке, изысканных украшениях для своих вождей, их жен и наложниц, наконец, в продуктах, производимых земледельцами. Все это можно было получить двумя способами: войной

и мирной торговлей. Кочевники использовали оба способа. Когда они чувствовали свое превосходство или неуязвимость, то без раздумий садились на коней и отправлялись в набег. Но когда соседом было могущественное государство, скотоводы предпочитали вести с ним мирную торговлю. Однако нередко правительства оседлых государств препятствовали такой торговле, так как она выходила из-под государственного контроля. И тогда кочевникам приходилось отстаивать право на торговлю вооруженным путем».

Кочевники вовсе не стремились к завоеванию территорий своих северных соседей. Они предпочитали — насколько это было возможно — совместно с оседлым населением близлежащих земледельческих регионов получать максимальную выгоду из мирной «эксплуатации» степи. Именно поэтому, по наблюдению И. Коноваловой, «разбой в степи был довольно редким явлением, не нарушавшим ход степной торговли. Ведь в ее стабильности были равно заинтересованы как русские, так и половцы. Половцы получали значительные выгоды, взимая с купцов пошлиныч за транзит товаров про степи. ... Очевидно, что и русские князья, и половецкие ханы были заинтересованы в «проходимости» степных путей и совместными усилиями отстаивали безопасность перевалочных торговых центров. Благодаря этой заинтересованности Половецкая степь не только не служила барьером, отгораживавшим Русь от стран Причерноморья и Закавказья, но сама являлась ареной оживленных международных торговых связей».

Итак, отношения южной Руси со Степью складывались довольно сложно — прежде всего, из-за различий в образе жизни, языке, культуре. Тем не менее, сформировавшиеся в последние два столетия стереотипы восприятия степняков как исконных врагов Руси не вполне отвечают представлениям о южных соседях, которые бытовали в Древней Руси.

Поэтому знаменитый поход новгород-северского князя Игоря Святославича, учитывая происхождение этого князя, уже не выглядит бесславной авантюрой, направленной на предотвращение половецких набегов на русские земли. Князь сам, по большей части, половец и, судя по всему, принимает участие в каких-то не вполне понятных нам выяснениях отношений между различными половецкими кочевьями. Недаром к нему с таким вниманием и почетом относится Кончак (который, кстати, после бегства Игоря из «плена» нанесет удар по княжествам, враждовавшим с Новгород-Северским).

Эти родственные связи сыграют, в частности, роковую роль в событиях на Калке в 1224 г., когда южнорусские князья, откликнувшись на призыв о помощи своих половецких родственников, потерпят сокрушительное поражение от передовых монгольских отрядов...

Западные и юго-западные земли древней Руси в составе Великого княжества Литовского

Великое княжество Литовское, Жемоитское и Русское в древнерусских летописях и в современной литературе именуют Литвой. Сами жители княжества часто называли его Русью. И на то были основания, поскольку в состав Великого княжества входили почти все крупные политические и экономические центры Киевской Руси: Киевская земля, Северская земля, Полесье, Волынь, Подолье и Верховские княжества.

Основы нового государственного объединения заложил литовский князь Миндовг (конец 1230-х — 1263). Во второй половине 30-х гг. XIII в. он объединил под своей властью Аукштайтию (Восточная Литва) и Черную Русь (Новогрудская земля). К началу 50-х гг. к союзу примкнули города Гродно, Волковыск, Слоним, Пинск, Полоцкое и Витебское княжества. В 1252 г. государство Миндовга признано официально: после формального принятия католичества он получил от папы римского благословение и королевскую корону.

Толчком к объединению русских и литовских земель стала необходимость отражения внешней опасности. С запада и северо-запада этим землям угрожали крестоносцы, с востока — Орда. Поэтому вся начальная история нового балтославянского государства — это тяжелейшая борьба на два фронта. Кроме того, оно постоянно испытывало угрозу со стороны Польши и Венгрии.

В 1254 г. был заключен важный политический союз между Миндовгом и галицким князем Даниилом Романовичем (1238–1264), возглавлявшим коалицию русских князей, не пожелавших признавать власть Орды. Сын Даниила Галицкого Роман занял княжеский престол в Новогрудске в качестве наместника и вассала Миндовга. Политические связи были подкреплены династическими браками. Опираясь на помощь Литвы, Даниилу удалось во второй половине 50-х гг. XIII в. освободить от ордынского владычества Северную Подолию и Волынь. Однако вскоре между Миндовгом и Даниилом

началась распря, и монголы восстановили свою власть над Западной Русью.

В 1261 г. Миндовг отрекся от христианства, после чего ему подчинилась языческая Жемайтия (Жмудь). Преемник Миндовга — его сын Войшелк (1264–1267) — заключил новый союз с галицко-волынскими князьями. Таким образом, к середине 60-х гг. XIII в. западнорусские и литовские земли слились в достаточно мощное государственное объединение. Несмотря на династические, этнические и конфессиональные противоречия, оно представляло собой устойчивый политический союз.

В полной мере объединительная политика литовских князей, получившая поддержку западнорусского боярства, проявилась в годы правления великого князя Гедимина (1315–1341). Ему удалось значительно расширить территорию княжества благодаря призыву начать всеобщую антиордынскую борьбу. Опираясь на помощь Литвы, из-под власти Орды вышел Смоленск, с чем ханы вынуждены были смириться. После непродолжительного конфликта с Польшей и Венгрией Гедимин в 1325 г. получил в управление Брестское княжество, в то время как Волынь отошла к Польше. Столицей Литвы стал город Вильно.

Перед смертью Гедимин разделил свое княжество между семью сыновьями, что могло привести к политической раздробленности. Однако это не разрушило единства балтославянской державы. После короткой борьбы Гедиминовичей за власть великим князем стал Ольгерд (1345–1377). Он возглавил борьбу за расширение южных и восточных пределов своего государства. Отражение натиска крестоносной агрессии на западе взял на себя Кейстут — брат и фактический соправитель великого князя.

В середине XIV в. Ольгерду удалось одержать ряд крупных побед над Ордой. В результате он освободил и объединил под своей властью основную часть территории Киевской Руси.

В 1358 г. Ольгерд и Кейстут выступили за объединение всех балтских и восточнославянских земель под властью Великого княжества Литовского и Русского. Продвижение Литовской Руси на восток неизбежно вело к конфликту с Московским княжеством. Однако начавшаяся в малолетство московского князя Дмитрия Ивановича (будущего Донского) междоусобица на время превратила Литву в единственный политический центр, который мог реально претендовать на роль «собирателя» русских земель. При этом

объединительные тенденции приобрели ярко выраженные антиордынские черты.

В 1356 г. Ольгерд захватил город Ржеву, еще через три года — часть Смоленского княжества. Тогда же под его власть попали земли по Березине и среднее Поднепровье. В 1362 г. к Литве были присоединены княжества Киевское, Чернигово-Северское, Волынское и часть Переяславского. В том же году Ольгерду, возглавившему объединенные литовско-русские войска, удалось нанести поражение ордынцам в сражении у Синих Вод, в результате чего во владение великого князя литовского вошло практически все Подолье.

В 1368 г. Ольгерд, чтобы поддержать своего давнего союзника и свояка — князя тверского, совершил первый крупный поход на Москву, закончившийся неудачей. Последующие походы 1371 и 1372 гг. также не принесли успеха Литве. Москва устояла, что, несомненно, укрепило ее авторитет в землях Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Неудачи Ольгерда в открытой борьбе с Москвой привели к окончательному разделению русских земель.

Ольгерд оставил литовский престол сыну Ягайло (1377–1392). По не вполне ясным причинам новый государь перешел от конфронтации к сближению с Ордой. Победа великого князя московского на Куликовом поле (обеспеченная, в частности, полководческим талантом выходца из западных русских земель Дмитрия Михайловича Боброка Волынского) приняли вынудила Ягайло вновь налаживать отношения с Москвой.

Однако после того как в 1382 г. Москву разорил Тохтамыш (1381–1405), великий князь литовский решил пойти на сближение с Польшей. В 1385 г. Ягайло женился на польской королеве Ядвиге и стал польским королем. Условием этого брака было принятие Литвой католичества в качестве государственной религии. Этот шаг навсегда лишил Литву права и возможности претендовать на то, чтобы стать центром объединения русских земель — по преимуществу православных. Столкновения с Москвой теперь приобрели форму религиозной войны. Новым великим князем литовским (теперь — наместником польского короля) стал сын Кейстута Витовт (1392–1430). Политический талант Витовта и его готовность в любой момент вновь заключить договор с Ливонским орденом позволили установить политическое равновесие между Польшей и Литвой. Благодаря этому Великое княжество Литовское еще несколько десятилетий сохраняло государственный суверенитет.

Витовт заключил союз с Тохтамышем и помог ему после поражения, которое нанес тому Тамерлан (1395). Теперь великий князь литовский мог активно вмешиваться во внутренние дела Орды. Получив от Дмитрия Ивановича отказ на предложение совместными усилиями покончить с ордынским владычеством, он решил оказывать давление на Москву с помощью Тохтамыша.

Настоящую славу Витовту принесла победа над рыцарями Тевтонского ордена под Грюнвальдом (1410), одержанная им совместно с Ягайло. Вскоре Витовт фактически начал контролировать положение в Крымской Орде.

Кончина в 1430 г. Витовта, готовившегося принять королевскую корону, завершила самый блестящий период в истории Великого княжества Литовского. При его преемниках начались усобицы, в которые все активнее вмешивались русские князья. В правление короля Казимира (1440–1492) Литва практически полностью потеряла свое политическое влияние. В конце XV — начале XVI в. большинство пограничных русских земель (в том числе Верховские княжества, Новгород-Северский, Чернигов, Путивль) перешло под власть Москвы. Наконец, в 1569 г. Великое княжество Литовское — вместе с входящими в ее состав западнорусскими землями — стало частью нового польско-литовского государственного объединения — Речи Посполитой.

Украинные земли

С определением того, что представляла собой «Русская земля» в широком смысле, тесно связана еще одна проблема, имеющая уже непосредственное отношение к предыстории Украины: это вопрос о том, когда само слово «Укрина» стало обозначением западных древнерусских земель.

Широко бытует представление, что уже первое упоминание «украины» в Ипатьевской летописи под 6695/1187 годом является свидетельством того, что именно тогда и появилось самоназвание Украины. Возвращаясь из похода на половцев, переяславский князь Владимир Глебович «разболеся... болестью тяжкою, еюже скончася». «И плакашася по немь вси Переяславци, — продолжает летописец, — бе бо любя дружину, и залата не сбирашеть, имения не щадяшеть, но даяшеть дружине. Бе бо князь добръ, и крепокъ на рати, и моужьствомъ крепкомъ показаяся, и всякими добродетелеми наполненъ. О нем же Украина много постона».

Речь в этом фрагменте явно идет только о переяславской земле, которая и называется «Украиной». Чуть позже, под 6697/1189 годом упоминается «Украина Галичькая» (она же «волость Галичкая»), которую знаменитый князь Святослав Всеволодович предложил захватить Рюрику, «собе хотяшеть всеи Рускои земли около Кыева». Из этого явно следует, что под «Украиной» летописцы имеют в виду различные территории. Действительно, в различных источниках мы можем найти упоминания псковской «украины», а также Смоленска, Любутска и Мценска как «украинных мест». Обширную подборку подобных словосочетаний, относящихся к самым разным территориям, приводит Ф. Гайда. Здесь и «наши села в Мордве на Цне и на Украине» (в докончании великого князя рязанского Ивана Васильевича с князем Федором Васильевичем от 19 августа 1496 г.), и «украина» и «украинные места» с «нашими украинами» (при определении московско-крымской границы в конце XV в.), и «Роспись сторожам из украинных городов от польские украины по Сосне, по Дону, по Мече и поиным речкам» (1571), и «татарские», «казанские» и «немецкие Украины», и «украинская служба» московских служилых людей, вплоть до XVII в. включавшая Сибирь, Астрахань и «иные дальние украинные городы» (при этом в узком смысле слова Украиной с конца XV — начала XVI в. называлась «Украина за Окой», «крымская Украина», к которой относились Тула, Кашира, Крапивна, Алексин, Серпухов, Таруса и Одоев). Очевидно, что, по крайней мере, до конца XVI в. такое определение не имело жесткой привязки к южным и юго-западным землям древней Руси.

Обычно считается, что само слово «украина» тогда обозначало пограничные земли, окраины некоторой территории. В последнее время была высказана и иная точка зрения. По мнению Г. Кныша, так обозначалась земля вокруг некоего центра: скажем, «Галичькая Украина» — земли вокруг Галича. Скорее всего, это слово это могло несколько смыслов и обозначать как одно, так и другое.

По наблюдению Ф. Гайды, «в конце XVI — I половине XVII в. словом „Украина" в узком смысле слова также стали обозначать земли Среднего Поднепровья — центральные области современной Украины», и только после присоединения Украины к России в 1654 г. «в российском законодательстве... фигурирует „Украйна Малороссийская", „Украйна, которая зовется Малою Россией"», а «правобережье Днепра именовалось „Польской Украйной"». При этом «Малороссия и Слободская Украйна в российском законодательстве четко

разделялись: „Малороссийских городов жители приезжают в Московское государство и в Украинные городы...“».

Соответственно, жители этих территорий — в том числе, Смоленска, Любутска, Мценска, Тулы — назывались «украиняне», «вкраинъные люди», «украинные слуги», «украинные люди», «украинники». Что касается жителей Украинского гетманства, то их в российских документах именовали не иначе как «черкассы». Самоназвание малороссы появляется к концу XVII в., относясь исключительно к Левобережной Украине. И лишь к концу XVIII в. все малороссийское население начинает именоваться «украинцами».

Часть 2.
Т. Г. Таирова-Яковлева
УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ В НОВОЕ ВРЕМЯ (СЕРЕДИНА XVI — XIX ВВ.)

Вхождение украинских земель в состав Речи Посполитой. Возникновение казачества

Экономические, административные и социальные изменения. Колонизация восточных земель

Польское влияние на украинские земли ощущалось еще на протяжении XIV–XV веков, причем не только в тех областях, которые непосредственно входили в состав Польши, но и в тех, которые принадлежали Великому Княжеству Литовскому. Тем не менее, Люблинская уния стала поворотным моментом, изменившим дальнейшую судьбу Украины. По сути дела, она открывала великий и трагический период, названный историками «казацким».

После 1569 года, польское влияние не имело никаких сдерживающих факторов, каковым были, например, ограничивающие законы Великого Княжества Литовского. Польша, представлявшая собой в середине XVI века сильное, в экономическом и культурном плане сформированное европейское государство, базировавшееся на католицизме, должна была стать доминирующем фактором в новом государстве Речь Посполитая. Практически сразу же после Люблинской унии начинается административное, юридическое и экономическое перекраивание украинских земель на польский лад.

Проводником этой политики становится польская шляхта, которая получила права на земельные владения в любой части Речи

Посполитой и с энтузиазмом двинулась в богатые новые восточные земли. Главным отличием польской шляхты от литовской аристократии были воинствующий католицизм и открытое презрение, с каким они относились к украинскому населению и его культуре. Если в Великом Княжестве Литовском руський язык оставался государственным даже после 1569 года, то поляки, следуя за католическими священниками, смеялись над языком и невежеством православного духовенства, украинских мещан, крестьян и даже шляхты — считая их культуру и традиции стоящими значительно ниже польской.

Особенно обидным было то, что поляки имели весьма весомые аргументы в подтверждение своей правоты. Украинская аристократия и шляхта оставалась на уровне ценностей Киевской Руси, так и не создав за период Великого Княжества Литовского ничего существенно нового. Теперь, столкнувшись в лице Польши с западноевропейской цивилизацией середины XVI века, они обнаружили свою отсталость и почти полное отсутствие образования на фоне всех достижений эпохи барокко.

Такое неприятное и самоуничижительное для украинской верхушки открытие приводит к своеобразному феномену, получившему в литературе название «русина по происхождению, поляка по национальности». Французский инженер Г. Левассер де Боплан, работавший в Речи Посполитой в начале XVII века, писал об украинской шляхте, что та «подражает польской, и, кажется, стыдится того, что принадлежит к другой, не римской вере, в которую они переходят ежедневно...».

После 1569 года на украинских территориях были ликвидированы остатки старой княжеской административной системы, и была введена польская. Украина теперь делилась на шесть воеводств: Руськое, Подольское, Брацлавское, Волынское, Киевское и Черниговское. Воеводства делились на земли, земли на поветы. Во главе воеводств стояли воеводы, которые сосредотачивали в своих руках всю полноту власти, включая военную, административную и возглавлявших апелляционный суд. Нижняя ступень управления состояла из хорунжих (отвечавших за войско всех поветов) и подстарост (отвечавших за судебные дела).

После создания Речи Посполитой права польской шляхты («рыцарства», привилегии которых основывались «на пролитой крови» за короля) были распространены и на украинскую шляхту. Шляхта

закрепила за собой единоличное право занимать государственные должности, владеть землей и крестьянами. Золотые вольности шляхты включали в себя «свободные выборы» (с 1573 г.) короля и принцип liberum veto (когда один голос мог сорвать решение сейма). Любой шляхтич имел право участвовать в выборах короля и даже — потенциально им стать (как случилось затем с М. Вишневецким или Я. Собеским). Шляхта участвовала и в других важнейших государственных решениях, в частности — в утверждении международных договоров. Это право осуществлялось через участие в сеймиках — воеводств и земель, на которые съезжалась вся шляхта данной территории. Сеймики давали наказы своим послам на сейм, в которых высказывали свои пожелания и объявляли кандидатов на королевский престол. В сеймиках шляхта принимала решения о дополнительном налогообложении, о распределении земельных пожалований и должностей в местных земских органах.

Многие принципы «шляхетской республики» были в последствии использованы при создании модели казацкого государства Украинского Гетманства.

Украинская шляхта была крайне неоднородна. Прежде всего магнаты — около 30 княжеских фамилий. Центром проживания украинских старых княжеских родов была Волынь, где находились родовые гнезда Острожских (владевших 30 % всей Волыни), Чарторийских, Воронецких, Четвертинских, Корецких, Вишневецких, Збаражских и др. Уже к середине XVII века все они были яростными защитниками польских ценностей. Средняя и мелкая шляхта (здесь речь шла уже о тысячах фамилий) получили свои привилегии на военной службе и к середине XVI века, составляя до 5 % населения, представляли собой наиболее мобильную и социально активную часть украинского общества. Именно к ним в этот период постепенно переходит роль лидеров национального украинского движения.

В Польше (в отличие от Великого княжества Литовского) в сельском хозяйстве господствовала так называемая фольварочная система, в основе которой лежало использование зависимой рабочей силы, т. е. панщина. Первыми из украинских земель, на которых была распространена эта система, стала Галиция. Еще в 1435 г. там был ограничен переход крестьянина от одного пана к другому только Рождеством, да и то с оговоркой об уплате откупа деньгами, пшеницей и пр. Теперь поляки вводили новые формы повинностей, которые давно укоренились в Польше, но были неизвестны в украинских

землях. На протяжении XVI в. в Польше панщина выросла от 1 дня в неделю с одного лана (около 17 га) до 3, а в XVII в. зачастую достигала 4–5 дней. Доходы владельца фольварка росли главным образом за счет расширения площади обрабатываемой земли, что в свою очередь увеличивало панщину. Упомянутый выше Боплан писал: «Крестьяне там очень несчастны, так как вынуждены собственными силами отрабатывать три дня в неделю на собственных лошадях в пользу своего сеньора и давать ему... определенное количество... зерна, множество каплунов, кур, гусей и цыплят к Пасхе, Троице и Рождеству; сверх того — возить дрова для своего сеньора и отрабатывать тысячи других барщинных повинностей... не говоря уже о деньгах... Но и это еще не самое важное, поскольку их сеньоры пользуются безграничной властью не только над их имуществом, но также и над их жизнью...».

Особенно остро на положении украинских крестьян сказался тот факт, что юридический подход к ним в Великом Княжестве Литовском и Польше коренным образом отличался. Только к середине XVI в., после реформ Сигизмунда Августа и Литовских статутов 1566 и 1588 гг. крестьяне Украины лишались защиты администрации и государственной юрисдикции — т. е. у них отбиралось право подавать жалобы в суд на своего помещика. Таким образом, пан становился полноправным владельцем своего крестьянина, и даже сам король не имел права вмешиваться в их отношения. Отличалась юридическая практика Литвы и Польши и в другом, не менее важном пункте: поляки не оставляли за крестьянином права владения землей. В Великом Княжестве Литовском, особенно в украинских землях, наличие крестьянина-собственника было явлением широко распространенным. Бесцеремонное лишение крестьян их земли помещиками, начавшееся в середине XVI в. вызывало яростный протест и сопротивление. На протяжении долгих веков, вплоть до XX века украинский крестьянин будет бороться за свою землю.

Несмотря на то, что перед Люблинской унией нормы права на украинских землях были подведены под стандарты всей Речи Посполитой, невозможно было сразу изменить менталитет. Крестьяне украинских земель столетиями имели право на равных с другими социальными слоями обращаться в суд и распоряжаться своей землей. Да и местные дворяне видели в своих крестьянах если не равных себе, то и не «быдло». Теперь все обстояло иначе.

По данным описей (люстраций) начала XVII века в руки польской шляхты перешло до 30% частного земельного фонда Правобережной Украины. В основном это были огромные магнатские латифундии. После присоединения к Речи Посполитой Северщины по Поляновскому мирному договору 1634 г., все земли, на владения которыми не были представлены документы, были розданы польским магнатам Песочинскому, Оссолинскому (он получил Батурин и Конотоп) и др.

Рост эксплуатации со стороны польской шляхты приводил к массовому бегству крестьян из западных и центральных районов Украины. Районы Приднепровья представляли собой вплоть до XVI века включительно огромный безлюдный край. За линией Винница-Брацлав-Черкассы вплоть до Черного моря начиналось Дикое Поле, с огромными природными богатствами и ничем не сдерживаемой татарской угрозой. Крупные наезды татарских отрядов («чамбулов») совершались практически ежегодно, а мелкие нападения, сопровождавшиеся уводом в полон и грабежами, вообще происходили постоянно.

Существование огромных незаселенных территорий на юго-востоке Украины создавало уникальную возможность для появления слободок свободных поселенцев и началу процесса колонизации этих земель. Южная Киевщина и Брацлавщина, а также территории так называемого Дикого Поля, становились главными регионами этой колонизации. В актовых книгах польской администрации насчитываются сотни дел о «беглецах», которых их бывшим хозяевам практически никогда не удавалось вернуть. Если в середине XVI века на линии Киев-Брацлав вообще не существовало сел, то в первой половине XVII века тут уже имелись сотни сел и десятки местечек. Особенно разрастается Брацлавское староство, заселяется пустовавшая Умань, появляется Чигиринское староство.

Активизация казачества, и как результат, уменьшение татарской угрозы, еще больше способствовало этому процессу. В результате колонизации численность людей в восточной Украине увеличилась почти в 20 раз. Это были уже совершенно другие люди, не забитые крепостные, а свободные поселенцы, привыкшие зарабатывать собственными руками и с оружием в руках защищать себя и свои семьи от набегов татар. Колонизаторы имели серьезные преференции даже от правительства. Еще в 1507 г. в Брацлавском воеводстве было отменено подымное с целью привлечения переселенцев.

Формирование менталитета жителей пограничья стало одной из важнейших предпосылок для будущего нового социального образования — казачества. Многие поселенцы имели наделы, равнявшиеся наделам шляхтичей или превосходившие их.

В начале XVII века на украинских землях получает распространение производство селитры, которую добывали от Киевщины до Дикого Поля. Не менее важным и популярным становятся мельницы, которые, однако, были объявлены прерогативой панских владений. Водяные мельницы в Украине были серьезными предприятиями, которые не только мололи зерно, но также пилили дрова, валяли сукно и пр. Развивалась и железнорудная промышленность: рудни (металлургическое предприятие, в котором из руды добывали железо). Особенностью «рудни» было использование водяной тяги (с помощью водяного колеса приводили в действие меха, кузнечные молоты и др.). Сооружались они как на Правобережье, так и в новых восточных областях. Курение горилки начинается с середины XVI века. В городах широкое распространение имели цеха, зарождались мануфактуры.

В свободные земли на востоке устремлялись не только беглецы, но и польские магнаты, которые вдали от королевской власти чувствовали себя особенно уверенно. В восточной Украине почти полностью отсутствовала судебная система Речи Посполитой. Все решалось правом сильного, и в земельных спорах обычно побеждал тот, чьи частные вооруженные формирования превосходили силами соседских.

Постепенно Левобережная Украина становится краем магнатских латифундрий, огромных размеров, с неограниченной властью и силой тех, кого Б. Хмельницкий позже метко назвал «королевятами». Например, знаменитый С. Лащ (коронный стражник на службе у С. Конецпольского) прославился тем, что подбил свой кафтан вынесенными против него судебными решениями (у него их накопилось 236), пользуясь покровительством магната и открыто кидая вызов королевской власти. Знаменитая Вишневетчина (огромные владения князей Вишневецких), включала такие города, как Лубны, Полтава, Прилуки, Голтву, Золотоношу, Пирятин, тысячи сел и более 230 тысяч крестьян. Равной этому владению не было не только в Речи Посполитой, но и во всей Западной Европе.

Вишневецкие и Конецпольские активно заселяли свои земли, привлекая украинских крестьян объявленными «годами свобод» для

новых поселенцев. Но когда эти льготные годы истекали, колонисты отказывались исполнять панщину. Начиналось активное сопротивление. Например, когда в 1618 г. князь Юрий Вишневецкий попытался ввести «неслыханные податки», чуть ли ни половина населения Лубенщины бросила свои слободки и разошлась. Люди бежали теперь и отсюда, из этих новых краев. Бежали или на Слободскую Украину, в район Оскола, Валуйки и Воронежа, или подавались в Запорожье.

Возникновение казачества

Национальный, духовный и религиозный кризис, в котором оказались украинские земли во второй половине XVI века, завершился так называемым украинским возрождением — необыкновенным подъемом, который с одной стороны был поддержан и защищен новой политической элитой в лице казачества, а с другой стороны — сам вдохновил и укрепил эту зарождавшуюся украинскую элиту.

Украинское казачество далеко не сразу после своего возникновения выделилось в отдельную социальную прослойку с собственными интересами и менталитетом. Формирование его растянулось более чем на сто лет. Стремление бежать от гнета, приобрести свободу и независимость породили типологически схожие явления во многих других регионах Европы: можно вспомнить донское казачество в Московском государстве, граничар в Хорватии, гайдуков в Венгрии и др. Однако только украинскому казачеству было свойственно стремление не обособиться в вольных краях, но управлять своей страной. Поэтому им удалось возглавить религиозную и духовную борьбу Украины, стать носителями национальной идентичности и, в конечном счете, создать свою форму государственности,.

Этому имелся целый комплекс экономических, политических, военно-стратегических и социальных причин и предпосылок. Одной из причин, объяснявших быстрое развитие казачества, была его широчайшая социальная база, постоянно обновлявшаяся и развивавшаяся. Школу казачества прошли за разные годы сотни тысяч представителей различных социальных слоев украинского общества, включая шляхту, крестьян и мещан. Что касается казаков-земледельцев, то их весьма прогрессивная форма свободного хозяйства многими историками рассматривается как элемент буржуазного способа производства.

Слово «казак» тюркского происхождения и означает отважный, вольный человек. Впервые в Украине это название встречается в 1492 г. Дикое Поле, с его травами в человеческий рост, способными укрыть всадника, богатая растительность, обилие дичи и рыбы притягивали к себе людей из пограничных сел, которые поначалу уходили туда на звериный промысел и рыбалку. Их называли «уходники». Уходили обычно весной, все лето жили в Диком Поле, ютясь в землянках или хатках из хвороста. Вялили и солили мясо и рыбу, выделывали шкуры. Устраивали в степях борти и пасеки. А к зиме возвращались в свои села, чтобы сбыть добытое.

Такой промысел давал уходникам завидный доход, но был крайне небезопасен. В Диком Поле кочевали татары, которые нередко нападали на уходников, грабили, убивали или уводили в плен. Приходилось браться за оружие, обороняться или умело прятаться. В свою очередь уходники нередко объединялись в ватаги и сами нападали на татарские кочевья. Таких смельчаков начали именовать казаками, а их походы и образ жизни — казакованьем.

Первые казаки-уходники еще не имели никакой военной организации. Вооружены они были чем попало. Желающие показаковать объединялись в ватагу, выбирали себе атамана. Им обычно становился тот, кто имел некоторый военный опыт на службе в приграничных замках. Ватаги чаще всего промышляли раздельно одна от другой и поначалу очень редко объединялись для совместных походов. Довольствовались малым, устраивали засады на местах татарских переправ через Днепр. В тот период казакование редко становилось постоянным занятием. Ярко выраженной национальной принадлежности тоже не было. Казаковали не только «русины», но и «Москвитины», «Ляхи», «Литвины». Со временем лихие казацкие проделки становились все более популярны не только среди шляхетской молодежи, но и у магнатов, жаждавших «рыцарской славы». Уже к концу XVI века мы видим многих представителей украинских шляхетских фамилий, избравших казачество своей стезей. Большинство их займет место среди казацких офицеров — «старшин», а костяк собственно казаков составят крестьяне и мещане вольного пограничья.

Слава казаков вскоре достигла пограничных польских замков, и богатые паны стали охотно нанимать их для походов на татар, предоставляя им свою протекцию и защиту. Еще в 1520 г. черкасский староста С. Полозович привлек отряд казаков для пограничной службы. Позднее для обороны и нападения на турок казаков

использовали и другие старосты — Е. Дашкевич, П. Лянцкоронский и пр. Положение казаков становится значительно более привлекательным, т. к. помимо возможностей добычи оно давало еще и известный иммунитет.

Но настоящее развитие казачество получило после того как обжило просторы на низовье Днепра, за днепровскими порогами — Низ, Запорожье (отсюда и название казаков — низовые или запорожские). Среди бесчисленного множества рукавов Днепра и мелких островков казаки нашли себе надежное убежище. Доступ туда был трудный, найти казаков было нелегко. На островах водилась дичь, в реках — рыба, обеспечивавшие их всем необходимым.

Создание Запорожской Сечи. Д. Вишневецкий-Байда

Первая Запорожская Сечь была создана волынским магнатом Дмитрием Вишневецким. Будучи одним из богатейших землевладельцев Речи Посполитой, воеводой каневским и черкаским, он бросил все и отдался казакованью и делу борьбы с татарами.

В 1553 г. Вишневецкий собрал 300 казаков, вооружил их за свой счет и ушел за пороги. На острове Малая Хортица он построил укрепленный «замок» и начал воевать с татарами. Собственно этот замок и стал первой Запорожской Сечью.

Король Сигизмунд-Август не только смотрел сквозь пальцы на поступок Вишевецкого, но даже наоборот дал ему титул «стражника на Хортице». Имея прекрасную базу, Вишневецкий уходил далеко в степи, громил татарские кочевья.

Он стал первым казацким атаманом, который вел независимые внешние переговоры. Когда польский король запретил ему беспокоить татар и вмешиваться в дела Молдавии, Вишневецкий предложил свои услуги царю Ивану Грозному. В 1556 г. казаки Вишневецкого вместе с русскими отрядами и донскими казаками предприняли большой поход в низовье Днепра к Очакову. Во время второго похода Вишневецкому удалось захватить замок Аслам-Кермен и вывезти оттуда всю артиллерию в Хортицу.

Опасаясь усиления Вишневецкого, крымский хан Девлет-Гирей предпринял в 1557 г. поход на Хортицу. Он переправился через Днепр по льду, 24 дня осаждал замок, но взять его не смог. В конце лета войско хана, усиленное турецкими янычарами и отрядом молдаван, снова осадили замок. В результате, казаки отступили, оставив замок, после чего укрепления были уничтожены.

Вишневецкий снова обратился к Ивану Грозному. Последний вызвал его в Москву, наградил (князь получил в поместье г. Белев и 10 000 рублей). По указу царя, князь, со своим отрядом казаков, предпринял в 1559–1660 гг. походы на Азов. В Османской империи для защиты крепости была создана эскадра из 7 кораблей «для защиты мусульманского государства». Планировалось даже сформировать армию, проведя массовую мобилизацию, и усилить ее отрядами янычар, ханских воинов, а также боярами Молдавии и Валахии.

После заключения Московским государством перемирия с Крымом и начала Ливонской войны, Вишневецкий вернулся на Запорожье и засел на острове Монастырском. В 1561 г. Сигизмунд-Август отправил его с казаками в Ливонию на войну против Московского государства. Затем Вишневецкий предпринял очередную вылазку на Очаков.

В 1563 г. молдавские бояре, недовольные своим господарем Стефаном IX, призвали к себе Вишневецкого, чтобы он стал молдавским господарем. Вместе с немногочисленным отрядом он отправился в Молдавию, но был взят в плен сторонниками Стефана IX и передан туркам. В Турции Вишневецкого расценивали как «врага империи». По приказу султана Сулеймана II его предали мучительной казни в Константинополе, повесив за ребро на крюк в башне. К тому же ему отрубили руку и ногу. Князь мучился три дня, но не прекращал проклинать мусульманскую веру и по приказу султана его убили стрелой.

В народной памяти Дмитрий Вишневецкий остался под прозвищем Байда, т. е. «беззаботный человек» в переводе с татарского.

Запорожские казаки

Создание зимовников и постоянное нахождение на Запорожье казацкого гарнизона стало отправной точкой формирования Запорожской Сечи (Сечь — от слова «засеки», оборонительные сооружения, которые казаки устраивали от врагов). Запорожье представляла собой своеобразную форму республики, которую многие сравнивали со средневековым монашеским орденом.

На Запорожье мог прийти любой мужчина-христианин. Социальное положение никого не волновало, но казакам строго запрещалось приводить в Запорожье женщин. Многие запорожцы отличались набожностью, соблюдали посты и обряды. В конце XVI в.

именно Запорожье превратится в одну из главных сил, которая вела борьбу с татарами, защищая христиан от неверных.

Среди укреплений Сечи («Коша», т. е. лагеря) стояли деревянные неприметные курени — жилища казаков. Запорожье не признавало никого из государей и считало себя независимой республикой. Позднее, в XVII веке запорожцы будут заключать союзы попеременно со многими государствами, меняя свой выбор весьма часто.

Все важнейшие дела у запорожцев решала рада (т. е. общее собрание), которая также выбирала своего старшего — кошевого атамана. Рада также судила казаков за проступки, составляла договора с иностранными государствами, обсуждала планы военных походов. Голосование проходило криком, причем большинство часто силой заставляло меньшинство подчиниться. В Запорожье существовали установленные радой и строго исполнявшиеся законы. Нарушителей наказывали розгами, иногда киями (палками). За измену расстреливали или вешали.

Среди старшин (военно-административной верхушки) Запорожья помимо кошевого атамана были писарь (заведовавший канцелярией), есаулы (отвечал за порядок в войске и реестр), обозный (отвечавший за табор и артиллерию) и судьи.

Запорожцы вели совместное хозяйство, обеспечивавшее всех пищей, одеждой, оружием и прочим необходимым. Получая в походах богатую добычу, многие становились людьми состоятельными. Некоторые казаки владели собственными челнами. Однако среди казаков было немало «голытьбы» («сиромахи» — от «серой» одежды) из числа тех, кто еще не приобрел собственного хозяйства, не мог или не хотел его вести или пропивал и проигрывал все в городах и возвращался в Запорожье в надежде на новую добычу.

Реестровое казачество

Наряду с вольными запорожцами, в XVI в. стала формироваться и другая категория украинских казаков — реестровые, получавшие от государства за свою службу денежное вознаграждение.

Активизация уходников и первых запорожцев с каждым годом приносила все более заметные плоды. Татарские чамбулы теперь реже нападали на пограничные районы и польское правительство, равно как и магнаты-колонизаторы, стали видеть в казачестве

положительные черты. С другой стороны тот ощутимый урон, который казаки наносили татарам и туркам вызывал серьезные политические проблемы в отношениях Речи Посполитой с султаном. Крымский хан все чаще объяснял свои набеги ответной мерой на казацкие погромы.

В польском правительстве появляется идея использовать казаков для службы государству. Первые попытки привлечь казаков были сделаны еще при литовских князьях, когда был представлен план создать несколько казацких гарнизонов по Днепру. Король Сигизмунд II в 1568 г. издал указ, призывавший казаков вернуться в замки и пойти на службу за денежное вознаграждение. В результате собралось примерно 300 казаков, которые прослужили с 1568 по 1576 гг., получая жалование деньгами и сукном и подчиняясь «старшему и судье всех низовых казаков».

Новый отряд в 500 человек был создан при польском короле Стефане Батории, который, готовясь к войне с Московским государством, назначил казакам годовое жалованье в 15 злотых и сукно. Их командиром стал украинский шляхтич Иван Оришевский, которого впервые стали именовать гетманом. При нем была также создана должность писаря, который собственно и вел «реестр», т. е. список казаков, включенных в отряд и получавших жалование (отсюда и название — реестровые). Реестровому полку были вручены знаки отличия — клейноды: бунчук, печать, пушки, трубы, литавры и знамя. Казакам дали первые официально признанные государством «вольности»: они не подлежали никакому суду, кроме суда своего гетмана, а также были освобождены от уплаты любых налогов. Располагаться казаки должны были на территории от Чигирина до Трехтемирова, а доходы от последнего шли на содержание казацкого госпиталя. Там же в Трехтемирове находился арсенал и резиденция казацкого гетмана.

С этого момента на службе у Речи Посполитой постоянно имелись реестровые казаки. В 1583 г. был сделан уже новый набор в 600 человек, которым стали платить по 20 злотых, а к 1588 г. число реестровых достигло тысячи. Реформа Стефана Батория сыграла очень важную роль в формировании казачества как отдельной социальной группы со своими правами и привилегиями.

Хотя в начальном периоде число собственно реестровых казаков было незначительно, но с одной стороны на «казацкие вольности» начали претендовать все те, кто причислял себя к казакам,

а с другой реестровые сами стали бороться за расширение числа реестра. Постепенно начинают формироваться казацкий менталитет и миф, согласно которому «казацкие вольности» — это некое давнее право, дарованное казакам еще литовскими и польскими властями. Политика польских властей, постоянно использовавших казаков для участия в своих многочисленных военных походах, только еще больше поддерживала и питала эти мифы. Уже в начале XVII в. число «казаков», участвовавших в польских походах будет превышать десятки тысяч человек. Представление о казаках как удальцах, славе и гордости Украины все больше распространялось среди населения, особенно среди крестьян и жителей пограничья. С другой стороны, миф о «казацких вольностях» становился все более заманчивым. На протяжении веков тысячи крестьян будут бороться и мечтать «показачиться», что для них совершенно естественно означало немедленное приобретение всех привилегий казацкого сословия.

Первое казацкое восстание

Повышение самосознания и стремление казаков к упрочнению своего положения приводят к череде восстаний, целью которых было добиться уступок от Речи Посполитой. Первое казацкое восстание началось в 1591 г. Его возглавил один из руководителей реестрового казачества Криштоф Косинский, происходивший из шляхетского сословия. По поручению польского правительства он занимался организацией обороны Подолии от татар. Было набрано три тысячи реестровых казаков. Но когда военная угроза отпала, поляки отказались увеличивать число реестра свыше тысячи человек. У самого Косинского волынский воевода Я. Острожский отнял данные ему за службу местечки. Желая добиться своего, Косинский начал вооруженную борьбу с магнатами, объявив себя летом 1591 г. гетманом казаков. В августе он разослал письма казацким отрядам с предложением присоединяться к нему.

Собрав казаков, Косинский напал на белоцерковский замок и захватил его. На протяжении сентября-октября 1591 г. казаки овладели Переяславлем, Белгородкой, Трипольем и даже Киевом. Резиденцией Косинского стала Белая Церковь. В течение целого года казаки успешно удерживали в своих руках большую территорию Киевского воеводства и Волыни, разоряли панские имения. На освобожденной

территории устанавливались казацкие порядки, что вызывало большое сочувствие со стороны местных крестьян и мещан. Например, Косинский приказал населению присягнуть казачеству, что и было сделано впервые в истории. Новая форма власти, казацкая, должна была заменить польско-шляхетскую. Стремление расширить число казаков сочеталось с желанием расширить подвластную им территорию.

По началу польские власти считали, что это локальный конфликт казаков с магнатами. Лишь в январе 1592 г. была создана комиссия для расследования деяний казаков. В марте комиссары прибыли в Фастов и начали переговоры с восставшими, засевшими в Триполье, которые завершились ничем.

Только в январе 1593 г. шляхта Луцка и Влодимир-Волынского объявила «посполитное рушение» (всеобщее ополчение). Сейм назвал казаков «врагами Отечества». В 1593 г. князья Острожские собрали значительные силы из местных магнатов и 2 февраля 1593 г. разбили казаков Косинского под местечком Пяткою. Гетман с остатками казаков отступил. 10 февраля было подписано соглашение, согласно которому казаки обещали лишить Коссинского гетманства, выполнять распоряжения короля и не нападать более на имения магнатов. Косинский с частью казаков ушел в Запорожье. Однако в мае Косинский снова собрал казаков и пришел в Черкассы. Там в придорожной корчме его убили слуги черкасского старосты Александра Вишневецкого.

Однако в августе запорожцы все-таки заставили Вишневецкого подписать соглашение, которое означало практически его капитуляцию. Предусматривалось, между прочим, право родственников Коссинского преследовать Вишневецкого за убийство шляхтича. После этого казаки пошли на Киев и добились выгодного соглашения с властями. Фактически, казачество восстановило свою власть в Приднепровье.

Так закончилось первое казацкое восстание. На некоторое время бунты прекратились, так как европейские державы попытались привлечь казаков для борьбы с Турцией. Священная лига направила к запорожцам своего посла Эрика Ляссоту, который, ведя непростые переговоры, уговорил вольное рыцарство принять предложение императора и выступить в поход. Летом 1594 г. казаки сначала напали на Очаков и разрушили его, а затем опустошили Молдавию.

Начало украинского возрождения. Борьба за национальную идентичность

Проникновение польского влияния в украинские земли, ополячивание старой княжеской знати и отсутствие собственной системы образования поставили под угрозу само существование национальной идентичности в Украине. Ситуация сложилась так, что объединение прогрессивных сил общества произошло вокруг борьбы за сохранение православной веры, против давления католицизма. Именно православие становится символом украинской идентичности в конце XVI в., именно в борьбе за него объединились лучшие представители политической элиты Украины и нарождавшееся казачество. Здесь прослеживается параллель например с греческим освободительным движением, в котором православные священники и монахи были во главе борьбы за национальную независимость. Именно на фоне этой борьбы за свою веру на Украине начался процесс, получивший название украинское духовное возрождение.

Надо отметить, что украинское православие к моменту Люблинской унии значительно отличалось от других восточных церквей, прежде всего своей близостью к мирянам и сохранением многих раннехристианских обычаев. Как в древние времена, миряне в Украине имели право голоса при выборе епископов и даже настоятелей монастырей (в частности, Киево-Печерской Лавры — святыни украинского православия), право участия в заседаниях соборов. Это делало мирян значительно более вовлеченными в церковные дела, которые соответственно рассматривались ими как их собственные. Первым примером активного участия мирян в делах церкви служат события во Львове в 1530-х годах, когда совместная борьба духовенства, православной шляхты и мещан привела к возобновлению Галицкой православной кафедры (т. е. церковной иерархической структуры).

С другой стороны, представители православной церкви середины XVI в. с трудом могли соперничать со своими католическими коллегами. Невежество, незнание «сакральных языков» — греческого и латыни, сочетавшееся с падением нравов, делало их легкими мишенями для изощренных полемистов-иезуитов.

К тому же, высшее православное духовенство находилось в большой зависимости от польских властей. Польско-литовским королям

издавна принадлежало право утверждать лиц, избранных иерархией или народом на высшие духовные должности. Стефан Баторий к примеру сам избирал и назначал духовных иерархов.

Православные епископы подвергались в Речи Посполитой и прямой дискриминации. Они не входили в состав сената и сейма. Все православное духовенство обязано было платить подати. Что касается взаимоотношений мирян, католиков и православных, то смешанные браки были стеснены, а переход из католицизма в православие был вообще воспрещен. Наоборот, переход из православия в католицизм очень приветствовался.

Не приходится удивляться, что отход украинской знати от православия (как прежде литовской) приобретает массовый характер. Отсутствие православного образования только ухудшало ситуацию. Незаметно создавалось представление о православной вере, как о вере крестьян, погрязшей в темноте и невежестве.

Борьба за православие.

Активными проводниками католической религии в украинские земли стали иезуиты. При польском короле Стефане Батории они начинают активно открывать свои школы и коллегиумы, образование в которых могло соперничать с лучшим европейским. Иезуиты не брали за обучение денег и этим особенно привлекали мелких и средних шляхтичей. Учитывая, что ни в Украине, ни в Литве собственных учебных заведений не имелось, а желание сравниться с поляками в образованности было очень велико, многие украинские шляхтичи охотно отдавали своих детей в эти колледжи. Правда, иезуиты формально не требовали от своих учеников перехода в католичество. Они полагали, что оказанное ими в ходе обучения влияние само по себе сделает нужно дело. Как мы увидем ниже, это далеко не всегда работало

На первом этапе иезуиты не выступали открыто против православия. Исподволь подводилась только идея об объединении церквей, указывалось на несообразность подчинения Киевского митрополита Константинопольскому патриарху в условиях, когда последний находился под властью неверных турок.

Сдержанная позиция Стефана Батория, который очень настороженно относился к идее церковной унии, опасаясь нарушить хрупкое религиозное благополучие в Речи Посполитой, не давала возможности иезуитам активизировать свои действия. Опираясь

в своих внешнеполитических планах на казачество, Стефан Баторий вполне разумно полагал, что давление на православную церковь вызовет сильный протест со стороны активной части украинского общества. Что касается Ватикана, то там, наоборот, считали, что присоединение восточных земель к Польше — это прекрасная возможность для католической церкви продвинуться на восток.

Приход к власти нового польского короля Сигизмунда III резко изменил ситуацию. Он был ярым католиком, его духовником был известный богослов иезуит Петр Скарга, который оказывал на короля сильное влияние. Политика Сигизмунда, направленная на открытое вмешательство в дела Московского государства (эпоха русской Смуты), еще больше способствовала поддержке идеи оторвать украинские земли от православия и таким образом лишить ее духовного единства с Москвой.

Скарга издал ряд богословских трактатов, в которых высмеивал религию, базирующуюся на церковнославянском языке. Он писал (и не без оснований), что к тому времени не существовало ни одной академии, в которой бы науки преподавались на старославянском языке, его никто не понимал и не мог на нем читать. Сами священники, писал Скарга, отправляющие богослужение, не могут объяснить того, что они читают в церкви. Доказывая невежество и несостоятельность церкви, основанной на церковнославянском языке, Скарга сам того не желая, дал толчок к действию своим противниками.

Первым православным литературно-просветительским центром в Великом княжестве Литовском стал кружок русского политического эмигранта Андрея Курбского, созданный им в Миляновичах на Волыни. Курбский учился литературе у Максима Грека и старца Артемия. На Волыни он изучил латынь, диалектику и «внешние науки» у Амброжия Брежевского. Курбскому удалось привлечь целый ряд образованных людей — двоюродного брата князя Михайло Оболенского (после пятилетнего обучения в Кракове и Италии), Марка Саригозина (ученика Максима Грека), Станислава Олишевского, Брума, Бартоломея и др. Главной целью Курбский ставил создание научных переводов. Он утверждал, что католики приватизировали византийскую литературу, которую необходимо вернуть православным, делая переводы на церковнославянский язык. Он финансировал приобретение книг, бумаг, а также поездки в другие культурные центры. Миляновицкие переводы были популярны

и в различных списках распространялись по Украине, Белоруссии и России на протяжении XVI–XVII вв.

Огромную роль в деле начала духовного возрождения Украины и создания системы православного образования, сыграл представитель древнего княжеского рода Константин Острожский. Магнат, обладавший огромными имениями на Волыни, в 1574 г. он перенес столицу своих владений в город Острог, где начал создавать центр ученого православия.

Своей главной целью создававшийся Острожский кружок поставил полное издание Библии на церковнославянском языке, которого до того момента не имелось. Православные богословы вынуждены были в своей полемике использовать рукописные отрывки отдельных частей Библии, в которых было немало ошибок.

Острожский выписал несколько библейских книг от патриарха Иеремии, с острова Кандии, из греческих, сербских и болгарских монастырей. Предстоял серьезный текстологический анализ, после которого церковнославянский язык должен был стать в один ряд с другими сакральными языками — латынью и греческим.

В 1581 г. знаменитая Острожская библия (на которой теперь присягают Президенты Украины) была издана, став выдающимся памятником своего времени.

Библия была напечатана в собственной типографии Острога, сделанной знаменитым Иваном Федоровым. Основатель первой типографии в Москве, он был обвинен в сношениях с нечистой силой и сумел бежать сперва в Белоруссию, а затем в Украину. В 1573 г. он основал типографию во Львове, которую позже выкупило у него Львовское братство, а оттуда по приглашению князя Острожского переехал в Острог. Острожская типография напечатала более 40 книг. В частности, в 1578 г. там был выпущен учебник греческого и церковнославянского языков, а в 1580 г. — Новый Завет и Псалтырь

Другим достижением Острожского кружка было создание первой православной школы, а по сути — Академии, в которой преподавали по популярному тогда в Европе принципу «семи искусств» (заимствованному из античных времен): «тривиум» (грамматика, риторика, диалектика) и «квадривиум» (арифметика, геометрия, музыка, астрономия). При этом в отличие от западноевропейских и польских школ здесь преподавание базировалось на активном использовании греко-византийской традиции. Именно в Острожской школе

было введен, затем получивший распространение во многих учебных заведениях Украины, гуманистический принцип параллельного изучения трех языков (отсюда и название «триединая академия»). Идея обучения на трех языках была высказана еще Эразмом Роттердамским, а затем получила широкое распространение в университетах и коллегиумах Европы. Только в Украине гебрайский (древнееврейский) язык был заменен церковнославянским, который преподавался наряду с греческим и латинским. Изучение языков открывало перед учениками Острожской школы возможность знакомиться с античной и современной им западноевропейской литературой.

Большой вклад внесла Острожская академия и в разработку литературного украинского языка («простой мовы» или «руського»). Например, Демьян Наливайко (брат руководителя казацкого восстания) сопровождал церковнославянские тексты своих публикаций переводами на украинский язык. Успехи Острожской академии в украинском литературном языке были затем развиты в Львовской братской школе

Среди выдающихся украинских литераторов-полемистов, входивших в Острожский кружок, были Герасим Смотрицкий, Иван Вишенский, Василь Валюшицкий, Христофор Филарет (Броневский) и др. Работали там профессорами ученые греки Кирилло Лукарис, Дионисий Палеолог, польский математик и астроном Ян Лятош. Постоянные контакты поддерживались с Афоном. Книгами обменивались с Константинополем, Александрией, Москвой, Италией, Аравией.

Острог стал и центром развития музыкальной культуры, чему способствовало увлечение К. Острожским хоровым пением. Развивалась и светская музыка. Именно в Остроге был основан первый цех музыкантов.

Знаменитыми учениками Острожской школы были будущие гетман Петр Сагайдачный и киевский митрополит Иов Борецкий.

Создание братств

Изменение структуры украинского общества под влиянием польской администрации очень заметно проходило в городах. Все население города было разделено на корпорации, в которых главное место занимало купечество. Остальные горожане были объединены в цеха: ремесленников, аптекарей, адвокатов и т. д. Цех представлял собой самоуправляющееся объединение, со своим собственным судом и «цехместером».

На большинство городов было распространено немецкое Магдебургское право. Согласно его положениям, город освобождался от судов и власти воевод, панов, старост, судей и подсудков, наместников и других урядников. В городах устанавливался собственный суд. Жители городов были освобождены от воинской повинности. Города получили право владеть земельной собственностью. Во главе городского самоуправления были войт и бургомистр.

Проникновение в украинские земли поляков сопровождалось также появлением и все большим распространением еврейского населения, имевшие значительные привилегии от польских королей. Именно евреи все чаще становились арендаторами, в их руках фактически оказывались целые староства. Украинские крестьяне сталкивались зачастую не с самими польскими панами, но с их еврейскими арендаторами, которые таким образом превращались в олицетворение зла и насилия. Евреи получили контроль за мельницами и корчмами, производством поташа, селитры и др., составляя порой весьма привилегированную конкуренцию местным купцам. Кроме того, они не подчинялись городскому праву, не были обязаны (в отличие от остального городского населения) участвовать в ополчении против татарских набегов. Все это вместе взятое породило острейший конфликт и глубокую ненависть к евреям, в последствие приведшее к кровавым погромам.

В городах имелись и другие поводы к межконфессиональным конфликтам. Реальными правами пользовались только горожане, которые принадлежали к римско-католической церкви. Все православные в городах подвергались серьезной дискриминации. Им запрещалось, например, звонить в колокола, устраивать церковные процессии и т. д. Православных мещан не допускали к занятию городских должностей, не принимали во многие цехи, им не позволяли торговать рядом товаров.

В украинских городах это вызывало шквал протестов. На этом фоне активные православные городские жители, преимущественно члены различных ремесленных кругов, начали создавать братства.

Считается, что это движение корнями восходит к языческим праздникам, которые совершались людьми, связанными с данным культом родовыми традициями. Позднее эта общность семей или территориальных групп перешла на определенную церковь. Первые «братчики» известны еще с XII века. В более поздний период это явление было особенно популярно в Белоруссии. Братства получали

право варить мед в храмовые праздники, а доходы от этого шли в пользу церкви и братства.

Под влиянием начала борьбы за православие и роста интереса к просвещению, деятельность братств начинает расширяться и приобретать новые черты. Постепенно они превращаются в особые церковные союзы по обновлению религиозной жизни, наведению порядка в киевской митрополии и защите православной веры. До 1593 г. постоянные или единичные контакты со львовской ставропигией поддерживают тринадцать братств: Рогатина, Гологор, Сатанова, Городка, Галича, Перемышля, Комарно, Красного Става, Вильно и Бреста, а также три львовских — Вознесенское, Благовещенское и Богоявленское.

Вступить в братство мог каждый: богатый и бедный, шляхтич, горожанин, духовное лицо и мирянин, местный и иногородний. Часто членами братств становились и женщины.

Одной из главных задач братств становится образование. Понимая, что бороться с католиками можно только их же оружием, они стремились создавать собственные образовательные учреждения в противовес католическим. При братствах открывали школы и типографии, печатали книги. Типографии имелись при братствах во Львове, Стрятине, Рогатине, Крислое, Кутеине, Угорцах. Широкое распространение книжного дела в украинских землях стало одной из главных предпосылок начала духовного возрождения. Для сравнения, в Московском государстве даже к концу XVII в. существовали только две типографии в Кремле, находившиеся под строгим контролем патриарха.

Обучение в братской школе осуществлялось по принципу западных гимназий (разработанному итальянскими гуманистическими гимназиями еще в XV в., а затем использованному в иезуитских коллегиумах и протестантских школах). Изучали грамматику, поэтику и риторику (философия и богословие уже относились к уровню «академий»).

Еще одним важнейшим направлением деятельности братств была борьба за очищение православной обрядности. Следует подчеркнуть, что ни одно из созданных до 1596 г. объединений мирян не поддержало церковную унию.

Украинское культурное возрождение

Эпоха религиозных войн в Европе, начавшихся в XVI в., привела к большому подъему интереса к просвещению и литературной

деятельности. Протестантское движение, распространяясь в Речи Посполитой через Литву и соседние с ней балтийские регионы, провоцировало религиозную полемику. Начинается настоящий бум издательской и литературной деятельности. Просвещение и школы более не были чем-то вторичным, а превращались в мощное оружие в религиозных и национальных войнах той эпохи.

В Украину тоже все больше проникали идеи гуманизма и реформации. Многие молодые представители богатых шляхетских домов отправлялись учиться на Запад — в университеты Сорбонны, Базеля, Падуи, Болоньи, Галле и др. Домой они возвращались с прекрасным образованием и полные новых идей.

Повышался интерес не только к предметам, связанным с религиозной полемикой, но и и к философии. Широкое распространение получили работы античных авторов.

Для преподавания церковнославянского языка была издано три учебника. Первый учебник был издан в Острожской академии, автором другого был Лаврентий Зизаний, третьего — Мелентий Смотрицкий. Под руководством управляющего Львовской братской школой, Арсения, был составлен учебник греческого языка.

Именно в братских школах впервые в Украине появляются театры. Театральное действие развивалось с помощью декламаций и диалогов и привлекало широкие слои населения к духовным проблемам человечества.

Церковная уния

Для подчинения восточных областей польские власти использовали старую идею объединения христианских церквей, существовавшую с момента их раскола в 1054 г. Покровительство Константинопольского патриарха братствам, раздававшим грамоты на ставропигию, т. е. особый статус, освобождавший от местной епархиальной власти, во многом подтолкнуло высших иерархов украинской церкви искать поддержку в другом месте. Первым высказал намерение принять унию львовский епископ Гедеон Балабан. В 1589 г. он обратился к местному католическому архиепископу с заявление о желании перейти в католическую церковь. Кроме того, он вошел в соглашение с епископом Луцким и Острожским Кириллом Терлецким, с которым находился до тех пор во вражде. Они начали склонять митрополита созвать без участия мирян собор в Бельзе, для обсуждения церковных неурядиц. Епископы объявили

о тягости подчинения Константинопольскому патриарху, как находящемуся под турецкой властью, и высказали свое пожелание присоединиться к католической церкви при условии сохранения церковного устава. Митрополит Михаил Рогоза в тот момент побоялся присоединиться к этому заявлению, но после долгих увещеваний со стороны иезуитов примкнул к сторонникам унии вместе с перемышльским и владимирским епископами.

Иезуиты советовали им проявлять большую осторожность. Ни в коем случае не изменять ничего в обрядах и только исподволь приготовлять почву к соединению церквей, избегая слова «уния». В 1593 г. умер брестский епископ Мелетий Хребтович, и на его место был поставлен Ипатий Потий, воспитанник краковской иезуитской коллегии, бывший сначала католиком, затем кальвинистом и, наконец, сделавшийся православным. Он договорился с Кириллом и Гедеоном и стал главным деятелем унии. В январе 1595 г. были оговорены условия объединения: неприкосновенность православных догматов и обрядов, подчинение церкви папе, охрана иерархических прав от притязаний панов и братств, сохранение церковных имений, приобретение для высшего духовенства сенаторских званий, ограждение церкви от влияния греков.

Обращение епископов к Сигизмунду III, ярому католику, имело полный успех. Он посоветовал, чтобы все остальные владыки присоединились к обращению и официально объявили о своем намерении подчиниться папе. Было решено отправиться в Рим, чтобы уладить в Ватикане все формальности.

Однако слухи о планируемой унии все же проникли в украинское общество. Тот факт, что епископы сами, без участия духовенства и мирян, приняли решение о соединение с католической церковью, вызвало резкий протест представителей шляхты и братств. Константин Острожский объявил унии войну. Он написал послание к христианам, называя епископов волками и злодеями и убеждая православных непоколебимо стоять в отеческой вере. Обращение имело воздействие. На сеймиках Волынского, Киевского, Брацлавского и Руського воеводств шляхта заявила протест самовольному поступку епископов.

Общественный резонанс был настолько силен, что король встревожился и советовал епископам отложить свою поездку в Рим. Но главные вдохновители унии уже зашли слишком далеко, чтобы отступать. Осенью 1595 г. Терлецкий и Потий отправились в Рим

и изъявили покорность папе, приняв все католические догматы и оставив только обряды православной церкви. Эта их присяга была сочтена за акт установления унии. Папа Климент VIII радостно принял соединение церквей и велел выбить медаль с надписью: Ruthenis receptis («Русины приняты»). Но впереди была еще серьезная борьба за унию. Одним из ее сильнейших противников стали казаки.

Восстание С. Наливайко.

Северий Наливайко, вождь одного из крупнейших ранних казацких восстаний, происходил из мелкой украинской шляхты. Учился в Острожской академии, затем служил сотником надворного (личного) войска князя К. Острожского. Его родным братом был Демьян Наливайко, придворный священник князя Острожского, активный член Острожского кружка, полемист и противник унии. Во время участия казаков в совместных со Священной лигой походах против турок в 1594 г., Северин возглавил отряд более 4000 казаков и прославился своими действиями в Молдавии.

Поводом для восстания послужили события личного характера: польский магнат М. Калиновский отнял землю у отца Наливайко, а когда тот оказал сопротивление, приказал его избить, от чего тот вскоре умер. Вернувшись из похода, Наливайко потребовал от шляхты Подолии содержать его казаков, выполнявших, по сути, пограничные обязанности. Получив отказ, наливайковцы и брацлавские мещане изгнали местного старосту Струся и захватили Брацлав.

Силы Наливайко достигали 12 000. Осенью 1594 г. Наливайко перешел Днестр, разбил молдавского господаря Аарона (союзника турок) и захватил столицу Молдавии Яссы. В феврале 1595 г. после трехмесячного удачного похода по Молдавии Наливайко взял Бар и расположился там.

Затем Наливайко пошел на Волынь, взял контрибуцию с Луцка и совершил рейд по белорусским городам. Весной 1695 г. казаки возобновили свои походы в Молдавию, в том числе в составе союзного войска императора Максимилиана. Но летом поляки ввели свои коронные войска в Молдавию, начали мирные переговоры с турками и запретили казакам дальнейшие походы. Наливайко вернулся на Волынь и обратил все свои усилия на борьбу с польскими властями.

В своем обращении к королю Наливайко предлагал передать казачеству приграничные территории от Днестра к Днепру. Казацкое

войско должно было защищать Речь Посполитую от татар, турок и русских, получая от государства соответствующую зарплату. Польское правительство ответило отказом.

Расположившись на зимовку в Степани, Наливайко нашел себе негласного покровителя в лице князя Константина Острожского, который вел активную борьбу против унии. Казаки Наливайко, находясь на Волыни, не трогали владений Острожского, но зато громили имения епископа Кирилла Терлецкого, который как раз в это время отправился в Рим утверждать унию.

Восстания достигло такого размаха, что угрожало существованию польской власти в регионе. Крестьяне в массовом порядке показачивались. Поляки срочно собрали войско под командой С. Жолкевского (коронного гетмана, т. е. главнокомандующего войсками Речи Посполитой, будущего активного участника русской Смуты) и бросили его против восстания. Казаки начали отступать через Подолию, и под Белой Церковью Наливайко соединился с запорожцами.

В марте 1596 г. в урочище под Острым Камнем Жолкевский догнал казаков. В тяжелом бою был убит казацкий полковник Сасько Федорович. Казаки избрали гетманом Наливайко. Казаки переправились через Днепр и устремились к Переяславлю, где были спрятаны жены и дети участников восстания, а затем намеревались найти укрытие в пределах Московского государства. Под Лубнами в урочище Солоница 25 мая 1596 г. казацкий табор был осажден поляками. Среди восставших начались разногласия, и лидер запорожцев Лобода был убит. После двух недель сопротивления казаки были вынуждены капитулировать.

Жолкевский обещал амнистию, если казаки выдадут предводителей, артиллерию и казну. Но затем поляки вероломно напали на безоружных и перебили множество народу. Наливайко после страшных пыток четвертовали в Варшаве, остальные девять предводителей восстания тоже были казнены. Только небольшой отряд запорожцев под командой Кремпского на быстроходных чайках ушел в Запорожье.

Восставшие выдвигали своим требованием распространение казацких вольностей не только на реестровых, но и на других казаков, а также обеспечения свободного прохода в Запорожье. Одновременно впервые казаки выступили с более широкими заявлениями, в том числе — религиозными, заняв открыто враждебную унии позицию. Широкая поддержка населением восстания показала, что

из узко сословных казацкие интересы все больше превращались в национальные, а казаки — в политических лидеров Украины.

Брестская уния

Подавление казацкого восстания открыло путь для провозглашения церковной унии. В октябре 1596 г. в Бресте для торжественного объявления про объединение церквей был созван собор. В нем участвовали экзархи константинопольского и александрийского патриархов, епископы, духовенство и миряне православные и униатские.

Собор раскололся на два — один враждебный унии, другой — состоящий из ее сторонников. Униатские епископы вместе с католическим духовенством и польскими комиссарами заседали в соборной церкви Бреста. Сторонники православия вынуждены были собраться в частном доме т. к. Потий приказал закрыть все церкви в Бресте.

Обе партии привели с собой вооруженное ополчение своих сторонников. Причем перевес на стороне православных оказался так велик, что привел в ужас приверженцев унии. Несмотря на это, после продолжительных совещаний епископы провозгласили унию и предали проклятию всех протестующих. В свою очередь Никифор, как экзарх Константинопольского патриарха, провозгласил декрет о низложении перешедших в унию епископов, и предал проклятию всех сторонников унии.

Король остался на стороне униатов, и уния была объявлена законной, равно как и права епископов-униатов. Напротив, православие юридически объявлялось нелигитимным на территории Речи Посполитой.

Борьба против унии

После объявления Брестской унии начинается новый этап борьбы за православие. Поражение казацкого восстания усложняло ситуацию. Уния теперь активно распространялась как путем проповеди, так и путем насилия. В начале 1597 г. константинопольский экзарх Никифор, присутствовавший на Брестском соборе, был обвинен в шпионстве, посажен в крепость и там умер.

Братства предпринимали совместные акции по защите православной веры, в том числе отправку объединенной делегации к королевскому двору.

Одновременно началась и религиозная полемика. Иезуит Скарга издал «Synod Brzeski i iego obrona». В ответ Христофор Фалалет

Бронский, член Острожского кружка написал «Апокризис, альбо отповедь на книжки о соборе берестейском», опровергавший книгу Скарги. В нем рассматривались такие актуальные в тот момент вопросы, как отношения паствы и епископов, собора и иерархии т. д. Православный львовский священник, бывший на Брестском соборе, написал «Перестрогу», т. е. предостережение, в которой в частности, рассказывал, как на самом деле была введена уния. В 1610 г. Мелентий Смотрицкий издал «Плач» православной церкви по поводу отступничества от нее детей. Впервые украинские православные деятели оказались способными вести научную полемику, ни в чем не уступая своим католическим противникам.

Не находя поддержки у правительства, православные заключили в 1599 г. союз с протестантами, с целью противодействовать католикам и униатам. В том же 1599 г. новым униатским митрополитом был назначен Потий, который энергично занялся распространением унии, пользуясь тем, что на его стороне всецело была светская власть.

Потий вел борьбу с православными епископами и монастырями, отнимал у них имения, лишал духовные лица их мест и замещал их униатами. Разгромив православие в Вильно, он вознамерился сделать то же самое в Киеве. Не один раз он делал попытку завладеть Киево-Печерской лаврой, но это ему не удавалось благодаря энергичному сопротивлению архимандрита Никифора Тура, который просто не пустил Потия (1599 г.). Упорную борьбу вели православные с униатами и за право владения Софийским собором.

После смерти в 1608 г. князя Константина Острожского, главной силой, которая выступала защитниками православия в украинских землях, становятся казаки. В 1610 г. казацкий гетман Григорий Тусканевич прямо предупредил киевского войта, что если представитель униатского митрополита вздумает притеснять местное духовенство и мешать свободному отправлению богослужения, то будет убит казаками «яко пес». С помощью казаков архимандрит Никифор Тур в 1614 г. отстоял все владения Киево-Печерского монастыря.

Казачество на рубеже веков. П. Сагайдачный

Между тем, после поражение восстания С. Наливайко положение казачества было сильно ослаблено. Часть из них ушла в Запорожье, другая разошлась по городам. Но внешнеполитическое положение Речи Посполитой вскоре заставило польские власти искать

новое соглашение с казаками. В 1600 г. казацкий гетман Самойло Кишко с 4000 казаков по просьбе короля ходил на Молдавию, а затем в Ливонию против шведов.

В 1604–1612 гг. украинские казаки принимали самое активное участие в событиях русской Смуты. Наряду с польской шляхтой многие из них отправились искать счастье в Московское государство. Только с Дмитрием Самозванцем в 1604 г. на Москву пошло 12 000 украинских казаков — там были и реестровые, и запорожцы и примкнувшие к ним «показаченные».

Эти походы имели и обратную сторону медали. Польское правительство не соглашалось увеличить размер реестра свыше 1000 человек, а в войне приняли участия десятки тысяч «показаченных». По окончанию войны все они остались без доходов и средств к существованию. Начинались грабежи и разбои, что не приносило славы казацкому имени. Прекратить анархию в казацкой среде и создать регулярную армию, ставшую грозной военной и политической силой в Речи Посполитой, удалось Петру Конашевичу по прозвищу Сагайдачный.

Родился будущий гетман примерно в 1570 г., в селе Кульчица Самборского повета воеводства Руського, в Галиции. Он происходил из семьи украинского шляхтича Конона из рода Конашевичей-Попелей герба «Побуг» и Пелагеи. Прозвище свое он получил позже, уже на Запорожье: «сагайдаком» татары называли колчан для лука и стрел.

Сагайдачный закончил полный курс Острожского коллегиума и даже написал в свои студенческие годы полемический труд «Пояснения про унию», вызвавший такой отклик, что о нем упоминал литовский канцлер Лев Сапега в своем письме к полоцкому архиепископу Иосифу Кунцевичу.

Из Острога Сагайдачный переехал в Киев, где некоторое время работал домашним учителем у городского судьи Яна Аксака. Затем, примерно в 1601 г. он бросил свою работу и уехал в Запорожье, принял участие в Молдавском и Ливонском походах. Выдающиеся военные и организаторские способности, огромная трудоспособность выдвинули его в среде казаков. Сагайдачный стал гетманом и удерживал за собой это звание с небольшими перерывами десять лет.

Начал Сагайдачный свою деятельность в качестве руководителя реестрового казачества с реорганизации войска. Он постарался избавиться от всяких случайных элементов. Согласно его соглашению с польскими властями 1617 г. в реестр не могли записывать

ремесленников, купцов и других, не имевших землю категории людей. Сагайдачный ввел в экипировку реестровых казаков ружье, требовал, чтобы каждый имел коня. Начались регулярные смотры войска и муштра. Поддерживалась строгая дисциплина, виновных наказывали вплоть до смертной казни.

В результате реформы вместо 50–60 тысяч своевольников появилось 10 000 регулярного войска. По мере надобности, Сагайдачный мог увеличить это число в четыре раза.

Понимая важность дополнительного дохода для казаков, Сагайдачный со своими реестровыми принимал активное участие в военных компаниях, которые организовывались с согласия или по поручению польского правительства. Для ведения войны с турками по распоряжению гетмана число чаек было увеличено до 300. В 1600 г. казаки ворвались в Перекоп, в 1609 г. сожгли Измаил и Килию. Под личным руководством Сагайдачного были совершены успешные походы через Черное море. В 1614 г. казаки разрушили Синоп, сожгли его цейхгауз, нанеся огромный материальный убыток. Гарнизон был почти полностью уничтожен, захвачены большие запасы оружия, корабли, освобождены десятки невольников. В начале 1615 г. на 80 чайках они напали на Константинополь, сожгли гавани Мизевны и Архюка, опустошили местность и ушли, перепугав самого султана. Турецкий флот погнался за ними, догнал у устья Дуная, но казаки бросились в атаку и сожгли корабли турок, захватив в плен их военачальника. После этого казаки Сагайдачного напали и сожгли Кафу — один из крупнейших невольничьих рынков Черноморья. Разгневанный султан приказал казнить великого визиря и других высших сановников, допустивших такое поражение.

После этих походов казацкое имя покрылось славой, о них заговорили даже в Европе и влияние казаков в Речи Посполитой резко возросло. Оно все больше превращалось в силу, с мнением которой приходилось считаться даже королю. Польский сейм неоднократно с тревогой отмечал, что казаки сами устанавливают себе законы, сами избирают командиров и практически создают в рамках Речи Посполитой иную республику.

Киевская братская школа. И. Борецкий

Понимая значение казачества для своих внешнеполитических планов, польское правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки в религиозном вопросе. В 1607 г., на съезде под

Сандомиром, православная шляхта постановила просить короля об уничтожении унии, лишении униатов епископских должностей и замещении их православными. В конституцию варшавского сейма 1607 г. была внесена особая статья «о религии греческой», в которой давалось обещание не нарушать прав в отношении к вере и не запрещать свободное отправление церковных обрядов. Этим послаблением не замедлили воспользоваться сторонники православия.

Центром борьбы против унии становится Киев. Именно там объединяются усилия гетмана Петра Сагайдачного и нового архимандрита Киево-Печерской Лавры Елесея Плетеницкого (сменившего умершего Никифора Тура). Плетеницкий купил старую типографию, переоборудовал ее и в 1616 г. выпустил первую книгу. В Киев приезжают и другие известные православные полемисты — Захарий Копыстенский, Курцевич-Булига. Вместе они организуют кружок пресвященных борцов за православие.

В 1615 году вдова мозырского маршала Гальшка Гулевич даровала на нужды «правоверным и благочестивым христианам» свои земли с усадьбой в Киеве. Там планировалось построить монастырь, гостиницу для духовных странников, а также школу для шляхетских и мещанских детей. В конце 1615 г. было создано киевское братство по подобию виленского, львовского и других. В него вступило местное духовенство, мещане и шляхта, весь кружок Плетеницкого, а также гетман Сагайдачный со всем своим войском. Первым ректором братской школы, которая начала свою работу в 1617 г., стал Иов Борецкий.

Этот выдающийся деятель украинского духовного возрождения учился в львовской братской школе, затем в Острожской академии и завершил свое образование в Ягеллонском университете Кракова. В Киевской братской школе преподавали греческий, латинский, польский, «книжный» украинский языки, грамматику, риторику, философию, арифметику, историю, музыку, геометрию, астрономию. Для преподавания этих предметов Борецкий приглашал выдающихся ученых, писателей, общественных деятелей. Учениками школы были дети киевских мещан, духовных лиц и украинской шляхты.

Для успешной работы типографии Киевского братства были устроены бумажная фабрика и словолитня. Результатом деятельности кружка Плетеницкого был выпуск за 15 лет такого числа книг, какого до этого не вышло во всей Украине.

Киевское братство постепенно крепло, разрасталось. Православные все более уверенно чувствовали себя в Киеве. Такое поведение

православных под защитой казаков не могло не вызвать неудовольствия со стороны униатов. Униатский митрополит Рутский считал новое Киевское братство наибольшим препятствием для распространения унии в Киеве.

С целью усиления в среде униатов латинства их монастыри были преобразованы по образцу базилианских; в церквах стали уничтожать иконостасы, заводить органы и т. п. Митрополит решил объединить все монастыри под эгидой одного наставника (по католическому примеру) и для проведения инструктажа он обратился к генералу Ордена Иезуитов. Это вызвало особую ненависть среди православных к новым монастырям. В 1617 г. был утвержден новый устав Базилиан. С этого момента униатскими епископами могли быть только базилиане. К 1624 г. базилианская реформа охватила уже 20 монастырей. Однако попытки распространить влияние унии на Киев закончились провалом. Когда в 1618 г. униатский игумен Выдубицкого монастыря А. Грекович начал чинить препятствия православного духовенству, в его помещение ворвались казаки, схватили его и утопили в Днепре. Внешнеполитическая ситуация тоже не способствовала униатской церкви, т. к. польские власти все больше нуждались в услугах казачества и соответственно вынуждены были идти на уступки в религиозном вопросе.

Московский поход 1618 г.

На сейме в сентябре 1616 г. было решено набрать большое войско и отправить его на Москву под начальством королевича Владислава. Однако в войске начались несогласия, беспорядки и солдаты, жалуясь на неуплату жалованья, оставили лагерь. Королевич оказался лишь с несколькими тысячами человек. Гибель его казалась неминуемой. Учитывая финансовую нестабильность Польши, помощь было взять неоткуда. Поэтому правительство решило обратиться к казакам Петра Конашевича Сагайдачного.

Под командой Сагайдачного собралось 20-тысячное войско. Прежде всего, он осадил и взял город Ливны, затем хитростью взял Елец. Казаки шли через Северские земли на Путивль, Лебедянь, Шацк, Коломну, завоевывая замки и разрушая города, направляясь на Москву, где должны были соединиться с войском королевича, медленно двигавшимся туда же из Смоленских земель.

На встречу Сагайдачному царь Михаил Романов направил из Пафнутьего монастыря князя Дмитрия Пожарского, освободителя

Москвы. Но в русском войске произошел разлад, солдаты занялись грабежом. Князь Пожарский сильно заболел и по приказу царя возвратился в Москву, а Сагайдачный при переправе через Оку одержал победу над московским войском и беспрепятственно шел к Москве по Каширской дороге.

Получив известие о приближении казаков, Владислав осыпал их послов подарками, а казацкому войску поручено было пройти под Тушино и соединиться там с польским войском, что Сагайдачный и сделал.

Переправившись под Коломной через Оку, казаки встали табором над Москвой-рекой. Осада Москвы была поручена гетману Сагайдачному. Но после неудачного штурма гетман прекратил осаду. Скорее всего, Сагайдачный счел невозможным быстро овладеть столицей, а длительная осада города не входила в его планы. Он отступил на Калугу, и московский поход Владислава закончился Деулинским перемирием, заключенным 1 декабря 1618 г. По этому перемирию Владислав отказывался от притязаний на московский престол, должен был возвратить из плена митрополита Филарета, отца Михаила Федоровича, Шеина и других пленных дворян русских. За это Речи Посполитой были отданы украинские города: Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский, а также Смоленск, Дорогобуж, Рославль и др.

После окончания Московского похода, в конце 1619 г. пять тысяч казаков совершили набег на Крым, и разбили татар под самой стеной Перекопа. По этому случаю, Сагайдачный послал атамана Петра Одинца в конце февраля 1620 г. к московскому царю, с предложением служить ему против общего врага христианства. Казацкие послы приехали в Москву с гетманской грамотой к царю и двумя татарскими языками. К самому царю казаки не попали. Им объяснили, что на дворе масленица, скоро пост, а во время поста царь не принимает послов и иноземцев. Казаков одарили деньгами, сукнами, шапками и дали жалованье в триста рублей.

Но отношение царского правительства к украинским казакам вообще и к Сагайдачному в частности после Московского похода было однозначно отрицательное. Идеи защиты христиан и православного единства в этот момент еще не вписывались во внешнеполитическую доктрину Московского государства.

Наоборот, патриарх Филарет на соборе 1620 г. установил перекрещивание для православных украинцев, выходящих из Польши и Литвы. В 1627 г. начаты были гонения на украинские книги, имевшихся в русских церквах.

Восстановление православной иерархии

Между тем, несмотря даже на поддержку со стороны казачества, православная церковь испытывала в Украине серьезные трудности. Учитывая, что король раздавал высшие духовные должности только униатам, православное духовенство редело, епископов не было, за посвящением священников приходилось обращаться к львовскому епископу Иосифу Тиссаровскому.

Постепенно среди лидеров Киевского братства созревает план о необходимости восстановления православной иерархии. Было решено воспользоваться приездом в Москву иерусалимского патриарха Феофана, который принимал участие в посвящении патриарха московского, отца царя Михаила Федоровича, митрополита Филарета. Оттуда Иов Борецкий пригласил Феофана в Киев. На границе с Московским государством его встретил Сагайдачный с полком казаков. 22 марта 1620 г. патриарх прибыл в Киев и был поселен в братском Богоявленском монастыре, где его тоже охраняли казаки.

9 октября 1620 г. в Богоявленской церкви был рукоположен киевский митрополит Иов Борецкий. Были посвящены и главы большинства украинских и белорусских эпархий.

В конце декабря или начале января Феофан выехал из Киева под охраной казаков во главе с Сагайдачным, а также в сопровождении духовенства и шляхты. Восстановление православной иерархии было встречено польскими и униатскими властями с крайним негодованием. Феофан был объявлен турецким шпионом, а 22 марта 1621 года Сигизмунд III подписал универсал к властям Великого Княжества Литовского с повелением переловить и предать суду посвященных в Киеве Иерусалимским патриархом Феофаном епископов.

Однако воплощение в жизнь этого указа столкнулось с большими сложностями. Началась полемика относительно самозванства патриарха Феофана и законности его действий. В 1621 г. Мелетий Смотрицкий написал в защиту патриарха «Werificatia neiwinności» (Оправдание невинности). Захарий Копыстенский подготовил «Полинодию», обширный труд, рассматривавший все вопросы, относящиеся к унии.

Новый митрополит Иов Борецкий тоже прилагал много усилий для объединения и упрочнения положения православия. Так он перевел с греческого и издал в типографии Лавры сборник праздничных служб. В апреле 1621 г. вышел его знаменитый труд «Протестация

или благочестивая юстификация». В ней он досконально доказывал законность появления новой православной иерархии. Признавая отсутствие специального согласия польского правительства на это посвящение, Борецкий ссылался на акт Сигизмунда III, принятый во время коронации, согласно которому тот обязывался исполнять права православных и поддерживать мир между верующими различных конфессий. Объясняя позицию казачества, Борецкий подчеркивал, что их предки крестились еще вместе с Владимиром, приняв христианство от Константинопольской церкви, оставались в этой вере все это время, и продолжают в ней родиться, креститься и жить. Борецкий передал Протестацию в киевский городской суд, и она была внесена в городские книги.

Хотинский поход и смерть П. Сагайдачного

Внешняя ситуация благоприятствовала Сагайдачному и Борецкому. Турецкий султан начал военные действия против Речи Посполитой. Сагайдачный отстранился от дел и С. Жолковский был вынужден выступить против турок с небольшим польским войском. В результате, он был разбит и сам погиб в битве под Цецорой. В этой же битве погиб отец Б. Хмельницкого, а сам будущий гетман попал в плен.

В Польше началась страшная паника. Крайняя ситуация снова заставила короля обратиться к казакам. Члены Киевского братства советовали воспользоваться случаем и выставить признание прав для православных владык, посвященных Феофаном в качестве условия участия в войне. Однако на такие уступки Сигизмунд III не соглашался.

Удерживая казаков от участия в походе, Сагайдачный созвал в июне 1621 г. общую раду в урочище Сухая Дуброва. Туда он приехал вместе с Иовом Борецким, в сопровождении 300 священников. Борецкий произнес пламенную речь, изображая в красках насилия и издевательства, творимые над верой и православным духовенством польским правительством. Речь вызвала огромное воодушевление со стороны казаков. Они обещали защищать веру, не жалея жизни. Было решено направить к королю Сагайдачного и епископа Курцевича, чтобы просить о признании прав духовенства, посвященного Феофаном.

Они прибыли на сейм и заявили свои условия. Многие выступавшие там поляки призывали решить религиозный вопрос, чтобы

обеспечить военную поддержку казаков. Дажесам примас (канцлер) Гембицкий согласился считать государственные интересы выше интересов католической церкви. Король даже обратился к патриарху Феофану, с просьбой повлиять на казаков, чтобы те помогли Польше.

Однако Сигизмунд выжидал, надеясь, что стремление к добыче возьмет верх среди казаков. И действительно, не дождавшись Сагайдачного, казаки под начальством гетмана Якова Бородавки выступили на войну. Сагайдачный вынужден был отказаться от своего плана и отправиться в войско.

К Хотину пришло более сорока тысяч казаков (41520 человек согласно сохранившемуся реестру). Артиллерия составляла 22 орудия. Казаки укрепились в таборе.

Султан вознамерился покончить с польско-казацким войском. Долгое военное противостояние, продолжавшееся 39 дней, завершилось 8 октября 1621 г. заключением мира между Турцией и Речью Посполитой.

Польское правительство не могло не понимать, что казаки спасли страну от тяжелой войны. Они вернулись героями, получили награды. Но выполнить главное условие казаков поляки не желали.

В начале 1622 г. в Варшаву было отправлено казацкое посольство, которое просило о ликвидации унии и об «успокоении православных». Тяжело больной Сагайдачный лично послал к королю письма, прося прекратить преследования казаков и распространение униатства в украинских землях. Оставалась не решенной и вторая проблема — что делать с участниками похода. Сагайдачный предложил демобилизационный план. Согласно нему, Речь Посполитая должна была выплачивать 100 000 злотых в год на содержания 20 000 реестровых казаков — т. е. почти половины участников хотинского похода. Для того чтобы предотвратить стычки и насилие, гетман предлагал назначить места для расположения казаков. План предусматривал также увеличение содержания госпиталя и возможность казакам наниматься на иностранную службу, что в условиях Тридцатилетней войны в Европе было особенно актуально.

Разочарованный в своих надеждах Сагайдачный не дождался последнего удара — провала казацкого посольства, и умер от полученных под Хотином ран 10 апреля 1622 г. Похоронен он был на кладбище Богоявленского братства. Могила его просуществовала до 1938 г., когда Братский монастырь и церковь были уничтожены.

На смерть Сагайдачного ректором Киевской братской школы Касьяном Саковичем был написан знаменитый панегирик, ставшим первым образцом украинского поэтического барокко. На похоронах его читали двадцать студентов Киевской школы

После смерти Сагайдачного борьба за православие не прекратилась. Осенью 1623 г. в Витебске произошло убийство полоцкого епископа Иоасафа Кунцевича, с такой жестокостью преследовавшего православных, что даже митрополит Иосиф Рутений и канцлер Лев Сапега старались сдерживать его фанатизм. Мелентий Смотрицкий, возбуждавший народ против Кунцевича, вынужден был бежать сначала в Киев, потом на Восток. В Речи Посполитой началось гонение на православных. В начале 1625 г. киевский войт начал закрывать православные храмы Киева. Тогда Борецкий обратился к казакам, и прибывший отряд расправился с войтом.

Казачество не ограничивалось только силовыми акциями. Они начинают активную внешнеполитическую деятельность и в частности заключают союз с крымским ханом Махметом, восставшим против султана. Появляется и казацкий претендент в султаны — Александр Яхия, который выступал с планами организации восстания христиан Балканского региона. Используя этот предлог, казаки и митрополит Иов в декабре 1625 г. обратились к царю Михаилу Федоровичу с просьбою принять Украину «под руку царя». Так как за этой просьбой не стояло никакого серьезного решения, Михаил Федорович и его отец патриарх ограничились милостивыми словами и благословением.

Казачество после П. Сагайдачного

Активные действия казаков по отношению к султану ставили под угрозу сохранение мира между Речью Посполитой и Турцией. Переговоры с Москвой еще больше напугали короля, и польское правительство попробовало решить казацкий вопрос силой. В ответ на ультимативное требование прекратить набеги на соседние государства, казаки с вызовом объявили: «Знаем, что король заключил мир с турецким султаном, но не мы!».

Осенью 1625 г. в Приднепровье вступила армия Конецпольского. Богатыми подарками поляки обеспечили нейтралитет крымского хана. В ответ по призыву казацкого гетмана была начата мобилизация казаков, но ее не завершили из-за быстрого продвижения поляков. Из Запорожья прибыла артиллерия, казаки укрепились у реки

Цыбульник. Первое столкновение никому не дало перевеса. Казаки отступили под Кременц, к Курукову Острову. Неприступный казацкий табор отбивал все атаки поляков. Начинавшаяся зима и тяжелые потери казаков заставили стороны пойти на перемирие. По условиям Куркуновского соглашения было решено, что реестр увеличат до 6 000, на Запорожье будет располагаться гарнизон в 1000 человек, казацкого гетмана будет утверждать король и без разрешения казаки не станут ходить на татар. Гетманом был утвержден вождь умеренных — Михайло Дорошенко. За это казаки получили право жить в королевских имениях — городах Чигирине, Черкассах, Корсуни, Каневе, Белой Церкви и Переяславе. Именно с этого момента реестровые казаки получают свое второе название — городовые, т. е. живущие в городах, в отличие от запорожцев, живущих в Запорожской Сечи.

Реестровые казаки были разделены на шесть полков, которые одновременно являлись и административной единицей. Хотя формально власть в этих областях принадлежала польским старостам, но на деле влияние казацкой старшины там все больше возрастало. Реестровые все активнее вмешивались в управление краем. Точно так же самовольно они решали и вопрос о своих старшинах, не признавая назначенных поляками, а выбирая на их место других, по своему усмотрению.

Михайло Дорошенко при составлении реестра пошел по пути Сагайдачного, принимая только самых опытных казаков, имевших собственную землю. Однако ограничение реестровых до 6 000 породило конфликт с «announce», число которых превышало 40 000. Задача Дорошенко упростили сами польские власти, которые вопреки только что принятым договоренностям приняли «выписчиков» в армию для участия в войне со Швецией.

С другой стороны, стараясь удержать недовольных от военных действий против Польши, Дорошенко занялся организацией походов на Крым. В 1626 г. реестровые казаки вместе с польскими войсками преградили дорогу татарам под Белой Церковью. Казаки отличились в бою, в результате которого татары потеряли до 10 000 убитыми. Весной 1628 г. реестровые отправились в Крым, взяли Аслан-городок, разрушили несколько замков и с огромной добычей, покрытые славой вернулись домой. В следующем походе казаки дошли до Бахчисарая, но в одном из боев Дорошенко погиб. После этого казаки взяли еще несколько замков и вернулись в Украину.

В этот период происходит новое обострение борьбы против унии. Под влиянием гонений на православную церковь снова появилась мысль о соглашении православия с униатством. Митрополит Иов Борецкий и другие епископы допускали возможность только такого соглашения, при котором целость православной церкви не была бы нарушена. Другие считали такой путь бесперспективным, и они переходили из православия в униатство. Так поступили ректор Киевской школы Кассиан Сакович и ученый иеромонах Кирилл Транквиллион-Ставровецкий. Особенно сильное впечатление произвело принятие униатского исповедания в 1627 г. знаменитым богословом Мелетием Смотрицким.

Противостояние реестровых и выписчиков в 1630 г. тоже приобрело религиозный характер. Запорожцы убили гетмана Чорного, считая его отступником, и вступили в пределы Киевского воеводства. Тарас Федорович со своими полками и укрепился в Переяславле, где собралось до 37 000 казаков. Осада поляками казацкого табора длилась три недели. Полякам пришлось приступить к переговорам. По статьям Переяславского соглашения 29 мая 1630 г. размер реестра был увеличен до 8 тысяч, а все восставшие получили амнистию. Было также обещано удовлетворение «в вопросе религии».

П. Могила. Юридическое восстановление православия

Продолжателем просветительского дела Сагайдачного, добившимся успеха на пути юридического восстановления православия в Речи Посполитой стал выдающийся церковный деятель Украины Петр Могила. Происходил он из православного рода молдавской элиты. Отец его, Симеон, был господарем Валахии, дядя Иеремия — господарем Молдавии, а дядя Георгий — митрополитом Молдавии. Тети Петра были замужем за польскими магнатами Вишневецким, Потоцким, Корецким и Пшеремебским, что делало род необычайно влиятельным в Польше. После смерти отца, в разгар междоусобицы семья Петра уехала из Молдавии в Речь Посполитую, где Могила обучался в львовской братской школе, затем был при дворе польского главнокомандующего Жолкевского и лично принял участие в битве под Цецорой, а затем в Хотинской, в которой отличились казаки Сагайдачного.

В 1622 г. Могила приехал в Киев, где перед ним встала дилемма: выбрать политическую карьеру (Сигизмунд III предлагал ему молдавский престол) или духовную. К последней по преданию

его подтолкнуло чудесное выздоровление после тяжелой болезни. В марте 1627 г. умер архимандрит Киево-Печерской Лавры Захарий Копистенский. Могила решил выдвинуть свою кандидатуру на должность главы Лавры. Хотя тогда ему было всего двадцать лет, Могила превосходил всех соперников своими влиятельными связями и тем, что имел конкретный план как бороться с католиками и униатами. В результате, при поддержке митрополита Иова Борецкого, старцы избрали его архимандритом, он принял монашеский сан, а 29 ноября 1627 г. его утвердил на этой должности король.

Молодой глава Лавры действовал смело и настойчиво. Многие историки считали, что под рясой монаха у Петра Могилы скрывался дух воина и деспотичный нрав воеводича. Он завел надзор над священниками в селах, где были владения Лавры, велел учить малограмотных. Обновил церковь, подчинил Лавре Николо-Пустинный монастырь. В 1628 г. он обратился с обличительной проповедью к Иеремии Вишневецкому, одному из самых могущественных магнатов Левобережья, упрекая его в отступничестве от веры предков.

В том же году Могила принял участие в Киевском соборе, обличившим в униатских тенденциях Мелентия Смотрицкого. Лично Могила нашел в его книге «Апология» 105 отступлений от православия. Когда Мелентий Смотрицкий приехал на собор, Могила, пользуясь поддержкой казаков, не пустил его в Лавру. В результате Смотрицкий прилюдно покаялся, а книгу его топтали ногами и сожгли. Учитывая, что борьба за православие в тот момент была главной формой проявления борьбы за свою идентичность, любой компромисс мог рассматриваться исключительно как проявление малодушия перед польскими властями.

Вторым направлением деятельности Могилы становится забота о просвещении. Он отправил за собственные средства несколько молодых людей для получения образования на Западе, рассчитывая создать в будущем из них кадры для своей школы. Могила расширил деятельность типографии в Лавре. В 1629 г. там был издан «Литургион», который стал единым руководством для православных священников. В 1631 г. была выпущена «Триодь», которая включила в себя все церковные службы. За первые 5 лет типография издала общей сложностью 15 книг.

Планы Могилы по открытию школы были нарушены в 1631 г. смертью Иова Борецкого. Умирая, митрополит завещал Могиле объединить его школу с братской. В 1631 г. Петр Могила становится членом

киевского братства и его опекуном, получив от гетмана реестрового казачества Ивана Кулага-Петрожицкого письменное обещание «твердо защищать, охранять и до самой смерти стоять» за объединенную школу, которая получила название Киево-Печерского коллегиума.

В коллегиуме сохранился уже популярный к тому времени в Украине принцип трех языкового преподавания. В 1634 г. был открыт филиал коллегиума в Виннице (затем его перевели в Гощу), а в 1636 г. в Кременце. Предложение Могилы, сделанное московскому царю Михаилу Федоровичу, открыть аналогичный коллегиум в Москве было отвергнуто.

В 1632 г. умер король Сигизмунд III. На конвокационный сейм казаки подали свою инструкцию, выражая поддержку королевичу Владиславу (вплоть до вооруженной) и настаивая на возвращении прежних прав и владений православию, а также на праве голоса казачеству, в том числе и при выборах короля. Аргументом выдвигалось то, что казачество — народ рыцарский (т. е. защищающий Речь Посполитую), следовательно, он равен другому рыцарскому сословию — шляхте. Впервые казачество официально выступало представителем интересов всего населения Украины, поставив на первом месте своей петиции следующее требование: чтобы «народ наш руський пользовался принадлежащими ему правами и привилегиями».

Могила счел ситуацию очень выгодной и со своей стороны, пользуясь огромным авторитетом, настаивал на отмене запрета на строительство православных церквей, школ, типографии. Требовал он и возвращения отобранных униатами храмов, равно как и наказания всех притеснителей православия.

Претендент на престол королевич Владислав имел далеко идущие планы войны со Швецией и с Московским государством, а поэтому хотел заручиться поддержкой казачества. В отличие от своего отца, Сигизмунда III, он не был религиозным фанатиком и наоборот желал выразить свою лояльность к православным и протестантам. Поэтому 1 ноября 1632 г. он утвердил «Статьи или пункты для успокоения руського народа», которые впервые с 1596 г. официально признали существование православной церкви наряду с униатской, равно как и православной митрополии. Православным возвратили часть имущества, а также дали право строить новые церкви, создавать братства, школы, типографии. Православная шляхта была приравнена в правах на уряды к католической. Киевский митрополит

должен был избираться свободными голосами духовных и светских людей и утверждаться королем.

В связи с этим православные депутаты предложили избрать митрополитом Петра Могилу. Таким образом, он сменил занимавшего этот пост Исайю Копинского (но неутвержденного королем), который вместе с частью запорожцев выступал против всяких переговоров с властями. 10 ноября 1632 г. Владислав утвердил Могилу, а Константинопольский патриарх благословил его на сан митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси, с титулом экзарха святейшего апостольского константинопольского трона.

Возвращение Петра Могилы в Киев проходило триумфально. Работники типографии Лавры поднесли ему панегирик, в котором воспевали триумф молодого иерарха. Сразу же он приступил к возвращению церквей от униатов. Собрав вооруженных казаков, Могила захватил Софийский собор и приступил к его восстановлению. Вернул он и Выдубицкий монастырь.

После завершения сейма католическое духовенство предприняло новые попытки отменить «Статьи». Но начавшийся Смоленский поход (московское войско, под начальством М. Б. Шеина, осадило Смоленск) дал возможность казакам настоять на выполнении их требований. Они угрожали, что бросят поход и пойдут в Польшу. Активную роль сыграли и православные магнаты, во главе с А. Киселем, которые добились подтверждения решения о признании православия. Смоленский поход был использован и Могилой, который помирился с казаками, недовольными смещением Исайи Копинского. Летом 1633 г. митрополит лично ездил в войско, освятил артиллерию и благословил казаков на поход.

Осада Смоленска продолжалась более года, и город готов был сдаться, но появление 28 августа 1633 г. короля Владислава с войском, большую часть которого составляли украинские казаки, изменило ход дела. Шеин вынужден был 1 февраля 1634 г. сложить оружие. Начались мирные переговоры, завершившиеся 17 мая 1634 г. Поляновским миром, по которому Русское государство уступило все города, отданные по Деулинскому перемирию (т. е. чернигово-северские земли) и заплатило 20000 руб. Владислав отказался от всяких притязаний на московский престол и признал за московскими государями царский титул.

Окончание Смоленской войны совпало с ростом напряженности в отношениях Речи Посполитой с Турцией. Турки требовали

от польских властей ликвидировать казачество. Весной 1634 г. было подписано перемирие, согласно которому король должен был укротить запорожцев сразу после окончания войны с Московским государством. В феврале 1635 г. сейм утвердил постановление «Про прекращение казацкого своеволия». Было решено ввести в Поднепровье коронные польские войска, а на Днепре в урочище Кодак построить крепость, которая контролировала бы контакты запорожцев с городовыми казаками. Сооружение крепости было поручено французскому инженеру Боплану и на эти цели выделили 100 000 польских злотых. Комендантом был назначен французский офицер Жан Марион, а гарнизон состоял из 200 солдат немецкой пехоты. Кодацкий замок стал шедевром фортификационного искусства и символом угнетения польскими властями украинского казачества.

Репрессии казакам не могли не сказаться и на ситуацию с православием в Украине. В 1635 г. начинается новый виток реакции. Православным священникам запрещали показываться в униатских эпархиях, перемышльского епископа Гулевича суд присудил к инфамии (изгнанию) за попытку силой отнять у униатов монастырь.

Новые казацкие восстания. Золотой век польской шляхты

Вольнолюбивые запорожцы не желали мириться с существованием крепости Кодак, которая препятствовала их возвращению домой, и начали готовить ответную акцию. Летом 1635 г. большая часть польских войск находилась в Прибалтике в связи с начинавшейся шведской войной. Там же были и реестровые казаки во главе с Константином Вовком. Владислав IV рассчитывал использовать казацкие чайки для войны со шведами на море (т. к. у поляков не было своего флота). Запорожцы вернулись из большого морского похода, во время которого вместе с донскими казаками осадили Керчь и Азов. Их предводитель Иван Сулима созвал всеобщую раду, которая избрала его гетманом и постановила готовить восстание. Всего собралось более 3000 казаков. В ночь с 11 на 12 августа казаки неожиданно напали на Кодак, убили стражу и ворвались в крепость. Гарнизон был уничтожен, деревянные сооружения сожжены, а валы разрушены.

Казаки рассчитывали, что польское правительство, нуждаясь в их помощи на войне, оставит этот инцидент безнаказанным. Однако сейм решил заключить мир со Швецией и приказал православному магнату Адаму Киселю, который замещал пост польского

главнокомандующего, возглавить карательный поход. Запорожцев Сулимы осадили в таборе и через некоторое время реестровые казаки выдали гетмана и его ближайших помощников. В Варшаве им отрубили головы, а их тела четвертовали.

События эти показали серьезные разногласия, которые имелись между умеренной, рассчитывавшей на соглашение с польскими властями, и радикальной частями казачества.

На фоне восстановления польскими властями Кодака, запорожцы и недовольные реестровые казаки начали готовиться к новому восстанию. Весной 1637 г. Павло Бут (Павлюк, участник восстания Сулимы, помилованный властями) организовал поход на Крым, который дал возможность снабдить оружием «выписчиков». В конце мая Павел Бут привел из Сеч 23 тысячи запорожцев, захватив в Черкассах артиллерию реестровых казаков. В начале июля на казацкой раде Бута избрали гетманом.

Отвергнув предложенные поляками условия, Павел Бут рассылал по Украине свои универсалы и грамоты. Его отряды громили панские имения. Бой с поляками произошел под Кумейками 6 декабря 1637 г. Полякам удалось пробить брешь в таборе, Бут отступил. Потоцкий начал переговоры, причем А. Кисель дал письменное заверение сохранить жизнь всем, кто сложит оружие. Павел Бут и его четыре соратника вышли из табора для переговоров, но были схвачены поляками, закованы и отправлены в Варшаву. На казацкой раде А. Кисель отобрал у казаков знамя, гетманскую булаву и бунчук, назначив реестровым новых старшин. Потоцкий прошел карательным походом по Украине, сажая восставших на кол.

Многие казаки укрылись на Запорожье, где избрали себе новым гетманом Якова Остряницу. Весной он вышел из Сечи, распространив восстание на Левобережье. Первую битву он выиграл, но под Лубнами потерпел неудачу и начал отступать к Днепру. Командование перешло к Дмитру Гуни, который укрепился в таборе и выдержал шестинедельную осаду поляков. Отряд Якова Остряницы ушел в Слободскую Украину, где казаки получили разрешение от царя поступить к нему на службу и поселиться на свободных землях. Ими был построен город Чугуев, где казаки и несли свою службу. Правда через несколько лет у казаков возник конфликт с русскими воеводами, они убили Остряницу и вернулись в Украину.

Отряд Гуни после долгой осады был вынужден пойти на принятие тяжелой «Ординации Войска Запорожского», подписанной 28 июля

1638 г. Единственное, чего добились казаки — это полной амнистии восставшим. По условиям Ординации реестр был сокращен до 6 тысяч. Казаки отдали артиллерию, хоругви и булаву. Вместо гетмана главой реестровых теперь должен был быть комиссар, которого назначали польские власти, а места полковников получали польские офицеры. Казакам разрешалось жить только в пределах Черкасского, Корсунского и Чигиринского староств. Возобновленный Кодак преграждал путь в Запорожье, куда казаки не могли ездить без специальных паспортов от начальства. В Украине расквартировали польские войска, которые должны были следить за «благополучием» в крае.

Ординация стала тяжелым ударом для казачества, на 10 лет прекратив все их выступления. В Речи Посполитой этот период получил название «золотого века польской шляхты».

Деятельность П. Могилы в 40-е годы

В тяжелые годы реакции Петр Могила не оставлял своих усилий по укреплению православия в Украине. Основные его действия были направлены на преодоление разногласий в подвластной ему церкви, установлению единых канонов и улучшению преподавания в Киевском коллегиуме. Он также стремился расширить понимание украинской элитой своей этнической и культурной идентичности.

Как сильная личность, Могила вызывал очень противоречивые чувства у современников. В Москве его считали союзником поляков и предателем православия. В Польше наоборот подозревали в подстрекательстве казаков. И только в XX веке митрополита признали святым.

Что касается отношения к унии, то Могила действительно стремился преодолеть конфессиональный раскол Украины, полагая, что такое положение не способствовало консолидации народа. Поэтому он не отклонял идею Владислава IV об избрании единого патриарха для православных и униатов Украины. Однако Ватикан в этом видел только путь подчинить себе православную церковь, поэтому из этой идеи ничего не вышло.

Могила предпринял ряд шагов для расширения Киевского коллегиума. При нем были построены церковь и бурса для неимущих учеников. Митрополит ходатайствовал перед королем о преобразовании Киевского коллегиума в академию, для чего имелись все

формальные признаки. Однако, несмотря на согласие короля, униаты не допустили преобразования коллегиума в высшее учебное заведение.

Обращаясь к истокам, к наследию Киевской Руси, Могила стремился подчеркнуть непосредственную связь, которая существовала с временами Киевской Руси, а также ту роль, которую играл Киев в истории восточнославянского православия. Символичным стало возрождение киевской Софии. Могила предпринял раскопки древней Десятинной церкви, разрушенной татарами, перенес останки князя Владимира в Успенский собор Киево-Печерской Лавры, канонизировал монахов ближних и дальних печер Лавры.

Наивысшим достижением Могилы по укреплению церковной организации стал киевский собор 1640 г., на котором обсуждался проект катехизиса, вопросы обрядов, дисциплины и т. д. Новый катехизис «Православное исповедание веры», написанный Могилой совместно с Исайей Трофимовичем-Козловским был передан на рассмотрение константинопольскому патриарху на соборе в Яссах в 1642 г. и утвержден всеми четырьмя православными патриархами в 1643 г. Это был триумф могилянского кружка и украинского православия, доказавших свою состоятельность в богословских вопросах.

Серьезной проблемой украинской православной церкви было различие в религиозных обрядах. Могилянскому кружку удалось подготовить и издать «Молитвослов или Требник», ставший наиболее полным сборником литургий. Он был издан за две недели до смерти Могилы 16 декабря 1646 г. В этой огромной работе, насчитывавшей более 1700 страниц помимо чинов, имелось много пояснений важности и значения обрядов. Таким образом Могила добивался введения в своей митрополии единой практики литургий.

Реформы Могилы в последствии были использованы патриархом Никоном при подготовки церковной реформы в Московском государстве. Именно на ученых киевских богословов Никон опирался в своих действиях.

Наступление католицизма в 40-е годы проходило на фоне «золотого века польской шляхты», которая после подавления казацких восстаний поверила в свою вседозволенность. Анна Ходкевич, в девичестве Острожская, перенесла прах своего отца, последнего православного Острожского, в иезуитский монастырь и там перекрестила его по католическому обряду. Это вызвало массовые выступления протеста, но они были жестоко подавлены. В 1640 г.

по решению воеводского суда, был казнен по несправедливому обвинению студент киевского коллегиума, с единственной целью запугать его соучеников.

Могила всегда выступал за эволюционный путь решения споров в легальных рамках. В этом он коренным образом отличался от лидеров казацкого движения. Символично, что Петр Могила умер 1 января с. с. 1647 г., за год до начала восстания Б. Хмельницкого, изменившего судьбу Украины и Речи Посполитой. Все свое огромное состояние он завещал Киевскому коллегиуму. Похоронен Могила был в Успенской церкви Киево-Печерской Лавры. Когда в ноябре 1941 г. собор был взорван, могила митрополита была уничтожена.

Основная литература:

1. *Булычев А. А.* История одной политической кампании XVII века. М., 2004
2. *Грушевський М. С.* Історыя України-Руси. Т. VI–VIII/ К., 1995.
3. *Дмитриев М. В.* Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М., 2003.
4. *Королев В. Н.* Босфорская война. Ростов-на-Дону, 2002.
5. *Кром М. М.* Стародубская война 1534–1537. Из истории руссо-литовских отношений. М., 2008.
6. *Кулаковський П.* Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої 1618–1648. К., 2006.
7. *Лепявко С.* Великий кордон Європи як фактор становлення українського козацтва XVI ст.. Запоріжжя, 2001.
8. *Лукашкова С. С.* Миряне и церковь: религиозные братства киевской митрополии в конце XVI в. М., 2006.
9. *Плохій С.* Наливайкові віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. К., 2005.
10. *Сас П.* Запорожці у польско-московській війні наприкінці Смути 1617–1618 рр. Біла Церква, 2010.
11. *Хижняк З. І., Маньківський В. К.* Історія Києво-Могилянської академії. К., 2003.
12. *Шумов С., Андреев А.* История Запорожской Сечи. Киев-Москва, 2003.
13. *Щербак В. О.* Українське козацтво: формування соціального стану. Друга половина XV — сероедина XVII ст. К., 2000.
14. *Яворницький Д.* Запорожье в остатках старины и преданиях народа.СПб., 1888.

15. *Яворницький Д. І.* Гетьман Петро Конашевич Сагайдачний. Днепропетровьск, 1991.
16. *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст.. (Волинь і Центральна Україна). Изд. 2. К. 2008.

Восстание Б. Хмельницкого. Создание украинского гетманства

Начало восстания.

Восстание Богдана Хмельницкого коренным образом изменило не только дальнейшую судьбу Украины, но и перекроило всю политическую карту Центрально-Восточной Европы. Именно в ходе этих событий было создано государственное образование Украинское гетманство.

Поводом к восстанию послужил личный конфликт малоизвестного чигиринского сотника с еще менее известным мелким польским чиновником. Богдан Хмельницкий происходил из украинского православного шляхетского рода. Отец его, Михаил, был реестровым казаком и погиб в битве под Цецорой.

Его сын Богдан получил хорошее образование во Львовском иезуитском коллегиуме, а затем казаковал. Попав под Цецорой в турецкий плен, он два года провел в Константинополе. За это время он сумел завести знакомства среди многих влиятельных пашей, близких к султану. Затем он освободился и снова стал реестровым казаком. У него имелось большое хозяйство, он расширял имение отца, Субботов, успешно осваивая новые земли и устраивая на них слободки колонизаторов. Политика Владислава IV, заигрывавшего с казаками в своих внешнеполитических планах, способствовала установлению Хмельницким контактов в Варшаве.

В начале марта 1646 г. Богдан присутствовал на тайной встрече казацкой старшины с королем, на которой Владислав обещал увеличить реестр до 20 тысяч, вернуть старые «вольности» и даже выделить в Украине «казацкую территорию». В свою очередь казаки должны были готовиться к походу на Турцию, и для изготовления 60 челнов им выдали 6 тысяч талеров. Старшина получила клейноды (знаки власти), но должна была держать план в тайне. Осуществлен он так и не был из-за резкой оппозиции магнатов.

Сочетание материального благополучия и влиятельного положения православного казака Б. Хмельницкого стало настоящим бельмом на глазу для Чигиринского подстаросты Д. Чаплинского. В результате, при попустительстве магнатов, и в частности — корсунского и чигиринского старосты молодого и не знающего реалий казацкого края А. Конецпольского, Чаплинский в отсутствии Хмельницкого весной 1647 г. совершил вооруженный наезд на Субботов, сжег дома и запасы и похитил возлюбленную Богдана Елену. Попытки Хмельницкого найти справедливость в суде у сенаторов и у короля к успеху не привели. По преданию, Владислав IV посоветовал Богдану использовать казацкий способ поиска справедливости, т. е. саблю.

Личное несчастье простого сотника самым удивительным образом переросло в событие масштаба всей Речи Посполитой. О нем говорили православные священники на своих проповедях, о нем разговаривали в корчмах. Судьба Богдана стала символом той несправедливости и бесправия, в которых оказались все православные украинцы, включая шляхту и казаков. Неожиданно для самого себя Богдан превратился из лояльного королю казака в символ обиженных и оскорбленных польской властью.

Его продолжали преследовать Чаплинский (женившийся на Елене по католическому обряду) и магнаты, стремясь показать, что ждет любого непокорного польским властям. В конечном счете, в декабре 1647 г., чудом освободившись из тюрьмы, куда поляки бросили его ложному доносу, Богдан был вынужден бежать в вольные края. Вначале, Богдан с друзьями поселился ниже Сечи, на острове Буцке. Его посланцы отправлялись в Киевщину и Брацлавщину, чтобы готовить восстание. Хмельницкий не преминул воспользоваться и врученными ему королем клейнодами. Призыв бороться против поляков, ненависть к которым за последнее десятилетие возросла во много раз, находил живой отклик у тысяч казаков и крестьян. Началась массовая подготовка к восстанию. По селам ходили кобзари, в своих песнях воспевавшие казацкую вольность, в церквях священники говорили о бесчинствах униатов и католиков, о необходимости с оружием в руках защищать православие. Попытки поляков конфисковать оружие еще больше накаляли ситуацию.

В конце января 1648 г. у Хмельницкого уже имелось достаточно сил, чтобы двинуться на Запорожскую Сечь, находившуюся под контролем поляков. Охранявший ее польский полковник Гурский

бежал, посланные ему на помощь отряды были разбиты. В середине февраля 1648 г. казацкая рада избрала Хмельницкого гетманом. Казалось, все разворачивалось по знакомому сценарию казацких восстаний. Смелый предводитель, у которого лопнуло терпение, кучка горячих голов. Однако Богдан был скорее дипломатичным шляхтичем, к тому же прошедшим иезуитскую школу, чем шальным казацким ватажком. Прекрасно понимая всю силу военной машины Речи Посполитой, он не довольствовался сбором добровольцев, но решил заручиться военной поддержкой Крыма. Опереться на татар пробовали казацкие лидеры и до Богдана, но только ему, во многом благодаря знаниям и контактам, приобретенным в годы плена, удалось добиться от хана реальной помощи. Перекопский мурза Туган-бей с разрешения хана с охотой выступил на помощь казакам. В это же время Полторакожух по приказу Богдана вел пропаганду среди реестровых казаков. Именно эти усилия и стали залогом успеха.

Победы под Желтыми Водами и Корсунем

Польские власти еще не до конца понимали всю серьезность ситуации. Войско, предназначенное для похода на Запорожье, собиралось медленно, раздавались голоса, чтобы разрешить морской поход и этим успокоить казаков. И только коронный гетман Н. Потоцкий настаивал на немедленных военных действиях. 21 апреля он отправил своего сына Стефана с отрядом в 4,5 тысячи человек (вместе с вооруженной челядью, которую польская шляхта всегда брала с собой в поход, силы достигали 7 тысяч), имея также 10 пушек. В составе отряда были реестровые казаки Переяславского и Белоцерковского полков, а также польские хоругви. Вечером 28 апреля отряд расположился в урочище Княжие Байраки (около Желтых Вод). Хмельницкий, имея около 5 тысяч казаков и 5 тысяч татар, выступил из Запорожья и 29 апреля осадил лагерь поляков. В это время второй отряд, отправленный Н. Потоцким, состоявший из реестровых казаков, на челнах приблизился к Запорожью. 12 мая они подошли к Княжим Байракам, после чего реестровые казаки Белоцерковского и Переяславского полков подняли восстание, казнили пропольски настроенных старшин и избрали старшим Ф. Джеждалию. Оказавшись перед лицом многократно превосходящего противника, С. Потоцкий попробовал отступать под прикрытием табора, но 16 мая казаки и татары прорвали оборону и разгромили поляков. В плен попало около 3 тысяч, С. Потоцкий умер от полученных ран.

Одержав первую блестящую победу под Желтыми Водами, Хмельницкий предпринял быстрый марш, чтобы не допустить объединения Н. Потоцкого с силами Левобережных магнатов, и прежде всего — с И. Вишневецким. 24 мая он уже переправился через р. Тясмин, направляясь к Корусни. Н. Потоцкий, получив известие о разгроме, пытался отступить к Белой Церкви. В его распоряжении было 5,5 тысяч конницы и 1,6 тысяч пехоты (вместе с вооруженной челядью — почти 14 тысяч). Однако Потоцкий задержался, позволив своим солдатам разграбить Корсунь. Утром 25 мая появилась украинская конница и татары. Хмельницкий приказал перекрыть (и даже перекопать) все дороги, отрезая тем самым путь полякам к отступлению. Подосланные им смельчаки на пытках объявили полякам сильно завышенное число казацко-татарского войска. Потоцкий решил отступать, но в глубокой балке попал в засаду. После четырех часов резни польское войско прекратило существование. Н. Потоцкий и польный гетман (заместитель коронного), М. Калиновский, попали в плен.

В эти же дни от приступа мочекаменной болезни умер король Владислав IV и Речь Посполитая, еще совсем недавно казавшаяся могучей европейской державой, оказалась на грани краха. Поляков охватил такой ужас, что, как писал современник событий, казаки в тот момент могли захватить Варшаву и Краков без всякого сопротивления.

Освободительная война

Огромный военный успех не мог не иметь глобальных социальных и политических последствий. В современной украинской историографии все большее распространение получает термин «национальная украинская революция». И хотя с ним можно спорить, но то, что социальные и экономические изменения в украинских землях, происшедшие в результате восстания Б. Хмельницкого, носили революционный характер — безусловно.

На территории Украины начинается массовое изгнание поляков, сопровождавшееся показачиванием крестьян, вливавшихся в армию Хмельницкого и увеличивавших ее до десятков тысяч (сам Богдан называл цифры и сто, и триста тысяч человек). Города и замки брали штурмом отряды под руководством новоявленных атаманов. Польская шляхта, не успевшая бежать, подвергалась безжалостному истреблению. По словам очевидца «такой ужас охватил всех, что

все живое бежит, утикает и едва кто сотый остается». Восставшие не щадили женщин и детей, разрушали костелы и убивали ксендзов. Не меньшим объектом мести стали евреи, составлявшие в Украине ненавистную прослойку арендаторов и шинкарей. Историки разнятся в подсчетах жертв еврейских погромов, называя числа от 20 до 100 тысяч человек.

На освобожденных территориях устанавливались казацкие порядки, а казацкие старшины начинали фактически исполнять роль уничтоженной польской администрации.

Единственный, кто из поляков организовал сопротивление, был Иеремия Вишневецкий (впрочем, скорее литовско-украинский магнат), который, собрав шляхту и собственных вооруженных слуг, отступал летом 1648 г. из Левобережья по пути Лубны-Переяслав-Чернигов-Погребыще-Староконстантинов, «огнем и мечом» уничтожая всех, заподозренных в сочувствии восставшим. Прросвященный Вишневецкий действовал теми же методами, что и презираемая им «чернь»: сотнями сажал на кол, жег и убивал. Ему отвечал тем же отправленный Хмельницким в Подолию и Волынь Максим Кривонос. Восстание, таким образом, перекинулось на Правобережье. 10 августа был взят Бар, резиденция коронных гетманов в Украине.

Богдан Хмельницкий, зажегший весь этот пожар, оказался в роли человека, не знавшего как с ним справиться. Перед ним не мог не возникать вопрос — что дальше. Но идея государственности не возникла в первые же месяцы восстания. Богдан тянул время, писал письма, уверяя в своей верности королевской власти и оправдывая свои поступки несправедливым обращением магнатов. Он все еще оставался законопослушным шляхтичем, подданным короля, желавшим получить от Речи Посполитой лишь некоторые уступки и гарантии. Правда — уже не для себя лично, но для всего казачества и православной церкви. Да и Речь Посполитая оставалась для него отечеством. Он не осознавал своей власти и боялся того моря насилия, которое захватило Украину. Побаивался он и своих своевольных соратников — особенно, таких как Кривонос или Чарнота, толкавших его на «полное уничтожение ляхов». Но, видимо, именно опасение утратить контроль над этими шальными головами, и заставило Богдана повести войска вперед, на Западные земли. Отпраздновав свадьбу с Еленой Чаплинской, Хмельницкий все больше начинает брать власть в свои руки. С конца лета 1648 г. он перестает слепо следовать требованиям всеобщей рады.

Битва под Пилявой

В сентябре 1648 года происходит третье сражение, под Пилявой. В Речи Посполитой для спасения отечества было объявлено посполитное рушение (всеобщее ополчение шляхты). Войско насчитывало 40 тысяч шляхетского ополчения, 8 тысяч немецкой пехоты. Вместе с челядью силы поляков достигали 90 тысяч. В их распоряжении имелось около 100 пушек и огромный обоз, насчитывавший 50 тысяч возов. Шляхта, в большинстве своем не имевшая дело с казаками, бахвалилась, обещала разогнать «чернь» нагайками. У Хмельницкого общая численность войска тоже достигала почти 100 тысяч, но из них только чуть более половины были должным образом вооружены. Остальные — «крестьяне от плуга».

Сильной стороной казаков была их пехота, которая под защитой обоза не знала себе равных в Европе. У поляков наоборот славилась конница, прежде всего тяжелые гусары и легкие драгуны. Противостоять им в открытом поле казаки не могли, поэтому Хмельницкий решил сразу занять такую позицию, которая должна была нейтрализовать преимущество польской конницы. Болотистая местность под Пилявой на берегу реки Иквы как раз соответствовала этим требованиям.

Табор поляков растянулся на 8 км, его никто не укреплял. Единоначалия не было, распоряжения не выполнялись, план действий так и не был разработан. 21 сентября начались бои за переправу. На следующий день казаки укрепляли табор, а к вечеру подошел отряд татар около 6 тыс. 23 сентября казакам удалось захватить переправу и оттеснить поляков к их лагерю. К вечеру в польском войске все больше проявлялись панические настроения, особенно подогретые слухом о приходе всей орды. Поздно вечером военачальники тайно покинули лагерь вместе с конницей. Попытки организовать отход ни к чему не привели. Тысячи обезумевших от ужаса людей бросали оружие и бежали, куда глаза глядят. На долгие десятилетие презрительное прозвище «пилявчики» стало синонимом трусости и позора. Казакам достался весь обоз с артиллерией, огромным запасом пороха, десятки тысяч возов. Путь за запад был открыт.

Но и после этого Хмельницкий не спешил воспользоваться положением. 6 октября войска казаков подошли ко Львову, но гетман умышленно затягивал осаду города. Многие объясняют это теми сентиментальными чувствами, которые он испытывал в отношении города, где учился, и где прошла его юность. Именно в обозе под

Львовом через своего бывшего учителя иезуита Андрея Мокрьского Хмельницкий начал переговоры с королевичем Яном Казимиром, недвусмысленно высказавшись в пользу его кандидатуры на выборах короля. Этим самым он продолжил казацкую традицию настаивать на «рыцарских», равных шляхте, правах в избрании суверена. Довольствовавшись небольшим выкупом в 220 тысяч злотых, Богдан оставил Львов и в ноябре уже на польской территории начал явно безнадежную осаду прекрасно укрепленной крепости Замостья. Правда, там укрылись многие его личные враги, а разосланные отряды казаков тем временем приводили к повиновению западные территории Украины, выбивая последние гарнизоны поляков. Казацкие полки действовали в Каменец-Подольском, Луцком и Владимирском поветах.

Тем не менее, вместо того чтобы идти на Варшаву, как настаивал Кривонос, Хмельницкий предпочел ожидать результатов элекционного сейма. Единственной уступкой радикальному крылу стал генеральный штурм Замостья 28 октября, в котором казаки (в основном «показаченные») понесли тяжелые потери, а один из лидеров левого крыла, обозный Чарнота, был сильно ранен.

Оценивая позицию Хмельницкого в этот период, нельзя приписывать такие действия только его нерешительности или сохранявшейся вере в «доброго короля». Продолжение военной компании в условиях начинавшейся зимы на территории противника — было бы не только рискованно, но и опрометчиво. Тем более, что остро ощущалась нехватка коней, осадной артиллерии, боеприпасов. К этому добавилась и чума (в декабре от нее умер М. Кривонос). Поэтому Хмельницкий благосклонно встретил известие об избрании Яна Казимира и охотно выполнил первый приказ нового короля — распустить войска и отступить в Украину. Это происходит 24 ноября 1648 г. Наступает перемирие.

Идея государственности. Украинское гетманство.

Именно в этот период, после возвращения казацких войск в Украину зимой 1648–1649 гг. — происходит переворот в сознании участников восстания, а прежде всего — в сознании самого гетмана. Своеобразным толчком к размышлениям стала встреча Богдана с Константинопольским патриархом Паисием. Этот греческий патриарх видел в украинском гетмане борца против засилья католической церкви. Он устроил Хмельницкому торжественный прием

в Киеве, заставив промолчать враждебно настроенное украинское духовенство. Он открыто именовал Богдана «светлейшим князем», оказывал ему всевозможные почести и предложил помощь в переговорах с Москвой, куда сам направлялся. Видимо именно беседы с Паисием, небывалый триумф, с которым встретили в Украине казацкие войска и наконец — мирная передышка, позволившая осмыслить происшедшие события, кардинально изменили позицию Богдана.

На переговорах с польскими комиссарами, которые начались в Переяславле 20 февраля 1649 г., Хмельницкий впервые назвал себя «единовладцем и самодержцем руським. Он отклонил статьи договора, которые значительно превосходили его собственные требования лета 1648 года. Во многом к такой позиции отказа от мирных переговоров, Хмельницкого подтолкнули и жестокие расправы над повстанцами, которые творились поляками в Подолии, вплоть до линии Бар-Меджибож. Пленных казаков сажали на кол, не щадили ни мещан, ни крестьян. Становилось ясно, что компромисс невозможен.

Именно с этого момента Хмельницкий начинает активную независимую внешнюю политику, которая преследовала гораздо более широкие цели, чем получение простой военной помощи. Он посылает послов в Москву, Трансильванию и Турцию. Мирные переговоры с королем повисают в воздухе, ибо становится ясно, что ни одна из сторон не намерена согласиться на уступки.

В условиях тревожного перемирия и сохранения казацкого контроля над огромными территориями Левобережной и Правобережной Украины, актуальной становилась задача установления новой системы власти. В этот период создаются основы того государственного формирования, которое мы называем Украинским гетманством (термин, в настоящее время принятый в российской историографии; украинские историки используют термин «Гетьманщина»)[1]. При его создании сотенно-полковая система казацкой армии была механически перенесена на административно-территориальную. В принципе, формирование полков по административному принципу было введено в реестровом казачестве еще в 1626 году, а в 1649 просто

[1] Самоназвание — «Войско Запорожское», может ввести в заблуждение современного читателя. К тому же, уже при жизни Б. Хмельницкого использовался термин «Гетьманщина».

получило свое логическое завершение. На Правобережье появляются Чигиринский, Черкасский, Корсунский, Лисянский, Белоцерковский, Паволоцкий, Уманский, Кальницкий, Каневский, Брацлавский, Полесянский и Могилевский полки. На Левобережье — Переяславский, Нежинский, Черниговский, Прилуцкий, Лубенский, Ирклеевский, Миргородский, Кропивенский, Гадячский, Полтавский и Зеньковский.

В Украинском гетманстве все политические институты власти выросли из аналогичных военных, а высшие и средние казацкие чины составили соответственно верхушку и привилегированную часть новой социальной структуры общества.

Битва под Зборовом. Зборовский договор

Новая военная компания, началась в мае 1649 г., когда польские войска вторглись на Волынь. После ряда упорных боев, в начале июля на помощь к Хмельницкому прибыла 40 тысячная орда под командой хана Ислам-Гирея. Совместными усилиями им удалось замкнуть в Збараже войска И. Вишневецкого. Началась почти месячная осада. На выручку Вишневецкому двинулся сам новый польский король Ян Казимир. Хмельницкий с отрядом в 40 тысяч казаков и 20 тысяч татар вместе с ханом вышел из табора под Збаражем и двинулся навстречу королю.

Ян Казимир, брат покойного Владислава, оказался неудачным выбором казаков. Фанатичный католик, он был до своего избрания королем монахом и носил звание кардинала. Для вступления на престол он получил личное разрешение папы снять с себя сан, после чего женился на вдове своего брата Владислава IV, француженке Марии Людовике Гонзаго. После срыва мирных переговоров с Хмельницким, Ян Казимир посчитал своей обязанностью покарать тех, кто восстал против католической церкви. Перед походом он получил благословение папского нунция Джованни де Торреса, который освятил ему меч и хоругвь.

Расположившись 14 августа под Зборовом, Ян Казимир начал переправу. В его распоряжении имелось около 20 тысяч человек (достигавшие вместе с челядью 35 тыс.). Не догадываясь о приближении Хмельницкого с татарами, король выступил 15 августа к переправе и был атакован конницей. Попытки дать отпор успеха не имели, началась паника, и поляки бежали к Зборову. Только там Яну Казимиру удалось организовать отпор. Но вскоре сопротивление было

сломлено, снова началось бегство. В критический момент, 16 августа битва была остановлена, т. к. хан Ислам Гирей начал сепаратные переговоры с поляками. Скорее всего, хан не желал допустить падение королевской власти и чрезмерного усиления гетмана. Хмельницкий со своей стороны опасался, что сепаратный мир будет заключен в ущерб украинским интересам, и в свою очередь тоже начал переговоры.

Несмотря на неблагоприятные для казаков обстоятельства, Зборовский договор, заключенный 18 августа 1649 г. стал де-факто признанием Украинского гетманства и важным этапом в складывание его административной системы. Основной акцент в договоре был сделан на соблюдении «казацких вольностей», амнистии участникам восстания, восстановлении прежних привилегий православия. Т.е. в центре оставались идеи «казацкой вольности» и «веры православной», тех двух краеугольных камней, под лозунгами которых разворачивалось все восстание Богдана Хмельницкого.

Практически Зборовский договор признавал автономию казацкой территории в составе Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств, с официальной столицей в Чигирине и лишь с номинальным подчинением короне. Польские войска не имели права располагаться на этих территориях. В областях Войска Запорожского привилегированное место занимала православная религия, все должности в трех воеводствах могли получать только представители православной шляхты. Киевский митрополит получал право заседать в сенате, и напрямую ставился вопрос о ликвидации унии. Иезуиты лишались права находиться в тех городах Украины, в которых имелись православные школы. В Украинское гетманство не допускались евреи. Страна делилась на шестнадцать полков. По условиям Зборовского договора реестр казаков был увеличен до небывалых размеров — 40 тысяч человек.

Таким образом, начиная с осени 1649 года, мы можем говорить о существовании автономного государственного образования «Войска Запорожского», чьи вассальные отношения с польским королем были гораздо более формальными, чем отношения Придунайских княжеств и Турции (а именно эта аналогия должна была напрашиваться современникам). Налицо довольно четко действовавшая административно-территориальная система (насколько это было возможно в условиях войны) и постепенно складывавшаяся новая социальная структура общества. Имелось ясное представление

о границах государства, создавалась юридическая система, имелись свои суд, армия, казна, система налогообложения. Главными законами были в Украинском гетманстве были Литовский статут и Магдебургское право. Однако почти сразу Б. Хмельницкий вводит практику издания гетманских универсалов, построенных по образцу королевских, юридическим языком декларировавших установление земельных и других порядков. Самими этими универсалами Хмельницкий формально приравнивал свою гетманскую власть к королевской.

Авторами гетманства были, прежде всего, Б. Хмельницкий и И. Выговский — православные украинские шляхтичи, получившие хорошее образование и воспитанные на ценностях шляхетской республики. Нельзя забывать, что поколение Б. Хмельницкого и его отца (не говоря уже о младших участниках восстания), все были рождены и воспитаны в рамках Речи Посполитой, считая ее своим отечеством. Поэтому прототипом гетманства послужила именно Речь Посполитая, переделанная, однако, на «казацкий» лад. Место шляхты в Украине заняло казачество, место магнатов — старшина, место сейма — всеобщая рада, а место выборного короля — гетман.

Были учтены и давние традиции Украины. Так основу Украинского гетманства составляла самоуправляющаяся громада (т. е. население) села и города. Если там жили и казаки, и посполитые (крестьяне и мещане), то там складывались посполитская «громада» и казацкое «товариство». Во главе первой стоял выбираемый ею войт, который вел все ее административные дела и разбирал все судебные тяжбы. Казаки, в свою очередь, в селе выбирали атамана, который с административной точки зрения исполнял все те же обязанности, что и войт. Оба «уряда» (т. е. власти) — и казацкий, и посполитский, действовали совместно во всех административных делах и в судах. Несколько сел объединялись в более крупный административный и судебный округ — сотню. В некоторых случаях они сохранили границы, существовавших при поляках волостей, в других были образованы вновь. В сотенном местечке мещане выбирали ратушу с войтом во главе. Она ведала делами административного характера по отношению к посполитым всей сотни. Сама ратуша подчинялась сотенному казацкому уряду — сотнику, который принимал участие в ее решениях, в судебных заседаниях, являясь ее прямым начальником. Но зато в выборе сотника принимали участие не только казаки, но также мещане и крестьяне. Помимо сотника администрация

сотни включала сотенных городового атамана, есаула, писаря и хорунжия. Все эти должности тоже были выборные и совмещали обязанности в войске с административными. Судебные дела решались совместно с представителями казацкой и городской администрации (сотник, городовой атаман, войт и бурмистры). Нередко к участию в суде привлекались и «знатные войсковые товарищи», мещане, а в отдельных случаях — вся громада.

Сотни, в свою очередь, объединялись в еще большие административные единицы — полки. Полк управлялся по тем же принципам, что и сотня. Во главе стояли выбранный полковник и выборная казацкая старшина. Кроме полковых есаула, писаря и хорунжия были еще должности обозного и судьи. Точно так же полковая старшина объединяла обязанности военные и административные, а полковнику подчинялись и казаки, и посполитые. Полковнику подчинялись даже мещане крупных городов, находившихся на территории его полка, включая тех, которые имели Магдебургское право. Сотники находились под командой полковников и судились ими, а те, в свою очередь, были подчинены гетману. Границы сотен и полков были четко обозначены.

Высшей законодательной властью была генеральная (общевойсковая) рада, на которой могли присутствовать все казаки, а в реальности — представители каждого полка и старшина. На раде принимали законы, утверждали внешнеполитические договоренности. Там же избирался и гетман, объединявший в своих руках и исполнительную, и законодательную, и судебную власти. В последствие, генеральная рада все больше заменялась старшинской, которая, по сути, и принимала все основные решения.

Главным исполнительным органом была Генеральная канцелярия, в которой решались все основные вопросы административного и военного характера. Высшим судебным органом был Генеральный войсковой суд.

Гетман в своем правлении опирался на важнейших чиновников Украинского гетманства — генеральную старшину (генеральный обозный, генеральный писарь, генеральный судья и генеральный есаул), отвечавших за важнейшие направления деятельности административно-судебной системы. Вместе они управляли как войском, так и всей страной.

Как очень точно писал В. Мякотин, этот строй «не был установлен каким-либо декретом, каким-нибудь общим законодательным

актом, а сложился, под непрерывный почти звон оружия, путем постепенного, хотя и очень быстро совершившегося приспособления страны к новым условиям жизни».

Украинское гетманство было старшинско-казацкой республикой, где старшина и казачество представляли собой элитарную верхушку, пользующуюся всеми привилегиями республиканского правления. Если в самом начале восстания идеалы казацкой вольности преобладали, то уже очень скоро начался отход от них. Выборность полковников сменилась назначением их гетманами, всеобщая рада все чаще заменялась старшинской — а порой и просто единоличным решением гетмана и доверенных ему лиц.

Хотя территория гетманства по Зборовскому договору и была ограничена тремя воеводствами, но гетманы часто заявляли о границах «по Вислу», и, в частности, настаивали на подчинение своей власти Подольского, Волынского и Руського воеводств. Кроме того, Б. Хмельницкий и его преемники высказывали серьезные претензии на ряд областей Белоруссии.

Глобальные изменения претерпела социальная структура общества. В результате восстания Б. Хмельницкого земельные владения польской шляхты в целом в гетманстве резко сократились, а на Левобережье были практически полностью ликвидированы и перешли в собственность Войска Запорожского. Из старых владельцев землю сохранили практически только православные монастыри. По подсчетам Т. Г. Таировой-Яковлевой в 50-е годы свободные войсковые села на территории Левобережья составляли 77 %. В некоторых полках эта цифра доходила до 95 %. Населявшие «свободные войсковые» села крестьяне, избавившись от частной зависимости, находились «под правлением сотенным, в ведомстве полковом и в диспозиции гетманской». Институт крепостной зависимости перестал существовать на Левобережье и был восстановлен там только в самом конце XVIII в. реформами Екатерины II. На Правобережье, причем не только на территориях, вошедших в состав гетманства, положение крестьян также изменилось коренным образом.

Возможность «показачиться», стать свободным и привилегированным членом общества изменила менталитет украинского крестьянства на века. Более того, сложилась такая система, согласно которой даже «владельческие посполитые», т. е. крестьяне помещиков, считали, что они имеют неоспоримое право на свои наделы земли («предковские земли, на которых сидят»), и могут сохранять эти

земли за собой, даже выходя из-под власти владельца имения. Крестьяне, населявшие эти помещичьи имения, являлись теперь собственниками своих земельных участков, и могли не только передавать их по наследству, но и закладывать, продавать и т. д.

Массовое «показачивание» крестьян, начавшееся в первые же месяцы восстания, приводило и к негативным последствиям. В 1654 г. казаки составляли в разных полках от 50 до 82 % населения гетманства. В абсолютных цифрах число «казаков», явно превышало 100 тысяч. Б. Хмельницкий оказался в положении, сходном с тем, в котором был П. Сагайдачный в начале своих реформ, только масштаб проблемы вырос с тех пор в 2–3 раза. Военная ситуация позволяла временно использовать огромную армию «показаченных», формально признавая их казаками, но не выплачивая им жалованья, полагавшегося реестровым. Однако в первый же мирный период неуправляемая толпа «показачившихся» стала с одной стороны тормозом на пути завершения государственного строительства гетманства, а с другой — тем порохом, которым были готовы воспользоваться боровшиеся за власть группировки старшины и иностранные державы. Следует заметить, что эта ситуация отнюдь не была уникальной. Проблема возвращения населения к мирному труду и ментальной переориентации существует после любой войны или социального потрясеня.

Дальнейший ход восстания. Битва под Берестечко и Белоцерковский договор

Исполнение статей Зборовского договора проходило непросто. Обе стороны не были готовы к новым реалиям. Многие казаки были недовольны границей, не желая отдавать полякам такие города, как Острог, Бар и др. Не меньшие трудности вызывало и создание 40-тысячного реестра, в условиях, когда войско Хмельницкого насчитывало почти 150 тысяч. Еще сложнее было заставить крестьян снова превратиться в послушных подданных польской шляхты. Во многих поветах Подольского воеводство доходило до вооруженного сопротивления. Люди тысячами переселялись на территорию Украинского гетманства. Многие по решению старшинской рады остались при реестровых в качестве обозных и слуг.

Воспользовавшись военной передышкой, которую давал Зборовский договор, Хмельницкий занялся укреплением внешнеполитического авторитета и влияния гетманства. Он вел усиленные

переговоры с Москвой, Турцией и Крымом. Одновременно летом 1650 года Хмельницкий предпринял поход на Молдавию. Это было уже не только актом своеволия по отношению к польскому королю, но и первым примером вмешательства в дела соседнего государства. Официально казаки мстили за лояльное отношение молдаван к полякам. При этом Богдан преследовал и династические планы. Посылая казацкие войска на Яссы, он добивался от молдавского господаря Лупу согласия на брак дочери Лупу, Розанды, со своим старшим сыном Тимофеем. Таким образом, он рассчитывал заручиться влиянием в этом регионе. Казацкая дума, написанная в этот период, гласила: «так-то Хмельницкий хорошо сделал: Польшу победил, Волощину засмутил, Гетьманщину взвселил».

Наступивший 1651 г. заставил гетмана поплатиться за попытку заняться внешней политикой, не разобравшись с внутренними проблемами. В феврале 1651 г., нарушив Зборовский договор, польское войско под командованием М. Калиновского и С. Лянцкорунского вторглось в Брацлавщину. Знаменитый полковник Д. Нечай оказался не готовым к военным действиям и погиб при защите местечка Красное. После упорной обороны местечко было сожжено поляками, а все жители, включая женщин и детей, убиты. На фоне ужаса, овладевшего Брацлавщиной после гибели их любимого полковника, единственным, способным организовать отпор, оказался Иван Богун — один из самых талантливых полководцев Украины казацкого периода. При обороне Винниц, своего полкового города, ему удалось нанести психологический удар полякам. Сымитировав паническое бегство передового отряда, выставленного на льду Буга перед городом, Богун заманил поляков в прорубленные им заранее полыньи. Десятки солдат погибли, сам С. Ляндцкорунский едва выбрался из проруби. Уверенность поляков в своей непобедимости пропала, а казаки наоборот воспрянули духом и, несмотря на многократно превосходившие их силы противника, не только отразили все нападения, но и сами совершали под руководством Богуна удачные вылазки. Приближение спешно направленных к Виннице казацких полков вынудило поляков отступить.

После этого на фоне вяло текущих военных действий обе стороны готовились к генеральному сражению. Личная трагедия — казнь любимой жены (Елены) по сомнительному обвинению в измене — деморализовала Хмельницкого. К тому же, он терял драгоценное время, ожидая подхода хана. Только в конце июня войска встрети-

лись под Берестечко. В распоряжении Хмельницкого имелось более 100 тысяч казаков, но из них только половину составляли опытные и организованные. У хана Ислам Гирея было около 40 тысяч. В разгар сражения татары отступили и захватили с собой пытавшегося их остановить Хмельницкого. Вместе с И. Выговским он более 10 дней находился в плену, и дальнейшие события битвы разворачивались уже без него. Наказным гетманом был избран И. Богун, который сумел организовать серьезное сопротивление полякам. Но в ночь на 10 июля во время очередной вылазки в казацком таборе началась паника, спровоцированная «показаченными». Они кричали, что старшины их бросили. Люди начали беспорядочно отступать через болото, плотины проломились, и множество казаков утонуло. Только Богуну удалось организованно отвести часть казаков.

Хмельницкий не успел вернуться из плена, как пришло известие о вторжении великого гетмана литовского (т. е. главнокомандующего литовскими войсками) Я. Радзивилла. Литовские войска вступили в Черниговщину, разгромили казацкий полк М. Небабы (полковник погиб) и 6 августа захватили Киев. Киевский митрополит Косов и архимандрит Киево-Печерской лавры заняли предательскую позицию, пригласив Радзивилла в Киев и устроив ему торжественную встречу. Но их надежды остаться в стороне от борьбы рухнули. Литовские солдаты начали грабить не только мещан, но также киевские церкви и монастыри.

Катастрофическое положение в условии, что казацкие полки были рассеяны после Берестечко, чудом спас опять же И. Богун, который организовал сопротивление наступающей армии поляков.

В условиях начавшегося крестьянского восстания в Польше, Яну Казимиру пришлось пойти на подписание нового Белоцерковского договора. По этому соглашению территория Украинского гетманства была сокращена до размеров Киевского воеводства, реестр уменьшился вдвое — до 20 000 человек. Однако, гетманская власть хоть и в урезанном виде, но сохранялась, что давало основания надеяться на ее расширение в недалеком будущем.

Условия Белоцерковского договора внедрялись еще сложнее, чем Зборовского. Казаки Брацлавского, Кальницкого и Уманского полков сопротивлялись своему расформированию. Население Черниговского воеводства в массовом порядке переселялись в Мигродский, Полтавский и др. поветы, остававшиеся под казацким контролем.

Воспользовавшись мирной передышкой, Хмельницкий приложил усилия к укреплению собственного положения. Под предлогом наказания полковников, противившихся возвращению поляков в свои прежние имения, он казнил целую группу старшины, выступавшую против усиления его власти. В его ближайшем окружении все большую роль начинают играть образованные шляхтичи И. Выговский, П. Тетеря, И. Нечай, и зажиточные мещане — братья Золоторенко.

Не менее успешно укреплялся Богдан и на внешнеполитическом фронте, возобновив свой союз с Крымом. Совместно с татарами Тимош Хмельницкий совершил поход на Молдавию. По дороге, в конце мая 1652 г. он с помощью отца разбил под Батогом польного гетмана М. Калиновского. В этой блистательном сражении полегло почти 10 тысяч поляков. Победа под Батогом стала сигналом к ликвидации условий ненавистного Белоцерковского договора. По сути, он так и не был легитимирован, т. к. польский сейм, на котором должны были ратифицировать договор, был сорван (на нем впервые применили принцип «liberum veto», впоследствии погубивший Речь Посполитую). В Брацлавском, Черниговском и Киевском воеводствах началось массовое восстание. Поляков, которые вернулись было в свои имения, избивали и изгоняли.

Внешнеполитическое влияние гетманства тоже усилилось — Тимош Хмельницкий женился на дочери молдавского господаря Лупу.

Неудачная компания 1653 года

Разрыв Белоцерковского договора неминуемо вел к возобновлению военных действий. Они начались в конце марта 1653 г. наступлением отряда в 15 тысяч человек под командой известного и талантливого польского полководца С. Чарнецкого. Имея огромный численный перевес, поляки вторглись в Брацлавщину и безжалостно вырезали местечки. Оборону организовал И. Богун, который, имея около 5 тысяч, заперся в Монастырище. Несмотря на то, что укрепления местечка были деревянные, казаки отчаянно сопротивлялись. В решительный момент Богун с казаками, переодетыми татарами, ударил в тыл полякам, вызвав страшную панику. Бросив убитых, войско раненного Чарнецкого бежало из-под Монастырища, а затем отступило и с Брацлавщины.

Блестящая победа открывала путь к контрнаступлению. В планы Хмельницкого входило изгнание поляков с Правобережной Украины, включая Подольское и Руськое воеводства. Но гетман снова

опрометчиво дал увлечь себя в молдавские дела. Господарь Лупу был свержен, и Т. Хмельницкий с казацкой армией, вопреки мнению части старшины, отправился ему на выручку.

Усиление роли Украинского гетманства в политической ситуации в Центрально-Восточной Европы пугало многих соседей. В результате, против казацкой армии в Молдавии соединились Речь Посполитая, Валахия и Трансильвания. Тимош потерпел поражение. В конце июня, во время наступления на Галицию, известие о провале в Молдавии вызвало в казацком войске бунт против Хмельницкого. Хотя гетману удалось успокоить «показаченных», но поход был сорван.

В этих условиях Хмельницкий предпринял попытку заключить новый договор с Польшей на условиях Зборовского соглашения. Но в Речи Посполитой возобладали радикально настроенные силы, которые считали примирение возможным только на условиях отставки Хмельницкого, сокращения реестра до 6 тысяч, а также ликвидации гетманства.

Новое поражение казаков в Молдавии, оборона Сучавы, закончившаяся гибелью Тимоша разрушили все честолюбивые планы Богдана, видевшего в старшем сыне наследника своего дела. Польское войско во главе с Яном Казимиром вступило в Подолию и 8 октября 1653 г. расположилось под Жванцем. Силы поляков вместе с вооруженной челядью достигали 60 тысяч. Хмельницкий со своим войском в конце октября встал табором под Шаргородом. У него начались непростые переговоры с крымским ханом Ислам Гиреем, который настаивал на принятии Украиной протекции Крыма. Гетман надеялся сохранить условия военного союза 1648 г., но добиться согласия татар на начало венных действий против поляков не сумел.

В этих условиях Хмельницкий решил не идти на генеральное сражение, но осадить лагерь поляков, надеясь взять их измором. Этот план казаки исполняли путем перекрытия всех доступов к провианту и отрезая возможности полякам к отступлению. В конце ноября положение короля и его войска стало невыносимым. От холода и голода умирали тысячи солдат. Понимая неминуемую катастрофу, король начал переговоры с ханом, которые завершились 15 декабря 1653 г. заключением польско-татарского договора. Он предусматривал прекращение военных действий, уплату поляками дани и участие в совместном походе против России. Что касается

Украины, то договор сохранял число реестровых казаков согласно условиям Зборовского соглашения, но все положения относительно автономии гетманства и привилегированного положения православия — исключались. Возвращаясь в Крым, татары предприняли опустошительный набег по территории Украины. Спасая жителей, Хмельницкий отдал приказ войску вернуться в территорию гетманства.

Принятие Украины «под высокую руку» царя

На протяжении первых лет восстания Б. Хмельницкого отношение к нему в Москве было настороженное. Со времени заключения Поляновского мира с Речью Посполитой, по которому Московское государство ценой тяжелых территориальных уступок вырвалось, наконец, из Смуты, прошло всего чуть более десяти лет. Неоднозначное отношение было в Москве и к украинскому православию. Тем не менее, русские воеводы пограничных с Украиной городов внимательно следили за разворачивавшимися событиями. Летом 1648 г. в Москву начали поступать ходатайства Б. Хмельницкого о военной помощи и покровительстве. Через год была высказана уже прямая просьба, чтобы великий государь «над нами царем и самодержцею был». Послы Хмельницкого апеллировали к царю, как к православному монарху, призванному защитить своих единоверцев от католиков и униатов. Однако принятие «под высокую руку» означало для Москвы начало войны с Речью Посполитой, а к этому царское правительство не было готово.

Да и вообще, Украинское гетманство со своим социальным и политическим устройством было чуждо Московскому государству с его жесткой централизацией и бюрократической системой. Свободное крестьянство, массы казаков, вовлеченных в управление страной, по-западному образованная элита, украинское просвященное духовенство, свободно владевшее латынью. Гетманство, основанное на казацкой вольности, причудливо переплетенной с шляхетской демократией, казалось в Москве, несмотря на единую православную веру, слишком «западным» и чужим.

Приход к власти патриарха Никона, который активно поддерживал идею помощи Украине и лично переписывался с Хмельницким, в значительной мере изменил ситуацию. Ему удалось убедить Алексея Михайловича, увлечь великими перспективами и 1 октября 1653 г. при его непосредственном участии Земский собор принял

решение принять «Войско Запорожское с городами и землями под высокую руку» царя. Причиной такого шага объявлялась необходимость защищать православия от преследования поляков. Алексей Михайлович начал активно готовиться к войне и лично провел смотр войск на Девичьем поле.

Переяславская рада и «Мартовские статьи» 1654 г.

В Украину было выслано посольство во главе с В. Бутурлиным, которое должно было объявить гетману решение Земского собора и привести казаков к присяге. С собой они везли царские подарки гетману — знамя, булаву, ферязь и шапку. Богдан находился на границе, пытаясь уладить отношения с татарами и поляками. Когда все переговоры закончились провалом, он сообщил русским послам, что встретится с ними в Переяславле. Город этот, вблизи российской границы, был выбран не случайно. В крайнем случае (при наступлении поляков и татар) казаки могли уйти за границу под защиту царя.

Утром 17 января 1654 г. (н. с.) в Переяславле состоялась тайная рада старшин, которые приняли решение принять протекторат царя. Затем это было объявлено в присутствии казаков, хотя из-за спешки и военной ситуации в Переяславле и не имелось представителей всех полков для проведения генеральной рады. На следующий день Хмельницкий в сопровождении старшин и русских воевод отправился в соборную церковь Переяславля, чтобы принести там присягу. Но там произошел конфликт. Богдан потребовал, чтобы воевода присягнул от имени царя, что великий государь не выдаст Войско Запорожское польскому королю и сохранит все вольности — шляхетские и казацкие. Бутурлин заявил, что такого «николи не бывало и впредь не будет», чтобы кто-нибудь от имени царя давал клятву. Напрасно гетман ссылался на опыт подобных присяг от имени польского короля. Бутурлин предложил изложить свои просьбы в письменном виде и отослать их к царю.

В этом конфликте ярко отобразились те ментальные различия, которые имелись у старшины, выросшей на традициях Речи Посполитой, и русского боярства. Трактовка «статей» с московским царем именно как договоров — со стороны казацкой элиты была совершенно естественна. И Богдан Хмельницкий, и его преемники опирались на традицию договоров с Речью Росполитой. Это была принципиальная разница в традициях (в Речи Посполитой король был

равен своим подданным (шляхте), так как ими избирался — в отличие от самодержца российского.

В результате сначала состоялась присяга, и только после этого было выслано посольство в Москву. Там в ответ на поданные «статьи», Алексеем Михайловичем был утвержден документ, получивший название «Мартовских статей» или «Статей Богдана Хмельницкого».

Девять статей включали положения об «урядниках», избираемых в городах, и сборах налогов («доходы всякие в казну царского величества отдавати»); выплате жалования старшине и казакам; выделении старшинам мельниц; содержании «наряда»; запрете гетману иметь сношения с польским королем и турецким султаном, а также о необходимости письменно отчитываться о всех других иностранных послах; о посылке русского войска против польского короля; о постоянном нахождении русских ратных людей на границе для защиты от поляков. Большинство статей были изложены очень расплывчато, оставляя большой простор для их трактовки.

Договариваясь в Переяславле, каждая из сторон преследовала различные цели и во многом смотрела на договор по-разному, исходя из своих традиций и ментальности. Для Хмельницкого это был разумный выход из критической военной ситуации. В его дальнейшие планы входило укрепление Украинского гетманства и расширение его границ. Перед ним и его окружением видимо стоял все тот же образец свободного вассалитета придунайских княжеств. Для Алексея Михайловича важнейшим было возвращение Смоленщины, распространение своего влияния на Белоруссию. Никон рассматривал далеко идущие планы освобождения и объединения всего православного мира. Такие разные подходы и оценки не могли не породить в будущем конфликтные ситуации.

Безусловно, гетман и старшина признавали вассалитет царя. Например, они просили у него подтверждения их земельных владений. Все жители были приведены к присяге царю. Но реально в этот период зависимость гетманства определялась лишь двумя формальными признаками — уплатой налогов в царскую казну и необходимостью отчитываться о приезде иностранных посольств. На самом деле даже эти положения никогда не выполнялись. Хмельницкий весьма условно смотрел на свои обязательства, примерно как прежде на договоренности с польским королем. Практическое значение имел только военный союз Украины и России. Это был компромисс, с которым могли мириться лишь во время войны.

Точно также неверно считать, что статьи (по крайней мере с точки зрения старшины) не оставляли возможности для «легального выхода». Как ни парадоксально, но царь сам создал прецедент. В решении Земского собора 1653 г. с целью оправдать Б. Хмельницкого и всех жителей Украины в нарушении присяги Яну Казимиру (они приносили ее еще в 1648 г.) говорилось, что Ян Казимир, вступая на престол, присягал защищать христанскую веру. Не очень с юридической точки зрения веское основание, но в любом случае факт нарушения договоренности одной стороной признавался Москвой основанием для освобождения другой стороны от крестного целования. Чего же удивляться тому, что в дальнейшем исполнение или нарушение договорных статей царем рассматривалось украинской казацкой элитой как безусловный повод для освобождения их от присяги — так же, как и в случае с польским королем.

Конфликтным моментом с первых дней присоединения стала позиция украинского духовенства. В Москве полагали, что после принятия «высокой руки царя» следующим шагом стает подчинение Киевской митрополии московскому патриарху. Но это вызвало резкий протест киевского митрополита С. Косова. Автор блестящего исследования взаимоотношений украинского и русского духовенства К. Харлампович полагал, что главными факторами такой позиции киевского митрополита было представление о русском православии, как о малообразованном, опасение жесткого контроля со стороны московского патриарха и не желание ссориться с Константинопольским патриархом, который на протяжении многих десятилетий оказывал серьезную поддержку в тяжелые для украинской православной церкви времена.

Русско-польская война

Сначала русско-польской войны украинские войска участвовали в военных действиях на двух направлениях: украинском и белорусском. В Белоруссию наказным гетманом был отправлен шурин Б. Хмельницкого Иван Золоторенко во главе 20-тысячного корпуса. 18-го мая 1654 г. Алексей Михайлович во главе русской армии лично выступил в поход, съездив помолиться к Троице. Вскоре сдались Дорогобуж, Полоцк, были взяты Орша и Могилев. Золоторенко захватил Гомель, Чечерск, Новый Быхов, Пропойск. После сдачи Смоленска 23 сентября царь возвратился в Вязьму.

Весной 1655 года был предпринят новый поход. В начале 1655 г. казаки Золоторенко взяли Бобруйск и Глуск, летом 1655 г. — Свислоч. Русские войска овладели Минском и Вильно. 30 июля царь совершил торжественный въезд в Вильну, затем были взяты Ковно и Гродно. В ноябре царь возвратился в Москву.

Неожиданно для многих совместные успехи в Белоруссии привели к серьезным русско-украинским противоречиям. Начиная русско-польскую войну, Москва главным образом стремилась расширить свои северно-западные территории. Русские и казацкие войска в совместных операциях очистили Белоруссию от польско-литовских войск. Царь установил в новых землях воеводское правление, а гетман — назначил мужа своей дочери, Ивана Нечая, белорусским полковником. Царь считал Белоруссию новой территорией в составе своего государства, а Хмельницкий — с не меньшим упорством — новой административной единицей Украинского гетманства. Ситуацию осложняло то, что белорусское крестьянство охотно вливалось в ряды казацких войск. Конфликт особенно обострился, когда царское правительство, желая заручиться поддержкой местной шляхты, разрешило сохранить ее владения и, не желая оставлять Белоруссию под властью гетмана, стало жестоко карать стремления крестьян к показачиванию. Но если литовско-белорусские магнаты поспешили признать власть Алексея Михайловича, желая таким образом сохранить свои владения, то крестьяне напротив предпочитали стать подданными украинского гетмана (и показачиться), нежели русского царя (и оставаться крепостными). Все это вело к жестким конфликтам украинских старшин с русскими воеводами.

Русско-польская война помимо военных и политических имела и серьезные культурные последствия. Алексей Михайлович был сильно удивлен, встретившись с представителями западной культуры. Особенно на него повлияло знакомство с известным богословом Симеоном Полоцким. Симеон получил образование в Киево-Могилянской коллегии, потом принял монашество и работал в братской школе в Полоцке. При посещении Алексеем Михайловичем этого города в 1656 г. Симеону удалось лично поднести царю приветственные «Метры» своего сочинения. Царь, увлекавшийся богословием, пригласил Симеона к себе и в 1664 г. он переехал в Москву. Именно под влиянием Симеона в Кремле был создан первый в России театр. Сам он стал учителем царских детей, прежде всего Федора Алексеевича.

Военные действия в Украине

Между тем, упорные бои завязались на территории Украины. Во второй половине марта 1654 г. польское 20-тысячное войско под командованием польного гетмана[1] Станислава Ляндцкорунского вторглось в Брацлавщину. Огнем и мечом он уничтожил 20 местечек, и только смелые действия И. Богуна, защищавшего Умань, смогли остановить наступление.

В июле 1654 г. польским властям удалось заключить «вечный договор» с крымским ханом, а осенью коронный гетман С. Потоцкий во главе огромной армии, достигавшей 50 тысяч человек, снова двинулся в Брацлавщину. Казаки и местные жители оказывали отчаянное сопротивление.

Опустошение Брацлавщины продолжалось до конца года. Было убито более 30 тысяч жителей, десятки тысяч бежали в Молдавию.

Зимой 1654–1655 гг. к Б. Хмельницкому прибыл русский 12-тысячный отряд во главе с воеводой В. Б. Шереметьевым. Совместные русско-украинские силы достигали 42 тысяч человек и располагались в районе Охматова. Ошибка казацкой разведки позволила полякам 29 января 1655 г. неожиданно напасть на русско-украинское войско во время марша. Построив вал из возов, саней и трупов, казаки три дня отбивали атаки поляков. Стояли страшные морозы, поэтому битва вошла в историю как «Дрижиполе» (т. е. «поле дрожи»). Использовав пассивное поведение татар, Хмельницкий выстроил обоз из четырех рядов возов, скрепленных цепями, и пробился через польские войска, перейдя затем в наступление.

Зимний поход завершился еще одной трагедией. Не желая платить татарам, поляки рассчитались с ними жителями Брацлавщины. Было уничтожено 270 городов и местечек, а татары угнали в плен десятки тысяч человек. Трагедия Брацлавщины показала всю опасность, которую представлял союз Речи Посполитой с Крымом и неэффективность военной поддержки Московского государства. В этих условиях Хмельницкий и его окружение активизирует внешнеполитические сношения в поисках новых союзников.

---

[1] В Речи Посполитой были две высшие военные должности, командовавшие собственно польскими (коронными) войсками: великий коронный гетман и польный гетман (т. е. заместитель). То же самое имелось и Литовском войске — великий литовский гетман и польный.

Шведский «потоп». Виленское перемирие 1656 г.

Приход к власти молодого амбициозного шведского короля Карла X Густава изменил ситуацию в Центрально-Восточной Европе. В июле 1655 г. началась польско-шведская война. В считанные дни огромные территории Речи Посполитой оказались захваченными шведскими войсками. В Кейданах Я. Радзивилл от имени Великого княжества Литовского подписал договор, признававший верховную власть Карла Густава. Это поставило под угрозу все успехи Алексея Михайловича в русско-польской войне.

В Москве стали всерьез опасаться усиления Швеции, и в сложившейся ситуации угрозу с севера сочли более серьезной. В окружении Алексея Михайловича возобладали сторонники мирных переговоров с Речью Посполитой.

Б. Хмельницкий выступал категорически против соглашений с поляками. Он им не верил и опасался, что договор будет заключен за счет Украины. Наоборот, гетман считал шведов и членов их альянса удобными союзниками для продолжения военных действий против Речи Посполитой. Уже летом 1655 г. Хмельницкий начал активные дипломатические контакты с Карлом X, а также с трансильванским князем Ракоци. Коренные отличия в оценках внешнеполитических задач привели к конфликту в русско-украинских отношениях.

В начале сентября 1655 г. Б. Хмельницкий предпринял поход на западные украинские земли. Этого требовало как московское правительство, так и новый союзник — шведы. Вместе с казаками шло российское войско В. Бутурлина. Заняв десятки местечек, русско-украинские войска подошли 25 сентября ко Львову. Одновременно отряд под командой Д. Выговского захватил западные города, включая Ярослав, Люблин и др. Начались переговоры, на которых Хмельницкий настаивал на том, чтобы весь западный край перешел под казацкое управление. Речь Посполитая, сражавшаяся на три фронта, находилась в катастрофическом положении. Но удар по планам Хмельницкого пришел с неожиданной стороны. Карл X, уверовав в свою победу над поляками, и не нуждаясь более в поддержке казаков, приказал ему отступить, не желая оставлять за гетманством западные земли. Одновременно татары, опасавшиеся гибели Речи Посполитой, предприняли набег на Украину, дойдя вплоть до Львова, забирая жителей в полон. Взяв со Львова выкуп, 8 ноября Хмельницкий был вынужден удалиться в границы Украинского гетманства.

Угроза глобальных геополитических изменений в Европе пугала многие государства. Опасаясь усиления Швеции, царское правительство объявило в конце мая 1656 г. ей войну. 15-го июля 1656 г. Алексей Михайлович лично двинулся в поход к Ливонии и после взятии Динабурга и Кокенгузена осадил Ригу.

Одновременно продолжались русско-польские мирные переговоры, на которые в августе 1656 г. Хмельницкий, по договоренности с русскими, также отправил своих послов. Но их на заседание комиссаров не пустили, а в ноябре 1656 г. было подписано Виленское перемирие. По его условиям поляки должны были избрать русского царя польским королем.

Хмельницкий встретил это известие «как сумасшедший, который ума лишился, закричал и заявил: уж, дети, о том не печальтесь! Я знаю, что с этим делать: нужно отступить от руки царского величества, а пойдем туда, куда вышний Владыко повелит — не только под христианином государем, но и под бусурманином».

Начало расхождения с Москвой, шведские военные неудачи — толкнули гетмана в сторону его бывшего врага — трансильванского князя Георгия Ракоци и в сентябре он подписал с ним союзный договор. В январе 1657 года казацкие полки под командование А. Ждановича и И. Богуна (до 20 тысяч человек) отправились на помощь Ракоци, который выступал в союзе со шведами против Польши. Вместе с войском Ракоци казаки дошли вплоть до Кракова, мстя за недавнее разорение Брацлавщины, и 28 марта 1657 г. взяли древнюю польскую столицу.

Этот поход в условиях русско-шведской войны и Виленского перемирия с Речью Посполитой было практически разрывом Переяславских соглашений гетманства с Московским государством. Как пишет Б. Н. Флоря, объясняя причину напряженности в русско-украинских отношениях, «гетман продолжал расценивать положение, сложившееся на международной арене, совсем не так, как царь и его советники».

В апреле 1657 г. в Чигирин прибыл посол польского короля С. К. Беневский. Хотя никаких конкретных договоренностей с Б. Хмельницким достигнуто не было, но по условиям Переяславских соглашений гетман вообще не мог иметь сношений с поляками, и должен был задерживать их посланников. Разумеется, Беневского в Чигирине никто не задержал.

Вторым очагом конфликта оставалась Белоруссия. Уже в январе 1656 года Б. Хмельницкий издал указ, назначив своего зятя,

И. Нечая, полковником Белорусским, отдав под его управление территории до Могилева, Чаусов, Нового Быхова и Гомеля.

Наконец, в апреле 1657 года умер киевский митрополит С. Косов. Хмельницкий не только не проинформировал об этом царя, но и самовольно подписал универсалы о проведении церковного собора. Между тем Алексей Михайлович рассматривал смерть митрополита как удобный предлог для переподчинения Киевской митрополии московскому патриарху. На этом фоне у царя возникли разногласия с Никоном, который не хотел ссориться с Константинопольским патриархом и косвенно поддерживал позицию Б. Хмельницкого.

К сложной внешнеполитической обстановке добавились внутренние проблемы. Отсутствие реестра и образование огромного числа «показаченных», не имевших в мирное время средств к существованию, создавали социальную базу для взрывов недовольства. Опасность бунтов стала проявляться уже в последние годы гетманства Хмельницкого. Очагом напряженности и центром недовольства стало Запорожье. Тут сказывалась вражда, существовавшая между запорожцами и реестровыми казаками — как между рядовыми, так и среди старшины. Лидеры Запорожской Сечи не допускалась до управления гетманством, а тем более — до его внешней политики.

Летом 1657 г., когда Хмельницкий отправил против татар войско во главе со своим юным сыном Юрием, произошел первый открытый бунт. Присутствие в войске русского воеводы И. Желябужского придало ему особый характер. Старшин обвинили в попытке «воевать Польшу» без «государева указу». Такое развитие событий было на руку царскому правительству, которое серьезно опасалось независимой внешней политики гетмана.

В июне в Чигирин прибыл Ф. Бутурлин. Главной причиной посольства было недовольство Москвы внешними сношениями гетмана. Хмельницкого упрекали, что он забыл «присягу свою перед святым евангелием и верное подданство». Стремясь усилить контроль за гетманом, русские выдвинули требование, чтобы воеводы находились в Чернигове, Переяславле и Нежине. Недовольство вызвал и тот факт, что из Гетманства ни разу не поступало в московскую казну собранных налогов. Переговоры проходили на повышенных тонах, стороны обменивались резкими заявлениями.

Смерть Богдана, умершего от инсульта 6 августа 1657 г., предотвратила назревавший конфликт. Официального разрыва не произошло.

Похоронили Богдана в Ильинской церкви в любимом Субботове, рядом с могилой Тимоша. Однако уже в 1664 г. польский полководец С. Чарнецкий захватил Субботов и велел выбросить прах великого человека. Правда, местные краеведы уверены, что казакам удалось спрятать от поляков прах Богдана.

Руина

Гетманство И. Выговского.

Умирая, Б. Хмельницкий завещал избрать гетманом своего 16-летнего сына Юрия, который к тому же обладал слабым здоровьем. На Субботовской раде старшина, нарушая завещание гетмана, решила отправить Юрия учиться в Киев. В качестве регента был назначен генеральный писарь Иван Выговский, умный, образованный православный шляхтич, практически руководивший при Б. Хмельницком всей внешней политикой. Правда он не был из казаков и был женат на польке сенаторского рода. В сентябре Чигиринская рада утвердила Выговского единоличным гетманом, но власть его была слабой. К тому же, ему пришлось столкнуться с огромным количеством накопившихся еще при Б. Хмельницком проблем — внутренних и внешних.

Первая в истории Украины легитимная смена власти проходила очень непросто. Никогда прежде украинские гетманы не обладали государственной властью, поэтому теперь все было иначе. Выговский, нарушив завещание Б. Хмельницкого, сам создал прецедент, получив власть не вполне лигитимным образом. Началась ожесточенная борьба старшинских группировок. Многие заслуженные полковники считали себя вправе претендовать на место гетмана. Старшинские группировки начали использовать порожденный восстанием Хмельницкого анархо-разрушительный элемент, в лице масс показаченных и Запорожья.

С этого момента в Украинском гетманстве складывается несколько традиционных партий: крымская, шведская, русская и польская. Большинство их лидеров преследовали только одну цель — добиться собственной власти путем внешней поддержки. А Запорожье было против всякой твердой власти вообще. Им противостояла государственная группировка старшины,

выступавшая за сохранение и преумножение автономии гетманства, за продолжение независимой внешней политики Хмельницкого и укрепление власти казацкой администрации во внутренней жизни Украины.

В октябре 1657 г. Корсунская рада еще раз утвердила Выговского в качестве гетмана, и сразу же был заключен договор со Швецией. Это была попытка в условиях внутренних смут укрепить внешнее положение Украины. Хотя в договоре подчеркивалось, что с московским царем «Войско Запорожское связано тесным союзом и будет сохранять ему верность нерушимо», однако самого факта таких переговоров было достаточно для Москвы, чтобы убедиться в своеволии нового гетмана.

Выговский занимал непреклонную позицию и по двум другим острым вопросам: относительно Белоруссии и подчиненности Киевского митрополита. Не соглашался он и на расширение власти русских воевод. Поэтому когда против гетмана в ноябре началось восстание запорожцев, а затем и восстание Полтавского полка во главе с М. Пушкарем, царское правительство заняло благодушно-выжидательную позицию. В Москве принимали посольства восставших, отправляли увещевательные письма обеим враждующим сторонам, этим самым только еще больше провоцируя расширение бунта, придавая уверенность восставшим (убежденным в поддержке царя) и донельзя ослабляя позицию гетмана.

Ситуация вышла из-под контроля и в феврале 1658 г. произошло первое открытое столкновение восставших с войсками Выговского. Гетманская власть держалась на волоске. Нарастание недоверия между гетманом и царем усилилось из-за опалы патриарха Никона, пользовавшегося большим авторитетом и влиянием среди старшины и духовенства Украины.

Воспользовавшись ситуацией, царское правительство в июне 1658 г. прислало воевод во все основные украинские города, что, по сути, было нарушением Переяславского соглашения, гарантировавшего «казацкие вольности». Появление в Украине воевод вызвало резкую реакцию старшины. И. Богун выступал с открытыми угрозами в их адрес. В конечном счете, воеводы были отозваны.

Только в июне 1658 г. Г. Г. Ромодановский получил, наконец, приказ оказать поддержку Выговскому. Но было поздно — гетман уже призвал на помощь орду и в битве под Полтавой разбил войска восставших. М. Пушкарь был казнен.

Гадячский договор. Княжество Руськое.

Отчаявшись получить помощь в Москве, Выговский для спасения своей булавы пошел на договор с Польшей, попытавшись добиться условий конфедеративного союза. Любой другой союз казаки, ненавидевшие поляков, просто бы не приняли. Существование в Речи Посполитой группы магнатов, выступавших за наделение казаков равными со шляхтой правами и рядом других привилегий, делали такие планы не совсем призрачными. Например, Я. Лещинский писал Е. Любомирскому: «Даже если бы казаки требовали отдельной провинции, я бы не очень противился — лишь бы только они от нас зависели».

По сути, первая редакция Гадячского договора — в том виде, в каком он был подписан, была попыткой сохранить автономию Украинского гетманства и даже получить гарантии ее укрепления. Выговский здесь выступал как приемник политики Б. Хмельницкого и лидер государственной группировки. Одной из первых задач, которую он со своими единомышленниками ставил перед собой, было юридическое оформление гетманства как такового и закрепление его статуса. Именно тогда, в конце 50х годов XVII в. возникла идея создания Княжества Руського. Речь шла о превращении Речи Посполитой в государство «трех народов».

Гадячский договор был заключен 16 сентября 1658 г. Соглашение включало в себя образование Княжества Руського в составе Брацлавского, Киевского и Черниговского воеводств, выпуск собственной монеты, создание сейма, уничтожение унии и предоставление широких привилегий православию, сохранение реестра в 60 тысяч человек, свободное избрание гетмана и даже — сохранение союза с Москвой. Отдельные статьи оговаривали учреждение академий, школ, библиотек и типографий.

Однако под влиянием польской шляхты и сильного давления со стороны Ватикана, сейм в мае 1659 г. принял Гадячский договор в более чем урезанном виде. Идея Княжества Руського вообще была выброшена, равно как и сохранение союза с Москвой. Отменялась ликвидация унии и ряд других позитивных статей. Решение сейма стало крахом гетманства Выговского.

Между тем началось наступление русских войск на Левобережье. Цветущий край был опустошен «огнем и мечом». Кровавые бои между русскими и украинцами продолжались до февраля 1659 г., когда боярину и наместнику А. Н. Трубецкому был дан

тайный наказ начать переговоры с Выговским, предлагая условия Гадячского договора. Однако русские воеводы предпочитали переговорам с несговорчивым гетманом войну. Они дали вождю радикальных элементов запорожскому кошевому атаману И. Беспалому титул гетмана Войска Запорожского, начав тем самым эпоху «многогетманства». Казаки Беспалого грабили и своевольничали, не подчиняясь приказам русских. Сторонники Выговского были осаждены в Конотопе, где 70 дней отражали все штурмы. На выручку к ним отправился сам гетман с казаками и союзными татарами. Битва произошла 8 июля 1659 г. под Конотопом. Выговский атаковал русские войска, а затем спешно отступил, имитируя панику. Татары и казаки, сидевшие в засаде, ударили в тыл русским. Казаки перекопали дорогу, разобрали мост и отрезали таким образом все пути к отступлению. А. Н. Трубецкой понес серьезные потери убитыми, ранеными, многие попали в плен.

Свержение И. Выговского. Переяславская рада 1659 г.

Однако победа не спасла Выговского. Перед лицом возможных массовых выступлений против Гадячского договора, Левобережная старшина предпочла искать соглашения с московскими воеводами. Т. Цицура и В. Золотаренко практически сдали все Левобережье воеводам Г. Г. Ромодановскому и А. Н. Трубецкому, претендуя в награду за это на гетманскую булаву. В этих условиях Правобережная старшина принесла Выговского в жертву. Его лишили булавы на генеральной раде 23 сентября 1659 г., и новым гетманом избрали сына любимого в народе «батьки» Хмельницкого — Юрия. Этим был предотвращен раскол гетманства, т. к. лидеры Левобережья и русские воеводы предпочли искать с ними соглашения, чем начинать новую тяжелую войну.

В ходе переговоров в Переяславле Юрия Хмельницкого с русскими воеводами была принята новая редакция Переяславского договора, не учитывавшая пожелания старшины. В ней была предпринята попытка решить все сложные вопросы во взаимоотношениях с гетманской администрацией — о воеводах (введение их во всех основных городах Украины), о Белоруссии (запрещение гетману и казакам вступать в этот регион) и о митрополите (подчинение Киевского митрополиту Московскому патриарху вместо Константинопольского). Одновременно вводился запрет на походы запорожцев и сношения гетмана с иностранными державами. Резко

и серьезно урезались полномочия казацкой администрации в решении внутренних проблем, гетману запрещалось принимать какие-либо решения без совета рады, а также смещать кого-либо из старшин без указа царя. Гетман обязывался после своего избрания ездить в Москву для получения «большой» булавы из рук царя. Кроме того, предполагалось перевести Чернигов, Стародуб, Новгород Северский и Почеп с уездами в воеводское правление, выведя их из подчинения гетману.

Между тем старшина, вторично заключая союз с Москвой, искала теперь не столько защиты от внешнего врага, сколько от внутреннего, т. е. от массы «показаченных» и использовавших ее авантюристов. Но воеводы пока стремились только ослабить гетманскую власть, а угрозу со стороны анархических элементов еще недооценивали.

Договор 1659 г. тоже полностью никогда не исполнялся. Гетман в Москву так и не приехал, контакты с поляками и татарами (хотя и не в таком масштабе, как при Богдане) сохранялись, деньги в царскую казну не платились. Правда, в ряд городов гетманства прибыли русские воеводы.

Между тем русские войска расправлялись со сторонниками Выговского. 14 ноября 1659 г. они взяли приступом Старый Быхов, составлявший оплот гетманства в Белоруссии. Многие жители были вырублены или взяты в плен. Погиб Д. Выговский и был сослан в Сибирь И. Нечай — мужья родных сестер Ю. Хмельницкого. Учитывая традиционно тесные родственные связи казацкой старшины, это осложнило и без того непростые отношения гетмана с русскими воеводами.

Чудновская катастрофа

Между тем в Москве в условиях, когда поляки отказались от своего обещания избрать Алексея Михайловича королем, было принято решение о возобновлении военных действий против Речи Посполитой. Воевода В. Б. Шереметьев с огромной русской армией, достигавшей 40 тысяч человек, выступил в поход. С ними шли почти 30 тысяч казаков во главе с наказным гетманом Т. Цицурой. По дороге к ним должен был присоединиться и Ю. Хмельницкий с основными силами казаков. 25 августа 1660 г. польские главнокомандующие выступили к Ляховцам мимо Дубны.

Главной проблемой Шереметьева была неверная оценка ситуации. Воевода со слов польских пленных считал, что войска у поляков не более 6 000, и что они еще не объединились с татарам.

14 сентября 1660 г. начинается столкновение под Чудновым. После двух дней обстрела произошла первая битва в поле, и казаки отступили под натиском гусар. Положение Шереметьева, не готового к обороне, было очень тяжелое. В лагере начался падеж коней, голод и болезни. Поэтому 26 сентября Шереметьев предпринял попытку организованно отступить со всем обозом навстречу Юрию Хмельницкому.

Стараясь предотвратить такое объединение, поляки 7 октября напали на отряд украинского гетмана. Битва произошла под Слободищами. Казаки оказали ожесточенное сопротивление, но после этого, продемонстрировав свою силу, 15 октября прислали полякам предложение о мире. 17 октября 1660 г. был подписан Чудновский договор Ю. Хмельницкого с Речью Посполитой. Согласно его положениям, поляки должны были подтвердить своей присягой Гадячский договор за исключением пунктов, касающихся княжества Руського.

Положение армии Шереметьева стало катастрофическим и 3 ноября 1660 г. он капитулировал. Согласно подписанным им статьям, русские войска должны были быть выведены из Киева, Переяславля, Нежина, Чернигова, оставив весь военный запас. Вся русская армия попала в плен, включая самого воеводу и десятков бояр. В. Б. Шереметьев оставался в татарском плену долгих двадцать лет.

Для Московского государства Чудновская катастрофа обернулась потерей Правобережной Украины более чем на сто лет (за исключением короткого периода в начале XVIII века), а также явилась переломным моментом во всей внешней политике. Именно с этого момента возобновляются русско-польские мирные переговоры, на которых русская сторона впервые отказывается от Правобережья и даже предлагает уступить полякам левый берег Днепра. Мир с поляками и возвращение Северских земель выходят для русской дипломатии на первый план.

Однако Речь Посполитая, упоенная военным успехом, еще не была готова к уступкам. Попытки Ю. Хмельницкого и старшины вернуться к первоначальным статьям Гадячского договора тоже не увенчались успехом.

Раскол Украины. Черная рада и избрание П. Тетери

Под влиянием непопулярного Чудновского договора в гетманстве происходит раскол. Два шурина Б. Хмельницкого — Я. Сомко и В. Золоторенко (братья первой и третьей жен Б. Хмельницкого) отказались признавать власть Ю. Хмельницкого и возглавили на Левобережье прорусскую партию в надежде получить власть. Это было начало так называемого периода Руины, когда в Украинском гетманстве царили внутренние смуты и борьба за власть, а экономика пришла в упадок.

Почти три года на Левобережье продолжалась борьба за власть и волнения черни. Московские власти, не располагая после Чудновской катастрофы достаточным военным ресурсом, занимала выжидательную позицию, оттягивая избрание гетмана в надежде на обращение Ю. Хмельницкого или на мир с Речью Посполитой. Но пока Сомко и Золоторенко боролись за булаву, очерняя друг друга в глазах русских воевод, нашелся еще один кандидат в гетманы — Иван Брюховецкий, кошевой атаман, выходец из гетманских слуг. Ему удалось зарекомендовать себя в глазах московских воевод как преданного сторонника русской партии.

Играя на настроениях показаченных масс, Брюховецкий потребовал всеобщей «черной» рады для избрания гетмана. Она состоялась 26–27 июня 1663 г. в Нежине. При попустительстве русских воевод (у князя Д. Великого-Гагина имелось 8 тысяч стрельцов, чтобы контролировать ситуацию) сторонники Сомко и Золоторенко были убиты, а самих полковников приговорили к смертной казни. Брюховецкий был провозглашен гетманом Левобережной Украины. Анархическое крыло одержало победу.

После провала попытки летом 1662 г. силой подчинить себе Левобережье, Юрий Хмельницкий был морально сломлен, отказался от булавы и принял постриг. В январе 1663 г. на Чигиринской раде Правобережным гетманом был избран Павел Тетеря, блестяще образованный юрист пропольской ориентации. Для усиления своего положения в феврале 1663 г. он женился на дочери Б. Хмельницкого, Елене. В марте его признало польское правительство, и Тетеря начал планировать поход на Левобережную Украину для объединения ее под единой булавой.

Поход Яна Казимира на Левобережную Украину

В этой последней попытке силой захватить Левый берег Украины, приняли участие польские войска под командованием самого

короля Яна Казимира (35 тысяч), а также казаки Правого берега (15 тысяч). Тетеря в поход не пошел, но назначил наказным гетманом (т. е. командующим в условиях похода) знаменитого И. Богуна.

Начало похода ознаменовалось для поляков огромными военными успехами. К ним присоединился крымский хан (20 тысяч), а казацким войскам под командой Богуна охотно сдавались украинские местечки.

Но за внешними успехами поляков скрывался тайный заговор правобережной старшины. Они намеренно призывали горожан Левобережья легко «сдаваться», оставляли в городах только небольшие польские гарнизоны и создавали плацдарм для восстания. Первым неприятным для поляков сигналом стало избрание в ноябре 1663 г. киевским митрополитом враждебно к ним настроенного Иосифа Тукальского. А уже через несколько недель антипольское восстание охватило не только Правобережье, но и те Левобережные земли, на которые уже вступили войска Яна Казимира.

23 января 1664 г. началась осада Глухова. Город отчаянно сопротивлялся. Как потом стало известно, Богун тайно снабжал защитников порохом, сообщал им о подкопах и времени атак. В результате штурма поляки потеряли около 4000 человек и 200 офицеров. Осада Глухова затянулась на две недели и остановила продвижение всех коронных войск. Именно эта задержка позволила разгореться восстанию на Левобережье, создав крайне тяжелую ситуацию в тылу у поляков. 24 января Ян Казимир начал отступление. Во время остановки под Новгород Северским, в деревне Комань во время попытки ареста поляками был убит Иван Богун.

В то время как на Левобережье разворачивался эпилог военной части похода, на Правобережье тоже полыхало восстание. В нем участвовали многие известные казацкие лидеры, но особая роль принадлежала бывшему гетману И. Выговскому. Забыв обиды и разногласия, он активно подключился к борьбе. После раскрытия заговора, 16 марта 1664 года, несмотря на свое звание сенатора Речи Посполитой, Выговский был расстрелян поляками без суда и следствия.

Отступление поляков из Левобережной Украины происходило очень тяжело, под постоянными нападениями. 13 апреля Ян Казимир прибыл в Могилев, а в первых числах мая — в Вильно.

Правобережная старшина, та, что уцелела после расправы поляков, выдвинула на польский сейм наказ, тринадцать пунктов

которого касались положения православной религии, возвращения имений и церквей, забранных униатами, православного статуса академии и школ в Киеве, подчинении киевского митрополита Константинопольскому патриарху. В нескольких других пунктах содержалась попытка приблизить положения казаков до шляхетского. Во всем остальном влияние гетманской власти на Правобережье сводились до минимальных размеров.

Ракош Е. Любомирского (т. е. заговор против короля), который уже весной 1665 г. привел к военным действиям между коронными войсками и конфедератами, стали окончательным толчком для П. Тетери, чтобы отказаться для дальнейших попыток удержать булаву. Он понимал, что в этих условиях рассчитывать на военную поддержку со стороны Польши не приходилось.

Левобережная Украина. Московские статьи 1665 г.

Иван Брюховецкий воспользовался провалом Левобережного похода поляков и усилил свое положение в Москве. Отправившись к царю, он не только подписал новые Московские статьи, но и предложил новую концепцию русско-украинских отношений.

Прежде всего, речь шла об избрании одного из русских иерархов киевским митрополитом. План Брюховецкого переподчинить украинскую православную церковь московскому патриарху вскоре стала причиной острого конфликта гетмана с украинским духовенством.

Брюховецкий и старшина «дарили» Украину царю, предлагая русским воеводам самим собирать там все доходы. Идея «дара» не могла не понравиться. Алексей Михайлович велел Брюховецкого «милостиво похвалить» и в благодарность пожаловал ему боярство. В тот же день бывшие в Москве старшины — обозный, полковники и есаулы — были произведены в дворяне. Это был первый случай «нобилитации» старшины царем, практики, широко распространенной в Речи Посполитой.

В соответствии с предложением И. Брюховецкого при воеводах в городах должны были располагаться русские ратные люди — в Киеве 5 тысяч, в Переяславле — 2 тысячи, в Чернигове и Нежине — по тысяче двести, в Новгороде-Северском и Кременчуге — по триста, в Полтаве — пятьсот, тысяча человек на Запорожье и сто человек при гетмане. Гетману запрещались сношения с крымским ханом и другими иностранными государями.

После подписания статей Брюховецкий посватался к дочери Д. А. Долгорукого (племяннице Ю. А. Долгорукого) и впервые в истории Украины женился на представительнице высшей московской знати.

Такие поступки Брюховецкого вызывали недовольство и даже возмущение как среди простых казаков, так и среди старшин. Брюховецкий стал первым из гетманов, кто в официальной переписке с царским правительством именовал себя «холопом». Такое самоуничижение тоже было чуждо украинскому казачеству, а тем более шляхетной старшине, считавшей себя равной стороной в договорных обязательствах с царем.

Приход к власти П. Дорошенко

Летом 1665 г. происходит смена лидера на Правобережье. В августе его уже сместил Петр Дорошенко. Дорошенко происходил из старинного казацкого рода. Его дед был реестровым гетманом, сам он с юных лет казаковал, участвовал в восстание Б. Хмельницкого и прошел путь от рядового казака до гетмана. В череде различных украинских гетманов эпохи Руины он выгодно отличался принципиальностью, умением ставить интересы Украинского гетманства выше личных. Но объективно его политика союза с Турцией обернулась для Украины страшными жертвами и Руиной.

Дорошенко стал гетманом, заручившись поддержкой татарских мурз, как лидер крымско-турецкой оппозиции. Однако некоторое время гетман соблюдал внешнюю верность и польскому королю.

В условиях отъезда Брюховецкого в Москву, Дорошенко начал активно устанавливать свое влияние в тех регионах Правобережья, которые после восстания 1664 г. отошли под власть Левобережного гетмана. К середине сентября начался переход городов на сторону Дорошенко, прежде всего Кальницкого и Брацлавского полков. Силы Дорошенко составляли до 20 тысяч, в Брюховецкий по-прежнему находился в Москве и не занимался вопросами военной помощи Правобережью.

В марте под Белой Церковью Дорошенко провел раду, на которой было прямо заявлено, чтоб в городах польских людей нигде не было, а которые ныне есть, и тех бы вон выслать. Кроме того, было решено со всеми Заднепрскими городами «поклонитца» к хану Крымскому и по весне вместе с ордой идти на Левобережную Украину войной.

К весне положение Брюховецкого сильно ухудшилось. Казаки и старшина были недовольны самовольными расправами гетмана, а также новой системой отправки неугодных в Москву. Кроме того, в соответствии с решениями Московских статей, началась перепись левобережного населения, которую проводили русские воеводы. Надо отметить, что хотя еще по условиям статей Богдана Хмельницкого 1654 г. предусматривалась выплата налогов в царскую казну, Украина так ничего и не платила. Перепись 1666 г. должна была изменить эту ситуацию. Однако вольное население Левобережья восприняло появление переписчиков как покушение на их личную свободу.

Происходят первые восстания на Левобережье, охватившие сначала Переяславский полк. Появление Дорошенко и татар на Левом берегу дали дополнительный толчок восстанию.

К тому же стало известно о готовившемся перемирии между Россией и Речью Посполитой. В условиях отказа царского правительства защищать от Дорошенко прорусски настроенные территории Правобережья и после «воровского» ухода из Запорожья русского отряда (ввиду отказа Московским государством на русско-польских переговорах от Запорожье в пользу поляков), страшное недовольство и бунты охватили все Левобережье. Переяславские казаки убили своего полковника Данилу Ермоленка и осадили город. Русский гарнизон был уничтожен. После этого весь Переяславский полк и представители многих городов объявили о переходе на сторону короля.

Брюховецкий сначала хотел заглушить это недовольство террором — ссылал старшину, советовал сжигать непокорные села и местечки, а население избивать. Но движение становилось все сильнее.

После этого Дорошенко со своими единомышленниками присягнули Крымскому хану на вечное подданство.

Андрусовское перемирие 1667 г.

В конце января 1667 г. русско-польские переговоры (продолжавшиеся с небольшими перерывами более десяти лет) завершились заключением перемирия сроком на 13,5 лет. Подписано оно было в деревне Андрусово. По его условиям за Россией сохранялись Смоленск, Северщина, Левобережная Украина и Киев на два года. За Речью Посполитой — Белоруссия и Правобережная Украина. Запорожье поступало под совместное управление двух держав.

Таким образом, Андрусовское перемирие де-юре зафиксировало тот раскол, который произошел в Украинском гетманства после его раздела под властью двух различных гетманов. Тем не менее, известие о перемирии было встречено с большим разочарованием сторонниками сильного единого гетманства. По сути, успехи восстания Б. Хмельницкого — изгнание поляков и освобождение от католического гнета — сводились в Правобережье на нет.

Политика П. Дорошенко. Объединение Украинского гетманства

Отказ российских властей от Правобережья привел к еще большему усилению традиционно влиятельной в Украине прокрымской группировки в лице Дорошенко.

Гетман стал автором весьма амбициозного и смелого плана объединения гетманства. Его ближайшим соратником и духовным советником стал Киевский митрополит Иосиф Тукальский. Учитывая реалии Андрусовского перемирия, Дорошенко разработал сложную внешнеполитическую комбинацию. Опираясь на поддержку татар и Турции, он намеревался добиться от Речи Посполитой отказа от притязаний на Правобережную Украину, а затем объединить гетманство под булавой единого гетмана. Дорошенко даже не считал обязательным условием, чтобы этим единым кандидатом был он сам. Но зато он полагал, что после объединения следует признать верховенство Москвы, правда при условии гарантий автономии Украины. А уступок от Московского государства он планировал добиваться, шантажируя его своим союзом с Турцией и Крымом.

Прежде всего, Дорошенко закрепил свое положение на Правобережье. Казаки совместно с татарскими отрядами совершали рейды по Подолии и Волыни. В августе был захвачен Чигиринский замок и начата осада Белой Церкви.

В конце 1667 г. гетман отправил посольство в Стамбул, подтверждая свою готовность принять турецкое подданство. Параллельно в начале 1668 г. на переговорах с русскими воеводами Дорошенко высказал свое желание принять протекцию царя, но с известными условиями. Речь, прежде всего, шла о выводе русских воевод, отказе собирать с Украины налоги, восстановлении казацких вольностей. Поскольку Алексей Михайлович отказался выполнять эти условия, Дорошенко перешел к своему сложному плану.

Поход на Левобережную Украину стал первым этапом в его осуществлении. В конце мая 1668 г. казаки Дорошенко вместе с татарами переправились через Днепр.

Продолжавшееся восстание на Левобережье и наступление Дорошенко, привели к тому, что И. Брюховецкий, с легкостью карьериста, повернул на 180 градусов и после всех верноподданнических клятв Москве, после всех полученных милостей, сам возглавил антирусское восстание. На раде 19 января 1668 г. Брюховецкий объявил о разрыве с Россией и призвал к изгнанию воевод. После этого он вошел в контакт с Дорошенко. По приказу Брюховецкого русские гарнизоны в левобережных городах изгонялись и избивались. Однако такие действия Брюховецкого не сделали его более популярным среди казаков.

В июне, имея значительное численное превосходство, Брюховецкий прибыл в лагерь к Дорошенко. Но его схватили собственные казаки и силой привели к шатру Правобережного гетмана. Неверно понятый знак рукой, поданный Дорошенко, привел к тому, что казаки растерзали Брюховецкого. Казацкая рада избрала Петра Дорошенко единым гетманом. И. Тукальский приказал поминать в церквях «благочестивого и Богом данного гетмана Петра».

Это был самый большой успех Дорошенко и апогей его славы. Однако внешние условия не способствовали объединению Украины. Личные обстоятельства тоже сыграли свою роль. Получив известие об измене жены, Дорошенко бросил армию и спешно уехал в Чигирин. К семейным проблемам добавилось известие о вторжении польских отрядов на территорию Кальницкого и Паволоцкого полков. Командование Дорошенко поручил Демьяну Многогрешному, которого назначил наказным гетманом.

Воспользовавшись этими обстоятельствами, Г. Г. Ромодановский двинулся в Северские земли. Ему удалось захватить Нежин, а 5 октября 1668 г. — Чернигов. Суховея поддержал крымский хан. В этих условиях Многогрешный под влиянием Черниговского архиепископа Лазаря Барановича начал переговоры с российскими воеводами. При этом он выступал как независимый «гетман Северский».

Многогрешный тоже выдвигал требования значительных уступок со стороны российских властей. Речь шла о возвращении к «Статьям Богдана Хмельницкого», о выводе воевод из городов и восстановлении более широких полномочий гетмана. В случае отказа

Москвы принять эти условия, Многогрешный угрожал пойти в подданство к Турции.

Вывод воевод стало главным требованием казачества. Наследие политики И. Брюховецкого давало о себе знать. Бунты, происшедшие вследствие переписи 1666 г., напугали и старшину. Поэтому Многогрешный опасался уступать в переговорах с царем, тем более, что русские воеводы продолжали свои контакты с Дорошенко.

Избрание Д. Многогрешного. Глуховские статьи.

В марте 1669 г. состоялась рада в Глухове. На ней Многогрешный утвердил новые, «Глуховские статьи», которые регулировали отношения между Россией и гетманством. Статьи стали результатом компромисса. Воеводы сохранялись в Киеве, Переялавле, Нежине, Чернигове и Остре, но их роль ограничивалась командованием российскими гарнизонами. Таким образом, Московские статьи, устанавливавшие российскую администрацию и податный сбор в царскую казну, были отменены. Хотя гетманам запрещались контакты с иностранными государствами, однако казацким депутатам предоставлялось право участвовать в международных переговорах Московского государства, затрагивавших интересы Украины.

Дорошенко, несмотря на личную обиду, продолжал поддерживать отношения с Многогрешным, стремясь любой ценой сохранить единство гетманства. Объединял их и вопрос относительно положения Киева, который по условиям Андрусовского перемирия оставался за Москвой только на два года, а потом должен был быть отдан Польше. Возможная потеря Киева очень тревожила жителей Украины. То, что в нарушение Глуховских статей, казацкие депутаты не были допущены на русско-польские переговоры, еще больше обостряло ситуацию и порождало панические слухи.

Союз П. Дорошенко с Турцией.

В марте 1669 г. на Правобережье состоялась расширенная старшинская рада, которая приняла решение о принятии турецкого подданства. После этого Дорошенко заключил окончательный договор с Турцией, признав себя вассалом султана и получив в ответ обещание помощи для освобождения Украины «от Севска до Перемышля». Присяга состоялась 2 февраля 1670 г.

Однако союз с Турцией был непопулярен среди казачества. Особенно вызывали возмущение частые опустошения Украины союзными

татарами. С другой стороны, Турция тянула с началом войны, и Дорошенко тоже был вынужден выжидать, затягивая время путем переговоров с Речью Посполитой.

Избрание И. Самойловича

Украину продолжали раздирать внутренние смуты. Пользуясь недовольством русских воевод весьма жесткой позицией Д. Многогрешного, старшинская оппозиция устроила очередной заговор. В марте 1672 г. по соглашению с российском отрядом, находившимся при гетмане, он был схвачен и отослан в Москву. Его обвинили в измене царю и просили разрешения выбрать нового гетмана.

Хотя обвинения были совершенно надуманными, Многогрешного подвергли в Москве пытке и, несмотря на отсутствие улик, приговорили к смертной казни, но царь Алексей Михайлович проявил «милосердие» и Многогрешный вместе с семьей и ближайшими сторонниками сослали в Сибирь, где он впоследствии получил статус сына боярского и служил в Селингинском остроге и умер только в 1703 году.

Это был первый случай расправы над гетманом российскими властями. Украину охватили возмущение и паника, а старшина под охраной московского войска избрала новым гетманом генерального судью Ивана Самойловича. Он происходил из семьи священника, был умным и дипломатичным политиком, представителем старшинских интересов.

При избрании Самойловича гетманом были подтверждены Глуховские статьи, из которых, однако, изъяли пункт об участии казацких делегатов в международных переговорах. Власть гетмана над старшиной также была значительно ограничена.

В отличие от Многогрешного, Самойлович не поддерживал с Дорошенко тесных контактов, и наоборот считал его своим конкурентом, опасаясь, как бы в Москве, в поиске кандидата на единого гетмана, не сделали выбор в пользу Правобережного гетмана.

Турецкий поход 1672 г. Бучачский договор

Захват поляками Брацлавщины, предпринятый весной 1671 г. и настоятельные требования Дорошенко, чтобы турецкий султан выполнил свои обязательства, возымело, наконец, действие. В конце 1671 г. султан Магомет IV решил начать поход, обвинив Речь Посполитую в нападениях на территорию «своего вассала» Дорошенко. В мае 1672 г. огромная турецкая армия выступила против поляков.

Хан с татарами и казаки Дорошенко рассеяли отряды Ханенко, и турецкая армия осадила Каменец-Подольск, самую мощную и самую южную крепость на границе Речи Посполитой. Поляки оказались не готовы к обороне, и комендант крепости предпочел капитулировать.

Турецкая армия, не встречая на своем пути препятствий, двинулась в Галицию и осадила Львов. В Речи Посполитой не нашлось сил к сопротивлению. Польские комиссары, прибывшие под Львов, согласились на все условия турок. Они уступили Турции Подолию, а Украинское гетманство в границах еще Богдана Хмельницкого (т. е. обоих берегов) осталось за Дорошенко. Польские гарнизоны подлежали выводу из Правобережных городов. Таковы были положения Бучачского договора, подписанного Речью Посполитой и Турцией 18 октября 1672 г. После этого турки ушли.

Первая часть плана Дорошенко была осуществлена. Польша юридически отказалась от своих прав на Правобережную Украину. Победоносные действия турок, в один момент сломивших, казалось бы, могущественную Речь Посполитую, вызвали ужас в Москве. По Левобережью ходили упорные слухи, что султан на следующий год повторит поход, но на этот раз пойдет вместе с Дорошенко на левый берег Украины. Под влиянием всего этого в царском правительстве теперь тоже были готовы пойти на многие уступки, лишь бы обезопасить себя от турок. К тому же, был законный предлог: поляки первыми нарушили положения Андрусовского перемирия, отказавшись от Правобережья.

Требования Дорошенко, касавшиеся расширения автономии, царское правительство тоже было готово удовлетворить. Речь шла о том, чтобы во всем Украинском гетманстве в границах 1654 г. был единый гетман и чтобы ему подчинялось Запорожье. Московские воеводы должны были быть выведены из всех украинских городов, включая Киев, а царь должен был взять на себя обязательство по обороне Украины.

Объединение Украинского гетманства. Капитуляция П. Дорошенко

План Дорошенко, таким образом, был очень близок к выполнению. Однако шок от действия турок скоро начал проходить. Прежде всего, поляки заявили, что они не собираются выполнять условия Бучачского договора. Они отказались выводить свои гарнизоны

из Правобережных городов, а когда на следующий год турки не повторили своего похода, поляки перешли в наступление. 10 ноября 1673 г. польский полководец Ян Собеский одержал над турками блестящую победу под Хотином.

Со своей стороны Левобережный гетман Иван Самойлович, опасавшийся потерять свое положение в случае признания царем Дорошенко, всеми мерами стремился очернить своего конкурента в глазах царя. Внешнеполитическая ситуация ему способствовала и в конце концов поколебала позицию Москвы.

В начале 1674 г. Иван Самойлович и главнокомандующий русской армией Г. Г. Ромодановский вступили в Правобережье, имея в своем распоряжении до 70 тысяч человек. Самойлович занимался широкой пропагандой, стремясь привлечь на свою сторону правобережных казаков. Население было очень недовольно поведением союзников Дорошенко — турок. Разрушение крепостей, выплата дани, размещение турецких гарнизонов в пограничных городах, превращение церквей в мечети, насильственное обращение в мусульманство — вызывало возмущение.

К тому же, крымский хан не прислал обещанных татар. В один миг Дорошенко оказался оставленным всеми. Он сидел в своей резиденции в Чигирине, имея в своем распоряжении не более 5 000 казаков.

В этих условиях 25 марта 1674 г. представители десяти Правобережных полков прибыли в Переяслав и признали протекцию Москвы. Иван Самойлович был избран гетманом обоих берегов Украины, а Правобережье перешло под протекцию царя. При этом оговаривалось, что Россия должна защищать Украину от турок и татар, утверждался 20 тысячный реестр, подтверждались «давние вольности»

Дорошенко колебался. Он был готов признать полномочия Самойловича, но от этого его удерживали запорожцы, во главе с резко антимосковски настроенным кошевым атаманом И. Сирко.

В середине июля татары переправились через Днестр и направилась к Чигирину, уничтожая все местечки на своем пути. Следом шла турецкая армия во главе с султаном.

Правобережье, не имея поддержки ниоткуда, ожесточенно сопротивлялось туркам, те устраивали страшную резню, мстя за сопротивление. Только в Умани погибло более 10 тысяч мирных жителей.

Положение Дорошенко, который не предпринимал и не был в состоянии что-либо предпринять для защиты Правобережья,

становилось безнадежным. Его покидала старшина и казаки. Правобережье все более пустело, жители спасались бегством. Символом приближавшегося конца стала смерть в августе 1675 г. соратника Дорошенко киевского митрополита Иосифа Тукальского.

Наконец осенью 1676 г. Самойлович с Ромодановским предприняли очередной поход на Правобережье. Когда они подошли к Чигирину, не желая более продолжать кровопролитие, Дорошенко вышел из города в сопровождении старшины и духовенства и сложил клейноды (знаки своей гетманской власти).

Так закончилась политическая карьера Петра Дорошенко. Он был отправлен в Москву, где некоторое время жил на положении почетного пленника. Затем его назначили воеводой в Вятку. Окончил свои дни Дорошенко в 1698 г. в своем имении в Ярополче, Волоколамского уезда. Праправнучкой гетмана была Наталья Гончарова, супруга А. С. Пушкина.

Чигиринские походы

Устранение с политической сцены Дорошенко совпало с большими политическими изменениями в Московском государстве. 30 января 1676 г. умер царь Алексей Михайлович и на престол вступил его слабый и болезненный сын Федор Алексеевич. Начало периода боярских заговоров и интриг, ослабление центральной власти не могли не сказаться на Украинском гетманстве. Меняется и политика Московского государства по отношению к Украине. На первый план снова выходит союз с Речью Посполитой.

Между тем Турция не желала отказываться от притязаний на украинские территории. Султан Магомет IV назначил новым гетманом Юрия Хмельницкого, который с 1672 г. содержался в турецком заключении. Султан приказал Константинопольскому патриарху снять с него монашество и пожаловал его титулом «князя малороссийской Украины». Именно тогда, если верить некоторым источникам, Сирко написал знаменитое письмо — турецкому султану Мухаммеду IV, в ответ на его предложение принять турецкое подданство. Правда, по своей стилистике оно было гораздо сдержанней своего фольклорного варианта. В конце июля 1677 г. двинул к Чигирину армию Ибрагим-паши вместе с Юрием Хмельницким.

4 августа турки подошли к Чигирину, в котором с момента капитуляции Дорошенко находился московский гарнизон, осадил его и потребовал сдачи, но получил отказ. На помощь городу из-за Днепра

двинулись Самойлович и Ромодановский. Узнав о их приближении, турки, сняв осаду, ушли, потеряв около 10 тысяч человек.

На следующий год они повторили свою попытку. В преддверии ожидаемого похода, Феодор Алексеевич приказал укрепить город и снабдить его запасами. Во время осады взрыв турецких мин привел к пожару в нижнем городе. Одновременно с этим неприятелю удалось зажечь и новый верхний город. Оставшийся гарнизон отступил в старый верхний город и там весь день отбивал штурмы противника.

Ночью, по приказанию Ромодановского, была зажжена уцелевшая часть Чигирина, а замок был взорван порохом. Это решение Ромодановского по-разному оценивалось как современниками, так и историками. Во время стрелецкого бунта 1682 г. Г. Г. Ромодановский был обвинен в измене за сдачу Чигирина и растерзан.

Правобережье под властью турок и поляков

Противодействуя стремлению Юрия Хмельницкого заселить опустошенное Правобережье, Самойлович решил уничтожить все уцелевшие крепости другого берега, а их жителей перевести в Слободскую Украину, с тем, чтобы она тоже была передана в гетманское правление. В результате, весной 1679 г. силами Левобережных полков было организовано переселение 20 тысяч семей из приднепровских городов (Канева, Корсуни и других), вошедшее в историю как «великий сгон». Правда после этого Слободскую Украину так и не отдали в управление гетману.

Юрий Хмельницкий, с татарами некоторое время оставался на правом берегу Днепра. Он занял Немиров, Корсунь и другие города и не раз осенью и зимой нападал на левобережные города. Но надежды турок, что имя Хмельницкого привлечет к нему казаков, не оправдались, и в 1685 г. он был убит по приказу султана.

Между Турцией и Россией начались переговоры. Самойлович был сторонником мира с Турцией, но настаивал на том, чтобы оставить за гетманством земли между Днепром и Днестром, по крайней мере — до Южного Буга. Но крымский хан выступил решительным противником этой идеи. В конечном счете, московское правительство согласилось признать границей Днепр, с тем, чтобы территория между Днепром и Южным Бугом оставалась незаселенной буферной зоной. При этом Запорожье переходило под управление царя. Именно на этих условиях был утвержден Бахчисарайский мир.

В Украине известие о мире было встречено с восторгом. В Батурине Самойлович обнимал посланников, устроив огромный пир с пальбой из пушек и музыкой. Вскоре однако гетмана ждало разочарование. Турки не включили в окончательный вариант грамоты положение о Запорожье. А на дальнейших переговорах русских послов весной 1682 г. не удалось отстоять за Россией и территории по Днепру от Киева до Чигирина (за исключением самого Киева). В этом районе запрещалось строить новые города, а гетман не мог препятствовать переходу жителей с одного берега на другой.

Потеря Чигирина многими казаками рассматривалась как трагедия, считая этот город символом гетманской власти. Такого же мнения был и Самойлович. Еще более упорно он отстаивал сохранение под своей властью Правобережья, не желая отказываться от титула «гетмана обоих берегов».

После заключения Бахчисарайского мира, султан отдал перешедшую к нему территорию Правобережной Украины в управление своего вассала, молдавского господаря. Было восстановлено казацкое правление во главе с гетманом Ивана Драгиничем, под командой которого имелись Белоцерковский, Корсунский и Чигиринский полки. Постепенно Правобережье снова стало заселяться возвращавшимися с Левого берега беженцами.

На Правобережье имелся и польский казацкий гетман — О. Гоголь, располагавшийся в киевском Полесье. Избрание польским королем знаменитого полководца Я. Собеского на некоторое время примирило украинских казаков с Польшей. Внешняя ситуация способствовала этому. Кара Мустафа начал военные действия, двинулся к Вене и осадил императорскую столицу. Осажденных спасло лишь появление польских отрядов Яна Собеского, который, имея в своем распоряжении украинских казаков и запорожцев, в знаменитой битве под Веной 12 сентября 1683 г. разгромил турок.

После этого Ян Собеский в 1684 году восстановил Войско Запорожское в составе 4 полков с гетманом в Немирове. Польский сейм 1685 г. подтвердил казацкие права и вольности. Гетманом стал А. Могила и в 1686 г. был утвержден реестр в размере 2 тысяч человек. При жизни Яна Собеского, (ум. 1696 г.), который старался сохранять хорошие отношения с казаками, край начал возрождаться. Но вслед за этим на Правобережье потянулась польская шляхта, восстанавливалась панщина. Паны не желали делать выводы из прошедших казацких войн. Огромные земельные владения получали

на Правобережье католические церкви и монастыри, а также киевская униатская митрополия. Старые конфликты вспыхнули с новой силой.

Возрождая правобережное казачество, Ян Собеский на самом деле мечтал вернуть Польше и Левобережную Украину.

5 марта 1684 г. под патронатом папы Иннокентия была образована Священная Лига, в которую вошли Речь Посполитая, Габсбурги и Венеция. Своей целью Лига ставила изгнание турок с захваченных ими земель и заключение общего мира. Несмотря на то, что Лига декларировала задачу привлечения к союзу России, она также добивалась возвращения Польше Подолии и турецкой части Правобережной Украины.

На турецкой части Правобережья по-прежнему существовали «гетманы», избравшие себе резиденцией Ягорлык и находившиеся в постоянных конфликтах с «польскими» гетманами. С 1690 года турецкие гетманы перешли в непосредственное подчинение крымскому хану.

Основная литература:

1. *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. К., 1993.
2. Гадяцька унія 1658 року. К., 2008.
3. *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. VIII–X. К., 1995–1997.
4. *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. Ньй-Йорк, 1985.
5. *Ефименко А. Я.* История украинского народа. В. 1, 2. Спб, 1906.
6. *Костомаров Н. И.* Богдан Хмельницький. // Актуальная история России. М., 1994.
7. *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о вечном мире. М., 2008.
8. *Крпякевич І.* Український державний скарб за Богдана Хмельницького. // ЗНТШ. Т. 130. Львів, 1920. С. 73–106.
9. *Мякотин В.* Очерки социальной истории Украины XVII — XVIII вв. Вып.1–3. Прага,1924.
10. Русская и украинская дипломатия в Евразии. 50-е годы XVII века. М., 2000.
11. *Смолий В. С., Степанков В. С.* Богдан Хмельницький. Соціально-політичний портрет. К., 2009.
12. *Смолий В. С., Степанков В. С.* Петро Дорошенко. Політичний портрет. К.: Темпора, 2011.
13. Україна крізь віки. Т. 7–8.К., 1998.

14. *Федорук Я.* Віленський договір 1565 року. Східноєвропейська криза і Україна у середині XVII століття. К., Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2011.
15. *Федорук Я.* Міжнародна дипломатія і політика України 1654–1657. Ч. 1. 1654 рік. Львів, 1996.
16. *Флоря Б. Н.* Русское государство и его западне соседи (1655–1661 гг.). М., Индрик, 2010.
17. *Чухліб Т.* Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648–1714 рр. К. — Нью-Йорк., 2003.
18. *Чухліб Т.* Козаки та яничари. Україна у християнсько-мусульманських війнах 1500–1700 рр. К., 2010.
19. *Яковлева (Таирова) Т. Г.* Гетьманщина в другий половині 50-х років XVII століття, причини і початок руіни. К., 1998.
20. *Яковлева (Таирова) Т. Г.* Руїна Гетьманщини: від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 гг.). К., 2003.

Окончание руины. Экономический и культурный подъем

Гетманство И. Самойловича

В начале 80-х годов XVII в. в Украинском гетманстве начался экономический и культурный подъем, чему способствовало несколько факторов. Заключение мира с Турцией, прекращение военных действий на юге, перемирие с Речью Посполитой — способствовали прекращению постоянных военных интервенций, а также финансированию гражданской смуты в Украине со стороны этих держав. С другой стороны смерть Федора Алексеевича, начало периода стрелецких бунтов и ослабление центральной российской власти тоже способствовали укреплению власти гетмана. Правление И. Самойловича становится эпохой выхода Украинского гетманства из Руины.

В этот период получают свое развитие охотницкие (компанейские — конные и сердюцкие — пешие) полки — новая и наиболее прогрессивная часть вооруженных сил гетманства, сформированная при П. Дорошенко как альтернатива старым реестровым полкам. Комплектовались они из добровольцев, включая иностранцев, возраста от 17 до 50 лет, любого социального положения кроме

крестьян. Полки содержались на деньги, собираемые гетманом, который имел над ними полный контроль.

Для оплаты охотницких полков Самойлович в 1678 г. восстановил систему «аренд», по которой винокурение, питейные заведения, а также дегтярная и табачная продажи отдавались на откуп арендаторам. Аренда давала гетману огромные финансовые возможности, а соответственно — реальную власть.

В период гетманства И. Самойловича было осуществлено переподчинение Киевского митрополита Московскому патриарху. Эту идею активно поддерживал князь В. В. Голицын, новый глава Посольского приказа, имевший при правительнице Софье Алексеевне неограниченную власть. Гетману было поручено найти лояльного кандидата, которым стал его родственник, Гедеон Святополк-Четвертинский, согласившийся принять сан от Московского патриарха. Выборы митрополита прошли в день апостолов Петра и Павла в Софийском соборе. Несмотря на противодействие ряда духовных иерархов, 8 июля 1685 г. митрополитом избрали Четвертинского. После этого он отправился в Москву, где был посвящен в сан Московским патриархом. В награду гетману И. Самойловичу было послано царское «жалованье» — золотая цепь и два алмазных «клейнота» с коронами. Константинопольский патриарх выступил с протестом, заявляя, что это не каноничный акт, однако Голицын оказал влияние на турецкого султана, который велел патриарху смириться. В конечном счете, в своем письме патриарх признал посвящение Киевского митрополита Московским патриархом.

В. В. Голицын стремился завершить и русско-польские мирные переговоры. Будучи одним из первых прозападно настроенных русских политиков, Голицын желал установить союзные отношения с польским королем и его соседями. Самойловича, напротив, беспокоили слухи о том, что Москва ради создания антитурецкой коалиции с Речью Посполитой собирается отдать Киев, как первоначально планировалось по Андрусовскому перемирию. Конфликт перешел в открытое столкновение в феврале 1684 года, когда после смерти И. Гизеля польский король Ян Собеский назначил новым настоятелем Киево-Печерской Лавры львовского епископа И. Шумлянского, таким образом, открыто заявляя свои права на Киев. В ответ Самойлович предпринял захват посожских сел, взбунтовав местных крестьян и назначив там новую администрацию в лице сотников и атаманов. В руках Самойловича оказалась значительная часть

Мстиславского воеводства Литвы. Такие самовольные действия Самойловича не вписывались в планы правительницы Софьи и Голицына.

Вечный мир между Речью Посполитой и Московским государством был заключен 6 (16) мая 1686 г. Согласно его статьям русские должны были выплатить полякам 200 тысяч рублей за их отказ от Киева, который теперь окончательно переходил под власть российского царя. В остальном Вечный мир повторял условия Андрусовского перемирия, по которому Украина делилась по Днепру между Речью Посполитой и Москвой, но Запорожье теперь подчинялось только царю. Левобережье, Киев (а также правобережные Триполье, Стайки, Васильков) и Запорожье остались за Москвой, Киевщина (от Стаек до Чигирина) превращалась в нейтральную незаселенную зону, Волынь и Галиция отходили Польше (хотя по Бахчисарайскому миру они оставались за Россией), Подолье по-прежнему было во власти турок. Москва вступала в Священную лигу. Самойлович был в ярости и даже запретил служить в церквях благодарственные молебны по случаю мира.

Крымские походы и избрание гетманом И. Мазепы

Уже в следующем году, согласно новым союзническим обязательствам, был предпринят первый Крымским поход. Главнокомандующим русской армии был назначен сам В. В. Голицын. В его распоряжении имелось 100 тысяч человек, включая слободские полки. Самойлович выступил в поход с генеральной старшиной и полковниками, имея 50 тысяч казаков. В начале июня обе армии объединились и выдвинулись вдоль Днепра.

Время годя для выступления было выбрано крайне неудачно. В пыли, без воды, при страшной жаре войско столкнулось с необыкновенными трудностями. Горели степи, подожженные татарами. Не было воды и травы для лошадей.

На совещании было решено возвращаться. Самойлович открыто говорил старшине о «безрассудной войне московской». Голицын наоборот пытался представить поход как победу русского оружия. В Москве и так многие бояре были недовольны непомерным возвышением князя, и Софье Алексеевне необходимо было выгородить своего фаворита.

По указанию В. В. Голицына старшина, находившаяся в войске, составила донос на Самойловича, обвинив его в измене царю

и в злоупотреблениях. После этого гетман был схвачен и без всякого следствия и допросов отправлен прямо в Сибирь. На реке Каламак состоялась казацкая рада, проходившая в окружении русских войск. В. В. Голицын представил новые Каламакские статьи. Согласно их положениям, русские воеводы утверждались в пяти городах, подтверждался запрет общения с иностранными государями. Еще больше сокращались внутренние полномочия гетмана, ему запрещалось смещать старшину, поощрялась практика доносов на гетмана, отменялась аренда, приносившая основной доход в войсковую казну. Наконец, законодательно запрещались любые разговоры об «особом» статусе Украинского гетманства и приветствовались смешанные браки с русскими.

На раде Голицын выдвинул своего кандидата — генерального есаула Ивана Мазепу, происходившего из рода православных шляхтичей-казаков, получившего образование в Киево-Могилянской академии, а также Франции, Италии и Голландии. Мазепа принадлежал к партии П. Дорошенко, был родом с Правобережья и к Самойловичу попал в качестве пленника запорожцев. Поэтому В. В. Голицын рассчитывал, что новый гетман станет послушным исполнителем его воли. Мазепа был утвержден гетманом решением рады.

Первые годы правления нового гетмана проходили под жестким контролем Голицына, который продолжал настаивать на активной роли России в Священной лиге. При этом он игнорировал предложения гетмана и старшины, чтобы перенести военные действия из Крыма на Приднепровские крепости. Не были учтены правительством Софьи Алексеевны и пожелания начинать поход против татар в весенний период.

Крымский поход 1689 г. Московские статьи

В результате войска выступили в поход только в середине мая. Под командой Голицына опять было около ста тысяч человек, а Мазепа имел 50 тысяч казаков. 15 мая в урочище Зеленая долина на походный табор напали татары. Русские защищались огнем 350 орудий и мушкетов. Татары дважды прорывали строй, и дважды украинские охотницкие полки спасали положение. В результате хан отвел войска, и татары укрылись за Перекопом.

20 мая русско-украинское войско подступило к Перекопу. Положение было крайне тяжелое. Уже четыре дня армия шла без воды и хлеба. Начавшаяся жара высушила всю траву в степях. Люди и лошади

обессилили. Простояв под Перекопом ночь, Голицын на генеральном совете к изумлению татар принял решение утром отступить от города. Помимо военной ситуации, такому решению способствовали события в Москве, ставившие под угрозу власть правительницы Софьи.

Украинское казацкое войско и лично И. Мазепа сыграли далеко не пассивную роль в знаменитом Нарышкинском перевороте. Во время бегства Петра в Троицко-Сергиевскую Лавру и попыток Софьи Алексеевны склонить на свою сторону войска, гетман, находившийся в Москве, занял пропетровскую позицию. В результате, во время торжественной аудиенции, данной Петром в Лавре, и на последующих переговорах с думным дьяком Мазепа добился утверждения новых Московских статей. Основные положения были направлены на усиления гетманской власти и автономии гетманства. В частности, гетман получал единоличное право земельных и других материальных пожалований, старшина не могла более просить об этом царя; крестьянство лишалось возможности записываться в реестр, и допускалось восстановление системы аренд, ликвидированной Каламацкими статьями.

Азовские походы

Стремление Петра выйти к Азову тесно переплеталось с потребностью Украинского гетманства обезопасить свои южные рубежи от набегов татар. Азовские походы стали апогеем русско-украинского военного сотрудничества. Уже в 1690 г. Мазепа по приказу Петра предпринял удачный поход на Очаков.

В первом Азовском походе участвовали казацкие полки во главе с И. Обидовским. Но значительно более успешным был поход в низовье Днепра, которым командовали И. Мазепа и Б. П. Шереметев, имея в своем распоряжении до 120 тысяч человек. Началась осада Казикермена, ключевой крепости турок. Запорожцы вошли в Днепр, окружили соседний Таванск, отрезали туркам путь к отступлению и захватили Казикирменскую флотилию. Удачный подкоп позволил казакам ворваться в крепость. Рукопашный бой на улицах продолжался пять часов. Казикермен капитулировал. Эта победа имела европейское признание.

В 1696 г. казаки Черниговского, Гадячского, Лубенского, Прилуцкого, компанейского и сердюцкого полков (15 000) с наказным гетманом Я. Лизогубом прибыли под Азов. При осаде была

использована та же тактика, как и в Казикирмене — осадный вал. Подведенный вплотную к крепостной стене этот вал сыграл решающую роль во взятии Азова, а казаки с необыкновенной отвагой захватили один из бастионов крепости, после чего турки капитулировали.

26 января 1699 года был подписан мирный договор с Турцией на 25 лет. Ликвидировались приднепровские крепости, оплот татарских набегов в Украину, за Россией оставался Азов. Турция оставляла себе Подолию, а Брацлавщину возвращала Речи Посполитой. Петр был в восторге от действия казаков и сделал И. Мазепу кавалером только что учрежденного ордена святого Андрея Первозванного — высшей награды России.

Экономический подъем

Наметившийся при И. Самойловиче экономический подъем продолжался и в гетманство И. Мазепы. Именно в этот период бюджет гетманской казны впервые оказался в профиците. Основной причиной этого стала система аренд. По сути дела, речь шла о введении государственной монополии на производство табака и горилки. В отличие от польских времен, аренда была отдана не единоличным арендаторам, а городам и селам — «на громаду», т. е. создавались своеобразные акционерные общества. Часть аренды шла в войсковую казну, а остальная на общие нужды, и казацкие, и громадские. Аренда использовалась для содержания охотницкого войска, самой боеспособной части вооруженных сил гетманства.

Вплоть до 1708 г. аренда ежегодно давала 180 000 золотых. Кроме того имелись индукта — сбор с импорта, ексакция — сбор в войсковую казну за экспорт украинских, иностранных и русских товаров, а также ряд других более мелких налогов.

Со времен восстания Б. Хмельницкого крепостное право в Украинском гетманстве было полностью уничтожено. Населявшие «свободные войсковые» села посполитые находились «под правлением сотенным». Крестьяне монастырских и старшинских имений тоже были лично свободны. Более того, они являлись собственниками своих земельных участков и могли не только передавать их по наследству, но также закладывать и продавать.

Тем не менее, в конце XVII века в Украинском гетманстве началось превращение личных и ранговых земельных владений старшин в наследственные. До этого старшины не могли завещать свои

имения, их наследникам требовался указ гетманов. Царские подтвердительные грамоты способствовали закреплению старшинского землевладения, поддерживали стремление старшины рассматривать дававшиеся им должностные имения как наследственные. Процесс превращения украинских старшин в помещиков, а затем и в российских дворян успешно шел на протяжении всего XVIII века и стал одним из главных условий, приведших к бескровной ликвидации Украинского гетманства. Именно при Мазепе впервые появляется термин «вечистой поссесии», т. е. вечного владения. При его приемнике И. Скоропадском этот термин из исключения станет уже правилом.

К моменту вступления Мазепы в гетманскую должность процесс роста владельческих имений достиг такого уровня, что социальная обстановка резко обострилась. После свержения И. Самойловича во многих полках вспыхнули крестьянские волнения, направленные против старшины — главных земельных владельцев. В 1692 г. началось восстание Петрика, который своим лозунгом тоже провозглашал борьбу со старшиной.

Опасаясь роста недовольства, И. Мазепы издал 28 ноября 1701 г. универсал, запрещавший панщину более двух дней в неделю. Для сравнения, в Речи Посполитой панщина в это время достигала 5 дней в неделю. Кроме того, Мазепа в своих универсалах предписывал духовным и светским особам учитывать местные украинские обычаи, не обижать тяглых людей и казаков.

Производство

Последняя четверть XVII в. стала периодом расцвета промышленности в Украинском гетманстве. В Левобережной Украине были широко развито цеховое движение, только в отличие от польских времен оно перешло на вольнонаемную силу. Имелось собственное высококачественное производство сапог, сукна (на базе именно этих производств уже в начале XVIII в. возникнут мануфактуры). Получило широкое распространение использование водяного колеса. В гетманстве наряду со строительными материалами (даже монастыри имели собственные кирпичные заводы) производили прекрасное стекло (кубки, штофы), кафель с цветным рисунком, не уступавший голландскому. Вырабатывали селитру, поташ и др. Металлообработка достигала особо высокого уровня в изготовлений ювелирных изделий, литья колоколов и пушек. Д. Тойчкин

в своем исследовании насчитал на Левобережье 90 «рудней» (т. е. производств железа). Самыми распространенными были «рудни» на два горна и три водяных колеса. Именно из-за такого высокого уровня развития металлообработки Петр I, когда принял решение о создании артиллерии, производство первых пушек было налажено в Глухове и именно эти украинские (мазепинские) пушки теперь украшают Красную площадь в Москве. Украинское барокко с удивительными металлическими орнаментами не могло бы возникнуть без определенной промышленной базы.

Украинское барокко

Конец XVII — начало XVIII века ознаменовались расцветом культуры и искусства в Украинском гетманстве, в основе которого лежал экономический подъем. Личный пример гетманов способствовал распространению меценатства, базировавшегося на православной традиции.

Киево-Могилянский коллегиум достиг своего расцвета. С 1693 г. там было разрешено преподавать философию и богословие, а в 1700 г. Киево-Могилянский коллегиум указом Петра был признан академией (что подтвердило польский акт 1659 г.). Это поставило его в один ряд с крупнейшими образовательными центрами Европы и дало юридическое право присваивать высшую степень доктора богословия. На содержание академии из гетманской казны ежегодно выделялось 200 рублей, на деньги И. Мазепы были приобретены книги для библиотеки и редкие рукописи, учреждены стипендии. В стенах академии в этот период обучалось более 2000 студентов. Полный курс обучения продолжался 12 лет и включал грамматику, поэтику, риторику, философию и богословие. В академии преподавали греческий, польский, немецкий, французский, еврейский и русский языки, историю и географию, математику (включая алгебру и геометрию), физику, гражданскую и церковную архитектуру, механику, музыку и нотное пение, рисование, экономику, медицину и др. Профессорский состав возглавляли Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Варлаам Ясинский.

Практически все дети старшин и многие казаки получали правильное образование. С этой целью в 1700 году открывается новый коллегиум в Чернигове. В период расцвета украинского барокко возникла целая плеяда выдающихся украинских публицистов и писателей: Дмитрий Ростовский (Туптало), Стефан Яворский,

Феофан Прокопович, Антоний Стаховский, Иоанн Максимович, Иван Величковский. Все они были выпускниками Киево-Могилянской академии.

Необыкновенного размаха достигло строительство. Располагая огромными материальными возможностями (только на работы в Киево-Печерской лавре гетман отдал более миллиона золотых), Мазепа перестроил и позолотил купола Успенского собора, придал киевской Софии современный вид. Были построены киевские Пустинно-Николаевский, Братский Богоявленский, Кирилловский, Михайло-Золотоверховский и Межигорский монастыри, а также монастыри и соборы Переяслава, Чернигова, Батурина.

Такое массовое церковное строительство стало мощным толчком для развития украинского барокко. В это время появляются первые каменные колокольни, например, всемирно известная колокольня киевской Софии. Мазепинская эпоха достигла высочайшего уровня в архитектуре, каменной резьбе, живописи, гравюре и т. д. Каменные соборы и церкви щедро украшались резьбой и лепниной. Художники рисовали портреты меценатов — гетмана и старшины. Граверы украшали панегирики и литературные произведения в их честь. Роскошный барокковый орнамент носили на себе и предметы декоративно-прикладного искусства: казацкое оружие, чарки, миски и блюда, изразцы (украшавшие печи в домах старшины), церковные атрибуты — кресты, дарохранительницы, канделябры, оклады евангелия, колокола, царские ворота и т. д.

Украинское барокко оказывало большое внимание на Россию. Многие дети петровских сановников учились в Киевской академии. Сам Петр, вернувшись из Великого посольства, объявил патриарху о необходимости обучать священников в Киеве и начал раздавать украинцам архиерейские места. В 1700 г. Стефан Яворский стал местоблюстителем патриаршего престола, он также возглавил Греко-славянскую академию в Москве, которая переделывалась на манер Киево-Могилянской, с привлечением украинских профессорских сил. В 1700 г. рязанским митрополитом стал Дмитрий Туптало. Яворский активно продвигал на ключевые позиции Российской империи представителей украинского просвещенного духовенства, которые открывали школы, распространяли труды своих учителей, пропагандировали образование и науку. Одна из таких школ была открыта епископом В. Волстковским в Холмогорах, и именно там начал учиться великий М. Ломоносов, познакомившись с «Грамматикой»

М. Смотрицкого и «Арифметикой» Л. Магницкого. Огромную роль в формировании идеологии Российской империи сыграл другой украинских духовный деятель — Феофан Прокопович.

Правобережная Украина

Одним из лидеров Правобережного казачества во времена его восстановления Яном Собеским был Фастовский полковник Семен Палий, который активно занимался заселением безлюдных территорий края. Начинает формироваться так называемая «Палиивщина», территория от Полесья до Дикого Поля, управлявшаяся Палием по установленным им «казацким законам». Вернувшаяся было в этот район польская шляхта столкнулась с ожесточенным сопротивлением крестьян, которые «показачивались», переставали платить налоги и работать на панщине.

Палий еще в 1688 г. обратился к царям с просьбой разрешить переселиться в пределы Московского государства, однако там опасались разрыва мирных соглашений с Речью Посполитой. Палий, находясь в очень напряженных отношениях с польскими властями, участвовал в военных операциях Мазепы и поддерживал постоянный контакт с Москвой. В 1692 г. Палий участвовал в походе на Очаков, завершившимся очень удачно. Полковник приобрел большое уважение и поддержку на Запорожье, а также в Крыму, где появились планы привлечь его на свою сторону.

В 1699 г. после заключения мира между Речью Посполитой и Турцией польский сейм принял решение о ликвидации казачества на Правобережье. Гетман Самусь, полковники Палий, Искра и другие правобережные старшины получили приказ распустить своих казаков и уйти из частных и королевских владений. Палий отказался подчиниться. Запершись в Фастове, он отбил атаку польских войск. После этого в руках Палия фактически оказались Брацлавское и Киевское воеводства.

Важным событием для Правобережья стало восстановление в 1700 г. усилиями И. Мазепы Переяславской епископии, которую возглавил Варлаам Ясинский. Был возрожден заброшенный правобережный Трахтемировский монастырь — место, где еще в XVI веке начиналось реестровое казачество, и находилась первая официальная резиденция гетмана.

Летом 1702 года Подолию и Брацлавщину охватило массовое восстание. Крестьяне сжигали свои дома, убивали поляков и шли

в казацкие полки Самуся и Искры. В ноябре ими была взята Белую Церковь. После этого польская власть на Подолии и Брацлавщине была ликвидирована, а на Волыни и в Голиции проходили массовые восстания крестьян. Опасаясь поссориться с Августом II, Петр приказал поставить у Днепра «крепкие и частые караулы», чтобы никто не мог убежать к Палию.

Северная война

С самого начала Северной войны украинские войска приняли в ней активное участие. В боях под Нарвой 1700 г. погиб наказной гетман, племянник Мазепы И. Обидовский.

Лучшая европейская армия оказалась крайне сложным противником для казаков, потребовавшим перестройки полков, введения муштры, назначения иностранных командиров и т. д. Служба была очень тяжелой, фуража и продовольствия не было, в псковской земле казаков, добывавших провиант и корма, избивали. Сразу же начались конфликты гетманских офицеров и казаков с российским командованием, побеги, неудовольствие.

Весной 1701 г. казаки выступили в Лифляндию. В сражении при Эрестферской мызе был разбит шведский генерал Шлиппенбах, взят Юрьев (Тарту). Казаки получили большую добыч, но ее у них отбирали русские офицеры. Это вызывало новое недовольство службой, а также — гетманом. В конце второго года войны массовые выступления казаков приобретали уже весьма угрожающий характер. К тому же подняли бунт запорожцы, заключившие союз с Крымом.

В июле 1703 г. казаки были отправлены в Белоруссию к Быхову и Могилеву, чтобы не дать польским сторонникам шведов укрепиться в них. К Быхову прибыл отряд Стародубского полковника Миклашевского с 12 000 казаков. Осада прошла удачно, и 12 октября комендант сдался.

Присоединение Правобережья

В начале 1704 г. Самусь и Искра перешли на Левобережье и отдали свои гетманские клейноды Мазепе. Раскол в Речи Посполитой между сторонниками Августа и Лещинского создавали удобный повод для военного вмешательства.

В начале мая 1704 г. по указу Петра гетман со своими полками (тремя городовыми и одним охочим) переправился через Днепр

и вступил в пределы Правобережья. Палий был арестован, а затем сослан в Сибирь. Его казаки признали власть Мазепы, и Украинское гетманство вновь объединилось.

Имея согласие Петра и пользуясь катастрофическим положением Августа II, Мазепа в короткий период восстановил на Правобережье полковую организацию (Белоцерковский, Корсунский, Чигиринский, Уманский, Брацлавский, Черкасский, Каневский и Богуславский полки). Там были введены аренды, которые приносили ощутимый доход. Кроме того, Мазепа заселил территории («от Киеве далей до Богу и до Днестра»), которые, согласно Вечному миру, должны были оставаться пустующими. Всего (по русским данным) с Левого берега было переселено 50 тысяч человек.

Нарастание конфликтов, украинский поход Карла XII

По указу Петра, в 1705 г. Мазепа должен был выслать три тысячи казаков к Полоцку на соединение с русской армией, а сам с 30 тысячами перейти Днепр и вступить в Польшу «прошлогодним путем». Владения сторонников Лещинского предписывалось разорять всеми мерами. Чуть позже маршрут движения гетмана был уточнен: на Львов, а затем к Сандомиру, «поспешая». Повторив путь Б. Хмельницкого, казаки во главе с Мазепой в ноябре 1705 г. вынудили сдаться Замостье.

В середине февраля 1706 г. Мазепа выступил со своим войском (14 000 человек) из Дубно в Литву и в марте был уже в Минске. Ему было приказано совершать рейды против шведских войск. Для этой цели в Несвиже был поставлен отряд Стародубского полковника М. Миклашевского, а в Ляховичах — Переяславского И. Мировича. Шведы ночью напали на Несвиж и перебили сонных казаков. Миклашевский погиб. Почти одновременно в середине марта в Ляховичах был осажден Мирович и вскоре был вынужден сдаться. Мирович так и погиб в плену. Гибель двух известных полковников болью отозвалась в Украине.

После этих событий, Петр все чаще использует казаков на фортификационных работах, в частности — при строительстве Печерской крепости.

В условиях Северной войны Петр начинает осуществление реформ, направленных на создание Российской империи и одновременно ведших к ограничению украинской автономии. В 1707 г. параллельно начали осуществляться четыре проекта-реформы:

ведомственная реформа (перевод Малороссийского приказа в Разряд), областная реформа (создание губерний), создание из казаков «компаний» и передача военных крепостей в управление русскими.

Согласно первой реформе, украинские города Киев, Чернигов, Нежин, Переяславль и др. переводились из ведома Малороссийского приказа, являвшегося частью Посольского приказа, в Разряд, что означало начало превращения Украины из «иностранного», т. е. автономного, государства в обычную провинцию России. Должность Белгородского воеводы заменялась воеводой Киевским. Эта реформа положила конец существованию старого Малороссийского приказа и подготовила почву для создания Малороссийской коллегии — нового образования на совершенно иной концептуальной основе.

В рамках областной всероссийской реформы была образована Киевская губерния, при составлении границ которой старые административные границы Украинского гетманства вообще не учитывались.

В тот же период Петром было инициировано создание «кумпаний», в которые должны были попасть только каждый пятый из реестровых казаков. Украинское войско давно уже требовало реформы. Боеспособность охотницких полков только лишний раз доказывала это, но нарушение принципа формирования казацких полков сразу же затрагивало всю административную систему Украинского гетманства, в основе которой лежал полковой принцип.

Наконец, в 1707 г. Петр передал в управление киевского воеводы Д. М. Голицына пограничные крепости, находившиеся до этого в подчинении гетмана.

Реформы вызывали резкую оппозицию со стороны старшин, выступавших против сокращения автономии Украинского гетманства. В условиях начавшихся бунтов, вызванных тягостями Северной войны, Мазепа весной 1707 г. начал тайные переговоры со ставленником шведского короля С. Лещинским. Хотя они и носили осведомительный характер, В. Кочубей написал на гетмана донос. Петр не поверил Кочубею, и разрешил его казнить.

Между тем тайная капитуляция Августа II шведам и его отказ от короны поставил Петра в крайне сложное положение. На переговорах с поляками он был готов уступить Правобережную Украину. Кроме того, российским командованием была принята доктрина «выжженной земли», т. е. уничтожения всех запасов и эвакуации жителей. Под этот план попадала Белоруссия и значительная территория

украинского гетманства. В условиях начала украинского похода Карла XII и поступлении приказа о введении в Стародубском полку плана «выжженной земли», Мазепа с генеральной старшиной, полковниками и частью войск перешел на сторону шведского короля.

Поступок гетмана расколол украинское общество. Не будучи подготовленными, многие колебались. Окружение Петра провело ряд оперативных шагов, поставивших Мазепу и его ближайшее окружение в крайне затруднительное положение. Была захвачена и показательно наказана (сравнена с землей) гетманская столица Батурин. В Глухове в присутствии царя и немногих старшин, которые по разным причинам не уехали с гетманом, состоялось представление, символизировавшее гражданскую казнь, которая совершалась над чучелом Мазепы (за неимением его самого). По окончанию этого действия состоялась уже реальная казнь захваченных в Батурине старшин, а затем формальные выборы нового гетмана. При создавшихся условиях старшина утвердила гетманом представленного Петром генерального есаула И. Скоропадского. Наконец, 12 ноября, по приказу Петра была объявлена церковная анафема Мазепе.

Ликвидация Запорожской Сечи.

После известия о присоединении запорожцев во главе с кошевым атаманом К. Гордиенко к Мазепе и Карлу XII, в Запорожскую Сечь были направлены три пехотных полка и драгуны во главе с генерал-майором Г. Волконским и полковником П. Яковлевым. Были уничтожены Келеберда и Переволочная. 11 мая 1709 г. П. Яковлев подступил к Запорожью. После трех часов отчаянного сопротивления Сечь была взята, все запорожцы и жители погибли (в плен живьем взяли только 12 человек) или были казнены. Казаков и старшин вешали, рубили головы, оскверняли могилы старых запорожцев. Голову замещавшего кошевого атамана послали запорожцам для устрашения.

После поражения шведской армии под Полтавой, остатки казаков Мазепы, старшина и запорожцы ушли под защиту турецкого султана в Бендеры. 21 сентября 1709 г. И. Мазепа умер от инсульта.

Избрание Ф. Орлика. Бендерская Конституция

Казаки, находившиеся в эмиграции, после смерти И. Мазепы избрали своим гетманом генерального писаря Ф. Орлика. 10 мая 1710 г. он получил от Карла XII «объявительный диплом». После

официального избрания, нового гетмана признали шведский король и турецкий султан.

При этом была составлена так называемая Конституция, т. е. свод основных положений и законов Украинского гетманства (на украинском и латыни). По новейшим данным она была написана во втором десятилетии рукой И. Максимовича. В составлении принимали участие помимо Ф. Орлика — А. Войнаровский, К. Гордиенко, А. Горленко, И. Ломиковский и Ф. Мирович. Этот документ, представлявший собой соглашение между гетманом и Войском Запорожском (в государственном смысле этого термина), стал интересным образцом украинской политической мысли раннего Нового времени. Были обозначены границы гетманства — в пределах, которые оно достигало в период Богдана Хмельницкого. В первом пункте подчеркивалась верность «вере святой Православной Восточного исповедания», при этом объявлялось, что Киевский митрополит должен был подчиняться Константинопольскому патриарху, а не Московскому. Конституция ограничивала полномочия гетмана генеральной радой, в которую помимо старшин должны были входить выборные представители от всех полков и Запорожья. Рада должна была собираться трижды в год: на Рождество, Пасху и Покрова Богородицы, запрещалась секретная переписка гетмана, значительно повышался статус генерального суда. Отдельные пункты были направлены на то, чтобы запретить старшинам и администрации нарушать права и вольности казаков. Многие положения Конституции были революционными для своего времени, в частности, идея разделения исполнительной, законодательной и судебной властей, отделения церкви от государства и другие. Но другие статьи носили исключительно популистский характер: так отменялась аренда и другие поборы для содержания охотницких полков. В собственность Запорожья передавались огромные территории Дикого поля, без права строить там крепости или города. Эти пункты серьезно подрывали бы экономическое и военное состояние гетманства.

Правобережный поход Ф. Орлика

Став гетманом, Орлик начал активную деятельность по созданию антирусской коалиции. В частности, он провел переговоры с французским послом Дезаером. В конце ноября 1710 г. турки объявили войну России. 2 февраля 1711 г. Орлик заключил союзный договор с Крымом, согласно которому декларировалась независимость

Украины. После этого Орлик вступил в Правобережье, имея под своим началом казаков, запорожцев и поляков, общей численностью 8 000 человек. К ним также была присоединена буджацкая и белгородская орда Мегмет Гирея (30 тысяч). Одновременно армия крымского хана должна была ударить на Воронеж и уничтожить верфи, а кубанский султан Ислам Гирей — напасть на Азов. Для защиты Украины русское войско вступило на Левый берег, а на Правобережье Скоропадский направил генерального есаула И. Бутовича.

Население встречало Орлика дружественно. Правобережные полки за исключением Белоцерковского перешли на его сторону. На Левобережье тоже было неспокойно. Орлик обратился к Скоропадскому с предложением передать ему титул единого гетмана. Скоропадский на это не пошел, хотя во многом разделял взгляды «мазепинцев». Догадываясь об этих настроениях, Петр приказал привезти жен Левобережной (т. е. «верной») старшины, включая гетманшу, в Глухов и держать их там как заложниц. Генерал-губернатор Киева Д. М. Голицын сделал то же самое с женами Правобережных полковников.

Положение Орлика усложняло то, что союзные ему поляки настаивали, чтобы Правобережье осталось за Речью Посполитой. Поход крымского хана на Слободскую Украину, несмотря на поддержку местного населения, закончился провалом, но в битве под Лисянкой в марте 1711 г. генеральный есаул Скоропадского И. Бутович был разбит и сдался в плен. Орлику удалось подойти под Белую Церковь и осадить ее. Три дня штурмов ничего не дали. В условиях приближения царских войск татары начали отступление, грабя и насилуя население. Силы Орлика таяли, у него оставалось не более двух тысяч. К апрелю гетман с запорожцами вернулся в Бендеры.

Великий визирь с основной армией в конце марта выступил из Стамбула. Навстречу ему шел Петр I. Прутский поход завершился для русской армии провалом. Чудо и деньги спасли Петра от позорной капитуляции. По условиям Прутского мира Петр отказался от Правобережья. Россия теряла контроль над Запорожьем, лишалась Азова, Таганрога, Каменки и самарских крепостей. Туманная фраза оговаривала судьбу Левого берега Украины.

В результате дальнейших переговоров с русской делегацией и параллельно — с представителями Орлика, 16 марта 1712 г. турецкий султан выдал Орлику привилей на владение Правобережной Украиной без Киева. Но уже в апреле того же года был подписан

Константинопольский мирный договор с Россией, признавший большинство положений Прутского. Россия отказывалась от притязаний на Правобережье (которое оставалось за Речью Посполитой) и Запорожье, но за ней остались Левобережная Украина и Киев. После этого влияние Орлика стало полностью иллюзорным, а его титул гетмана — формальным.

Реформы по ликвидации Украинского гетманства

Сокращение автономии Украинского гетманства. И. Скоропадский.

С момента своего назначения гетман И. Скоропадский находился под постоянным строгим надзором специально приставленного к нему резидента. В тайной инструкции тому поручалось иметь неослабное наблюдение за гетманом и старшиной и в случае измены или восстания принимать меры к подавлению его великорусскими войсками. Год спустя вместо одного такого резидента было назначено два. Гетманская резиденция по распоряжению правительства была перенесена в Глухов, ближе к русской границе, где для контроля за Скоропадским были размещены два пехотных полка.

После Полтавской битвы под давлением старшины Скоропадский обратился к царю с просьбой подтвердить старые «вольности». Гетман также предложил новые статьи (из 14 пунктов). В ответ Петр указом от 31 июля 1709 г. подтвердил старые права и вольности, но никаких новых статей утверждать не стал.

Царские власти все более активно вмешивались в дела внутренней автономии Украинского гетманства. Именно при Скоропадском Петром была впервые введена практика назначения на полковничьи должности не украинцев. Первым стал серб М. Милорадович, которого Петр сделал Гадяцким полковником, вторым П. Толстой (сын сенатора П. Толстого), получивший должность Нежинского полковника.

В этот же период Петр инициировал невиданную прежде практику массовых пожалований украинских имений русским вельможам. Так А. Д. Меншиков получил все владения Мазепы. Украинские имения получил и Г. Ф. Долгорукий, а также другие сановники, в том

числе киевский генерал-губернатор Д. Голицын. Казаков все чаще использовали при строительных работах. В 1716 г. 10 тысяч казаков были направлены копать Волго-Донской канал. В 1718 г. казаки строили укрепления вдоль Терека на Кавказе. В 1721–1722 гг. 20 тысяч казаков участвовали в сооружении Ладожского канала. Все эти работы казаки должны были осуществлять за свой счет, без поддержки со стороны государства. В условиях тяжелого и непривычного климата до 30 процентов из них умирало.

Петр обрушил репрессии на Киево-Могилянскую академию, видя в ней рассадник вольнодумия. Все студенты с Правобережья были высланы за пределы страны. В результате, число обучающихся снизилось с 2000 до 161 человека. Было запрещено печатать в Украине любые книги кроме церковных, согласованных с Духовной академией.

Украинские деятели, в том числе — религиозные — были теперь у Петра под постоянным подозрением, особенно после того как в дело царевича Алексея оказались замешанными Стефан Яворский, киевский митрополит Иосаф Краковский, архимандрит Иоанникий Сенютович. Алексей даже признал, что писал к митрополиту Иосафу в Киев, прося его поднять восстание в Украине

Тем не менее, украинское казачество приняло активное участие в военных походах Петра I: в 1711 г. — в Прутском, в 1722 г. — в Персидском. В последнем наказным гетманом 10-тысячного казацкого корпуса был Д. Апостол. Именно его оперативные действия спасли русский отряд под командой бригадира Ветерани, занявшего резиденцию черкасского султана Махмута и оказавшегося в тяжелейшей ситуации. В награду Апостол получил от Петра портрет, украшенный бриллиантами.

Реформа 1722 г. Малороссийская коллегия и выступление П. Полуботка

После объявления о создании в 1721 г. Российской империи, в 1722 г. Петр начал реформу управления Украинского гетманства, согласно которой учреждалась Малороссийская коллегия во главе с бригадиром С. Веньяминовым. Она получала права высшего апелляционного суда, а также должна была осуществлять контроль над гетманской администрацией и финансами. Украинское гетманство переводилось из ведомства Коллегии иностранных дел непосредственно в управление Сената, который распоряжался

всеми российскими территориями. Украина, таким образом, формально теряла автономный статус. Новая коллегия беспрерывно вводила новые налоги — на пчельники и табачное производство, мед, воск и прочее.

Скоропадский тяжело переживал эти репрессии и умер 3 июля 1722 г. После его смерти Петр запретил избирать нового гетмана. Заявление императора было резким и безапелляционным: «Всем ведомо, что с Богдана Хмельницкого до Скоропадского все гетманы являлись изменниками, от чего много потерпело государство Русское, особенно Малороссия, и потому надобно приискать в гетманы верного и надежного человека, а пока такой найдется, определено правительство, которому надлежит повиноваться и не докучать насчет гетманского выбора».

Малороссийская коллегия во главе с Вельяминовым получила абсолютную власть. Вельяминов запрещал Черниговскому полковнику П. Полуботку, исполнявшему обязанности гетмана, без ведома коллегии посылать какие-либо универсалы к народу. Практика назначения русских офицеров на полковничьи должности получила в этот период массовый характер. Готовилось введение общеимперских законов во все учреждения Украинского гетманства. Были введены институты российских комендантов, дублирующих полномочия старшины. Продолжалась и практика использования казаков на строительных работах.

Полуботок возглавил тех, кто не был согласен с таким положением дел. Следует отметить, что левобережная старшина имела тесные родственные связи. После Полтавы украинское общество оказалось расколотым. Почти в каждой семье имелись близкие или дальние родственники «мазепинцы» — сосланные в Сибирь или находившиеся в эмиграции. Поэтому сочувствие к идеям автономистов было весьма распространено в среде старшины.

Вместе с рядом ключевых старшин Полуботок подписал челобитную к Петру с просьбой назначить выборы нового гетмана, прося также отменить сборы, введенные Малороссийской коллегией. Такое «своеволие» вывело Петра из себя. Он приказал вызвать Полуботка и его сторонников в Петербург, а там, после получения очередной петиции — бросить их в казематы Петропавловской крепости. Их имения были конфискованы, в них прошел обыск. Румянцеву было поручено провести розыск в Украинском гетманстве. Хотя он установил, что в составлении петиции рядовые казаки и население

не принимали участия и таким образом старшина не могла рассчитывать на широкую поддержку, Петр желал строго наказать своевольную старшину. Высший суд готовил показательные процесс (сравнимый с делом царевича Алексея), который должен был поставить точку на автономии Украины. Но, не дождавшись суда, в декабре 1724 г. Полуботок умер от воспаления легких.

В январе 1725 г. умер и император Петр I. Его супруга Екатерина, провозглашенная императрицей, значительно смягчила положение узников. Их освободили из крепости, им вернули конфискованное имущество, но оставили в Петербурге вместе с семьями, без права выезда в Украину. Малороссийская Коллегия продолжала управлять краем, чиня серьезные злоупотребления. Взяточничество и произвол стали нормой. Впоследствии во время проведенной ревизии выяснилось, что почти половина всех доходов с Украины оседала в карманах чиновников Коллегии.

Находясь в Петербурге без права выезда, Апостол использовал время для усиления своих позиций. Он постоянно наносил визиты А. Д. Меншикову и другим влиятельным вельможам. Его сын, Павел, был в приятельских отношениях с сыном Меншикова, они даже учились в одной школе при Императорской Академии наук. Кроме того, Апостол пользовался покровительством Феофана Прокоповича, украинского духовного деятеля, епископа и вице-президента Синода.

Наконец в мае 1726 г. Екатерина согласилась отпустить Апостола на Украину. Его сын Павел остался в Петербурге заложником, а сам он был вынужден принести присягу верности в Троицком соборе.

Восстановление гетманского правления

Серьезные перемены произошли только при новом императоре Петре II. Этому способствовала внешняя ситуация. Французский король Людовик XV женился на дочери изгнанного польского короля С. Лещинского. Порта, подогреваемая Орликом, занимала враждебную России позицию, равно как и европейская коалиция (Франция, Пруссия, Голландия и Дания). Все это подтолкнуло членов Верховного Тайного Совета пойти на некоторые уступки украинской автономии. Было предложено избрать гетмана, отменить все налоги кроме тех, которые собирались на войско, а также вернуть все судебные тяжбы в украинские суды.

В начале июня 1727 г. был издан указ о перенесении управления украинскими делами из Сената обратно в Министерство

Иностранных дел. Кроме того, были отменены все налоги, введенные Малороссийской коллегией. Все должно было теперь быть «по пунктам Богдана Хмельницкого». Интересно, что в Глухов это известие пришло одновременно с новостью о смерти Екатерины I и о вступлении на престол императора Петра II. Все эти новости были встречены с восторгом. Состоялся благодарственный молебен, стреляли из пушек.

Вскоре последовали новые «милости». Был введен запрет для русских вельмож приобретать землю в Украине. Кроме того, П. Толстой был снят с должности нежинского полковника.

29 сентября 1727 г. была ликвидирована ненавистная всем Малороссийская коллегия и объявлен указ императора об избрании нового гетмана. Член Верховного совета Ф. Наумов должен был выехать в Украину для участия в выборах гетмана. Была подготовлена серебряная булава, инструкция, императорская грамота и форма присяги. В инструкции Наумову ситуация объяснялась без обидняков. «Что Его Императорское Величество указал в Малой России выбрать гетмана по прежнему обыкновению, однако сие от того Малороссийского народа избрание написано от лица (т. е. для вида). А в самом деле Его Императорского Величества соизволение быть гетманом миргородскому полковнику Данилу Апостолу, и чаем, что от народу не иной кто, но он Апостол по старшенству и по заслугам и ради имеющего у них кредиту избран будет... Ежели ж бы некоторые из того народа о ином ком намерение имели в гетманы обирать, в током случае ему Наумову того предостерегать, и путь к тому предуготовить, чтоб конечно его Данила Апостола, а не иного кого в гетманы народ избрал».

1 октября в Глухове состоялись формальные выборы, на которых гетманом был единогласно утвержден Данило Апостол, полковник Миргородский, бывший «мазепинец», сторонник «автономистов».

При его избрании никаких статей не подписывали. При гетмане восстановили должность резидента, с которым он был обязан совещаться в вопросах управления. В военных делах гетман был подчинен генерал-фельдмаршалу российских войск. Для большей уверенности, один из сыновей Апостола остался в Петербурге в качестве заложника.

Апостол оказался далеко не худшим кандидатом для Украины. Несмотря на преклонный возраст (ему было 73 года), он искренне хотел добиться перемен в Украинском гетманстве и по возможности

восстановить автономию. Выборы гетмана вызвали большую радость в Украине. Ликвидация Малороссийской коллегии и восстановление гетманского правления воспринимались всеми как возврат к принципам, заложенным еще при Богдане Хмельницком. Украинский поэт Яков Галяховский написал поэму «Эхо радости и приветствия и благодарствия».

Уже 5 октября гетман провел назначение генеральных старшин (которых, правда, должен был еще утвердить император), а 9 октября в Петербург выехала делегация гетмана, которая сообщила императору о подробностях избрания и получила богатые подарки. Но, как оказалось, Апостол не собирался на этом останавливаться. Он понимал, что само восстановление гетманства даже в условиях ликвидации Малороссийской коллегии не создавало основ для новой ситуации в Украине. Ведь договорных статей, как бывало раньше при избрании гетманов, составлено не было. И было неясно, на каких условиях будет управлять гетман.

Удачным предлогом стала коронация императора Петра II, на которую в Москву отправился гетман со старшиной. В результате упорства Апостола, были получены так называемые «Решительные пункты», состоявшие из 22 параграфов и утвержденные Верховным Тайным Советом. Была сохранена собственная судебная система, но Генеральный суд превращался в коллегию, состоявшую из русских и украинских судей. Избирать гетмана разрешалось «вольными голосами», но лишь по указу императора (равно как и свергать). Что касается остальной старшины (генеральной, полковников и сотников), то теперь позволялось избирать только кандидатов (два-три на каждую должность), из которых одного назначал император. Сохранялось расквартирование русских войск в гетманстве, а общая численность охотницких войск не должна была превышать 1500 человек. Отменялись подати, введенные Малороссийской коллегией, все доходы должны были теперь снова идти в гетманскую казну, но для контроля расходования этих средств вводилась должность двух подскарбиев — русского и украинца. Наконец право раздачи имений на территории Украины, ранее бывшее прерогативой гетмана, теперь переходило в руки императора. Наверное, одним из самых неприятных неожиданностей для Апостола стал указ о подчинении его в военных делах генерал-фельдмаршалу князю М. М. Голицыну. К тому же, теперь к особе гетмана назначался министр-резидент,

без совета с которым не позволялось принимать ни одного из важнейших решений.

В начале сентября Апостол получил жалованную грамоту на гетманство и соболью шубу, крытую аксамитом. Вскоре после этого он вернулся в Украину.

Одним из первых дел нового гетмана было назначение на должности генеральных старшин, многие из которых за время правления Малороссийской коллегии оставались вакантными. Почти год ушел на согласование кандидатов с Верховным Советом и только в июле 1728 г. список генеральной старшины был утвержден.

«Генеральные следствия о маетностях»

В гетманстве имелось множество накопившихся и не решенных проблем. Так, за время «безгетманства» большая часть «ранговых» земельных владений, дававшихся на «уряд» (т. е. на должность), была роздана. Необходимо было восстановить и упорядочить всю систему. В результате, по реформе 1732 г. за генеральным писарем закрепляли 453 двора, генеральным обозным 400, генеральные судьи и генеральный подскарбий (заведовавший казной) получали по 300 дворов, а генеральные хорунжий и бунчужный — по 200. Чтобы навести порядок с земельными владениями, Апостол распорядился провести так называемое «генеральные следствия о маетностях» (т. е. об имениях) на территории всех полков гетманства, во время которого канцеляристы собирали сведения кто, когда и на каких правах владел и владеет тем или иным селом и местечком. Генеральное следствие было завершено в 1731 г. Все владения были разделены на шесть категорий: ранговые, пожалованные за заслуги, ратушные, свободные, монастырские и спорные. Села и хутора, незаконно захваченные старшиной, шляхтой, монастырями, городами и российскими чиновниками возвращались к своему первоначальному статусу.

По материалам следствий стало ясно, что наметился процесс увеличения числа зависимых крестьян. Особенно много их было в Полтавском полку (81 %), а менее всего — в Черниговском (7 %). Правда речь пока не шла о крепостной зависимости, все крестьяне были лично свободны и имели право перейти от одного пана к другому.

Для прекращения практики раздачи украинских земель российским чиновникам Апостол выдал ряд универсалов, предписывавших

старшине вынуждать российских землевладельцев продавать свои украинские имения. Все россияне, не «имевшие паспортов», должны были быть высланы с Украины.

Приведение податной системы в порядок и отмена отчислений в императорскую казну привели к тому, что гетманский бюджет вырос до 144 тысяч рублей годовых. По просьбе украинских купцов Апостол добился снятия запрета на вывоз за границу сала, воска, пряжи, кожи и селитры. Купцам был также уменьшен налог и разрешено торговать за границей по малороссийским паспортам, а не по всероссийским. Было организовано кредитование купцов, отсрочена выплата по векселям.

Апостол добивался передачи судебных дел в введенье местных судов и возвращения Генеральному суду функций высшей судебной инстанции (которая до этого была у Малороссийской коллегии). Гетманская инструкция 1730 г. четко определяла компетенцию различных судебных учреждений и их численный состав. Одним из важнейших шагов правления Апостола было создание «Свода» украинских законов. Гетман сформировал комиссию, которая должна была перевести юридические книги на русский язык и скомпоновать в Кодекс. В основу были положены Литовский Статус и Магдебургское право, что должно было подчеркнуть автономный статус Украинского гетманства в составе Российской империи.

Апостол начал и военную реформу, предполагавшую в том числе для всех казаков унифицированный мушкет. В Туле было заказано пять тысяч мушкетов, что стало основой современного перевооружения казаков, столь пригодившееся во время русско-турецких войн XVIII века, в которых они приняли самое деятельное и успешное участие.

Культура эпохи Д. Апостола

Апостол много сделал для восстановления своего Alma Mater Киево-Могилянской Академии, претерпевшей гонения в конце правления Петра I. В годы его гетманства число студентов возросло почти до 400 (со 161 в 1709 г.). Ректор Академии получил от Синода звание архимандрита. Во времена Апостола в Академии была поставлена украинская пьеса «Милость Божья, Украину от обид польских с помощью Богдана Зиновия Хмельницкого освободившая». Это типичная драма в стиле барокко, в которой Хмельницкий представал в образе идеального рыцаря, доброго гения Украины.

При этом в негативном свете был изображен Петр I, и воспевался Петр II, восстановивший гетманское правление. Одним из ярчайших явлений в области живописи этого периода были работы представителя казацкого рода гравера Григория Левицкого (отца знаменитого портретиста).

Восстановление Запорожской Сечи

Скоропостижная смерть императора Петра II и провозглашение 25 января 1730 г. императрицей Анны Иоанновны стало началом новых реформ украинской автономии. Первые шаги императрицы внушали надежды. Расквартирование российских полков в гетманстве было сокращено до шести драгунских.

Усиление турецкой угрозы и активизация антироссийской европейской лиги, подстрекаемой Орликом, заставили Анну Иоанновну вернуться к вопросу о «прощении» запорожцев. В приближающейся русско-турецкой войне они могли быть весьма полезны. Проживая на территориях, подвластных крымскому хану, запорожцы неоднократно обращались к России с просьбой вернуться в родные места. В 1733 г. такое решение было принято. К запорожцам прислали клейноды, и в Белой Церкви была принята их присяга. После этого, они вернулись на старые места (недалеко от Чортомлыка), основав Новую (Подпиленскую) Сечь. Была построена крепость с земляным валом, башнями и рвом.

Запорожцам было разрешено жить по старым традициям и свободно пользоваться всякого рода степными промыслами, получая за сторожевую и военную службу 20 тысяч рублей в год. Управлять ими должна была выборная старшина, непосредственно, помимо гетмана, подчинявшаяся киевскому генерал-губернатору. Запорожцы получили во владение территории будущих Екатеринославской и Херсонской губерний, за исключением Одесского, Тираспольского и Ананьевского уездов последней. Вся территория разделялась на 5, с 1735 г. — на 6 округов, или паланок: Бугочардовую, Ингульскую (Перевезскую), Кодацкую, Самарскую, Калмиусскую и Прогноинскую (на Кинбурнской косе). Сама Сечь состояла из 38 куреней, в которых в 1755 г. проживало 13065 казаков, в 1759 г. — 11796, в 1769 г. — 12247. Земля, на которой располагалось войско, считалась его общей собственностью и ежегодно перераспределялась по жребию между куренями. В Сечи существовала церковь во имя Покрова Богородицы, при которой имелась и школа. Главными занятиями

войска, помимо военной службы, были скотоводство, рыбные и звериные промыслы и торговля.

Вторая ликвидация гетманства. Русско-турецкая война

Первым неприятным сигналом для гетмана Апостола стал указ об участии казаков в фортификационных сооружениях на линии от Днепра до Орели. В апреле 1731 г. гетманство должно было выставить для этих работ 7 тысяч казаков, а летом того же года — еще 8 тысяч. Кроме того, требовались войска для похода против татар. А в 1733 г. украинские казаки под командованием наказного гетмана Якова Лизогуба и полковника Игнатия Галагана участвовали в военных операциях в Польше, в поддержку русского кандидата на польский престол.

Весной 1733 г. Апостол перенес инсульт. Анна Иоанновна решила использовать эти обстоятельства и не позволила гетману отдать управление в руки генеральной старшине, поручив его своему резиденту князю А. Шаховскому и вновь созданной Коллегии, составленной поровну из русских и украинцев.

Апостол выздоровел и в июле 1733 г. приступил к выполнению своих обязанностей, но уже 17 января 1734 г. на восьмидесятом году жизни умер от очередного удара. После этого избрание гетманов снова было отменено, а управление Украиной было поручено Коллегии из шести членов во главе с правительственным резидентом Шаховским и генеральным обозным Лизогубом. Правление это было организовано якобы временно, до выбора гетмана, но в инструкции Шаховскому пояснялось, что о выборе гетмана упомянуто только во избежание волнений: правительство вовсе не имело в виду назначать выборы. Украина снова перешла в ведомство Сената. Императрица поручила ему бдительное наблюдение за благонадежным поведением украинской старшины, с правом подвергать аресту всех, заподозренных в неблагонадежности, и назначать на вакантные места кандидатов по своему усмотрению. На Украину распространилась страшная практика «слова и дела», повергавшая в ужас всю Россию. Населению рекомендовалось внушать, что реформы, ограничивающие украинскую автономию, направлены на защиту их от злоупотреблений старшины.

Между тем, Украина стала главной базой для российской армии в годы русско-турецкой войны. Гетманство поставляло

продовольствие, подводы для обоза и погонщиков. Реестровые казаки (до 15 000 человек) и запорожцы приняли активное участие в войне, несмотря на негативное отношение к ним главнокомандующего Б. Миниха. В 1736 г. казаки участвовали в Крымском походе (включая захват Бахчисарая), в 1737 г. — в осаде Очакова, в 1738 г. — в Молдавском походе (там погиб знаменитый автор летописи Г. Грабянка), в 1739 г. — в Хотинском походе. В последнем фельдмаршал П. Ласси доверил украинским казакам разведку, а также позволил действовать в отрыве от основных сил, совершать ложные маневры и рейды вглубь территории противника, что и было ими блестяще выполнено.

Война принесла огромные экономические потери Украинскому гетманству. Для нужд российской армии были реквизированы десятки тысяч волов и лошадей.

Война также проявила необходимость реформ. Старшины, да и рядовые реестровые казаки все меньше считали себя военными, часто дезертировали, неохотно шли на войну. Наоборот, наиболее организованной и боеспособной частью проявили себя запорожцы.

Гетманство К. Разумовского

Последнее «смягчение» политики российских императоров по отношению к украинской автономии было связано с восшествием на престол Елизаветы Петровны, фаворитом и мужем которой был сын реестрового казака Алексей Разумовский. Уже при восшествии на престол Елизаветы было решено сделать послабления «малороссийскому народу», чтобы он оправился от убытков, ставших следствием войны с Турцией.

Вскоре в Петербург прибыла депутация старшин во главе с П. Апостолом, сыном покойного гетмана. Они добились разрешения перехода крестьян, запрета принимать украинцев в кабалу, а также запрета русским чиновникам «чинить обиды, забирать даром провиант, дрова и т. д.». По ходатайству Разумовского из Сибири была возвращена опальная старшина, сосланная в годы «слова и дела».

Разумовский активно покровительствовал украинскому духовенству, в частности — Арсению Мациевичу, выпускнику Киево-Могилянской Академии, ставшему в 1742 г. митрополитом Ростовским и Ярославским. При нем была инициирована канонизация Дмитрия Туптала (Ростовского).

С подачи фаворита, Елизавета Петровна посетила Киев, где для ее приема был построен Мариинский дворец по проекту Б. Растрелли. Студенты Киево-Могилянской академии развлекали императрицу спектаклями и декламацией, а генеральная старшина и полковники подали императрице петицию о назначении выборов нового гетмана. Елизавета благосклонно приняла просьбу. Единственным кандидатом в гетманы стал младший брат фаворита, Кирилл Разумовский.

Кирилл благодаря брату получил хорошее образование в Европе в университетах Геттингера, Кенигсберга и Стратсбурга. В 1746 г. в возрасте 18 лет он был назначен президентом Императорской Академии наук и сохранял этот пост почти двадцать лет.

В 1747 г. была объявлена императорская грамота о возобновлении гетманского звания. 22 февраля 1750 г. на генеральной раде в Глухове Разумовского избрали гетманом. По этому поводу Ломоносов сочинил героическую идиллию «Полидор». Новоизбранный гетман со старшиной прибыл в Петербург, где были выданы юридические документы, определявшие полномочия Разумовского.

В 1751 г. ему была дана жалованная грамота по образцу данной Скоропадскому. Учреждения гетманства были восстановлены более или менее в том виде, в каком они существовали до реформы 1722 г. Украина снова была переведена из управления Сената в ведомство Коллегии иностранных дел. Коллегия и другие учреждения, созданные для контроля над старшиной, упразднялись. Всем российским чиновникам было предложено выехать с Украины. Особой грамотой подчинена была власти гетмана Запорожская Сечь.

Одним из первых шагов нового гетмана стало возвращение резиденции в разрушенный Батурин. В 31 июля 1750 г. Елизавета Петровна дала соответствующую грамоту и была создана специальная «экспедиция по Батуринскому строительству». Новый каменный Батурин часто называли «Малым Петербургом».

Разумовский сильно отличался от предыдущих гетманов, был великосветским вельможей и постоянно находился в Петербурге. При нем вошли в обычай так называемые «съезды старшины», которые проходили в Глухове. Учитывая то влияние, какое имел новый гетман при дворе, вмешательства в украинские дела российских чиновников на время прекратилось.

Некоторые из старшин надеялись использовать такое положение для дальнейшего усиления автономии Украины. По указу

Разумовского была создана новая комиссия для разработки кодекса. Бунчуковый товарищ Ф. Чуйкевич написал научное исследование «Суд и расправа в правах малороссийских». В нем он проводил идею создания в Украине сословных шляхетских судов на основе Литовского статуса. Работа Чуйкевича была положена в основу судебной реформы, проведенной в 1760 г. Вместо казацких судов — сельского, сотенного, полкового и генерального — вводились новые. Украина была разделена на 20 поветов, в каждом из которых создавались суды подкоморские (для земельных тяжб), земские (для гражданских дел) и городские (для уголовных дел). Высшей инстанцией становился Генеральный суд, в котором должны были присутствовать два генеральных судьи и десять депутатов от полков.

Была проведена и военная реформа. Казаки получили однообразный мундир и вооружение, в полки стал вводиться регулярный строй и муштра по подобию западноевропейской. Значительно обновилась артиллерия. Согласно «ордеру» Разумовского был введен «национальный герб», виде казака с мушкетом, который должен был находиться на знаменах всех полков.

За время правления Разумовского казаки не раз принимали участие в военных действиях Российской империи, в частности, в Семилетней войне. В 1757 г. Кирилл должен был предоставить 8 тысяч погонщиков, большая часть которых погибла в походе. Около тысячи компанейцев приняло участие в битве при Егерсдорфе. В 1760 г. на войну было отправлено еще 2000 казаков под командованием Прилуцкого полковника Г. Галагана. В свою очередь запорожцы направлялись для усиления гарнизона крепости св. Елизаветы (ныне Кировоград), построенной по указу Елизаветы Петровны для защиты от турок.

При Разумовском было введено обязательное начальное образование для казацких детей. Сам гетман работал над проектом учреждения в Батурине Малороссийского университета, в котором предполагалось иметь девять кафедр: латинского красноречия; логики; натурального права и юриспруденции; истории и геральдики; экспериментальной физики и математики; теоретической и практической физики; анатомии; химии; ботаники и натуральной истории. Предусматривалось строительство собственной типографии, ботанического сада, анатомического корпуса, библиотеки и т. д.

К сожалению, этот блестящий проект так и не был осуществлен из-за противодействия двора. Появился и ряд указов, ограничивавших

гетманское правление. Была введена система отчетов перед правительством о доходах и расходах гетманской казны. В 1761 г. был издан указ, выводивший Киев из подчинения гетману.

При новом императоре Петре III Разумовскому удалось добиться возвращения Киева в гетманское управление, но это уже был последний успех Украинского гетманства.

Ликвидация гетманского правления

Кирилл Разумовский был одним из самых деятельных участников переворота, приведшего Екатерину II к власти. Это давало надежду на благосклонность императрицы. Гетман получил для Украинского гетманства разрешение на беспошлинный ввоз леса из Польши, было запрещено пропускать оттуда вино в Запорожскую Сечь и т. д.

Осенью 1763 г. состоялась старшинская рада в Глухове, на которой были одобрены статьи «Прошение малороссийского шляхетства и старшины о восстановлении разных старинных прав Малороссии». Добиваясь расширения автономии, старшина ссылалась на «Статьи Богдана Хмельницкого» и заявляла про события присоединения Украины к России в 1654 г.: «Сие добровольное подданство учинил он на договорах... Оные договоры от времени до времени при постановлении каждого гетмана поновляемы и подтверждаемы были». Речь шла о признании особой судебной и законодательной систем, привилегий казачества, духовенства и мещан, возвращении прав на экспорт продуктов, распространении образования и т. д. Наряду с этим, говорилось также о запрете перехода крестьян от одного владельца к другому (по сути, о введении крепостного права) и о наследственной передаче гетманского звания для Разумовских.

Такие планы совершенно не соотносились с истинными намерениями Екатерины. В своей известной инструкции генерал-прокурору А. А. Вяземскому в 1764 г. она высказала непреклонное решение «привести к обрусению» провинции, имевшие свои местные законы — Украину, Лифляндию и Финляндию. Относительно Украины императрица считала необходимым принять меры к тому, «чтоб век и имя гетманов исчезло, не токмо б персона какая была произведена в оное достоинство».

На позицию Екатерины наложили отпечаток ряд факторов. В 1764 г. она провела секуляризацию монастырских владений, что привело к серьезному конфликту с духовенством — прежде всего,

с украинским, столь близким гетману. В частности, с критикой действий императрицы выступил епископ А. Мациевич, которого по личному указу Екатерины подвергли жестокому наказанию и заточению.

Летом 1764 г. К. Разумовский оказался косвенно замешан в «заговор Мировича», представителя известного старшинского рода, который попытался освободить и возвести на престол содержавшегося в Шлиссельбурге сверженного императора Иоанна Антоновича. 15 сентября 1764 г. В. Мирович был казнен на площади в Петербурге. Это стало настоящим шоком, собравшиеся ожидали помилования, ведь при Елизавете Петровне смертная казнь была отменена.

В этих обстоятельствах императрица потребовала от гетмана прошения об отставке. Разумовский долго колебался, но вынужден был повиноваться. 10 ноября 1764 г. был опубликован «Манифест малороссийскому народу», извещавший об увольнении Разумовского от гетманских обязанностей и учреждавший правление Малороссийской коллегии во главе с ее президентом и генерал-губернатором графом П. Румянцевым. Коллегия состояла из четырех украинцев и четырех русских, но реальным правителем стал генерал-губернатор Малороссии. Румянцев был известным генералом, прославившимся в годы Семилетней войны. Свое детство он провел в Украине, там же получив начальное образование. Именно ему выпало окончательно ликвидировать украинскую автономию. В инструкции, данной ему императрицей, обращалось внимание на то, что империя не получала доходов из гетманства. Поэтому Румянцеву поручалось произвести ревизию и перепись Украины. Екатерину раздражала сохранявшаяся в Украине практика перехода крестьян от помещика к помещику, и Румянцеву поручалось ее прекратить.

В результате деятельности генерал-губернатора была составлена знаменитая Румянцевская опись. Ее задачей было разграничить казацкое и крестьянское сословия, описать города, казацкие, владельческие, урядные и монастырские имения. Ревизорами были штаб-, обер- и унтер-офицеры, с писарями и рядовыми. Они выгоняли народ, строили его шеренгами и затем составляли перепись.

Большие неприятности доставил Румянцеву «украинский сепаратизм» в 1767 г., когда Екатерина объявила Комиссию для составления Уложения. Украинские сословия наряду с прочими провинциями империи должны были выбрать своих депутатов и снабдить их инструкцией, в которой излагали свои нужды и желания.

В украинском обществе при этом с неожиданной силой и единодушием проявились стремления к восстановлению украинской автономии. В инструкциях старшины, мещан и казаков весьма определенно высказывались желания, чтобы Украина была восстановлена в своих старых правах — по «статьям Богдана Хмельницкого», в частности, чтобы был возобновлен выбор гетманов. Просили украинцы и об открытии собственного университета, т. к. «всему свету известно в здешнем народе особливейшая к наукам склонность и охота». Пожелания 1767 г. остались без последствий (правда часть смелых просителей была арестована и предана суду). Императрица не собиралась учитывать мнение украинских сословий.

В последствие любые разговоры и слухи о возможном восстановлении гетманского правления преследовались самым строжайшим образом, расследовались (даже в самых незначительных случаях) лично Екатериной и жестоко казались.

При этом следует отметить, что значительная часть казацкой старшины не только не выражала протеста по поводу ликвидации автономии (в отличие от польской шляхты), но и активно участвовала в этом процессе, став яркими представителями элиты Российской империи. Среди таковых можно назвать князей Кочубеев, графов Милорадовичей и др. Ярчайшим представителем этой части старшины был Александр Андреевич Безбородко, сын генерального писаря, получивший образование в Киево-Могилянской академии. В 1765 г. он был назначен правителем канцелярии малороссийского генерал-губернатора Румянцева. Отличившись в ходе русско-турецкой войны, Безбородко в 1784 г. получил звание второго члена министерства иностранных дел, стал графом (при императоре Павле I — князем) и пользовался неограниченным доверием императрицы. Он, в частности, выступал против сохранения структур Украинского гетманства.

Образование Новороссии. Русско-турецкая война

С развитием Российской империи началось постепенное освоение огромных земельных пространств Дикого Поля, лежавших между Украинским гетманством и Крымом и издавна считавшихся «запорожскими землями». В 1752 г. образовалось первое военно-земледельческое поселение австрийских сербов и венгров, под названием «Новой Сербии». За ними последовали болгары, сербы, волохи и др. Русское правительство охотно принимало их,

предоставляя различные пособия и льготы. В 1753 г. пришли сербские полковники И. Шевич и Р. Прерадович, которых поселили между реками Луганью и Бахмутом, по правому берегу Северного Донца.

В результате, край был разделен на две части: Новая Сербия (от Днепра до Синюхи), граничившая с польскими землями и турецко-татарской степью, и Славяносербия, к востоку от Днепра, вдоль Украинской линии, до станиц донских казаков, со столицей в Бахмуте. Управление краем было в руках генерала Глебова. Около 1760 г. население края превышало уже 26000 человек. В 1764 г. новосербский корпус (все мужское поколение поселенцев было записано в гусарские полки) был преобразован в Новороссийскую губернию, а Славяносербия — в Екатерининскую провинцию, подчиненную Новороссийской губернии. Число поселенцев постоянно росло путем приезда новых колонистов и особенно после дозволения селиться там раскольникам. В 1789 г. в Новороссию прибыли баптисты из Пруссии, что положило начало многочисленным поселениям немецких колонистов.

Решающую роль в дальнейшей судьбе Украины сыграла русско-турецкая война (1768–1774), в которой украинские и запорожские казаки наряду с колонистами приняли активное участие. Запорожцы отличились при взятии Очакова и Кинбурна, предпринимали партизанские набеги на татарские кочевья, их флотилия успешно действовала на Днепре. В 1770 г. запорожский полковник Третяк разбил в устье Дуная турецкую флотилию, потопив 11 кораблей. В 1771 г. другой запорожец Колпак захватил Кафу (Феодосию), в 1773–1774 гг. запорожцы успешно действовали в устье Дуная. За свои заслуги кошевой был награжден медалью с брильянтами, старшина — медалями. В июле 1774 г. был заключен Кучук-Кайнарджирский мир, по которому Россия получила земли между Днепром и Бугом, Большую и Малую Кабарду, Азов, а также Керчь в Крыму. Крым был объявлен независимым от Турции.

Еще в 1769 г., после взятия Азова и Таганрога там были организованы особые казачьи полки из поселенцев, а в следующем году устроена новая Днепровская линия крепостей (св. Петра, Захарьевская, Алексеевская, Кирилловская, Григорьевская, Никитинская и Александровская). Запорожская Сечь таким образом превратилась во внутреннюю территорию Российской империи и ее судьба была решена. Уже в 1736 г. внутри самой Сечи построено было укрепление, в котором находился постоянный русский гарнизон.

Ликвидация Запорожья

Планы устройства новых поселений в южных степях, приведшие к образованию Ново-Сербии и Славяно-Сербии, встречали упорное противодействие со стороны запорожцев, считавших эти земли своей неотъемлемой собственностью. Они трижды направляли в Петербург делегации, добиваясь возврата своих земель. Наоборот, стремление многих влиятельных лиц империи получить богатые земли Новороссии побуждало их создавать отрицательное мнение о казаках. В частности, это относилось к генерал-губернатору Новороссии Г. А. Потемкину. Поддержка запорожцами гайдамаков тоже стало одним из поводов для недовольства. Запорожье было еще необходимо до той поры, пока для России представляло опасность Крымское ханство. После полного разгрома последнего этой необходимости более не существовало.

5 июня 1775 г. генерал-поручик П. А. Текелли с войском, составленным из регулярной пехоты, кавалерии и донских казаков, окружил Сечь и объявил запорожцам, что запорожское казачество упраздняется. После некоторого колебания верх одержали сторонники покорности во главе с кошевым П. Калнышевским. Сечь покорилась, и была разрушена. 5 августа 1775 г. издан был манифест, объявлявший об упразднении запорожского войска с уничтожением самого имени запорожских казаков. Им предоставлено было право зачисляться в карабинерские полки или переходить в крестьянское звание. Кошевого и некоторых других старшин Потемкин отправил в пожизненную ссылку в монастырь, вероятно опасаясь с их стороны какого-либо противодействия своим планам. Не удосужились даже проводить расследование, но Потемкин проявил «милосердие», ходатайствуя перед Екатериной о замене им смертной казни (которой по его мнению они безусловно подлежали) на вечное заточение. Калнышевский человек, ничем перед правительством не провинившийся, содержался в одиночной камере в Соловецком монастыре почти 25 лет, пока не был освобожден Александром I в возрасте 110 лет.

Вслед за ликвидацией Сечи началась щедрая раздача запорожских земель. Г. А. Потемкин, А. А. Прозоровский и А. А. Вяземский получили каждый приблизительно по 100 000 десятин. В 1775 г. Запорожье вошло в состав Новороссийской губернии.

Однако так просто ликвидировать Сечь не удалось. Большинство запорожцев под предлогом рыбной ловли и других промыслов

добывали паспорта, проходили через заставы и собирались у Днепровского лимана на турецкой территории. Летом 1776 г. там собралось до 7 000 этих запорожцев-беглецов, рассчитывавших основаться там под верховенством Порты. Известие об этом вызвало в Петербурге большую тревогу. Через разных посредников и агентов Потемкин начал склонять беглецов к возвращению в Россию и даже выступил с планом возобновления запорожского войска под властью императрицы на какой-либо другой территории, чтобы привлечь туда беглецов.

В 1783 г. запорожским старшинам поручено было собирать охотников для нового войска «верных казаков», позже получившего название Черноморского. Их число превышало 11 тысяч человек. Казаки Черноморского войска отличились во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. в боях при Хаджибеи, Терновце и Бендерах, участвовали в штурмах Очакова, Березани, Измаила. После Ясского мира 1791 г. Черноморские казаки добились получения земель на Кубани, куда из украинских земель переселились десятки тысяч человек.

Эмигрировавшие запорожцы (примерно 12 000 человек) основали Задунайскую Сечь и приняли турецкое подданство. Задунайская Сечь просуществовала до 1828 г., когда во время новой русско-турецкой войны атаман О. Гладкий перешел со своими казаками на сторону России. За это турки учинили погром православного населения и уничтожили Задунайскую Сечь.

Окончательная ликвидация Украинского гетманства

Развитие Новороссии и вторая успешная русско-турецкая война поставили точку на автономии Украины. 8 апреля 1783 г. появился манифест о присоединении к России Крыма, Тамани и кубанских татар. Новороссийский генерал-губернатор Г. А. Потемкин разделил край на две губернии: Азовскую и Новороссийскую. Границей между губерниями был Днепр. В 1775 г. разрешено было селиться в Новороссии грекам; в 1776 г. было образовано 15 новых полков, так что Новороссия, в случае войны, могла выставить более 10000 конницы. В 1778 г. были основаны города Екатеринославль и Херсон. В 1783 г. Норвороссийский край был переименован в Екатеринославское наместничество. С 1784 г. пределы Новороссии расширились с присоединением Крыма, из которого была образована Таврическая область.

Уже в конце 70-х к Новороссии отходит и южная часть Украинского гетманства (Полтавский и часть Киргородского полка). В конце 1780 г. было объявлено о введение губернских учреждений в остальной части гетманства. Окончательная реформа была проведена в 1781 г.: Малороссийская коллегия, генеральный суд и полковое правление были отменены, Украинское гетманство разделено на три наместничества — Киевское. Черниговское и Новгород-Северское и в них введены губернские учреждения. В 1783 г. украинские казацкие полки преобразованы в конные карабинерские, имперского типа с шестилетней службой.

Крестьянское население было приравнено к положению крепостного сословия России. Указ 1783 г., вводивший новое податное обложение, окончательно закрепил крестьянство Украины, без права перехода, и подвел под общеимперские нормы. В 1785 г. с дарованием жалованной грамоты дворянству казацкая старшина вошла в правящую элиту Российскую империю. Вероятно, именно политика Екатерины, даровавшая невиданные в России привилегии дворянству (породив «первое не поротое поколение») объясняет добровольный отказ украинской политической элитой от автономных прав гетманства.

В 1786 г. в украинских губерниях были введены штаты для духовенства и завершена секуляризация церковных имуществ, что лишило украинских церковных деятелей материальной базы для осуществления привычных для них задач просвящения и образования.

Следует отметить, что мнение украинской элиты разделилось. Были и такие, что протестовали. Так известный писатель В. Капнист из старшинского рода Дунины-Борковских (приятель Г. Державина и М. Карамзина) написал по случаю ликвидации полковой администрации Украинского гетманства «Оду на рабство». Он вынашивал планы восстановления казацких формирований, ездил с этим в Петербург, а затем даже ко двору прусского короля Фридриха II, надеясь найти у него союзника на случай, если Украина выйдет из-под протекции Российской империи. Другой же представитель казацкого старинного рода, канцлер А. Безбородко высказался однозначно по поводу восстановлению украинских полков: этим «было бы возмутить свой собственный народ, помнящий времена Хмельницкого и склонный к казачеству. Тут сделалась бы военная нация и тем опаснее, что и Малороссия заразилась бы тот час тем же духом, а за ней и (Новороссия — *Т. Т.*) ... От чего бы вышла нового

рода революция, в которой по крайней мере принуждены будем восстановить гетьманство».

Правобережная Украина. Восстания гайдамаков

После того, как в 1712–1714 гг. Правобережье снова осталось в составе Речи Посполитой, казацкие структуры были там уничтожены, остатки полков перешли на Левобережье. Начинается новый этап наступления католицизма и польской шляхты. Потомки изгнанных еще при Б. Хмельницком польских шляхтичей стремились вернуться в свои имения и заняться восстановлением прежнего хозяйства. Снова на Правобережье поселяются выгнанные в годы казацких восстаний евреи.

Однако почти вековая история правобережного казачества не могла пройти даром. Идеалы свободы и верности религии предков нашли свое отражение в новом движении, получившим название гайдамацкого (от татарского «айда», пойдем). Как и все явления подобного типа, гайдамацкие восстания были неоднородны по составу и идеалам. Поиск добычи и приключений соседствовал с мотивами национальной, религиозной и социальной борьбы. Подобно южнославянским гайдукам, гайдамаки находили широкое сочувствие в народных массах. Поддерживали их и запорожцы, которые сами нередко участвовали в гайдамацких восстаниях. Активными сторонниками гайдамаков являлись киевские мещане и монахи, равно как и монахи пограничных православных монастырей.

Благодаря слабости польской администрации и отсутствию войск, гайдамацкие движения в Правобережье во второй и третьей четверти XVIII в. стали хроническим явлением, временами набирая очень значительную силу. В этом смысле гайдамаки стали серьезным препятствием к развитию шляхетского хозяйства и крепостнических отношений на Правобережье, ускорив падение Речи Посполитой.

Первое гайдамацкое движение было связано со смертью польского короля Августа II (1733 г.) и начавшейся вооруженной междоусобной борьбою с участием иностранных войск в Киевском, Подольском и Волынском воеводствах. Эти события весьма благоприятствовало гайдамакам. Когда русские и украинские войска были введены в Правобережную Украину, это послужило сигналом для массового восстания. Особенной силы оно достигло в Киевщине и Волыни, где

его возглавил сотник Шаргородской надворной милиции И. Верлан. Он призывал крестьян истреблять поляков и евреев, формироваться в казацкие полки.

Призывы Верлана встречали большое сочувствие, а его отряды проникали в окрестности Каменца-Подольского и Львова. Только когда русские войска в качестве союзников нового польского короля Августа сами занялись усмирением восставших, Верлан с полковниками сформированных им полков ушел в Молдавию. Многие гайдамаки укрылись в запорожских владениях.

Новое выступление гайдамаков началось в 1750 г. С весны по осень (обычное время гайдамацких восстаний) почти все Киевское воеводство и Подолия были во власти восставших. Им удалось захватить даже Винницу.

Но наибольшего размаха гайдамацкое движение достигло в 1768 г. (т. н. Колиивщина). Именно в этот период начался новый подъем борьбы за православную веру, связанный с деятельностью «благочестивого правителя» православия всего Правобережья, игумена Мотронинского монастыря Мельхиседек Значко-Яворского и епископа Переяславского и Бориспольского Геврасия. В своих действиях они опирались на политику правительства Екатерины II, открыто и агрессивно поддерживавшей «диссидентов» (т. е. православных и протестантов) в Речи Посполитой. Значко-Яворскому удалось встретиться в 1765 г. с императрицей и получить от ее окружения обещания требовать от польских властей прекращения религиозных преследований украинского населения. Такая же гарантия была получена им от польского короля Станислава Августа. Но польская шляхта схватила игумена и после допросов с пытками бросила в темницу. Обращение общественности к королю привело к освобождению Значко-Яворского.

В 1768 г. в Польше была организована Барская конфедерация, направленная против короля, который призвал на помощь русские войска. Конфедераты в первую очередь решили расправиться с «диссидентами», считая их тайными агентами русского правительства. Конфедераты кровью стали заливать Правобережную Украину, чиня невиданные зверства.

При поддержке русского посла была создана пророссийская Радомская конфедерация, которая призвала российские войска на помощь королю. В этих условиях восстание гайдамаков возглавил послушник Мотроненского монастыря М. Железняк. По преданию,

в лесу под Чигирином Значко-Яворский освятил восставшим мечи. Для привлечения народа был пущен слух о «золотой грамоте» императрицы Екатерины, якобы призывавшей к восстанию (современная польская историография до сих пор считает ее истинной).

К гайдамакам присоединился отряд запорожцев, а также посланный против них сотник надворных казаков И. Гонта — человек состоятельный и образованный. Надо отметить, что владелец Умани С. Потоцкий, покровитель Гонты, был противником Барской конфедерации, и дал Гонте тайные распоряжения, обещая в случае успеха добиться для него шляхетства. Но управляющий Уманью П. Младанович, наоборот был сторонником конфедератов, и даже пытался арестовать и казнить Гонту за сношения с киевскими богословами.

Повстанцы в течение мая-июня захватили Медведовку, Жаботин, Смелую, Канев, Корсунь и наконец, Умань — центр Правобережья, в котором укрылись сотни польских шляхтичей и евреев. Уманская резня стала одной из самых трагичных страниц Колиивщины.

На раде Железняк был провозглашен гетманом и готовился начать военные действия против конфедератов, объявив, что Правобережье присоединяется к Левобережной Украине. Гайдамаки рассчитывали на поддержку со стороны российских войск, которые были введены по просьбе польского короля. В Умань был отправлен полк донских казаков под командой Гурьева, с приказом усмирить восстание и захватить главных его виновников. Гурьев заманил гайдамаков на банкет, уверив их что прислан им на помощь, а затем схватил их. Все «Правобережные подданные» во главе с Гонтой (845 человек) были выданы полякам. «Российские подданные» во главе с Железняком были брошены в киево-печерскую тюрьму, а затем сосланы в Сибирь.

Поляки подвергли гайдамаков зверским казням. 9 человек было четвертовано, 151 обезглавлено, 1 посажен на кол и 57 повешено. Гонту приговорили к 14 дням казни, во время которых с него снимали кожу и отрубали части тела. После трех дней мучений, перенесенных со стоическим мужеством, Гонта по приказу генерала Ф. К. Браницкого был обезглавлен.

Однако кровавая месть польской шляхты стала последним актом их власти. В 1772 г. происходит первый раздел Речи Посполитой. В результате разделов Правобережная Украина вошла в состав Российской империи, а Галиция досталась Австрии.

Основная литература:

1. *Анисимов Е. В.* Петр Великий. Личность и реформы. СПб., 2009.
2. *Антанович В.* Уманский сотник Иван Гонта. // КС, 1882. Т. 4. № 11. С. 250–276.
3. *Артамонов В. Н.* Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы. М., 2009.
4. *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. Т. I–II. СПб., 1880.
5. *Живов В.* Из церковной истории времен Петра Великого. Исследования и материалы. М., 2004.
6. *Заруба В. Н.* Украинское казацкое войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII века. Харьков, 1993.
7. Іван Мазепа: постать, оточення, епоха. К., 2008.
8. *Крупницький Б.* Гетьман Данило Апостол і його доба. Авгсбург, 1948.
9. *Куликова В. Ф.* Иностранцы о ситуации на Украине в первом десятилетии XVIII века. М., 2010.
10. *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010.
11. *Субтельний О.* Мазепинці. Український сеператизм на початку XVII ст. К., 1994.
12. *Таирова-Яковлева Т. Г.* Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., Центрполиграф, 2011.
13. *Трофимчук О.* Пилип Орлик: гетьман еміграції, бароковий поет, автор першої Конституції. Львів, 2009.
14. *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I–II. Казань, 1914.
15. *Хижняк З. І., Маньківський В. К.* Історія Києво-Могилянської академії. К., 2003.

Украина в составе Российской империи

После окончательной ликвидации Украинского гетманства, в начале XIX в. было завершено новое административное устройство Украины. Она была разделена на девять губернией, которые образовывали три региона: Левобережный (состоявший из Черниговской, Полтавской и Харьковской), Правобережный (Киевская, Волынская и Подольская) и Южный (Екатеринославская, Херсонская и Таврийская — т. е. бывшие Запорожье и Крым). Губернии

делились на поветы. В 9 губерниях проживало в 1811 г. 8,7 млн человек.

Управление губерниями было в руках местного дворянства, из числа которого выбирались все основные чиновники (начальник жандармерии, предводитель дворянства, судьи). Поэтому в Полтавской и Черниговоской губерниях власть перешла к потомкам бывшей казацкой старшины.

После разделов Речи Посполитой на Правобережной Украине польская шляхта сохранила в своих руках управление общественно-экономической жизнью украинского крестьянства, а в городах продолжало проживать еврейское население. Никаких послаблений для крепостных Правобережной Украины сделано не было. 90 % крестьян Правобережья были крепостными, в то время как на Слободской Украине — только 50 %.

Начинается постепенное уничтожение Магдебурского права. Большинство украинских городов переходит в губернское правление. В 1835 г. последним потерял свой особый статус Киев.

Одним последствий окончательного вхождения Украины в состав Российской империи стала необходимость отдавать украинских крестьян в солдаты (их начали призывать с 1797 года). Служба длилась 25 лет, поэтому часто солдат сравнивали с осужденными на смерть. При Аракчееве на территории Украины было создано 20 военных поселений, а вся служба сопровождалась жесточайшей муштрой.

То, что закон приравнял казацкую старшину к дворянству, стремление попасть в привилегированную часть общества приводило к тому, что потомками старшины объявляли себя и купцы, и мещане, и рядовые казаки. В результате, в «дворянские списки» попало до 20 000 тысяч человек, не имевших отношения к старшине. Тогда императорская геральдическая канцелярия подвергла сомнениям право всех наследников старшины на дворянство. Среди украинской знати начался шквал протестов, подавались петиции к императору. Потомки старшины стали собирать документы, доказывавшие высокое положение их предков (Маркович, Черныш, Полетика, Милорадович). В 1801–1808 гг. они написали ряд статей о заслугах представителей своих родов. Хотя к 1835 г. конфликт был исчерпан, заинтересованность в исторических корнях осталась, а традиция изучения истории казацких времен была заложена.

Война с Наполеоном

Начиная войну с Российской империей, Наполеон рассматривал Украину как плацдарм для наступления с юга. Во Франции хорошо помнили Мазепу и Орлика и полагали, что в Украине должны быть анти-русские силы. Только в Петербурге проживало 132 тысячи украинцев, среди которых было много недовольных режимом и желавших автономии Украины.

По аналогии с герцогством Варшавским существовал план возобновления украинской независимости в границах центральной ее части под управлением Наполеона. Турции планировалось отдать Крым и черноморское побережье, Австрии — Волынь. Однако эти планы потерпели полный провал.

Буквально накануне войны, в июне 1812 г. на Правобережной Украине было начато формирование украинского конного войска в количестве четырех полков из числа мещан, помещичьих, казенных и ранговых крестьян. Они были сформированы из добравольцев в кратчайшие сроки и поступили в армию Тормасова.

Воодушевленный успехом, Александр I поручил генерал-губернатору Малороссии Я. И. Лобанову-Ростовскому сформировать несколько полков на Левобережье из бывших украинских казаков, обещая сохранить их после войны как постоянное казацкое войско. Это известие вызвало большой энтузиазм. Большинство украинцев охотно откликнулось на призыв царя подняться против врага. На Левобережье быстро собрали несколько полков добровольцев, организованных на казацкий манер. Форма состояла из короткого без пол суконного полукафтана, шаровар, сапог и смушковой шапки. Каждый казак должен был иметь лошадь, а из оружия — пику, саблю и пистолет. Широкая поддержка этих усилий свидетельствовала про популярность казацких идей среди населения. К тому же новоявленные казаки получили освобождение от оброка (но не от подушной подати). Бывшие казаки доставали старые сабли и шли на сборные пункты. Среди добровольцев было немало и потомков бывших старшин. Многие известные деятели Украины приняли участие в этом движении. В частности, И. Котляревский (автор «Енеиды») организовал 5-й казацкий полк. Как он писал, «народ поступал в казаки с удовольствием и без малейшего уныния». В результате, на Левобережье вместо 10 планируемых за месяц было создано 15 полков по 1200 человек и отправлены в распоряжение графа Гудовича.

Кроме того, по указу Александра I начали создаваться земские ополчения. В добровольцы записывались крепостные и государственные крестьяне из различных областей Украины. Размах этого движения весьма напугал правительство, и было решено записывать крестьян только в Полтавской и Черниговской губерниях, находившихся в непосредственной близости к военным действиям. Было набрано 42 тысячи добровольцев.

Украинские полки прикрывали южные района Украины с большими запасами продовольствия, фуража и пороха, участвовали в Бородинском и других сражениях, а также в европейском походе. Все попытки Наполеона поднять восстание в Украине провалились. 1 Бужский полк воевал в составе партизанского отряда Дениса Давыдова, 2-й — у А. Фигнера. Три киевских полка были награждены серебряными трубами.

Хотя герои и были награждены, результаты Отечественной войны отозвались большим разочарованием в Украине. Надежды на восстановление автономии, казачества, ликвидацию крепостничества — не оправдались. Проект М. П. Миклашеского о создании в «Малороссии козачьих полков» из казенных крестьян (численностью до 42 тысяч человек) так и остался на бумаге.

Постепенно приходит понимание необходимости самим бороться за изменение существующих порядков.

Романтизм и казацкая идея

В Европе начало XIX в. ознаменовалось утверждением романтизма с интересом к национальной проблематике и народной культуре. Эти идеи получают распространение и среди интеллектуальной элиты Российской империи. В 20-е годы XIX века казачество и его фольклор становятся объектом живого интереса и своего рода модой среди поэтов, писателей, этнографов. Вероятно, во многом этому способствовали произведения Вольтера и Байрона. В России украинская тематика вызывала интерес и симпатию. К. Рылеев написал цикл поэм, посвященных лидерам украинского казачества — «Северин Наливайко», «Богдан Хмельницкий», «Войнаровский», «Мазепа». В его произведениях казачество выступало в идеализированном образе романтических борцов за свободу («И вот сошлися два народа: и с яростью вступила в бой с тиранством бодрая свобода, кипя отвагой молодой.»). К этой теме обратился и А. С. Пушкин, вложив в уста И. Мазепы весьма значительные слова: «но независимой державой

Украйне быть уже пора: и знамя вольности кровавой я поднимаю на Петра».

В этот период наблюдается серьезное увлечение украинским фольклором. Грузинский князь М. Цертелев, выросший в Украине, опубликовал в Петербурге собрание малороссийских песен. В предисловии к нему говорилось, что эти песни «демонстрируют гений и дух народа, чистую мораль». Фольклор собирали А. Я. Стороженко, И. И. Срезневский (издавший «Запорожскую старовину») и др.

Значительную роль в популяризации истории казачества сыграла знаменитая «История Русов». До сих пор в историографии ведутся споры, кто был ее автором, когда и где она была написана. Согласно новейшим исследованиям С. Плохия, это произведение было создано во втором десятилетии XIX в. в стародубском семейно-соседском кружке черниговского предводителя дворянства — Степана Ширяя. Долгие десятилетия История Русов не публиковалась, но распространялась по Украине и России в рукописных списках. Издана «История Русов» была только в 1846 г. Это был скорее политический трактат, чем научная работа. Казачество было представлено там в романтическом духе. Подчеркивалось, что украинский народ — отдельный от русского. Также говорилось, что Малая Россия, а не Московское (Российское) царство является прямой наследницей Киевской Руси. Автор писал, что в отличие от вольнолюбивых украинцев «в народе московском владычествует самое неключимое рабство и невольничество в высочайшей степени... человеки, по их мыслям, произведены в свет, будто для того, чтобы в нем не иметь ничего, а только рабствовать»[1]. В книге выражался яростный протест против крепостничества и воспевалась свобода. Таким образом, с одной стороны, яркое описание казацкой истории привлекало к ней внимание, а с другой — заставляло задуматься о месте Украины и проблемах в Российской империи.

В начале XIX века появляется еще одной новое явление: польское украинофильство — как любовь к краю, прежде являвшемуся частью Речи Посполитой. Среди польской шляхты распространяется отношение к Украине, казачеству, как семейным спорам милого прошлого. Ярким примером этого явления был граф В. Ржевусский, который в своем замке в Саврони возрождал казачество. С помощью украинского поэта Т. Падуры и бандуристов, он занимался

[1] История Русов. М., 1846. С. 98

популяризацией казачества и его истории. В свою очередь Ржевускому посвятили свои поэмы А. Мицкевич и Ю. Словацкий.

Возобновления интереса к прошлому было особенно важно на фоне того, что в 1817 г. Синод закрыл Киево-Могилянскую академию, а в 1819 г. в ее помещении открыл Киевскую духовную академию. Таким образом, Украина лишилась своего легендарного высшего научного заведения. Все попытки образованной общественности добиться создания на базе академии университета провалились.

На фоне «казацкой моды» и увлечения фольклором возникает потребность в серьезном изучении истории. В 1822 г. была написана 4-х томная история Малороссии Д. Н. Бантыш-Каменского. Русский историк, сын великого архивиста, работавший в Полтаве в канцелярии генерал-губернатора, сумел заинтересовать историей многих украинских дворян. Правда, он представлял концепцию, что, несмотря на свою героическую историю, украинцы являются только частью русского народа. Но на деле, привлекая огромный архивный материал, Бантыш-Каменский сумел написать одну из самых аполитичных и глубоких работ.

Другим выдающимся историком этого периода был О. Бодянский, профессор московского университета, родившийся на Полтавщине, возглавлявший журнал «Чтение в императорском обществе истории и древностей российских». Именно там он впервые опубликовал казацкую летопись Самовидца, летописные работы Ригельмана и Симоновского и ряд других важнейших источников по истории Украины.

В этот период появляются и первые работы по украинскому языку. В 1818 г. была опубликована «Грамматика малороссийского наречия» А. Павловского, в 1823 г. И. Войцехович издал словарь украинского языка.

Крупнейшим научным центром украинского возрождения стала Слободская Украина, где в 1804 г. по инициативе просвещенной громады открылся университет в Харькове. Инициатива создания университета принадлежала выдающемуся просветителю России В. Н. Каразину. Его усилиями местная громада собрала необходимую для создания университета сумму, а император Александр I выдал соответственную грамоту. В тот момент это было единственное высшее учебное заведение на украинских землях. Создание харьковского университета выпало на либеральный период в истории России. При университете была основана типография, начато

издание газет, журналов, альманахов, которые освещали не только социально-экономические и политические вопросы, но и историческое прошлое украинского народа, самобытность украинской культуры. В 1816–1819 гг. в Харькове издавался первый популярный журнал на украинском языке «Украинский вестник». Он популяризировал знания в истории, этнографии, географии Украины. Издавались в нем и литературные произведения. В частности, там публиковались украинские произведения П. Гулак-Артемовского.

При Харьковском университете создался кружок харьковских романтиков, которые писали литературные произведения на украинском языке, ставили пьесы И. Котляревского. Именно в харьковском университете увлекся украинским языком и историей Н. Костомаров. При харьковском университете в 1812 г. создается первое в Украине товарищество наук, прообраз современной Национальной академии наук.

Другой центр в 20-е годы создается вокруг Полтавы, во главе с И. Котляревским. Важным центром стала и Одесса. В частности — «Одесское товарищество истории и старожитностей». В «Одесском альманахе», «Одесском вестнике» и «Записках» публикуются многие материалы по истории Украины. Особенное внимание уделялось истории Запорожской Сечи.

Тайные общества и концепция «большой русской нации»

Несмотря на внешнее спокойствие, в украинском обществе зрело серьезное недовольство, охватывавшее различные слои общества — от крепостных до дворянства. Ярким свидетельством этого стало движение У. Кармелюка, охватившее Литинский повет Подольской губернии. Действуя в традициях гайдамаков, он нападал на польские усадьбы, и хотя был скорее просто разбойником, но пользовался огромной поддержкой не только местных крестьян, но и сочувствием местной элиты. Кармелюка четыре раза арестовывали и ссылали в Сибирь, но каждый раз он сбегал и возвращался. В 1830–35 гг. движение охватило все Подолье и насчитывало до 20 тысяч человек. В 35 году Кармелюк был убит польским шляхтичем по преданию «серебряной пулей».

Украина стала центром многих тайных обществ, носивших различные политические задачи. В частности — масонские ложи. В 1817 г. была создана масонская ложа в Одессе «Понт Эвксинский», которую

возглавлял генерал-губернатор Новороссии А. Ф. Ланжерон. В нее входило 70 человек — военные и чиновники. Другая одесская ложа «Три царства природы» была организована внуками К. Разумовского. Киевская масонская ложа «Соединенных славян» (1818–1822) насчитывала 80 членов и в основном состояла из польской интеллигенции. Главной ее идеей было освобождение Украины из-под власти Российской и Австрийской империй. Полтавская ложа «Любовь к истине» обсуждала национальные проблемы Украины и поддерживала отношения с декабристами.

Южное общество декабристов базировалось в Украине, в Тульчине. П. Пестель сумел присоединить к себе «Товарищество объединенных славян», среди руководителей которого были два украинца — братья Борисовы. Общество выступало за федеративный союз России, Польши, Молдавии, Валахии, Сербии, Далмации и Моравии. Каждый член федерации должен был получить свою конституцию и правительство, самостоятельно решая внутренние проблемы. Южное общество установило контакты с польским Патриотическим обществом и к 1825 г. объединяло почти 160 офицеров.

Главным документом была «Русская Правда», включавшая пункт о ликвидации всякого социального и политического неравноправия, модернизацию управления страной. Правда, в этом документе говорилось, что за исключением поляков — народа с высокоразвитой культурой, все остальные подлежали русификации.

«Малороссийское товарищество», общество сторонников украинской автономии, возглавлял В. Лукашевич. Его членами были помещики и чиновники А. Величко, И. Котляревский, С. Кочубей и др. Они выступали за пропаганду традиций и славной старины Украины, за идею государственной независимости Украины, как основного условия развития национальной культуры, а также за отмену крепостничества и использование западных форм государственного устройства.

Подавление восстания декабристов и, в частности, восстания Черниговского полка, стало серьезным ударом по политическим организациям Украины. Однако уже в 1830 г. началось польское восстание.

Оно было инициировано в Варшаве тайным товариществом молодых польских офицеров. В начале 1831 г. повстанцы вступили на Волынь, рассчитывая на поддержку жившей там шляхты. Поляки провозгласили знаменитый лозунг «За нашу и вашу свободу». Но чтобы

украинские крестьяне встали на сторону ненавистных поляков, нужно было что-то большее. Некоторые руководители восстания объявляли об освобождении крепостных, и это встречало большую поддержку крестьян. Но не все руководители польского восстания поддерживали это заявление. Поэтому большинство украинцев придерживалось нейтралитета.

Хотя Украина в отличие от Белоруссии не поддержала польское восстание, репрессии, обрушившиеся на Царство Польское, затронули и украинские губернии. После подавления восстания, начинается процесс преобразования Западных земель, т. е. Правобережья, Белоруссии и Литвы. Одной из поставленных задач была русификация края. В ноябре 1831 г. в Киеве была создана комиссия во главе с В. Кочубеем, задачей которой было приведение западных губернией в соответствие со всей остальной империей. За несколько месяцев закрыли все польские школы, а школьное обучение перевели на русский язык. В Кременце закрыли знаменитый польский лицей.

Генерал-губернатор Подолии и Волыни Д. Г. Бибиков за период 1837–1852 гг. превратил Киев в бастион русской культуры и твердыню царской армии. Отсюда выселялись украинские купцы и приглашались великорусские. Опираясь на огромную армию, Бибиков издал указ, лишивший 60 т. польских шляхтичей дворянских грамот. Многих выслали вглубь России, 3 т. конфискованных владений были превращены в военные поселения. Отмена Литовского статута в 1842 г. (вместе с более ранней отменой Магдебургского права) лишало украинские земли западной юридической формы.

На фоне репрессий и насильственной русификации в Российской империи утверждается концепция «большой русской нации». Цензуре предписывалось не допускать в украинской литературе «преобладания любви к отечеству» над любовью к империи. Политически неблагонадежным считались все, кто интересовался украинской стариной. В московском университете всерьез говорили о том, что украинского языка не существует, а есть только испорченный поляками русский.

Постепенно складывается представление о «малороссах», как о представителях низших классов, культурные особенности которых значительно уступают великороссийским. Влияние украинского барокко и Киево-Могилянской академии на становление российской имперской культуры было к тому времени напрочь забыто

и умышленно замалчивалось. Формируется так называемый «малороссийский менталитет», когда успешные представители Украины стремились подчеркнуть свою «русскость» и нарочито пренебрежительно высказывались о «малороссах».

Ярким примером этого «малороссийского менталитета» может служить И. Ф. Паскевич, происходивший из казацкого старшинского рода, князь, генерал-фельдмаршал, прославившийся не только своими действиями во время Отечественной войны 1812 г., но также на Кавказе и подавлением польского восстания 1830–1831 гг., в частности взятием Варшавы.

В 1839 г. началась компания превращения униатов в православные. К этому времени в Волынской, Подольской губерниях и Белоруссии насчитывалось 2 миллиона униатов. Д. Г. Бибиков практически уничтожил униатскую церковь, которая сохранилась только в окрестностях Холма.

Из положительных результатов деятельности Бибикова было основание в 1843 году Временной Комиссии для разбора древних актов (Археографическая), которая хотя и была направлена на выявление доказательств, что Правобережная Украина с давних времен являлась российской, но объективно это стало первым систематическим собранием украинских архивных документов. Туда вошли архивные собрания присутственных мест и монастырей Киевской, Подольской и Волынской губерний, кременецкого, луцкого и владимирского уездных судов, собора Почаевской лавры, римско-католической консистории, архива бывшей униатской митрополии в Радоме, а также от многих помещиков Киевской, Подольской и Волынской губерний.

Более спорными были результаты введения так называемых «инвентарных правил», фиксировавших панщину (дни и порядок), отменявших натуральные поборы и ограничивавшие права владельцев над их крестьянами. Хотя это были полумеры на пути ликвидации ненавистного крепостничества, но новые правила только подстрекнули бунты крестьян, толковавших их по-своему и охвативших в 1855 г. половину Киевщины.

Формирование национальной идеи. Кирилло-мефодиевское братство

В 1834 г. в Киеве открывается университет св. Владимира. Его ректором стал известный историк и фольклорист М. А. Максимович.

Для поколения 40-х главной задачей было объединение национальной культуры с политической идеологией.

Именно такую роль сыграло Кирилло-Мефодиевское братство. Во главе его стояли Н. Костомаров (историк, преподаватель университета), учитель В. Белозерский (из дворян) и Н. Гулак (мелкий, но высокообразованный чиновник), П. Кулиш (писатель и преподаватель гимназии) и великий украинский поэт Т. Шевченко. Всего братство включало десяток активных членов и нескольких десятков сочувствующих. На протяжении 14 месяцев братья собирались несколько раз на философские и политические дискуссии и подготовляли положения своей программы. Основные положения были сформулированы Н. Костомаровым в работе «Закон Божий» (Книга бытия украинского народа). Она была написана в духе романтизма и идеализма, с уважением христианскими ценностями и панславянским элементам. Программа призывала к переустройству общества на основах равенства и свободы. В ней излагалась история Украины (использовался именно этот термин): «не любила Украина ни царя, ни пана, а составила у себя казацтво, т. е. братство, куда каждый, вступая, был братом других». Резко критиковались «польские паны и московский государь», поделившие Украину: «Но скоро увидела Украина, что она попалась в неволю, ибо она по своей простоте не узнала, что такое значит царь московский, а царь московский значил то же, что идол и мучитель». Про Екатерину Костомаров писал, что она «кончила казацтво... одних поделала господами, а других рабами». Будущее Украины описывалось в псевдобиблейском стиле по аналогии с воскрешением Христа: «Встанет Украина из своей могилы и опять воззовет к братьям славянам, и услышат воззвание ея, и восстанет Славянщина...».

Среди конкретных шагов предлагалась отмена крепостного права, ликвидация юридических различий между классами, доступность просвещения для масс. Национальный вопрос занимал основное положение у общества и базировался на панславизме. Столицей федерации должен был стать Киев, где должен был собираться высший орган — собор. Первой на пути создания федерации должна была пойти Украина, которую считали наиболее готовой из-за отсутствия у нее знати. Братчики считали, что Украина станет независимой республикой (Речью Посполитой) в конфедеративном славянском союзе.

Участники братства расходились во мнение, что считать первоочередными задачами. Для Костомарова это было единство и братство славян, Шевченко требовал социального и национального освобождения украинцев, а Кулиш настаивал на необходимости развития украинской культуры. Большинство высказывалось за эволюционные методы, надеясь, что общее образование, пропаганда и моральный пример, который они будут подавать властям — это лучшие способы достижения поставленных целей. В отличие от них Шевченко и Гулак представляли меньшинство, которое полагало, что только революционным путем можно достигнуть желаемых перемен.

После доноса в марте 1847 г. полиция арестовала руководителей Кирилло-Мефодиевского братства и доставила их в Петербург. Год они провели в одиночных камерах Петропавловской крепости. В III отделении не имели иллюзий в отношении целей Кирилло-Мефодиевского товарищества. Шеф жандармов граф А. Ф. Орлов писал начальнику 5-го округа корпуса жандармов А. А. Шмели: «в Киеве же и Малороссии славянофильство превращается в украинофильство. Там молодые люди более заботятся о восстановлении языка, литературы и нравов Малороссии, доходя даже до мечтаний о возвращении времен прежней вольности, казачества и гетманщины».

По приговору Костомаров провел год одиночного заключения в Петропавловской крепости, а затем был заслан на восемь лет вглубь России. Гулака присудили к трем годам тюрьмы. Самая суровая кара постигла Шевченко — его отдали в солдаты на 10 лет. Сам Николай написал «под строжайшим наблюдением и запретом писать и рисовать».

Революция 1848 г.

Революция 1848 г. нашла большой отзвук в Украине. Крепостной крестьянин С. Олийничук, втайне от своего помещика закончивший гимназию, написал книгу «Исторический рассказ природных или коренных жителей Малороссии Заднепровской». В книге критиковались пороки феодально-крепостной системы, тяжелое положение крестьян, их бесправие и полную зависимость от помещиков-самодуров. В 1849 г. Олийничук был арестован и брошен в Шлиссельбург, где умер в 1852 г.

Революционные события политизировали и жизнь Галиции. Львовские украинцы от имени всего украинского населения края

отослали австрийскому императору петицию с требованиями кардинальных изменений в области культурной политики. Они настаивали на введения украинского языка в школах, издание законов на украинском языке и знание его всеми чиновниками, уравнение в правах духовенства всех вероисповеданий, получение украинцами права доступа в любые государственные учреждения. 2 мая 1848 г. была создана национально-политическая организация Головна Руська рада. Она должна была отстаивать интересы украинцев в Австрийской империи, призывала к национальному пробуждению. Было создано 50 городских рад и 12 окружных. В результате украинское население получило право на представительство в первом австрийском парламенте (39 депутатов). Они требовали улучшения социально-политической жизни и решения национально-духовных вопросов. Во львовском университете летом 1848 г. была открыта кафедра украинского языка и литературы во главе с поэтом и литературоведом Я. Головацким.

В 1851 г. Руська рада была запрещена, но другие завоевания галицийских украинцев остались.

Реформы Александра II и начало громадских движений

Поворотным моментом для центральной Украины стали события Крымской войны 1854–1855 гг. Тысячи крестьян были забраны в полки, другие ушли добровольцами. Продовольствие подлежало конфискации или скупалось за бесценок. Особенно остро проявились проблемы с транспортом. Нарастало недовольство. После смерти Николая I Александр II подписал Парижский мирный договор, по которому Россия уступила Молдавии часть Бессарабии, с крепостью Измаилом, обязывалась срыть все укрепления по берегам Черного моря и лишалась доступа туда для военных кораблей.

Война проявила необходимость реформ. Долгожданный указ 1861 г. отменил крепостное право. Для Украины с ее великолепным черноземом, которая давала 68 % пшеницы европейской России, земельный вопрос всегда был и оставался важнейшим. В результате реформы крестьяне потеряли 15 % общей площади земель находившихся в их пользовании. Средний надел крестьянина в украинских губерниях равнялся 4,5 десятины. Ставшие лично свободными крестьяне оставались податным классом, платили подушный налог и отбывали рекрутскую повинность. Крестьянин не мог свободно

выйти из сельской громады, сменить место жительство или перейти в другой класс. Крестьяне оставались единственной категорией граждан, которых можно было наказывать розгами.

Другой, не менее важной реформой, стало образование земств (на Правобережье они не вводились из-за опасения усиления влияния польской шляхты). В ведение земствам перешли школы, дороги, почта, статистика. Это создавало условия для сельской украинской интеллигенции организовать начальное образование. В Петербурге громадой было организовано издание «народных книжек» и школьных учебников.

Реформы Александра II создавали городские думы и самоуправление. Таким образом, в украинских городах после нескольких десятилетий со времен уничтожения Магдебургского права, снова была установлено демократическое правление.

Судебная реформа 1864 г. вводила присяжных избирателей, ликвидировала сословное деление, создавала институт адвокатов. Образовательная реформа 1864 г. устанавливала два типа гимназий: классические и реальные. В 68 г. была разрешена автономия университетам, включая избрание ректора и конкурсное избрание профессоров.

Наконец, в 1864 г. была проведена военная реформа. В Украине были созданы Киевский и Одесский военные округа. Срок солдатской службы устанавливался 6 лет в сухопутной и 7 лет во флоте, что было огромным шагом вперед по сравнению с 25. В Украине начали строить железные дороги — в 1865 г. Одесса-Балта, в 1869 г. — Курско-Харьковско-Азовскую, в 1873 г. — Киев-Брест.

60-е годы XIX в. становятся периодом «оттепели», а соответственно и периодом национального подъема. Центр украинистики перемещается в Петербург. Сюда возвращаются из ссылки Шевченко, Кулиш и Костомаров. Украинские меценаты В. Тарновский и Г. Галаган основали там украинскую типографию, в которой публикуются работы Кулиша «Записки о Южной Руси», «Черная рада», произведения Т. Шевченко и И. Котляревского. В 61–62 г. в Петербурге издается журнал «Основа». В нем было впервые опубликовано более 70 произведений Т. Шевченко, многочисленные воспоминания и ценные документы по истории Украины. Костомаров в это время писал: «Мы желали бы сверх того, чтоб правительство не только не препятствовало нам, украинцам, развивать свой язык, но оказало бы этому делу содействие и сделало теперь же распоряжение,

чтобы в школах, которые, — как оно уже само объявило, — будут заведены для нашего народа, предметы преподавались на родном языке, ему понятном, а не официально-великороссийском...».

В 60-е годы начинается и громадское движение. В Киеве в конце 50-х годов создается первая Украинская громада (общественное объединение), призывавшая отдавать все свои силы для развития самосознания народа. Участники громадского движения считали, что ко всем братьям-славянам следует относиться дружелюбно и помогать им в борьбе. Они провозглашали солидарность с идеями прогрессивной русской интеллигенции.

«Оттепель» была недолгой. В 1861 г. в связи с выступлением студентов был закрыт Санкт-Петурбургский университет. Петропавловская и Кронштадская крепости были переполнена. Костомаров тоже был арестован и доставлен к генерал-губернатору. Более никогда он не имел возможности преподавать. Чиновники не позволили ему поступить ни в киевский, ни в харьковский университеты.

Тем не менее, 60-е годы стали началом массового громадского движения (украинофильства). В нем имелось и радикальное крыло, представленное «Хлопоманами» — студентами, демонстрировавшими свое единство с народом. Они переодевались в национальные одежды, ходили по селам, собирали народные песни, занимались организацией сельского образования. Но многие настороженно смотрели на их деятельность, особенно польская шляхта Правобережья. Вскоре хлопоманы попали под полицейский надзор, были несправедливо обвинены в участии в польском восстании 1663–1664 гг. и прекратили свою деятельность.

Второе направление громадского движения носило культурно-просветительский характер. Лидером этого направления был Н. Костомаров. Его участники открывали школы, библиотеки, читали публичные лекции. Попечителем киевского округа в то время был выдающийся русский врач Н. И. Пирогов, поддерживавший начинания громадцев. Пирогов отличался не только полнейшей веротерпимостью, но и уважении ко всем народам, входящим в состав его округа. Громадцы не преследовали политических задач и не были сторонниками террора.

Борьба с украинским национальным движением

Тем не менее, царское правительство усмотрело в украинском национальном движении угрозу. По инициативе Киевского

цензурного комитета в 1863 г. было разослано предписание управляющего министерства внутренних дел России П. А. Валуева, запретивший издания украинской религиозной, учебной и научной литературы. Предписание, хотя и данное тайно только в определенные инстанции, было высочайше одобрено императором Александром II. «Никакого отдельного малороссийского языка не было, нет и быть не может» объявлялось в документе. Есть только малороссийское наречие, которым пользуются простолюдины и которое не что иное, как русский язык, испорченный поляками. Попытки создания «украинского языка», перевода на него Нового завета и т. д. рассматривались «порождаемыми стремлением обособить украинский язык и доставить здешнему народу возможность обходиться без употребления общерусского языка». Подчеркивалось, что это «явление это тем более прискорбно и заслуживает внимания, что оно совпадает с политическими замыслами поляков и едва ли не им обязано своим происхождением». Следует учесть, что документ принимался в разгар польского восстания 1663–1664 гг., При этом, как ни парадоксально, концепция украинского языка, как испорченного русского, была широко распространена как раз среди поляков, которые, объявив целью восстания восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г, остро реагировали на украинские автономные заявления. Только министр народного просвещения А. В. Головнин выступил категорически против запрета. Он писал, что «старание литераторов обработать грамматически каждый язык или наречие и для чего писать на нем и печатать весьма полезно в видах народного прсвещения и заслуживает полного уважения». Он отмечал, что если «книги, писанные на малороссийском языке, употребляются как орудие для антирелигиозной или политической пропаганды, то цензура обязана запрещать подобные книги, но запрещать *их за мысли,* в них изложенные, *а не за язык,* на котором писаны». Однако голос министра услышан не был.

После подавления польского восстания правительство начинает политику активной русификации, которая осуществлялась через школу, церковь и все официальные институты. Отсутствие печатных изданий на украинском языке серьезно способствовало успехам русификации. Но, как писал Костомаров И. С. Аксакову: «в глубине души каждого думающего и неглупого украинца спит Выговский, Дорошенко и Мазепа — и проснется, когда настанет подходящее время».

В конце 60-х начинается возрождение громад — в Киеве, Полтаве, Чернигове и других городах. Вступление в громады не афишировались, заседания проводились тайно. Громады вели в основном научную и издательскую работу. На заседаниях обговаривались общеполитические и теоретические проблемы национального движения.

Громады этого периода тоже были не однородны. Имелись и радикалы и либералы. Консервативное крыло возглавлял известный историк, археолог и этнограф В. Антонович. В январе 1873 г. его соратники создали «Историческое товарищество Нестора-летописца» при университете св. Владимира. На заседаниях основное внимание было уделено истории и археологии Украины и Юга России. Общество публикует «Чтения в историческом обществе летописца Нестора», в которых издавались статьи и материалы по истории и археологии Украины, памятники церковно-полемической литературы, акты по истории землевладения и др.

В 1873 г. было открыто Юго-западное отделение Императорского географического общества. Общество (насчитывавшее 200 членов) ставило перед собой задачу всестороннего изучения родного края. Активными его участниками были публицист М. Драгоманов, историк А. Лазаревский. Драгоманов издал сборник украинских сказок, П. Чубинский опубликовал обширную работу по этнографии Правобережья. Лазаревский опубликовал серию статей по истории Украины, в частности — историю казацких старшинских родов.

Публиковались легенды, древние документы, летописи, перепись населения, 7 томов этнографическо-статистической экспедиции.

В 1874 г. общество провело в Киеве 3-й общероссийский археологический съезд, который стимулировал открытие археологических музеев и изучение памятников старины. В 1859 г. началось издание газеты «Киевский телеграф», в которой обсуждали наряду с историческими и литературными, также и насущные проблемы народа, в частности — негативные стороны реформы 1861 г., необходимость увеличения крестьянских наделов. Говорилось и о федеративном устройстве России с широкой автономией для Украины. «Киевский телеграф» издавал и «Литературное приложение».

Против газеты разгорелась борьба. Полтавский помещик М. Юзефович обвинил авторов в том, что они хотят, чтобы Украина была республикой во главе с гетманом, а саму газету называли органом сепаратистов. Была создана специальная комиссия «для прекращения украинофильской пропаганды», результатом деятельности

которой стал Эмский указ 1876 г. В нем запрещалось Юго-западное географическое общество. Сохранение «малорусского наречия» рассматривалось как потенциальная угроза к отрыву Украины от России. Был закрыт «Киевский телеграф». Запрещалось ввозить из-за границы какие-либо книги на украинском языке, переводить на украинский язык иностранные произведения — за исключением художественной литературы и исторических памятников. Запрещено ставить и писать пьесы, тексты песен и публичные чтения на украинском языке, преподавать язык в начальной школе. Предписывалось изымать украинские книги из библиотек.

Часть громадских активистов уехала заграницу, другие сконцентрировались на научной деятельности — в частности Лазаревский, Антонович. Их усилиями в 1882 г. был открыт журнал «Киевская старина», издававшийся на русском языке. Журнал выпускался до 1907 г. и играл большую роль в пробуждении национального самосознания. Под его влиянием активизировались научные изыскания, украинская культура завоевывала новые позиции.

Но многие деятели украинского громадского движения уехали заграницу. Например, М. Драгоманов и С. Подолинский, которые основали в Женеве украинские издания, в частности журнал «Громада». Программа Драгоманова предусматривала предоставление автономных прав Киевской, Одесской и Харьковской областям. Он был сторонником социалистических идей в виде федерации рабочих и земледельческих громад.

Активизация украинских организаций в конце XIX в.

В 90-е годы громадское движение продолжило свое развитие. Организуется «братство тарасовцев», оформившееся на могиле Шевченко в Каневе и ставившее задачу реализовать основные идеи поэта. Основной успех тарасовцы имели в Харькове, где более 20 человек объединились в «Харьковскую громаду». Они занимались организациями лекций, тайными собраниями, создали библиотеку из нелегальных изданий, поддерживали связи с Полтавой, Черниговым, Киевом, Александрией, Херсоном и Одессой. Основной документ, подготовленный этой группой — «Кредо веры молодых украинцев». Они заявили несогласие с украинофилами из-за их связи с русской культурой и попытками стать космополитами. Тарасовцы выступали за демонстративную украинизацию: говорить только по-украински, добиваться введения этого языка в школах, воспитывать детей

в украинском духе и т. д. Они ставили задачу освободить все народы от деспотизма и централизма. В 1893 г. прошли массовые аресты тарасовцев, и они прекратили свое существование.

Тем не менее, тарасовцы стимулировали развитие студенческих движений. Организуется харьковская студенческая громада (100 ч.), полтавская семинарская громада и др. Всего в Украине насчитывалось около 20 громад. Основная идея — принципы независимости Украины, ее федерализма или автономизма в составе Российской империи. Громады организовывали различные вечера, спектакли, лекции, встречи. В 1898 г. громады провели нелегальное собрание, посвященное памяти Тараса Шевченко, в котором принимали участие представители польского, грузинского и армянского землячеств. На собрании читали произведения поэта, пели песни на его слова, а также запрещенный гимн «Ще не вмерла Україна».

В 1898 г. прошел нелегальный съезд представителей всех студенческих громад. Принятое решение призывало студентов добиваться свободы слова, печати, собраний, культуры, просвещения, литературы, украинского языка. В Киеве усилиями громад было создано издательство «Век» и открыт книжный магазин. На съезде 1899 г. было принято решение, что основной причиной тяжелого социально-политического и культурного положения украинского народы является абсолютизм. Отсюда делался вывод о необходимости его уничтожения в интересах украинского народа.

В 1900 г. в Харькове студенты создали Революционную украинскую партию, выступавшую за национальные права, политическую самостоятельность Украины и социальную революцию. Отделения партии имелись в Киеве, Харькове, Полтаве, Лубнах, Прилуках, Екатеринославе. Основными членами партии были студенты гимназий и университетов. Вскоре политические дебаты привели к расколу партии. Большинство во главе с писателем В. Винниченко и журналистом С. Петлюрой выступали за национальную партию, в которую входили бы только украинцы, и которая объединяла бы национализм и марксизм. В 1905 г. ими была создана Украинская социал-демократическая рабочая партия.

Большое значение для развития украинской национальной идеи имела деятельность земств. Земства способствовали введению прогрессивных законодательных актов. Строили помещения школ, создавали почтовую связь, проводили научные статистические исследования. Занимались земства и неразрешенной правительством

деятельностью: формированием школьных программ, организацией курсов учителей, поднимали вопросы тяжелого положения крестьян. В 1878 г. состоялось нелегальное собрание земских либералов в Нежине, в своей резолюции подчеркнувшее необходимость изменения внутреннего устройства Российской империи и введения конституции.

Национальный подъем в Галиции

В то время как деятельность украинских организаций в Российской империи была крайне ограничена политической цензурой, в Галиции сумели широко воспользоваться плодами революции 1848 г. Появляется ряд организаций, направленных на развитие самосознания украинцев, их образования и расширения интереса к собственной истории и культуре.

В 1868 г. было создано товарищество «Просвита». К 1914 г. товарищество имело уже 816 читален и 19 филиалов в 75 % населенных пунктов Галиции. Финансировалось оно состоятельными участниками национального движения. С Просвитой было тесно связано и националь-кооперативное движение в Галиции, организованное и возглавленное митрополитом Галицким Андреем Шептицким. Блестяще образованный (он был доктором юридических наук, филологии и богословия), молодой и богатый митрополит стал катализатором галицийского движения. Под руководством молодых юристов, священников, учителей население городов и сел организовывало кооперативы, кредитно-ссудные организации, на средства которых строили громадские магазины, склады, читальни, школы. Интересы самого Шептичкого были чрезвычайно широки. Он создал хлеборобскую и садовническую школы, церковный музей, в котором собрал одну из наибольших в Европе коллекций икон. Добился назначения греко-католических епископов для США и Канады (центров украинской эмиграции этого периода).

В 1873 г. создается Научное Товарищество им. Т. Шевченко. Оно было основано на средства полтавской помещицы Е. Милорадовой-Скоропадской (теткой будущего гетмана). Особого развитие товарищество достигло, когда в 1894 г. его возглавил М. С. Грушевский. На базе товарищества возникла выдающаяся школа украинистики, куда помимо Грушевского входили М. Кордуба, С. Томашевский, В. Герасимчук и др. Эти историки издавали документы,

публиковали Записки НТШ. Во Львове в рамках НТШ Грушевский начал издавать свой великий труд «История Украины-Руси».

В 1896 г. галицкие народовольцы объединились с частью радикалов в Украинскую национально-демократическую партию. Ее члены выступали за расширение чувства единство с российскими украинцами и стояли на автономных позициях. Радикально настроенные деятели освободительного движения в Галиции основали в 1904 г. Украинскую радикальную партию, выступавшую за утверждение идеалов научного социализма, демократизацию общественной жизни. Основоположниками партии были Б. Гринченко, Е. Левицкий.

В Галиции в 1902 г. были созданы организации молодежи «Соколы» и «Сичи», предполагавшие воспитание молодежи в традициях украинского казачества.

Революция 1905 г. Украинская думская громада

Начало XX в. ознаменовалось ростом политической борьбы в Российской империи, затронувшей и Украину. В Харькове в 1900 г. прошли массовые демонстрации, приуроченные к 1 мая. Участники требовали 8-часового рабочего дня и гражданских свобод. Студенты Активно выступали за отмену ограничений на развитие национальной культуры. В 1901 г. сто восемьдесят три студента киевского университета, активистов национального движения, были отданы в солдаты. В ответ началась студенческая забастовка, в которой приняло участие 30 тысяч студентов Киева, Харькова и Одессы. Их поддерживали и студенты львовского университета. В выступлениях принимали также участие старшие учащиеся гимназий, семинарий, технических школ.

Попытки российских социал-демократов возглавить украинские выступления не имели успеха. Не имели успеха и попытки русских эсеров возглавить движение украинских крестьян. Идея «общинного социализма» не встречала поддержки в Украине. Прокламации, написанные на русском языке, часто были непонятны украинскому крестьянству. Популярностью среди крестьян пользовалась Революционная украинская партия.

В 1902 г. выступления крестьян охватили 337 сел полтавщины, харьковщины и смежных уездов. В восстании участвовало до 40 тыс. человек. Было разгромлено 105 помещичьих имений. Крестьяне захватывали хлеб, скот, инвентарь. Восстание было подавлено

войсками, происходили массовые экзекуции. 1092 человек были преданы суду, из них 836 человек приговорены к тюремному заключению. Кроме того, правительство возложило на крестьян возмещение убытков помещикам в сумме 800 тыс. руб.

В политизированной борьбе активную роль играли и земства. В 1901 г. прошел съезд земств в Полтаве, на котором было принято решение требовать отмены телесных наказаний для крестьян. Большинство служащих земств — статистики, агрономы, землемеры, врачи и учителя требовали политических свобод, ликвидации крепостнических пережитков и созыва Земского собора для выработки конституции.

Отмена политической цензуры в Российской империи привела к появлению работ по истории Украины. В 1905 г. в Петербурге был издан «Очерк истории украинского народа» М. Грушевского. В 1906 г. там же вышла написанная ранее блестящая работа А. Ефименко «История украинского народа». В 1907 г. вышло первое полное издание «Кобзаря». Украинская громада начала массовое движение за отмену постановлений 1863 и 1876 г. о запрете украинского языка. Перед правительством России поставлена была также требование об учреждении кафедр украиноведения в трех университетах Украина: Киевском, Харьковском и Одесском. Это притязание было поддержано не только студентами всех вузов Украины, но и широкими кругами гражданства, рабочих и крестьян. Правительство удовлетворило это требование.

Вскоре после опубликования Манифеста, в котором говорилось и о свободе слова, появилась периодическая печать на украинском языке. В 1906 г. в разных городах Украины выходило 18 украинских газет и журналов, ав 1907 г. их было уже 24. Перешел на украинский язык и старейший в то время в Украине журнал «Киевская старина». Он начал издаваться под названием «Україна», но просуществовал только до конца 1907 г. Первым изданием, печатавшимся на украинском языке, стала газета «Хлібороб», выходившая в Лубнах. Были основаны общественно-политические журналы — «Дзвін», «Рідний край», «Посів» идр.

В июле-августе 1903 г. юг Украины охватила массовая политическая стачка, в которой участвовало в Одессе — ок. 40–50 тыс., в Николаеве (21–23 июля) — св. 10 тыс., в Киеве (21–31 июля) — св. 15 тыс.

В августе стачечная волна захватила Екатеринослав (7–11 авг.), где бастовало 14 тыс. только на 9 наиболее крупных предприятиях.

Стачки солидарности с бастующими были в Керчи, Харькове, Конотопе, Бахмуте, Александровске, Бердичеве, Житомире, Феодосии, Немирове и др. городах. Повсеместно выдвигались лозунги: «Долой самодержавие!», «Долой капитализм!», «Да здравствует политич. свобода»; требования 8-часового рабочего дня, увеличения зарплаты, отмены денежных штрафов, бесплатной медицинской помощи и т. д.

Российская революция 1905 г. нашла массовый отклик в Украине. В Одессе появился лозунг «Геть самодержавство». На протяжении января-марта 1905 г. в южной Украине бастовало 170 тыс. человек. Массовые забастовки к октябрю переросли в вооруженные выступления. Масштабные вооруженные выступления состоялись в Харькове, Екатеринославе, Алексадровске. В Горловке боевые действия между вооруженными рабочими и правительственными войсками завершились многочисленными жертвами с обеих сторон (погибло около 300 рабочих).

Крестьянские волнения в 1905 г. охватили более половины всех уездов Украины. В Украине в октябре-декабре 1905 г. крестьянские выступления состоялись в 64 уездах (из 94), было зарегистрировано около 300 случаев разгрома помещичьих имений, из них на Левобережье — более 150, на юге — более 100. На подавление крестьянских волнений правительство бросило регулярные воинские части и многочисленные подразделения полиции. Одно из крупнейших крестьянских выступлений состоялось в декабре 1905 г. в селе Великие Сорочинцы на Полтавщине. В схватке с карательным отрядом там погибло 63 крестьянина.

Революционные настроения, охватившие армию и флот, усилились вследствие неудач в войне с Японией и заключения Портсмутского мирного договора 1905 г., что привело к потере Ляодунского полуострова и Южного Сахалина.

14 июня 1905 г. в одесском порту вспыхнуло восстание на броненосце «Потемкин». Среди руководителей восстания были украинцы Г. Вакуленчук и А. Матюшенко, а среди офицеров, которые присоединились к восстанию, — член РУП О. Коваленко. Армия и флот перестали быть надежной опорой самодержавия. Против восставших власть направила всю Черноморскую эскадру. Но эскадра отказалась открыть огонь по революционному броненосцу. Опасаясь восстания на других судах, командование эскадры поспешило отвести ее в Севастополь. 25 июня 1905 г. потемкинцы сдали броненосец

румынским властям в порту Констанца, а сами стали политическими эмигрантами.

Весной 1906 г. состоялись выборы в I Государственную Думу. От 9 украинских губерний было избрано 102 депутата. Сразу же в Думе сформировалась «Украинская думская громада», которая объединила 45 депутатов. Ее председателем стал адвокат и общественный деятель из Чернигова Илья Шраг. Для освещения своей работы «Думская громада» основала свой печатный орган — журнал «Украинский вестник». Представители громады требовали дать Украине в ее этнографических границах политическую автономию, ввести украинский язык в систему народного образования и государственного управления. Что касается главного вопроса революции — аграрного, то среди членов громады единого мнения не существовало. Кадеты выступали за передачу за выкуп части помещичьей земли крестьянам на условиях частичного выкупа. Депутаты, представлявшие интересы крестьян, требовали конфисковать всю помещичью землю и национализировать ее.

К ней попросили присоединиться и М. Грушевского, который приехал из Львова в Петербург. На заседаниях Украинской думской громады вырабатывались проекты выступлений, проходили дискуссии на различные социально-политические темы. Подготавливался законопроект про национальные права, про родной язык в школе, но он был внесен только в Третью думу. С трибуны думы заговорили не только про социальные, но и про национальные проблемы. Думская громада начала издание информационного бюллетеня «Родное дело».

В период репрессий после разгона 2 Государственной думы создался межпартийный либеральный блок Товарищество украинских поступовцев, во главе с М. Грушевским. Они выступали за конституционно-парламентский путь борьбы за украинский вопрос, и в период Столыпина оставалось единственной легальной украинской организацией. Они имели соглашение с «трудовиками» и кадетами, которые обещали поддерживать борьбу против национального гнета.

Период реакции после разгона 2 думы получил резко антиукраинский характер. В 1908 г. за участие в восстание на Донбассе (1905 г.) был казнен Григорий Ткаченко-Петренко, участвовавший в археологических раскопках Д. Эварницкого. Было запрещено собирать деньги на памятник Т. Шевченко в Каневе, закрывали «Просвиты». В 1908 г. в 3 Государственной думе был провален законопроект

о введения украинского языка в начальной школе, равно как и проект профессора киевского университета И. Лучицкого о введении судопроизводства на украинском языке. В том же стиле работал «Клуб русских националистов», которые открывали филиалы в Украине при поддержке властей, объявляя обывателей «мазепинцами», место которым в тюрьме. В 1910 г. был дан указ о запрете каких-либо товариществ из «инородцев», к числу которых отнесли и украинцев. Столыпин обращал внимание на украинское движение, т. к., по его мнению, за ним скрывалась идея «возрождения давней Украины на автономных национально-территориальных принципах».

В 1914 г. был наложен запрет праздновать 100-летие Т. Шевченко. Несмотря на это, 25–26 февраля по улицам Киева прошли колонны студентов и служащих. В Харькове юбилей отмечали забастовками. Демонстрации и митинги прошли по городам и селам Екатеринославской, Херсонской, Полтавской и Волныской губерниям. Против этого запрета в думе высказались многие князь В. Геловани и даже глава кадетов П. Н. Милюков.

Одним из последствий первой революции стала Столыпинская аграрная реформа, направленная на включение крестьянских хозяйств в рыночные отношения. Она решала как вопросы эффективности сельскохозяйственного труда, так и социальные вопросы крестьянства, включая ликвидацию общин. Реформа Столыпина имела наибольший успех на Украине, где общинная идея не имела большого распространения, а наоборот были характерны индивидуальные хозяйства. К 1916 году на Украине формируются 440 000 хуторов, т. е. 14 % от всех крестьянских хозяйств. Крестьяне выкупили купили почти 500 тысяч десятин земли. Уже в 1913 г. был собран рекордный урожай. Украинская пшеница составляла более 40 %, ячмень около 50 % общероссийского экспорта зерна.

Первая мировая война

Первая мировая война страшные последствия для Украины. Галиция стала ареной военных действий Восточного фронта. Украинцы оказались по две стороны баррикад и были вынуждены воевать друг против друга. 3,5 млн украинцев было в русской армии, 250 тыс. служили в австрийском войске.

Отношение к войне среди деятелей украинского национального движения было различным. Украинцы Австрии создали во Львове

Общую Украинскую Раду, призывавшую бороться за конституционную Австрию против самодержавной России.

В Галиции с первых дней войны началось формирование боевого легиона украинских Сичевых стрельцов. Вступление в него происходило на добровольной основе. Основными бойцами стрельцов стали воспитанники организаций «Січ» и «Сокіл». Вступить в ряды стрельцов выразило желание 10 тыс. человек, но австрийское военное командование разрешило только 2 тыс. Присягу стрельцы давали на верность Австро-венгерской империи, а вторую — на верность Украине. 25 сентября на защите Ужоцкого перевала Карпат им пришлось вступить в бой с кубанскими казаками.

В течение сентября-октября 1914 г. австрийские войска были разгромлены, потеряв 400 тыс., включая 100 тыс. пленными. В поисках причин своих неудач, австрийское командование обвинило украинцев в измене, в поддержке русских. Галицийских украинцев сотнями арестовывали, многих расстреливали без суда. На Закарпатье в тюрьму попало почти 800 человек. 30 тыс. человек было угнано в Австрию, где содержались в концентрационных лагерях.

Галиция была объявлена давней русской территорией, на ней вводилось генерал-губернаторство. Ими стали граф Г. А. Бобринский и генерал Ф. Ф. Трепов. Все украинские школы, библиотеки, культурные центры, громадские организации были закрыты, началась борьба с «мазепинством». Сотни священников греко-католической церкви было вывезено в Россию, включая и митрополита Андрея Шептицкого, которого поместили в монастырскую тюрьму в Суздали. Униатская церковь была объявлена вне закона. Когда М. Грушевский в 1916 году приехал в Киев, его арестовали и сослали на юг России (в 1914 г. он был арестован австрийскими властями за русофильство). Многие в царском окружении полагали, что настало подходящее время избавиться от украинского движения. Рост черносотенцев, заявлявших, что во время войны будут вешать украинцев на уличных столбах.

В этих условиях украинское движение разделилось. С. Петлюра издал манифест «Война и украинцы», в котором призывал исполнить свой долг гражданина России. В. Винниченко напротив издал нелегальные листовки «Геть війну!», «Хай живе автономія України». Эмигранты из центральной Украины создали «Союз освобождения Украины», как беспартийную громадскую организацию. Туда вошли В. Дорошенко, Д. Донцов и др. Своей целью ставили создание

независимой украинской державы с конституционно-монархическим правлением.

Основная литература

Боляновский А. Украхнські військові формування в збройних силах Німеччини (1939–1945 рр.). Львів, 2003.
Грицак Я. Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX. К., 2000.
Дорошенко Д. І. Нарис історії України. Т. I–II, К., 1991.
Касьянов Г. Українська інтелігенція на рубежі XIX–XX ст.. К., 1993.
Коваль М. В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.). К., 1999.
Когут З. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини. 1760–1830. К., 1996.
Кульчицький С. В. Україна між двома війнами (1921–1939 рр). К., 1999.
Литвин В. М. Україна: доба війн і революцій (1914–1920). К., 2003.
Литвин В. М. Україна: міжвоєнна доба (1921–1938). К., 2003.
Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000

Часть 3.
А. В. Шубин
УКРАИНА В XX ВЕКЕ (ДО 1945 г.)

Глава 1
Революция и немецкая оккупация (1917–1918)

Февральская революция и возникновение Центральной рады

После начала Великой Российской революции в марте 1917 г. на Украине развернулось мощное национальное движение. Этот национальный поток революции в современной украинской историографии характеризуется как Украинская революция.

После сообщений о падении самодержавия в Киеве возник Совет объединенных общественных организаций (СООО), в который вошли представители всех городских общественных движений (включая только что возникший Совет рабочих депутатов), представители которых собрались в здании гордумы. СООО избрал исполком, который на некоторое время взял власть в Киеве. В этот орган, который возглавил городской депутат Н. Страдомский, вошли представители гордумы, Земского союза, Городского союза, военно-промышленного комитета, военных, украинских, еврейских и рабочих организаций, включая Совет, а позднее — представители политических партий. Власть в губерниях в соответствии с постановлением Временного правительства перешла к губернским комиссарам — председателям губернских земских управ.

3 марта на собрании Товарищества украинских прогрессистов («поступовцев») была выдвинута идея создания украинского национального центра, который будет выступать от имени украинцев

в отношениях с новой властью. 7 (20) марта поступовцы, кооператоры и социал-демократы провозгласили создание Центральной рады, председателем которой был заочно избран пока не приехавший в Киев М. Грушевский.

По всей Украине возникали Советы (к июню — более 250) и украинские общественные центры — комитеты и рады. Из подполья вышли партии: Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР), Украинская социал-демократическая партия (УСДП), Украинская народная партия, Украинская радикально-демократическая партия, большевики и др. Поступовцы 25 марта создали Партию социалистов-федералистов, стоявшую на умеренных социал-либеральных позициях.

На массовых митингах высказывалась идея национально-территориальной автономии Украины, которую поддержал и приехавший в Киев Грушевский. Он считал, что Россия должна стать федерацией регионов, в том числе национальных. В составе этой федерации центральная власть должна обладать широкими, но четко очерченными полномочиями: дела войны и мира, вооруженные силы, внешняя политика, денежная, таможенная политика, почта, телеграф, стандарты и др. Однако остальные вопросы должны решать демократически организованные местные власти — от местного самоуправления до украинского сейма. Правда, в противоречие с этим положением Грушевский писал и об украинской армии. Но главный его принцип сохранялся на протяжении революции: «Мы хотим, чтобы местную жизнь свою могли строить местные люди и ею распоряжаться без вмешательства центральной власти». Но кого понимать под «местными людьми» — этнических украинцев или всех жителей региона? И каковы границы этого региона? Концепция не просто территориальной, но национально-территориальной автономии предполагала преимущества этнических украинцев, что ставило вопрос о равноправии жителей в будущей автономной Украине.

6 апреля по инициативе Центральной рады был созван Всеукраинский национальный конгресс, на который съехались около 900 представителей украинских национальных и социальных организаций с Украины и из России. 8 апреля конгресс выбрал новый состав Центральной рады из 118 членов во главе с председателем М. Грушевским и его заместителями В. Винниченко и С. Ефремовым. При этом Рада могла расширять свой состав за счет представителей

партий, рабочих, военных и крестьянских организаций. Численность Рады достигла сначала 480 членов, а после включения в ее состав представителей национальных меньшинств, к августу — уже 639 членов. Между сессиями этой Большой рады действовал Комитет Центральной рады (с июля — Малая рада). Крупнейшей фракцией в Раде были эсеры, но политически доминировали социал-демократы и социалисты-федералисты.

Национальное движение развернулось и в армии, что придало ему дополнительную силовую опору и радикальность, так как солдаты были возбуждены безысходностью и все более очевидной бессмысленностью мировой бойни. 5–8 мая прошел I всеукраинский войсковой съезд, 700 делегатов которого представляли до 900 тысяч солдат и офицеров. Съезд выступил за создание украинизированных частей и национально-территориальную автономию, избранный им Украинский военный генеральный комитет вошел в Центральную раду, обеспечив ее связь с войсками. Из оказавшихся в тылу солдат — украинцев, а затем и из украинцев на фронте создавались украинизированные части.

Однако идея национально-территориальной автономии не встретила понимания со стороны Временного правительства, что охладило отношения и без того шаткой центральной власти и Центральной Рады. Особенно решительно против автономии выступали кадеты, приверженные идее единой и неделимой России. Эсеры были федералистами, но в своей политике шли на уступки кадетам, опасаясь за судьбу правительственного блока. Поэтому они относили решение всех крупнейших политических вопросов к прерогативе Учредительного собрания, выборы в которое надеялись выиграть. А пока правительство выступало против предоставления Украине специфического статуса. Центральная рада вышла из Исполкома СООО, влияние которого после этого стало быстро падать, так как и Совет рабочих и солдатских депутатов действовал практически самостоятельно.

Не добившись соглашения с Временным правительством, украинское национальное движение усилило давление на центральную власть, запланировав II Всеукраинский воинский съезд. Этот съезд был запрещен военным министром А. Керенским, но все равно собрался и 10 июня провозгласил принятый в тот же день Комитетом Центральной рады Универсал. В этом документе, который получил название Первого Универсала Центральной рады, говорилось: «Не

отделяясь ото всей России, не разрывая с российским государством, пусть украинский народ на своей земле имеет право сам управлять своей жизнью. Пусть порядок и строй на Украине определит выбранное общим, равным, прямым и тайным голосованием Всенародное Украинское Собрание (Сейм)». Универсал требовал от каждого органа местной власти, который «стоит за интересы украинского народа», установить организационные сношения с Центральной радой. Прежде всего Универсал обращался к «членам нашей нации», но также выражал надежду, что «неукраинские народы, которые живут на нашей земле», примут участие в создании украинской автономии. Важным шагом стало решение ввести налог в пользу Украины. Универсал был торжественно провозглашен на Софийской площади Киева в присутствии делегатов войск. 15 июня был создан исполнительный орган Рады — Генеральный секретариат во главе с В. Винниченко.

Временное правительство не имело возможности пресечь «самоуправство» Центральной рады и вынуждено было договариваться. 29 июня четыре российских министра — А. Керенский, М. Некрасов, И. Церетели и М. Терещенко — прибыли в Киев на переговоры. Теперь они уже были согласны предоставить Украине автономию с последующим утверждением ее Учредительным собранием. Для этого планировалось подписать соглашение, после чего стороны публично декларировали бы единство своих действий. В Центральную раду должны были быть включены представители этнически неукраинского населения, чтобы она представляла всех граждан Украины. Таким образом, в результате переговоров автономия приобретала территориальный, а не национально-территориальный характер, хотя и с национально-пропорциональным представительством (пропорции определялись в результате переговоров между лидерами Центральной рады и представителями «меньшинств» — Раду пополнили 202 действительных члена и 51 кандидат). При Временном правительстве должна была быть введена должность комиссара по украинским делам, оно, не поступившись своей законодательной властью, обещало согласовывать с Радой законодательство по Украине. С Керенским договорились о комплектовании украинских частей украинцами.

Когда вернувшиеся в Петроград министры 2 июля доложили коллегам об итогах переговоров с Радой, возмущенные кадеты вышли из правительства, что положило начало июльскому

политическому кризису в Петрограде. Оставшиеся министры признали Генеральный секретариат высшим органом управления региональными делами, назначаемым Временным правительством по согласованию с Центральной Радой. Последней предлагалось разработать проект национально-территориальной автономии для утверждения правительством. В ответ 3 (16) июля Центральная рада приняла свой Второй универсал, где подтвердила, что «всегда стояла за то, чтобы не отделять Украину от России», и сообщила об уступках Временному правительству — об утверждении состава Генерального секретариата в Петрограде, о подготовке законодательства о национально-территориальной автономии для принятия всероссийским Учредительным собранием. Треть депутатов Рады выступили против этих уступок. После дополнения Рады представителями национальных меньшинств (около трети ее состава, 18 членов Малой рады), Генеральный секретариат также был реорганизован на многоэтничной основе, хотя украинцы сохранили в нем ведущие позиции.

9 августа в Центральную раду вступили и большевики, которые заявили: «Вступая в Центральную украинскую раду, мы здесь будем вести неуклонную борьбу с буржуазией, буржуазным национализмом и будем звать рабочих и крестьян Украины под красное знамя Интернационала для полной победы пролетарской революции».

Пока в Петрограде бушевали политические страсти, свой июньский кризис произошел и в Киеве. Украинизированные полки отказались выступать на фронт по приказу военного секретаря С. Петлюры, и 5 июня захватили ключевые объекты города. С трудом удалось вернуть солдат в казармы. Лидеры Центральной рады подготовили проект устава Генерального секретариата, регулирующий его полномочия, то есть, таким образом — сферу украинской автономии. В уставе говорилось и о Центральной раде как органе революционной демократии всех народов Украины, который служит утверждению автономии Украины и ведет подготовку к Российскому и Украинскому учредительным собраниям. Таким образом лидеры Центральной рады пытались легитимизировать не только Генеральный секретариат, но и права Рады, а также идею Украинского учредительного собрания. 15 июля В. Винниченко в сопровождении министров Х. Барановского и М. Рафеса отправился утверждать состав Генерального секретариата и его устав в Петроград. Там украинцы встретили холодный прием.

Победив своих противников слева, А. Керенский воссоздал под своим руководством коалицию с кадетами. Теперь уступки украинским «сепаратистам» были не ко времени. Поскольку проект устава Генеральному секретариату вышел за рамки киевских договоренностей, он был отвергнут комиссией Временного правительства. Вместо него правительство 4 августа выпустило инструкцию Генеральному секретариату, которая ставила этот орган в свое административное подчинение, не признавала властных полномочий за Центральной радой и ограничивала территорию, подчиненную Генеральному секретариату Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и частично Черниговской губерниями. Временное правительство запрещало Генеральному секретариату иметь в своем составе секретариаты по военным, судебным и продовольственным делам, путей сообщения, почт и телеграфов. Впрочем, большинство этих сфер еще недавно и сам М. Грушевский относил к компетенции российского центра.

Решение Временного правительства возмутило депутатов Малой рады. Позднее Винниченко вспоминал: «Инструкция была ничем иным, как циничным, бесстыдным и провокационным нарушением соглашения 16 июля и откровенным желанием вырвать из рук украинства все его революционные достижения». Впрочем, как раз в августе 1917 г. Винниченко был настроен куда спокойнее: «Инструкция — это уже признание принципа автономии, которого мы вначале только и добивались. Но теперь мы добились большего, чем хотели два месяца назад. Признание самой идеи автономии, а не «областного самоуправления», гораздо важнее... Если мы поглядим на фактическое соотношение сил, то можем сказать, что инструкция открывает для нас широкое поле как моральной, так и публично-правовой работы. И меня удивляют некоторые товарищи, которые так пессимистично смотрят на этот документ». Действительно, инструкция закрепляла автономию Украины и предоставляла ей четкие границы, в которые были включены территории с очевидным преобладанием именно украиноговорящего населения. В инструкции даже упоминалась Центральная рада, хотя за ней какие-то права не признавались (что естественно, ведь предметом регулирования был именно Генеральный секретариат). Так что умеренный оптимизм Винниченко был реалистичен. Позднее, когда Временное правительство превратилось в «козла отпущения» за беды 1917 года, Винниченко в своих мемуарах присоединился к хору возмущения по поводу украинской политики «временщиков».

Отсылка Винниченко к реальному соотношению сил августа 1917 г. не была случайной — после июльской победы позиции Керенского и более правых сил укрепились, и в этой обстановке Центральная рада могла вообще потерять свои позиции. В русскоязычной прессе развернулась кампания травли украинских лидеров за «связи с немцами» (что было частью общей июльско-августовской кампании против левых сил с типовыми обвинениями). В этих условиях Рада вынуждена была подчиниться инструкции, не признавая ее официально и не отказываясь от борьбы за расширение автономии, в том числе — и территориальной. После долгого согласования 21 августа Винниченко сформировал новый Генеральный секретариат в соответствии с инструкцией, и 1 сентября его утвердило Временное правительство.

11 августа в связи с новым наступлением немцев С. Петлюра призвал украинцев: «Если в виду военных обстоятельств придется ехать на какой-то фронт, безусловно нужно ехать, ибо фронт един».

Однако ситуация вновь изменилась, корниловское выступление нарушило баланс власти. Позиции «партии порядка» резко ослабели. 8 сентября Киевский совет рабочих депутатов, частично перевыбранный, впервые принял большевистскую резолюцию о текущем моменте. Меньшевистский лидер Рафес возмущался: «Голосуя за эту резолюцию, вы голосуете за диктатуру пролетариата!» Теперь это не смущало большинство членов Совета. Меньшевики и эсеры, как и в Петрограде и Москве, подали в отставку из исполкома. Впрочем, эта большевизация не помешает Киевскому совету занять компромиссную позицию во время Октябрьского переворота.

Очаги фактической советской власти возникали в некоторых регионах Украины. Так, в Гуляй-поле был создан Крестьянский совет во главе с анархистом Н. Махно, который взял власть в свои руки и стал проводить социальные преобразования, ликвидировав в августе-сентябре помещичье землевладение. Профсоюз, также возглавленный Махно, силой принуждал предпринимателей к выполнению требований рабочих.

Центральная рада открыто готовила выборы в Украинское учредительное собрание. Это вызвало гнев и угрозы со стороны Керенского, который вызвал Винниченко в Петроград. Глава Генерального секретариата прибыл в столицу как раз в тот момент, когда началась Октябрьская революция.

Октябрьская революция и Центральная Рада

Когда стало известно о восстании в Петрограде, киевские большевики призвали совместное заседание исполкомов рабочих и солдатских депутатов взять власть. Исполкомы не решились на это, но большевики создали ревком. Малая рада выступила с примирительных позиций и создала Краевой комитет охраны революции, в который вошли и большевики. Лидеры Центральной рады заняли позицию третьей силы в конфликте, возложив ответственность за него на Временное правительство и большевиков. Командование киевского военного округа сохранило лояльность Временному правительству и не признало авторитет Комитета.

27 октября Центральная рада поддержала идею правительства «всей революционной демократии» (то есть — левого многопартийного правительства без кадетов). Большевики вышли из Комитета, и он распался. Прибывшие с фронта части чехословаков и казачья дивизия 28 октября арестовали большевистский ревком. Развернулись боевые действия. Опираясь на завод «Арсенал», большевики атаковали штаб округа.

29 октября Винниченко заявил, что Генеральный секретариат берет власть в свои руки и создает военный, продовольственный и транспортный секретариаты (раз уж запрещавшее это Временное правительство перестало существовать). 30 октября сессия Центральной рады заявила, что власть Генерального секретариата распространяется помимо прежних территорий также на Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую (без Крыма). Также предполагалось, что должны быть проведены референдумы, определяющие границы в Холмской, Курской и Воронежской губерниях.

Ситуация в Киеве оставалась неопределенной, но командование гарнизона не знало, кого оно теперь защищает. Ведь Временное правительство перестало существовать. В результате созданная Центральной радой согласительная комиссия с участием враждующих сторон смогла добиться прекращения огня. Вызванные в Киев войска выводились из города, офицерские и добровольческие отряды расформировывались, штаб округа должен был быть реорганизован. Таким образом, посредничество Центральной рады привело к полному поражению противников большевиков, но и большевики не победили. Реальная власть в Киеве перешла к Центральной раде, опиравшейся на украинизированные войска — гайдамаков, как их стали называть в честь старинных повстанцев. Генеральный

секретариат 1 ноября назначил нового командующего войсками округа В. Павленко. Формально «полнота власти по охране города» переходила к Центральной раде, городскому самоуправлению и Советам. Но реальный перевес в силах теперь был у Рады, к которой перешел контроль над большей частью войск.

3 ноября большевики огласили в Совете свой политический проект в новых условиях: «краевой властью является Центральная рада, причем фракция большевиков требует созыва съезда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов для реорганизации Центральной рады в Центральную раду (Совет) Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов». Власть на местах должна перейти к Советам, которые должны проводить решения как Центральной рады, так и Советского правительства в Петрограде. Вместе с тем большевики поддержали созыв Учредительного собрания Украины. Хотя уже 14 ноября большевики констатировали, что Центральная рада не пошла на встречу их предложениям, но не отозвали признание Рады в качестве краевого правительства.

Киевская модель политического сосуществования сторонников Центральной рады и Советов распространилась и на другие центры, включая Одессу и Харьков.

После Октября Центральная рада выступала с поддержкой проекта однородного социалистического правительства, который в ее интерпретации приобрел федералистские черты. Рада стремилась к консолидации как левого политического спектра, так и территориальных образований, которые претендовали на контроль за частью территории бывшей Российской империи.

По мнению украинских кадетов, новое легитимное правительство России должно представлять не только левые партии, но и основные регионы страны, включая Украину. Проект однородного социалистического правительства, дававший шанс на предотвращение раскола страны и гражданской войны, потерпел неудачу на переговорах в Петрограде, но некоторое время сохранял актуальность для Центральной рады. Соответственно, вплоть до января 1918 г. сторонники этого же проекта левые эсеры оставались важным мостом между Радой и Совнаркомом, в который они вошли. Характерно, что левые эсеры готовили основы аграрных законов как в России, так и на Украине (в качестве левого крыла УПСР), но сами аграрные преобразования на принципах социализации и земельного передела в России проводились решительно, а на Украине — нет.

Дело в том, что лидеры Центральной рады были националистами и социалистами, что определяло основное противоречие их политики. Им пришлось выбирать между целями национальной консолидации и социальными преобразованиями, которые ее неизбежно нарушают.

Лидеры Центральной рады не учли печальный опыт Временного правительства, который показал, что в условиях революции затягивание преобразований ведет к катастрофическому сокращению социальной базы власти.

7 (20) ноября Центральная Рада приняла III Универсал, который провозглашал Украину автономной частью России, а Генеральный секретариат — правительством Украины в ее этнических границах.

В III Универсале утверждалось, что Киевская, Черниговская, Волынская, Подольская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Херсонская губернии и материковая часть Таврической губернии (без Крыма) входят в состав Украины. Таким образом, были выдвинуты претензии на большую, чем раньше, территорию.

До Украинского Учредительного собрания Рада брала на себя законодательные полномочия. Универсал провозглашал, что в России больше нет признанного правительства, и теперь необходимо вместе создавать общероссийские «государственные формы». Объявлялось о социальных реформах: отменялось право собственности на помещичьи земли и земли иных нетрудовых хозяйств, которые до Учредительного собрания должны были перейти к земельным комитетам. Провозглашался восьмичасовой рабочий день. Выступив за «равномерное распределение продуктов», Универсал поручал генеральному секретариату труда вместе с организациями трудящихся установить государственный контроль над производством «с учетом интересов как Украины, так и всей России». Отменялась и смертная казнь. Национальным меньшинствам была обещана «национально-персональная» (национально-культурная) автономия.

Но социальные преобразования практически не начались. Промедление с реформами определило падение влияния Рады — социальный фактор в условиях революции был важнее национального. Но в условиях противостояния более радикальному большевизму, украинские социалисты пытались защититься от него национальным щитом.

В Киеве стала проводиться украинизация, выразившаяся во введении государственного языка в официальный документооборот.

Как вспоминал член Рады от «меньшинств» А. Гольденвейзер, «предстоящая украинизация приводила в смущение всех неукраинцев, причастных к школе, науке, адвокатуре. Украинский язык, с которым впоследствии немного свыклись, вызывал аффектированные насмешки; никто не собирался учиться этому языку».

Если в городах эта политика не пользовалась большой популярностью, то село поддержало на выборах в Учредительное собрание именно украинские социалистические партии. Правда, выборы в украинское Учредительное собрание фактически провалились, но они проходили уже во время начавшейся гражданской войны.

Комментируя ситуацию, сложившуюся после принятия III Универсала, И. Михутина утверждает, что украинская государственность была провозглашена односторонним актом и не получила никакого «международно-правового оформления — ни признания другими государствами, ни установления границ путем согласованного размежевания с соседями, в том числе с Великороссией». Но как раз в это время ни о каком международном признании речи идти не могло — Украина не провозгласила независимость, и определение ее границ как автономной части России было исключительно внутренним делом России. Именно так этот вопрос рассматривался в Петрограде — Украина пока не учитывалась в международной расстановке сил.

Свое кредо по вопросу украинской самостийности Ленин изложил уже в ноябре: «Мы скажем украинцам: как украинцы вы можете устраивать у себя жизнь, как вы хотите. Но мы протянем руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии».

Украинская Центральная рада первоначально не считалась враждебным фактором, как «Южная Вандея» Каледина. 25 октября атаман войска Донского А. Каледин объявил захват власти большевиками преступным и 26 октября ввел военное положение, начал разгром Советов на Дону и в Донбассе, репрессии против сторонников Советской власти, включая казни. Формально Каледин сохранял лояльность уже распавшемуся Временному правительству, но политически стоял гораздо правее. На территории войска Донского началось формирование белой Добровольческой армии. Одновременно Советы пытались брать в свои руки власть в донецких городах. 26 ноября калединцы атаковали Ростов и 2 декабря взяли его. Они продвигались на север, вглубь Донбасса. Это несло

критическую угрозу экономике Советской России, а в перспективе Дон мог стать опорой для похода на Москву. Не удивительно, что Каледина считали в Петрограде главной угрозой, и отношение к Центральной раде во многом определялось ее отношением к Каледину. В декабре красные сосредоточили против Каледина около 6–7 тысяч бойцов, к которым по мере их продвижения на юг присоединилось еще около 7 тысяч местных сторонников советской власти. Это обеспечивало красным перевес над Калединым, но продвижению советских войск с северо-запада мешало занятие украинского левобережья украинскими националистами и их нейтралитет в борьбе красных и калединцев. Таким образом, чтобы решить проблему Каледина, красным нужно было занять железнодорожные узлы Харькова и Лозовой. Это ставило вопрос ребром: либо Центральная рада станет союзником в борьбе с Калединым, либо военным противником красных.

Украина и Брестские переговоры

Уже во время переговоров о перемирии между Германией и Россией 23 ноября (6 декабря) военный секретарь С. Петлюра заявил о выходе Юго-западного и Румынского фронтов из подчинения российского командования и превращении их в Украинский фронт. Конечно, реальных сил для обеспечения этого решения у Центральной рады не было, но парализовать снабжение этих фронтов Рада вполне могла. Так что у Советского правительства было только два пути — или договариваться с Радой, или уничтожить либо кардинально преобразовать ее. Пока не было возможности решить проблему силой, приходилось договариваться.

25 ноября (8 декабря) «Известия ЦИК» сообщили, что Советская власть готова удовлетворить желание Рады включить представителей Украины в состав мирной делегации. Это была точка невозврата, после которой вовлечение Рады в процесс переговоров стало неизбежным. Это был единственный способ добиться признания Радой условий будущего мира и в то же время избежать сепаратных переговоров со стороны украинцев.

28 ноября (11 декабря) Центральная рада назначила своих наблюдателей на переговоры о перемирии.

В этой ситуации Антанта прозондировала возможность противопоставить Украину большевистским сепаратным переговорам. 21 декабря генерал Табуи сообщил правительству Центральной

рады, что назначен при нем комиссаром Французской республики. Это полу-признание еще не провозглашенной украинской независимости не возымело эффект — Украина не собиралась воевать с Германией на стороне Антанты. Однако «неблагодарность» украинских националистов была взята в Париже на заметку, что сыграло свою роль в дальнейшем.

Прибыв в Брест 3 (16) декабря, на следующий день после подписания перемирия, представители Рады прояснили позицию УНР: Украина не признает право большевиков на заключение мирного договора от имени всей России. Для представителей Четверного союза это был сюрприз, они боялись вмешательства в переговоры еще одного неизвестного субъекта, рассчитывая, что большевики быстро согласятся на мир на немецких условиях. Соответственно, они обусловили признание Украины получением документов нового государства. Таким образом, теперь участие Рады в переговорах зависело от Четверного союза. Поскольку вовлечение Рады было им выгодно, оно было неизбежно. Первоначально немцы обусловили признание правительства Украины соответствующим решением Советского правительства, но, разобравшись в отношениях Совнаркома и Рады, уже не считались с советскими возражениями.

9 (22) декабря 1917 г. начались мирные переговоры между Россией и державами Четверного союза в Брест-Литовске. Большевики приняли тактику затягивания переговоров в ожидании мировой революции, что позволяло пока «сохранять лицо» в безнадежной военно-дипломатической ситуации. Немецкий генерал Гофман 17 (30) декабря даже с возмущением прокомментировал, что «русская делегация заговорила так, будто она представляет собой победителя, вошедшего в нашу страну». Советские представители понимали, что Германия остро заинтересована в мире и считали, что одно это защищает советские позиции.

Нельзя сказать, что эти расчеты были совсем уж неверными. Так, 22 декабря (4 января), в ожидании советской делегации Чернин писал: «Нет сомнения, что если русские решительно прервут переговоры, положение станет тягостным». Когда Троцкий прибыл в Брест, немцев (здесь и далее под словом «немцы» мы будем понимать и союзников Германии) охватило бурное веселье, сменившее тягостное напряженное ожидание.

Однако, пока большевики вели свою мировую игру, апеллируя к уставшим от войны народам, упрекая Антанту в нежелании

присоединиться к переговорам, 18 (31) декабря 1917 г. в Брест прибыла делегация Центральной рады.

Две Украины

Относительное равновесие продержалось на Украине до конца ноября, но в преддверии I съезда Советов борьба вновь стала переходить в силовую фазу. 17 (30) ноября националисты принялись разоружать в Киеве неукраинские части и высылать их солдат на восток. Разоружение просоветских частей было предпринято и в других городах. В Харькове солдатская секция Совета 4 декабря отвергла требование о разоружении. Этот город становился столицей советской Украины — и как близкий к России промышленный и транспортный центр, и как плацдарм для расчистки коммуникаций в сторону Донбасса. 5 декабря в Харькове начал работу областной Съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов, что было демонстрацией неподчинения Украине с ее Съездом, проходившим в то же время.

6 декабря в Харьков из России прибыли красногвардейцы и матросы под командованием М. Ховрина и Р. Сиверса, направлявшиеся на борьбу с Калединым. Они вошли в город без боя — большевики и местные сторонники Рады не считали, что идет война. При этом большевистский ревком во главе с Артемом выступал против «вражеских действий против харьковских радовцев». Тем не менее, 10 декабря Сиверс вместе с местными красногвардейцами и просоветским 30 полком разоружили украинский бронедивизион, и Харьков был занят советскими войсками во главе с Антоновым-Овсеенко. Собственно боевых действий еще не происходило.

3–5 (16–18) декабря большевики и левые эсеры потерпели поражение на I съезде советов Украины. Съезд начали готовить большевики, чтобы противопоставить его Центральной раде, но лидеры Рады перехватили подготовку, включили в состав депутатов представителей украинизированных частей и взяли ход мероприятия в свои руки. Сторонники советской власти ушли со Съезда, обвиняя Центральную Раду в том, что она нарушила нормы представительства и не допустила на съезд часть делегатов с востока Украины. Приехав в Харьков, 127 делегатов украинского съезда объединились с 73 депутатами проходившего там Донецко-криворожского съезда и 11–12 декабря провели свой Съезд советов Украины, провозгласивший Украинскую советскую республику. Ей на помощь пришли отряды

из России и Донбасса (населенного русскими и украинцами, а 30 января создавшего свою Донецко-криворожскую советскую республику). Местные коммунисты не были настроены на включение своей территории в Украину и терпели УСР, пока у той не была отвоевана своя столица. «Отсутствие активной поддержки со стороны руководящих харьковских товарищей крайне усложняло работу советского правительства в Харькове», — вспоминала фактический первый глава народного секретариата (правительства) Советской Украины Е. Бош.

Народный секретариат УСР в это время мало чем управляло, так как власть была передана Советам на всех уровнях, а военное командование подчинялось Москве. 27 декабря система местных комиссаров, то есть вертикаль власти, была упразднена приказом народного секретаря внутренних дел советского правительства Украины, а их полномочия переданы Советам соответствующего уровня.

Стремясь иметь «свою» Украину, большевики должны были также признать принадлежность к Украине и «своих» восточных районов со смешанным населением.

В наши дни войну украинских националистов и красных в 1918 году на Украине иногда называют «агрессией России». Но в колоннах красных шли как раз жители Украины. И они поднимали восстания за власть Советов.

Однако, столкнувшись с неудачей своей политики в Киеве, большевики пошли на обострение конфликта. В начале декабря это еще не было неизбежным шагом. По выражению Г. Чичерина, «несчастье в том, что Троцкий любит театральное громовержество... А Ильич любит решительность, беспощадность, ультиматумы и т. д.»

4 (17) декабря 1917 г. Советское правительство России в своем манифесте признало право Украины на независимость, но при этом оно отрицало право Центральной рады представлять украинский народ. Центральная рада ответила, что стремится к автономии Украины в составе федеративного Российского государства. Таким образом, не признавшие друг друга де юре правительства России и Украины не имели принципиальных разногласий по вопросу о статусе Украины. Россия не будет возражать, если легитимная власть Украины потребует независимости, но Украина ее не требует и готова остаться в составе России, если в ней будет восстановлена легитимная демократическая власть.

Центральная Рада обвинялась советским правительством в дезорганизации фронта, насильственном разгоне Советов и главное — она отказывается «пропускать войска против Каледина». Таким образом, проблема Рады и в декабре оставалась для большевиков внутренней, а не внешнеполитической.

Формально манифест даже 4 декабря объявлял войну Центральной раде. Но это была все же формальная угроза. «Громовержество» не привело в это время к полномасштабной войне. Переговоры между Совнаркомом и Центральной радой продолжались, хотя 17 декабря большевистский ЦИК Украины опубликовал манифест о свержении Центральной рады. Обострению ситуации способствовало похищение в ночь на 25 декабря и затем убийство одного из лидеров киевских большевиков, депутата Учредительного собрания Л. Пятакова. После его ареста гайдамаками и разгрома его квартиры большевики обратились к Винниченко и министру труда В. Поршу, но те только руками развели и обещали «принять меры». Но выяснилось, что министры Центральной рады не в состоянии контролировать свою вооруженную силу.

Только 30 декабря СНК заявил о разрыве переговоров из-за уклончивой позиции Рады в отношении Каледина. При этом Ленин специально оговаривался: «Национальные же требования украинцев, самостоятельность их народной республики, ее права требовать федеративных отношений признаются Советом Народных Комиссаров полностью и никаких споров не вызывают». Характерно, что независимость Украины при этом не была упомянута.

Только 25 декабря Антонов-Овсеенко провозгласил общее наступление против Каледина и Центральной рады. Война началась по-настоящему, но ее центр тяжести находился на Дону. Основные силы красных продвигались в направлении рудников Донбасса, чтобы соединиться с державшейся там красной гвардией. Обеспечивая правый фланг этих сил, колонны Сиверса и Егорова двигались через украинское левобережье Днепра. Этот регион был занят расположенными вперемешку и рядом друг с другом отрядами и частями гайдамаков, красной гвардии, русской армии. Солдаты либо были настроены нейтрально, либо поддерживали большевиков с их лозунгом мира.

Вооруженные столкновения в декабре 1917 г. не были собственно российско-украинскими. Продолжалась борьба сторонников УНР и украинских сторонников советской власти, которым помогали

российские большевики. Красные колонны, продвигаясь на юг, обрастали местными активистами, разоружали и разгоняли небольшие силы гайдамаков на левобережье. Местные сторонники советской власти — не только большевики, но также левые эсеры и анархисты — блокировали и подход казачьих эшелонов с фронта, которые могли обеспечить Каледина новой живой силой. В операциях по разоружению фронтовых казаков получил первый военный опыт Н. Махно.

Только в конце января сопротивление калединцев и Добровольческой армии было сломлено. 29 января (11 февраля) Каледин сложил с себя полномочия и застрелился. 23 февраля колонна Сиверса заняла Новочеркасск, а 25 февраля колонна Саблина вошла в Ростов. Добровольческая армия отступила в степи.

Война на Украине и Брестский мир

И после 25 декабря отношения Совнаркома и Центральной рады еще не были разорваны, и стороны активно торговались по поводу поставок хлеба в Великороссию и на фронт за рубли. Одновременно рассматривается вопрос о включении представителей Рады в российскую делегацию на мирных переговорах в Бресте. Можно было отложить разногласия, что было важно для сохранения обоих режимов.

С правовой точки зрения претензия Рады на самостоятельное участие в Брестских переговорах, но без провозглашения независимости, была по-своему логична. Центральная рада настаивала, что нет легитимного правительства, признанного всей Россией. В ноте Рады, оглашенной 28 декабря, говорилось: «Мир от имени всей России может быть заключен только тем правительством (правительством притом федеральным), которое будет признано всеми республиками всех областей России» либо их «объединенным представительством». Раз легитимное правительство всей России до Учредительного собрания не возникло, Рада считала Совнарком в Петрограде лишь одной из властей, возникших на территории России. А значит, у Рады по её мнению было столько же прав участвовать в переговорах, сколько у Совнаркома.

Первоначально в ходе Брестских переговоров обнаружилось совпадение интересов Советской России и Центральной рады в отношении целей переговоров. Советская Россия, выдвигая принципы самоопределения народов, отстаивала не собственно великодержавные

российские интересы, а национальные стремления народов Восточной Европы, включая украинский. Но на переговорах принципы самоопределения подверглись тяжелому испытанию. Во-первых, они сразу же вступили в противоречие с принципом территориальной целостности и невмешательства в дела суверенных государств (так как угрожали границам Австро-Венгрии). Во-вторых, механизм самоопределения в условиях оккупации был неясен и сомнителен. Как писал министр иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернин, «Фактически обе стороны боятся террора противника, а между тем сами хотят применять его». Откровенное признание, если учесть, что в Советской России террор еще не начался.

28 декабря Троцкий был вынужден признать Украину в качестве полноправного участника переговоров. Этот шаг часто оценивается как чистая ошибка, «зевок» в дипломатической игре. Однако важно учитывать, что Троцкий в своем признании не отождествил Украинскую республику и Центральную раду, так как «Украинская республика находится сейчас именно в процессе своего самоопределения». И. Михутина считает, что это давало Троцкому возможность «отложить вопрос о субъектности Украинской республики, ее правительства и дипломатических эмиссаров», «но глава советской делегации по собственной воле, никем и ничем не вынужденный, отказался от такой возможности...» Этот упрек несправедлив. Во-первых, Троцкий как раз отложил вопрос о субъектности Украины (чем потом пыталась пользоваться советская сторона). Во-вторых, решать вопрос о статусе украинского правительства и его представителей было не во власти Троцкого. Он не мог выдворить правительство Центральной рады из Киева, а его представителей — из Бреста. Троцкий видел несколько дальше собственного носа и понимал, что если немцы хотят иметь с дело с украинцами, то будут его иметь. А вот проявление «империализма» со стороны российских представителей в Бресте серьезно затруднит и дело достижения компромисса с Радой (если это возможно), и дело борьбы за Украину, если договориться не удастся. Представитель Рады Голубович настаивал на существовании двух «отдельных самостоятельных делегаций одного и того же русского фронта бывшей Российской империи». И ничего поделать с этим Троцкий не мог.

«Считается, что Троцкий допустил ошибку..., — комментирует Ю. Фельштинский. — Однако не следует думать, что решение Троцкого было скоропалительным». Признание украинской делегации

произошло после длительных переговоров с ней 26 декабря (8 января).

Свои решения по поводу Украины Троцкий принимал не в одиночку. Прежде чем подтвердить свою позицию на заседании 30 декабря, Троцкий проконсультировался с Совнаркомом — признавать ли Раду официальной властью на Украине? После этого Троцкий подтвердил право представителей УНР участвовать в переговорах. В дальнейшем этот его шаг не вызвал протестов Совнаркома и Ленина лично. Ленин понимал мотивы Троцкого, и в это время Петроград вел борьбу за изменение курса УНР.

Кто же был правомочен представлять население Украины? На выборах в Учредительное собрание партии Центральной Рады, в большинстве своем социалистические, получили значительное большинство голосов. Наибольшее количество голосов — 45 %, получили украинские эсеры. Еще 25 % получили российские эсеры. Но украинские партии получили поддержку прежде всего села. Избиратели, которые жили в крупных городах и на левом берегу Днепра поддержали общероссийские списки, собравшие вместе около 40 % голосов. Центральная рада претендовала на обширные районы вплоть до Донбасса и Курска, где ее власть никогда не признавали. Претендуя на восточные территории, Центральная рада «получала» и население левобережья, еще более равнодушное к национальной идее, чем жители Правобережья.

Пока Рада находилась в Киеве, большевики не могли не признать ее полномочия хотя бы условно. Большевики и здесь надеялись на «затяжку», которая могла бы замедлить, а то и предотвратить открытый переход Рады на сторону немцев. В эти дни Совнарком еще надеялся договориться с Центральной радой (по возможности, сдвинув ее еще сильнее влево), поддерживая контакты с ней через левых эсеров. Но в условиях обострявшегося конфликта представители Центральной рады все равно решили сепаратно договориться с державами Четверного союза.

Дипломаты Четверного союза, несмотря на свои предыдущие заявления, были к этому вполне готовы. Уже 21 декабря (3 января) Чернин писал, что если русские не возобновят переговоры, «мы снесемся с украинцами». Поняв значение украинского фактора в переговорах, австро-германская сторона стала провоцировать Украину на провозглашение независимости, чтобы иметь возможность заключить с ней сепаратный мир. Формулировалось это как

требование к Украине определиться со своим статусом. При этом признание этого самостоятельного статуса должно было найти международное признание как раз в договоре с Четверным союзом. Юридический круг замыкался — немцы толкали Украину к независимости от России, чтобы установить над ней протекторат.

5 (18) января 1918 г. генерал Гофман предъявил советской делегации карту, на которой была начерчена линия немецкой сферы влияния, почти совпадающая с линией фронта. Стало ясно, что немцы будут все настойчивее выступать с позиции силы.

Германская военная элита действовала авантюристично перед лицом острого продовольственного кризиса, да еще и когда русские предлагали честный мир. Для Германии и Австро-Венгрии затягивание заключения мира тоже было чревато революцией. Но ставкой в игре стало украинское продовольствие, которое могло эту революцию оттянуть.

Переговоры представителей Центральной рады и Четверного союза стали спасением для тех и других. Немцам нужно было как можно скорее завершить переговоры в Бресте и получить доступ к продовольственным ресурсам, а Рада стремилась отгородиться от большевиков (в том числе украинских) немецкими штыками.

Украинцы произвели хорошее впечатление на партнеров в Бресте: «Они значительно менее революционно настроены, они гораздо более интересуются своей родиной и гораздо меньше — социализмом», — писал О. Чернин. Однако сближение с украинцами немцы проводили не ради их патриотизма, а ради продовольствия и обнаружившейся глубокой бреши в российском дипломатическом фронте.

Первоначально казалось, что отношения сторон партнерские. Украинцы во главе с В. Голубовичем могли торговаться, и зашли в этом вопросе довольно далеко — прежде всего, за счет России. Они требовали признания границ Украины, включающих Северный Кавказ и даже анклав в Сибири.

Не забывали украинские делегаты и об украинцах к западу от фронта. Они требовали воссоединения с Украиной Галиции и спорных с поляками Холмщины и Подлесья. Чернин напомнил украинцам о том, что Австро-Венгрия придерживается принципа «невмешательства одного государства во внутреннюю политику другого». Но в итоге все же пришлось согласиться на создание автономной Галиции в составе Австро-Венгрии и обещать заставить поляков потесниться в спорных регионах. Хлеб нужен был срочно.

Январские стачки в Вене и Берлине стали сильным козырем не только в руках большевиков, но также и украинцев, которые, по выражению О. Чернина, «вылупляются очень быстро» и уже стали диктовать условия. Р. Кюльман писал в Берлин: «украинцы хитры, скрытны и абсолютно не знают меры в своих требованиях».

3 (16) января австро-венгерские дипломаты согласовали выгодные для Украины условия — новое государство получало территории восточнее Буга и южнее линии Брест-Литовск — Пинск. Секретным приложением гарантировалось автономия Восточной Галиции в составе Австро-Венгрии (это приложение австро-венгерская сторона позднее возьмет назад, когда правительство Украины станет марионеточным).

Сведения о немецко-украинских консультациях стали поступать к Троцкому уже 22 декабря (4 января) из немецкой прессы. 6 (19) января немцы уже откровенно «засветили» переговоры с Украиной, что сделало необратимым и конфликт Центральной рады и большевиков. Глава украинской делегации В. Голубович уже официально разорвал дипломатический блок с Россией. Это трагически сказалось на судьбе Рады, так как снимало сдержки на пути вооруженного конфликта с советской стороной.

Переговоры в Бресте вышли на финишную прямую. «В результате дискуссий, которые состоялись во время перерыва в переговорах 23–24 января (4–5 февраля) между германским командованием, с одной стороны, и правительствами Германии и Австро-Венгрии, с другой, последние согласились ускорить подписание сепаратного договора с Украиной и, как только это будет сделано, вручить Троцкому ультиматум — иными словами, свернуть мирную конференцию в Брест-Литовске в недельный срок. Условия ультиматума, который Кюльман должен был представить Троцкому, были таковы: либо Троцкий принимает предложенные ему мирные условия, либо военные действия возобновляются», — пишет американский исследователь А. Рабинович.

Выдвигая свой план провозгласить прекращение войны без подписания мира («ни мира, ни войны»), Троцкий стремился, помимо прочего, опередить немецко-украинское соглашение, так как Рада «ведет явно изменническую политику».

Столкнувшись с расширением сферы советского влияния на Украине, Центральная рада в своем IV Универсале, датированном 9 (22) января 1918 г., все же провозгласила независимость Украинской

народной республики. Но национальная идея оказалась слабым мобилизующим фактором в условиях обострившихся социальных проблем и в развернувшейся борьбе социалистических проектов.

Авторитет Рады стремительно падал. 18 (31) января она приняла украинский закон о социализации земли, ликвидировавший частное землевладение и передававший землю крестьянам. Он был основан на той же идее социализации земли, что и советский закон, принятый несколькими днями позднее. Но крестьянство уже было раздражено учреждениями Рады, так как в соответствии с ее указаниями земельные комитеты описывали имущество имений, а крестьяне стремились просто его разобрать по хозяйствам. Для предотвращения разгрома имений уездные земельные управы вызывали войска.

В сравнении с последующим законодательством гетманата аграрный закон Рады больше устраивал крестьян, что и обеспечит сторонникам УНР массовую поддержку сразу после ухода немцев в ноябре-декабре 1918 г. Но пока Центральная рада была слишком умеренной, чтобы крестьяне были готовы сражаться за нее с большевиками, которые также несли с собой радикальную агарную реформу. А вот рабочие явно предпочитали большевиков, что стало решающим фактором при борьбе в городах.

В условиях начинающегося военного конфликта существовавшее во многих городах двоевластие становилось нетерпимым. Обе стороны попытались разоружить противника, что привело к серии столкновений и восстаний, которые существенно сократили территорию, хотя бы отчасти контролируемую Центральной радой. Большевики с помощью войск В. Антонова-Овсеенко взяли власть в Екатеринославе (28 декабря), Александровске (2 января), Полтаве (6 января), а без помощи со стороны России — в Одессе (14–16 января) и Николаеве (23 января).

В Екатеринославе гайдамаки потребовали от рабочих разоружиться и, получив отказ, стали обстреливать Совет. Как писала коммунистическая газета «Звезда», «Храм революции подвергся обстрелу наглой шайки». Но сторонники советской власти получили подкрепление из Синельниково и окружили штаб гайдамаков, которым пришлось капитулировать.

Большой проблемой для УНР был и фронт, солдаты которого в большинстве своем поддерживали большевиков и Россию — в том числе и значительная часть украинизированных частей. Время

от времени отдельные пробольшевистские части атаковали Раду с запада, поддерживали восстания сторонников Советской власти.

В Одессе в ночь на 14 января созданный Румчеродом (ЦИК Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области) ВРК занял своими силами ключевые объекты города. Но гадамаки и юнкера сохранили оружие и позиции в своих казармах. 15 января они попытались отбить центр города, но сторонники Совета заняли и обороняли телефонную станцию и Успенскую улицу. Гайдамаки и юнкера заняли вокзал и штаб, но «за Успенскую им выйти не удалось, так как с этой улицы начались усиленные атаки матросов и красногвардейцев».

На стороне Совета выступил также Ахтырский полк. Рабочие требовали оружия, но его не хватало. Красные отбросили противника в район Пантелеймоновской улицы и вокзала. Здесь 16 января они были обстреляны с моря и капитулировали.

Это «триумфальное шествие советской власти» по Украине не было результатом просто вторжения красной армии извне — часто власть брали местные сторонники советской власти с помощью тыловых частей, в которых служили и этнические украинцы, и представители других национальностей. Но, оказавшись на территории Украины, они автоматически стали ее гражданами, и их политический выбор оказался не в пользу УНР. При этом значительная часть населения востока и юга нынешней Украины тогда не считали себя частью украинского государства. Не случайно 17 января была провозглашена Одесская советская республика, а как только советское правительство Украины выехало из Харькова, и игра в «свою Украину» на востоке уже была не нужна, 30 января была провозглашена Донецко-Криворожская республика. Под давлением ЦК РКП (б) представители этого региона в марте все же согласились интегрироваться в Советскую Украину и приняли участие во II Съезде советов 17–19 марта 1918 г.

15 (28) января началось просоветское восстание в Киеве. Красная гвардия укрепилась на заводе «Арсенал» и в Подоле. Вместе с двумя просоветскими полками красногвардейцы двинулись на центр города. 17 января часть гарнизона объявила, что дело нужно решить миром, то есть фактически объявила нейтралитет. Восставшим удалось прорваться на Крещатик и подойти вплотную к зданию Рады, после чего они были с трудом отброшены на Подол. Но 19 января Петлюра подошел с подкреплениями и выбил восставших из большинства важнейших объектов. «Арсенал» был окружен и 21 января

(3 февраля) его защитники сдались. Восстание было подавлено, произошли бессудные расстрелы пленных.

В это время войска красных во главе с М. Муравьевым продвигались на Киев. 15 (28) января они вошли в Бахмач. Продвижение советских войск не вызывало значительного сопротивления. 16 (29) января войска Рады дали бой под Крутами и были разбиты. Пытаясь задержать продвижение красных, петлюровцы «во время боя насильно пустили поезд с безоружными солдатами с фронта навстречу наступавшим революционным войскам и открыли по несчастным артиллерийский огонь».

22 января войска Муравьева заняли левобережные пригороды Киева и стали обстреливать город из артиллерии. Муравьев докладывал Антонову, что «крестьяне восторженно встречают революционные войска». Как только развернулась открытая война, стало очевидно, насколько социальные факторы сильнее и важнее, чем национальные. Социальные конфликты определяли ход событий на Украине в это время, оформляясь национальной государственно-юридической надстройкой. Но национальный фактор воздействовал на социальные процессы и с противоположной стороны — национальная почва по мере становления советской системы прорастала и пропитывала политические силы, создававшиеся во имя социальных целей. В 1919 г. это обернулось волной низового национально-окрашенного сопротивления против красных. Но на «прорастание» этого фактора нужно было время, и в 1918 г. Рада не могла самостоятельно выстоять под натиском сторонников советской революции.

Красные располагали всего 6–10-тысячной группировкой, но сторонники Рады все равно многократно уступали им в силах. 25 января Центральная рада выехала из Киева сначала в Житомир, а затем в Сарны — к самому немецкому фронту. Как вспоминал А. Гольденвейзер, «у нас часто случалось, что отступавшие войска творили больше бед, чем сменявшие их завоеватели... На этот раз уходили украинцы, и они покидали Киев не так, как оставляют родной город и столицу, а как эвакуируют завоеванную территорию... «Вильное казачество», защищавшее город, чинило всяческие эксцессы; во дворе нашего дома расстреливали людей, казавшихся по чему-либо подозрительными».

26 января (8 февраля) 1918 г. войска Муравьева взяли Киев. Красные произвели аресты и расстрелы офицеров, оставшихся в городе.

Муравьев с 5000 бойцов двинулся к Днестру для отражения натиска румын.

Для большинства жителей восточной Украины, а то и Киева или Одессы, где большинство говорило по-русски, украинское государство не было своим. Для них война против украинских националистов была войной против попытки разделить живую ткань народов, против затяжки с социальными преобразованиями. Позднее украинские атаманы легко переходили из-под желто-голубых знамен под красные и обратно. Вооруженных украинцев интересовала не национальная государственность, а ее социальное содержание.

В этих условиях потерявшие столицу и опору внутри своей страны, лидеры Центральной рады сделали ставку на внешнюю силу.

9 февраля 1918 г. представители Центральной рады подписали договор с державами Четверного союза. Теперь Рада была признана в международном договоре. Это определило судьбу Украины, включая и те земли, которые ни о какой Центральной Раде слышать не хотели.

По мирному договору Четверного союза и Центральной рады Украина получала Холмщину и часть Подлесья. Рада обязалась предоставить Германии и Австро-Венгрии 1 млн тонн продовольствия, способного смягчить социальный кризис в этих государствах. Секретным соглашением предусматривалось создание автономной Галиции в составе Австро-Венгрии (вскоре эта договоренность была взята назад). Рада приглашала германские войска на Украину, чтобы вытеснить сторонников советской власти. Политика украинских националистов приобрела прогерманскую ориентацию, которая будет иметь и длительное будущее.

Теперь представители Германии готовы были «разделаться» с Россией. Чернин писал 8 февраля: «нет сомнения, что брестское интермеццо быстрыми шагами идет к концу».

9 февраля Вильгельм потребовал от своих дипломатов предъявить ультиматум Троцкому — сдать всю Прибалтику до Пскова и Нарвы. С большим трудом Кюльману удалось уговорить императора подождать немного — хотелось выложить перед Троцким украинский козырь, чтобы добиться от него капитуляции на условиях 5 января (требования Вильгельма казались тогда совсем нереальными для заключения мира без продолжения войны, которая и для Германии было крайне нежелательна).

Но Троцкий не стал дожидаться неизбежного ультиматума. 10 февраля он заявил, что отказывается подписать аннексионистский мирный договор, заявив, тем не менее, о прекращении состояния войны и демобилизации армии. «Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора».

Ленин был не согласен с провозглашенной Троцким демобилизацией армии и даже пытался ее остановить. Но рычагов воздействия на солдатскую массу оставалось немного, и фронт стал рассыпаться.

18 февраля немцы начали наступление. 1 марта немцы заняли Киев. 3 марта 1918 г. делегация Совнаркома подписала «похабный» Брестский мир. По его условиям Россия отказывалась от прав на Финляндию, Украину, Прибалтику и Закавказье, должна была выплатить контрибуцию. На Украину двинулись немецкие войска.

Американский историк Ю. Фельштинский считает, что украинский хлеб был мифом, однако О. Чернин настаивает, что, несмотря на все трудности с выколачиванием продовольствия из Украины, «без этой поддержки мы и вовсе не смогли бы продержаться до нового урожая».

Добавим, что этого продовольствия оказались лишены города России, что резко ухудшило и без того неважное положение с их снабжением и во многом предопределило обострение конфликта между советским режимом и крестьянством России, а значит — и с левыми эсерами, обеспечивавшими представительство крестьянства в системе советской власти. С точки зрения левых эсеров и их сторонников «братский народ Украины» был отдан на разграбление немцам.

Немецкая оккупация и разгон Центральной рады

Германские и австро-венгерские войска двинулись на Украину. Красная гвардия численностью около 25 тысяч бойцов не могла остановить немецкий фронт в 200 тысяч солдат. Несмотря на формальный мир, большевики и левые эсеры не собирались сдавать этот край без боя — у Советской Украины не было мира с Германией, и можно было опробовать идею левых эсеров и левых коммунистов о партизанской войне, изматывающей Германию. Идея оказалась не самой продуктивной — после нескольких боестолкновений красные и «черногвардейские» отряды откатились за Днепр. И здесь оборона продержалась недолго. Крестьяне не поддерживали сопротивление. Пока.

В городах черноморского побережья вспыхнули восстания против немцев. Херсон держался с 20 марта до 5 апреля, Николаев — 22–25 марта. Но без поддержки извне у восставших не было шансов на успех.

Центральная Рада и ее правительство (с 18 января называвшееся Совет народных министров) во главе с эсером В. Голубовичем вернулись в Киев. Лидеры Рады наивно утверждали, что немецкие войска, «дружественные нам, будут биться с врагами Украинской народной республики под началом Полевого штаба нашего государства».

Вернувшись в Киев, министерство внутренних дел приказало губернским и уездным комиссарам известить население, что правительство УНР «твердо и нерушимо стоит на страже всех политических, социальных и национальных достижений Великой Революции». Выступая на заседании Малой Рады, посвященном годовщине Центральной рады, Грушевский подтвердил, что УНР не отказывается от необходимости созыва Учредительного собрания. Более того, в брошюре «На пороге новой Украины» Грушевский заявил: «Укрепляя авторитет нашей социалистической Центральной Рады и ее социалистического министерства, хотим сделать нашу Украину крепостью социализма. Строим республику не для буржуазии, а для трудящихся масс Украины, и от этого не отступим!»

Немцы, однако, не собирались терпеть все это социалистическое самоуправство. Им нужно было выкачивать продовольствие из Украины. А это было удобнее делать через крупные хозяйства, и уж во всяком случае — не во время земельного передела. Также Вильгельм II не был намерен иметь «союзное государство», правительство которого является очагом социалистической пропаганды. 6 апреля главком немецких войск Эйхгорн выпустил свой аграрный декрет, игнорирующих законодательство УНР. Теперь крестьяне могли взять только ту помещичью землю, которую засевают сами, и не засевают помещики. Если помещики на своей прежней земле действовали совместно с крестьянами, то получали половину урожая. В современной украинской историографии этот приказ характеризуется как «довольно прагматичный», с чем очень трудно согласиться, учитывая обстановку в стране. Ведь помещики не могли сеять сами, для этого им нужно было привлечь рабочую силу. Весной 1918 г., когда беднейшие слои деревни не были настроены на покорное батрачество, это означало привлечение к работам все тех же крестьян, которые до прихода немцев рассчитывали получить весь

урожай, а теперь вынуждены были работать на помещичьей земле исполу. Ничего, кроме возмущения, это вызвать не могло, и Эйхорн своим приказом способствовал подготовке почвы для крестьянских восстаний на Украине.

Рада протестовала против декрета Эйхгорна как против грубого вмешательства во внутренние дела Украины, но была проигнорирована. Таким образом, было продемонстрировано ее полное бессилие в условиях немецкой оккупации. Однако лидеры Рады предпочли смириться и 23 апреля подписали оговоренный еще в Бресте торговый договор о поставках в Германию и Австро-Венгрию 60 млн пудов зерна, а также других продуктов.

Мавр сделал свое дело и мог уйти. 26 апреля Вильгельм дал согласие на замену режима УНР диктатурой крупного помещика и наследника гетманского рода П. Скоропадского.

Поводом для разгона стала авантюра премьера В. Голубовича и его сотрудников, которые похитили банкира А. Доброго, осуществлявшего финансовые операции немецкого командования. В дальнейшем на немецком суде Голубович утверждал, что организовал похищение в знак протеста против произвола немецкого командования.

Центральная рада была разогнана немцами 28 апреля, но снова собралась на последнее заседание. Последним актом агонизировавшей Центральной рады стало принятие демократической конституции УНР 29 апреля. Украина оставалась парламентской республикой — всего еще на несколько часов.

Украинская держава и крушение оккупационного режима

29 апреля 1918 г. был создан новый режим гетмана П. Скоропадского, опиравшийся на немецкие войска и российские офицерские формирования. УНР была переименована в Украинскую державу, ее основные принципы были сформулированы в гетманской грамоте, составленной по образцу законов Российской империи. Гетман получал почти самодержавную власть, но законодательство должно было утверждаться, а позднее приниматься будущим Сеймом вместе с гетманом. Под прикрытием германских штыков гетман надеялся обеспечить свободу торговли и предпринимательства, восстановить «права частной собственности как фундамент культуры и цивилизации». Гетман обещал проводить и агарную

реформу, изымая лишние земли у помещиков за государственный счет для распределения среди малоземельных. Но для начала эти земли нужно было отобрать у крестьян, что вело к перманентной социальной войне на селе. 8–10 мая подпольный крестьянский съезд под Киевом, организованный эсерами, постановил создавать партизанские отряды.

Формальной политической опорой переворота Скоропадского стало правое большинство съезда хлеборобов. Но съезд партии хлеборобов отказал Скоропадскому в поддержке, потребовав созыва полноправной Государственной рады и отстранения от власти не только «голытьбы», но и «больших богатеев». Отклонили предложение войти в правительство и социалисты-федералисты, которые требовали возвращения к конституции 29 апреля, и только на этом условии были готовы признать Скоропадского временным президентом. Гетман не мог пойти на такое сокращение своей власти — не для того переворот делался. Так что Скоропадский не смог заручиться политической поддержкой украинских политических сил и вынужден был опираться прежде всего на оккупантов. Руку поддержки гетману протянули кадеты, что было для них результатом болезненного пересмотра принципов. Ведь кадеты на Украине были частью общероссийской кадетской партии, выступали как против украинской государственности, так и против сговора с Германией. А здесь пришлось публично оказать поддержку главе украинского государства — ставленнику немцев. Но священный принцип частной собственности оказался для кадетов важнее любых патриотических соображений. К 2 мая несколько кадетов вошли в гетманское правительство, а 8–10 мая санкцию на это дал областной съезд кадетов, который так обосновывал «гибкость» своих принципов: «Съезд, оставаясь верным идеалам партии и ее программе, перед угрозой порабощения и гибели края от анархии и руины признает необходимым участие партии в государственной работе». Перед угрозой порабощения кадеты пошли на службу к поработителям. Впрочем, у кадетов была «задняя мысль», которая проявилась позднее — в союзе с ненавистными немцами создать антибольшевистский «Пьемонт» для последующего «освобождения» всей России, после которого украинская государственность будет ликвидирована за ненадобностью.

10 мая было сформировано гетманское правительство Ф. Лизогуба, которое провозгласило своими задачами укрепление порядка

и подготовку «созыва народного представительства». Правительство принялось закрывать газеты. Немецкие военно-полевые суды проводили аресты. В деревнях проводились карательные экспедиции против крестьян, отказывавшихся возвращать землю помещикам. По закону от 27 мая старые землевладельцы получали право на урожай озимых, а за яровые, засеянные весной, крестьяне должны были выплатить помещикам арендные и дополнительные платежи, не говоря уже о налогах. «Были образованы особые комиссии по возмещению убытков, причиненных в революционную эпоху землевладельцам. Установленные комиссиями суммы убытков безжалостно выколачивались у крестьян с применением круговой поруки. Деревня отвечала местными восстаниями, подавлявшимися с большой жестокостью. Из городского населения больше всех подвергались репрессиям евреи. Гетманское правительство взяло антисемитский курс, которого и следовало от него ожидать. Гетман опирался, с одной стороны, на немцев, с другой — на правые русские круги. Во многих отношениях эта десница и шуйца расходились и тянули каждая в свою сторону. Но в еврейском вопросе они были более или менее солидарны: и десница, и шуйца не любили евреев и приписывали евреям все крайности революции», — вспоминал А. Гольденвейзер. Революционеры, включая мнимых, отправлялись в созданные немцами концлагеря. Зато в городах расцвела торговля. Киев, как позднее Одесса, стал местом скопления эмигрантов из Москвы и Петрограда.

2 июня Германия признала власть гетмана официально. 17 июня было создано правительство генерала Сулькевича в Крыму, но теперь Украина выдвинула претензии на полуостров. 12 июня было заключено перемирие с РСФСР, но до мира было далеко, так как стороны продолжали спорить о границах. В то же время в 10 километровой нейтральной зоне, установленной еще в мае между Украиной и Россией в районе Сунжи, накапливались революционные отряды.

Стабильность оккупационного режима была иллюзорной. 30 июля левым эсером был убит немецкий командующий Эйхгорн. И это было только верхушкой айсберга разраставшихся по Украине восстаний — крестьянство уже ненавидело оккупантов. В июне 1918 г. по инициативе эсеров (УПСР в это время находился фактически на левоэсеровских позициях) восстали крестьяне Звенигородского и Таращанского уездов на Киевщине. Один из лидеров таращанских партизан Ф. Гребенко еще в марте поднял восстание против

наступавших немцев. Но тогда повстанцев разбили, и Гребенко партизанил с небольшой группой. 8 июня восстало несколько сел, и Гребенко возглавил крестьянскую армию в несколько тысяч человек. В 1919 г., уже будучи комбригом, Гребенко будет расстрелян коммунистами. В июле началась забастовка железнодорожников. Летом 1918 г. на Киевщине действовало до 40 тыс. повстанцев — националистов (в том числе социалисты), левых эсеров и большевиков. Под ударами немцев они перешли к партизанской войне, а часть прорвалась в нейтральную зону на границе с Россией, где левые эсеры готовили вторжение революционных отрядов на Украину. В августе большевики организовали крупное восстание во главе с Н. Крапивянским на Черниговщине и Полтавщине, которое, однако, было разгромлено. В сентябре Махно начал партизанские операции с небольшим отрядом. Первый бой в селе Дибривки (Б. Михайловка) оказался для партизан удачным, принес Махно почетное прозвище «батько». В районе Дибривок отряд Махно объединился с отрядом Ф. Щуся. Удачливые партизаны стали получать поддержку крестьян. Махно подчеркивал антипомещичий и антикулацкий характер своих действий.

Сам партизанский отряд действовал как мобильная ударная группа в несколько десятков бойцов. При необходимости он мог вырасти до 400 человек (у Махно было еще около тысячи невооруженных резервистов). Иногда отряд оказывался на грани уничтожения превосходящими по численности силами противника, но в целом действия Махно были относительно успешными.

Пока Германская и Австро-Венгерская империи выдерживали натиск Антанты, партизаны могли только подтачивать их силы. Все же удары партизан были весьма чувствительными, и немцы не получили на Украине столько продовольствия, сколько рассчитывали. Им приходилось сохранять здесь двухсоттысячную группировку, хотя войска были так нужны на Западном фронте. Сопротивление не ослабевало, а только росло, и оккупанты оказались в безвыходном положении.

В сентябре гетман съездил в Берлин, где получил указание украинизировать правительство и провести выборы в сейм. Германии не нужен был в Киеве «русский Пьемонт». Но проблема заключалась в том, что большинство известных украинских политиков, объединившихся в июле в Украинский национально-государственный союз (затем — Украинский народный союз, УНС), были

демократами и социалистами, и не собирались просто так уступать Скоропадскому. Тем более, что германский фронт в Европе уже трещал по швам.

В этих условиях политическая борьба в верхах Украинской державы обострилась. Кадеты потребовали от Скоропадского активного участия в общей борьбе с большевизмом. Не встретив сочувствия этой идее (немцы не собирались давать на это санкцию), кадеты 20 октября покинули правительство. 24 октября Лизогуб сформировал новое правительство, заменив кадетов украинскими правыми деятелями. Однако и они ушли из правительства 7 ноября, в знак протеста против запрета проведения Украинского национального конгресса. Недолгое украинофильство Скоропадского выразилось в частности в создании Украинской академии наук. Правда, реально она смогла начать работу только при большевиках в 1919 г.

Распад гетманского правительства совпал с Ноябрьской революцией в Германии. Режим гетманата потерял последнюю опору, и Скоропадский, хватаясь за соломинку в этом мировом потопе, решил полностью изменить курс. 14 ноября он заявил, что Украине «первой надлежит выступить в деле образования Всероссийской федерации, ее конечной целью будет восстановление Великой России».

В ноябре 1918 г. Германия капитулировала перед Антантой, началась эвакуация немецких войск с Украины. 13 ноября Россия разорвала Брестский мир, что означало — скоро на Украину придет Красная армия.

После капитуляции Германии украинские националисты вышли из подполья и повели борьбу за власть.

Возникновение Директории и падение гетмана

13 ноября Украинский национальный союз как наследник Центральной рады создал Директорию Украинской народной республики во главе с левым социал-демократом В. Винниченко. В нее также вошли С. Петлюра, Ф. Швец, А. Макаренко и А. Андриевский. Военными силами Директории — гайдамаками, командовал правый социал-демократ С. Петлюра.

14 ноября Директория провозгласила восстание против «насильника и узурпатора» Скоропадского. Первоначально с воззванием от своего имени выступил Петлюра, что вызвало неудовольствие председателя Директории Винниченко: ««Петлюра идет на гетмана», «Петлюра призывает против немцев»... Словом, этим сразу было

внесено в движение как раз все то, чего хотели избежать партии: персональный характер дела, отсутствие коллективности и даже отсутствие республиканского характера движения... Имя Петлюры стало маркой всего движения».

Директория обещала вернуть все завоевания революции и созвать Учредительное собрание. Винниченко предложил перехватить у большевиков лозунг Советской власти, создать демократические Советы: «будучи введена по инициативе и по указаниям самой Директории, советская власть могла бы быть организована по такому принципу, чтобы ее национальный украинский характер сохранился в полной мере...», — рассказывал В. Винниченко. Но большинство директоров не поддержали эту идею, так как она означала неизбежный конфликт с Антантой и в то же время не гарантировала дружелюбия большевиков. Петлюра, приверженный идее парламентаризма, утверждал, что советскую идею не поддержат и атаманы — вожди формирующихся частей национальной армии. В действительности их мнения разделятся, что трагически скажется на состоянии фронта — Волох и Григорьев перейдут на сторону советской власти, а Болбочан и Оскилко окажутся врагами Петлюры справа. В итоге был выработан компромисс — наряду с парламентом предполагалось создать трудовые советы, обладающие только контрольными функциями, а также созвать Конгресс трудового народа — аналог Съезда советов. Реальная власть должна была перейти к комендантам и комиссарам Директории, а на деле — к полевым командирам — атаманам.

15 ноября директора прибыли в Белую церковь, где базировались сечевые стрельцы Е. Коновальца, готово выступить против Скоропадского. Восстание было поддержано многими украинскими военными частями и их командирами — атаманом Болбочаном в Харькове, серожупанной дивизией на Черниговщине и др. Восстание было популярно и среди крестьян: «Хлеб и всякие другие продукты привозили к нам возами», — вспоминал Винниченко. В 1919 г. эта поддержка резко ослабнет, и солдаты Директории будут голодать.

17 ноября созданный немецкими солдатами Совет подписал с Директорией соглашение о нейтралитете. Немцев интересовало одно — скорейшая эвакуация на родину. Поэтому повстанцы должны были сохранять в целости железные дороги и не торопиться с наступлением на Киев, чтобы дать немцам возможность спокойно выйти с Украины.

Теперь гетман мог рассчитывать на офицерские части, поскольку белое офицерство надеялось на создание в Киеве оплота против большевиков. Однако силы этих формирований были невелики, энтузиазм украинских повстанцев заметно превосходил готовность офицеров умирать за гетмана. 18 ноября у Мотовиловки гетманские силы были разбиты и отошли к Киеву. Повстанцы, памятуя о немецком факторе, тоже пока не трогали столицу.

Действия националистов против офицеров гетманской армии (то есть в основном русских офицеров) были жестокими. Киев был шокирован прибывшим в город вагоном с телами 33-х замученных петлюровцами офицерами. М. Нестерович-Берг вспоминала: «Кошмар этих киевских трупов нельзя описать. Видно было, что прежде чем убить, их страшно, жестоко, долго мучили. Выколотые глаза; отрезанные уши и носы; вырезанные языки, приколотые к груди вместо георгиевских крестов; разрезанные животы, кишки, повешенные на шею; положенные в желудки еловые сучья. Кто только был тогда в Киеве, тот помнит эти похороны жертв петлюровской армии. Поистине — черная страница малорусской истории, зверского украинского шовинизма!... Началась паника и бегство из Киева».

«Трудное положение Скоропадского внезапно осложнилось еще одним инцидентом, — рассказывал правый политический деятель В. Гурко. — Представитель генерала Деникина в Киеве генерал Ламповский (имеется в виду П. Ломновский — А.Ш.) издал ни на чем не основанный приказ, предлагавший русскому офицерству, образовавшему в Киеве добровольческие отряды, провозгласить себя частью Добровольческой армии и подчиняться лишь исходящим от нее приказам». Эта инициатива напомнила и деятелям гетманата, и самим офицерам, что они являются в Украинской державе чужеродным элементом, и их главные задачи лежат не здесь, а в «Доброволии».

27 ноября офицеры 8 корпуса гетманской армии во главе с генералом И. Васильченко бросили Екатеринослав и двинулись на соединение с Добровольческой армией. 22 декабря они дошли до Крыма, где и закрепились.

14 декабря гетман отрекся от власти и бежал. 17 декабря 1918 г. гайдамаки заняли Киев. УНР была восстановлена.

Глава 2
Гражданская война и интервенция на Украине в 1919–1921 гг.

Директория УНР

26 декабря 1918 г. Директорией было создано правительство социал-демократа В. Чеховского. Возродилась и УНР, но место Центральной рады заняла более компактная Директория.

Первоначально Директория заложила довольно левый курс, созвучный чаяниям рабочих и крестьян. Декларацией Директории 26 декабря было восстановлено законодательство Центральной рады, должны были быть восстановлены демократически избранные органы местного самоуправления, создана «национально-персональная» (культурно-национальная) автономия для национальных меньшинств, возвращен 8-часовой рабочий день, был обещан рабочий контроль, государственное управление ведущими отраслями промышленности и борьба со спекуляцией. «Впредь до полного разрешения вопроса о земельной реформе Директория УНР оповестила, что все мелкие крестьянские хозяйства и все трудовые хозяйства остаются в неприкосновенности в пользовании прежних их владельцев, остальная же земля переходит в пользование безземельных и малоземельных у крестьян, а в первую очередь тех, кто вступил в войска республики для борьбы с б. гетманом». Здесь крестьян, наученных горьким опытом гетманата, не могли не смутить слова «впредь до полного разрешения...» То есть сейчас права на землю в УНР еще не гарантированы. Такое «учредительство» было уже достаточно скомпрометировано, и большевики, уже отдавшие землю безо всяких отсылок к будущему парламенту, казались крестьянам предпочтительнее.

Декларация 26 декабря определяла, правда, очень нечетко, порядок выборов делегатов на Конгресс трудового народа. Крестьяне должны были выбирать их на съездах в губернских городах, рабочие — от фабрик и мастерских. Правда, позднее за рабочими резервировалось менее пятой части мест. Интеллигенция могла участвовать в Конгрессе только «трудовой» своей частью, к которой относились работники просвещения, лекарские помощники, работники кооперативов и служащие. В дальнейшем под давлением партий круг «допущенной к Конгрессу» интеллигенции был расширен.

Конгресс должен был получить права верховной власти до созыва Учредительного собрания, которое намечалось на время после завершения войны.

На практике в Киеве и на местах власть перешла в руки атаманов, которые, по словам Винниченко, «решали не только военные дела, но и политические, социальные и национальные. Вся верховная, то есть реальная, действительная власть находилась в руках атамана, именно в штабе сечевых стрельцов, с которыми Петлюра совершенно солидаризировался и всякими способами заискивал у них ласки. Они вводили осадное положение, они вводили цензуру, они запрещали собрания... Директория и кабинет министров играли только декоративную роль ширмы и громоотводов». 18 января 1919 г. в связи с официальным началом войны с Россией Петлюра был назначен головным атаманом.

Петлюра и его сторонники сделали ставку на быстрое формирование армии УНР на основе отрядов уже выдвинувшихся полевых командиров. А они устанавливали свою диктатуру на местах, не собираясь согласовывать свою политику с Директорией и соблюдать какие-то демократические принципы. «Из всех властей, которые царили над нами за эти пестрые четыре года, ни при одной не расцвели таким пышным цветом налеты, грабежи и вымогательства. Разгулявшиеся хулиганы спешили снять сливки с понаехавшей в Киев при гетмане денежной публики... Бороться против налетов было очень трудно, и случаев ареста налетчиков, насколько я помню, почти не было», — вспоминает А. Гольденвейзер.

На новый виток вышла украинизация, на этот раз сопровождавшаяся заменой вывесок на русском языке (иногда в них просто переправляли буквы). Этому способствовало прибытие солдат из Галиции, не знакомых с русским языком.

21 декабря бойцы Коновальца разгромили резиденцию киевских профсоюзов. Петлюровские войска направлялись в города, где возникали Советы, для их разгона. Это дополнительно распыляло вооруженные силы Директории и множило очаги конфликтов вокруг Киева. Впрочем, если Советы стояли «на государственной точке зрения», правительство Директории указывало комиссарам их поддерживать.

На востоке Украины дело Директории оказалось в руках командования, продолжавшего по сути гетманскую политику. Перешедший на сторону Директории Болбочан разогнал Совет и профсоюзный

съезд. Не удивительно, что здесь революционные массы, и без того не склонные в большинстве своем к национализму, быстро развернулись против Директории. Складывание режима «атаманщины» вызывало и вооруженное сопротивление на местах, направленное против режима Директории в целом, и политическую критику изнутри политического лагеря УНР.

4–7 января вспыхнуло восстание против Директории в Житомире, но оно было подавлено, что обеспечило УНР тыл, который, впрочем, оставался ненадежным — восстания вспыхивали то тут, то там.

В январе за власть Советов выступил Всеукраинский совет крестьянских депутатов.

Позиция Винниченко, отвергнутая Директорией, была поддержана левым крылом УСДРП на ее VI съезде. В докладе о политическом положении на Украине А. Песоцкий предложил участвовать в мировой революции, создавать свою власть Советов и начать социализацию хозяйства. Председатель правительства В. Чеховский также поддержал переход к советской системе, но без большевистских диктаторских методов. То есть речь шла о введении действительно власти Советов, которая не существовала уже в РСФСР, замененная диктатурой партийно-правительственных органов. Но власть Советов была популярным требованием и знаменем большевиков, перехватить которое было бы очень важно для сохранения популярности Директории. Против советских идей в пользу сохранения парламентаризма категорически выступило правое крыло партии во главе с И. Мазепой и др. Решения съезда в этой ситуации во многом зависели от позиции Винниченко. Однако он не поддержал своих левых сторонников, скованный решениями Директории и не желая ее раскалывать. В итоге партия поддержала созыв парламента и трудового конгресса, но от нее откололась левая группа «незалежных».

Компромиссом должен был стать Трудовой конгресс, значение которого повышалось еще и тем, что на нем предстояло провозгласить воссоединение украинского народа.

В ходе распада Австро-Венгрии на территории восточной Галиции 1 ноября власть перешла к украинской Национальной раде и державному секретариату во главе с К. Левицким, и 13 ноября была провозглашена Западно-украинская народная республика (ЗУНР). Однако поляки не собирались уступать ей Львов и вообще Галицию. Они перешли в наступление, уже 4 ноября отбили Львов.

Державный секретариат эвакуировался в Тернополь, затем Станиславов и Каменец.

Соглашение об объединении ЗУНР и УНР было достигнуто 1 декабря 1918 г. 22 января, накануне созыва Трудового конгресса, Директория приняла Универсал, провозглашавший объединение. 23 января Трудовой конгресс утвердил его в торжественной обстановке. Правда, до Учредительного собрания правительство ЗУНР оставалось фактически самостоятельным. «Однако этот шаг создавал для Директории вооруженного врага с запада», — пишет В. Винниченко. УНР вступила в войну с Польшей, что еще сильнее подрывало возможность опереться на поддержку Антанты.

8 января, предваряя волю Конгресса, Директория приняла земельный закон. Он отменял частную собственность на землю. Земля передавалась во владение с правом наследования тем, кто ее обрабатывает. Вводился земельный максимум в 15 десятин с правом увеличения этой нормы земельными комитетами, если часть земли признавалась песчаной или болотистой. Также с согласия земельного комитета владелец мог передавать землю другому владельцу. Не должна была отчуждаться земля сахарных, винокуренных и других заводов. Излишки земли подлежали перераспределению, но прежде предстояло провести большую исследовательскую работу, чтобы понять, каковы эти излишки.

Уже это принятие важнейшего акта Директорией, предваряющее решение Трудового конгресса, показало, что Конгресс заранее не рассматривается как верховный орган власти. Собравшиеся делегаты (более 400, 35 с запада Украины) выслушивали речи и должны были выбирать между проектами решений, заранее подготовленными левыми и правыми социалистами. Большинство делегатов принадлежали к эсерам, но партия переживала размежевание на правое и левое крылья, не считая отколовшихся в мае 1918 г. левых эсеров-боротьбистов. Социал-демократы, напротив, сплотились на платформе решений своего съезда, и фактически лидировали на конгрессе (тем более, что украинские социал-демократы были предельно близки по взглядам к эсерам, признавая, что для пролетарских задач время еще не пришло). В условиях, когда сторонники советской власти вели войну с УНР, решения Конгресса уже были далеки от идей сочетания советских и парламентских принципов. 28 января Конгресс призвал готовить выборы в парламент и сохранил полноту власти за Директорией.

Правда, заместитель иностранных дел УНР А. Марголин, который в это время ехал с дипломатической миссией в Одессу, вспоминал: «Власть Директории уже ограничивалась Киевом и ближайшим районом. В Казатине была уже своя самочинная власть». Атаманы правили по своему усмотрению, что выражалось прежде всего в произвольных арестах и досмотрах с грабежами.

Делегаты Конгресса торопливо разъезжались из Киева, к которому подходила Красная армия. 2 февраля Директория обосновалась в Виннице.

Советское наступление и кочующая Директория

На Украину вошла Красная армия, которая тут же получила поддержку не только коммунистов, но и значительной части украинского крестьянства, считавшего большевиков сторонниками раздела помещичьей земли и борцами с немецкой оккупацией. В декабре 1918 г. из нейтральной зоны выступил отряд левого эсера Юрия Саблина, который занял Купянск и Волчанск. Был создан ревком, включавший левых эсеров, максималистов и анархистов. Этот левацкий район вскоре был занят частями РККА, а ревком разогнан. Не получалось у левых эсеров создать «свой» район.

В Судже расположилось созданное 20 ноября Временное рабоче-крестьянское правительство Украины во главе с Ю. Пятаковым. Но ему было непросто сработаться с лидером восточно-украинских большевиков Артемом, и вскоре правительство возглавил Х. Раковский. Формально правящей партией на советской территории была созданная в июле 1918 г. Коммунистическая партия (большевиков) Украины, но фактически она была филиалом РКП (б). Всеукраинский ЦИК (ВУЦИК) Советов был сформирован на двухпартийной основе — на 90 большевиков приходилось 10 боротьбистов, которые также активно участвовали в организации восстаний.

Две украинские советские повстанческие дивизии стали продвигаться на юг. 4 января 1919 г. был создан Украинский фронт во главе с Антоновым-Овсеенко, который начал двигаться к Донбассу, чтобы и вести там борьбу с белыми. Правобережную Украину пока не планировалось занимать. Если бы Украинская республика была устойчива, большевики вели бы сражения с белыми, а Киев остался бы в стороне. Но волна восстаний против Директории отклонила ось наступления Украинского фронта далеко на запад.

1–2 января у Казачьей Лопани 2 украинская советская дивизия разбила силы Болбочана, тем более, что в Харькове развернулось восстание. 16 января Директория объявила войну России. В тот же день Болбочан сдал Полтаву. Попытка Петлюры отбить город оказалась неудачной. Фронт УНР рушился из-за многочисленных восстаний, перехода атаманов на сторону Советской власти. Красные развернули наступление в сторону Киева и Одессы. 26 января красные взяли Екатеринослав.

В условиях советского натиска Директория отправила миссии одновременно в Советскую Россию (С. Мазуренко) и к командованию войск Антанты в Одессе (генерал А. Греков).

Переговоры с миссией Мазуренко начались 17 января, на следующий день после формального объявления Украиной войны России. Советскую делегацию возглавлял Мануильский. Мазуренко пытался достичь соглашения за счет интересов военных властей УНР: «Происшедшие в последнее время убийства большевиков в Киеве — дело рук военных властей, и Директория не имеет к ним никакого отношения». По существу, Мазуренко искал соглашения между левым крылом Директории и большевиками. Мануильский предложил «посредничество» РСФСР для достижения перемирия между Директорией и Советской Украиной при условии созыва на Украине Съезда Советов на принципах, принятых в России, и участия войск УНР в войне против Антанты и белых (вскоре часть армии УНР и так перешла на сторону Советов). 1 февраля советская сторона несколько смягчила условия: «1. признание Директорией принципа власти Советов на Украине; 2. признание нейтралитета Украины с активной его защитой против всякого иностранного вмешательства, нарушающего этот нейтралитет; 3. совместная борьба против контрреволюции и 4. перемирие на время мирных переговоров». Это позволяло более вольно трактовать принципы организации Советов и вести войну против Антанты и белых только на украинской территории. Мазуренко согласился на эти условия.

Директории стало известно об этом 9 февраля, Винниченко предложил трактовать это положение в том смысле, как он предлагал еще в ноябре-декабре — провозгласив свою советскую власть. Однако в условиях советского наступления, краха фронта УНР Москва вряд ли могла бы принять такие условия.

6 февраля красные вошли в Киев. Не склонный к анархизму А. Гольденвейзер рассказывает о периоде киевской жизни после бегства

гайдамаков и до прихода красных: «Период этот продолжался целую неделю. За это время все население убедилось в том, что отсутствие правительства тоже есть форма государственного строя, притом, пожалуй, не самая худшая государственная форма. Царило совершенное спокойствие, магазины были открыты, базары торговали, извозчики ездили».

Директория решила ставить на Антанту. 15 декабря в Одессе высадился 15-тысячный англо-французский экспедиционный корпус. Затем лидирующее место в интервенции на Украине заняла Франция, так как Британии была выделена сфера влияния восточнее — от Дона до Средней Азии. К французам присоединились греки, сербы и др. контингенты Антанты. Командующий французской дивизией генерал д» Ансельм потребовал от войск УНР очистить Одессу и прилегающие территории, что и было сделано. 7 февраля генерал д» Ансельм и его начальник генштаба Фрейденберг провозгласили, что «Франция и его союзники не забыли усилий, которые Россия сделала в начале войны, и теперь они пришли в Россию с целью дать всем благонадежным элементам и патриотам возможность восстановить в стране порядок, уже давно уничтоженный ужасами гражданской войны». Патриоты России — это не украинские националисты. Антанта и не собиралась теперь поддерживать Директорию, делая ставку на белое движение.

Под прикрытием интервентов в Одессе была создана белая военная администрация во главе с генералом А. Гришиным-Алмазовым. Здесь стала формироваться новая белая «Южно-русская» армия под руководством генерала А. Шварца. Но дело продвигалось медленно, так как часть офицеров предпочитала уезжать в район действий Добровольческой армии.

В приказе Ансельма говорилось, что «Франция и ее союзники пришли в Россию, чтобы дать возможность всем факторам доброй воли и патриотизма восстановить порядок в стране». Стало ясно, что французское командование считает Украину частью России, а за Директорией может признать разве что статус одного из российских «факторов доброй воли».

Французы выставили политические условия на переговорах с представителями УНР: устранение представителей левых партий из Директории, передача контроля над железными дорогами и финансами Украины, проведение аграрной реформы только на принципах вознаграждения собственника. В начале февраля Директория

отвергла это грубое вмешательство в дела непризнанного государства, но переговоры продолжила. От имени директории их вел С. Остапенко, который призывал Антанту признать УНР и помочь в отражении агрессии большевиков. Того же добивалась и украинская делегация на Парижской конференции, впрочем безуспешно. В условиях наступления Красной армии и развала фронта Антанта для лидеров УНР оставалась последней надеждой на спасение.

9 февраля УСДРП отозвала своих представителей из Директории, надеясь таким образом облегчить достижение соглашения с Антантой. Винниченко вышел из Директории и вскоре уехал за границу. «И даже после этого В. К. Винниченко не изменил убеждению, что соглашение Украины с большевистской Россией на советской основе — наиболее приемлемый, желаемый, если вообще не единственный и, притом, принципиальный, вовсе не ситуативный, конъюнктурный вариант развития украинско-российских отношений, общего революционного прогресса. Потому, пребывая в эмиграции, он, с провозглашением Венгерской советской республики весной 1919 года, направился по приглашению Бела Куна в Будапешт для переговоров о возможности создания «советского пояса» — Россия — Украина — Венгрия и, возможно, далее — Бавария. Логической основой взаимодействия в рамках такого пояса нетрудно предположить, лежали бы все те же федералистские принципы», — пишет В. Ф. Солдатенков.

Новую Директорию возглавил С. Петлюра, который вышел из УСДРП, чтобы не ассоциироваться с социализмом. Таким образом, Петлюра разорвал со своим социалистическим прошлым и занял лидирующую позицию в стремительно сокращавшейся в размерах УНР. По решению своей партии из Директории вышел также эсер Ф. Швец. В правительство согласились войти социалисты-федералисты (слово «социализм» в их названии было чистой условностью), социалисты-самостийники и народные республиканцы. Режим Директории стал обычной национал-авторитарной политической силой. Правда, поиску внешней опоры это не помогло — Антанта предпочла поддерживать Колчака и Деникина, выступавших за единую и неделимую Россию. Отряды гайдамаков один за другим переходили на сторону большевиков — левые идеи были на Украине популярнее, чем правый национализм.

13 февраля поредевшая Директория назначила премьер-министром С. Остапенко. Теперь ему были и карты в руки, чтобы достичь

соглашения с французами. Но надежды на Антанту оказались иллюзией. Единственное, чего достигла украинская делегация в Одессе — подписание 18 февраля соглашения о создании федерации снизу с такими же представителями Дона, Кубани и Белорусской народной республики. Но представители Антанты отвергли эту идею.

После эвакуации войск Антанты из Одессы переговоры с делегацией УНР продолжались уже в Париже. Отдел по русским делам МИД не лишал украинцев надежд, оговаривая возможную помощь прекращением борьбы с Польшей и Деникиным. Конкретную помощь должна была обеспечить делегация Антанты, которая так и не прибыла в район, где кочевала Директория. Представители Франции и США на Парижской мирной конференции не принимали всерьез существование украинского народа и исходили из перспективы существования «единой и неделимой» России в этом регионе.

Тем временем повстанцы, выступившие против немецкой оккупации и гетманата, и частично поддержавшие Директорию, теперь разворачивали фронт против нее, в поддержку Советской идеи, отвергнутой Директорией несмотря на усилия Винниченко. Популярность идеи Советской власти и связанных с ней радикальных социальных преобразований обеспечила быстрое продвижение красных на Украине.

Повстанческие отряды вливались в Украинский фронт красных, становясь основой для развертывания сначала бригад, а затем и дивизий.

27 ноября Махно занял Гуляй-поле. Он вытеснил из своего района немцев, разгромил сопротивлявшиеся хутора и усадьбы и наладил связи с органами местного самоуправления. 27–31 декабря 1918 г. Махно в союзе с отрядом большевиков отбил у петлюровцев Екатеринослав, но из-за противоречий с большевиками не смог удержать город под напором войск УНР. После этой неудачи Махно быстро восстановил численность в несколько тысяч бойцов и вступил в бой с белыми. Но махновцам не хватало оружия, и повстанцы были прижаты к Гуляй-полю.

С севера в район действий махновцев входила 1 Заднепровская дивизия под командованием Дыбенко, который 26 января передал махновцам патроны, позволившие им уже 4 февраля перейти в наступление. 17 февраля махновцы вошли в Бахмут. В это время численность махновцев оценивалась уже в 7000 бойцов.

Махновцы вошли в качестве 3-й бригады в состав 1 Заднепровской дивизии под командованием Дыбенко. Полученное от большевиков оружие позволило вооружить ждавшее своего часа крестьянское пополнение. В результате 3 бригада 1 Заднепровской дивизии стала быстро расти, обгоняя по численности и дивизию, и 2 Украинскую армию, в составе которой 3 бригада сражалась позднее. В конце апреля у Махно было 15–20 тысяч бойцов. Бригада развернула наступление на юг и восток, ворвалась в Волноваху и Бердянск. Западный бастион Деникина был ликвидирован.

В ту же 1 Заднепровскую дивизию вошли и формирования атамана Н. Григорьева, до этого служившего и гетману, и Петлюре. В декабре 1918 г. атаман контролировал почти всю Херсонщину, но порты Украины заняли силы Антанты, раздосадовав Григорьева. Григорьевцы продолжали нападать на французов и греков уже тогда, когда Директория добивалась признания со стороны Антанты. В то время как Директория эволюционировала вправо от социал-демократии, Григорьев стал симпатизировать украинским левым эсерам. Но главным для него оставался украинский национализм, который сочетался с антиимпериализмом — теперь антиантантовским.

Когда на Украину вошла Красная армия, Григорьев в январе 1919 г. объявил себя сторонником советской власти. Его отряды вошли в ту же 1 Заднепровскую дивизию, что и Махно. Бригада Григорьева быстро выросла до нескольких тысяч бойцов — смесь советской и национальной идей оказалась популярной на Правобережье.

10 марта Григорьев разгромил французов, греков и белогвардейцев и взял Херсон. Затем интервенты потеряли Никополь, Григорьев разбил их у Березовки и двинулся на Одессу. Надо признать, что антантовские солдаты сражались неохотно на этой непонятной «войне после войны». В Париже шли дебаты о скорейшем возвращении контингента домой, и удары советских войск очень способствовали победе партии мира. 8 апреля Григорьев с триумфом вошел в только что оставленную интервентами Одессу. Там ему достались огромные запасы снаряжения, часть которого он раздал крестьянам, что еще сильнее подняло его популярность. Григорьевская бригада была преобразована в дивизию.

Волна советских войск, продвигавшаяся по Украине, была рыхлой и разнородной, и к тому же плохо вооруженной. Антонов-Овсеенко сообщал: «У Махно четыре очереди на одну винтовку, у Григорьева

три, у Дыбенко две...» К тому же часть сил приходилось отдавать Южному фронту для борьбы с деникинцами.

15 марта Петлюра перешел в наступление, взял Коростень и подошел к Киеву на 50 км. Гайдамаки заняли Житомир. Однако на других участках фронта красные продолжали наступать, и 18 марта 1 Украинская дивизия Щорса вошла в Винницу, а 20 марта — в Жмеринку. 26 марта Петлюра был разбит на реке Тетерев и вынужден стремительно отступать.

21 марта командование отрезанного красными Юго-западного фронта (атаманы Волох и др.) провозгласило переход на советскую платформу.

22–28 марта в Каменце-Подольском под руководством Чеховского действовал Комитет охраны республики, который призвал Директорию прервать переговоры с Антантой и перейти на советскую платформу (правда, с условием одновременного вывода с Украины российских войск).

После исхода интервентов из Одессы остатки Директории (Петлюра и А. Макаренко), уже отступившие в Ровно, 9 апреля назначили премьер-министром Б. Мартоса, который сформировал более левое правительство.

Однако члены Директории А. Андриевский и Е. Петрушевич, опиравшиеся на ЗУНР, не признали правительство Мартоса, и де факто УНР раскололась. Связанный с Андриевским атаман В. Оскилко 29 апреля поднял мятеж против Петлюры и Мартоса в Ровно, арестовал членов правительства и провозгласил себя головным атаманом. ЗУНР не помог Оскилко, его мятеж провалился, но и фронт УНР был окончательно развален. Отставив Ровно, Директория продолжила кочевать на запад. Как шутили тогда, «В вагоне Директория, а под вагоном ее территория». Директора вывели 13 мая из своего состава Андриевского, избрав 9 мая председателем Директории Петлюру.

Разложение режима Директории высвободило шовинистические инстинкты военщины националистов. В феврале-марте погромы охватили Балту, Проскуров и другие населенные пункты. 27 мая Директория приняла закон о создании Особой следственной комиссии по расследованию погромов. Но существенных последствий эта мера не имела, так как комиссия не могла арестовать петлюровских командиров, творивших произвол против евреев. Петлюре осталось только обвинять в провоцировании погромов... большевиков.

Якобы, «враги нашего государства — большевики расстреливали, насиловали женщин и детей, учиняли погромы еврейского населения, забирали последние материальные средства к жизни». А теперь погромную агитацию ведут их провокаторы. А вот «рыцарское войско, которое несет всем нациям Украины братство, равенство и свободу, не должно спокойно слушать всяких пройдох и провокаторов, жаждущих человеческого мяса. Также оно не может быть причастно к тяжелой участи евреев».

Восстание Григорьева спасло УНР, ослабив натиск большевиков, зато 14 мая польская армия под командованием Галлера двинулась на Волынь. Силы УНР спасло тогда от полного разгрома только то, что в конце мая поляки столкнулись у Радзивилова с красными. Директория уехала в ЗУНР, в Тернополь. Но поляки 2 июня заняли и Тернополь, так что Петлюре и его начальнику штаба В. Тютюнику пришлось прорываться в сторону красных на Проскуров. В этот момент вся территория УНР, включая ЗУНР, сократилась до полосы в 10–20 км. в районе станций Богдановка и Волочиск на западном берегу реки Збруч. Если бы Директория с ее армией не смогла пробиться на восток за Збруч, то она оказалась бы во власти поляков на несколько месяцев раньше — уже в июне 1919 г. Но 3 июня петлюровцы все же пробились на восточный берег. Красные, ослабленные в условиях наступления Деникина, не удержали переправу через Збруч, оставили Проскуров, что позволило Директории вернуться 6 июня в Каменец-Подольский.

Поляков тоже отвлекли дела на западе, и украинцы 9 июня взяли Чертков и 15 июня — Тернополь. Но дальнейшее наступление на Львов обернулось катастрофой. Пилсудский, заручившийся согласием Антанты на занятие всей Галиции, разбил украинскую галицийскую армию 28 июня, и 17 июля она покинула Галицию.

Коммунистический режим и повстанцы

После того, как почти вся территория Украины была занята Красной армией, здесь был установлен режим «военного коммунизма». 1 июня Советская Украина вошла в военно-политический союз советских республик с общими вооруженными силами и управлением экономикой. Но фактически промышленность Украины была сразу же подчинена общероссийскому центру. На ее восстановление было направлено 125 миллионов рублей, но в условиях обесценивания денег и военных действий это не помогло поднять производство.

Главной задачей была заготовка хлеба и вывоз его в промышленные центры России. 13 апреля на Украине была введена продразверстка. Середняк обязан был сдавать 180 кг хлеба с десятины, а кулак (к которым отнесли крестьян с наделами свыше 10 десятин) — по 400 кг. Бедняки от продразверстки освобождались и привлекались к поискам спрятанного хлеба. Формально продовольствие крестьянам оплачивалось, но по ценам, которые были в 10–20 раз ниже, чем у мешочников. Однако регионы, контролировавшиеся повстанческими командирами, выпадали из сферы действия продразверстки. Изъятие хлеба саботировали и некоторые Советы и даже коммунистические парторганизации.

В первом квартале 1919 г. с Украины было отправлено 300 тысяч пудов хлеба, а в обмен направлено из России 15708 тысяч аршин тканей и другие товары. Однако к июлю удалось заготовить уже 8,5 млн пудов (правда, вместо 140 миллионов запланированных) и еще 4 млн пудов других продуктов. 2 миллиона пудов хлеба были отправлены в Москву и Петроград.

Крестьянство было разочаровано — коммунисты не только изымали хлеб, но и отказались передать селянам обширные земли сахарных заводов, которые были превращены в совхозы. Обострились и национальные противоречия, которые стали отражением социальных. Новая бюрократия в большинстве своем формировалась из городских слоев, то есть, прежде всего, из русских и евреев. Крестьянские восстания весны 1919 г., как правило, были направлены не против советской власти, а против коммунистов, и часто были антисемитскими.

В апреле под Киевом восстал атаман Зеленый (Д. Терпило), что было опасным сигналом — атаманы, перешедшие на сторону красных, на самом деле — лишь попутчики коммунистического режима. Зеленый собрал около 12 тысяч бойцов. Возникало еще несколько многотысячных повстанческих армий. Вскоре Киевская, Черниговская и Полтавская губернии были охвачены восстаниями, и коммунисты контролировали лишь города и относительно — железные дороги.

1 апреля восстали матросы Николаева. Эти события стали прообразом Кронштадтского восстания 1921 г. Митинг и совет избрали начальником гарнизона матроса Проскуренко, а комендантом — матроса-анархиста Евграфова. Восставшие выпустили газету «Свободное слово красного моряка», в которой утверждали: «власти

советской, собственно говоря, нет, нет власти рабочих и крестьян... Если бы Советская власть была бы лучше, была бы настоящая, не было б столько врагов у Советской России». Восставшие требовали «действительной власти Советов, уничтожения комиссародержавия», всеобщих выборов в Советы в условиях восстановленных политических свобод, включая свободу агитации, признания всех партий, «стоящих на платформе советской власти», ликвидации ЧК, сокращения числа чиновников, выборности ответственных работников, коренного изменения продовольственной политики. Эти требования были предельно близки к идеологии и практике махновского движения. С Николаевским восстанием не удалось справиться вплоть до мая — до выступления Григорьева, которое вызвало раскол среди восставших. Одни ушли к Григорьеву, другие выступили против него, а затем присоединились к махновцам.

Большие опасения коммунистов вызывал район, занятый бригадой Махно. Гражданская власть здесь перешла к Советам, в которых большинство принадлежало не коммунистам, а анархистам, левым эсерам и местным крестьянам, симпатизировавшим анархизму Махно.

Резолюции махновских съездов Советов созвучны анархистским идеям: «Второй районный съезд... настойчиво призывает товарищей крестьян и рабочих, чтоб самим на местах без насильственных указов и приказов, вопреки насильникам и притеснителям всего мира строить новое свободное общество без властителей панов, без подчиненных рабов, без богачей, и без бедняков». Резко высказывались делегаты съезда против «дармоедов чиновников», которые являются источником «насильственных указок». II съезд избирал в феврале постоянно действующий орган власти — Военно-революционный совет (ВРС). Партийный состав ВРС был лево-социалистическим — 7 анархистов, 3 левых эсера и 2 большевика и один сочувствующий им.

Возникшая в махновском районе социально-политическая система позволила создать значительную по тем временам социально-культурную инфраструктуру. Командующий Украинским фронтом В. Антонов-Овсеенко, посетивший район в мае 1919 г., докладывал: «налаживаются детские коммуны, школы, — Гуляй-поле — один из самых культурных центров Новороссии — здесь три средних учебных заведения и т. д. Усилиями Махно открыто десять госпиталей для раненых, организована мастерская, чинящая

орудия и выделываются замки к орудиям». Культпросвет ВРС, занимавшийся просвещением и агитацией населения, был укомплектован прибывшими в район анархистами и левыми эсерами.

Идеологию движения определяли взгляды Махно и приехавшего к нему анархиста П. Аршинова. В своем воззвании Махно выдвигал такую задачу: «Строительство истинного Советского строя, при котором Советы, избранные трудящимися, являлись бы слугами народа, выполнителями тех законов, тех порядков, которые напишут сами трудящиеся на всеукраинском трудовом съезде...».

В феврале 1919 г. политика РКП (б) подверглась резкой критике на II Съезде советов Гуляй-Поля. Резолюция съезда гласила: «Нами не избранные, но правительством назначенные политические и разные другие комиссары наблюдают за каждым шагом местных советов и беспощадно расправляются с теми товарищами из крестьян и рабочих, которые выступают на защиту народной свободы против представителей центральной власти... Прикрываясь лозунгом «диктатуры пролетариата», коммунисты большевики объявили монополию на революцию для своей партии, считая всех инакомыслящих контрреволюционерами... Мы призываем товарищей рабочих и крестьян не поручать освобождение трудящихся какой бы то ни было партии, какой бы то ни было центральной власти: освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся».

Коммунисты терпели откровенно антибольшевистский характер заявлений махновцев, пока махновцы наступали. Но в апреле фронт стабилизировался. Большевиками был взят курс на ликвидацию особого положения махновского района. Тяжелые бои и перебои в снабжении все сильнее выматывали махновцев.

В апреле большевики стали готовить отстранение Махно от командования, развернули против него пропагандистскую кампанию. Развернулся конфликт, который уладил лично командующий Украинским фронтом В. Антонов-Овсеенко. Бригада была напрямую подчинена 2-й Украинской армии, составив ее костяк.

Первоначально положение в бригаде, а затем дивизии Григорьева казалось советскому командованию более благополучным, чем у Махно, где выдвигались опасные для режима политические требования. Советское командование предложило Григорьеву план вторжения в Румынию. Учитывая, что боеспособность румынской армии была невелика, Советские войска могли в 1919 г. вторгнуться в Европу, соединиться с Венгерской красной армией и с юга войти

в раздираемую гражданской войной Германию. Эта перспектива и прельщала Григорьева, и вызывала его опасения, так как красное командование могло использовать его дивизию как пушечное мясо, оторвав ее от местной почвы.

Григорьев постепенно становился враждебным большевистской политике. Он видел бедствия крестьянства и злоупотребления большевистских комиссаров. Взгляды Григорьева были националистическими, и он считал, что во всем виноваты евреи, пробравшиеся в большевистское руководство. Настроения в григорьевском лагере были классическим вариантом явления, которое А. Грациози назвал «стихийным национал-социализмом». Григорьев колебался.

7 мая Григорьев получил приказ атаковать румынскую армию, занявшую Бессарабию. Но еще 4 мая григорьевцы начали погромы евреев и комиссаров. Командование требовало от Григорьева немедленно «прекратить безобразия». Атаман встал перед тяжелым выбором: или продолжать идти вместе с большевиками, против которых уже пошла часть его армии, или сохранить единство армии, присоединившись к восстанию против большевиков, которым он тоже не сочувствовал. Преодолев колебания, он решил быть со своими солдатами. 8 мая был издан «Универсал» Григорьева. Он призывал к восстанию и созданию новой советской республики на Украине путем переизбрания всех Советов на основе системы национального представительства — украинцам 80 %, евреям — 5 %, остальным — 15 %. Но то теория, а на практике григорьевцы тысячами убивали евреев и русских. 16 тыс. григорьевцев стали наступать по расходящимся направлениям, что распылило и без того небольшие силы, но расширило охват восстания почти на все правобережье (севернее уже с апреля партизанил Зеленый и другие атаманы). Восставшие заняли Александрию, Кременчуг, Черкассы, Умань, Елисаветград, Екатеринослав, вплотную приблизившись к территории «Махновии».

Красным пришлось срочно перебрасывать силы на образовавшийся «григорьевский фронт». На их стороне действовали и анархисты — в частности бронепоезд матроса Железняка. А вот часть войск, направленных против Григорьева, стала митинговать — не следует ли присоединиться к атаману.

14–15 мая красные перешли в контрнаступление от Киева, Одессы и Полтавы, громя распыленные силы Григорьева.

Во второй половине мая от григорьевцев были очищены все взятые ими города. Можно согласиться с биографом Н. Григорьева В. Савченко в том, что «Григорьев оказался бездарным фельдфебелем, не умевшим ни спланировать военную операцию, ни предвидеть последствия своих действий и к тому же постоянно находившимся в состоянии антисемитского ража». Главная угроза григорьевского восстания заключалась в том, что к нему присоединялись состоявшие из украинцев красные части. Больше всего большевики в этот момент боялись, что «детонирует» Махно. Но Махно выступил категорически против национализма Григорьева, хотя и возложил часть ответственности за его выступление на большевиков.

Руководство советской Украины в этих условиях решило пойти на некоторые политические уступки. Было решено включить в правительство просоветские социалистические партии — боротьбистов и незалежных социал-демократов. Часть земель Укрглавсахара было срочно распределена между крестьянами. Были ликвидированы уездные ЧК, ставшие главным рассадником злоупотреблений властью на местах.

Одновременно началась подготовка к разгрому «махновщины». 22 мая прибывший на Украину Троцкий по согласованию с РВС Южного фронта телеграфировал: «произвести радикальный перелом в строении и поведении войск Махно, истребовав для этого из Козлова (штаб Южного фронта — А.Ш.) необходимое число политработников и командирского состава. Если в двухнедельный срок окажется невозможным произвести этот перелом, то РВС 2-й Армии должен войти с рапортом об открытом сопротивлении Махно». 25 мая на заседании Совета рабоче-крестьянской обороны Украины под председательством Х. Раковского обсуждался вопрос «Махновщина и ее ликвидация». Было решено «ликвидировать Махно» силами полка. Узнав о намерениях командования, Махно заявил, что готов сложить с себя полномочия. Но штаб махновской дивизии постановил, что дивизию следует переименовать в армию «имени батьки Махно». В ответ на этот шаг РВС Южного фронта принял решение об аресте Махно.

31 мая ВРС махновцев объявил о созыве IV съезда советов района. Центр расценил решение о созыве нового «несанкционированного» съезда как подготовку антисоветского восстания. 3 июня командующий Южным фронтом В. Гиттис отдал приказ о начале ликвидации «махновщины».

6 июня Махно направил телеграмму Ленину, Троцкому, Каменеву и Ворошилову, в которой предложил «прислать хорошего военного руководителя, который ознакомившись при мне на месте с делом, мог бы принять от меня командование дивизией».

9 июня Махно отправил написанную вместе с Аршиновым телеграмму Ленину, Каменеву, Зиновьеву, Троцкому, Ворошилову, в которой подвел итог своим взаимоотношениям с коммунистическим режимом: «Отмеченное мною враждебное, а последнее время наступательное поведение центральной власти к повстанчеству ведет с роковой неизбежностью к созданию особого внутреннего фронта, по обе стороны которого будет трудовая масса, верящая в революцию. Я считаю это величайшим, никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом и считаю обязанным себя сделать все возможное для предотвращения этого преступления... Наиболее верным средством предотвращения надвигающегося со стороны власти преступления, считаю уход мой с занимаемого поста».

Рискованные действия по «ликвидации махновщины» развернулись в условиях, когда Южный фронт Красной армии начал разваливаться. Чтобы понять ситуацию в войсках, противостоящих Деникину, обратимся к состоянию соседней с махновцами 13-й армии. Вот что докладывал командир одного из ее полков: «Довожу до сведения, красноармейцы категорически заявляют, что мы дольше действовать не можем, потому что мы во-первых голодные, во-вторых босые, раздетые, нас насекомые заели, потому что мы с первого восстания нашей организации до сих пор не получили ничего. Просим вас принять самые энергичные меры, если не будет смены, то мы самовольно бросаем указанные нам позиции и следуем в тыл». Угрозами дело не заканчивалось: «Дезорганизованные части дезертировали с фронта, шайками бродили в прифронтовой полосе, грабя и убивая друг друга, устраивали охоты и облавы на комсостав и комиссаров».

24 мая белые совершили прорыв в центре Южного фронта на участке 9-й армии и ринулись навстречу казаческому восстанию с центром в станице Вешенской. Тыл красных, разъедаемый восстаниями, дезертирством, враждебностью уставших от продразверстки крестьян, не выдержал. Голодные, босые, плохо вооруженные армии начали бросать позиции.

19 мая, в разгар конфликта между махновцами и коммунистами, кавалерия Шкуро прорвала фронт на стыке махновцев и красных.

Белые вторглись в район Гуляй-поля. Некоторое время с небольшим отрядом Махно еще сражался бок о бок с красными частями, но узнав 15 июня о приказе о его аресте, с небольшим отрядом покинул фронт и затем ушел на другую сторону Днепра. В ночь на 16 июня семь членов махновского штаба (часть — левые эсеры) были расстреляны по приговору ревтрибунула Донбасса. Начальник штаба Озерова продолжал сражаться с белыми, но 2 августа по приговору ВУЧК был расстрелян.

Красное командование уже смирилось с оставлением Украины и теперь боялось (как и летом 1918 г.) «заразить вольницей» Россию. При загадочных обстоятельствах и возможно от руки «своих» погибли такие легендарные командиры, как А. Железняк, Н. Щорс, Т. Черняк, В. Боженко. Был арестован Ф. Миронов, но в условиях катастрофически менявшейся ситуации его пока предпочли помиловать. Миронова, как и другого легендарного кавалерийского полководца Б. Думенко, расстреляют на другом этапе гражданской войны.

После расстрела своих товарищей коммунистами Махно начал против них партизанскую войну, но старался держаться подальше от фронтовых тылов, чтобы не содействовать успехам белых. Отряд Махно атаковал Елисаветград, затем объединился с отрядом националиста атамана Григорьева. Григорьев был объявлен командиром, а Махно — председателем Реввоенсовета Повстанческой армии. Между махновцами и григорьевцами возникли разногласия в связи с антисемитизмом Григорьева и его нежеланием бороться против белых. 27 июля Григорьев был убит махновцами.

Откатившись за Днепр, 14 армия Ворошилова, казалось, могла чувствовать себя вполне уверенно, но Ворошилов оказался неважным полководцем. Он пропустил удар на Екатеринослав. Собственно, Деникин и не планировал такой дерзкой операции, как форсирование Днепра, но Шкуро «по собственной инициативе» 29 июля прорвался через мост и взял город. Белые оказались на правобережье Днепра. В результате 14 армия была рассечена. Одна ее часть продолжила отход к Полтаве и дальше Чернигову, а другая оказалась в окружении на Херсонщине. В полуокружении оказалась и занимавшая Одессу 12 армия. Образовавшаяся здесь Южная группа красных под командованием И. Якира с трудом прошла коридор между белыми и петлюровцами.

25 июня белые вошли в Харьков, а 31 августа в Киев и развернули наступление в центральные области России. На Украине были

проведены мобилизации, которые увеличили деникинскую армию более чем вдвое — с 64 до 150 тысяч.

Белое движение, повстанцы и гибель УНР

12 августа Деникин выступил с обращением, которое не оставляло у украинских националистов никаких иллюзий по поводу его отношения к украинской идее: «Стремление отторгнуть от России малорусскую ветвь русского народа не оставлено и поныне. Былые ставленники немцев — Петлюра и его соратники, положившие начало расчленению России, продолжают теперь совершать свое злое дело создания самостоятельной Украинской державы и борьбы против возрождения единой России». Украинский язык в государственных школах допускался только в начальных классах.

Белое движение установило открытую диктатуру и в этом отношении не отличалось от большевиков. В указаниях А. Деникина Особому совещанию при главнокомандующем говорилось: «Военная диктатура. Всякое давление политических партий отметать, всякое противодействие власти — и справа, и слева — карать... Суровыми мерами за бунт, руководство анархическими течениями, спекуляцию, грабеж, взяточничество, дезертирство и прочие смертные грехи — не пугать только, но и осуществлять их... Смертная казнь — наиболее соответственное наказание». В условиях широкого распространения таких «грехов», как лидерство в «анархических» (то есть левых) течениях, спекуляция (то есть торговля по «завышенным» ценам) и дезертирство — это программа массового террора.

Но и те слои населения, которые готовы были пожертвовать завоеваниями революции ради восстановления порядка и прекращения смуты, тоже быстро разочаровывались в белых. Действуя под лозунгами порядка и законности, белые занимались грабежами, творили произвол, пороли крестьян шомполами и расстреливали людей без особенных разбирательств.

Занимая города, белые начинали методичный подсчет жертв красного террора, тщательно описывали наиболее яркие примеры: «в Харькове специализировались на скальпировании и «снимании перчаток"», — повествует А. Деникин о зверствах ЧК. Но когда белые отступили, красным было чем ответить. Вот только одно свидетельство: «Настроение населения Украины в большинстве на стороне Советской власти. Возмутительные действия деникинцев...

изменили население в сторону Советской власти лучше всякой агитации. Так, например, в Екатеринославе, помимо массы расстрелов и грабежей и пр., выделяется следующий случай: бедная семья, у которой в рядах армии сын коммунист, подвергается деникинцами ограблению, избиению, а затем ужасному наказанию. Отрубают руки и ноги, и вот даже у грудного ребенка были отрублены руки и ноги. Эта беспомощная семья, эти пять кусков живого мяса, не могущие без посторонней помощи передвинуться и даже поесть, принимаются на социальное обеспечение республики».

Зверства творили солдаты всех сил гражданской войны. Но для белых их зверства были приговором. Никто, кроме них, не ставил в центр своей агитации восстановление «законности». Та часть населения, которая надеялась на белых, ждала от них именно законности, как от большевиков ждали земли и социальной справедливости, от Махно — воли и защиты крестьянских интересов. Явив вместо законности грабежи и зверства, белые показали населению, что от них нет никакой пользы, кроме вреда.

Порассуждав о бандитской сущности всех своих противников, даже Деникин признает: «набегающая волна казачьих и добровольческих войск оставляла грязную муть в образе насилий, грабежей и еврейских погромов».

После того, как флер «законности» слетал, социально-политическое лицо белых определялось стремлением к возвращению «законных» привилегий старой элиты. Для крестьян это означало, что у них отрежут землю в пользу помещиков или возьмут за нее выкуп. Такая перспектива делала крестьян потенциальными партизанами.

Характеризуя эволюцию белого движения, один из его идеологов В. Шульгин пишет: «Почти что святые» и начали это белое дело, но что же из него вышло? Боже мой!.. Начатое «почти святыми», оно попало в руки «почти бандитов»... Деревне за убийство было приказано доставить к одиннадцати часам утра «контрибуцию» — столько-то коров и т. д. Контрибуция не явилась, и ровно в одиннадцать открылась бомбардировка.

— Мы, — как немцы, сказано, сделано... Огонь!..

Кого убило? Какую Маруську, Евдоху, Гапку, Приску, Оксану? Чьих сирот сделало навеки непримиримыми, жаждущими мщения... «бандитами»?...

Мы так же относимся к «жидам», как они к «буржуям». Они кричат: «Смерть буржуям», а мы отвечаем: «Бей жидов».

1 октября красные на короткое время отбили Киев, но затем вынуждены были его оставить. Тогда при попустительстве белых властей на головы еврейского населения обрушился погром, проводившийся в виде систематического и организованного разграбления и убийств «подозрительных». Резня еврейского населения произошла в Фастове и других местах.

Деникин, сосредоточив превосходящие силы на направлении главного удара, упорно продвигался к Москве. Бои с переменным успехом шли уже под Орлом. Но для решающего удара Деникину не хватило сил — у него в тылу «второй фронт» открыла крестьянская армия Махно.

Бывшие махновцы, в июне оказавшиеся под командованием большевиков, не хотели уходить в Россию и, отстранив в августе от командования коммунистов, присоединились к Махно. Была провозглашена «Революционная повстанческая армия Украины (махновцев)». В нее вошел и полк коммуниста М. Полонского.

Превосходящие силы белых оттеснили махновцев под Умань. Здесь Махно заключил соглашение о перемирии с петлюровцами, которым передал свой обоз с ранеными. Но 26–27 сентября 1919 г. Махно нанес белым внезапный удар под Перегоновкой и вырвался на оперативный простор в тылы деникинцев. В районе Гуляй-поля, Александровска и Екатеринослава возникла обширная повстанческая зона, оттянувшая на себя часть сил белых во время наступления Деникина на Москву.

В махновском районе 27 октября — 2 ноября был проведен съезд крестьян, рабочих и повстанцев в Александровске. 11 ноября махновцы взяли Екатеринослав, который удерживали до 19 декабря 1919 г. Армия махновцев выросла до нескольких десятков тысяч бойцов.

По свидетельству жителя города, «такого повального грабежа, как при добровольцах, при махновцах не было. Большое впечатление произвела на население собственноручная расправа Махно с несколькими грабителями, пойманными на базаре; он тут же расстрелял их из револьвера». Характерно, что, вопреки своей прежней практике, махновцы перестали освобождать из тюрем всех заключенных, ограничиваясь только политическими. Уголовникам пришлось сидеть дальше. Даже в деле организованного снабжения со складов махновцы «знали меру». Так, когда заведующих складами Я. Идашкин заявил Махно, что если конфисковать содержимое

складов, то пострадает население, махновцы не тронули их, а Идашкина за смелость даже одарили шубой.

Предприятия были переданы в руки тех, кто на них работает. Для нуждающихся махновцы установили пособие. Военно-революционный совет возглавил анархист В. Волин, который на этом этапе стал ведущим идеологом движения. Разрешалась деятельность левых партий. Действовала контрразведка, уполномоченная арестовывать агентов белых и заговорщиков. Она допускала произвол против мирных граждан. Самым громким делом контрразведки было разоблачение коммунистического заговора во главе с Полонским. Обвиняемые были расстреляны.

В декабре 1919 г. махновская армия была дезорганизована эпидемией тифа, затем заболел и Махно.

Западнее действовали повстанцы, ориентировавшиеся на идею УНР. В условиях крушения большевистского движения на Украине и конфликта с Польшей, за спиной которой стояла Антанта, Директория вынуждена была искать опору внутри Украины — то есть в повстанческом движении. А это предопределяло новый левый поворот ее политики. 9 июня в Черном острове представители Директории договорились с представителями Всеукраинского ревкома, где преобладали эсеры и социал-демократы, что на местах будут создаваться трудовые советы (как и было решено в январе 1919 г.), но теперь — с полноценными властными полномочиями. Идея Советов без коммунистов была в это время популярна на Украине, разочаровавшейся в «коммунии», но не в первоначальных идеях Октября. При этом продолжали действовать и решения Директории о созыве парламента. Представители Всеукрревокома Д. Одрина и Т. Черкасский вошли в правительство Мартоса.

Новое полевение курса Директории вызвало протесты со стороны социалистов-федералистов и других правых партий, но за ними в условиях середины 1919 г. не было реальной силы. Зато вооруженная сила — галицийская армия — оставалась в подчинении более правых руководителей Западной области УНР (бывшей ЗУНР). 9 июня Е. Петрушевич был провозглашен ее диктатором. Этот акт не был признан Директорией и еще сильнее углубил раскол двух центров власти УНР. 4 июля Петрушевич был выведен из состава Директории.

В условиях, когда красные, несмотря на угрозу со стороны белых, стали теснить петлюровцев, галицийская армия, разорвав

перемирие, принялась снова воевать с поляками, которые в конце июня снова побили галичан. 15 июля галицийская армия отступила к востоку от реки Збруч, оставив территорию ЗУНР. Двум «половинкам» УНР снова нужно было мириться. Причем примирение было достигнуто на условиях потерпевших военное поражение галичан — ведь Петлюра сочувствовал именно их правому курсу. 12 августа Директория приняла декларацию, в которой левая риторика уже отсутствовала, власть в УНР должна была опираться на весь народ и все слои общества, политическая программа основывалась на парламентаризме. Мартос ушел в отставку, и новое более правое правительство 27 августа возглавил И. Мазепа. В него вошел социалист-федералист И. Огиенко. Петрушевич вернулся в состав Директории.

Объединенная украинская армия численностью около 80 тысяч бойцов двинулась на территории, оставляемые красными под напором белых. Она заняла Жмеринку и Винницу и стала развивать успех на Киев и Одессу. Петлюра надеялся, что белые ограничатся наступлением на левобережье Днепра, и с ними можно будет договориться.

30 августа украинцы под командованием галицийца А. Кравса заняли Киев, но ненадолго. К Киеву подошли белые части Н. Бредова, который потребовал от украинских войск очистить Киев, что и было сделано. Это был сильнейший удар по авторитету УНР, после которого Петлюра решил, что с белыми придется воевать. 6 сентября он писал: «Прошу президента Петрушевича повлиять на галицийских тыловых командиров, которые неосмотрительно обсуждают не имеющую оснований тему контакта с Деникиным, тем самым разлагая общественность и армию. Безосновательность ее ярко подтверждает манифест Деникина населению «Малороссии», в котором он называет нашу власть предательской и предрекает борьбу с нами под лозунгом единой и неделимой России».

24 сентября Директория объявила войну деникинцам. 7 октября она направила державам Антанты воззвание, в котором говорилось: «Генерал Деникин, взяв за основу реакционные законы старого времени, беспощадно уничтожает украинскую культуру, лишает нас права и возможности учиться в украинской школе, запрещает пользоваться украинским языком в церкви, закрывает наши культурные учреждения, запрещает украинские книги...» Впрочем, Антанта

практически проигнорировала эту жалобу украинских националистов.

В середине октября петлюровцы потерпели поражение от деникинцев и к тому же страдали от тифа. 10 ноября белые взяли Жмеринку. 6 ноября командующий галицийской армией М. Тарнавский подписал с Деникиным соглашение о переходе украинских войск в подчинение белым. Петрушевич было отменил это соглашение и отдал Тарнавского под суд, но уже 12 ноября выяснилось, что его возмутила форма, а не содержание. 16 ноября руководство ЗО УНР эмигрировало, а командующий галицийской армией в Одессе О. Микитка подтвердил соглашение с Деникиным. 16 ноября поляки заняли Каменец-Подольский. Директория, опять оставшаяся почти без территории, переехала в Проскуров и здесь 15 ноября передала всю власть Петлюре. 22 ноября белые ворвались в Проскуров, и Петлюра вынужден был бежать в последний оплот — Староконстантинов (его белые захватили 2 декабря).

Инструктируя главу чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Польше, министра иностранных дел А. Ливицкого, С. Петлюра писал 30 октября: «Никогда не забывайте, что Великая Россия, да еще такая — черной масти, как деникинская, — для нас неприемлема, и мы должны искать союзников нашей позиции относительно Деникина. В связи с этим комбинация союза против России: Польша — Украина — Латвия — Литва — Эстония совершенно приемлема для нас. Когда с помощью Польши мы получим оружие, военная удача тогда перейдет на нашу сторону, а это приблизит возможность вступления в такой союз Кубани, Грузии и Азербайджана, реализуя таким образом систему коалиции Балтийско-Черноморских государств». Поляки, правда, не торопились делиться оружием, их смущали антипольские восстания украинцев на Волыни.

Выступая на политическом совещании 26 ноября — по сути с прощальной речью, С. Петлюра заявил: «Мы вступили на арену истории тогда, когда весь мир не знал, что такое Украина. Никто не хотел ее признавать как самостоятельное государство, никто не считал наш народ отдельной нацией. Только борьбой, упорной и бескомпромиссной, мы показали миру, что Украина есть, что ее народ живет и борется за свое право, за свою свободу и государственную независимость... Давайте признаем без гордости и без лишней скромности, что во время двухлетней нашей борьбы мы создали украинскую нацию, которая и далее будет активно бороться за свои права,

за право самостоятельно и независимо от кого бы то ни было хозяйничать на своей земле». Таким образом, с точки зрения лидера украинских националистов, украинская нация возникла лишь в огне революции и гражданской войны.

2 декабря Левицким была подписана Варшавская декларация, по которой украинская делегация признавала границей Збруч и таким образом отказывалась в пользу Польши от восточной Галиции. Более того, предполагалось, что отдельное соглашение защитит польских собственников от аграрной реформы на Украине. Декларацию осудил Украинский национальный совет. Петлюра оказался в изоляции на политической сцене УНР, но это было не важно, потому что сама эта сцена оказалась на территории, контролируемой поляками или в эмиграции.

5 декабря Петлюра выехал в Варшаву. Диктатор ЗУНР Е. Петрушевич уехал в Вену, где 20 декабря 1919 г. официально денонсировал Акт соборности от 22 января 1919 г.

На территории, занятой поляками, Петлюру ждало разочарование. Украинцы были разоружены и частично интернированы в лагеря. В январе 1920 г. Петлюра жаловался Пилсудскому: «Даже горячие сторонники политики продолжения сближения Украины и Польши жалуются теперь на то, что отмеченная декларация (Варшавская декларация от 2 декабря 1919 г. — А.Ш.) остается мертвым словом в сравнении с суровой, далекой от этого слова действительности». Несмотря на это Петлюра продолжил сближение с Польшей, поглощавшей украинские территории и воспринимавшей украинского союзника только на условиях его полной марионеточности.

6 декабря остатки петлюровских войск во главе с М. Омельяновичем-Павленко начали партизанский рейд по тылам Деникина («Первый зимний поход»). 24 декабря отряд Омельяновича-Павленко занял Винницу, но находившиеся рядом силы галицийской армии не присоединились к ним, продолжая хранить верность Деникину. 31 декабря петлюровцы вошли в Умань. Вскоре тыл белых превратился в тыл красных, где петлюровцы рейдировали до 6 мая 1920 г., когда соединились с поляками. А вот части УГА 1 января 1920 г. перешли на сторону красных.

Тем временем, под ударами красных белые в первой половине декабря оставили Киев, Харьков и Полтаву. 4 апреля 1920 г. Деникин сдал командование остатками белой армии П. Врангелю, который отступил в Крым.

Возвращение коммунистического режима и советско-польская война

В октябре 1919 г. Красная армия перешла в наступление против Деникина. Белая армия отходила, в отчаянии расстреливая оставшиеся снаряды по крестьянским хатам. Махно не без оснований считал, что во многом крушение белого движения — заслуга его повстанческой армии: «Золотопогонники чуть было не вошли в Москву, и если бы не повстанцы, то над революционной Россией уже давно развевался бы трехцветный самодержавный флаг».

Но благодарности не было. 11 декабря 1919 г. Реввоенсовет Советской республики издал приказ Южному фронту о борьбе с «партизанщиной». Партизаны могли быть приняты в РККА только после переформирования и под новым командованием. Мотивируя суровое отношение к партизанам в докладе VII Съезду советов РСФСР, Троцкий утверждал: «Исключительно быстрый темп наших неудач на Украине объясняется теми же причинами, что и темп наших успехов: крайней неустойчивостью украинской почвы... И если мы позволим украинскому партизанству застояться в надежде, что из него сложится украинская армия, мы во второй раз погубим Советскую Украину — на этот раз надолго». Это касалось и махновцев, которые после поражения Деникина воспринимались «смертельной опасностью для рабоче-крестьянского государства». Никакого чувства благодарности к махновцам за помощь против Деникина быть не может.

В декабре 1919 г. махновская армия была дезорганизована эпидемией тифа, затем заболел и Махно. 6 января 1920 г. командарм И. П. Уборевич приказал Махно выдвигаться на польский фронт. Не дожидаясь ответа, Всеукраинский ревком 9 января 1920 г. объявил Махно вне закона. 22 января Махно заявил о готовности «идти рука об руку» с РККА, сохраняя самостоятельность. В это время более двух дивизий красных атаковали, разоружали и частично расстреливали махновцев, в том числе — больных. Махно на время болезни перешел на нелегальное положение.

После выздоровления Махно в феврале 1920 г. махновцы возобновили боевые действия против красных. Зимой-весной развернулась изнурительная партизанская война, махновцы нападали на небольшие отряды, работников большевистского аппарата, склады, раздавая крестьянам запасы хлеба. В районе действий Махно большевики были вынуждены уйти в подполье, и открыто выступали только

в сопровождении крупных воинских частей. В мае 1920 г. был создан Совет Революционных повстанцев Украины (махновцев) во главе с Махно. Название СРПУ подчеркивало, что речь идет не об обычном для гражданской войны РВС, а о «кочующем» органе власти махновской республики. В марте-мае 1920 г. отряды под командованием Махно сражались с частями 1 Конной армии, ВОХР и др. силами РККА. Летом 1920 г. армия под общим командованием Махно насчитывала более 10 тысяч бойцов.

На Украине возвращение продразверстки и введение комбедов способствовали росту численности повстанцев. Не прекращающаяся повстанческая борьба делала очень условным состояние «мирной передышки» на территории Украины.

Росло недовольство коммунистами и среди рабочих — весной выросло представительство меньшевиков в Советах, на рабочей конференции в Киеве в феврале 1920 г. прошла меньшевистская резолюция.

Были предприняты шаги по ликвидации многопартийности на территории Украины. Весной 1920 г. развернулись репрессии против эсеров, левых эсеров и меньшевиков. 20–23 марта над последними был проведен судебный процесс. Меньшевиков осудили за сотрудничество с деникинцами (ведь при белых они продолжали легальную профсоюзную работу и входили в сношения с администрацией белых). Украинские эсеры, несмотря на преследования, продолжали действовать легально до 1921 г. В марте 1920 г. в КП (б) У в полном составе вступили члены Коммунистической партии Украины (образовавшейся в августе 1919 г. в результате слияния боротьбистов и незалежных социал-демократов). Это была существенная прибавка — на 15 тысяч украинских большевиков приходилось 4 тысячи национал-коммунистов.

Началось восстановление предприятий Донбасса, разоренных войной, восстановление железнодорожной сети. На Украине была создана трудовая армия в 30 тысяч человек. Эта милитаризация труда остро критиковалась даже частью делегатов IV конференции КП (б) У в марте 1920 г. Впрочем, в ноябре 1920 г. V конференцию КП (б) У качнуло в другую сторону, и она выступила за коллективизацию сельского хозяйства.

Ожидание мировой революции сохранялось. «Мирная передышка» начала 1920 г. подходила к концу. Несмотря на настойчивые предложения мира со стороны Советской России, Польша

завершала подготовку к наступлению на Киев. Союзником поляков в этом походе стали Петлюровские части. В связи с подписанием украино-польского договора Петлюра заявлял 19 апреля 1920 г.: «теперь украинская армия будет сражаться не одна, а вместе с армией дружественной нам Польской республики против красных империалистов, угрожающих также и свободной жизни польского народа... а после окончания борьбы с большевиками польские войска будут немедленно отведены в рубежи своей Республики». Пилсудский также обещал, что когда «на рубежах встанут отряды украинского народа, способные защитить эту страну от новой агрессии, — польский солдат вернется домой». Весь предыдущий опыт украино-польских отношений ставил эти обещания под сомнение (во всяком случае, пока существовало сильное Российское государство, можно было сомневаться в способности украинцев самостоятельно противостоять ему). Тем более, что, как пишет его биограф В. Сулея, Пилсудский в 1920–1921 гг. «еще не отказывался от объединения в рамках федерации Польши, Украины и Белоруссии, а в случае благоприятных условий — Литвы». Но Петлюра сделал свой выбор и 21 апреля подписал договор, признававший польскую границу 1772 года. Таким образом, Украина была разделена, и западная ее часть отходила к Польше с согласия лидера УНР. В 1921 г. Петлюра писал: «Когда я в апреле 1920 г. заключал соглашение с поляками, моей целью было начать значимым политическим актом упорную борьбу со склонностями и тенденциями в нашем обществе к политическим соглашениям и договорам с Москвой, которую я считаю историческим и вечным врагом нашим». Впрочем, цена историческим апелляциям в мировоззрении была невелика — ведь и к полякам у украинцев было много исторических претензий. Но тут Петлюра был куда как более гибок. Мол, поляки — неважные колонизаторы, и их попытка сделать своими Волынь и Полесье «не будет иметь никаких последствий».

Говоря о национальных задачах украинского народа, Петлюра утверждал: «Наша национальная сокровищница содержит в себе такое множество непостижимого и еще неразвитого, что мы должны будем еще долгие века работать над развитием этих богатств». Развитием богатств украинской культуры займется уже УССР.

25 апреля 1920 г. польские войска генерала Пилсудского вторглись на Советскую Украину. Вместе с польской армией действовали две украинские дивизии, а затем еще и «армия Зимнего похода».

«Червоная» УГА перешла на сторону Петлюры. 6 мая поляки вошли в Киев.

13 июня РККА перешла в контрнаступление. 1-я Конная армия прорвала фронт, и поляки стали стремительно отходить. В июле войска УНР отошли за Збруч, а в августе — за Днестр.

Польское руководство в сложившихся условиях было готово признать границей линию, рекомендованную Советом Антанты 8 декабря 1919 г.: Гродно — Валовка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогоуск — Устилуг — Крылов — восточнее Перемышля и западнее Равы-Русской. 11 июля министр иностранных дел Великобритании Д. Керзон направил наркоминделу Чичерину ноту, в которой потребовал признать эту линию, отвести войска на 50 км. от нее и заключить перемирие с Польшей и Врангелем. В случае отказа Керзон угрожал, что Антанта поддержит Польшу силой. Советское руководство отвергло ноту Керзона и потребовало, чтобы Польша сама обратилась с просьбой о перемирии. В этом случае ей была обещана даже более выгодная граница, чем «линия Керзона».

Польские лидеры не обратились с просьбой о перемирии, Красная армия вошла на территорию этнической Польши. Было создано коммунистическое правительство «советской Польши», благо в советском руководстве был видный поляк Ф. Дзержинский. Красные войска приближались к Варшаве, командующий западным фронтом М. Тухачевский надеялся развернуть наступление через Варшаву на Берлин — в самое сердце капиталистической Европы. В Германии большевики ожидали получить поддержку немецких коммунистов, которые потерпели поражение в 1919 г., но не были разгромлены полностью. Но поляки не захотели жить в условиях «военного коммунизма». Тысячами они вступали в армию Пилсудского.

23–28 июля Юго-Западный фронт РККА силами 1 Конной и 14 армий красных атаковал Львов. 29–30 июля польская 6 армия нанесла удары по флангам красных, окружив их авангард у Брод. Перегруппировавшись и подтянув резервы, командование Юго-Западного фронта (командующий А. Егоров, член РВС И. Сталин), готовились к новому наступлению на Львов. 10–11 августа было принято решение Главкома о перенаправлении 1 Конной армии в помощь Западному фронту, для чего она должна была двигаться не на Львов, а в сторону Люблина. Этот приказ, сформулированный к тому же с просьбой командующему Юго-западного фронта дать «срочное заключение по изложенному» (из чего следовала предварительность

директивы) был получен, когда 13 августа 1-я Конная снова пошла на штурм Львова. Вывести армию из сражения немедленно было нельзя, и командование фронта не стало прекращать операцию. 17 августа красные вплотную подошли к Львову, но взять город не смогли, так как конница не преодолела укрепления поляков.

16 августа Пилсудский перешел силами 4 армии в контрнаступление на Седлец во фланг Западному фронту Тухачевского. Только 18 августа Тухачевский признал поражение и отдал приказ об отходе. Его фланг в этот момент был смят. Одновременно 3 армия поляков прорвалась на Брест-Литовск.

Отказ командования Юго-Западного фронта немедленно выполнить приказ о передаче 1 Конной Западному фронту иногда рассматривается как главная причина поражения Западного фронта, что впоследствии вызвало горячую дискуссию сторонников Тухачевского и Сталина об ответственности одного из них за поражение. Однако при любых условиях 1 Конная армия даже при условии немедленной переброски севернее не могла оказаться на позиции, с которой парировала бы основной удар войск Пилсудского прорыв 4 армии. Она могла бы лишь ослабить наступление 3 армии поляков, что, впрочем, не смогла сделать неделей позднее, несмотря на то, что находилась на фланге и отчасти в тылу наступающих польских войск.

Воспользовавшись отступлением советских войск по всему фронту, армия УНР перешла в наступление и вместе с поляками заняла Тернополь и Проскуров.

12 октября в Риге было заключено советско-польское соглашение о перемирии. Силы УНР, находившиеся восточнее демаркационной линии за Збручем, попытались сопротивляться Красной армии, но были разбиты. 14 ноября правительство УНР во главе с А. Ливицким оставило Каменец-Подольский, переехав в Польшу. 21 ноября остатки украинской армии отошли за Збруч и были интернированы поляками.

Некоторое время, находясь в Польше, Петлюра еще продолжал кипучую государственную деятельность, например — указывал своему министру юстиции на необходимость введения на Украине украинских фамилий, а министру вероисповеданий — о восстановлении в церковном строительстве национального архитектурного стиля. Выполнять эти указания доведется уже только администрациям Кравчука и Кучмы.

18 марта 1921 г. был заключен советско-польский Рижский мир, по которому Западная Украина до реки Збруч отходила к Польше. Стороны обязались не поддерживать враждебных действий друг против друга, так что Петлюра формально перешел на нелегальное положение (что не мешало ему в 1921–1922 гг. готовить налеты на советскую территорию).

Завершение гражданской войны

Пока Красная армия сдерживала натиск поляков на Украину и готовилась к походу на Варшаву, потенциальный коммунистический диктатор Польши Дзержинский был занят не менее важным делом — ЦК поручило ему изловить Махно. С мая Дзержинский формирует на Украине систему войск внутренней охраны (ВОХР) ВЧК. По дороге на польский фронт в районе действий Махно пришлось задержаться 1 конной армии. К тому же, маневровые отряды ВОХР на треть состояли из конницы. Они шаг за шагом сжимали кольцо вокруг Махно, который дерзко занял Гуляй-Поле, словно поджидая там красных. Красное командование считало, что неплохо осведомлено о планах махновцев — ведь крестьяне тесно связаны с «бандитами», и, прикинувшись махновцами, разведка могла узнать, где махновцы готовят атаку. Но потом выяснилось, как докладывали сводки: «Политика махновского штаба — подготовить удар не в том направлении, в котором распространяет слух население, а в обратном». Так 11 июля 1920 г. армия Махно начала рейд за пределы своего района, в ходе которого прошла сотни километров и взяла города Изюм, Зеньков, Миргород, Старобельск, Миллерово.

Одновременно с польским наступлением активизировала свои действия белая армия Врангеля. Воспользовавшись тем, что основные силы красных действовали на западе страны, «Русская армия» П. Врангеля вырвалась из Крыма и в сентябре 1920 г. занял Александровск, Никополь на правом берегу Днепра, подошел к Юзовке в Донбассе. Однако красные удержали каховский плацдарм на левобережье.

Перед лицом нового наступления белых большевики и махновцам согласились на передышку в их взаимной жестокой войне. 1 октября, после предварительного соглашения о прекращении военных действий с красными, Махно в обращении к действующим на Украине повстанцам призвал их прекратить боевые действия против большевиков: «оставаясь безучастными зрителями, украинские

повстанцы помогли бы воцарению на Украине либо исторического врага — польского пана, либо опять царской власти, возглавляемой германским бароном». 2 октября было подписано соглашение между правительством Советской Украины и Советом махновцев. В соответствии с соглашением между махновцами и красной армией прекращались военные действия, на Украине объявлялась амнистия анархистам и махновцам, они получали право на пропаганду своих идей без призывов к насильственному свержению советского правительства, на участие в Советах и в выборах на V Съезд советов Украины, намеченных на декабрь. Стороны взаимно обязались не принимать дезертиров. Махновская армия переходила в оперативное подчинение советскому командованию с условием, что «сохраняет внутри себя установленный ранее распорядок».

26–27 октября красные и махновцы перешли в наступление, 1 Конная армия, переправившись у Каховки, нанесла удар во фланг и тыл «Русской армии», остатки которой откатились в Крым. Махно, который был серьезно ранен еще в августе 1920 г., остаться в Гуляй-поле, а лучшие силы махновцев под командованием С. Каретникова двинулись в сторону Крыма.

Белые надеялись удержаться на укреплениях Перекопского перешейка, но не смогли выдержать внезапного удара махновцев и красных со стороны Сиваша. Они не думали, что значительные силы противника смогут пройти через это ледяное болото. После ожесточенных боев на Литовском полуострове, на Перекопе и под Юшунью 8–11 ноября оборона Врангеля рухнула. Остатки «Русской армии» 14 ноября покинули Крым, и 15 ноября Красная армия вошла в Севастополь. В Крыму развернулся террор против сторонников белого движения, которые не успели эвакуироваться.

После победы над белыми 26 ноября 1920 г. красные внезапно напали на махновцев. Однако Махно сумел уйти из-под удара в Гуляй-поле. Войскам М. Фрунзе, опираясь на многократный перевес в силах, удалось окружить Махно в Андреевке, но 16 декабря Махно прорвался на оперативный простор. Однако ему пришлось уйти на Правобережье Днепра, где у махновцев не было достаточной поддержки населения, и где большим влиянием пользовались петлюровцы. В ходе тяжелых боев в январе-феврале 1921 г. махновцы прорвались в родные места.

Весной 1921 г. на Украине партизанило около 160 отрядов самой разной направленности от петлюровцев до анархистов общей

численностью около 40 тысяч бойцов. За исключением армии Махно, они насчитывали от нескольких десятков до тысячи человек.

В мае 1921 г. Махно двинулся в новый рейд на север. Несмотря на то, что был восстановлен штаб единой армии, силы махновцев были распылены, Махно смог сосредоточить для действий на Полтавщине лишь 1300 бойцов. В конце июня — начале июля М. Фрунзе нанес махновской ударной группе чувствительное поражение в районе рек Сулла и Псел. После объявления НЭПа ослабевала поддержка повстанцев со стороны крестьян. Махно с небольшим отрядом прорвался через всю Украину к румынской границе и 28 августа 1921 г. переправился через Днестр в Бессарабию.

К осени 1921 г. было разгромлено большинство других повстанческих отрядов. Последней попыткой разжечь гражданскую войну на Украине стал «второй зимний поход» петлюровцев во главе с Ю. Тютюнником. Три колонны самостийников вторглись на территорию Советской Украины из Польши и Румынии 19 октября — 4 ноября. Тютюнник ворвался в Коростень, но был тут же выбит оттуда 17 ноября, после чего был полностью разгромлен Котовским и бежал назад в Польшу.

В апреле 1922 г. была объявлена амнистия всем повстанцам, кроме Махно, Петлюры и Тютюнника. В это время отдельные отряды в несколько сотен бойцов (Орла, Коха, Хмары и др.) общей численностью около 2 тысяч еще действовали в Подольской губернии. В других губерниях оставалось по несколько сотен повстанцев. Вспыхивали отдельные восстания против сбора продналога в условиях голода. Но после провозглашения НЭПа повстанчество агонизировало, и к осени было фактически ликвидировано. В сентябре в Польшу ушел один из последних командиров Я. Гольчевский (Орел).

Война за Украину закончилась победой большевиков. Они смогли сосредоточить на территории России и Украины наибольшие людские и военные ресурсы, эффективно их применили в борьбе против своих военно-технических противников. Коммунисты вобрали в свои ряды миллионы активных людей, которые не могли реализовать себя в условиях Российской империи. То же самое можно сказать и о других партиях, но большевизм предложил наиболее последовательную и простую стратегию диктатуры бедноты (чем в условиях России становилась «диктатура пролетариата»), которая нашла наиболее массовую поддержку у городских низов. Но в результате притока бедноты культурный уровень членов коммунистической

партии был невысок, они привыкли к применению насильственных методов достижения целей, к разрушению. Это способствовало победе коммунистов в гражданской войне, но создавало трудности для дальнейшей созидательной работы по восстановлению хозяйства и созданию основ социалистического общества.

Лозунги коммунистов соответствовали революционным настроениям широких масс. Эти лозунги были по форме близки популярным в народе идеям эсеров, меньшевиков и анархистов, они не противостояли также идее национально-культурного возрождения. Но большевики казались более решительными сторонниками радикальных аграрных и социалистических преобразований, потому что предлагали действовать быстрее, бескомпромиссно разрушать старые помещичьи капиталистические отношения. В действительности методы, применявшиеся большевиками, противоречили провозглашенным целям преодоления угнетения и эксплуатации. В условиях коммунистического режима угнетение сохранилось иногда в более тяжелых формах, чем при царе и при белых. Но широкие массы считали, что это вынужденные меры на время войны, и после победы над белыми и интервентами большевики установят общество всеобщего братства и свободы. Коммунисты, таким образом, выиграли идеологическую войну против белых, умеренных социалистов и националистов. Они смогли заручиться наиболее массовой поддержкой, создать хорошо организованную и многочисленную армию, по частям разбить уступавшие им по численности белые армии, националистов и разрозненные крестьянские движения.

История революции и гражданской войны на Украине — это переплетение и противоборство социальных и национальных процессов и проектов. В 1917 г. лидерам национального движения удалось мобилизовать значительную, в том числе вооруженную поддержку в пользу национального проекта, что позволило создать Украинскую народную республику. Но стремление максимально расширить её территорию сыграло с национальным проектом злую шутку — на юге и востоке нового украинского государства преобладали сторонники советской власти. В 1918 г. популярность радикальных социальных преобразований оказалась значительно выше, чем строительство национального государства, независимого от России. Стабилизировать такое государства могла только внешняя интервенция. Уход интервентов предопределил новый успех советского проекта на Украине, который, однако, большевикам

не удалось монополизировать. Упадок УНР сопровождался подъемом повстанческих движений, которые воспринимали советский проект не как торжество военно-коммунистического режима, а как широкое самоуправление и равноправие. Попытка коммунистов пересадить жесткую централизованную модель управления на украинскую почву вызвала отторжение, волну восстаний (в том числе национальных и даже национал-шовинистических) и крах второй УССР в 1919 г. Впрочем, возвращение на Украину «единой и неделимой России» в лице белого движения лишь усилило повстанческую волну. Сопротивление активной части украинских рабочих и крестьян попыткам всероссийских сил унифицировать территорию бывшей Российской империи не только погубило белое движение в этом регионе, но в конечном итоге заставило и большевиков пойти на важные компромиссы как в вопросах экономической политики (НЭП), так и государственного строительства (признание УССР одним из равноправных учредителей СССР). Столкновение внутриукраинских сил и государственных образований, возникших на территории распавшихся на востоке Европы империй, привело к разделу Украины между будущим СССР и Польским государством. В отличие от западной Украины, где стала проводиться политика полонизации, УССР в 20-е гг. стала очагом развития украинской культуры. Коммунистический режим извлек уроки из своего не всегда удачного опыта времен гражданской войны и пошел навстречу национальным требованиям украинцев, стремясь найти баланс национальных и социальных задач.

Глава 3
Советская модернизация на Украине

Вхождение Украины в СССР

После завершения революции ее итоги должны были быть оформлены в новые государственные формы. Необходимо было создать единую систему государственной власти на месте разнородных республик, образовавшихся в ходе революции и оказавшихся под контролем коммунистов.

Формально, ради привлечения на сторону большевиков широких масс, приверженных идеям национальной самостоятельности,

в 1922 г. существовали «независимые» от России республики (Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Азербайджан, Бухара, Хорезм, Дальний восток).

В результате, как говорил В. Затонский на X съезде РКП (б), «я лично не знаю, в каких отношениях мы находимся сейчас с РСФСР, мы живущие на Украине, я лично не разобрался окончательно. Что же говорить о широких массах! С заключением последнего договора мы не то находимся в федерации, не то не находимся». Косвенно возражая Сталину, Затонский предвосхитил идею СССР: «Нам необходимо вытравить из голов товарищей представление о советской федерации, как федерации непременно «российской», ибо дело не в том, что она российская, а в том, что она советская... Следовало бы это название просто устранить, или просто оставить название «Советская федерация», или придумать какое-нибудь другое».

В августе Сталин составил проект решений по взаимоотношениям России и других советских республик, который предусматривал «формальное вступление независимых советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении в состав РСФСР» (вопрос о Средней Азии и Дальнем востоке на время был оставлен в стороне из-за дипломатических сложностей). На эти республики распространялась сфера компетенции высших органов власти РСФСР и наиболее важных российских наркоматов. Это позволяло при некоторой автономии республик обеспечить главное для Сталина: «организацию на деле единого хозяйственного организма на объединенной территории Советских республик с руководящим центром в Москве».

Точка зрения Сталина была компромиссом между унитаристами и конфедералистами, позиция которых была представлена частью украинского руководства во главе с X. Раковским.

Раковский настаивал, что «для нашего револ (юционного) воздействия (на) заграницу имеет значение сохранение независимости Украины. Около десяти миллионов украинцев Польши, Галиции, Прикарпатсклой Руси, Буковины и Бессарабии ориентируются и будут ориентироваться больше и больше на Советскую Украину». Политбюро ЦК КП (б) У, опираясь на авторитет ЦК КП (б) У, 3 октября решило настаивать на независимости, но на пленуме ЦК РКП (б), если будет принято решение о вхождении Украины в РСФСР, «не настаивать на сохранении формальных признаков политической самостоятельности УССР».

Впрочем, в украинском руководстве были сторонники и более централистической точки зрения, в том числе и первый секретарь ЦК КП (б) У Д. Мануильский.

В письме к Ленину Сталин возмущался «социал-независимцами», которые рассматривают вмешательство центра «как обман и лицемерие со стороны Москвы». Сталин предлагал замену «фиктивной независимости настоящей внутренней автономией...». Ленин считал, что «Сталин немного имеет устремление торопиться». То есть направление его действий правильное. Но он не учитывает в достаточной степени национальных предрассудков.

Переговорив по этому поводу, Ленин и Сталин быстро нашли решение, и формула Сталина была изменена: «Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии». После этого Сталин об «автономизации» не упоминал. Казалось, вопрос был исчерпан. Но уже по иным причинам между Лениным и Сталиным усиливался конфликт, в котором Ленин затронул и национальную тему. Он трактовал новую формулу как «уступку» Сталина, будто речь шла не о согласовании решения в рабочем порядке, а о борьбе с политическим противником. В свою очередь Сталин парировал и обвинение в торопливости, уличив Ленина в стремлении слишком быстро объединять наркоматы республик. Эта ««торопливость» даст пищу «независимцам» в ущерб национальному либерализму т. Ленина». Сталин предпочел уступить Ленину — в конце концов, главное, что партийная структура РКП (б) оставалась централизованной. После образования союза республик РКП (б) была переименована во Всесоюзную — ВКП (б), а отдельную партию для России создавать не стали. Так что национальные партии остались автономными образованиями в составе ВКП (б). На деле власть была построена в соответствии с идеей «автономизации», но формально — полностью в соответствии с предложениями Ленина. Сталин и возглавляемая им комиссия ЦК переработали резолюцию в соответствии с ленинскими предложениями, и она была принята на пленуме ЦК 6 октября.

Образование Союза Советских Социалистических республик (СССР) было провозглашено на I съезде советов СССР 30 декабря 1922 г., где были приняты Декларация об образовании Союза и Договор между республиками. В речи Сталина Россия была поставлена на особое, почетное место: «Сегодняшний день является днем торжества новой России..., превратившей красный стяг из знамени партийного

в знамя государственное и собравшей вокруг этого знамени народы советских республик для того, чтобы объединить их в одно государство, в Союз Советских Социалистических Республик, прообраз грядущей Мировой Советской Социалистической Республики». От Российской — к мировой республике. В Декларацию, принятую съездом, Сталин записал мотивы, которыми он руководствовался в споре с Лениным: «Восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик». К подписанию договора допустили РСФСР, ЗСФСР, УССР и БССР. В состав РСФСР и ЗСФСР вошло несколько автономных республик, некоторые из которых потом были преобразованы в союзные республики.

Произошло уточнение территории Украинской ССР. Еще в 1920 г. в состав УССР был включен весь Донбасс (а не только его часть, входившая в Екатеринославскую губернию). Это было вызвано мотивами улучшения управления промышленностью. Однако затем выяснилось, что часть предприятий Донбасса экономически тяготеют к Ростову и к азово-черноморскому побережью РСФСР. В 1926 г. после длительного обсуждения в советских органах города Таганрог, Шахты и прилегающие к ним территории отошли к РСФСР. Одновременно на севере Украины город Путивль и ряд других населенных пунктов, тяготеющих к Украине в культурном отношении, отошли к УССР.

НЭП

К концу Гражданской войны экономическое положение Украины было плачевным. Производство чугуна и стали упало по сравнению с 1913 г. соответственно в 200 и 60 раз, сахара — в 20 раз, и только текстиль держался на уровне 29 %. Число рабочих Украины сократилось с 942,3 до 260 тысяч. Сбор зерна упал в 1920 г. до 38,5 % от уровня 1913 г.

Переход к новой экономической политике (НЭП), провозглашенный в марте 1921 г. на X съезде РКП (б) по предложению Ленина, положил начало целому периоду в истории России, Украины и других советских республик. X съезд принял решение о переходе от продовольственной разверстки к фиксированному продовольственному налогу, но это было только начало отказа от системы «военного коммунизма».

На протяжении марта-мая 1921 г. большевики уступили почти всем экономическим требованиям народных восстаний, поставивших

однопартийную диктатуру на грань катастрофы. Была разрешена не только торговля, но и частное предпринимательство. 26 июля 1922 г. ВУЦИК утвердил право частной собственности на промышленные предприятия. В частные руки перешла часть предприятий легкой и пищевой промышленность, большая часть торговли. Новых предпринимателей стали называть «нэпманами» (по названию НЭПа). Коммунисты воспринимали это как отступление перед буржуазией, которое могло окончиться полной победой капитализма. Но многие из них, устав от напряженной борьбы с человеческими «предрассудками», стали обустраивать свою жизнь вместе со всей страной. Для других коммунистов это было мещанским перерождением и торжеством «буржуазного» эгоизма.

При этом, как отметил историк, «... обыденные представления о безбрежной свободе частного предпринимательства в период нэпа не совсем точны. Если отдел губсовнархоза имел право утверждать или не утверждать программу работы частного предприятия (в том числе арендованного), то, следовательно, он держал в своих руках административный рычаг управления частной промышленностью, имел возможность включать в план всей ленинградской индустрии те объемы и ту номенклатуру, которую в виде программы обязан был представлять частный предприниматель». В 1921–1924 гг. шахты Донбасса сдавали в аренду частникам, но после их восстановления нэпманы были вытеснены высокими налогами и бюрократическими придирками, и заработавшие шахты вернулись в госсектор.

В городе частные предприятия действовали преимущественно в легкой промышленности, где занимали 11 % рабочих и производили 45 % товаров. В других отраслях частный сектор был представлен гораздо слабее. Сила частного капитала была не в производстве, а в посредничестве, торговле, поскольку государственно-бюрократическое распределение не справлялось с этой задачей. Но внешние формы «буржуазности» были очень заметны. Снова стали работать дорогие рестораны, на улицах появились модно одетые люди, звучала легкая музыка. Но в любой момент накопленные «нэпманами» средства могли быть конфискованы.

В то же время государство продолжало удерживать «ключевые высоты» экономики — большую часть тяжелой промышленности и транспорт. Но и государственные предприятия переходили на рыночные отношения. Они объединялись в самоокупаемые тресты, которые должны были реализовывать свою продукцию

на рынке. Осенью 1921 г. на Украине были организованы тресты, которые стали крупнейшими монополиями в тяжелой промышленности не только республики, но и СССР. «Донуголь» объединил шахты Донбасса, «Югосталь» — 15 металлургических заводов и шахты. Отсутствие жесткой границы между частной и государственной собственностью создавало широкие возможности для коррупции — ситуация, типичная для бюрократического капитализма. Экономическое руководство государственными предприятиями, как правило, было неэффективно, но правительство не давало обанкротиться таким предприятиям, предоставляя им дотации. Получалось, что за счет налогов с крестьян оплачивалась некомпетентность государственной бюрократии и предприимчивость нэпманов.

Ликвидация «военного коммунизма» не спасла страну от экономической катастрофы. Продразверстка и мобилизации окончательно подорвали сельское хозяйство ряда губерний. Одновременно случилась засуха. Летом 1921 г. разразился голод в Поволжье, на Северном Кавказе и Украине. На Украине голодало 3,7 миллионов человек. Разрастались начавшиеся еще во время гражданской войны эпидемии тифа и холеры. Люди умирали сотнями тысяч. Некоторые из голодающих дошли до людоедства.

На Украину бежало 439 тысяч человек из голодающих регионов России. Их устройством занималась созданная в июле 1921 г. Центральная комиссия помощи голодающим при ВУЦИК во главе с Г. Петровским.

Правительство не справлялось с работой по борьбе с голодом. Благотворительная организация Американская администрация помощи стала оказывать помощь голодающим в России, интеллигенция создала комитет помощи голодающим и стала собирать средства. Но коммунисты опасались, что поддержка общественных и международных организаций может быть использована в антисоветских целях. Работа АРА проходила под жестким контролем властей, что мешало работе. Общественный комитет помощи голодающим был запрещен. С некоторым опозданием по сравнению с РСФСР, с января 1922 г. на Украине к помощи голодающим была привлечена АРА и комитет Ф. Нансена. Комитет Нансена предоставил помощь в 12,2 млн продовольственных пайков, АРА — 189,9 млн пайков. Еще 383 тысячи пайков собрал созданный Коминтерном Международный комитет рабочей помощи.

Из-за засухи сев на Украине в 1922 г. уменьшился на 2,7 миллионов десятин даже по сравнению с 1921 г. Однако благодаря хорошему урожаю в 1923 г. голод удалось преодолеть, политика НЭПа стала давать плоды.

В условиях только что закончившейся гражданской войны, неустойчивой социально-экономической ситуации и скрытой враждебности большинства населения большевики опасались распространения инакомыслия. Деятельность оппозиционных партий была пресечена к 1923 г. 18 августа 1922 г. из Украины было выслано 77 представителей интеллигенции.

При этом вступившие в КП (б) У бывшие участники других партий делали успешную карьеру. Губкомы возглавляли бывший меньшевик В. Магидов и бывший боротьбист И. Мусульбас.

КП (б) У имела сильное представительство в РКП (б). Из 25–27 членов ЦК, избранных в 1921–1922 гг., четверо были с Украины. Это позволяло успешно отстаивать интересы республики в конфликтах с центральными ведомствами.

В 1923 г. разгорелся конфликт между заместителем председателя Госплана Г. Пятаковым и председателем правительства Украины В. Чубарем. Союзный центр в лице Пятакова стремился изъять из подчинения Украины крупнейшие тресты — «Химуголь», «Южмаштрест», «Текстильтрест», «Сахаротрест», что оставляло бы совнархозу Украины только незначительную часть предприятий с 5 % рабочих. Эта атака Пятакова была отчасти продолжением его прежней политики унитаризма и нынешнего курса концентрации ресурсов на нужды скорейшей индустриализации, которая привела Пятакова в ряды левой оппозиции. Региональные лидеры в этих условиях поддержали противников левых, что способствовало и сохранению влияния региональных кланов бюрократии в период НЭПа.

Продолжалась и борьба среди украинских группировок. В конце гражданской войны преобладание получила Екатеринославская во главе с Э. Квирингом (Артем погиб в 1921 г. при испытании аэропоезда). Однако в 1925 г. позиции украинских группировок были уравновешены — первым секретарем стал присланный из Москвы Л. Каганович.

В ходе уточнения границ между республиками («размежевания») украинское руководство в 1924 г. снова выдвинуло претензии на часть Воронежской, Курской губерний и Северного Кавказа,

но Украинская ССР получила существенно меньшие территории, поделившись к тому же с Белоруссией. 12 октября 1924 г., после Татарбунарского восстания в Бессарабии, на территории Украины была создана также Молдавская АССР, которая в перспективе должна была воссоединиться с Бессарабией. Молдаване составляли менее трети ее населения. Правда, когда воссоединение произойдет в 1940 г., Украина получит территориальную компенсацию.

В 1923–1925 гг. была проведена административная реформа — вместо 12 губерний, 102 уездов и 1989 волостей были созданы 41 округ с 760 районами.

После первых успехов НЭПа эта экономическая модель столкнулась с первым серьезным кризисом — кризисом сбыта продукции. Если измерять цену промышленных товаров в пудах зерна, то цены эти выросли по сравнению с 1913 г. в 3–4 раза. Государственные тресты сбывали свою продукцию по монопольным ценам и к тому же через частных перекупщиков. Началась неизбежная в таких условиях спекуляция — цены на промышленную продукцию быстро поползли вверх. Это привело к затовариванию — промышленные продукты были так дороги, что масса населения просто не могла их купить. Кризис сбыта 1923–1924 гг. показал, что НЭП не означал реального перехода промышленности на рыночные рельсы, самостоятельность хозяйственных организаций была чисто условной.

Остроту кризиса удалось сбить в 1924 г., по мере введения твердого рубля (старый рубль, обесцененный инфляцией, просто отменили). Одновременно ценам «приказали снижаться», государственным предприятиям дали соответствующие указания. От этого пострадали зарплаты рабочих. Летом 1923 г. по СССР прокатились забастовки в Москве, Петрограде, Донбассе и др. местах. Забастовки продолжались и позднее. В стачке на Константиновском бутылочном заводе в 1926 г. принимали участие полторы тысячи работников.

Несмотря на трудности 1921–1923 гг., НЭП постепенно стал давать результаты. Если в 1921–1922 хозяйственном году уровень производства предприятий Украинского совнахоза составил 14 % от уровня 1913 г., то в 1923–1924 — уже 32 %, в 1925–1926 г. — до 91 %. В этом хозяйственном году 11 % вложений в промышленность были направлены на новостройки. В 1926–1929 гг. на Украине было построено 408 и реконструировано 421 промышленное предприятие,

правда, размеры этих строек были значительно скромнее, чем в следующие годы.

Украинизация

Одной из важнейших черт развития Украины в 20-е гг. стала украинизация — политика развития украинской культуры и расширения роли украинских кадров в руководстве страной. «Украинизация» была проявлением провозглашенной XIII съездом РКП (б) общесоюзной политики «коренизации» советской власти, упрочения связей новой власти с национальными культурами и местной национальной «почвой». Соответственно, эта политика имела две стороны — культурно-просветительскую и кадрово-политическую. Украинская культура должна была стать основой культурного стандарта УССР, а власть в УССР должна была стать более украинской. Предполагалось, таким образом, что украинский язык и украинский этнос станут факторами, которые упрочат позиции нового режима на Украине.

Весной 1919 г. на Украине только десятая часть школ была украинской. Стране не хватало кадров учителей, способных преподавать на украинском языке. Еще сложнее было украинизировать высшую школу, где было всего несколько десятков украиноговорящих профессоров. Украинские школы преобладали в Волынской, Подольской и Полтавской губерниях.

Низким в начале 20-х гг. был и культурный уровень руководящих кадров. Среднее и высшее образование в 1927 г. имели 9 % коммунистов Украины. Только начальное образование имели 70 % руководителей промышленности Украины — начиная с директоров крупных предприятий и их заместителей.

В КП (б) У украинский язык знало около десятой части членов (при том, что этнические украинские корни имела треть членов). Этнические украинцы составляли около 35 % государственных служащих УССР.

Еще в декабре 1919 г. VIII конференция РКП (б) приняла постановление «О советской власти на Украине», в котором говорилось: «Члены РКП на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке, всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план, стремясь, наоборот, превратить украинский язык в орудие

коммунистического просвещения трудовых масс». С сентября 1920 г. преподавание украинского языка в школах УССР стало обязательным. Приступая к украинизации, коммунистическое руководство осознавало, что эта политика может быть использована в интересах национализма. Д. Мануильский говорил в 1923 г., что также как ЦК должен решительно бороться с великорусским шовинизмом, так и коммунисты окраин — со своим национализмом. По мнению украинских историков П. П. Брицкого и Ю. И. Шаповала, «для нерусских народов тогдашнего СССР коренизация на практике означала дерусификацию, высвобождение разноплановых возможностей для представителей того или иного народа».

27 июля 1923 г. вышел декрет СНК УССР «О мерах по украинизации учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждений». Были разработаны мероприятия по переходу на украинский язык большинства учреждений системы просвещения. Запрещалось брать на руководящую работу людей, не овладевших украинским языком. Правда, на деле эти меры осуществлялись не жестко и не полностью.

После того, как в апреле 1925 г. Э. Квиринга сменил Л. Каганович, пленум ЦК КП (б) У создал комиссию по украинизации, призванную ускорить эту работу. Была создана также государственная комиссия по украинизации советского аппарата по главе с председателем Совнаркома УССР В. Чубарем.

Каганович и Чубарь стали настойчиво выполнять указание Сталина «преодолеть иронию и скептицизм по отношению к украинской культуре». Позиция Сталина была связана с углублявшимися противоречиями с группой Зиновьева, считавшего, что украинизация — уступка петлюровщине. Эти противоречия отражали более широкие дискуссии о перспективах строительства социализма в одной стране и о мировой революции.

Украинизация была тесно связана с другими общесоюзными направлениями культурной политики и прежде всего — ликвидацией неграмотности. В начале 20-х гг. грамотными на Украине были 57 % мужчин и более 30 % женщин. В 1923 г. председатель Всеукраинского ЦИК Г. Петровский возглавил общество «Долой неграмотность» (существовало до 1936 г.), которое направило в деревни и кварталы Украины сотни отрядов «культармейцев». За 20-е гг. благодаря кампании ликбеза научились читать и писать около 2 миллионов человек. К 1939 г. по официальным

данным в УССР только 15 % населения в возрасте 15–50 лет были неграмотными.

Другим направлением украинизации стало вовлечение украинцев в партийно-государственный аппарат УССР. В 1923 г. в КП (б) У было всего 23 % украинцев. С 1924 г., в связи с «ленинским призывом» начался массовый набор в партию украинцев, и к началу 30-х гг. их число превысило половину. В советском аппарате этот результат был достигнут уже в 1926 г. В 1940 г. в КП (б) У уже 63 % членов были украинцами.

Форсированная административная украинизация привела к освоению украинской бюрократией и служащими полуграмотной смеси украинского и русского языков, так называемого «суржика».

Новая политика открыла возможности для национал-коммунистов содействовать развитию собственно украинской культуры. Большую роль в этом сыграл бывший лидер боротьбистов, а в 1924–1927 гг. нарком просвещения УССР А. Шумский. Деятельность национал-коммунистической и беспартийной национально-ориентированной интеллигенции заложила основы развития украинской советской культуры. «Не случайно, благодаря усилиям таких деятелей, как академик Михаил Грушевский (он вернулся на Украину в марте 1924 г.), исторический и культурный процессы на Украине стали рассматривать как такие, что развивались наравне с историей России, а не как региональный вариант последней», — считают украинские историки П. П. Брицкий и Ю. И. Шаповал. Национал-демократ Д. Ливицкий, живший в Западной Украине, писал в 1925 г.: «В Советской Украине растет, крепнет и развивается украинская национальная идея, и вместе с ростом этой идеи — чуждые рамки фиктивной украинской государственности наполняются родным смыслом действительной государственности».

На встрече со Сталиным в 1925 г., вскоре после назначения Кагановича, Шумский говорил, что «ЦК КП (б) У должен контролировать и руководить национальными и культурными процессами, которые проходили тогда на Украине, но из Москвы на Украину присылают работников, которые не понимают украинских национальных проблем». Украинские руководители уже выросли настолько, чтобы самим выбирать себе лидеров. Сталин ответил, что это верно, но делать это еще рано.

Но в 1926 г. Сталин инициировал кампанию по разоблачению ошибок Шумского как национал-уклониста, заигрывающего

с некоммунистической националистической интеллигенцией. В этой кампании принял участие и М. Скрыпник, который в 1927 г. сменил Шумского на посту министра просвещения. В сентябре 1927 г. Шумский был направлен на работу в Россию. Но Скрыпник не стал сворачивать украинизацию, да это и не предполагалось Сталиным. Шумский пострадал за излишнюю самостоятельность, а контролируемая украинизация устраивала Москву до начала 30-х гг.

Новый повод для критики национал-уклонизма дала публикация в «Большевике Украины» (№ 2–3 за 1928 г.) статьи М. Волобуева «К проблеме украинской экономики». Статья была опубликована в порядке дискуссии. М. Волобуев утверждал, что Украина представляет собой «исторически оформленный народно-хозяйственный организм». В связи с этим Волобуев предлагал пересмотреть государственный план и предоставить украинским руководителям все права по управлению народным хозяйством страны.

Уже в № 6 журнала за тот же год М. Скрыпник негодовал: «Как нам относиться к волобуевщине? А так, как относиться к шумскизму... Они ведут к фашизму».

Украину затронули и внутрипартийные дискуссии, связанные с левой оппозицией. Последние демонстрации «троцкистов» прошли в Киеве в 1928 г., после чего они были разгромлены с помощью репрессий и частично загнаны в подполье.

В 20-е гг. относительно свободно развивалась украинская литература, возникали и распадались объединения творческой интеллигенции. Литераторы Н. Хвылевой и Н. Яровой основали «Вольную академию пролетарской литературы», в которой участвовали П. Тычина, М. Бажан, В. Сосюра и другие яркие писатели. После принятия постановления ЦК ВКП (б) 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» в 1934 г. на съезде в Киеве был создан Союз советских писателей Украины.

Развитие государственной украинской культуры требовало стандартизации правописания украинского языка. В 1926–1927 гг. была проведена официальная дискуссия по правописанию, к которой были привлечены ведущие ученые-филологи Советской Украины. Оно обсуждалось на Всеукраинской конференции по правописанию 1927 г. в Харькове с участием представителей Западной Украины. Совещание избрало президиум, который по спорным вопросам принял компромиссные решения, учитывающие особенно-

сти западноукраинских диалектов языка. «Харьковское правописание» было утверждено министром просвещения Н. Скрыпником 6 сентября 1928 г. В 30-е гг. происходило сближение правописания с русским.

К концу 20-х гг. на украинский язык перешла четверть вузов, около половины техникумов УССР. 80 % изданий выходило на украинском. Но в Донбассе украинизация все же шла медленно, так как не встречала поддержки большинства населения.

Более того, украинский язык пользовался покровительством властей и в украиноязычных районах РСФСР — здесь действовали украинские школы, техникумы, факультеты, выходили периодические издания на украинском языке. В то же время на территории Украины создавались учебные заведения и выходили издания на польском языке. В УССР были созданы 13 национальных районов (польских, болгарских, немецких) и около тысячи национальных сельсоветов, где открывались широкие возможности для развития национальной культуры этих районов. СССР демонстрировал себя как образец решения национального вопроса, что было принципиально важно и для нужд внешней политики. Ситуация изменится при переходе к форсированной индустриализации. Индустриальная культура требовала стандартизации образования и языка общения, чтобы работники предприятия быстро и точно понимали друг друга. А это требовало свободного владения государственным языком СССР — русским. В то же время на территории национальных республик также предполагалась языковая стандартизация в рамках их границ. С этим была связана временность политики украинизации за пределами УССР и широкой национальной терпимости к нерусским меньшинствам республики.

Сворачивание украинизации за пределами Украины началось уже во время индустриального рывка 1929–1932 гг., а в 1932 г. была официально осуждена украинизация на Кубани. Серьезно изменился и характер украинизации на территории УССР. Теперь упор делался, прежде всего, на привлечение к руководству украинских кадров (что не исключало и присылки эмиссаров из центра), но украинская национальная культура сближалась с русскоязычной общесоветской. Это было результатом перехода к новому этапу индустриальной модернизации, требовавшей культурной стандартизации в масштабах всего государства.

Завершение НЭПа

Неудача хлебозаготовок в 1927–1928 гг. поставила страну на грань голодных бунтов и убедила Сталина в том, что модель НЭПа, оправдавшая себя в короткий период 1924–1926 гг., не в состоянии дать неповоротливой индустриально-бюрократической машине достаточно средств, чтобы построить мощную индустрию. У крестьян был «лишний» хлеб, который они не могли обменять на достаточное количество качественных промтоваров. Дефицит хлебозаготовок в СССР составил около 100 миллионов пудов.

Для индустриального рывка нужен был хлеб, и Сталин решил взять его старыми опробованными военно-коммунистическими методами. 6 января 1928 г. от имени Политбюро сталинский секретариат выпускает «чрезвычайные директивы» местным парторганизациям — специальные заградительные отряды блокируют хлебопроизводящие районы и отбирают хлеб. Начинает активно применяться статья 107 уголовного кодекса о «спекуляции» хлебом, под которую «подводили» и попытки реализовать хлеб рыночным путем.

Рецидив военного коммунизма вызвал борьбу в Политбюро и ЦК между Сталиным и его сторонниками с одной стороны, и Н. Бухариным, А. Рыковым, М. Томским и их сторонниками — с другой.

«Чрезвычайные меры», по существу заимствованные из платформы левой оппозиции, дали хлеб в 1928 г., но отбили у крестьян желание производить его «излишки». Производство хлеба упало. На Украине и Северном Кавказе случившаяся следующим летом засуха и нежелание крестьян работать привели к резкому падению сбора зерна и сокращению посевов. Заготовительная кампания приводила к массовым волнениям крестьян.

В сентябре из-за неурожая на Украине и Северном Кавказе вновь обнаружилась нехватка хлеба, и чрезвычайные методы хлебозаготовок в отдельных регионах возобновились. Теперь вместо «запретной» ст. 107 применялась ст. 131 УК — нарушение обязательств перед государством. По этой статье арестовывались с конфискацией имущества крестьяне, обязавшиеся сдать хлеб (например, под кредит), но не сумевшие выполнить обязательство. Затем в дело пошла и ст. 107.

Эта ситуация обострила конфликт в руководстве ВКП (б), который развивался подспудно. Агитационная машина начала критику «правого уклона» в партии. По именам «правых уклонистов» никто

не называл, и даже руководитель партийной пропагандистской машины Бухарин усердствовал в критике этого «уклона», чтобы никто не заподозрил его в «правизне». Объединенный пленум ЦК и ЦКК 6–11 апреля 1928 г. принял компромиссные резолюции, которые с одной стороны констатировали, «что указанные мероприятия партии, в известной своей части носившие чрезвычайный характер, обеспечили крупнейшие успехи в деле усиления хлебозаготовок», а с другой стороны, осудили сопровождавшие столь «успешную» чрезвычайную кампанию «извращения и перегибы, допущенные местами со стороны советских и партийных органов», которые «фактически являются сползанием на рельсы продразверстки». ЦК обещал, что чрезвычайные меры не повторятся.

Однако все острее вставала проблема индустриальной модернизации. Оборудование, доставшееся в наследство СССР от дореволюционных времен, было лишь подновлено в годы НЭПа, и не могло самостоятельно обеспечить дальнейшее развитие народного хозяйства. Промышленность Российской империи была сформирована под задачи периферийной экономики. Дальнейшее индустриальное развитие требовало строительства новой промышленной базы. Сделать это без перехода советской экономики под контроль иностранного капитала, можно было, только опираясь на ресурсы аграрного хозяйства, преобладающего в стране.

На ограниченности возможностей советского хозяйства указывали специалисты Госплана и других хозяйственных ведомств. На их аргументацию опирались и сторонники «правого уклона», в том числе Бухарин, критиковавший контрольные цифры плана 1928 г. как необоснованные. Аргументы «спецов» с доверием воспринимались Рыковым, который привык опираться на их знания при решении сложных экономических вопросов. Председатель ВСНХ В. Куйбышев, близкий Сталину, относился к предложениям «спецов» скептически. Что касается самого Сталина, то, как говорил М. Владимиров, «по мнению товарища Сталина, все наши специалисты, и военные, и штатские, воняют как хорьки, и чтоб их вонь не заражала и не отравляла партию, нужно их всегда держать на приличном от себя расстоянии». Сквозь сталинскую грубость проступает реальное опасение: воздействие «спецов» заразительно, изо дня в день они могут «заразить» большевика своими взглядами.

В 1928 г. по «спецам» был нанесен сильный удар. ОГПУ объявило о раскрытии в г. Шахты Донбасса заговора специалистов-вредителей.

На публичном процессе в мае-июле 1928 г. многие обвиняемые сознались во «вредительстве». Притом, что это зловещее слово ассоциировалось с организацией катастроф, хотя следствию не удалось найти жертв. Процесс был далеко не первым в своем роде, но получил широкое освещение.

Следствие опиралось на конфликт между инженерами и рабочими. В обвинительном заключении говорилось: «Нет почти ни одной области в производстве, где бы рабочие не указывали следствию на конкретные случаи вредительства и на определенных виновников его. Уличенные этими показаниями, обвиняемые были вынуждены признать свою вредительскую работу». Обвиняемые признавались в том, что получали деньги от бывших хозяев за информацию о положении дел на предприятиях, а также в сотрудничестве с белыми во время гражданской войны, в том, что после прихода красных поддерживали связи с бывшими хозяевами и в их интересах стремились сдерживать расходование запасов полезных ископаемых и даже затапливали шахты с целью их консервации. Кто-то не доглядел за рабочими — разворовали имущество. Кто-то не там прорыл шурф. У кого-то сломалась лебедка. Ничего невероятного для советских людей в этих показаниях не было. Шахтинское дело выделялось масштабом. ОГПУ объединило, амальгамировало разных людей с похожими «грехами» в единую «организацию». Суду были преданы 53 человека. 23 подсудимых не признали себя виновными, другие поддакивали прокурору Н. Крыленко с разной степенью активности.

Судья А. Вышинский, бывший меньшевик, демонстрировал «объективность». Впоследствии он даже гордился, что в одном из зарубежных комментариев вынесенный Вышинским приговор назвали «поражением Крыленко». В зависимости от готовности сотрудничать с обвинением и наличия хоть каких-то свидетельств «вредительства» наказание оказалось очень различным. Четырех обвиняемых даже оправдали, так как предъявленные им обвинения были основаны на вопиющей некомпетентности свидетельствовавших рабочих. Но 11 подсудимых были приговорены к расстрелу. Причем, 6 из них, активно сотрудничавшим со следствием, была сохранена жизнь. Так отрабатывались методы процессов 30-х гг.: уличить обвиняемого в чем-либо наказуемом, а затем, в обмен на жизнь, добиться от него признательных показаний, значительно усугубляющих вину в глазах общества. Затем с помощью нескольких сотрудничавших

со следствием обвиняемых доказать остальным, что они, совершая незначительные политические преступления, на самом деле участвовали в разветвленной вредительской организации. Чтобы спасти себя в этих условиях, нужно каяться. Таким образом удавалось превратить противника в союзника, скомпрометировать не только того, кто признавался во «вредительстве», но и «идейное руководство» — людей, способных предложить альтернативную стратегию развития страны. Компрометация и изоляция этих людей стала важнейшей задачей сталинской группы.

Шахтинское дело не вызвало возражений ни у кого из большевистских лидеров. То, что старые специалисты недолюбливали советскую власть и ждали реставрации — не было секретом. При этом граница между ошибками в работе, разгильдяйством и вредительством была размытой. Побывавший в Донбассе Томский отвечал Ворошилову, спросившему, нет ли в этом деле перегибов со сторону ОГПУ: «картина ясная. Главные персонажи в сознании. Мое мнение таково, что не мешало бы еще полдюжины коммунистов посадить». Но это еще не входило в планы Сталина. Зато Шахтинское дело ослабило интеллектуальную поддержку «правых».

Дискуссия о путях индустриальной модернизации осенью 1928 г. продолжала обостряться. Украинское руководство в этой борьбе поддержало Сталина. На ноябрьском пленуме 1928 г. первый секретарь ЦК КП (б) У С. Косиор утверждал, что в своем докладе Рыков «сгущает краски» и «пужает», характеризуя экономическое положение, а глава правительства Украины В. Чубарь, напротив, был готов попасть в эту же категорию «пужателей», рассказывая об Украине, но в своих выводах ориентировался на необходимость скорейшей модернизации.

Рыков еще ведет себя как один из хозяев партии, уверенно отражает нападения. Он использует рассуждение критиковавшего его Косиора о нарастании классовой борьбы, чтобы подвергнуть критике сталинский тезис о нарастании классовой борьбы по мере продвижения к социализму (не называя автора). Показывая, что «чем дальше мы строим социализм, тем меньше классовая база у сторонников капиталистической реставрации», Рыков подводит мысль Косиора (а на самом деле Сталина) под троцкизм. «Косиор в троцкисты попал», — выкрикнул кто-то из зала, на что Рыков тоном победителя отвечает: «Я Косиора достаточно хорошо знаю, чтобы мог хоть сколько-нибудь подозревать его в том, что он попал в троцкисты.

Нам в своей среде нельзя из-за отдельных ошибок в формулировках воссоздавать сразу целую идеологию... Здесь вовсе нельзя пользоваться тем методом, который применяется в области естественных наук, когда по одной кости восстанавливается целое животное... И во всяком случае это не так кость, по которой можно восстановить всего тов. Косиора. (Смех)». В то время по этому диалогу, как «по кости», еще можно было восстановить скрытую полемику между сторонниками социально-политического компромисса (классовая борьба будет затихать, не нужно придираться к отдельным формулировкам) и большинством партийного руководства, готового к новому витку борьбы. Партийные аппаратчики еще были настроены оптимистично. Но когда оптимизм не оправдается, предсказанная «классовая борьба» разразится с невиданной силой и поглотить и кости тов. Рыкова, и кости тов. Косиора.

Пленум утвердил напряженный бюджет, который должен был вырасти на 20 % при росте национального дохода только на 10 %. Темпы индустриального строительства должны были быть сохранены. Резолюция пленума ставила задачу «борьбы на два фронта — как против правого, откровенно оппортунистического уклона, так и против социал-демократического, троцкистского, «левого», т. е. по существу тоже правого, но прикрывающегося левой фразой, уклона от ленинской линии».

Резолюция, как казалось, свидетельствовала о компромиссе между Сталиным и правыми. Но ситуация не терпела компромиссов, должен был быть выбран или один путь развития страны, или другой. Выиграв в начале 1929 г. «войну интриг», Сталин на апрельском пленуме ЦК 1929 г. нанес решающее поражение «правым» и настоял на принятии курса на форсированную индустриализацию и коллективизацию.

Экономическая ситуация поставила партию перед выбором, и только Бухарин надеялся, что еще есть возможность усидеть на двух стульях: и сохранить рыночное развитие сельского хозяйства, и осуществить невиданный в мире рывок государственной промышленности. «Что нам нужно? Металл или хлеб? Вопрос нелепо так ставить. А когда я говорю: и металл, и хлеб, тогда мне заявляют: «это — эклектика», «это — дуализм», ... обязательно, что нужно: или металл или хлеб, иначе ты увиливаешь, иначе это фокусы». Бухарин продолжал убеждать членов ЦК, что «дальнейший темп, такой, как мы взяли, а может быть, даже больший, — мы можем развивать,

но при определенных условиях, а именно только при том условии, если мы будем иметь налицо подъем сельского хозяйства как базы индустриализации и быстрый хозяйственный оборот между городом и деревней». Оказывается, можно развивать промышленность еще быстрее, чем планируют Сталин и Куйбышев. Можно перекрыть самые смелые планы, но... Только при одном условии, которое и при этих-то темпах нельзя выполнить, и вообще без темпов не получается — быстрый подъем сельского хозяйства. Трудно сказать, действительно ли Бухарин тешил себя этими иллюзиями, или пытался «купить» членов ЦК с помощью демагогии, подобной сталинской. При той аудитории, с которой имели дело Сталин и Бухарин, демагогические приемы давали призрачную надежду на победу. Но решение уже было оговорено в аппаратных кулуарах и принято.

Бывший идеолог партии вопрошал Сталина: «Ну хорошо: сегодня мы заготовили всеми способами нажима хлеб на один день, а завтра, послезавтра что будет? Что будет дальше? Нельзя же определять политику только на один день! Какой у вас длительный выход из положения?».

«Длительным выходом из положения» для Сталина были ускоренная индустриализация за счет коллективизированного крестьянства. Самостоятельное крестьянское хозяйство подлежало ликвидации, крестьяне должны были превратиться в работников коллективного предприятия, подчиненных вышестоящему руководству. Было принципиально важно, что колхоз, в отличие от крестьянской семьи, не сможет укрывать хлеб. Эта скрытая цель коллективизации не была замечена правыми, но Бухарин чувствовал, что что-то здесь не так: «Если все спасение в колхозах, то откуда деньги на их машинизацию?» Денег не было, не было и достаточного количества тракторов, чтобы одарить каждый колхоз хотя бы одним трактором. Колхозу предстояло стать не сельскохозяйственную фабрику, а в мануфактуру, полурабское хозяйство. Но именно оно могло дать возможность государственному центру контролировать все хозяйство, все ресурсы.

Мастер остроумных фраз, Бухарин говорил: «Народное хозяйство не исполнительный секретарь. Ему не пригрозишь отдачей под суд, на него не накричишь». Но Сталин нашел способ отдать крестьянское хозяйство под суд. Под суд можно было отдать начальника деревни — председателя колхоза, или любого, кто ему не подчиняется. Близился страшный суд деревни.

Но сначала нужно было завершить разгром «правого уклона» и сделать победу явной.

Резолюции пленума означали полный разгром правых: «Политическая позиция правого уклона в ВКП означает капитуляцию перед трудностями... Пролетарская диктатура на данном этапе означает продолжение и усиление (а не затухание) классовой борьбы... Как «Записки экономиста» т. Бухарина, так и в особенности платформа трех 9 февраля, а также выступления этих товарищей на пленуме ЦК и ЦКК явно направлены к снижению темпов индустриализации». Обвинения правых в том, что партия «сползает к троцкизму» была названа «неслыханным поклепом на партию». Взгляды Бухарина, Рыкова и Томского были официально осуждены как «совпадающие в основном с позицией правого уклона». Конференция приняла решение о снятии Бухарина и Томского с их постов и предупреждены, что в случае нарушения постановлений ЦК будут немедленно выведены из Политбюро (Томского отправили руководить химической промышленностью, в которой он слабо разбирался). Но характерно, что троица не была осуждена за правый уклон прямо, а резолюция осталась секретной. Сталин все еще опасался выводить конфликт на поверхность. Пока информация должна была распространяться дозировано.

Победа Сталина была не победой аргументов, а аппаратной технологией. Бывшие товарищи по партии были побеждены, но не убеждены. Их покаяния не были искренними. Теперь нужно было показать, какие чудеса способна творить новая политика, альтернативная изжившему себя НЭПу.

Правая альтернатива не могла не прийти в тупик, означавший конец коммунистической монополии на власть. В этом отношении Троцкий оказался мудрее Бухарина, а Сталин — прагматичнее их обоих. Но стоит ли радоваться победе прагматика, если его трезвый ум служит тоталитарной машине? Тупик и крах этой машины мог оказаться для общества полезнее, чем торжество государственности, достигнутое через голод и террор.

Начало первой пятилетки

Победив «правых», Сталин сделал ставку, от которой уже не мог отступить. Его напряженный план индустриализации должен был сработать, иначе — политический крах.

XVI партконференция 23–29 апреля 1929 г. приняла «оптимальный» план пятилетки, который предполагал направление на нужды модернизации практически всех свободных ресурсов в СССР.

Если за время НЭПа капиталовложения составили 26,5 млрд руб., то теперь планировалось 64,6 млрд при этом вложения в промышленность повышались значительно быстрее — с 4,4 млрд до 16,4 млрд руб. 78 % вложений в промышленность направлялись на производство средств производства, а не потребительской продукции. Это означало изъятие огромных средств из хозяйства, которые могли только через несколько лет дать отдачу. Промышленная продукция должна была вырасти за пятилетку на 180 %, а производство средств производства — на 230 %. 16–18 % крестьянства должно было быть коллективизировано, а большинство крестьян, кому новая форма жизни не подходит, продолжить жить и работать по-прежнему. Производительность труда должна была вырасти на 110 %, зарплата — на 71 %, а доходы крестьян — на 67 %. Процветание виделось прямо за горизонтом — надо только поднапрячься. В результате, как обещала резолюция конференции, «по чугуну СССР с шестого места передвинется на третье место (после Германии и Соединенных Штатов), по каменному углю — с пятого места на четвертое (после Соединенных Штатов, Англии и Германии)». Качество продукции при этом в расчет не принималось, партийную элиту завораживали цифры валовых показателей. Сельское хозяйство должно было расти на основе подъема индивидуального крестьянского хозяйства и «создания общественного земледелия, стоящего на уровне современной техники», то есть, говоря иными словами: количество колхозов не может превышать количество тракторов. Зачем объединять крестьян, если не для совместной эксплуатации техники. Сталин знал, что есть принципиально другие мотивы, но пока молчал. План представлял собой компромисс позиций Сталина и Бухарина. Но реальность 1929 г. заставит отказаться от компромиссов.

Снабжение городов должно было стать строго нормированным, распределение продовольствия должно было быть подчинено задаче индустриального рывка. В августе 1929 г. в СССР была введена карточная система. В июне 1929 г. была узаконена принудительная продажа «излишков». Количество этих «излишков», изъятых государством, оценивается в 3,5 млн т. в 1929 г. В 1930 г. были закрыты

сельские рынки. Их снова открыли только во время начавшегося голода — в мае 1932 г.

Государство готовилось к сложной, напряженной работе по выполнению «оптимального плана». А затем все переменилось. Наступил «великий перелом». 7 ноября 1929 г. Сталин выступил со статьей «Год великого перелома», в которой утверждал, что «оптимальный вариант пятилетки... превратился на деле в минимальный вариант пятилетки», что удалось достичь коренного перелома «в развитии земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию... в недрах самого крестьянства..., несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил, от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов». Что случилось? Куда делись прежние сложные расчеты, оптимальный план, и без того до предела напряженный? Чем был вызван этот отказ от планомерного развития, проявившейся с провозглашением «великого перелома»? Что случилось в канун «переломной» сталинской речи 7 ноября 1929 г.?

Сталин, который санкционировал прежние плановые цифры, вдруг требует пересмотра их в сторону резкого увеличения. Обычно это связывают с волюнтаризмом и произволом вождя, человека недалекого и авантюристичного. Однако в другие годы Сталин не проявлял подобного авантюризма

Изменилась глобальная ситуация, в капиталистическом мире как раз в это время разразилась Великая депрессия. Конъюнктура мирового рынка резко ухудшилась. Ресурсы резко подешевели. Этого не могли предугадать ни Сталин, ни советские плановики. Сталинское руководство на всех парах подошло к рубежу модернизационного рывка, и тут перед ним развернулась пропасть мировой депрессии. И назад нельзя — значительные средства уже вложены в стройки, если остановиться — пропадут. А если двигаться вперед — это прыжок через пропасть в темноте, в неизвестность. Перед Сталиным встала простая альтернатива: либо провал, фактическая капитуляция перед «правыми», либо продвижение ускоренными темпами через критическую экономическую полосу, форсирование экспорта и, следовательно, — еще более решительное наступление на крестьян, строительство лишь части запланированных объектов, чтобы можно было предъявить партии хоть какие-то осязаемые успехи и заложить хотя бы основу дальнейшего промышленного

роста. Но и для этого следовало резко увеличить поставки хлеба государству и интенсивность строительства ключевых строек.

«Первая пятилетка» — это план. Но в 1929–1932 гг. хозяйство развивалось не по плану. Руководство страны поощряло нарушение плана в сторону увеличения, что в итоге порождало хаос. На это обратил внимание Р. Конквест: «Целью было «перевыполнение», и премию получал директор, который даст 120 % нормы. Но, если он добивался такого перевыполнения, то где он брал сырье? Оно, очевидно, могло быть добыто только за счет других отраслей промышленности. Такой метод, строго говоря, вряд ли может быть назван плановой экономикой».

Одни отрасли вырывались вперед, за ними не успевали другие. Директора бесчисленных строек конкурировали в борьбе за ресурсы. Они разбазаривались, торопливое строительство при постоянной нехватке квалифицированных рабочих и инженеров приводило к авариям. Эти катастрофы объяснялись «вредительством буржуазных специалистов» и тайных контрреволюционеров. Если одни руководители производства отправлялись на скамью подсудимых, то другие получали премии и повышения за способность в кратчайшие сроки построить «гиганты индустрии», даже если для них еще не были построены смежные производства. Происходило строительство предприятий, которые заведомо не удастся сразу запустить в дело. Но теперь уже не было возможности сразу построить всю технологическую цепочку экономики, производящей оборудование. Реальной задачей Первой пятилетки стало наращивание потенциальных мощностей приоритетных отраслей под видом фронтального «подъема промышленности», строительство «показательных» гигантов, которые станут опорой для экономики, достроенной в период Второй пятилетки. Главное внимание (финансирование, снабжение и т. д.) оказывалось 50–60 ударным стройкам. Для них же осуществлялся массированный ввоз машин из-за рубежа. Пришлось бросить «до лучших времен» часть строек, чтобы спасти важнейшие. Около 40 % капиталовложений в 1930 г. пришлось заморозить в незавершенном строительстве.

В ценах 1928 г. капиталовложения в основные фонды промышленности Украины выросли в 1929–1933 гг. с 415 миллионов рублей до 1478 миллионов (за весь период НЭПа они составили 760 миллионов).

В ходе первой пятилетки на Украине было построено более 380 предприятий (хотя многие из них были реально пущены уже во второй пятилетке). Среди них — Днепрогэс, обеспечивающий электроэнергией регион, 53 крупных шахты в Донбассе, где добыча угля была машинизирована, три гигантских металлургических завода — Запорожсталь, Азовсталь и Криворожсталь, Харьковский тракторный завод, Краматорский завод тяжелого машиностроения. В Днепропетровске был построен алюминиевый завод, реконструирован трубопрокатный завод. Треть крупнейших строек Первой пятилетки находились на Украине.

Чтобы построить (или почти построить) эти объекты, сталинское руководство должно было вести себя на мировом рынке, как биржевой игрок, ловить момент для продажи огромных объемов хлеба и другого сырья, чтобы получить необходимую для модернизации прибыль. Сталин отчаянно пытался поймать наиболее выгодную конъюнктуру, продать сырьевую массу чуть ли не за одну неделю, пока цены не упали еще сильнее. В августе 1930 г. Сталин пишет Молотову: «Микоян сообщает, что заготовки растут, и каждый день вывозим хлеба 1–1,5 млн пудов. Я думаю, что этого мало. Надо поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3–4 млн пудов. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябзавод и пр.) заводов... Словом, нужно бешено форсировать вывоз хлеба». Значит — и бешено форсировать его сбор в следующие годы Пятилетки. Это предопределяло форсирование коллективизации, которое должно было сделать крестьянство более управляемым.

Пленум ЦК 10–17 ноября 1929 г. сделал новый шаг в ускорении индустриального скачка и коллективизации, темп которой превзошел «самые оптимистические проектировки». Из этого следовало, что и остальные цифры пятилетки можно пересматривать во все более оптимистическом духе.

Для помощи в проведении коллективизацию в деревню из городов направлялись городские организаторы и технические специалисты — «двадцатипятитысячники». На Украину были направлены 7,5 тысяч «двадцатипятитысячников».

К октябрю 1929 г. колхозы на Украине объединяли 15800 дворов — 5,6 % дворов. В декабре 1929 г. план коллективизации был пересмотрен и предусматривал вовлечение в колхозы 34 % хозяйств к весне 1930 г. Были намечены 300 районов сплошной коллективизации

с посевной площадью 12 млн га. Нормы ноябрьского пленума 1929 г. перекрывались вдвое. Но и эти темпы коллективизации были увеличены. В секретных письмах и директивах Сталин предлагал снимать с должности и предавать суду председателей колхозов, продающих хлеб на сторону. В этом и заключалась необходимость коллективизации для осуществления напряженных планов индустриализации — создать послушную систему управления каждым крестьянином, получить возможность брать весь хлеб, оставляя крестьянину лишь минимум. Правда, коллективизация не оправдала надежд Сталина — колхозы не могли длительное время поддерживать высокую производительность труда. Основную массу крестьян предполагалось загнать в колхозы уже за первую пятилетку. 5 января 1930 г. было принято постановление ЦК, по которое ставило задачу: «коллективизация... зерновых районов может быть в основном закончена осенью 1931 г. или, во всяком случае, весной 1932 г.» Низовое партийно-государственное руководство бросилось выполнять новые директивы. Тут или пан, или пропал.

Даже расставаясь с самостоятельностью, крестьяне наносили создававшимся колхозам удары, «пуская по ветру» свою собственность. Особенно тяжелые, длительные последствия имел массовый убой скота. Производство мяса на душу населения в СССР еще в 1940 г. составляло 15–20 кг. в год (в 1913 г. — 29 кг.).

Естественно, что наступление на крестьянство вызывало сопротивление, выливавшееся в волнения и террористические акты. В марте 1930 г. 45 % выступлений крестьян СССР происходило на Украине. Из 50 сел приграничного Тульчинского округа были изгнаны представители советской власти и избраны старосты, происходили перестрелки с силами ОГПУ. В первой половине 1930 г. на Украине было зафиксировано 1500 «террористических актов» против коллективизации, но из них только 76 убийств.

По мнению Н. А. Ивницкого, события января-февраля 1930 г. означали «начало гражданской войны, спровоцированной советским партийно-государственным руководством». Но в том-то и дело, что гражданская война не началась. Гражданская война — это раскол общества на две и более частей, каждая из которых имеет собственных лидеров, руководящих вооруженной борьбой против других частей общества. Можно говорить о расколе общества в 1930 г., но никакого общего руководства, которое продержалось бы хотя бы эти критические месяцы, восставшие не имели. Налицо были все

предпосылки гражданской войны кроме одного. «Нам вождей недоставало».

Конечно, волнения быстро и жестоко подавлялись. Поэтому на тысячи волнений приходились десятки восстаний. Но ни одно из них не продержалось долго — ничего подобного, как во времена Махно и Антонова, не случилось. В этом есть некоторая загадка — при большем размахе волнений гражданская война не разразилась. Почему десятки восстаний, которые не удавалось подавить сразу, все же не смогли разрастись?

«Нам вождя недоставало». Аппарат ОГПУ развернуло жесточайшую и длительную зачистку деревни от всех людей, которые пользовались авторитетом и не поддерживали коллективизацию и заготовки. Важнейшим ударом по сложившимся к 30-м гг. верхам деревни стало «раскулачивание». Сталин бил на опережение, создав условия для того, чтобы деревенские маргиналы и коммунисты выселяли из деревни крестьянскую «верхушку», хозяйство раскулаченных по существу разграблялось, а наиболее «злостные кулаки» (то есть тех, от кого ожидали сопротивления если не делом, то словом) — расстреливались или отправлялись в лагеря.

Еще до объявления раскулачивания во всесоюзном масштабе, весной 1929 г. на Украине распродали имущество 68 тысяч хозяйств, которые были признаны кулацкими и при этом не сдали норму продовольствия. Эта практика была легализована задним числом.

3 июля 1929 г. было принято постановление ВУЦИК и СНК «О расширении прав местных советов по содействию выполнению общегосударственных заданий и планов», по которому Советы получали право накладывать штрафы до пятикратного размера несданного хлеба и возбуждать уголовные дела против должников, продавать их имущество в счет недоимок.

К концу 1930 г. в УССР было раскулачено 70,4 тыс хозяйств (в целом в СССР 337,6 тыс. хозяйств). При этом было выселено 146,2 тысячи человек (по СССР — 550,6 тысяч). Под раскулачивание часто попадали не только зажиточные крестьяне, но и середняки и даже бедняки, которых в этом случае называли «подкулачниками». Государство осознавало экономические издержки раскулачивания, но политический успех — разгром крестьянской «верхушки» был важнее. Экономике предполагалось помочь, используя «кулаков» в качестве рабской рабочей силы. Массы «раскулаченных» направлялись на «стройки пятилетки».

В условиях высокой социальной мобильности 1917–1929 гг., когда представители правящей элиты имели многочисленных родственников и знакомых в низах общества, недовольство, вызванное коллективизацией, было особенно опасно. На это прямо указывает одна из крестьянских листовок того времени: «А тем временем эти царьки натравляют класс на класс, а сами в мутной воде грязь ловят, да насилием в коллективизацию заводят. Но не придется ярмо надеть на крестьян обратно, потому что все крестьянство в одной атмосфере задыхается, а также и наши дети в Красной армии понимают, что их ждет дома голод, холод, безработица, коллектив, т. е. панщина».

Чтобы избежать социального взрыва, руководство ВКП (б) решило временно отступить в борьбе с крестьянством, санкционировав знаменитую статью Сталина «Головокружение от успехов» от 2 марта 1930 г. Эта статья и последовавшее за ним постановление ЦК были использованы для укрепления авторитета верхов партии, разоблачивших «перегибы» на местах: «ЦК считает, что все эти искривления являются теперь основным тормозом дальнейшего роста колхозного движения и прямой помощью нашим классовым врагам». Крестьяне волной двинулись из колхозов, которые накануне письма Сталина охватывали 56 % крестьян СССР. Летом в колхозах осталось 23,6 % крестьян.

Через несколько месяцев все эти «злоупотребления» были возобновлены. Да и в своей статье Сталин давал понять, что в деле коллективизации наметилась лишь передышка — генсек призывал «закрепить достигнутые успехи и планомерно использовать их для дальнейшего продвижения вперед». Движение не заставило себя ждать. 2 сентября Сталин указал Молотову «сосредоточить все свое внимание на организации прилива в колхозы». «Стройкам пятилетки» нужен был хлеб — он шел в растущие города и на экспорт, в обмен на оборудование.

Историк В. В. Кондрашин пишет: «Уже первый год коллективизации ясно показал те цели, ради которых она осуществлялась. В 1930 году государственные заготовки зерна, по сравнению с 1928 годом, выросли в 2 раза. Из деревень в счет хлебозаготовок было вывезено рекордное за все годы Советской власти количество зерна (221,4 млн центнеров). В основных зерновых районах заготовки составили в среднем 35–40 %. В 1928 году они ... в целом по стране равнялись 28,7 % собранного урожая».

Но это имело опасную оборотную сторону. Уже в июне 1930 г. ГПУ Украины докладывало: «В отдельных селах различных районов Старобельского, Изюмского, Криворожского, Николаевского и Херсонского округов продзатруднения принимают острые формы голодовок».

Миллионные массы двигались из деревни в города. Между переписями 1926 и 1939 гг. городское население выросло на 18,5 млн человек (на 62,5 %), причем только за 1931–1932 гг. — на 18,5 %. По образному выражению Н. Верта, «на какое-то время советское общество превратилось в гигантский «табор кочевников», стало «обществом зыбучих песков». В деревне общественные структуры и традиционный уклад были полностью уничтожены. Одновременно оформлялось новое городское население, представленное бурно растущим рабочим классом, почти полностью состоящим из уклоняющихся от коллективизации вчерашних крестьян, новой технической интеллигенцией, сформированной из рабочих и крестьян-выдвиженцев, бурно разросшейся бюрократической прослойкой, ... и, наконец, властными структурами с еще довольно хрупкой, не сложившейся иерархией чинов, привилегий и высоких должностей».

Сталинское руководство пыталось использовать прилив энтузиазма, вызванный надеждами на скорые экономические победы и обещанное в связи с ними коммунистическое изобилие. Были инициированы «почины» самоотверженного труда. 31 января 1929 г. донецкие шахты «Северная» и «Центральная» начали социалистическое соревнование, и этот почин был распространен на весь СССР. В конце 1929 г. на Украине было 250 тысяч рабочих-ударников. Энтузиазм поддерживался с помощью материального стимулирования «ударничества».

Была введена новая система распределения по карточкам, где наилучшее снабжение предоставлялось чиновникам и рабочим столиц, а также наиболее важных производств и «ударникам».

Рабочие высшей категории снабжения — особенно тяжелого труда — обеспечивались 800 г. хлеба, 200 г. мяса в день, а в месяц 3 кг круп, 800 г. рыбы, 600 г. сливочного масла, 1,5 кг. сахара и 10 яиц. Но основная масса городского населения снабжалась значительно хуже.

Количество «ртов» в городах увеличивалось, а рабочих рук на селе — сокращалось. Паек еле обеспечивал нужды миллионов горожан. В 1930 и 1932 гг. происходили волнения в городах, в том числе в Киеве и Одессе.

Сталинское руководство опасалось, что недовольные массы могут быть возглавлены оппозиционно мыслящей интеллигенцией. В 1929–1931 гг. был нанесен репрессивный удар по «старым специалистам». В марте-апреле 1930 г. прошел процесс Союза освобождения Украины, где главным обвиняемым был вице-президент Украинской академии наук С. Ефремов.

Ситуация в городах, чреватая полномасштабным социальным взрывом, усугублялась неконтролируемым притоком обездоленных маргинализированных масс из деревни.

Чтобы избежать неконтролируемого наплыва масс в города, было запрещено несанкционированное перемещение по стране. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР 17 марта 1933 г. предписывало, что колхозник мог уйти из колхоза, только зарегистрировав в правлении колхоза договор с тем хозяйственным органом, который нанимал его на работу. В случае же самовольного ухода на заработки колхозник и его семья исключались из колхоза и лишались, таким образом, средств, которые были заработаны ими в колхозе. Одновременно развернулась паспортизация, которая обеспечила права передвижения (также ограниченные пропиской) только горожанам. Милиция получила право высылать из городов крестьян и препятствовать самовольному уходу из деревни.

Эти меры воспринимались как новое закрепощение. Между тем на «закрепощенную» деревню надвигался голод.

Голод 1932–1933 гг.

Голод 1932–1933 гг. является одной из величайших трагедий истории СССР. Спорить о нем будут всегда. Является ли голод необходимой ценой за индустриальную модернизацию или следствием коммунистической диктатуры, коллективизации, результатом Великой депрессии или произвола Сталина?

В. В. Кондрашин перечисляет известные причины голода: «В 1932–1933 годах голод поразил... все основные зерновые районы СССР, зоны сплошной коллективизации. Внимательное изучение источников указывает на единый в своей основе механизм создания голодной ситуации в зерновых районах страны. Повсюду это насильственная коллективизация, принудительные хлебозаготовки и госпоставки других сельскохозяйственных продуктов, раскулачивание, подавление крестьянского сопротивления, разрушение традиционной системы выживания крестьян в условиях голода

(ликвидация кулака, борьба с нищенством, стихийной миграцией и т. д.)».

Из перечисленных причин ключевой являются госпоставки, изъятие хлеба государством. Коллективизация и ликвидация остатков кулачества сами по себе не вызвали бы голода. Голодали и колхозники, и единоличники. Коллективизация была средством изъятия хлеба, которое, в свою очередь, вело к голоду.

Уровень коллективизации на Украине был выше, чем в среднем по СССР — государство стремилось установить жесткий контроль прежде всего за крестьянством основных зернопроизводящих регионов. В конце 1932 г. на Украине было коллективизировано 70 % дворов с 80 % обрабатываемых площадей. Было создано 592 машинно-тракторные станции, которые могли обслуживать примерно половину коллективных хозяйств. Это подтверждает, что механизация сельского хозяйства не была основным мотивом коллективизации. Колхозы сами по себе не сделали крестьян голодными, они сделали крестьянство «прозрачным» для власти и позволили более эффективно провести главную операцию, ради которой все затевалось — изъятие хлеба. То, что не удалось Ленину в 1919–1921 гг. (а неудача продразверстки заставила перейти к НЭПу), то получилось у Сталина. Теперь крестьяне не могли оказать такого же сопротивления, как в 1921 г. Вожаки, деревенский актив был обескровлен массовыми репрессиями и раскулачиванием. Деревня была пронизана коммунистическими структурами, просвечена ОГПУ. Колхозы, хоть и охватившие только часть крестьянства (в СССР — 61–62 %), сделали деревню более «прозрачной» для контроля сверху. Теперь хлеб было гораздо труднее спрятать от всевидящей власти. После коллективизации и единоличники уже не могли укрывать продовольствие — вокруг было слишком много голодных глаз, да и внимание репрессивных органов было обращено в первую очередь на единоличников как потенциальных «кулаков». ВКП (б) Сталина смогла выстроить социальный насос, способный при необходимости высосать из деревни все до крошки.

В январе 1933 г. в некоторых районах СССР этот насос действительно достиг самого дна. Выполняя завышенные планы поставок продовольствия на стройки пятилетки, исполнители высочайшей воли изымали у голодных людей уже не только хлеб, годный на экспорт, но и грибы и сушеные овощи, которые можно было бросить в котел рабочих столовых Днепрогэса и Сталинградского тракторного.

Несмотря на голод, наращивался экспорт — нужно было докупить последнее оборудование, чтобы «доделать» задачи Пятилетки.

В 1928–1932 гг. урожайность упала с 8 до 7 ц с га (валовой сбор зерна упал с 733 млн ц до 699 млн ц). А заготовки в 1928–1935 гг. выросли с 11,5 млн тонн зерна до 26 млн тонн. У крестьян не оставалось запасов «на черный день». 1931–1932 гг. были неурожайными. Запасы зерна у крестьян упали с 50 млн т до 33 млн т в 1931 г. и 37 млн т в 1932 г. В 1932 г. заготовки были снижены в сравнении с 1931 г. всего на 13 % и составили 1181,8 млн пудов. Зато в 1933 г. заготовки резко выросли до 1444,5 млн пудов. Планы экспорта и снабжения растущих городов не подлежали пересмотру. Именно этот нажим на крестьян — и на колхозников, и на единоличников — в 1932–1933 гг. вызвал голод в ряде регионов страны.

В августе 1931 г. внешняя задолженность достигла 1233 млн рублей при экспорте 811 млн рублей. В первой половине 1932 г. импорт был сокращен на треть, с июля 1932 г. началось снижение капиталовложений. Однако чтобы избежать дефолта и выполнить оставшуюся минимальную программу строительства нужно было получить ресурсы, и в том числе — продовольственные, предназначенные как на экспорт, так и на пропитание возросшего числа рабочих. В 1931 г. было экспортировано 5,2 млн т хлеба. Только в начале 1933 г. внешняя задолженность СССР существенно снизилась до 1 млрд руб., и стало ясно, что в 1934 г., когда подходил срок платежей, СССР сможет избежать дефолта.

Чудовищный голод — результат тяжелого выбора сталинской группы: либо — сколько-нибудь успешное завершение индустриального рывка, либо нехватка ресурсов и полный экономический распад, гигантская «незавершенка», памятник бессмысленному распылению труда. И, конечно, крах Сталина. Для того, чтобы закончить рывок, достроить хоть что-то, Сталину нужны были еще ресурсы, и он безжалостно забрал их у крестьян.

В. В. Кондрашин реконструирует эволюцию позиции Сталина по поводу начинающегося голода на Украине: «На наш взгляд, именно массовое бегство украинских крестьян из колхозов весной-летом 1932 года, в немалой степени, обусловило ужесточение политики сталинского руководства в деревне в целом, во всех регионах, в том числе в Украине.

Как свидетельствует опубликованная переписка И. В. Сталина и Л. М. Кагановича, в начале 1932 года Сталин полагал, что главная

вина за возникшие в Украине трудности лежала на местном руководстве, которое не уделило должного внимания сельскому хозяйству, поскольку увлеклось «гигантами промышленности» и уравнительно разверстало план хлебозаготовок по районам и колхозам. Именно поэтому весной 1932 года была предоставлена помощь Центра: семенная и продовольственная ссуды».

15 марта 1932 г. Косиор предложил ввести порядок индивидуального стимулирования колхозников — в зависимости от урожая направлять больше продовольствия на личное потребление. Подобные инициативы обсуждались в Политбюро, но стали реализовываться только по окончании Первой пятилетки.

В апреле 1932 г. украинское руководство сигнализировало о тяжелой ситуации, которая складывается в республике, и просили снизить нормы поставок хлеба и даже оказать помощь ссудой на посев. Ссуды были даны, но они были возвратными и только увеличили нагрузку на село осенью. Республике были выделены 25 тыс. т хлеба из государственных запасов, находившихся на Украине и 30 тыс. т, прежде предназначенных на экспорт. Поняв, что высшее партийно-государственное руководство с пониманием относится к просьбам Украины, председатель республиканского правительства В. Чубарь продолжал просить помощь, ссылаясь на трудности в обеспечении Донбасса и др. В результате Украине еще сильнее уменьшили планы поставки, и для компенсации потерь СССР был вынужден закупить хлеб в Иране и на дальневосточных рынках (Канада, Австралия).

6 мая планы были снижены до 18,1 млн т. Для сравнения, в 1931 г. — 22,4 млн т. Правда, фактически было собрано в 1931 г. только 19,4 млн т. Но и план в 18,1 млн т. не был выполнен Украиной.

«Дальнейшие просьбы руководителей Украины Чубаря и Петровского о необходимости снизить планы поставок Сталин прокомментировал в письме к Кагановичу: «По-моему, Украине дано больше, чем следует. Дать еще хлеб незачем и неоткуда». Уже летом 1932 г. Сталин обсуждал возможность снятия с постов Косиора и Чубаря, но в итоге решил ограничиться «укреплением» руководства более жесткими работниками из других регионов.

Украинские колхозники, вместо благодарности за оказанную помощь, бросают колхозы, разъезжают по Европейской части СССР и разлагают чужие колхозы «своими жалобами и нытьем», его позиция стала изменяться. От практики предоставления

продовольственных ссуд Сталин переходит к политике установления жесткого контроля над сельским населением. Причем эта тенденция усиливалась по мере роста крестьянского противодействия хлебозаготовкам в форме прежде всего массового расхищения урожая и во всех без исключения зерновых районах СССР», — считает В. В. Кондрашин.

7 июля 1932 г. планы поставок хлеба с Украины были повышены. От голодных людей нужно было защитить и собранное продовольствие. Отсюда — принятый в 7 августа 1932 г. закон о наказаниях за кражу государственного и колхозного имущества в крупных размерах — вплоть до расстрела. Характерно, что ворованным считался и хлеб, который крестьяне укрыли от поставок государству. Сталин предложил ЦК КП (б) У оповестить крестьян, что к укрывателям будет применяться этот закон. Формально закон не должен был относиться к одиночным кражам из нужды или по «несознательности», но соответствующее разъяснение было сделано только 1 февраля 1933 г.

В 1932 г. трудовая армия СССР была вымотана длительным напряжением сил, хаосом колхозной перестройки, отсутствием стимулов к труду — все равно все заберут. Изъятие продовольствия проводилось варварски и вело к огромным потерям. По данным историка В. В. Кондрашина, «в 1932 году, согласно отчету комиссии ВЦИК, весенняя посевная кампания на Северном Кавказе растянулась на 30–45 дней, вместо обычной недели или чуть больше. В Украине к 15 мая 1932 года было засеяно только 8 млн гектаров (для сравнения: 15,9 млн в 1930 году и 12,3 в 1931 году). Упорные усилия власти по расширению посевных площадей зерновых культур для роста их товарности, без введения прогрессивных севооборотов, внесения достаточного количества навоза и удобрений, неизбежно вели к истощению земли, падению урожайности, росту заболеваемости растений. Резкое сокращение тягловой силы при одновременном увеличении посевных площадей не могло не иметь своим результатом ухудшения качества вспашки, засева и уборки, а, следовательно, снижения урожайности и увеличения потерь. Широко известны факты высокого засилья сорняков на полях, засеянных хлебами в 1932 году в Украине, на Северном Кавказе и в других районах, низкое качество прополочных работ.

Закономерным следствием подобных объективных обстоятельств стали огромные потери зерна при уборке урожая, размеры

которых не имели аналогов в прошлом. Если в 1931 году, по данным НК РКИ, при уборке было потеряно более 150 млн центнеров (около 20 % валового сбора зерновых), то в 1932 году потери урожая оказались еще большими. Например, в Украине они колебались от 100 до 200 млн пудов, на нижней и Средней Волге достигли 72 млн пудов (35,6 % от всего валового сбора зерновых). В целом по стране в 1932 году не менее половины выращенного урожая осталось в поле. Если бы эти потери были сокращены хотя бы на половину, то никакой массовой голодной смертности в советской деревне не было.

Тем не менее, по оценкам источников и свидетельствам очевидцев, в 1932 году урожай был выращен средний по сравнению с предыдущими годами и вполне достаточный, чтобы не допустить массового голода. Но убрать его своевременно и без потерь не удалось. Поэтому, в конечном итоге, он оказался хуже, чем в 1931 году...», — считает В. В. Кондрашин.

В сложившихся условиях крестьянское сопротивление (в отличие от 1930 г. скорее пассивное, чем активное, связанное с саботажем, а не восстаниями) было неизбежно и предсказуемо. Крестьянин — тоже человек, и не мог испытать прилив трудового энтузиазма от условий, в которые его загоняли. Но государством была поставлена задача провести техническую модернизацию, и ее можно было проводить только за счет крестьянского продовольствия. Пока стране и миру нельзя было предъявить первые гиганты индустрии, продолжение политики индустриализации требовало масштабных изъятий хлеба (с неизбежными потерями и падением производительности труда на селе). Коммунистическому режиму было жизненно важно дотянуть до завершения Первой пятилетки, а там можно было бы и передохнуть. А пока Пятилетка не завершилась, нажим на крестьян продолжался.

Свидетельством злонамеренной организации голода властями иногда считают слова С. Косиора от 15 марта 1933 г.: «То, что голодание не научило еще очень многих колхозников уму-разуму, показывает неудовлетворительная подготовка к севу как раз в наиболее неблагополучных районах». Эта фраза трактуется частью украинских исследователей как доказательство того, что «террор массовым голодом являлся воспитательной мерой». Однако ни эта цитата, ни сама политика коммунистов в связи голодом, об этом не свидетельствуют. Голод не приучил крестьян к труду, тем не менее, нажим

на деревню ослабевает. Следовательно, не ставилась и задача именно наказания «ненаученных» голодом крестьян. Косиор скорее сетует, что крестьяне даже после такой беды не стали работать лучше, чтобы преодолеть ее последствия.

Украинские руководители искали и себе таким образом алиби: крестьяне плохо трудились, нужно было научить их производственной дисциплине. Но чтобы требовать от человека дисциплины, нужно обеспечить ему достойные условия труда. В условиях заготовленной гонки это не принималось во внимание.

22 января 1933 г. Сталин и Молотов направили ЦК КП (б) Украины и Северо-Кавказскому крайкому ВКП (б) директиву о необходимости принять меры к прекращению бегства колхозников из колхозов. Само бегство голодных людей расценивалось как новая форма «кулацкого саботажа».

В то же время в январе 1933 г. произошло новое снижение планки поставок до 15,5 млн т. А фактически было заготовлено 14,9 млн т. О. В. Хлевнюк полагает, что «если бы задание в 15 млн тонн было установлено с самого начала и быстро доведено до мест с обещанием не превышать установленные планы, ситуация в деревне, несомненно, была бы более благоприятной». Однако О. В. Хлевнюк не приводит доказательств, что в этом случае запланированная планка поставок продовольствия была бы достигнута. В конкретных условиях 1932 г. эта планка оказалась настолько тяжелой, что разрушила сельское хозяйство республики. Имевшийся урожай был вывезен и съеден до завершения зимы. Мнение о том, что высокая, но выполнимая (правда — за счет голодания населения) планка облегчила бы сбор хлеба, было высказано вторым секретарем ЦК КП (б) У М. Хатаевичем, но его аргумент отражает прежде всего позицию не крестьян, а нужды сборщиков хлебной подати — повышенный план «не содействовал созданию должной мобилизованности в борьбе за хлеб. Многие работники, формально приняв этот план, в душе были уверены в его невыполнимости и на деле не дрались ни за какой план. Если бы Украина в самом начале получила план миллионов 350 пудов и при этом как следует развернула борьбу за хлеб, то сейчас было бы заготовлено, во всяком случае, не меньше, а может быть и больше всего того количества хлеба, которое нам следует сдать по ныне-действующему уменьшенному плану хлебозаготовок». Это они еще «не дрались» за план. Можно себе представить, что бы было, если бы «дрались».

Тех, кто «не дрался» за план, могли и репрессировать, как это произошло с руководством Ореховского района Днепропетровской области осенью 1932 г.

Чтобы лучше понять роль этой катастрофы в истории Украины и всего СССР, нужно хладнокровно оценить ее масштаб. Увы, проблемы причин и масштабов голода мистифицируется в ходе острой идейно-политической полемики.

«Если бы не было массового повстанческого движения 20-х гг., Москва не организовала бы уничтожения в 1932–1933 гг. 10 миллионов крестьян...» — говорит о трагедии украинского селянства глава ассоциации наследников голодомора Л. Г. Лукьяненко. Наследники жертв вовлечены в пропагандистскую кампанию, организаторы которой не заинтересованы в поиске реальных причин и масштабов трагедии. Пропагандистское построение о том, что «Москва» стремилась покарать украинцев за повстанчество начала 20-х гг. опровергается просто — от голода пострадали и те районы, где повстанчество в 20-е гг. было скромным (Казахстан), а вот Тамбовщина, прославившееся Антоновщиной, пострадала куда меньше, чем Казахстан. У голода 1932–1933 гг. и повстанчества общая причина. Государство стремилось получить максимум хлеба в производящих регионах. В 20-е гг. это вызывало вооруженное сопротивление, а в 30-е гг. сопротивление было сломлено, государство вырвало хлеб у обессиленного населения для своих нужд, и разразился голод.

Нет доказательств того, что какие-то действия власти были направлены специально против украинцев. Среди пострадавших регионов — и российские Воронежская, Курская, Свердловская, Челябинская, Обско-Иртышская области, Азово-черноморский и Северный края, Поволжье, Северный Кавказ и Казахстан.

Разумеется, на Украине была своя специфика изъятия хлеба, свои жестокости власти против крестьян. Иногда не только публицисты и политики, но и серьезные украинские историки представляют эти жестокости качественно большими, чем в России, направленными на то, чтобы сломить свободолюбивый дух именно украинского народа. Ведущий украинский исследователь голода (голодомора) на Украине 1932–1933 гг. С. В. Кульчицкий считает: «Когда у крестьян, не имевших хлеба, забирали горох и сухофрукты, оставляя их в январе 1933 г. без продовольственных запасов до предстоящего урожая, это могло означать только одно: государство не хлеб заготовляло, а наносило по сельской местности превентивный

удар, стремясь при помощи репрессий избежать ситуации, возникшей в январе-феврале 1930 г. Опыт 1921 г. показывал, что голодающее село не способно к возмущению». Одно из другого не следует. Государство осуществляло изъятие продовольственных ресурсов, а не только специально хлеба. Почему? Необходимо выяснить, для чего требовался горох и сухофрукты. Могло ли это продовольствие использоваться для пропитания рабочих строек Пятилетки. Это было и наказание — но за недоимки, а не за повстанческие настроения. Чтобы пресечь их, было достаточно обычных репрессий, которые никто не отменял. Как раз опыт 1921 г. показал, что именно крестьяне перестают бунтовать, когда у него появляется перспектива сытости. В 1921 году Украина пылала огнем восстаний, а введение НЭПа вскоре изолировало повстанческих вожаков. Но в 1933 г. изъятие продовольствия могло быть и не только репрессией, а конвульсивной попыткой местных руководителей отчитаться по валовым показателям, компенсировать недостачу.

Оценочные данные умерших от голода в СССР разнообразны — от 2 до 12 миллионов. Первые оценки масштабов голода, сделанные в СССР еще в 70-е гг., исходили из демографических потерь. Но «исчезнувшее» население — это не только умершие, но и уехавшие из пострадавших районов, и не родившиеся, потому что в тяжелую годину родители решили подождать. Оценить количество людей, покинувших голодающие регионы сложно, так как они часто скрывались от властей. Сталин понимал, что масса беженцев из голодающих районов может вызвать непредсказуемые последствия для его политики, и зона бедствия была, насколько возможно, блокирована. Но люди все равно нелегально просачивались. К началу марта 1933 г. было задержано 219,5 тысяч человек пробравшихся из голодающих районов, из которых были возвращено 186,6 тысяч.

В 1927–1931 гг. средняя смертность в СССР составляла 2,7 млн человек, а в 1932–1933 гг. — 4 млн что составляет прибавку 2,8 млн за два года. В литературе высказывалась критика достоверности статистики смертности, но она может относиться и к оценке смертности в предыдущие годы.

Самый надежный источник для определения числа умерших (а не уехавших, откочевавших, перешедших из крестьян в рабочие, не родившихся или родившихся, но не там, где жили родители и т. п.) — это учреждения записи актов гражданского состояния (ЗАГС).

Данные ЗАГС позволяют нам ближе всего подойти к объективной оценке потерь от голода. Даже по мнению украинского исследователя С. В. Кульчицкого, «нельзя не видеть, что статистические органы должным образом выполняли свой профессиональный долг, фиксируя из месяца в месяц потрясающие показатели смертности».

Поскольку информация ЗАГС была секретной, власть не стремилась к ее искажению. Иногда (но далеко не всегда) запрещалось прямо указывать голод в качестве причины смерти, но и в этих случаях исследователь без труда поймет, о чем идет речь, прочитав: «голодовка», «истощение», «по неизвестным причинам». Если считать смертность 1931 г. «фоновой», то превышение количества умерших в 1932–1933 гг. составляет 1489,1 тысяч. В 1931 г., до начала голода на Украине умерло 514,7 тысяч человек, в 1932 г., когда голод только начинался — 668,2 тысяч (максимальные месячные показатели смертности в мае-июле — более 50 тысяч). В 1933 г. официально зарегистрированная смертность составила 1850,3 тысяч. Есть данные, что органы ЗАГС в разгар голода фиксировали не всех умерших. Но каково количество неучтенных смертей? Ведь в целом органы ЗАГС зафиксировали беспрецедентный всплеск смертности. Это уже само по себе свидетельствует о том, что у руководства страны не было установки «спрятать» трагедию даже от самого себя. Занижение уровня смертности могло быть вызвано понятной местной инициативой — немного приукрасить ситуацию перед центром. В некоторых случаях работники ЗАГС просто не успевали фиксировать всех умерших. Это позволяет предположить, что количество жертв больше полутора миллионов. Но оно может быть и меньше. Ведь неясно, какое количество умерших скончались именно от голода, а не по другим причинам, связанным с ухудшением социальной ситуации. Количество жертв может быть несколько меньше (не все умерли именно голодной смертью), несколько больше (возможен некоторый недоучет в ЗАГСах). Объективная оценка жертв, привязанная к данным ЗАГСов (превышение над «фоновыми показателями» 1489 тысяч человек), таким образом, находится в коридоре 1–2 миллионов, а не 3–5 миллионов, как считают даже серьезные украинские историки.

В. В. Кондрашин, исследовав архивы ЗАГСов Поволжья и данные центральных органов ЦУНХУ СССР, оценивает численность крестьян, умерших непосредственно от голода и вызванных им болезней, определилась в 200–300 тыс. человек, а жертвы Северо-Кавказского

края в 350 тыс. человек. При этом «как минимум четыре региона тогдашней РСФСР — Саратовская область, АССР Немцев Поволжья, Азово-Черноморский край, Челябинская область — пострадали больше, чем Украина. Что же касается Украины, то ее сельское население уменьшилось на 20,4 процента, это очень много, но общее население уменьшилось не так уж сильно — всего на 1,9 процента. Данный факт позволяет подтвердить нашу гипотезу о необходимости учета фактора стихийной миграции учеными Украины при расчетах общего числа жертв голода 1932–1933 годов... Миграцию украинского сельского населения поглощала в основном украинская же индустрия». Сокращение сельского населения в районах СССР, пораженных голодом 1932–1933 гг., таково: в Казахстане — на 30,9 %, в Поволжье — на 23, на Украине — на 20,5, на Северном Кавказе — на 20,4 %.

Таким образом, налицо примерно одинаковая картина развития демографической и общей ситуации в России и на Украине в рассматриваемый период».

В условиях новой разрухи Сталин решил объявить об окончании рывка в светлое будущее. Выступая на пленуме ЦК и ЦКК 7 января 1933 г., он заявил, что пятилетка выполнена досрочно за четыре года и четыре месяца, и что «в результате успешного проведения пятилетки мы уже выполнили в основном ее главную задачу — подведение базы новой современной техники под промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Стоит ли после этого подхлестывать и подгонять страну? Ясно, что нет в этом теперь необходимости».

Как пишет С. В. Кульчицкий, «Сталин совсем не имел намерения уничтожить все сельское население Украины. Наоборот, он создавал ситуацию, когда государство становилось спасителем от голодной смерти». Правда, нет никаких доказательств, что голод был устроен ради создания такой ситуации. Но действительно, когда главная причина хлебозаготовительной гонки — индустриальный рывок Первой пятилетки — отпала, компартия занялась исправлением положения. 27 июня 1933 г. секретарь ЦК КП (б) У М. М. Хатаевич направил Сталину шифрограмму: «Продолжающиеся последние 10 дней беспрерывные дожди сильно оттянули вызревание хлебов и уборку урожая. В колхозах ряда районов полностью съеден, доедается весь отпущенный нами хлеб, сильно обострилось продовольственное положение, что в последние дни перед уборкой особенно опасно. Очень прошу, если возможно, дать нам еще 50 тысяч пудов

продссуды». На документе имеется резолюция И. Сталина: «Надо дать». В то же время, на просьбу начальника политотдела Новоузенской МТС Нижне-Волжского края Зеленова, поступившую в ЦК 3 июля 1933 года, о продовольственной помощи колхозам зоны МТС был дан отказ.

При этом на Украине, как было признано на январском пленуме ЦК ВКП (б) и февральском пленуме ЦК КП (б) У, план хлебозаготовок был «провален». Несмотря на это, после завершения Пятилетки государство стало направлять помощь на Украину. В 1933 г. Украина получила 501 тыс. т. зерна помощи (формально — ссуды) против 60 тыс. т. в 1932 г. Это значит, что именно штурм Пятилетки был критическим для советского (в том числе украинского) крестьянства. Пока шел этот штурм, местное руководство делало все, чтобы выполнить показатели или хотя бы приблизиться к ним — не останавливаясь перед тем, чтобы выгребать последнее. До января 1933 г. карьера украинских чиновников (как и других чиновников СССР) зависела от выполнения показателей Пятилетки. Потом можно было перевести дух и начать исправлять то, что «наломали».

Настала очередь сельского хозяйства приобщаться к плодам технической модернизации. Согласно постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 1 июня 1933 года «О распределении тракторов производства июня — июля и половины августа 1933 года», из 12100 тракторов, запланированных к поставке в регионы СССР, Украина должна была получить 5500 тракторов.

Фактические итоги «досрочно выполненной» пятилетки были гораздо скромнее сталинских замыслов 1930 г. Оптимальный план 1929 г. был выполнен по производству нефти и газа, торфа, паровозов, сельхозмашин. По производству электроэнергии, чугуна, стали, проката, добычи угля, железной руды не был выполнен даже отправной план 1929 г. Производство тракторов только-только дотянуло до него. К планам 1930 г. не удалось даже приблизиться. «Спецы» оказались правы в оценках реальных возможностей роста. Но только выяснилось, что для достижения этих результатов в реальных условиях 1929–1933 гг. были необходимы гораздо большие ресурсы, а значит — и гораздо большие жертвы.

Вторая пятилетка и массовые репрессии

То, что заложила Первая пятилетка, доделывали во время Второй. Но без первой Вторая была бы невозможна. В результате Первой

пятилетки была создана основа для перехода к экономике, способной самостоятельно производить оборудование, к новому этапу индустриального общества, технологической «подложкой» которого являются электричество, конвейер и двигатель внутреннего сгорания. Недострой начала 30-х гг. был пущен в дело уже во время второй пятилетки. За две первые пятилетки валовая продукция промышленности группы А выросла в 7,5 раз, группы Б — в 3,7 раз. Удельный вес группы А вырос с 51 % до 68 %. Во время двух первых пятилеток (1929–1938 гг.) модернизация радикально продвинулась вперед в области энергетики, металлургии, машиностроения, автомобиле- и авиастроения, электротехники. Большое значение в условиях 30-х гг. имело создание современного военно-промышленного комплекса.

Развитие советской социально-экономической модели было обеспечено — но ценой не только жертв, но и социальной напряженности, которая вскоре выльется в Большой террор.

Можно ли было добиться создания новой индустриальной базы без таких жертв? Задним числом можно все подсчитать, оценить. Только при этом нужно заранее учесть Великую депрессию, начавшуюся в самом начале реализации сталинского плана.

Вина Сталина не в том, что он сознательно стремился уничтожить как можно больше крестьян, а в холодном равнодушии к жизни нынешних людей, если ставка — будущий экономических успех. Сталин в этом отношении был подобен капиталистическим менеджерам в США и Западной Европе, которые в это же время безжалостно увольняли миллионы людей, обрекая их на голод.

Индустриализация вела к урбанизации страны. Разрушая традиционные механизмы социального регулирования, коммунисты создавали новые, охватывающие прежде всего города, в которые вливалась масса пауперизированного населения. В 1930 г. было объявлено о ликвидации безработицы. В крупнейших городах было улучшено снабжение. Потребность в грамотных кадрах стимулировала осуществление массовых образовательных программ. В середине 30-х гг. эти процессы стали постепенно разворачиваться и в деревне. Все это сопровождалось широчайшей агитационной кампанией, преувеличивавшей и прославлявшей каждое достижение Страны Советов.

В действительности положение с продовольствием улучшалось медленно. Несмотря на отмену карточек в 1935 г.. на Украине уже

в 1936 г. возобновилось нормирование продуктов, правда, на довольно высоком уровне: в одни руки нельзя было покупать больше 2–3 килограмм мяса, хлеба, рыбы и др. Чтобы восстановить поголовье, колхозникам предоставлялись беспроцентные кредиты для покупки скота.

Для того, чтобы увеличить производительность труда, рабочим ставили в пример лучших рабочих — «стахановцев». Движение стахановцев, названное в честь донецкого шахтера А. Стаханова, согласно официальным сообщениям перевыполнившего нормы выработки в 14 раз, развернулось во всех отраслях производства. Стахановцы и «ударники» ставили рекорды производительности труда, к которым долго готовилось все предприятие. Рекордсмен после короткого трудового подвига получал льготы и блага, а остальным рабочим повышали нормы выработки, ссылаясь на достижения передовиков. Сообщения о невиданных производственных успехах стимулировали подъем энтузиазма «строителей социализма».

В 1932–1934 гг. на Украине была проведена новая административная реформа — округа были распущены, и некоторое время районы управлялись напрямую из Харькова. Таким образом украинское руководство надеялось упрочить контроль на местах. Как признавал Косиор, украинские руководители «уверили ЦК ВКП (б), что сами — ЦК КП (б) У, без областей справимся с руководством районами, и этим принесли очень большой вред делу». В 1934 г. были созданы 7 областей, в 1937–1938 гг. — еще 5. В 1934 г. столица УССР была перенесена их Харькова в Киев. В 1937 г. вслед за общесоюзной «сталинской» конституцией СССР была принята конституция УССР, которая «гарантировала» демократические нормы и свободы. Записанные в конституции свободы остались на бумаге. В 1937 г. было провозглашено, что «в основном» в СССР «построен социализм».

Неурядицы Первой пятилетки и связанная с ними социальная напряженность дали импульс для чисток кадров как от излишне ретивых, так и от недостаточно исполнительных работников. Новым «гонениям» подвергся и «украинский национализм», под который теперь подводилось прежнее понимание украинизации. В 1933 г. были сняты с постов 237 секретарей райкомов и 249 председателей райисполкомов. В мае 1933 г. в условиях травли застрелился выдающийся писатель Хвылевой, а в июле — Скрыпник. В июле 1933 г. вышло постановление ЦК КП (б) У «О националистических уклонах

в рядах украинской парторганизации и задачах борьбы с ними». Был арестован и отправлен в ссылку Шумский.

После завершения индустриального рывка и голода Сталин вернулся к идее украинизации, но на новой основе. Административная дерусификация не возобновлялась, но в органы власти стало выдвигаться больше этнических украинцев. Сохранялось и преобладание украинских школ и украиноязычной прессы.

Кадровые чистки и гонения 1933 г. отражали нарастание внутрипартийной напряженности в результате социального кризиса. ВКП (б) стала единственным каналом «обратной связи» в государственном организме и потому испытывала на себе сильное давление со стороны внепартийных социальных слоев, которые отстаивали свои интересы по партийным каналам. Разные партийцы неизбежно становились проводниками разных интересов.

В партии существовало множество бюрократических группировок, роль которых особенно возросла как раз после того, когда Сталин победил всевозможные оппозиции. Теперь партийцы делились не по взглядам, а по принципу «кто чей выдвиженец», «кто с кем служил» и «кто под чьим началом работает».

Наиболее мощными были территориальные группировки, в том числе руководство Украины. Одновременно формировались и отраслевые кланы хозяйственной бюрократии, пользовавшейся известной автономией. Во всех республиках шла борьба группировок за влияние.

Сталин стремился сохранить строгую монолитность партии, не останавливаясь перед репрессиями, и в то же время нес ответственность за провалы 1930–1933 гг. Все это не могло не сказаться на настроениях партийцев. Но оппозиция не могла сложиться в легальную фракцию, и в этом, как это ни парадоксально, заключалась особая опасность для правящей олигархии — Сталин и его сторонники не знали, кто в действительности находится на их стороне, а кто готов внезапно выступить против.

Угрозу сталинской политике показали и события, связанные с XVII съездом ВКП (б) 26 января — 10 февраля 1934 г., подавляющее большинство делегатов которого было потом уничтожено. Это можно объяснить тем, что при выборах ЦК против Сталина голосовали десятки делегатов (и это была только часть недовольных, решившаяся на такой шаг). 1 декабря 1934 г. был убит первый секретарь Ленинградского обкома партии С. Киров. Это

убийство было использовано Сталиным как повод для постепенного развертывания террора против партийных кадров. Уничтожая сотни тысяч людей, преданных идее коммунизма, Сталин мог преследовать цели устранения элиты, саботирующей его курс и представлявшей потенциальную опасность или (и) разгрома реально складывающегося заговора с целью устранения вождя и изменения курса (обе возможности обсуждаются современной историографией).

На судьбы людей влияли и обстоятельства внешней политики. В феврале-марте 1935 г. из западной части советской Украины (Киевской и Винницкой областей) на восток республики было выселено 41650 «кулаков», поляков и немцев, что было связано с опасениями советско-польского конфликта. В июне-сентябре 1936 г. 69283 человек были переселены уже из Украины в Казахстан. Эти акции стали предвестием массовых депортаций и репрессий по национальному признаку на Украине (как и в СССР в целом).

Решающую роль в подготовке всесоюзного террора играли событии в Москве. Здесь террор приобретал новое качество, которое распространялось и на Украину. 19 августа 1936 г. Г. Зиновьев, Л. Каменев и др. бывшие лидеры левой оппозиции были осуждены на публичном судебном процессе и расстреляны. В сентябре НКВД возглавил Н. Ежов. В январе 1937 г. на публичном процессе были приговорены к смерти видные большевики Ю. Пятаков, Л. Серебряков, Н. Муралов и др. Накануне пленума ЦК покончил с собой авторитетный член Политбюро Г. Орджоникидзе.

На состоявшемся сразу после гибели Орджоникидзе пленуме ЦК ВКП (б) Сталин, опираясь на результаты двух первых процессов над бывшими лидерами ВКП (б), подвел идеологическую основу под террористический удар, который обрушится на партию несколькими месяцами позднее. Процессы доказывали — вредителем или пособником вредителей может быть объявлен любой член элиты. И с этими «зазнавшимися царьками», бюрократами, необходимо бороться. Особенно резко Сталин выступал против образования кланов в структуре ВКП (б): «Что значит таскать за собой целую группу приятелей?... Это значит, что ты получил некоторую независимость от местных организаций и, если хотите, некоторую независимость от ЦК. У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы». Одним из важнейших итогов пленума стало согласие ЦК на арест Бухарина и Рыкова, обвиненных в связях с заговором

Каменева и Зиновьева. Тем самым была открыта «зеленая улица» машине террора.

22–29 мая 1937 г. были арестованы Тухачевский и другие военные руководители, в том числе недавний многолетний командующий Киевским военным округом И. Якир. За короткий срок арестованные признались в заговоре, дав показания на своих многочисленных сослуживцев. В тюрьме Тухачевский написал подробную записку, в которой признал вину и пытался доказать свою военную квалификацию. Но это его не спасло, Сталин не считал, что эти военачальники незаменимы. В ночь на 12 июня 1937 г. после однодневного закрытого суда они были расстреляны. Чистка армии волнами продолжалась до 1938 г., полностью обезопасив сталинскую группировку от угрозы военного переворота. Погибли тысячи командиров, имевшие опыт гражданской войны.

Всплеск репрессий на Украине произошел осенью 1936 г. Среди «троцкистов» оказались сотрудники и знакомые первого секретаря Киевского обкома партии П. Постышева, который прежде считался сталинским «надсмотрщиком» за Украиной. 13 января 1937 г. было принято постановление ЦК о Киевском обкоме и ЦК ВКП (б), в котором они были обвинены в засорении аппарата врагами. Постышев был снят с должности и позднее отправлен руководить Куйбышевской парторганизацией. На февральско-мартовском пленуме Постышева обвинили в попытке защищать своих людей от НКВД, а также в личной нескромности, раздувании своего культа. Он был вынужден униженно оправдываться. В 1938 г. Постышев был арестован и расстрелян.

Под огонь критики попала и жена Постышева Т. Постоловская, занимавшая пост секретаря парткома Ассоциации марксистско-ленинских научных институтов (УАМЛИН). Сталин использовал критику Постоловской для развертывания кампании, демонстрирующей единство вождя и честных рядовых партийцев. Их символом стала сотрудница музейного городка П. Николаенко, вскрывавшая там злоупотребления, вошедшая в конфликт с парторганизацией УАМЛИН, обличавшая Постоловскую и в результате исключенная из партии.

Сталин взял «маленького человека» под защиту и сделал ее пример показательным: «Николаенко — это рядовой член партии, — говорил Сталин. — Она — обыкновенный „маленький человек“. Целый год она подавала сигналы о неблагополучии в партийной органи-

зации в Киеве, разоблачала семейственность, мещанско-обывательский подход к работникам ... засилье троцкистских вредителей. От нее отмахивались, как от назойливой мухи. Наконец, чтобы отбиться от нее, взяли и исключили ее из партии...» Сталин направил массы рядовых «Николаенко» против партийной элиты, и таким образом ослабил недовольство правящим центром. Миллионы людей на массовых митингах требовали расстрела «шпионов и убийц», и большинство — вполне искренне.

Важное дело террора нельзя было отдавать на откуп местным руководителям. В августе в Киев прибыли Молотов, Хрущев и Ежов. Но им не удалось взять власть у руководства КП (б) У. Вызванный «на ковер» к Сталину, Косиор 19–23 августа сумел убедить вождя, что сам справится с задачей «дочистить» Украину. Для этого ему пришлось демонстративно принести в жертву предсовнаркома Украины П. Любченко, которому припомнили, что он был боротьбистом. Вернувшись из Москвы, куда ездил еще вместе с Любченко, Косиор собрал пленум ЦК КП (б) У и выступил с докладом «О буржуазно-националистической антисоветской организации бывших боротьбистов и о связях с этой организацией Любченко». 30 августа Любченко застрелился. Таким образом, «главой заговора» на Украине был «назначен» не Косиор, в последний момент убравший голову из-под топора. Впрочем, не надолго.

Преемник Любченко М. Бондаренко продержался до октября, после чего был арестован и позднее расстрелян — одновременно со своим преемником, и. о. предсовнаркома Н. Марчаком в феврале 1938 г.

В январе 1938 г. Косиор был переведен в Москву на место заместителя председателя Совнаркома. В мае он был арестован и позднее расстрелян. Этот арест дискредитировал и давнишнего товарища Косиора Чубаря, который в июне был снят с должности заместителя председателя правительства, затем арестован и расстрелян.

Украинскую парторганизацию возглавил Н. Хрущев, прежде руководивший Москвой. Много лет спустя он вспоминал: «По Украине будто Мамай прошел... На Украине была уничтожена тогда вся верхушка руководящих работников в несколько этажей. Несколько раз сменялись кадры и вновь подвергались арестам и уничтожению. Украинская интеллигенция, особенно писатели, композиторы, артисты и врачи, тоже были под наблюдением, подвергались арестам и расправе». Уже с трудом находили, кого назначить на должность.

В январе 1938 г. на Украине не хватало 3 первый секретарей обкомов, 5 предисполкомов, 8 республиканских наркомов, 31 заведующий отделами обкомов из 82.

Нанося удар по кадрам собственной партии и государственному чиновничеству, Сталин развернул также массовое уничтожение представителей социальных групп, которые считал потенциально опасными. 2 июля 1937 г. Политбюро направило секретарям обкомов, крайкомов, ЦК республиканских компартий телеграмму: «Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечению срока высылки вернувшиеся в свои области — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности.

ЦК ВКП (б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

ЦК ВКП (б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а так же количество подлежащих расстрелу, ровно как и количество подлежащих выселению».

9 июля было указано создать на местах чрезвычайные тройки, которые и будут решать судьбу людей. 31 июля Политбюро расширило список социальных категорий, подлежавших уничтожению: бывшие кулаки, ведущие антисоветскую деятельность, бывшие члены оппозиционных партий, антисоветские элементы, содержащиеся в тюрьмах, уголовники. Расстреливались также бывшие члены оппозиций и вообще подозрительные элементы.

С 5 по 15 августа в каждом регионе предстояло начать операцию массовых арестов и расстрелов, которую закончить в четырехмесячный срок, то есть к концу года.

По «кулацкой операции» республиканские органы НКВД УССР наметили к расстрелу 3749 «бывших кулаков» и 1232 уголовников, а к заключению на 8–10 лет — 10364 «кулаков» и 8589 уголовников. Руководство НКВД увеличило эти цифры на 4858 человек — всего

до 28800 человек. Под удар попали представители самых разных социальных слоев. Так, в Донецкой области более 40 % арестованных были рабочими, а вместе с крестьянами они составляли около 60 % арестованных. Правда, органы НКВД прибегали к фальсификации социального состава арестованных, увеличивая «графы» кулаков и «бывших людей».

В 1937–1938 гг. по «польской линии» на Украине было осуждено около 56 тыс. человек, а по «немецкой» — более 21 тысячи (из проживавших на Украине 401880) немцев.

В 1936–1938 гг. на Украине было осуждено по политическим обвинениям 197617 человек. Были уничтожены почти все члены ЦК КП (б) У (в живых остались двое из 102). В 1934–1938 гг. репрессированы 97 членов Союза писателей, что стало заметным ударом по украинской культуре.

Выступая на XIV съезде КП (б) У 13 июня 1938 г., первый секретарь Н. Хрущев говорил: «Коммунистическая партия (большевиков) Украины и украинский народ добились огромных успехов на всех фронтах социалистического строительства, невзирая на то, что на очень многих участках сидели враги народа — троцкистско-бухаринские и буржуазно-националистические агенты фашизма, которые делали все, чтобы сорвать строительство социализма и вернуть украинский народ в кабалу капиталистам и помещикам... Большевики Украины мобилизовали все силы, чтобы выполнить решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) и указания товарища Сталина о повышении бдительности, о разгроме и выкорчевывании врагов народа, о подъеме партийно-политической работы и выдвижении новых кадров, преданных партии Ленина-Сталина... Уничтожая врагов народа, мы нанесли удар польской, немецкой, японской и другим разведкам, равный выигрышу большой войны».

Хрущев с гордостью сообщал, что Украина выплавляет 47,1 % стали, производимой СССР и добывает 54,1 % советского угля, что новые и полностью реконструированные заводы производят 88 % промышленной продукции. Два цвета времени. Две стороны социальной ломки, вызванной в конечном итоге индустриальным переходом в условиях крайних форм авторитаризма.

В конце 1938 г. сталинское руководство, победив в борьбе за власть и добившись определенных успехов в перестройке общества, приступило к корректировке репрессивной политики. 8 декабря 1938 г. был снят с поста Ежов. Сталин прекратил массированное

уничтожение правящего слоя. В 1939 г. преемник Ежова Л. Берия провел новую чистку НКВД (на этот раз от излишне «ретивых» ежовских кадров) и пересмотр дел части заключенных.

На Украине тоже развернулась борьба с «клеветниками», виновными в «перегибах» 1937–1938 г. Выступая на XV съезде КП (б) У 13 мая 1940 г., Н. Хрущев говорил: «Надо беспощадно бороться со всякими отклонениями от генеральной линии партии. Но, товарищи, были некоторые члены партии, которые пострадали зря, и это факт. Такие были, и мы сейчас часть из них восстановили. Враги оклеветали людей и добились своего вражеского дела. Мы, за отчетный период времени, решительную борьбу провели с клеветниками. Часть клеветников мы отдали под суд и сейчас их осудили».

Репрессивная политика, жизнь и работа правящего слоя были упорядочены. Возникшее в период террора господство органов НКВД над партийными структурами постепенно было ликвидировано. У обеих структур остался только один хозяин — Вождь. Сталин начинал новый раунд большой внешнеполитической игры, которая самым непосредственным образом сказалась на судьбе Украины.

Глава 4
Судьба Западной Украины

Западная Украина в 1921–1938 гг.

К 1922 г. территория современной Украины была разделена не только между СССР и Польшей, но также Румынией (захваченная в 1919 г. Буковина, часть Бессарабии) и Чехословакией (Закарпатье, присоединенное в 1919 г.).

В Польше проживало около 4,3 миллионов украинцев, в Румынии 580 тысяч. Около 200 тысяч украинцев уехали в Западную Европу и Америку.

В сентябре 1921 г. на населенных преимущественно украинцами территориях Польского государства были созданы воеводства — Львовское, Тернопольское и Станиславовское в Восточной Галиции и Волынское, Полесское и Новогородское на территории бывшей Российской империи. Конституция Польши, принятая за день до подписания Рижского договора — 17 марта 1921 г., гарантировала права национальной автономии для украинцев и других меньшинств.

Совет Антанты планировал настаивать на автономии Восточной Галиции и соглашался пока лишь на оккупацию ее Польшей. Но в феврале 1922 г. Франция заключила с Польшей нефтяную конвенцию, и французская позиция в отношении польских претензий смягчилась. В июне 1922 г. сейм Польши отклонил идею введения территориальной автономии в Восточной Галиции. Хотя это противоречило решениям Версальской конференции, 14 марта 1923 г. Совет послов Антанты санкционировал передачу Польше всех территорий, которые она получила по Рижскому договору 1921 г.

В знак протеста против этого 18 марта во Львове состоялся митинг украинцев, на котором Ю. Романчук зачитал «присягу», провозглашавшую стремление к соборному Украинскому государству.

Накануне принятия решения Совета послов, 13 марта 1923 г. Нарком иностранных дел РСФСР Чичерин заявил: «Если участь Восточной Галиции, населенной той же народностью, что и союзная России Украина, будет решена без участия советских республик, то результатом всего этого явится возникновение новых очагов для столкновений в будущем.

Невозможно предположить, что украинский народ может оставаться равнодушным к судьбе украинцев, проживающих в Восточной Галиции. Если по Рижскому договору Россия и Украина отказались от своих прав на территории, расположенные на западе от их новой границы с Польшей, то это нисколько не означает, что судьба этих территорий для них безразлична».

Опасения по поводу прав украинского населения в польском государстве оказалось небезосновательными. Проходило переселение на земли Галиции польских землевладельцев (осадников) — около 200 тысяч человек. Эти люди пользовались покровительством властей, получали 45 га. Земли — в совокупности свыше 400 тысяч га земли — и это в регионе с аграрным перенаселением.

Украинские служащие получали службу в западной Галиции, где не говорили по-украински. В 1925 г. протесты привели к отказу от этой практики. В 1924 г. усилилась полонизация украинских школ. В 1932 г. на Волыни осталось 4 украинские школы.

В то же время в 1930 г. в польском государстве действовало 60 украинских издательств и 120 газет.

Западная Украина представляла собой преимущественно аграрный регион, в промышленном отношении более отсталый, чем Восточная Украина до первых пятилеток (и тем более после них). Только

15 % предприятий Западной Украины имели более 20 рабочих. Эти относительно крупные предприятия нефтедобывающей, химической и деревообрабатывающей промышленности принадлежали преимущественно польскому и зарубежному капиталу. Украинские предприниматели занимали сильные позиции в кооперации. Довоенный уровень производства в регионе восстановился к концу бума 20-х гг., но в период Депрессии снова упал.

Сближению поляков и украинцев служила Греко-католическая церковь и созданные ей общественно-культурные организации. За дружбу украинского и польского народов выступало созданное бывшими петлюровцами в 1931 г. Волынское украинское объединение (ВУО). ВУО поддерживало двуязычие в системе просвещения.

Крупнейшей украинской политической организацией стало Украинское национально-демократическое объединение (УНДО) — бывшая Украинская национально-демократическая, затем украинская народно-трудовая партия — переименована в УНДО 11 июля 1925 г. Сначала УНДО выступало за независимость, но с 1932 г. — за национально-культурную автономию.

В июне 1920 г. радикальные ветераны Украинской галицийской армии создали Украинское войсковое объединение во главе с Е. Коновальцем. С 1922 г. УВО перешла к подпольной вооруженной борьбе против Польши, поджигая хозяйства осадников и нападая на полицию, совершая экспроприации и террористические акты. Кроме УВО действовали и другие радикально-националистические организации (Западноукраинская революционная организация и др.).

Проблема консолидации украинского национализма обсуждалась на двух конференциях в 1927–1928 гг. Наконец, 28 января-3 февраля 1929 г. на Конгрессе украинских националистов в Вене была создана Организация украинских националистов (ОУН). Устав ОУН провозглашал, что «Нация является наивысшим типом людского сообщества». Полноправным участником истории нация могла стать только с помощью собственного независимого государства: «Через государство стает нация полным членом мировой истории, поскольку только в государственной форме своей жизни она занимает все внутренние и внешние признаки исторического субъекта».

Устав ОУН предлагал проект будущего «устроя» Украины: «Во время освободительной борьбы только национальная диктатура, созданная в ходе национальной революции, сможет обеспечить внутреннею силу Украинской Нации и наибольшую способность

чинить отпор наружу». После завершения борьбы за независимость: «во главе упорядоченного государства станет, призванный представительным органом, глава государства, который назначит исполнительную власть, ответственную перед ним и наивысшим законодательным телом». При этом «каждый край будет иметь свой представительский законодательный орган, созванный местными организованными общественными слоями («верствами») и свою исполнительную власть».

Программные положения ОУН были развиты в вышедшей в 1935 г. книге идеолога ОУН Н. Сциборского «Нациократия». Сциборский видел одну из важнейших задач украинского национализма в борьбе против «особенности московского духа и психологии». В них глубоко укоренены элементы мистики, дающие им то характер пассивной «стоящей воды», то вновь быстрого стихийного бешенства».

Сциборский, а за ним и ОУН видит социально-экономическое будущее Украины в виде государственного синдикализма, который включает объединение работников в государственные профсоюзы, представленные в законосовещательном Всеукраинском хозяйственном совете, экономическое планирование. Эта система, соответствующая канонам фашизма, в качестве надстройки имела однопартийную диктатуру ОУН.

ОУН резко выступила против примиренчества УНДО, но ее главным противником помимо поляков были коммунисты. В середине 20-х гг. росло влияние подпольной Компартии Западной Украины (КПЗУ), только формально подчинявшаяся компартии Польши. Но ее численность не достигала 5 тысяч человек. В 1928 г. часть партии выразила недовольство гонением «шумскизма», что вызвало раскол. Расколы и чистки КПЗУ продолжались и в дальнейшем, сопровождаясь обвинениями в сотрудничестве с польской агентурой и УВО. Между сторонниками КПЗУ и ОУН происходили столкновения, но иногда — и контакты против общего врага — Польши. Выезжавшие в СССР западноукринские коммунисты репрессировались по подозрению в связях с УВО и шпионаже, а в 1938 г. партия была ликвидирована.

Набеги националистов на польских землевладельцев вызвали жесткую репрессивную реакцию польских властей. В сентябре-ноябре 1930 г. Польские власти провели «пацификацию» (замирение) украинских сел, сопровождавшуюся сожжением домов и сгоном крестьян с земли, наложением контрибуции и порками. В ходе этой

кампании погибли люди. Разорение украинских сел в результате пацификации, мировой экономический кризис и неурожаи привели к недоеданию части украинских крестьян в 30-е гг.

В отместку за пацификацию оуновцы сумели 15 июня 1934 г. убить министра внутренних дел генерала Б. Перацкого. В 1935–1936 гг. в Варшаве и Львове прошли процессы над оуновцами, в том числе — руководителя краевой (западноукраинской) организации С. Бандеры. Эти процессы только подняли авторитет организации среди украинцев.

В 1933 г. оуновцами был убит сотрудник советского консульства во Львове. После убийства 23 мая 1938 г. Е. Коновальца агентом НКВД обострились противоречия между эмигрантской и западно-украинской структурами ОУН и их лидерами А. Мельником и С. Бандерой.

В августе 1939 г. в Риме состоялся II съезд ОУН, поддержавший в качестве лидера (проводника) Мельника. Но итоги съезда не были признаны частью организации во главе с Бандерой. В феврале 1940 г. оформилась ОУН-революционеров, которую принято также называть ОУН-бандеровцев (ОУН-Б) или просто ОУН, наряду с ОУН-М (мельниковцев). Свой II съезд ОУН-Б провела в Кракове в апреле 1941 г.

Он принял программные решения, в соответствии с которыми ОУН бороться за «суверенное соборное Украинское государство», которое должно «обеспечить украинскому народу свободную жизнь и полное и всесторонние развитие всех его сил». Программа выступила за равноправие украинцев (но не всех жителей Украины), создание «профессиональных организаций, построенных на основе продукционного солидаризма и равноправия всех работающих», национализацию тяжелой промышленности и транспорта, введение пенсий, бесплатной медицины, помощь матерям и детям, бесплатное образование, за «уничтожение чужих разлагающих влияний», постепенный отказ от колхозов, который не угрожал бы «разрушением хозяйственной жизни».

«Бандеровцы» настаивали на том, что независимая Украина должна возникнуть сразу по обе стороны Советско-польской границы.

Бандеровцы численно преобладали над мельницовцами во всех регионах Западной Украины, кроме Буковины. Обе организации выступали с крайне националистических и ксенофобских позиций, за национал-авторитарное устройство будущей Украины.

Принципиальных разногласий между двумя ОУН не было. Бандеровцы были несколько более радикальны, а мельниковцы более последовательно ориентировались в своей политике на Германию. Но в этот период и бандеровцы считали Германию своим союзником. В 1938 г. политика Германии стала играть всевозрастающую роль в судьбе Украины.

Украинский фактор в международном кризисе 1938–1939 гг.

Во время судьбоносных событий 1938–1939 гг., которые привели к большой войне в Европе, Украина не была субъектом международных отношений. Тем не менее, «украинский вопрос» играл важную роль в отношениях СССР и западных государств.

15 марта 1939 г. Гитлер захватил Чехию. Сначала британский премьер отнесся к этому событию спокойно — он выступил в парламенте и, несмотря на явный акт агрессии, защищал Мюнхенскую политику, высказал очень осторожные упреки в адрес Гитлера и сделал вывод: «я должен горько сожалеть о том, что теперь произошло. Но не будем на этом основании отклоняться от нашего курса». Однако 17 марта мюнхенская риторика была оставлена, и премьер-министр Великобритании стал обвинять Гитлера в обмане и грозить ответными мерами. «Чуть ли не за один день Чемберлен перешел от умиротворения к открытым угрозам», — не без удивления пишет депутат-консерватор Л. Эмери. Что случилось?

Чтобы понять это, полезно вернуться на несколько месяцев назад. Мюнхенский сговор резко ослабил правительство Чехо-Словакии. 11 октября 1938 г. в населенном украинцами Закарпатье было создано автономное правительство А. Бродия, которого из-за провенгерской ориентации 26 октября заменил лидер Христианско-демократической партии А. Волошин.

Германия демонстрировала двойственную политику, не желая ссориться с Польшей и Венгрией, но в то же время пока приберегая Карпатскую Украину от аннексии. Как формулировал МИД в инструкции посольствам, «Мы относимся сдержанно к Карпатской Украине. Общую венгерско-польскую границу не поддерживаем, но не выступаем активно против польско-венгерских устремлений».

2 ноября 1938 г. министр иностранных дел Германии И. Риббентроп огласил результат первого Венского арбитража: Венгрия получила Ужгород, но не весь регион, где сохранилась украинская

автономия в составе ЧСР со столицей в Хусте. В крае был установлен авторитарный режим во главе с А. Волошиным, 20 января 1939 г. были распущены все партии, кроме Украинского национального объединения (УНО). Не удивительно, что на выборах в Сейм 13 февраля УНО получило подавляющее большинство голосов. Была создана местная армия, «Карпатская сечь» в 2000 бойцов.

В ноябре 1938 — марте 1939 гг. дипломатические круги оживленно обсуждали информацию о подготовке Гитлером похода на Украину. Министр иностранных дел Великобритании Э. Галифакс писал в конце января: «Сначала казалось — и это подтверждалось лицами, близкими к Гитлеру, — что он замышлял экспансию на Востоке, а в декабре в Германии открыто заговорили о перспективе независимой Украины, имеющей вассальные отношения с Германией». 30 ноября советник Н. Чемберлена Г. Вильсон не без злорадства говорил советскому послу И. Майскому: «следующий большой удар Гитлера будет против Украины. Техника будет примерно та же, что в случае с Чехословакией. Сначала рост национализма, вспышка восстания украинского населения, а затем освобождение Украины Гитлером под флагом самоопределения». Сталин тоже опасался карпатской «букашки», которая с помощью Гитлера хочет «присоединить к себе слона», то есть всю Украину.

Как известно, Закарпатье не имело общей границы с СССР. Каким образом оно могло стать «украинским Пьемонтом»? И в Москве, и в Берлине прекрасно понимали, что это возможно в случае соглашения Германии с Польшей. Причем, если для Германии это была тема для переговоров, то для СССР — повод для подозрений. И основание для них давали не только дружеские германо-польские отношения 1934–1938 гг. и злорадные рассуждения британцев, но и другая разведывательная информация. Так, например, со ссылкой на итальянских дипломатов советские разведчики сообщали еще в мае-июле 1938 г., что не позднее января 1939 г. на СССР будет произведено нападение широкой коалиции от Великобритании до Японии. При этом основной удар будет нанесен Германией через территорию Польши. После этого Украина будет разделена между Польшей и Германией. Скорее всего, информация (дезинформация) итальянцев отражала надежды Муссолини, которые сбылись лишь отчасти и приватно обсуждались с немецкими и британскими кругами. В части «украинского вопроса» для участников этих бесед было очевидно одно: заигрывание с украинскими националистами

не означает, что Германия и Польша допустят создания даже формально независимого украинского государства. Однако передача Польше правобережной Украины позволяла вернуться к старой идее, которую раньше поддерживал Пилсудский — создание формальной федерации с участием Украины и Литвы.

Итак, проект «решения украинского вопроса» как повода для раздела СССР, в конце 1938 г. казался вполне реальным и Москве, и Лондону. Но решение должен был принимать Берлин, а намерения Гитлера оставались неясны.

15 марта, сразу после оккупации Чехии, Сейм Карпатской Украины провозгласил независимость и избрал президентом А. Волошина. Однако Венгрия, еще 12 марта получив от Гитлера свободу рук, 14 марта развернула наступление на Хуст. Вопреки ожиданиям, Гитлер не заступился за Карпатскую Украину, а сечевики не смогли оказать серьезного сопротивления венграм и 16–17 марта были разбиты.

Впрочем, в среде украинской эмиграции при объяснении этого поражения всплывала и «немецкая тема». Командовавший сечевиками бывший австрийский офицер Р. Ярый считался «слепым орудием немцев», а сама Карпатская сечь создавалась при содействии немцев, и затем ее кадры были трудоустроены на оккупированной немцами территории. Однако нет данных о прямой команде немцев своим подопечным командирам проиграть сражение с венграми. Закарпатская Украина не имела шанса долго противостоять Венгрии, находясь в полной изоляции и имея рядом враждебные Польшу и Румынию.

Отказ Гитлера от «решения украинского вопроса» в ближайшее время произошел раньше, но до марта 1939 г. об этом не было известно даже в узких берлинских кругах. Сигналы о том, что Гитлер может пойти не на восток, а на запад, в Лондоне увязывались с отказом от «украинской игры» (о чем в январе тоже писал Галифакс). «Украинский вопрос» стал политической лакмусовой бумажкой, позволявшей, как казалось, оценить намерения Гитлера.

Решение Гитлера зависело от позиции Польши. Перемены в настроении поляков наметились после Мюнхена, когда нацисты перешли от «судетской проблемы» к «данцигской». Гитлер, верный своей политике возврата всех населенных немцами земель, намеревался присоединить контролировавшийся Польшей Данциг и разделявший Рейх польский балтийский коридор. Поскольку Польша

считалась дружественным государством, немцы были готовы найти ей компенсацию за чужой счет. Очень скоро стало ясно, что поляки не хотели бы создавать украинское государственное образование даже под своей эгидой. Не отказываясь публично от украинской игры, Гитлер был готов легко пожертвовать ей ради союза с Польшей в решении более важных для него вопросах. Но пока украинская карта могла играть и против поляков. В Варшаве опасались раскручивания «украинского вопроса» не меньше, чем в Москве.

24 октября 1938 г. Риббентроп предложил Польше совместную политику в отношении СССР на базе Антикоминтерновского пакта. Германия обещала не создавать марионеточное украинское государство в Закарпатской Украине. За все это Польша должна была согласиться на передачу Германии Данцига и создание экстерриториального немецкого шоссе и железной дороги, соединяющей две части Рейха.

Риббентроп был готов обсудить и более выгодные варианты: обмен балтийского побережья на черноморское — за счет СССР и безо всякой независимой Украины. Выход Польши к Балтийскому морю можно подыскать было за счет стран Балтии. Восстановление границ Речи Посполитой начала XVIII в. было заманчивой перспективой. Но удовлетворят ли немцы территориальные притязания Польши к СССР и Литве, обеспечив выход к морям, или, напротив, создадут новое украинское государство — это вопрос будущего. А балтийское побережье собираются отобрать уже сейчас. Судьба Чехии показывала, что быть сателлитом Германии небезопасно. Польша стремилась показать Гитлеру, что она все же не Чехия. Польские руководители решили, что слишком рискованно менять имеющийся выход к морю на «шкуру неубитого медведя» СССР. И отказали Германии, сделав ставку на свои союзнические отношения с Великбританией и Францией.

Еще в ноябре германское руководство надеялось, что в случае «советско-германского конфликта Польша будет на нашей стороне». Но во время рождественских каникул Гитлер склонился к мысли, что Польша не станет участвовать в его смелых проектах перекройки восточной Европы, а это меняло направление следующего удара. 8 марта 1939 г. Гитлер сообщил ближайшему окружению о намерении сначала сокрушить Запад, а уже потом уничтожить СССР. В апреле началось создание плана «Вейс», и пошел обратный отсчет германского нападения на Польшу.

Несмотря на отказ от использования «украинского вопроса» в публичной политике, германское руководство не сбросило со счетов украинских националистов. До июля 1941 г. они не понимали, что Германия в любом случае не собирается содействовать делу украинской незалежности, и готовы были видеть в Гитлере союзника, а не просто господина. 15 августа 1939 г. абвер сформировал из членов ОУН диверсионно-повстанческое подразделение во главе с членом Главного провода Р. Сушко для организации восстаний на Западной Украине. Услуги этого подразделения не понадобились, но позднее оуновцы продолжили службу в охранных подразделениях в районах, примыкающих к СССР, что не могло не нервировать советскую сторону.

В Лондоне события 15–17 марта 1939 г. были восприняты под углом зрения прежней информации о намерении Гитлера использовать «украинскую игру» против СССР. Отказ Гитлера от похода на Украину был своего рода сигналом, что Гитлер может развернуться на Запад.

Узнав о произошедшем, Чемберлен сменил милость на гнев. В речи 17 марта 1939 г. Чемберлен сделал вид, что отказывается от политики умиротворения. 31 марта он предоставил Польше гарантии вступления Великобритании в войну, если страна подвергнется «прямой или косвенной агрессии». Под косвенной агрессией понималось то, что случилось с Чехо-Словакией в 1939 г. После захвата Албании Италией гарантии были предоставлены балканским странам.

Британское предложение гарантий и одновременный ультиматум со стороны Германии 21 марта 1939 г. поставил Польшу перед выбором — либо превращение в германского сателлита, либо «равноправная» дружба с Западом. Дружить с Западом было почетнее, чем с Гитлером. Но ориентация на Великобританию делала союз Германии и Польши против СССР невозможным. Гитлеру не нужен был союзник, который управляется из Лондона. За шесть дней до нападения Германии на Польшу 24 августа Геринг говорил польскому послу Липскому: «Решающее препятствие для дружественных отношений между Рейхом и Польшей — не данцигский вопрос, а союз Польши с Англией».

Одновременно с политикой «гарантий» Великобритания и Франция стали «размораживать» свои отношения с СССР, что позволило начать англо-франко-советские переговоры июля-августа 1939 г. в Москве. Но эти переговоры зашли в тупик из-за проблемы прохода

советских войск через Польшу. Как и в случае с политическими переговорами, в центре внимания оказался чехословацкий опыт. В 1938 г. СССР был готов оказать помощь жертве агрессии, но Красная армия не могла пройти на поле боя через территорию Польши. В новых условиях поляки твердо встали на защиту своих границ против СССР. И причиной неуступчивости во многом был все тот же «украинский вопрос». Польский главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы заявил: «независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам». Подразумевались как раз украинские и белорусские «дюймы» территории «Речи Посполитой». Несмотря на то, что СССР признавал легитимность границ, определенных Рижским договором 1921 г., советская сторона оспаривала полный суверенитет Польши над западно-украинскими землями, требуя предоставления им автономии. То, что Польша отказалась предоставить автономию национальным меньшинствам, подрывало легитимность ее владения западной Украиной и Западной Белоруссией, по крайней мере, в глазах СССР.

Тупик в переговорах с Великобританией и Францией толкал Сталина к сближению с Германией. 19 августа советское руководство уступило немецким ухаживаниям, и путь к визиту министра иностранных дел Германии И. Риббентропа в Москву был открыт. В ночь с 23 на 24 августа между ним и наркомом иностранных дел СССР В. Молотовым был подписан советско-германский пакт о ненападении. Наиболее спорным документом, принятым 23–24 августа 1939 г., и с правовой, и с этической точки зрения является секретный протокол. Нас интересует в данном случае его положения, касающиеся территории Украины. В советскую сферу влияния входили восточная часть Польского государства и Бессарабия. Интересно обратить внимание на различия с советско-германскими документами, подписанными 28 сентября 1939 г. Важнейших различий два. Во-первых, в августе речь идет не о территориальном разделе, а о сферах влияния. Во-вторых, разграничение этих сфер проходит по ядру польского государства («примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан»), а 28 сентября СССР уже не претендовал на земли, лежавшие за линией Керзона (за исключением стратегически важного Белостокского выступа). При этом 23 августа представители СССР и Германии не исключали, что Польское государство в урезанных границах будет сохранено. Тогда понятно, что СССР должен включать часть этого будущего польского государства в свою сферу

влияния (а не в свою территорию), чтобы не отдавать его полностью под опеку Германии. Как бы ни сложилась судьба Польши, Сталин уже 23 августа 1939 г. взял курс на объединение Украины и Белоруссии в составе СССР.

Воссоединение Украины

1 сентября 1939 г. немецкие войска вторглись в Польшу, 3 сентября в войну вступили Великобритания и Франция. К 17 сентября стало ясно, что Великобритания и Франция не оказали своему союзнику реальной поддержки, что их гарантии оказались блефом, а объявленная ими война Германии — это «странная война». Польское государство потерпело поражение в борьбе с Германией один на один, и Гитлеру не зачем было его сохранять. Секретный протокол 23 августа уже стал устаревать. Стали меняться и планы Сталина.

До 17 сентября Сталин тянул со «вступлением в игру», демонстрируя всему миру, что не участвует в германо-польской войне. Это нервировало германское руководство, оказавшееся единственным агрессором. Встал даже вопрос о том, что делать с восточной частью Польского государства, входящего в советскую сферу интересов, если СССР так и не введет туда войска. 12 сентября Риббентроп говорил Кейтелю и Канарису о возможности создать там украинское государство (правда пока невраждебное СССР). Лидер ОУН А. Мельник с подачи Канариса стал готовить коалиционное правительство для Галиции.

Но 17 сентября армия СССР перешла границу. Польскому послу в Москве была вручена нота с официальным объяснением советских действий: «Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать». В действительности правительство продолжало жить и работать в Коломые близ румынской границы. Использовались аргументы, введенные в дипломатический оборот Чемберленом после распада Чехословакии. Если государство распалось, то и договоры с ним не действуют: «Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей». Это был главный тезис, ради которого нужно было сообщать об «исчезновении» польского правительства. Далее вступали в силу ключевые для советской внешнеполитической пропаганды

мотивы безопасности: «Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам». Поставив под сомнение нейтралитет СССР в развернувшейся войне, Молотов обратился к национальным целям действий Советского Союза. «Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными»... «В виду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Изменение задач от взятия под контроль половины Польского государства к «взятию под защиту» только украинцев и белорусов происходил постепенно, поскольку часть территорий, населенных преимущественно поляками, оставалась в советской сфере влияния: «Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью».

Белорусский и Украинский фронты, охватывая территорию востока Речи Посполитой с севера и юга, встретили несоизмеримо меньшее, чем немцы, сопротивление слабых польских сил, еще оставшихся в этом регионе.

Украинское и белорусское население, недовольное политикой польской власти, массами выходило на улицы, демонстрируя радость по поводу прихода Красной армии. Часть жителей, конечно, не радовалась, но с протестом не выходила.

Утром 19 сентября советские войска начали штурмовать Львов, куда подошли также немецкие войска. 20 сентября немецкое командование отвело свои войска от Львова, а 22 сентября польский гарнизон капитулировал.

19 сентября было опубликовано советско-германское коммюнике, в котором о вооруженных силах СССР и Германии говорилось: «Задача этих войск... заключается в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенное распадом собственного государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего

государственного существования». Но Сталин предпочитал провести раздел не собственно Польши, а многонациональной Речи Посполитой — отделить районы, населенные поляками, от районов, населенных белорусами и украинцами. Об этом 19 сентября был проинформирован Шуленбург. 25 сентября Сталин лично объяснил Шуленбургу свои мотивы. Раздел собственно польского населения может вызвать трения между СССР и Германией. Поэтому можно обменять польскую часть советской сферы влияния до Вислы на Литву.

Сталин умолчал о других мотивах. Не претендуя на захват части Польши, Сталин искусно уклонялся от обвинения в агрессии. Агрессию совершила Германия, а СССР просто взял под защиту народы, большая часть которых проживает в СССР. На территории, населенные преимущественно поляками Советский Союз не покушается.

28 сентября Варшава пала. В этот день Германия и СССР заключили договор о дружбе и границах. Стороны провозглашали стремление обеспечить «мир и порядок», «мирное сосуществование народов» и делили территорию Польского государства по новой линии. Приехавший в Москву Риббентроп встретил более теплый прием, чем раньше, но торговались по-прежнему долго. Камнем преткновения стали районы Сувалок, нижнего течения реки Сан и Августовские леса. Немцам был нужен лес и нефтепромыслы. В отношении остальных требований Сталин был неумолим, ссылаясь на то, что территории «обещаны украинцам». Что же это за «украинцы», которым были обещаны территории, и которые прямо-таки «держали Сталина за горло», не давая ему идти на уступки немцам? Однако за этой фигурой речи стояли и реальные обстоятельства. Сталин твердо и неуклонно следил за тем, чтобы под контролем немцев не оставалось украинских территорий (в 1940 г. он, уже вопреки новому секретному протоколу, устранит и еще один потенциальный «украинский Пьемонт» в Северной Буковине, вызвав неудовольствие Германии). Потворствуя национальным чувствам украинцев и тем укрепляя поддержку коммунистического режима, подорванную голодом 1932–1933 гг., Сталин в то же время демонстрировал всему миру свою приверженность принципам национально-этнического формирования границ, из которого Великобритания и Франция исходили в 30-е гг., идя на уступки Гитлеру в Австрии и Чехословакии. Этот националистический подход обеспечивало восприятие

сталинской внешней политики как вполне справедливой не только в Берлине, но и в Лондоне.

Исходя из внешнеполитической конъюнктуры, Сталин решил проводить политику территориального расширения под флагом «решения украинского вопроса», и этот вопрос был тогда действительно решен почти настолько, насколько его можно считать решенным сегодня.

Причины международных кризисов 30-х гг. и Второй мировой войны заключается не только в «злой воле» Гитлера, Сталина и других политических лидеров, сколько в глубочайшем кризисе индустриального общества, начавшийся вместе с Великой депрессией. Украина не была субъектом этой борьбы, но ее ресурсы были одной из важнейших ставок, а «украинский вопрос» — одной из важнейших лакмусовых бумажек международной ситуации. И за эти риски украинский народ был нежданно вознагражден объединением в сентябре 1939 г. (с учетом Северной Буковины — в 1939–1940 гг.).

Сами преобразования в Западных Украине и Белоруссии проводились с расчетом на национальные чувства большинства. На территории, занятой советскими войсками, проводилась агитация украинских и белорусских масс за советский образ жизни. Кинематограф, выступления советских артистов, относительно корректное поведение военных — все это контрастировало с карикатурными картинами советской жизни, которые рисовались в довоенной Польше. Население в большинстве своем решило, что его просто обманывали, и жизнь в СССР гораздо лучше, чем в довоенной Польше. Контрпропаганда 1939 г. была подавлена репрессивными органами. Не удивительно, что 22 октября подавляющее большинство населения проголосовало за кандидатов, предложенных новыми властями. Депутаты тут же одобрили введение советской власти и воссоединение с Украинской и Белорусской ССР, что и было сделано 2 ноября 1939 г.

Определение новых границ Украины проходило не без трений в руководстве ВКП (б), где возник украино-белорусский территориальный спор. Н. Хрущев выдвинул проект разделения территорий, где к Украине отходили Брест, Пружаны, Столпин, Пинск, Лунинец, Кобрин и большая часть Беловежской пущи. Белорусское руководство во главе с П. Пономаренко категорически с этим не согласилось. Обе стороны апеллировали к этнографическим и историческим данным. 22 ноября Хрущева и Пономаренко принял Сталин. Между

ними уже произошел конфликт в приемной, и Сталин начал с примиряющих шуток: «Здорово, гетманы, ну, как с границей? Вы еще не передрались? Не начали еще войну из-за границ? Или договорились мирно?» Выслушав аргументы сторон, Сталин заявил: «Невозможно сколько-нибудь серьезно говорить, что Брест и Беловежская пуща являются украинскими районами». Выяснилось, что мотивы «территориальных претензий Украины» — стремление получить лес, которого не хватает республике. В итоге УССР получила некоторые лесные районы, но в основном были приняты предложения белорусской стороны.

В декабре на территории Западной Украины были образованы Львовская, Дрогобычская, Станиславская, Тернопольская, Волынская и Ровенская области. После присоединения к СССР Бессарабии, 7 августа 1940 г. в состав УССР вошли Черновицкая и Аккерманская области.

Из Западной Украины выселялись осадники, «кулаки» и другие «буржуазные элементы» — более миллиона человек, из которых более половины — поляки. Развернулась борьба против влияния униатской и католической церквей. НКВД наносил удары по польскому подполью и ОУН. 17–19 января 1941 г. во Львове прошел судебный процесс над 59 членами ОУН, 42 из которых были приговорены к смерти (21 приговоренному казнь была заменена заключением).

Западная Украина стала преобразовываться по советскому образу и подобию. 3 декабря 1939 г. был принято постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о национализации промышленных предприятий Западной Украины. Были национализированы 2243 крупных и средних предприятия, после чего доля госсектора в экономике региона достигла 62 %. 21 декабря прекратилось хождение злотых. Со счетов в банках были компенсированы только вклады до 300 злотых. В то же время на развитие региона было выделено 2 млрд рублей, в том числе 700 млн. — на промышленное развитие.

В ходе аграрной реформы помещичьи земли были конфискованы и распределены между 747 тысячами безземельных и малоземельных семей. Было конфисковано 2,5 млн га, из который 1 млн га передан крестьянству по нормам 7–15 га на двор. Началась коллективизация, но она пока не форсировалась — число коллективизированных хозяйств достигло 13 %. Национализация системы торговли привела к параличу снабжения зимой 1939–1940 гг., длинным очередям за хлебом и другими продуктами, скачку цен на черном

рынке. Была создана специальная комиссия Политбюро ЦК ВКП (б) для улучшения снабжения Львова и Белостока, которая добилась приориеттного снабжения этих городов за счет ресурсов СССР. В государственных магазинах появился не только стандартный набор продуктов советского человека, но даже шоколад, крымские и кавказские вина.

В Западной Украине было создано 174 МТС. Развернулась коллективизация сельского хозяйства, но в 1940 г. она шла медленно — было создано только 529 колхозов. В 1941 г. коллективизация ускорилась, было создано уже 2651 колхоза с 177 тысячами крестьян. Была ускорена индустриализация. В Львовской области было построено 440 новых промышленных объектов.

На присоединенных территориях стремительно развертывалась военная инфраструктура. Строились новые укрепрайоны и военные аэродромы. В соответствии с постановлением СНК УССР и ЦК КП (б) У об обеспечении строительства оперативных аэродромов Киевского особого военного округа от 6 июня 1941 г., исполкомы облсоветов и секретари обкомов должны были обеспечить выход на работы по строительству 297 аэродромов «необходимого количества рабочей силы и гужтраспорта, в порядке платной гужповинности», и также предоставить строительную технику, которой и самим не хватало. Эта задача была поважнее выполнения народнохозяйственных планов.

Украине предстояли новые испытания.

Глава 5
Великая Отечественная война

Исход

22 июня 1941 г. Германия напала на СССР. Началась Великая Отечественная война советского народа — составная часть Второй мировой войны.

Нападение было внезапным. Германия и ее союзники располагали небольшим численным перевесом, но Красная армия значительно превосходила противника в техническом оснащении. Тем не менее, она потерпела сокрушительное поражение в приграничных боях. К этому привел ряд причин.

Советское командование было совершенно не готово к обороне. Советская стратегия исходила из того, что Красная армия должна только наступать. Части Красной армии, сосредоточенные вдоль границы, еще только развертывались для ведения наступления, что делало их уязвимыми. Многие части, особенно авиационные и танковые, еще не были полностью укомплектованы, и техника стояла без движения. Сотни советских самолетов были скучены на приграничных аэродромах и погибли при первом воздушном ударе Германии. Подобная участь постигла и другую технику. Таким образом, неготовность СССР к оборонительной войне и лучшая подготовка германской армии в первые месяцы войны обеспечили агрессору первоначальный успех.

В своем стратегическом планировании накануне войны советское руководство исходило из опыта 30-х гг. Он показывал, что будущая война будет сочетанием динамичных моторизованных действий и позиционной войны, где длительная оборона ведет к поражению. При этом Халхин-гол показал, что РККА — не самая худшая армия. Однако германская армия на тот момент показывала, можно сказать, рекордную боеспособность. И важнейшей чертой этой армии была ее высокая организованность и техническая культура солдата.

Советское общество находилось на стадии форсированного перехода от аграрного общества к индустриальному. Люди, сформированные в таких условиях, в массе своей не могли соперничать с немцами в организованности и технической культуре (хотя с японцами уже могли). Для успешной войны моторов нужно общество, которое дальше продвинулось по пути индустриальной модернизации. Парадоксальным образом, Великая Отечественная война способствовала модернизации советского общества, «под угрозой смерти» приучая вчерашних крестьян к технике. Но в начале 1941 г. умение советского солдата вести современную войну было неизвестной величиной. Разрабатывая стратегию парирования германской угрозы, советское руководство исходило из того, что РККА в состоянии проводить сложные наступательные операции, но опасалось обороны, так как мировой опыт показывал ее уязвимость в современных условиях.

Летом 1941 г. инициативой владели немцы, и советскому командованию приходилось осуществлять переброску сил на большие расстояния к местам прорыва противника. Танкам приходилось проделывать невообразимые маршброски, перед тем, как вступить в бой.

Так, 8 мехкорпус Д. Рябышева 22–26 июня проделал 500 километровый марш, что привело к выходу из строя почти половины техники. Если бы свежие мехкорпуса были сосредоточены в месте главного удара у границы и ударили бы первыми — они могли бы сражаться и за сотни километров в глубине территории врага. Перемещение техники на такие расстояния выводило ее из строя. Это касается и немцев: «Когда противник после успешного наступления в приграничных боях был остановлен на Лужском рубеже, то оказалось, что немецкая танковая группа потеряла до 50 процентов своей материальной части». Тоже, видимо, из-за нарушения «элементарных уставных требований». Война все-таки, а не парад. 30 июля Гальдер отмечал: «Танковые соединения следует отвести с фронта для ремонта и пополнения». Но к этому времени они уже одержали важные победы. Кто наносит удар, получает фору, выбирая место сражений. И это во многом определило ход войны на территории Украины в 1941.

Грандиозное танковое сражение развернулось под Дубно и Ровно 23–29 июня. Попытка взять в клещи клин германской 1 танковой группы силами четырех мехкорпусов (правда, уже измотанных перемещениями) не удалась. Контрудар Юго-западного фронта задержал наступление немцев на 8 дней. Поскольку замысел «Барбароссы» на южном фланге заключался в отсечении основных сил Юго-Западного фронта от Днепра, эти восемь дней имели принципиальное значение.

К 15 июля Юго-Западный фронт потерял 2548 танков из 4200 и 1907 самолетов из 2256. И все же сохранив основные силы, Юго-Западный фронт отходил к Киеву. Встретив упорное сопротивление на этом направлении, группа армий «Юг» нанесла удар южнее и к 8 августа окружила под Уманью 6, 12 и части 8 армий. В плен попало более 100 тысяч солдат, было захвачено 300 танков и 800 орудий.

Войска более слабого Южного фронта (9 и 18 армии) под давлением 11 немецкой и 3 и 4 румынских армий отходили к Одессе. Румынско-немецкие войска не смогли взять Одессу штурмом. Одесса оставалась неприступным бастионом до 16 октября 1941 г., когда войска отдельной Приморской армии генерала Г. Сафронова были эвакуированы в Севастополь.

Вскоре после нападения началась перестройка советского общества на военный лад. Вся жизнь советских людей отныне была подчинена задаче обеспечения победы над фашизмом.

26 июня был введен 11-часовой рабочий день при 6-часовой рабочей неделе, отпуска были отменены с заменой денежной компенсацией. Большинство гражданских предприятий были переведены на производство военной продукции. В июле в Киеве было отремонтировано 780 танков, целиком на производство танков перешел харьковский тракторный. На предприятиях легкой промышленности только в третьем квартале 1941 г. было пошито более 2,2 миллионов шинелей, гимнастерок, брюк и галифе.

За первый год войны с Украины в РККА было призвано 3185 тысяч человек. В народное ополчение ушло 1300 тысяч жителей Украины. Руками украинских граждан было построено 4 тыс. км оборонительных линий, для чего пришлось лопатами перекидать 17 млн кубометров грунта.

24 июня был создан республиканский совет по эвакуации во главе с Д. Жилой. Предприятия должны были работать до последней возможности в условиях приближения линии фронта, на эвакуацию давалось 3–10 суток. Было эвакуировано 3,5 миллионов граждан Украины.

В советском тылу предприятия оперативно возобновляли работу. Одесский станкостроительный завод начал работать в Стерлитамаке под открытым небом, и только потом стали возводиться цеха. Эвакуированный в Воткинск киевский «Арсенал» за месяц разместился в построенных здесь 13 новых корпусах и начал давать продукцию. Работники Харьковского тракторного завода включились в создание Танкограда на Урале. Ученые Института электросварки во главе с Е. Патоном внедрили электросварку под флюсом, которая позволила значительно ускорить установку брони на танках.

Продовольствие также подлежало вывозу с территории Украины или уничтожению. Не удалось вывезти 900 тыс. зерна и зернопродуктов. Было эвакуировано 6,3 млн голов скота (пятую часть от имевшегося в республике). При этом 10 июля Сталин дал указание Хрущеву: «в районе 70-вертсной полосы от фронта увести все взрослое мужское население, рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток, а чего невозможно вывезти, уничтожить, не касаясь, однако, птицы, мелкого скота и прочего продовольствия, необходимого для остающегося населения...»

К середине июля замедление темпов германского наступления показало, что «блицкриг» невозможен. СССР был готов к затяжной

войне гораздо лучше, чем Германия. Это подтверждало, что решение Гитлера о нападении на СССР было самоубийственным.

К концу августа советские войска отошли за Днепр. 31 августа немцы форсировали Днепр под Кременчугом и стали расширять плацдарм. Но группа армий «Юг» не могла самостоятельно выйти в глубокие тылы Юго-Западного фронта.

В конце августа между Гитлером и его генералами разгорелись споры: что делать дальше. Горячие головы, танковые генералы Гот и Гудериан предлагали нанести удар прямо на Москву. Они не учитывали, что советская армия сможет зайти в тыл группировке, наступающей на Москву, если не будет отброшен, либо уничтожен Юго-Западный фронт. Гитлер настоял на том, чтобы до наступления на Москву были разгромлены советские войска на севере и юге советско-германского фронта.

30 июля ОКХ выпустило директиву о переходе группы армий «Центр» к обороне. Это значило, что план «Барбаросса» провалился. Ценой этого были советские потери в миллион человек.

Германское командование готовило свой самый сокрушительный удар по Красной армии — окружение всего Юго-Западного фронта. Тяжелый удар. Но в результате пришлось еще на месяц отложить рывок к Москве, что обрекло на неудачу планы взятия советской столицы в 1941 г.

Не ударить на юг Гитлер не мог — Юго-Западный фронт под командованием М. Кирпоноса нависал над Группой армий «Центр», и в случае ее наступления на Москву мог ударить во фланг и тыл. Начальник штаба сухопутных сил Гальдер с грустью писал 11 августа: «То, что мы сейчас предпринимаем, является последней и в то же время сомнительной попыткой предотвратить переход к позиционной войне... В сражение брошены наши последние силы». Переход к позиционной войне означал окончательный провал планов разгромить СССР до зимы 1941 г.

Сталин знал об угрозе фронту Кирпоноса. 19 августа главнокомандующий согласился с Жуковым в том, что продвижение немцев на Чернигов, Конотоп и Прилуки «будет означать обход нашей Киевской группы с восточного берега Днепра и окружение нашей третьей и нашей 21 армии». Было решено парировать угрозу с помощью контрударов. В своих мемуарах Жуков даже рассказал историю о своем конфликте со Сталиным из-за дерзкого предложения отвести фронт. Но конкретные предложения Генерального штаба в это

время исходили из контрударов по немецким клиньям, надвигающимся с севера в обход Юго-Западного фронта. Даже Буденный, который по общему признанию не проявил себя сильным стратегом в Великой Отечественной войне, просил дать возможность фронту отойти. Неужели Сталин не понимал опасности, которую видел даже Буденный? Но были и другие авторитетные мнения. Так, «вечером 15 сентября, когда окружение становилось фактом, маршал Шапошников в очередных переговорах с командующим Юго-Западным направлением говорил, что мираж окружения охватывает, прежде всего, военный совет ЮЗФ», — писал, опираясь на документы, советский историк Д. М. Проэктор. Казалось, Сталин должен был позднее наказать Б. Шапошникова за такой очевидный просчет. Но Сталин и после катастрофы Юго-Западного фронта продолжал считать Шапошникова ценнейшим военным специалистом. Маршал просто понимал, что Сталин готов пожертвовать фронтом, если не будет никакой возможности отбить немецкий удар, лишь бы оттянуть начало наступления на Москву. Необходимо было выиграть время до начала осенней распутицы и затем зимы. Пока немцы будут завоевывать пространство Украины, они потеряют время, необходимое для взятия Москвы. Отдать без боя пространство за Киевом в августе означало получить наступление на Москву в сентябре.

Увы «кутузовская» стратегия Сталина требовала больших жертв. 15 сентября Юго-Западный фронт был окружен. Только 16 сентября Кирпонос получил право на отход. 20 сентября его штаб был разгромлен, а командующий погиб. Безвозвратные потери фронта и Киевского УР составили 627 тыс. человек. Всего в 1941 г. Красная армия потеряла убитыми, пленными и пропавшими без вести более 3 миллионов человек. Это — большинство тех, кто встал под ружье к началу войны. Но когда вермахт повернул от Смоленска на юг, план «Барбаросса» умер.

Тем не менее, наступление Германии и ее союзников продолжалось. 6 октября под Осипенко (Бердянск) в «котел» попали более 100 тыс. солдат 18 и 9 армий. Немцы двинулись на Ростов и в Крым, осадив Севастополь. Советское командование пыталось активно сопротивляться в Крыму. 26 октября — 30 декабря 1941 г. высадившиеся со стороны Тамани советские войска отбили у противника Керчь. Однако в мае 1942 г. советский Крымский фронт был разгромлен, а керченский плацдарм ликвидирован.

Лето-осень 1941 г. — время катастрофических поражений советских войск на Украине. Но оборона Киева продолжалась с 11 июля по 19 сентября, а время играло на СССР.

Несмотря на провал блицкрига против СССР и поражение под Москвой, Германия сумела вернуть себе стратегическую инициативу. Попытка советского Юго-Западного направления под командованием С. Тимошенко развернуть наступление в районе Харькова 12 мая 1942 г. кончилась катастрофой. Войска 6 армии генерала Паулюса остановили наступление, а 17 мая клинья войск фельдмаршала Э. Клейста ударили во фланг и тыл Юго-Западного фронта и 23 мая окружили трехсоттысячную группировку РККА. К 29 мая из окружения вышло только 27 тыс. человек. Советские потери составили 267 тыс. человек. Это позволило немцам 28 июня перейти в наступление на южном участке фронта. Германские войска и их союзники двинулись на Дон, Кавказ и Волгу, они также Ликвидировали советские плацдармы на Керченском полуострове (9 мая 1942 г.) и в Севастополе (4 июля 1942 г.). 22 июля 1942 г. противник занял последний город Украины Свердловск Ворошиловградской области.

Оккупация

Германия и ее союзники разделили Украину на несколько частей. 1 августа 1941 г. Восточная Галиция была присоединена к Польскому генерал-губернаторству. 20 августа был создан Рейхскомиссариат «Украина», территория которого делилась на 6 округов. Резиденцией рейхскомиссара Э. Коха стал г. Ровно. Рейхскомиссариат расширялся по мере продвижения германской армии на восток, но так и не занял всю территорию Украины — тылы вермахта находились в управлении военных комендатур. В сентябре 1942 г. рейхскомиссариат имел население 16,9 млн человек. Затем в состав рейхскомиссариата была передана еще часть Левобережья и север Крыма.

Румыния присоединила территории, которые контролировала до 1940 г. Но королевство претендовало на большее. 30 августа территории между Днестром и Южным Бугом под названием «губернаторство Транснистрия» с центром в Одессе были переданы под контроль Румынии (с перспективой присоединения после войны). Губернатором был назначен гражданский профессор Г. Алексяну, который действовал так, как будто Транснистрия уже стала частью

Румынии. Но на территории губернаторства платежным средством являлась немецкая марка. Антонеску не спешил с формальным присоединением Транснистрии до конца войны.

Во время оккупации были возобновлены службы в ранее закрытых православных и униатских храмах. В то же время за период оккупации было разрушено и осквернено 1670 церквей.

На Западе Украины наибольшим влиянием среди верующих пользовалась Греко-католическая церковь во главе с митрополитом Андреем Шептицким (предстоятель в 1900–1944 гг.). ГКЦ располагала 4400 храмами. Позиция церкви в отношении оккупантов была двойственной. С одной стороны, священники прятали евреев от террора, с другой — участвовали в организации дивизии СС «Галичина» и служили в ней капелланами.

Летом 1941 г. была создана Автономная православная церковь Украины во главе с архиепископом Алексеем (Громадским). Она признавала верховенство Московской патриархии. В АПЦ было около 5600 приходов.

С разрешения властей 8–10 февраля 1942 г. в Пинске прошел собор Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ) во главе с митрополитом Поликарпом (Сикорским). УАПЦ развернула работу по сбору средств в помощь украинским пленным, но также содействовала и германским мероприятиям по отправке рабочей силы в Германию. УАПЦ имела около 500 приходов.

8 октября 1942 г. была предпринята попытка объединения двух церквей, но против нее выступила как часть епископата, так и оккупационные власти. 16 декабря 1942 г. архиепископ Алексей отозвал подпись под актом об объединении.

В Германском руководстве шло обсуждение послевоенной судьбы региона — прямое управление немцев и колонизация (А. Гитлер, Э. Кох и др.) или украинизация, направленная на вытеснение русских дальше на восток украинцами (А. Розенберг). Гитлер счел, что Украина должна быть включена в Германскую империю. Планировались массовые депортации славянского населения с Украины на восток.

Рейхскомиссар Э. Кох счел, что для детей местного населения достаточно обучения в 4-хклассных школах. На частной основе работали платные школы-семилетки. Действовали просветительские организации («Просвита», Украинские образовательные общества и др.), которым оказывали поддержку украинские националисты.

Оккупанты относились к просветительской деятельности с подозрением, тем более, что националисты использовали ее в целях пропаганды самостийности.

Германия и ее союзники попытались воспользоваться ресурсами Украины. В составе Центрального торгового общества «Ост» была создана контора «Украина» с центром в Ровно. К 1943 г. «Ост» вывез в Германию 2,8 млн т продовольствия. С Украины в Германию было вывезено около 900 тыс. т зерна. В Рейх было отправлено более 1,6 миллиона голов скота. Интерес для Германии представляла и советская техника — с Украины были вывезены 125 тысяч электромоторов и 80 тысяч станков.

Часть земли была передана государственным хозяйствам и имениям «фольксдойче». 2215 имений получили 6,3 млн га земли.

5 августа 1941 г. министр восточных территорий А. Розенберг выпустил распоряжение об обязательной трудовой повинности как минимум в 22 дня. За уклонение от работ следовало наказание в виде штрафов и арестов. Бегство с важных промышленных объектов каралось вплоть до смертной казни.

Сохранив колхозную систему на территории рейхскомиссариата и в зоне ответственности армии, оккупанты обложили крестьян разнообразными денежными и натуральными налогами.

Поскольку оборудование фабрик было вывезено или испорчено, Германия завезла на Украину оборудование для переработки продовольственной продукции.

Хотя добыча угля в Донбассе составляла только десятую часть от довоенного, в Германию было вывезено около миллиона тонн угля. На Украине было добыто 380 тыс. т. железной и 1782 тыс. т. марганцевой руды, 600 тыс. т. нефти, выплавлено 1005 тыс. т. стали и чугуна.

Чтобы обеспечить Украину рабочей силой, из плена были отпущены 318770 человек (87 % из них — этнические украинцы). А затем было отпущено еще 823230 человек (более половины — украинцы).

Более 3 миллионов людей были отправлены на работы в Германию. Около 450 тысяч из них умерли, около 150 тысяч не вернулись в СССР после войны.

На территории Украины действовали «айнзац-команды», целенаправленно уничтожавшие евреев. Уничтожение евреев началось даже до прихода немцев — силами украинских националистов (Львовский, Тернопольский, Золочевский и др. погромы). Размаху погромов

способствовали антисоветские листовки ОУН, выпущенные по инициативе одного из ее лидеров И. Климова. Нацисты с помощью националистов приступили уже к систематическому геноциду.

Так, в 1941–1943 гг. в Бабьем Яру под Киевом погибло около 100 тыс. советских людей, преимущественно евреев. В расстреле евреев здесь участвовали бойцы Буковинского куреня и 118 украинского полицейского батальона. Только 29–30 сентября 1941 г. было расстреляно 33771 человек.

Свой «вклад» в геноцид внес и режим румынского диктатора Антонеску. После занятия румынами Одессы началось «интернирование» евреев в гетто.

22 октября 1941 г. был взорван штаб 10 румынской дивизии. Погибло 135 румынских и немецких военнослужащих во главе с генералом И. Глогожану. Здание было заминировано еще до оставления Одессы советскими войсками, а взрыв произведен по радиосигналу из Крыма.

Румынские власти воспользовались взрывом как поводом для уничтожения евреев, которых расстреливали и вешали на улицах и площадях. 22–23 октября было казнено около 19000 человек. 24 октября Антонеску приказал казнить всех евреев, бежавших из Бессарабии в Одессу, согнать арестованных в барак и взорвать его в отместку за теракт. В ближайшие дни в Одессе и окрестностях было казнено еще 9000 человек. В ноябре к делу уничтожения подключилась немецкая зондеркоманада, но ей от румын «досталось» только 3000 человек. Более 60000 евреев было депортировано из города в лагеря.

На Украине существовало 250 концлагерей и гетто. Крупнейшими лагерями военнопленных были «Цитадель» во Львове, «Гросс-лазарет» в Славуте, Дарницкий и Сырецкий в Киеве, «Богуния» под Житомиром, «Уманская яма», «Хорольская яма» и др.

Во время карательных операций против партизан было уничтожено 250 сел и деревень, причем, 50 — вместе с жителями.

Всего в период оккупации на Украине по советским данным погибло более 3 миллионов мирных людей, включая 800–900 тыс. евреев, свыше 200 тыс. цыган. На территории Украины погибло более 1,5 млн военнопленных.

Национализм и коллаборационизм

В 1941 г. украинские националисты действовали в союзе с нацизмом. Еще весной 1941 г. Абвер в сотрудничестве с ОУН сформировал «Легион Дружин украинских националистов». По версии ОУН он назывался «Курень имени Коновальца». На основе «Легиона» были созданы два батальона (в украинской версии — куреня) «Нахтигаль» и «Роланд». Командный состав был немецким, но были назначены и командиры со стороны ОУН («политические руководители», командиры куреня). В «Нахтигале» им был будущий глава УПА Р. Шухевич.

В июле батальон участвовали в боях на Восточном фронте, дойдя до Винницы. Батальон «Роланд» участия в боевых действиях не принимал. В августе 1941 г. батальоны были распущены, а их кадры влиты в 201 батальон охранной полиции, который боролся с партизанами в Белоруссии.

Война стала сигналом для выступления оуновцев на советской территории. Параллельно с германскими войсками шли походные колонны ОУН численностью около 10 тыс. бойцов. Еще до прихода немецких войск ОУН установила свою власть в 11 райцентрах, а затем стала создавать областные управления, претендующие на власть. На советских военных складах националисты захватили 15 тыс. винтовок и 7 тыс. пулеметов. 25–27 июня бандеровцы подняли восстание во Львове, но оно было подавлено. Перед оставлением Львова НКВД уничтожил более двух тысяч заключенных.

После ухода РККА походная колонна ОУН и «Нахтигаль» вошли во Львов 30 июня и заняли ключевые объекты города. В городе начался погром еврейского населения, инициированный украинскими националистами. Солдаты батальона приняли в нем участие.

30 июня 1941 г. после занятия города Львова было торжественно провозглашено создание Украинской Соборной Самостийной Державы. В Акте «обновления» Украинского государства, который был передан по радио, говорилось, что украинские националисты будут тесно сотрудничать с Германией и ее фюрером Адольфом Гитлером. Вскоре было сформировано правительство — Украинское Державное Правление во главе со сподвижником С. Бандеры. Я. Стецько. Большинство его состава принадлежало к ОУН (Б).

1 июля митрополит УГКЦ Андрей Шептицкий благословил Украинское государство и его правительство.

Однако нацисты не позволили поставить себя перед свершившимся фактом. Они не признали акт 30 июня и потребовали его отменить. Когда бандеровцы отказались подчиниться, начались репрессии.

Я. Стецько был арестован 5 июля 1941 г., Бандера — 9 июля. Он был сначала заключен под домашний арест, а позже отправлен в концентрационный лагерь.

На время ареста Бандеры его замещал в качестве главы Провода ОУН-Б Н. Лебедь. I Конференция ОУН (Б) приняла решение уйти в подполье, но пока не вести антинемецкую пропаганду и участвовать в структурах нового порядка.

Несмотря на репрессии против верхушки ОУН, сотрудничество Организации с нацистами продолжилось. Ее члены возглавляли ряд областных и городских управ. В. Охримович был главой Тернопольской областной Управы, А. Марченко — Волынской.

В соответствии с решением Краевого провода ОУН И. Климов приступил к формированию Украинской национальной революционной армии. При этом Климов требовал составлять «списки поляков, евреев, специалистов, офицеров, проводников и всего вражески настроенного элемента против Украины и Германии». «Сичи» УНРА были разогнаны немцами, после чего Климов стал выступать за начало активной борьбы против Германии.

Еще в 1940 г. на Украину проник Т. Боровец («Бульба») представитель «правительства УНР в изгнании» во главе с А. Левицким. С началом войны Боровец сумел организовать вооруженные формирования «Украинской повстанческой армии — Полесская Сечь». Боровец считал себя командиром сил УНР и предлагал ОУН создать общую Раду как политический орган УНР.

В ноябре 1941 г. немецкое командование распустило УПА, но 16 ноября Боровец ушел подполье, а бойцы УПА спрятали оружие до лучших времен. Весной 1942 г. активность «бульбовцев» возобновилась в Полесье и Ровенской области.

В мае 1943 г. Боровец выступил против политики бандеровского уничтожения польского населения на Волыни и вообще против претензий ОУН на диктатуру в национальном движении.

Накануне нападения Германии на СССР, 22 июня ведущие украинские политические силы Западной Украины («УНР», УНДО и др.) создали Украинский национальный комитет во главе с «мельниковцем» этнографом В. Кубийовичем. Комитет должен был

представлять украинцев в отношениях с Германией. Но ОУН (Б) отказалась подчиняться этому комитету. У нее были свои связи с Германией, то есть создавался именно как коллаборационистская организация. Они формировали собственную сеть ячеек — «станиц» в каждом населенном пункте.

Мельниковцы также развернули на оккупированной территории кипучую деятельность. Они создавали рады, претендовавшие на роль публичных политических структур.

30 августа в Житомире были убиты видные деятели ОУН (М) Е. Сенник и Н. Сциборский. В этом убийстве мельниковцы обвинили бандеровцев, что обострило отношения между двумя организациями. Германские власти усилили репрессии против бандеровцев как более экстремистского крыла украинского национализма (хотя и мельниковцы не были гарантированы от репрессий). В феврале 1942 г. были расстреляны видные мельниковские деятели О. Телига. И. Рогач и др. С 18 сентября 1941 г. германское командование приступило к разоружению созданной националистами милиции. 25 ноября 1941 г. была принята секретная директива немецкой полиции об уничтожении членов ОУН (Б) под видом борьбы с грабителями.

5 октября 1941 г. в Киеве была создана Украинская национальная рада во главе с профессором А. Величковским, которая стремилась организовать сотрудничество националистической общественности и оккупационных властей, использовать институты «нового порядка» в целях новой украинизации. Однако когда эта Рада попробовала сформировать новый Генеральный секретариат, она 17 ноября была запрещена. Однако национальные рады продолжали существовать в Киеве, Львове и в Карпатской Украине, и в апреле 1944 г. они даже заявили о своем слиянии, что уже не имело практического значения.

Киевским обер-бургомистром стал историк А. Оглоблин, который занялся налаживанием городского хозяйства, развитием учреждений культуры и одновременно — содействием карательным мероприятиям нацистов, по некоторым сведениям, даже выбором места для уничтожения киевских евреев.

В 1943 г. началось формирование дивизии Ваффен СС «Галичина» (14 Галицкая добровольческая дивизия войск СС, Гренадерская дивизия войск СС), в которую сначала добровольно было принято 13 тыс. человек с Западной Украины. В июле 1944 г. в районе Броды

дивизия приняла участие в боях на Восточном фронте, группировка, в составе которой она действовала, была разгромлена, дивизия потеряла 7000 человек (4000 убитыми). Дивизия была укомплектована новобранцами и переброшена на Балканы, где 14 дивизия воевала против повстанцев. В апреле 1945 г. дивизия была провозглашена частью Украинской национальной армии и переименована в 1-ю Украинскую, после чего сдалась американцам. 18 тыс. ее солдат были выданы СССР, а более 8000 получили возможность остаться на Западе.

Германское командование создавало охранные подразделения, в которых служили украинцы. На Украине было навербовано около 250 тыс. «добровольных помощников» («хиви»), бойцов «украинского освободительного войска, сведенных в батальоны («курени») и др.

В 1943 г. репрессии ужесточились, и всего гитлеровцами было убито более 4700 оуновцев.

На II конференции ОУН весной 1942 г. было принято решение начать пропаганду против всех оккупантов, включая немцев, однако от прямой борьбы с ними следовало пока уклоняться. ОУН стала бороться против вывоза украинского населения на работы в Германию.

В октябре 1942 г. I Военная Конференция ОУН (Б) приняла решение о переориентации с Германии на союзников. Несмотря на то, что переход к вооруженной борьбе был признан преждевременным, 14 октября 1942 г. С. Качинский («Остап») создал первый партизанский отряд, подчиненный ОУН (Б).

В марте-апреле 1943 г. на сторону УПА на Волыни перешло около 5 тысяч украинских полицейских. Это позволяло пополнить отряды, создаваемые ОУН, которые с апреля назывались Украинская Повстанческая Армия (УПА).

Командующему УПА Д. Клячкивскому («Клим Савур») подчинялись 4 территориальные группы («Север», «Запад» и более слабые «Юг» и «Восток»). В каждую группу входили военные округа, которым подчинялись курени (батальоны) по несколько сотен (рот) каждый. Сотня (до 200 бойцов) состояла из «чет» (взводов). Наименьшим подразделением в 10–15 бойцов был «рой». УПА взяла под контроль небольшие территории, например, Колковская «республика», просуществовавшая с весны по октябрь 1943 г., когда была разгромлена немецкой армией. 18 августа 1943 г. Клячкивский издал приказ о разоружении бульбовцев (с июля 1943 г. они назывались Украинской

народно-революционной армией) и мельниковцев. Сопротивлявшиеся расстреливались.

Мобилизация украинской молодежи в УПА позволила нарастить ее численность до 20–40 тыс. бойцов. В УПА, в отличие от ОУН, входили не только украинцы, вне даже воевало 15 национальных куреней.

17–21 февраля 1943 г. состоялась III Конференция ОУН-Б, которая сформировала новую «двухфронтовую» стратегию ОУН, приняла решение о переходе к вооруженной борьбе с оккупантами. Но приоритетом ОУН и УПА оставалась борьба с СССР.

Идеологи ОУН считали Москву «источником вечного неспокойствия в Европе и центром империалистической экспансии на европейский и азиатский континенты». Противостояние «Москвы» и Германии считалось противостоянием двух хищнических империалистических сил.

Обострилось противоборство в руководстве ОУН. Н. Лебедя критиковали за диктаторство и стремление подмять региональных проводников.

Ушедший с немецкой службы Р. Шухевич развернул борьбу за лидерство. Весной 1943 г. М. Лебедь сложил полномочия на заседании провода ОУН (вскоре он стал председателем Рады ОУН). По предложению Р. Шухевича на период до созыва III чрезвычайного конгресса было создано Бюро Провода ОУН в составе 3-х человек (Р. Шухевич, З. Матла и Д. Маивский), который получил название. Р. Шухевич фактически стал первым среди равных в этом триумвирате. В январе 1944 г. Шухевич также возглавил УПА.

Свой первый массированный удар УПА нанесла не по немецким войскам, а по польскому населению. В качестве повода для антипольской акции были использованы убийства украинцев на Холмщине, организованные польскими коллаборационистами. Тогда погибло около тысячи человек.

Однако лидеры ОУН и УПА планировали не защиту холмских украинцев, а этническую чистку Волыни, чтобы раз и навсегда покончить с польскими претензиями на эту территорию. В марте-апреле 1943 г. начались систематические нападения УПА на польские села. В коне июня — июле 1943 г. развернулась новая гораздо более мощная и жестокая волна нападений на поляков.

Командующий УПА Д. Клячкивский писал: «Мы должны провести большую акцию ликвидации польского элемента. При отходе

немецкий войск надо использовать этот выгодный момент для ликвидации всего мужского населения возрастом от 16 до 60 лет, ... лесные села и села вблизи лесных массивов должны исчезнуть с лица земли».

Новая волна нападений произошла в конце августа. Польское сопротивление украинскому национализму не заставило себя ждать. 20 июля 1943 г. командование Армии краевой приняло решение о создании своих отделов на Волыни. К 28 июля 1943 г. были созданы отряды численностью в тысячу человек. Польские отряды нападали не только на бандеровцев, но и на мирное население. В украино-польской резне погибло до 36 тыс. поляков и до 2 тыс. украинцев.

Только 29 апреля 1945 г. УПА и АК договорились о прекращении действий друг против друга и о совместных действиях против Красной армии.

В отношении оккупантов УПА действовала значительно осторожнее, чем в отношении поляков. Суть позиции УПА в первой половине 1943 г. выражена в заявлении Краевого провода на Осередних и Схидних землях: «Своей грубой колониальной политикой на Украине немцы вызвали справедливое возмущение всех слоев нашего народа. Ослепленные и самоуверенные завоеватели забывают, что легкой победе над большевиками они обязаны в большей мере украинцам». Однако заявление призывало не поддаваться на большевистские провокации и не выступать прямо сейчас против немцев. «Нашими руками красная Москва и ее агенты хотят ослабить немцев... Но этого не будет. Не станем слепым орудием в чужих руках. Пусть наши господа бьются сами. Пусть обескровливаются и обессиливаются».

В феврале-марте 1943 г. УПА нападала на советских партизан под Сарнами, Владимирцом и Берестовцом.

В конце марта — начале апреля УПА отбила у немецкой полиции Олевск, Людвиполь, Горохов, Держань, Цумань и удерживала эти населенные пункты от двух дней до недели.

УПА и отряды украинской полиции, переходившие на ее сторону, нападали на тюрьмы в Ровно, Дубно, Ковеле, Горохове, Кременце и др., освободили заключенных луцкого, любичевецкого и ковельского лагерей.

В ответ осенью 1943 г. немцы развернули наступление на базы УПА и даже разгромили «колковскую республику».

Однако вскоре выяснилось, что нападая на немцев, руководители УПА не столько стремились содействовать скорейшему изгнанию оккупантов с Украины, сколько доказывали свою силу в преддверии новых переговоров о партнерстве.

Однако теперь сотрудничество с нацистами было явно временным, тактическим средством. В условиях близящегося краха Рейха ОУН стала искать новых союзников против СССР. А для этого была нужна новая идеология.

В ходе дискуссии в публицистике националистов уже зимой 1942–1943 гг. ставился вопрос об изменении программы и тактики организации от старых по сути фашистских к новым принципам — более либеральным по форме. Большую роль в усилении этого «ревизионизма» сыграли «схидняки» — выходцы из советской Украины. При этом советские украинцы, выступавшие против коммунистического режима, но чуждые и тоталитарным идеям ОУН, вступали в УПА и не входили при этом в ОУН. Но бойцы УПА, как правило, оказывались под руководством ОУНовцев, которые занимали посты в обеих организациях. Однако постепенно военное крыло националистов стало подчинять себе политическое, УПА — структуру подполья и организационно-пропагандистский аппарат ОУН (хотя формально С. Бандера за рубежом продолжал оставаться руководителем Р. Шухевича).

В августе 1943 г. по инициативе Р. Шухевича был созвал чрезвычайный III съезд ОУН (хотя возможности собрать уставной кворум не было). На съезде были приняты важные программные изменения. В постановлениях съезда провозглашалось, что ОУН борется против империй, против «эксплуатации нации нацией» и одинаково выступает против «интернационалистических и фашистско-национал-социалистических программ». Впрочем, главным врагом по-прежнему оставался СССР, ОУН обличала «цели московского империализма, а именно: завладеть господством над Европой, а в следующую очередь надо всеем миром».

Съезд утверждал: «возрождение Украинского Самостийного Соборного Государства обеспечит возникновение и длительное существование национальных государств других народов Восточной, Юго-Восточной и Северной Европы и порабощенных народов Азии».

В решениях съезда сохранялись антипольские положения (в виде критики политики «польской верхушки», но исчезли антиеврейские.

Появились положения о гражданских правах, включая права национальных меньшинств.

На съезде высказывались мнения о необходимости роспуска ОУН как организации, скомпрометированной сотрудничеством с нацизмом и создания новой политической организации украинских националистов. Однако они не получили широкой поддержки.

В реальности взгляды актива ОУН оставались авторитарными и ксенофобскими, что проявлялось в новых вспышках антипольской «чистки» в 1944 г. к выходцам с восточной Украины, во внутренней пропаганде.

После III Съезда произошла реорганизация УПА. Областной проводник ОУН со всеми своими референтурами включался в состав военного округа УПА. Командир генерального округа одновременно являлся краевым проводником ОУН.

21–22 ноября 1943 г. на Волыни ОУН провела I конференцию порабощенных народов Восточной Европы и Азии. В ней участвовали 39 бойцов УПА, которые «представляли» разные национальности СССР (азербайджанцы, белорусы, грузины, татары, узбеки, чуваши, осетины, казахи и др.). Демонстрируя таким образом империалистический характер СССР, ОУН апеллировала прежде всего к западным союзникам.

В июле 1944 г. «ревизионистское» крыло ОУН-УПА во главе с М. Степаняком при содействии недовольных Шухевичем оуновских руководителей создали Народно-освободительную революционную организацию (НВРО, Народно-визвольна революційна організація). Она объединила часть волынских организаций ОУН и претендовала на роль политического руководства УПА. М. Степаняк считал, что, в отличие от ОУН, новая организация будет открыта не только для украинских националистов, но и для всех сторонников независимой Украины, причем не только украинцев. Лидеры НВРО, как, впрочем, и другие лидеры УПА, рассчитывали, что после краха Германии между сегодняшними союзниками «может дойти до непосредственного столкновения, и этот решительный и последний бой значительно ускорил бы создание украинского независимого государства».

Страны Запада критиковались за империалистические стремления и непоследовательность в отстаивании права наций на самоопределение, критиковался империализм как таковой, а не только советский НВРО по сравнению с ОУН сдвинулись влево. В тексте

резолюции фигурировали такие определения как «социальный гнет» и «трудящиеся массы». НВРО выступала против «буржуазно-демократической», «буржуазно-фашистской» и «большевицкой» систем, провозгласила обычный набор демократических прав: свободу слова, собраний, вероисповедания и т. д. Гарантировалось полное право национальных меньшинств развивать собственную культуру, равенство всех независимо от национальности, класса и партийности. Предусматривалось участие работников в руководстве заводами, свобода профсоюзной деятельности, гарантировался 8-ми часовой рабочий день. Вскоре М. Степаняк и часть его сторонников были арестованы советскими войсками, и идея НВРО не получила развития.

Р. Шухевича уже осенью 1943 г. противопоставил идее новой, более приемлемой для Запада и «восточников» политической организации вместо ОУН план создания политической надстройки под руководством ОУН. В 1944 г. такой настройкой стала «Українська Головна Визвольна Рада» — Украинский Главный Освободительный Совет (УГВР), после чего НВРО стала ненужной. Тем не менее, даже в январе 1945 г. встречаются документы отдельных подразделений УПА, в которых заявлялось, что УПА действует от имени НВРО.

11–15 июля 1944 г. состоялся I съезд УГВР, который провозгласил эту структуру законной украинской властью, верховным политическим органом «украинского народа в его революционно-освободительной борьбе» за создание соборной Украинской державы.

УПА официально теперь подчинялась УГВР. От имении УГВР выдавались боевые награды и т. д.

По предложению центрального провода ОУН президентом УГВР был избран К. Осьмак. Пост генерального секретаря — главы правительства УГВР, занял глава ОУН и командующий УПА Р. Шухевич. Реальные политические полномочия были сосредоточены в руках генерального секретаря, а не президента. Доминирующей организацией в УГВР оставалась ОУН, в этот «парламент» допускались помимо ОУН (Б) прежде всего пробандеровские политики.

После образования генерального секретариата УГВР Лебедь занял пост генерального секретаря по иностранным делам, после чего выехал в Братиславу для установления контактов с западными союзниками.

Украинские националисты провели от имени своей новой власти мобилизацию сельской молодежи в УПА, доведя ее численность

до 50–80 тысяч бойцов (хотя встречаются и оценки численности УПА в 300 тысяч, но армия таких размеров в реальных боях себя не проявила).

Однако руководство ОУН-УПА решило сосредоточить переговоры с немецким командованием в собственных руках и даже демонстративно расстреляло несколько командиров отрядов за сепаратные переговоры.

Но переговоры с немцами продолжались. От имени УПА их вел И. Гриньох («Герасимовский»). 25 февраля 1944 г. отряды УПА вместе с немцами атаковали город Домбровица Ровенской области. Немецкой стороной были переданы повстанцам города Камень-Каширский, Любешев, Ратно. УПА получала также боеприпасы и фураж. УПА соглашалась помогать германскому командованию разведданными. В УПА вливались отряды немецких солдат с вооружением. В январе 1944 г. командиры партизанских соединений А. Федоров и Н. Дружинин докладывали, что националисты нападают на партизан, не ведут боевых действий против немцев, а напротив, «агитируют население о сдаче 50 % поставок немцам и 50 % им, т. е. националистам, категорически предупреждая население об ответственности за какую-либо помощь партизанам».

С марта немцы стали передавать УПА оружие и боеприпасы, в отрядах УПА стали действовать немецкие инструкторы.

Немецкое командование передало УПА по советским данным 700 орудий и минометов, около 10 тыс. пулеметов, 26 тыс. автоматов, 72 тыс. винтовок, 22 тыс. пистолетов, 100 тыс. гранат.

18 августа 1944 г. начальник штаба группы армий «Северная Украина» генерал фон Ксиландер предписывал не атаковать отряды УПА, если те не нападут первыми. Отдельные стычки между отрядами УПА и немцами все же происходили, но основные усилия УПА направляла на борьбу с «Советами».

Сопротивление

На территориях, оккупированных немцами, развернулось движение сопротивления. Тысячи людей уходили в леса, там вооружались и становились партизанами. Среди них были и солдаты, оказавшиеся в окружении, и беглые военнопленные, и сотрудники НКВД, перебрасывавшиеся по воздуху для диверсионной деятельности.

В 1941 г. во вражеский тыл было заброшено 2500 диверсионных и партизанских групп, но к весне 1942 г. уцелела только десятая часть. Осенью 1941 г. из оставленных на оккупированной территории Украины и заброшенных через линию фронта партизан и диверсантов было создано 2 полка, 883 отряда, 1700 диверсионных групп общей численностью в 35 тыс. человек. К июню 1942 г. связь сохранялась только с 30 отрядами численностью около 4 тыс. человек.

Оплотом украинских партизан были леса и болота северо-западнее Сум и Черкасс, примыкавшие к Белоруссии, северные районы Черниговской и Сумской областей, южная часть Брянских лесов. Оккупанты приступили к систематическому уничтожению партизанских отрядов, из первоначально созданных 1314 отрядов и групп к маю 1942 г. сохранились около 200 численностью около 12000 бойцов. По 1–4 тысячи партизан насчитывали отряды С. Ковпака, А. Федорова, А. Сабурова, В. Бегмы, С. Маликова, М. Наумова.

22 сентября свой приказ № 1, определяющий структур отряда, издал предисполкома г. Путивля С. Ковпак. Отряд Ковпака опирался на заранее подготовленную инфраструктуру, действовал осторожно, начал с диверсий на дорогах, «притягивал» в свой состав более мелкие группы (в том числе С. Руднева, который стал комиссаром Ковпака). Когда против 73 партизан отряда были брошены значительно превосходящие силы противника, ковпаковцы в декабре ушли из района Путивля в Брянские леса. По дороге партизаны продолжали диверсии, нападения на небольшие группы солдат и полицаев, громили комендатуры в селах. В Брянских лесах образовался не контролируемый оккупантами партизанский край. Было установлено воздушное сообщение с Большой землей, проводились совещания партизанских командиров из России и Украины.

15 мая 1942 г. партизанская колонна в 750 человек под командованием Ковпака покинула Брянские леса и двинулась в рейд по Левобережной Украине. Разгромив небольшие венгерские гарнизоны и украинские силы гарнизоны, ковпаковцы 26 мая ненадолго заняли Путивль, а затем действовали в окрестных лесах. В июле, с трудом вырвавшись из окружения, отряд вернулся в Брянские леса, имея уже 1300 бойцов. 29 июля ковпаковцы разгромили здесь венгерский гарнизон в Старой Гуте и восстановили в ней советскую власть. По отчету Ковпака, за время рейда по Сумской области отряд прошел более 6000 км и уничтожил более 4000 солдат и офицеров противника (включая полицаев).

1 сентября 1942 г. на встрече с партизанскими командирами Сталин поставил перед соединениями Ковпака и Сабурова задачу рейда на правобережье, который и был осуществлен в ноябре 1942 — июне 1943 гг. по территории Украины и Белоруссии. Численность рейдирующих соединений выросла более чем в два раза. Партизанским соединениям С. Ковпака и А. Сабурова удалось создать партизанский край в зоне Олевск — Овруч — Мозырь — Туров на территории 14 районов УССР и БССР с населением около 200 тыс. жителей. В феврале 1943 г. соединение М. Наумова прошло рейдом по степной Украине, переправилось через Днепр и затем через Одесскую область вышло под Житомир.

В июне 1943 г. ковпаковцы были направлены на юг — на Карпаты, с заданием нанести удар по нефтепромыслам Дрогобыча. Прорвавшись на Западную Украину в июле, двухтысячная группа Ковпака оказалась под ударами как немецких войск, так и отрядов УПА. Здесь у советских партизан была гораздо меньшая поддержка местного населения. Преодолев горные склоны и реки, выйдя из-под ударов противника — в том числе воздушных, партизаны прорвались к нефтеносным промыслам Яблонова и Биткува, дававшим около 100 тыс. т нефти в год. Было уничтожено 40 нефтяных вышек, 13 нефтехранилищ и три нефтеперегонных завода.

Партизаны были окружены немецко-венгерскими войсками. 5 августа 1943 г. Ковпак рассредоточил свою дивизию на несколько отрядов, которые с большими потерями пробились из окружения самостоятельно и затем соединились вновь в начале октября. В этом рейде ковпаковцы потеряли более 500 бойцов. 23 февраля 1944 г. соединение Ковпака было преобразовано в Первую Украинскую повстанческую дивизию имени С. А. Ковпака. Комдивом стал П. Вершигора, так как сам Ковпак был отозван в тыл. Дивизия продолжала действовать до августа 1944 г., после чего ее бойцы влились в РККА и силы НКВД и НКГБ, действовавшие против УПА.

Москва оказывала партизанам помощь оружием и боеприпасами, в отряды были присланы комиссары, и партизанское движение было взято под строгий контроль центра. 30 мая 1942 г. был создан центральный штаб партизанского движения. Украинский штаб партизанского движения возглавил генерал Т. Строкач.

Партизаны наносили болезненные удары по врагу, взрывая железнодорожные пути, мосты и поезда, убивая представителей нацистской власти и тех, кто сотрудничал с новым режимом.

В 1941 г. украинские партизаны подорвали 23 поезда, в 1942 г. — 232, в 1943–3666, в 1944 гг. — еще свыше тысячи. В ходе операции «Концерт» 3 августа — 19 сентября 1943 г. партизаны нанесли удар по железнодорожному сообщению в тылу группы армий «Юг», облегчив выход советских войск к Днепру.

В 1941–1942 гг. партизаны по их данным уничтожили более 42 тыс. солдат и офицеров противника и еще более 3700 предателей и полицаев.

За каждого убитого немецкого солдата в соответствии с приказом Кейтеля следовало казнить по 50–100 коммунистов. Поскольку реальных коммунистов для таких расправ явно не хватало, заложниками становилось все местное население. За убитых солдат и офицеров сжигали целые деревни вместе с жителями.

По официальным данным, в партизанском движении на Украине участвовало более 200 тыс. человек. Но реальное число бойцов отрядов, связанных с советским командованием, было значительно меньше.

В апреле 1943 г. на Украине связь с Центральным штабом поддерживали отряды численностью около 15000 партизан, а в январе 1944 г. — 48 тысяч.

В ходе и после войны за участие в партизанском движении 185000 человек были награждены орденами и медалями, 95 стали Героями Советского Союза.

Почти во всех оккупированных Германией городах действовало подполье, возникшее как стихийно, так и под руководством НКВД и других советских спецслужб. Первоначально оставленное на оккупированной территории подполье понесло большие потери — более 80 % участников. Из 4136 подпольных партячеек продолжали действовать 280. К середине 1942 г. нацистам удалось разгромить подполье Киева, Днепропетровска, Запорожья, Одессы, Винницы и др. городов.

Всего за время войны погибло около 60 тыс. партизан и подпольщиков.

Освобождение

После победы под Сталинградом Красная армия вернулась на территорию Украины 18 декабря 1942 г.

После сражения на Курской дуге развернулось освобождение Украины. Однако бои за Харьков были тяжелыми, командующий

группой армий «Юг» Э. Манштейн наносил опасные контрудары. Сталин даже направил гневную директиву командующему Воронежским фронтом Н. Ватутину: «События последних дней показали, что вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки, как при планировании, так и при проведении операций. Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок является наступлением огульного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам и бить их по частям».

Ввод в сражение советской 4 танковой армии позволил отбить контрудар противника. 23 августа 1943 г. советские войска взяли Харьков.

Провал немецкого наступления под Курском доказал, что Германия уже не в состоянии наступать на Восточном фронте. Перелом в войне стал необратимым.

13 августа войска Юго-западного фронта под командованием Р. Малиновского и 18 августа Южного фронта под командованием Ф. Толбухина начали освобождение Донбасса. Миллионной советской группировке противостояло 540 тысяч солдат противника. 30 августа войска Южного фронта вышли к Азовскому морю и освободили Таганрог. В сентябре Донбасс был освобожден.

26 августа Центральный фронт под командованием К. Рокоссовского начал наступление к Днепру в его среднем течении, прорвал оборону противника под Конотопом и 21 сентября форсировал Днепр. 60 армия под командованием И. Черняховского пробила брешь в обороне противника на стыке групп армий «Центр» и «Юг», после чего повернула на Киев и 15 сентября освободила Нежин. Возникла возможность обхода фронта группы армий «Юг» с севера. Порядки советских войск были сильно растянутыми, и советское командование не решилось продолжать обход Киева с севера. Вскоре немцы сумели создать здесь прочную оборону.

15 сентября группа армий «Юг» начала общий отход за Днепр. Гитлер и его генералы рассчитывали на систему обороны на правом берегу Днепра — «Восточный вал».

Бои носили ожесточенный характер, в двух операциях — Черниговско-Проскуровской и Нижнеднепровской РККА безвозвратно

потеряла 176 тыс. человек. Советским войскам удалось занять несколько плацдармов на правом берегу Днепра. В октябре 1943 г. в ходе Запорожской операции удалось не только освободить Запорожье и спасти от полного разрушения Днепрогэс, но и создать крупный плацдарм на Провобережье.

9 сентября в наступление перешел Воронежский фронт, которому противостояли 4 танковая и 8 армии противника — 20 пехотных и 10 танковых дивизий. Под Лохвицей Воронежский фронт прорвал оборону 4 ТА. 21 сентября войска Воронежского фронта стали переправляться через Днепр в районе сел Малый и Большой Букрин, образовав Букринский плацдарм. Но попытка расширить плацдарм 25 сентября с помощью воздушного десанта оказалась неудачной.

«Восточный вал» был пробит, но не прорван. Германские войска под командованием Манштейна наносили контрудары, блокировали плацдармы.

Первоначально операцию по освобождению Киева планировалось начинать с Букринского плацдарма, с юга. Манштейн осознал опасность этого плацдарма и сосредоточил силы напротив него. Попытки наступления с Букринского плацдарма 12–15 и 21–22 октября кончились неудачей. В ходе ожесточенных боев стало ясно, что здесь пробить оборону противника сложнее, чем на другом плацдарме — Лютежском, севернее Киева, который был создан 26 сентября. 25 октября Ставка приняла решение наносить главный удар не с Букринского, а с Лютежского плацдарма. 3 танковая армия под командованием генерала П. Рыбалко была скрытно переброшена с Букринского плацдарма на Лютежский. Поскольку наступление совпало с кануном годовщины Октябрьской революции, политорганы 1 Украинского фронта выдвинули призыв «Освободим Киев к 26 годовщине Великого Октября!», хотя относительно планов взятия столицы Украины 5 ноября этот призыв звучал даже несколько расхолаживающе.

Начав операцию с отвлекающего удара на Букринском плацдарме 1 ноября, 3 ноября войска Воронежского фронта нанесли основной удар с Лютежского плацдарма и, преодолев ожесточенное сопротивление, 6 ноября взяли Киев. Безвозвратные потери в операции по освобождению Киева составили 6491 человек.

Преследуя противника, войска фронта 13 ноября взяли Житомир. Но к этому времени Манштейн сосредоточил 15 дивизий, в том числе 7 танковых и моторизованных 4 танковой армии Г. Гота, которые

нанесли опасный контрудар, окружив часть 60 армии И. Черняховского. Немцы не только отбили Житомир 20 ноября, но также стали угрожать Киеву.

1 ноября войска 4 Украинского фронта прорвались через Перекоп в Крым, но были отброшены. Одновременно был высажен десант под Керчью, рядом был захвачен также плацдарм под Эльтигеном. Однако основным силам десанта из-за шторма высадиться не удалость, плацдарм был блокирован. «Эльтигенцы» в декабре провели смелый рейд и соединились с основными силами. Бои под Керчью продолжались до апреля 1944 г.

20 октября в связи с начавшимся освобождением Украины произошло переименование фронтов: Воронежский — в 1 Украинский (командующий Н. Ватутин), Степной — во 2 Украинский (командующий И. Конев), Юго-западный — в 3 Украинский (командующий Р. Малиновский), Южный — в 4 Украинский (командующий Ф. Толбухин). В 4-х фронтах было 2406 тыс. человек, 2015 танков и САУ, 2600 боевых самолетов, 28654 орудий и минометов. Им противостояли группы армий «Юг» (командующий Э. Манштейн) и «А» (командующий Э. Клейст). Они располагали 1760 тыс. солдат, 2200 танков и штурмовых орудий, 1460 боевых самолетов и 16800 орудий и минометов. Советские войска быстрее пополнялись живой силой (в том числе и за счет мобилизации на Украине) и техникой. Так, в боях за Правобережную Украину было потеряно до 12000 советских танков, но Красная армия достигла превосходства по танкам над противником. Уже в начале марта по советским данным 2442 советские машины приходились на 2000 машин противника (возможно, их количество было даже меньшим).

К началу 1944 г. на Украине было сосредоточено 40 % пехотных и 70 % танковых и моторизованных дивизий восточного фронта противника и 42 % стрелковых и 80 % танковых и механизированных дивизий советского фронта. С обеих сторон в сражении участвовало около 4 миллионов человек.

Началось освобождение Правобережной Украины. Замысел Ставки заключался в том, чтобы, наступая в юго-западном направлении от Днепра, расчленить группы армий «Юг» и «А», изолировать их от группы армий «Центр» и прижать немецкие войска к морю, отрезая им пути отхода.

В ходе сражений несколько раз повторялся один и тот же сценарий. Превосходящие по численности советские войска наносили

удары, раскалывающие фронт противника, охватывали его крупную группировку. Окруженные войска вермахта сохраняли боеспособность, Манштейн наносил контрудары. В итоге окруженная группировка, бросив технику, как правило, выходила из окружения с большими потерями. Войска обеих сторон вязли в грязи, но Красная армия продвигалась вперед.

В целом наступление на Правобережной Украине получило название Днепровско-карпатская стратегическая операция (24 декабря 1943–6 мая 1944 гг.), которая сама является серией фронтовых операций.

В ходе Житомирско-Бердичевской операции (24 декабря 1943–15 января 1944 гг.) войска 1 Украинского фронта отбросили противника дальше от Киева и освободили Житомир, создав угрозу флангу группы армий «Юг».

5–16 января в ходе Кировоградской операции войска 2 Украинского фронта 8 января освободили Кировоград, но не смогли соединиться с 1 Украинским фронтом. Окруженная 3 танковая дивизия противника 8 февраля прорвалась на запад.

Гитлер требовал от своих генералов, чтобы они продолжали цепляться за Днепр. Это было и важным пропагандистским фактором (вермахт все еще на Днепре), и к тому же разделяло 1 и 2 Украинские фронты, создавая угрозу удара им во фланг с Каневского выступа.

24 января началась Корсунь-Шевченковская операция, в ходе которой силами двух Украинских фронтов 31 января было окружено более семи немецких дивизий численностью от 54 до 80 тысяч. Генерал фон Форман вспоминал о советском наступлении: «Другого сравнения я не нахожу — прорвало плотину, громадный поток хлынул на равнину мимо наших танков, окруженных немногочисленными гренадерами, как мимо скал, возвышающихся в бурлящем потоке. Мы поразились еще больше, когда чуть позже кавалерийские соединения трех советских дивизий сомкнутым строем помчались сквозь наш заградительный огонь».

Противник наносил контрудары, на короткое время немцам удалось даже отсечь прорвавшиеся корпуса 5 танковой армии. Но полуокруженные советские танковые части не стали останавливаться и в районе Звенигородски соединились с частями 1 Украинского фронта. Советские войска не стали развивать успех вглубь фронта, сосредоточившись на ликвидации окруженной группировки под командованием генерала В. Штеммермана. Противник наносил

сильные деблокирующие контрудары, но безуспешно. Окруженная группировка продолжала ожесточенно сопротивляться, и в ночь с 16 на 17 февраля бросилась на прорыв. Под ударами советских войск немцы понесли большие потери, погиб и Штеммерман, но более 30 тыс. немецких солдат вышли к своим.

27 января конные корпуса РККА прорвались в немецкие тылы в районе Ровно и действовали во взаимодействии с партизанами Ковпака, Федорова и Сабурова. Наступая в болотистом Полесье, войска 1 Украинского фронта снова стали обходить фланг группы армий «Юг».

На предложения Манштейна отвести войска на более удобные позиции Гитлер возражал: «Ведь когда-нибудь русские перестанут наступать! С июля прошлого года они ведут непрерывное наступление. Долго это не может продолжаться».

Несмотря на стремление Манштейна спрямить фронт, Гитлер отказывался давать согласие на отход с Никопольского плацдарма, который, благодаря изгибу Днепра, уходил далеко на восток и прикрывал Крым.

Попытки 3 и 4 Украинских фронтов взять плацдарм долго не удавались, и только в результате Никопольско-Криворожской операции (30 января — 29 февраля) этот очаг сопротивления был ликвидирован, но оборонявшаяся здесь 6 армия сумела отойти. 8 февраля был освобожден Никополь, 22 февраля — Кривой рог.

Продвинувшись от Днепра вглубь Правобережной Украины, четыре Украинских фронта все же не смогли разгромить группы армий «Юг» и «А». Войска увязли в непролазной грязи, в которой часто не могли двигаться даже танки.

Весной была предпринята новая серия ударов в прежнем направлении.

В ходе Проскурово-Черновицкой операции (4 марта — 17 апреля) сменивший погибшего Ватутина Жуков сосредоточил силы уже трех танковых армий и вышел к Днестру. Группа армий «Юг» была рассечена.

Под Тернополем 7–10 марта войска 3 и 4 советских танковых армий столкнулись с контрударом 9 танковых и пяти пехотных дивизий противника. В этом сражении участвовало около 1300 танков. Наступление 1 Украинского фронта было приостановлено. Но взяв Черновцы 17 марта и 18 марта — Жмеринку, 1 Украинских фронт создал угрозу окружения 1 танковой армии Х. Хубе под

Каменец-Подольском. С юга подходили части 2 Украинского фронта. 26 марта Каменец-Подольский был взят, а 31 марта здесь была окружена 200 тысячная группировка. Нанеся удар на северо-запад, германская 1 ТА вышла из советского окружения 7 апреля, что позволило немцам прикрыть Львов.

В ходе Уманско-Батошанской операции (5 марта — 17 апреля) войска 2 Украинского фронта разгромили 8 армию противника и стремительно прорвались к Южному Бугу. Здесь советские солдаты наблюдали трагикомический эпизод, когда румынские пограничники «Транснистрии» требовали от отступающих немецких войск соблюдать пограничные формальности, а те в ответ атаковали заигравшихся в миниимперию союзников. «Пограничный конфликт» продолжался до тех пор, пока «спорную территорию» не заняли советские войска.

Над группой армий «Юг» вновь нависла угроза быть расчлененной и отрезанной. 25 марта войска 2 Украинского фронта вышли к румынской границе на реке Прут.

В ходе Березниговатско-Снегиревской операции (6–18 марта) 3 Украинский фронт разгромил немецкие и румынские войска в междуречье Южного Буга и Днепра. Здесь широко использовалась кавалерия генерала И. Плиева, которая оказалась очень кстати в условиях бездорожья. Отступающей группе армий «А» пришлось бросить в грязи все тяжелое вооружение. 26 марта в Николаеве был высажен морской десант. Два дня моряки вели бои в окружении, отвлекая на себя силы противника, а 28 марта в город прорвались части Красной армии.

Под угрозой того, что будут отрезанными, немецко-румынские части стали отходить к Одессе. В последний момент им удалось переправиться через Днестровский лиман и избежать окружения. В ходе Одесской операции 26 марта — 17 апреля была взята Одесса.

6 мая три Украинских фронта на время перешли к обороне. Теперь можно было и отдохнуть.

8 апреля 4 Украинский фронт начал штурм Перекопа и затем прорвался в Крым. Уже 15 апреля войска 4 Украинского фронта и отдельной Приморской армии подошли к внешнему рубежу обороны Севастополя, блокировав 70-тысячную группировку противника. Гитлер выступил против эвакуации Севастополя и даже усилил эту группировку. Советская артиллерия методично разрушала оборонительный пояс крепости. 7–8 мая Красная армия взяла штурмом

господствующую над городом Сапун-гору и 9 мая ворвалась в Севастополь. Остатки немецкой группировки продолжали эвакуироваться с мыса Херсонес. Удалось эвакуировать более половины состава крымской группировки. Под ударами советской авиации и торпедных катеров в море погибло 42 тыс. солдат. 12 мая Крым был полностью освобожден.

Освободив Крым от нацистов, сталинское руководство решило «освободить» его и от части местного населения. Крымские татары были объявлены «народом предателем», несмотря на то, что на фронтах погибло 26 тысяч советских солдат этой национальности, крымскими татарами были 4 генерала, 7 Героев Советского Союза и дважды Герой летчик Ахмет Хан-Султан.

В мае 1944 г. из Крыма было выселено 165 тысяч татар и 35,6 тысяч представителей других национальностей.

К середине мая была освобождена почти вся территория Украины. Но впереди оставался Львов и Закарпатье.

13 июля войска 1 Украинского фронта под командованием И. Конева начали Львовскую операцию. По немецким позициям был нанесен мощнейший артиллерийский удар — в местах прорыва плотность огня достигала 250 стволов на 1 км. Однако оборона группы армий «Северная Украина» под командованием Й. Гарпе была хорошо подготовлена, немцы снова наносили контрудары. Немецкую танковую колонну с трудом удалось остановить с помощью массированных авиаударов. 18 июля в районе Бродов противник был окружен (в котел попала и дивизия «Галичина») и к 22 июля уничтожен, хотя и на этот раз часть окруженцев сумела прорваться в Карпаты (в том числе несколько сот украинских эсесовцев).

Однако Львов представлял собой крупный оборонительный узел, и сходу его взять не удалось. Тогда 3 танковая армия обошла Львов и развернула наступление на Перемышль, а частью сил ударила по Львову с тыла. 27 июля Львов был освобожден.

17 июля 3 гвардейская танковая армия вышла на территорию Польши. Пройдя 120 км., танкисты 23 июля создали плацдарм на реке Сан. В августе территория УССР была освобождена полностью.

Развернулись бои в Закарпатье — советская армия стремилась помочь Словацкому восстанию. 24 октября были освобождены Хуст и 26 октября — Мукачево. 28 октября 1944 г. был освобожден последний населенный пункт современной Украины — станция Лавочное.

В боях за Правобережье по советским данным противник потерял 30 дивизий и 6 бригад, 1 миллион солдат и 20 тыс. орудий и минометов, 8400 танков и около 5 тыс. самолетов. По их собственным данным потери немецких и румынских войск выглядели более скромно — 389 тыс. человек, из них 93 тыс. безвозвратно.

Советская армия потеряла 1194 тыс. человек, из которых 288 тыс. — безвозвратно. И еще 327 тысяч (93 тыс. безвозвратно) — в Львовско-Сандомирской и Восточно-Карпатской операциях.

Завершение Великой Отечественной войны

Граждане Украины приняли участие в освободительном походе Красной армии, разгроме Германии и Японии. Их доля в красной армии составляла на в 1945 г. около трети численности. В 1943–1944 гг. с Украины было призвано более 3700 тыс. человек, причем 600–900 тыс. повторно — после разгрома 1941 г. Всего с территории Украины по украинским оценкам было призвано более 6 млн человек.

После начала освобождения Правобережной Украины УПА сосредоточилась на борьбе с Красной армией и советскими структурами. В 1943–1944 гг. была создана сеть схронов — целые подземные поселки со своими складами, госпиталями и даже типографиями.

Против УПА были направлены 8 дивизий, 1 мотострелковая бригада, кавалерийский полк, танковый батальон и др. силы (свыше 40 тыс. солдат). Часть войск пришлось снять с Сандомирского плацдарма.

В регионе была проведена мобилизация молодежи в РККА — на призывные пункты в Ровенской, Волынской и Тернопольской областях к 20 мая 1944 г. явилось более 183 тыс. человек.

Сначала УПА попыталась померяться силами с крупными подразделениями Красной армии, действуя группировками в несколько куреней. 27 марта у с. Липки Степановского района Ровенской области был окружен отряд УПА в 500 человек и почти полностью уничтожен.

В апреле 1944 г. несколько тысяч повстанцев были окружены в Гурбинских лесах под Кременцом. 23–24 апреля курень Сторчана был уничтожен, но некоторым отрядам УПА удалось уйти из окружения. Было убито 2018 бойцов УПА и пленено 1570. Было захвачено 7 орудий, 49 пулеметов, 15 минометов и даже самолет У-2.

В августе-сентябре 1944 г. советские войска провели широкомасштабное прочесывание региона (853 операции), было убито более

11 тысяч бойцов УПА и более 10 тыс. захвачено. Среди убитых были не только украинцы, но также немцы, казахи, узбеки и русские.

В 1944–1945 гг. НКВД Украины было создано 156 спецгрупп численностью 1783 бойцов, большую часть которых составили бывшие бойцы УПА, сдавшиеся и согласившиеся сотрудничать с новой властью. Они действовали под видом отрядов УПА и СБ ОУН, выявляли структуру подполья, уничтожали и задерживали лидеров движения.

Несмотря на поражения, в конце 1944 г. УПА иногда проводила крупные операции. Так, 17 декабря отряд примерно в 200 человек совершил нападение на райцентр Ново-Стрелецк.

Под ударами советских войск УПА-«Север» потеряла к началу 1945 г. 60 % бойцов и 50 % оружия и боеприпасов, найденных в схронах или брошенных в бою. В приказе одного из командиров УПА говорилось: «В отрядах царит бездеятельность, бегство от врага, общая демократизация, пьянство, с чем мы должны начать борьбу, так как это доведет отделы до упадка и потянет за собой всю организацию».

Уже 25 ноября 1944 г. в приказе командира УПА-«Запад» говорилось: «Большевикам только того и нужно, чтобы мы придерживались неоправданной, ничем не мотивированной на данной стадии революции регулярной формы борьбы. Тем более, целью их боевых операций является согнать повстанцев (УПА) в большие группы и подвести нас под главный удар, вынудив нас принять бой. Таким образом, мы не достигаем никаких целей, а только несем потери».

5–6 февраля 1945 г. у с. Бережаны собралось совещание с участием командующего УПА Р. Шухевича, начальника Главного войскового штаба Д. Грицая, руководителя СБ ОУН Н. Арсенича, представителей Центрального и Галицкого проводов ОУН и др. руководителей ОУН и УПА. Совещание решило расформировать крупные подразделения уровня «курень» и «сотня». Теперь предстояло действовать силами «роя» и «четы».

Шухевич формально подчинился Бандере, но было принято решение, что тому нецелесообразно переходить на территорию СССР.

В сентябре 1944 г. Бандера был выпущен из лагеря и начал работать под контролем немецкой разведки в Кракове, ставя ОУН по радио задачи, соответствовавшие интересам германского командования. После прохождения через Украину фронта Красной армии интересы нацистов и УПА стали практически совпадать.

По замечанию О. Росова, «УПА занялась в советском тылу той же «войной на рельсах» (правда, в меньших масштабах), которую проводили на немецких коммуникациях советские партизаны».

Советское руководство предпринимало меры для прекращения вооруженной борьбы в тылу путем амнистий и даже соглашения с националистами. Инициативу посредничества в этом деле выдвинули во время их визита в Москву некоторые авторитетные иерархи УГКЦ, например член митрополичьей капитулы Гавриил Костельник. В неофициальной беседе он говорил: «При желании, мы могли бы оторвать народ от симпатий к бандеровскому течению... Желательно, чтобы Советская власть сделала бы уступки бандеровцам». Однако митрополит Иосиф Слепый не поддержал эту рискованную миссию.

В феврале 1945 г. советское руководство Украины и Р. Шухевич предприняли попытку договориться о прекращении вооруженной борьбы. В узком кругу своих соратников, в том числе с Д. Маевским и М. Степаняком, Шухевич обсуждал возможность роспуска УПА и перехода ОУН к другим методам работы, которые позволят переждать трудные времена, дождаться советско-американского конфликта, укрепить позиции националистов в общественных и государственных структурах УССР.

28 февраля — 1 марта заместитель начальника 4 управления НКГБ полковник С. Карин (Даниленко) и капитан А. Хорошун встретились с представителями ОУН-УПА, по видимому с заместителем Шухевича по ОУН, политическим референтом и членом Бюро Центрального провода ОУН Д. Маевским и начальником отдела политвоспитания Центрального провода ОУН Я. Буселом. Советское руководство уполномочило сотрудников «органов» предложить ОУН-УПА перемирие с перспективой амнистии и легализации в СССР, даже с возможным привлечением к общественной и государственной жизни (как это уже было сделано в Советской Украине в 20-е гг.). Судя по отчету Карина и Хорошуна, националисты стремились вести переговоры по политическим вопросам, а сотрудники НКГБ (представившиеся представителями СНК Украины и Львовского облисполкома) настаивали только на обсуждении перемирия и обещали амнистию. При этом, если верить отчету, они обличали националистов как предателей Украины. Это вряд ли могло способствовать достижению соглашения, но, возможно, многоопытный Карин таким образом подстраховался в отчете, чтобы не быть обвиненным

в сотрудничестве с националистами. Националисты настаивали, что не являются агентурой нацистов. Как сказал Маевский, «мы ищем брода, чтобы приблизиться к Вам», а Бусел ставил вопрос еще более решительно: «мы хотим быть конструктивным элементом в политической жизни Украины». На капитуляцию они не соглашались.

Новая встреча не состоялась, ОУН не продолжила переговоры. По-видимому, Шухевич не смог заручиться в этом вопросе поддержкой Центрального провода.

В начале 1945 г. делегация УГВР во главе с Лебедем сумела установить контакты с западными союзниками и заинтересовать их в использовании УПА в дальнейшей борьбе против СССР. В этих условиях соглашение о легализации актива ОУН и, следовательно, УПА, было неприемлемо для зарубежной части политического руководства движения, имевшего сильные позиции и в украинском подполье.

Как отмечает О. Росов, «Если Шухевич, находясь в гуще событий, был заинтересован до взрыва Третьей мировой войны любой ценой сохранить структуру организации, даже путем договоренностей с «Совитами», то для Лебедя главным было продемонстрировать перед западными спецслужбами «воюющую Украину» и при этом выполнить взятые на себя обязательства».

Шухевич не решился в этих условиях пойти на новый раскол организации, переговоры не получили продолжения. Однако политика внедрения националистов в советское общество проводилась в соответствии с «тактической схемой» ОУН «Дажбог». По данным НКВД, около четверти «вышедших из леса» сделали это с согласия своих командиров.

В 1944–1945 гг. в ходе операций против УПА и националистического подполья было убито более 110 тыс. человек, арестовано более 24 тыс. человек. С повинной явилось около 50 тыс. подпольщиков. Проводились массовые выселения «семей бандитов». Советские войска и НКВД потеряли 23 тыс. человек, в том числе из засады бандеровцы смертельно ранили 29 февраля 1944 г. командующего 2 Украинским фронтом Н. Ватутина.

УПА развернула жестокий террор против всех, кто сотрудничает с коммунистическим режимом и даже против их родственников. В 1944–1946 гг. бандеровцы уничтожили более 11 тыс. человек, которых обвинили в сотрудничестве с НКВД (из них около 7 тыс. уроженцев Западной Украины).

Жестоко действовали и силы НКВД-НКГБ, злоупотребления допускали и советские работники, коммунистические руководители, военнослужащие. Политбюро ЦК КП (б) У признавало в секретном постановлении 10 января 1945 г.: «Имели место совершенно недопустимые случаи, когда отдельные бойцы и офицеры органов НКВД и НКГБ, не разобравшись, применяют репрессии — жгут хаты и убивают без суда отдельных граждан, которые совершенно непричастны к бандитам, чем дискредитируют себя и органы советской власти». 21 марта 1945 г. было принято специальное постановление политбюро ЦК КП (б) У «О фактах нарушения советской законности в Западных областях Украины». Виновные в злоупотреблениях привлекались к уголовной ответственности.

Несмотря на потери, УПА продолжила вооруженную борьбу и после Второй мировой войны.

В условиях начавшегося определения послевоенного мирового порядка советское руководство решило придать союзным республикам, в том числе УССР дополнительные атрибуты суверенности. В феврале 1944 г. были приняты союзные законы «О создании военных формирований союзных республик и о превращении в связи с этим народного комиссариата обороны из союзного в союзно-республиканский народный комиссариат» и «О предоставлении союзным республикам полномочий в сфере внешних сношений и о превращении в связи с этим народного комиссариата иностранных дел из союзного в союзно-республиканский народный комиссариат». В марте 1944 г. наркомом обороны УССР был назначен генерал-лейтенант В. Герасименко (с марта 1946 г. союзное министерство обороны фактически не действовало). Министром иностранных дел УССР стал писатель А. Корнейчук, а с июля 1944 г. — Д. Мануильский.

Важнейшими задачами, решению которых была призвана содействовать эта «игра в независимость», было закрепление за СССР двух голосов в ООН и территорий, присоединенных в 1939–1940 гг.

26 июня 1945 гг. СССР, УССР и БССР подписали устав ООН и получили полномочия членов организации.

16 апреля 1945 г. Польша и СССР подписали Договор о дружбе и границах, по которому граница прошла почти по «линии Керзона». Белостокский выступ отошел к Польше. Остальные территориальные приобретения УССР, БССР и Литовской ССР были признаны Польшей.

В 1944–1946 гг. по инициативе Сталина было осуществлено переселение 788 тыс. поляков в Польшу с Украины и 482 тыс. украинцев из Польши на Украину.

26 ноября 1944 г. в Мукачево был проведен съезд народных комитетов Закарпатской Украины, который принял манифест о воссоединении с Украиной и выходе из Чехословакии. По советско-чехословацкому договору 29 июня 1945 г. Закарпатье вошло в состав СССР.

В результате войны на Украине было полностью или частично разрушено 714 городов и поселков городского типа и 28000 сел. Было потеряно 40 % экономического потенциала республики. Крова лишились 10 миллионов людей. Было разрушено более 16 тыс. промышленных объектов, транспортная инфраструктура. С фронта не вернулось более 2,5 миллиона жителей Украины. 2072 жителя Украины стали Героями Советского Союза, 32 — Дважды Героями, а летчик И. Кожедуб — трижды. Украина внесла свой достойный вклад в Победу.

В истории Украины заканчивался период потрясений, включивший в себя революцию и гражданскую войну, две мировые войны, вторая из которых огнем прошла по всей стране. Но этот период был также временем модернизационного рывка, который заложил основу дальнейшего социально-экономического развития Украины, вскоре превратившейся в индустриальное, преимущественно городское общество. Украина обрела целостность территории. И хотя бывшие Новороссия, Малороссия, Галиция и другие исторические области Украины сохраняли своеобразие, страна обрела границы, близкие к современным именно в качестве Украинской советской социалистической республики.

Литература

1918 год на Украине. М., 2001.

Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. М. — Л., 1928–1933.

Баканов А. И. «Ни кацапа, ни жида, ни ляха». Национальный вопрос в идеологии Организации украинских националистов. М., 2014.

Баканов А. И. Коммунистическая партия Западной Украины и Организация Украинских националистов по материалам КПЗУ (1929–1938). // Историческое пространство. М., 2009.

Бешанов В. В. Десять сталинских ударов. Минск, 2003.
Битва за Днепр. 1943. М., 2007.
Боляновський А. Українські військові формування в збройних силах Німеччини (1939–1945). Львів, 2003.
Борисёнок Е. Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006.
Бош Е. Год борьбы. К., 1990.
Василевский А. М. Дело всей жизни. Минск, 1984.
Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Киев, 1957.
Великая Отечественная война 1941–1945. М., 1998–1999. Т. 1–4.
Вершигора П. П., Зеболов В. А. Партизанские рейды. Кишинев, 1962.
Винниченко В. Відродження нації. К., — Відень, 1920.
Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. СПб., 2004.
Голод в СССР. 1930–1934 гг. М., 2009.
Голод 1932–1933 років в Україні. Київ, 2003.
Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою докуминитів. К., 1990.
Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. М., 1997.
Грылев А. Н. Днепр. Карпаты. Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 году. М., 1970.
Грушевский М. Хто такі українці і чого вони хочуть. К., 1991.
Дюков А. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М., 2008.
Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1978.
Забытый агрессор. Румынская оккупация Молдавии и Транснистрии. М., 2010.
Забытый геноцид: «Волынская резня» 1943–1944 годов: сборник документов и исследований. М., 2008.
Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. СПб., 2011.
История Украины. Научно-популярные очерки. М., 2008.
Карель П. Восточный фронт. Выжженная земля. 1943–1944. М., 2003.
Киличенков А. А. История России (СССР во Второй мировой войне 1939–1945 гг.). М., 2006.
Киричук Ю. Український національний Рух 40–50-х років XX століття: ідеологія та практика. Л., 2003.
Ковпак С. М. Из дневника партизанских походов. М., 1964.

Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в России и Украине: трагедия советской деревни. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. № 2.

Конев И. С. Записки командующего фронтом 1943–1944. М., 1972.

Корсунь-Шевченковская битва. К., 1975.

Косик В. Спецоперації НКВД-КГБ протии ОУН. Львів, 2009.

Ксенофонтов И. Н. Мир, которого хотели и который ненавидели. М., 1991.

Кульчицький С. В. Історичне місце українскої радянської державності. К., 2002.

Кучерук О. «Рико Ярий — загадка ОУН» Львів, 2005.

Макарчук В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. Историко-правовое исследование. М., 2010.

Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1999.

Мельтюхов М. И. Советско-польские войны: военно-политическое противостояние. 1918–1939 гг. М., 2001.

Михутина И. Украинский Брестский мир. М., 2007.

Москаленко К. С. На юго-западном направлении 1943–1945. Воспоминания командарма. М., 1979.

Никольский В. Фальсификация органами НКВД социального состава репрессированных в УССР в 1937–1938 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010.

НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). М., 2008.

Організація Українських Націоналістів і Українська повстанська Армія. Фаховий висновок робочої групи істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА. К., 2005.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: Історичні нариси. К., 2005.

Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов. М., 1969.

Петлюра С. Главный атаман. В плену несбыточных надежд. М., — СПб. 2008.

Петров В. И. Непокорившиеся кайзеровскому нашествию. М., 1988.

Повседневность террора. Деятельность националистических формирований в западных регионах СССР. Кн.1. Западная Украина, февраль-июнь 1945 года. М., 2009.

Политическое руководство Украины. 1938–1989. М., 2006.

Примаченко Я. Л. Украинская повстанческая армия в свете традиционных и современных исследований. // Историческое пространство. М., 2008.

Революция на Украине по мемуарам белых. М., — Л., 1930.

Росов О. Операция «Перелом»: неизвестные подробности гражданского конфликта на Западной Украине. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1.

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001.

Сабуров А. Н. Отвоеванная весна. М., 1968.

Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны. М., 2000.

Савченко В. А. Двенадцать войн за Украину. Харьков, 2005.

Савченко В. А. Симон Петлюра. Харьков, 2006.

Семененко В. И., Радченко Л. А. История Украины. С древнейших времен до наших дней. Харьков, 2002.

Семиряга М. С. Коллаборационизм: природа, типология и проявление в годы Второй Мировой войны. М., 2000.

Содоль П. Українська Повстанча Армія, 1943–1949: Довідник. Нью-Йорк, 1994.

Солдатенко В. Ф. Гражданская война в Украине (1917–1920 гг.). М., 2012.

Солдатенко В. Ф. Україна в революційну добу. К., 2009–2010.

Старинов И. Г. Записки диверсанта. // Вымпел. М., 1997. Вып. 3.

Старинов И. Г. Мины замедленного действия: записки партизана-диверсанта. Кн. 2. // Вымпел. М., 1999. Вып. 1.

Ткаченко С. Н. Повстанческая армия: тактика борьбы. Минск, 2000.

Українська Центральна рада. Документи і матеріали у двох томах. К., 1996.

Український вибір: політичні системи XX століття і пошук властної моделі суспільного розвитку. К., 2007.

Українське державотворення. Акт 30 червня 1941 р. збірник документів і матеріалів. Львів-Київ, 2001.

Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

Хрущев Н. С. Время, люди, власть: Воспоминания в 4-х кн. Кн.1. М., 1999.

Чубарьян А. О. Брестский мир. М., 1963.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1985.

Шубин А. В. Махно и его время. М., 2013.

Шубин А. В. Брестский мир: народы и стратегии. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2009.

Шубин А. В. Великая депрессия и будущее России. М., 2009.

Шубин А. В. Вожди и заговорщики. Политическая борьба в СССР в 20-30-е гг. М., 2004.

Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобальной депрессии к мировой войне. 1929–1941 гг. М., 2004.

Часть 4
В. И. Мироненко
УКРАИНА В 1945–2011 ГГ.

Украинская ССР в 1945–1953 гг.

Война стала тяжелым испытанием для всех народов СССР. Следует иметь в виду, что для Украинской ССР, как и для еще двух республик бывшего Советского Союза — Белорусской ССР и Молдавской ССР, на всей территории которых велись бои, — последствия войны были особенно тяжелы. Украинская ССР вышла из войны, понеся колоссальные человеческие и материальные потери. Резко сократилось ее население, изменился его этнический состав, сократилась численность коренного населения, и увеличилось число переселившихся по разным причинам лиц. Практически полностью разрушенным оказался производственный потенциал республики, как промышленный, так и сельскохозяйственный, транспортная инфраструктура, система культурно-просветительных учреждений. Положение усугублялось еще и тем, что боевые действия на территории Украинской ССР не завершились с окончанием Великой Отечественной войны.

Долгим — почти до середины 50-х годов — эхом войны стала вооруженная борьба, которую в западных областях Украинской ССР вели подполье ОУН и Украинская повстанческая армия (УПА).

После того, как гитлеровцы были изгнаны с территории УССР, почти все мужчины в возрасте от 18 до 50 лет в западных областях республики, где опять началась «советизация», были мобилизованы в армию. Сюда было направлено более 35 тысяч партийных работников и пропагандистов. Стремясь наладить послевоенную жизнь, они не были достаточно подготовленными для этой миссии, плохо понимали местную специфику. Поэтому, а также потому, что регулярные части Красной армии были заняты боями с гитлеровцами, партизаны-националисты довольно легко наращивали свою

численность и увеличивали территорию, которую они контролировали.

«Политика УПА и ее политической надстройки — УГВР (УГВР (укр.) — созданный по инициативе части ОУН и некоторых довоенных партий Западной Украины в 1944 г. в Самборе Украинский главный освободительный совет — *В. М.*), — пишет историк О. Субтельный, — состояла в том, чтобы ждать развития событий на Западе (в расчете на начало новой войны между союзными державами и СССР). Одновременно она была направлена на то, чтобы помешать установлению советской системы...». Эти расчеты строились на ошибочных основаниях — переоценке своих сил и влияния идеологии «интегрального национализма».

Но и ВКП(б) не извлекла уроков из довоенного опыта «советизации» Львовской, Черновицкой, Тернопольской, Станиславской (Ивано-Франковской) областей. О насильственной русификации в этот период, как справедливо отмечает П. Толочко, трудно говорить. Не то было время. Известно, например, что первый секретарь КП(б) Украины Л. Каганович, сменивший ненадолго на этом посту Н. Хрущева, несколько раз предлагал Л. Берия ввести в этих областях украинский язык в качестве официального. И тот в начале 1950 г. с этими согласился. Но не следует забывать, что этнический состав населения даже в областях Правобережной Украины (Киевской, Черкасской, Житомирской и Винницкой областей) вследствие войны и потребностей восстановления заметно изменился, и это не осталось незамеченным в областях с традиционно повышенной чувствительностью к таким процессам.

В западных областях развернулось сопротивление ломке жизненного уклада: обобществлению собственности, созданию колхозов, изъятию денежных средств у населения через государственные займы, официальному атеизму и др. К тому же эти меры осуществлялись людьми, большей частью, приезжими, чужими, и потому приобретали в сознании местного населения национальное измерение, что создавало условия, в которых многократно уступавшие в силе войскам НКВД СССР (с 1946 г. МВД и МГБ СССР, с 1953 г. — МВД СССР) и Красной армии (с 1946 г. Советской армии) отряды УПА могли столь долго продолжать вооруженную борьбу.

Даже в начале 50-х годов в УССР насчитывалось до полусотни «пораженных бандитизмом» административных районов. Так, например, в 1951 году действовали Львовский и Карпатский краевые,

14 окружных, 37 надрайонных, 120 районных, 156 кустовых проводов (организационно-территориальных звеньев) ОУН, до 2,5 тысяч боевиков-одиночек.

Из бесед с немногими живыми еще очевидцами и участниками событий выясняется, что «советизация» прошла бы мягче и быстрее, если бы это делали местные жители, демобилизованные из Красной армии. Население западных областей, особенно Закарпатья, было более однородно, и попытка опереться на «деревенских пролетариев» — немногочисленных и не пользовавшиеся уважением односельчан — была заведомо обречена.

Вооруженная борьба превращалась в террор. Число лиц, ставших его жертвами, исчислялось тысячами. Наиболее резонансными стали убийство в 1948 году сотрудничавшего с властями священника Украинской греко-католической церкви Гавриила Костельника и в 1949 году львовского журналиста Ярослава Галана.

Необходимо иметь в виду также и то, что западные области Украины отличала традиционная религиозность населения, принадлежавшего в своем большинстве к Украинской греко-католической (униатской) церкви, и это, естественно, делало людей очень чувствительными к оказанному на церковь давлению и последующему запрещению.

В апреле 1945 г. в центральной газете «Советская Украина» и львовской «Свободной Украине» была опубликована статья Ярослава Галана под названием «С крестом и ножом», в которой покойный митрополит и вся УГКЦ были обвинены в сотрудничестве с оккупантами. Вскоре после этого были арестованы митрополит И. Слипый, епископы М. Будка и С. Чарнецкий, а со временем и все другие, не принявшие запрещения УГКЦ.

В марте 1945 г. в прессе появилось воззвание «Инициативной группы по воссоединению греко-католической церкви с православной», которую возглавил священник УГКЦ, профессор Львовской духовной академии Г. Костельник. 8–10 марта 1946 г. во Львове состоялся церковный собор, принявший решение о разрыве Брестской унии 1596 г. и присоединении УГКЦ к Русской Православной церкви. В 1949 г. собор в г. Мукачево отменил Ужгородскую унию 1646 г. и объявил о присоединении к РПЦ Закарпатской епархии УГКЦ. Греко-католическая церковь стала «катакомбной», т. е. перешла на нелегальное положение и просуществовала так до 1989 г.

Советская власть семь раз предлагала бойцам УПА сложить оружие. В последний раз это было сделано в декабре 1949 года.

Но в итоге и власть, и партизаны-националисты пришли к убеждению, что примирение невозможно. Советская сторона добивалась капитуляции, в которой не только самим бойцам УПА и членам ОУН, но и их родственникам и сочувствовавшим им людям не приходилось рассчитывать на снисхождение. Судьба почти 49 тысяч членов УПА, которые откликнулись на предложение прекратить сопротивление, была хорошо известна. 10 сентября 1947 г. Советом Министров СССР было принято решение о выселении в восточные районы Советского Союза участников подполья, членов их семей, а также «кулаков-националистов». Под одну из этих категорий при желании можно было подвести почти любого. Только в течение сентября-октября 1947 г. было выслано 26332 семьи.

С 1947 г. накал борьбы начал спадать. В начале 1948 г. часть подразделений УПА перешла на территорию Польши. Некоторые хорошо вооруженные отряды прорвались через Чехословакию в западную зону оккупации — в Германию. Перелом наступил 5 марта 1950 года, когда в селе около Львова был выслежен и убит главный командир УПА Роман Шухевич, державший в своих руках не оборванные еще нити управления подпольем.

После смерти И. Сталина и назначения в марте 1953 г. министром внутренних дел СССР Л. Берия направил записки в Президиум ЦК КПСС об ошибках в проведении коллективизации в Западной Украине, искажениях национальной политики, репрессиях. В ней он писал, что в Украинской ССР нет «никаких бандитов, а есть только националистически настроенная часть населения», осуждал политику русификации. По его приказу в Москву привезли руководителя разведки Зарубежного Представительства УГВР Василия Охримовича, из сибирской ссылки — сестер Степана Бандеры, митрополита Иосифа Слипого, из Владимирской тюрьмы — Президента УГВР Кирилла Осьмака. Работникам МГБ, которое вошло в МВД СССР, было поручено сделать «фотографию» реального положения дел в западных областях Украинской ССР. 16 мая 1953 года Л. Берия подготовил записку о недостатках в работе бывших органов МГБ УССР в борьбе с националистическим подпольем. 26 мая 1953 года по его инициативе и по поданной им записке Президиум ЦК КПСС принял постановление «Вопрос западных областей Украинской ССР».

В постановлении отмечалось, что «с 1944 по 1952 год в западных областях Украины коммунистическими репрессивно-карательными

структурами было подвергнуто репрессиям (в различных формах, включая расстрелы) почти 500 000 человек, в том числе арестовано более 134 000, убито более 153 000 человек, выслано пожизненно за пределы Украины более 203 000 человек». В этом постановлении и в последовавшем за ним постановлении Пленума ЦК КПУ, признавались масштабы репрессий, и указывалось на пагубные последствия избранной тактики борьбы. Шла речь о том, что ее «нельзя вести только путем массовых репрессий и чекистско-военных операций, что бессмысленное применение репрессий вызывает только недовольство населения».

По инициативе того же Л. Берия в это время были заменены руководители МВД УССР и ведущих подразделений центрального аппарата, 18 из 25 начальников УМВД. Министром ВД УССР был назначен генерал П. Мешик. Он создал комиссию по расследованию деятельности Следственной части МВД УССР. Только в 1949–1950 гг. по МГБ Украины к уголовной ответственности было привлечено 105, к административной — 2 тысячи сотрудников за «нарушения норм социалистической законности». 446 кадровых работников было уволено. С 1 января 1950 г. по 1 мая 1952 г. особые инспекции ведомства расследовали дела 3800 работников.

П. Мешик изучил ситуацию в западных областях Украине, обнаружив «перегибы» в колхозном строительстве, массовые необоснованные репрессии, преследования Украинской греко-католической церкви и многое другое. В записке от 30 мая 1953 года, подготовленной им, ставились под сомнение методы ускоренной коллективизации. В выступлении на Пленуме ЦК КПУ в июне 1953 года министр осудил некомпетентное вмешательство партийного начальства в оперативно-розыскные мероприятия. Все это, отчасти, адресовалось основному сопернику Л. Берии — Н. Хрущеву, возглавлявшему в прошлом Компартию Украины. Советская власть в своей политике на Западе Украины не ограничивалась репрессиями и чистками. Восстановление хозяйства в западных областях УССР шло намного быстрее, чем в республике в целом. Уже в 1950 г. объем промышленной продукции здесь превысил довоенный уровень в два раза, а в 1959 г. — в 6,2 раза.

В советской, новейшей российской, да и украинской историографии нередко при анализе послевоенной ситуации в присоединенных к УССР территориях объединяют историческую Восточную Галицию, с одной стороны, и Закарпатье с Буковиной, с другой. Это

вряд ли оправдано. История этих областей и обстоятельства их «советизации» существенно разнятся.

В социальном отношении Закарпатье было более однородно, а в культурно-этническом менее восприимчиво не только к «интегральному национализму», но и любому национализму и ксенофобии вообще. Вооруженные отряды УПА не смогли закрепиться здесь, но часто наведывались сюда или пересекали территорию Закарпатья, прорываясь на Запад — через Словакию и Чехию в западную зону оккупации.

Общим для всех, без исключения, западных областей Украины в то время было, на наш взгляд то, что люди более всего желали после военного лихолетья поскорее возвратиться к мирному труду и спокойной жизни, стремились сохранить ее привычный уклад, тяготясь непонятной им борьбой националистов и коммунистов.

В ходе Второй мировой войны и послевоенного мирного урегулирования объективно продолжался и даже ускорился процесс формирования и признания украинской государственности.

4 марта 1944 г. был образован Наркомат (с 1946 г. министерство) иностранных дел УССР. В знак признания выдающегося вклада Украинской ССР в достижение победы над германским фашизмом на конференции глав Великобритании, СССР и США в Ялте в феврале 1945 г. она была включена в число стран-основателей Организации Объединенных Наций. На конференции в Сан-Франциско представители республики подписали Устав ООН. Странами-учредителями стали и соседи УССР — Польша и Чехословакия. В декабре 1955 г. в ООН были приняты еще две граничащие с ней страны — Венгрия и Румыния. УССР теперь была окружена дружескими по отношению к СССР и к ней государствами, находившимися в сфере советского влияния. Это был, конечно, плюс. Но был и большой минус — на этом фоне неизбежно вставал вопрос о том, почему эти государства формально были самостоятельны и имели все атрибуты национальной государственности, а Украина нет.

В установлении отношений и урегулировании вопроса о границах с соседними странами Украинская ССР выступала в противоречивом качестве. С Венгрией и Румынией — как страна-победитель, участница антигитлеровской коалиции. Делегация Украинской ССР во главе с министром иностранных дел республики Д. Мануильским принимала участие в Парижской мирной конференции, созванной для рассмотрения и принятия мирных договоров с Болгарией, Румынией, Венгрией, Италией и Финляндией в 1946–1947 гг. Но когда

дело дошло до ратификации заключенных 10 февраля 1947 г. договоров с этими странами, она была осуществлена 29 августа 1947 г. «Президиумом Верховного Совета СССР, распространившим действие этого акта на УССР».

Договор с Чехословакией о выходе Закарпатской Украины из состава Чехословакии и вхождении в состав Украинской ССР, завершивший формирование новой территории Украины, также был подписан от имени СССР в Москве 29 июня 1945 г.

Территориальные споры с Румынией — союзницей гитлеровской Германии, были разрешены Парижским мирным договором от 10 февраля 1947 г., которым советско-румынская граница установлена была так, как она сложилась к 28 июня 1940 г., Румыния признала вхождение Северной Буковины и части Бессарабии в состав Украинской ССР.

На Ялтинской (1945 г.) конференции советским представителям удалось добиться, чтобы восточная граница Польши была проведена по «линии Керзона», с небольшими отклонениями в пользу Польши. В августе 1945 г. с ней был заключен соответствующий договор, а в 1946 г. осуществлена демаркация государственной границы. Западноукраинские земли были признаны территорией Украинской ССР. Процесс польско-украинского территориального размежевания завершился в 1951 г., когда по просьбе Польши произошел обмен территориями: УССР уступила Устриковский район Дрогобыцкой области, а к Львовской области были присоединены земли в районе г. Кристополя (Червонограда).

Ранее, в сентябре 1944 г., между Польским комитетом национального возрождения и правительством УССР было заключено соглашение о переселении украинцев из Польши в УССР, а поляков — из Украины в Польшу.

В пограничных с УССР польских землях — Подляшье, Холмщина, Посянье и Лемковщина (т. н. «закерзонье») — 20 тыс. кв. км проживало около 800 тысяч украинцев. Они не желали покидать землю предков. Вооруженные группы польских националистов по ночам окружали украинские села, сжигали их, нередко убивая их жителей. Так, только на Холмщине было уничтожено 150 сел и убито 15 тысяч человек. Украинские националисты действовали так же по отношению к польскому населению на территориях, отошедших к УССР. Польские и украинские власти, командование Красной Армии часто закрывали на это глаза.

Последним актом этой трагедии стала т. н. операция «Висла», начатая после гибели в бою с украинскими националистами заместителя министра обороны Польши генерала Кароля Сверчевского 28 марта 1947 г. и проводившаяся до конца июля.

Шесть польских дивизий численностью до 30 тысяч человек, части МВД и МГБ СССР и около 10 тысяч чехословацких пограничников заблокировали вооруженные отряды УПА под командованием М. Онишкевича и Я. Старуха, пытавшиеся прорваться на Запад. Украинские историки, в частности О. Субтельный, считают, что целью операции было не только уничтожение основных сил УПА, но и выселение украинцев из «Закерзонья». Отряды УПА были разгромлены, потеряв в боях около 3 тысяч человек. Часть оставшихся в живых прорвалась через территорию Чехословакии в Западную Германию. 150 тысяч этнических украинцев небольшими группами были расселены в западных и северных районах Польши, а около 4 тысяч оказались в концлагере Явожно около Освенцима. Более полумиллиона человек было выслано в СССР.

Практика обмена этническими группами, правда в меньших масштабах, использовалась в отношениях и с другими соседними с УССР государствами. Так, например, по соглашению от 10 июля 1946 года из СССР в Чехословакию переехали 33 077 человек, а из Чехословакии в СССР — 8556 человек.

Став страной-учредителем ООН и других международных организаций, заключив ряд международных двусторонних и многосторонних соглашений, обретя дружественное внешнее окружение, отодвинувшее её от новой линии глобального противостояния, перешедшего позднее в т. н. «холодную войну», УССР значительно упрочила свою внешнюю безопасность.

В условиях «холодной войны» первоочередными считались задачи восстановления промышленного потенциала, от которого зависел потенциал военный. Решение же социальных проблем, приобретших вследствие социальных экспериментов невиданного прежде масштаба и глубины, «большого террора» и войны колоссальные масштабы и хроническую форму, если и не откладывалось сознательно, то отступало на второй план в силу сложившихся конкретных исторических обстоятельств.

Условия жизни переживших войну людей в Украинской ССР, как, впрочем, и во всех других союзных республиках, были очень тяжелыми. Миллионы людей остались без крова над головой

и вынуждены были жить в подвалах и землянках. К началу декабря 1946 г. в республику возвратилось более 1 млн 840 тысяч солдат и офицеров Красной армии, а всего на протяжении первых трех послевоенных лет — около 2,2 млн. Обеспечить жильем и работой всех этих людей в разоренной войной республике было нелегкой задачей.

Демобилизованные, репатриированные и реэвакуированные находили себе место, прежде всего, в селах. Сельское население в УССР в 1950 г. по сравнению с 1945 г. выросло на 34 % и составило 18,3 млн человек. В то же время на восстановление сел и сельскохозяйственного производства капитальные вложения выделялись скупо, по остаточному принципу. Как и в довоенные годы именно за счет села, в расчете на то, что оно как-нибудь и само выживет, осуществлялись другие крупные восстановительные мероприятия. Между тем, село было разорено войной буквально дотла. В 1945 году УССР продала государству меньше, чем в 1940 г.: зерна — почти в 2 раза, скота — в 4 раза, молока — в 3 раза. В колхозах не хватало рабочих рук, особенно квалифицированных работников и трудоспособных мужчин. Тяжелый физический труд лег на плечи женщин. Если в 1940 г. мужчины среди работоспособных колхозников в УССР составляли 49 %, то в начале 1945 г. — немногим более 20 %. Одним словом, расчет на самовыживание села до восстановления промышленного потенциала оказался повторением печального для него опыта «социалистической индустриализации» и с сегодняшней точки зрения выглядит большой политической ошибкой. Первые свидетельства этого не заставили себя долго ждать.

В 1946 г. на смену малоснежной зиме пришли самые засушливые за предыдущую половину века весна и лето. Установилась тридцатиградусная жара с минимальным количеством осадков. И озимые, и яровые культуры погибли. В республике начался голод. О причинах голода, его масштабах и помощи, оказанной УССР со стороны других республик СССР и союзного государства высказываются разные, порой противоположные суждения. Однако, в том, что такая помощь оказывалась, сомнений нет.

При союзном правительстве по инициативе РСФСР для оказания помощи пострадавшим от засухи районам, в т. ч. Украины, был создан специальный фонд. Но в условиях послевоенной разрухи возможности такой помощи были ограничены, а «борьба за хлеб» велась теми же методами, что и в 1932–1933 гг.

Однако, если тогда крестьяне хлеб по понятным причинам скрывали, то теперь, изголодавшись за годы войны и рассчитывая на хороший урожай, украинские крестьяне весной 1946 г. что называется «вложились» и последними семенами и последними силами. Но в результате жесточайшей засухи и низкого агротехнического уровня урожайность зерновых не превысила 3,8 ц. с гектара, а в отдельных областях 1,4 ц. Некоторые колхозы на юге не смогли возвратить даже посеянное зерно. Валовый сбор зерновых культур оказался в три раза ниже, чем в 1940 г.

Подсобные хозяйства колхозников не были восстановлены после войны. Зерно в колхозах либо не выдавалось вовсе, либо в ничтожно малых количествах. В некоторых областях на трудодень выдавалось 50–100 г. зерна, и при этом план хлебозаготовок удалось выполнить по стране лишь на 60 %. В то же время, в 1946 г. за рубеж было вывезено — продано и поставлено в качестве помощи — 1,7 млн т зерна. Все это, вместе взятое, привело к тому, что в южных и центральных областях почти 1 млн человек умерли от голода и более миллиона были доведены до дистрофии.

Только весной 1947 г. УССР смогла добиться выделения 350 тыс. т зерна и 140 млн рублей на бесплатное питание людей в пораженных голодом районах. Оказывала помощь и ООН. До апреля 1948 г. в республику поступило оборудования, техники, продуктов питания и товаров народного потребления на 189,3 млн долларов США.

Голод 1946–1947 гг. по своим масштабам и последствиям не может быть поставлен в один ряд с голодом 1932–1933 гг., но природа его возникновения была той же. Государство, сосредоточив в своих руках практически все средства производства, ограничивая, а иногда и прямо подавляя индивидуальную хозяйственную деятельность, брало на себя слишком много прав, не неся почти никакой ответственности за последствия принимаемых решений. Государство объективно не могло видеть все, учитывать все потребности людей. Но, мало того, и те минимально жизненно необходимые потребности людей, о которых оно хорошо знало, в отсутствие контроля и механизмов влияния со стороны общества, оно часто и безнаказанно игнорировало.

В колхозах Украинской ССР в эти годы были попытки сделать более гибкой систему оплаты труда. В 1950 г. в 80,4 % сельхозартелей республики был введен новый порядок начисления трудодней. Наряду с основной оплатой трудодней по установленным расценкам

за выполнение нормы, применялись дополнительные — за высокие производственные показатели. Однако к концу четвертой пятилетки оплата труда колхозников была все еще ниже, чем в 1940 г. В целом, и в других отраслях народного хозяйства почти весь прирост заработной платы приходился на разнообразные доплаты, а доля тарифа в зарплате упала до 40–55 %.

В 1946 г. Верховный Совет УССР принял «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства УССР на 1946–1950 гг.». Возможности всеобъемлющего централизованного планирования не могли учесть все ближайшие и, тем более, отдаленные последствия принимавшихся решений. Сложно однозначно оценить, например, способы и последствия восстановления шахт Донбасса. «Численность рабочих Донбасса в 1945 г. составляла всего лишь 10 % довоенной... Благодаря прибытию на его шахты около 100 тыс. рабочих, в том числе 90 тыс. из РСФСР, в 1950 г. она составляла 119 % от довоенного уровня». Восстановить в относительно короткие сроки важнейшую для Украины отрасль ее промышленности без привлечения людей из других республик и, прежде всего, из РСФСР, было невозможно. Но в результате резко изменилась этносоциальная структура региона, что в свою очередь привело к трудностям, с которыми позднее столкнулась уже суверенная Украина, да и Россия.

Был введен 8 часовой рабочий день, отменены сверхурочные работы, восстановлены отпуска, но тут же повышались нормы выработки, налоги на приусадебные участки и т. п.

В декабре 1947 г. была отменена карточная система распределения продуктов питания. Но тут же проведена конфискационная, по сути, денежная реформа. Товарная масса не покрывала денежную, и с этим необходимо было что-то делать. Увеличивать предложение товаров? Нет, затягивать пояса! Старые деньги обменивались на новые в соотношении 1 к 10. Вклады в сберкассах до 3 тысяч рублей обменивались один к одному, от 3 тысяч до 10 тысяч — три к двум, а свыше 10 тысяч — наполовину. Кроме того, цены после ликвидации карточной системы были в три раза выше довоенных, а заработная плата увеличилась лишь на 50 %.

Но жизнь брала свое. Люди своими силами как могли обустраивались. В 1950 г. трудоспособного населения в украинских селах уже было больше, чем до войны и составляло более 8 млн человек. Но не восстановилось соотношение мужчин и женщин, в селах стало намного меньше молодежи. Восстановление промышленного

производства в условиях колоссальных человеческих потерь в годы войны, требовало притока трудовых ресурсов. Село, хотя и восстанавливалось, обеспечить его не могло. Началось массовое привлечение рабочей силы из других республик.

Так, например, для участия в восстановлении шахт Донбасса только до мая 1948 г. прибыло из других республик около 120 тыс. человек. В Севастополь с декабря 1948 г. по май 1949 г. прибыло более 6 тысяч строителей. Свидетельств того, что осуществляя перемещение людей в таких масштабах в УССР, руководство партии и страны имело намерение изменить демографическую ситуацию в Украине, не имеется. Эмоциональное и сенсационное заявление Н. Хрущева в его докладе на XX съезде КПСС о том, сто И. Сталин и всех украинцев бы выселил, да не смог, потому что их было слишком много, таковым считаться не может. Утверждая это, Н. Хрущев, как, впрочем, и во многих других случаях, выгораживал себя. Он не мог не помнить, что именно по его инициативе в 1948 г. был принят Указ Президиума ВС СССР с длинным названием — «О выселении из Украины лиц, которые злостно уклоняются от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведут антиобщественный, паразитический образ жизни». Этот документ был продублирован в УССР и на его основании только в июне-июле 1948 г. из республики в отдаленные районы СССР было депортировано 11,4 тыс. человек. Но, каковы бы ни были намерения властей, структура украинского общества претерпевала серьезные изменения.

И своим, и прибывающим людям нужно было где-то жить. Введенные в 1946–1950 гг. 46 млн м кв. жилья была каплей в море послевоенной бесприютности. Миллионы семей по-прежнему оставались в бараках, перенаселенных коммунальных квартирах, в неприспособленных для жилья помещениях. Людей нужно было обеспечивать питанием и потребительскими товарами, а легкая и пищевая промышленность к концу четвертой пятилетки смогли восстановиться лишь на 80 % относительно тоже не слишком «тучного» предвоенного 1940 года.

Несколько лучше обстояло дело с восстановлением материальной базы образования в Украинской ССР. Менее чем за три года в республике была восстановлена довоенная сеть школ. В 1948 г. было уже более 29 тысяч школ, в которых обучалось 6,1 млн учащихся. За годы четвертой пятилетки (1946–1950) было построено 2400 школ

методом народной стройки и 1000 школ за счет государственных ассигнований. В 1948/1949 учебном году начался переход на всеобщее семилетнее, а в крупных городах — на десятилетнее образование. В 1951/1952 учебном году с 10 до 1203 возросло количество школ рабочей молодежи, в которых в вечернее время могла обучаться работающая молодежь. В 1953 г. было принято Постановление Совета Министров УССР «О мерах по дальнейшему усовершенствованию работы школ рабочей молодежи».

Большую проблему в первые послевоенные годы для руководства страны и республики представляли люди, возвратившиеся с фронта. Они возвращались победителями и обоснованно рассчитывали и на уважение к себе, и на улучшение условий жизни — своей и своих семей. И хотя фронтовики-победители пользовались всенародным уважением, многие из них по возвращению в родные места столкнулись с бедностью и неустроенностью, чиновничьим произволом, разгулом преступности.

В украинском обществе в первое послевоенное время надежды и разочарования, возможности и их реализация, достижения и провалы, старое и новое тесно переплелись. Реальная зарплата рабочих и служащих, доходы колхозников в это время были в два раза ниже не слишком благополучных довоенных лет, продуктов не хватало, не говоря уже о товарах первой необходимости. И все же преобладало ожидание того, что теперь, после победы в войне, с большим желанием миллионов людей обустроить свою новую мирную жизнь, все наладится.

Несмотря на потери, интеллектуальный, человеческий потенциал УССР был очень велик. Его нужно было с умом использовать. Именно здесь в первые послевоенные годы были сделаны заявки на лидерство в таких областях знаний, которые в недалеком будущем стали определять уровень страны. В 1946 был запущен первый экспериментальный атомный реактор. В 1948-1951 годах изготовлена первая вычислительная машина. Была предложена технология автоматической сварки металла, примененная при сооружении первого в СССР магистрального газопровода Дашава — Киев и моста через Днепр.

Зазеленело и выжженное почти дотла репрессиями 30-х гг. поле литературного и художественного творчества. Во второй половине 40-х годов увидели свет произведения О. Гончара, М. Стельмаха, Ю. Яновского, В. Некрасова, О. Вишни, П. Тычины и В. Сосюры.

Развивались украинские театральная, живописная школы, кинематография. В 40-е годы в УССР работали две киностудии — в Киеве и Одессе.

В 1946–1947 гг. в УССР, как и во всей стране, была развернута кампания, призванная вернуть интеллектуальную жизнь в «прокрустово ложе» сталинской версии социализма. Критике подверглись произведения литераторов О. Вишни, М. Рыльского, В. Сосюры, Ю. Яновского, А. Довженко, И. Сенченко; историков М. Петровского, С. Белоусова, К. Гуслистого, М. Супруненко. «Идеологически вредные моменты» были обнаружены даже в опере К. Данькевича «Богдан Хмельницкий». В августе 1946 г. пленум ЦК КП(Б)У обнаружил признаки буржуазного национализма в «Очерках истории украинской литературы». В ходе кампании по борьбе с генетикой, начатой в 1948 г., лишились возможности продолжать свои исследования ряд ученых генетиков и селекционеров: И. Поляков, С. Делоне, Н. Гришко и др. С 1946 по 1951 гг. ЦК КП(б)У принял 12 постановлений по вопросам идеологии.

ВКП(б), потерявшая за годы войны 7 млн своих членов и сама была обеспокоена притоком приспособленцев и карьеристов, пыталась очиститься от них. В УССР тоже была проведена «чистка» партийных рядов. «В течение 1945–1947 гг. из ВКП(б) было исключено несколько сотен тысяч ее членов: 37,8 % — за взяточничество и присвоение государственной собственности, злоупотребление служебным положением, бытовую распущенность и пьянство; 29,2 % — за пребывание на оккупированной территории; 9,3 % — за нарушения партийной и трудовой дисциплины; 2,7 % — за антисоветские настроения, измену Родине, сокрытие фактов биографии».

Какие-то результаты это, конечно, дало, но, как показали последующие события, проблемы были не столько «внизу», сколько «вверху». С приближением неизбежного ухода И. Сталина в высших эшелонах партийного и советского руководства началась скрытая борьба за власть, которая вот-вот должна была выпасть из его ослабевших рук.

Однако в первые послевоенные годы это еще не ощущалось, да и не до того было. Авторитет И. Сталина в стране был высок, как высоки были ожидания улучшения условий жизни и готовность перетерпеть любые житейские неудобства и одолеть разруху. Это и неоспоримые мобилизационные возможности централизованного управления хозяйственной жизнью, которые уже не раз выручали

социальных экспериментаторов в СССР позволили даже в условиях отказа от внешней помощи (предполагавшей большую открытость страны миру, на что советское руководство по идеологическим и политическим мотивам не соглашалось) в короткие сроки восстановить в республике промышленной производство и инфраструктуру, хотя и на не слишком высоком технологическом уровне. В том числе и по причине массового ввоза морально устаревшего производственного оборудования из побежденной Германии. Восстановление сельскохозяйственного производства потребовало значительно больше времени.

Уже в 1945 г. была восстановлена треть довоенного промышленного производства в УССР. Перевод экономики республики на работу в мирное время был в основном завершен в 1946 г. Довоенного уровня производства удалось достичь лишь в пятой пятилетке (1951–1955 гг.). В годы войны действовали годичные военно-хозяйственные планы. В августе 1945 г. Госплану СССР было поручено составить четвертый по порядку пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг.

В августе 1946 г. сессией Верховного Совета УССР был принят «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства Украинской ССР на 1946–1950 гг.». В нем ставилась задача довести объем промышленного производства УССР в конце пятилетки до 103 % по сравнению с 1940 г. Прежде всего нужно было восстановить работу «всесоюзной кочегарки» — Донбасса. К 1950 г. было запланировано довести общую добычу угля по республике до 86,1 млн т. Для этого нужно было закончить восстановление угольных шахт украинской части Донбасса в 1949 г., полностью завершив работы на 182 основных шахтах и дополнительно построив 60 новых, мощностью 17,5 млн тонн в Сталинской (ныне Донецкой) и Ворошиловградской (ныне Луганской) областях.

Из затопленных шах Донбасса было откачано 650 млн куб. м. воды — озеро площадью 70 кв. км. десятиметровой глубины. За годы четвертой пятилетки было восстановлено и построено 380 новых копров, введено в эксплуатацию 700 подъемных машин, 300 компрессорных установок, 1600 км. подземных путей, возведено 5,5 млн м кв. производственных зданий и сооружений, подготовлено 139 новых участков для разработки. К осени 1946 г. было завершено восстановление всех действовавших до войны шахт в Никопольско-Марганецевом бассейне.

План также предусматривал восстановление металлургических предприятий, ввод в эксплуатацию 30 доменных печей мощностью 9 млн т чугуна в год, сталеплавильные агрегаты мощностью 8,4 млн т стали, 58 прокатных станов мощностью 6,5 млн т проката, производить 9,7 млн т чугуна, 8,8 млн т стали. За пятилетку намечалось на 2,574 тысячи кВт повысить мощность электростанций, на 1 млн кВт превзойдя довоенную. Объем капиталовложений в четвертой пятилетке составлял по республике 65,1 млрд руб.

Символом восстановления, как в 30-е гг. — социалистической индустриализации, стала Днепровская гидроэлектростанция — Днепрогес. При отступлении германской армии здесь были взорваны машинный зал, шлюзы, быки плотины. Предстояло не только быстро восстановить станцию, но и увеличить ее мощность. Работой руководил Ф. Г. Логинов. В начале 1947 г. вступила в строй первая турбина. В июне 1947 г. началось сквозное судоходство по Днепру. А в июне 1950 г. электростанция была полностью восстановлена.

В первые три года пятилетки были введены в эксплуатацию самые мощные тепловые электростанции Донбасса: Зуевская, Штеровская и Кураховская, восстановлен металлургический гигант «Запорожсталь». Производство электроэнергии в 1950 г. составляло 14,7 млрд кВт-часов по сравнению с 12, 7 млрд кВт-часов в 1940 г.

Четвертый пятилетний план в УССР предполагал ускоренное восстановление и развитие машиностроения: заводы угольного, металлургического и энергетического оборудования, электромашиностроения, сельскохозяйственного машиностроения. Если в 1945 г. его продукция составляла 29 % довоенной, то в конце четвертой пятилетки — уже 144 %.

Были быстро восстановлены Новокраматорский машиностроительный, Ворошиловградский паровозостроительный, Харьковские турбогенераторный и тракторный, киевский завод «Большевик». Одновременно создавались и новые производства. Так, например, до войны в УССР не было автомобильной промышленности. После нее были построены завод грузовых автомобилей в г. Днепропетровске мощностью 60 тыс. автомобилей в год, а также два автосборочных завода — в Одессе и Львове. Первенцем автомобильной промышленности стал Одесский автосборочный завод, введенный в 1945 г. В 1946 г. началось строительство Львовского автосборочного завода, который в 1951 г. был преобразован в автобусный.

В 1950 г. грузооборот железных дорог УССР на 17 % превысил довоенный уровень. В 1946 г. была восстановлено гражданское воздушное сообщение. С марта 1948 г. в гражданской авиации начал широко использоваться, созданный украинскими авиастроителями АН-2 — легендарный «кукурузник».

Всего же в четвертой пятилетке выпуск промышленной продукции в УССР увеличился в 4,4 раза. И хотя в целом, в связи с возникшими в годы войны новыми промышленными районами на Урале, в Сибири и Средней Азии, удельный вес УССР во всесоюзном промышленном производстве сократился, в 1950 г. республика давала 47,8 % общесоюзной добычи угля, 54,2 % кокса, 47,8 % чугуна, 30,6 % стали, 38,4 металлургического оборудования. Впервые в республике было собрано 18 тыс. грузовых автомобилей. Украина оставалась энергетической и промышленной базой СССР, основным производителем сельскохозяйственной продукции. В то же время именно тогда в УССР утвердился отрицательный внешнеторговый и внешнеэкономический баланс. Около 80 % промышленной продукции, производившейся в республике, требовала доработки и дорабатывалась в других республиках.

Однако в масштабе всего Союза сдвиги в территориальном размещении промышленности продолжались. В экономике страны заметно возрос удельный вес восточных районов РСФСР. Быстрыми темпами здесь развивались топливно-сырьевая, металлургическая и энергетическая базы. Если в предвоенные годы УССР давала примерно 18 % валовой продукции промышленности страны, то в 1945 г. — только 7 %. Снизился удельный вес некоторых отдельных видов промышленной продукции Украинской ССР по сравнению с довоенными годами, в частности по производству чугуна — с 64,7 % в 1940 г. до 47,8 % в 1950 г., стали — соответственно с 48,8 до 30,6, добычи угля — с 50,5 до 29,9, электроэнергии — с 25,7 до 16,1 %..

На территории УССР активно велись геологоразведочные работы и работы по освоению месторождений природного газа. Открытие в Дрогобычской области в 1946–1949 гг. мощных Угерского, Бильче-Волыцкого и Рудковского газовых месторождений дали возможность увеличить добычу природного газа в Прикарпатье в семь раз по сравнению с 1938 г. и довести ее до 1,4 млрд м куб. В 1948 г. завершилось строительство крупнейшего на то время в СССР и Европе магистрального газопровода Дашава — Киев, а 1951 г. украинский газ получила Москва.

Украина к 1950 г. не только восстановила довоенный уровень промышленного производства (1940 г.), но и превзошла его на 15%. Однако выпуск некоторых основных видов продукции отставал. Меньше, чем до войны, добывалось угля, производилось чугуна, металлорежущих станков, товаров легкой промышленности. Отголоски войны — разрушений и перемещения промышленных предприятий из УССР в другие республики — по-прежнему давали о себе знать. Появились также признаки исчерпанности потенциала республики, как главной энергетической базы России и Советского Союза.

Украина сохраняла свое значение как своеобразный демографический генератор, обеспечивавший планы восстановления и развития хозяйства главным — людскими ресурсами. Но именно в этот послевоенный период явственней чем когда бы то ни было, проявилась ущербность экономического и политического мышления партийных и советских руководителей сверху до низу. Людей, как и в войну, не щадили. В восстановлении страны основной упор делался не на восстановлении человеческого потенциала — условий жизни и труда людей, что было бы справедливо по отношению к ним и целесообразно с экономической точки зрения, а на восстановлении и наращивании производственных мощностей.

Так, с 1940 по 1953 г. производство средств производства увеличилось более, чем на 300 %, а производство предметов потребления только на 72 %.

В силу понятных причин, как уже отмечалось выше, много внимания уделялось западным областям Украины — Волынской, Дрогобыцкой (в 1959 г. объединена со Львовской), Закарпатской, Львовской, Ровенской, Станиславской (с 1962 г. Ивано-Франковская) и Тернопольской. Восстановление хозяйства происходило здесь одновременно с перенастройкой всей хозяйственной и общественной жизни на советский социалистический лад.

Только в 1945 г. у «кулаков» во Львовской области было изъято 6300 га земли, изымались церковные и монастырские земли. Ломался весь социальный и хозяйственный уклад жизни села в Западной Украине. Уже в 1947 г. общее количество колхозов в регионе составляло 725. К середине 1948 г. в Черновицкой, Волынской, Дрогобыцкой областях в колхозы были объединены 87–90 % крестьянских индивидуальных хозяйств. При таких темпах коллективизации сельского хозяйства, она, как и в большой Украине до войны,

обречена была происходить «в условиях невероятно жестокой классовой борьбы». Тем не менее, к началу 50-х гг. коллективизация в западных областях Украины была фактически завершена, К середине 1950 г.в колхозы было объединено 93 %, а к середине 1951 г. — более 98 % крестьянских хозяйств. Из 1,5 млн их было создано 4594 коллективных «социалистических» хозяйств с вовлечением в них 5 млн крестьян. В резолюции XVII съезда КП(б)У, состоявшегося в сентябре 1952 г. отмечалось, что «крупной победой партийной организации республики является завершение сплошной коллективизации в западных областях».

Быстрее, чем в УССР в целом, развивалось в западных областях промышленное производство, которого ранее здесь, по существу, не было. Промышленных предприятий во Львовской области было столько, что все они были восстановлены уже в 1945 г. Продукция машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности в западных украинских областях к конце первой послевоенной пятилетки превысила довоенный уровень в десять раз. В Дрогобыцкой области в 1946–1949 гг., как уже отмечалось, были открыты мощные Угерское, Бильче-Волыцкое и Рудковское газовые месторождения. Добыча природного газа в Прикарпатье быстро росла и в 1950 г. достигла 1,4 млрд куб. м, в семь раз превысив уровень 1938 г.

По Конституции — союзной и своей республиканской — Украина являлась суверенным советским социалистическим государством. В 1949 г. был принят новый Государственный флаг УССР — красно-синего цвета, а 31 января 1950 г. утвержден Государственный гимн Украинской ССР.

Партийная и государственная элита (т. н. «номенклатура») Украинской ССР являлась второй по численности, а в отдельные периоды истории первой по влиянию в КПСС и Советском Союзе.

Принимавшиеся в Москве важнейшие решения, дублировались затем партийными и советскими органами в УССР без каких-либо изменений. Над этим бесспорным историческим фактом любят подтрунивать историки-националисты. Если бы они лучше знали специфику принятия политических решений в СССР, они бы понимали, что так происходило еще и потому, что решения эти принимались в результате очень сложного баланса внутрипартийных отношений, внутрипартийной борьбы, далеко не всегда при решающей роли, но всегда при участии украинских представителей в ЦК КПСС, его Президиуме или Политбюро.

Даже жестких рамках коммунистического режима СССР оставалось большое пространство для местной самодеятельности в самых разных областях жизни республики и, что куда важнее, в способах достижения поставленных целей.

С июня 1938 по март 1947 г. ЦК КП(б)У возглавлял Никита Хрущев. Одновременно он занимал должность Председателя Совета Министров УССР. Зимой 1946–1947 гг., когда в Украине свирепствовал голод, он позволил себе заговорить об увеличении продовольственной помощи УССР и был заменен Лазарем Кагановичем, который возглавлял компартию и правительство УССР не долго — с марта по декабрь 1947 г. После него Н. Хрущев был возвращен в Украину с сохранением всех ранее занимавшихся им постов, но уже через два года был отозван в Москву и, в свою очередь, заменен Леонидом Мельниковым, продержавшимся до смерти И. Сталина в 1953 г.

Послевоенные годы были временем, когда культ вождя в СССР достиг своего апогея. Почти в каждом населенном пункте УССР были сооружены памятники, появились улицы, площади, скверы Сталина, его именем назывались предприятия и учреждения.

В силу тех же особенностей общественно политической системы и объективных экономических обстоятельств, как и для всей страны, смерть И. Сталина обозначила собой некий рубеж в истории Украины. Начиналась борьба пока еще не очень ясно проявившихся, но уже вполне ощутимых тенденций дальнейшего развития «реального социализма». Стали постепенно обозначаться новые альтернативы исторического развития.

Украинская ССР в 1953–1964 гг.

5 марта 1953 г. умер И. Сталин. Время от смерти И. Сталина до середины 60-х годов И. Эренбург назвал «оттепелью». Метафора прижилась. Она была настолько удачной, так тонко и точно передавала всю совокупность сложнейших социальных процессов, протекавших в те годы в СССР и УССР, что превратилась во вполне научное определение.

Для УССР «оттепель» началась раньше появления этого термина, до того, как Н. Хрущеву удалось победить своих соперников и взять в свои руки рычаги власти. Собственно сама эта борьба между ним

и Л. Берия привела к тому, что в 1953 г. в УССР по инициативе последнего поднялась волна новой «украинизации».

Начался массовый прием украинцев в партию, им стали доверять ответственные партийные и государственные должности, расширялась сфера применения украинского языка. На украинском заговорили в государственных учреждениях, школах и вузах. Увеличилось число украинских газет и журналов. В июне 1953 г. Пленум ЦК КПУ освободил от должности первого секретаря Л. Мельникова, вменив ему в вину, между прочим, русификацию высшей школы и дискриминацию местных кадров в западных областях УССР. Вместо него первым секретарем ЦК КПУ был впервые избран украинец — А. Кириченко. Впоследствии это стало негласным, но строго соблюдаемым правилом: на высший государственный пост в УССР назначать украинца. Впрочем, как и во всех других союзных республиках первым должностным лицом назначался представитель коренной национальности.

Жизнь в СССР и в УССР в послевоенное время для стороннего наблюдателя представлялась однотипной. «Иностранный путешественник, который странствует по республикам Советского Союза, — писал И. Лысяк-Рудницкий, — везде обнаружит одну и ту же общественно-политическую систему, один и тот же тип учреждений, одинаковое расписание занятий в школах, те же самые пропагандистские лозунги и схожие условия жизни».

Это суждение одного из самых проницательных украинских историков в эмиграции интересно тем, что, с одной стороны, оно отражает главный, на наш взгляд, приобретенный порок советского социализма — почти маниакальное стремление руководителей «проекта» упростить себе задачу управления за счет упрощения его объекта.

Уход Сталина давал советскому руководству шанс, списать на него наиболее одиозные эксцессы, жестокость и кровопролитие, незаметно отказаться от жесткой централизации и унификации. Начались поиски подходящей общественно-политической модели и более эффективных методов хозяйствования.

Смерть И. Сталина вызвала надежды на освобождение и брожение в лагерях Воркуты, Норильска, Караганды, где содержалось большое число украинцев, преимущественно имевших отношение — действительное или приписываемое — к деятельности ОУН-УПА. Вспыхнувшие в некоторых местах восстания заключенных были жестоко подавлены, но было ясно, что долго удерживать в местах

заключение такое количество людей невозможно. Осенью 1953 были ликвидированы военные трибуналы войск МВД и Особое Совещание МВД.

В конце марта 1953 г. была объявлена амнистия лицам, осужденным на срок до пяти лет. В 1954 г. была образована Комиссия Президиума ЦК КПСС по расследованию дел времени «большого террора», а в 1955 г. утверждено положение о прокурорском надзоре. В 1954 году Комитет государственной безопасности был выделен из подчинения МВД, а его штаты значительно сокращенны. К марту 1957 г. домой возвратились более 20 тысяч участников националистического движения в УССР, более 9 тысяч членов их семей и около 22 тысяч т. н. «бандитских пособников». Всего же в 1953–1961 гг. в Украине было реабилитировано более 290 тысяч человек.

Процесс общественной эмансипации СССР, Украины остановить было уже невозможно. Не общество шло за партийными лидерами, в данном случае за Н. Хрущевым, а они с крайней неохотой шли за обществом. Важной вехой на этом пути стал XX съезд КПСС в 1956 г. Знаменитый доклад Н. Хрущева на нем адресовался не обществу, а партийному и государственному аппарату. В нем содержались и обещание относительной личной безопасности, и предупреждение о происходивших в советском обществе процессах, которые уже нельзя было просто игнорировать.

В условиях этой общественной эмансипации стали происходить существенные изменения в общественном сознании и общественной психологии в СССР и в УССР. Украинское общество быстро менялось. Продолжалась, как уже отмечалось, реабилитация осужденных. Возвращение сотен тысяч репрессированных в родные края было вторым после того как в украинское общество влилось более 8 млн человек, живших в другом государстве. Это обстоятельство заметно повлияло на качественные его характеристики. Еще одним значимым изменением стало то, что 1956 г. колхозники стали получать паспорта и могли теперь относительно свободно перемещаться внутри республики и страны в целом.

Вполне естественным на этом фоне выглядят некоторые новые тенденции и явления во всех социальных слоях. «Внизу» расцвело своеобразное народное творчество — политический анекдот. С другой стороны, в наиболее образованных и политически активных социальных слоях появляется умеренно оппозиционное течение,

новый социальный идеализм, представленный т. н. «шестидесятниками».

Пик «шестидесятничества» пришелся на первую половину 60-х годов. Отчасти это было вызвано общим изменением в украинском обществе. Это течение общественной мысли в Советском Союзе и в Украинской ССР составили представители творческой интеллигенции, верившие в не догматический, рациональный, демократический и гуманный социализм.

В Украинской ССР «шестидесятничество» имело свои особенности — социальное и национальное в нем неразрывно переплелось в сложный комплекс представлений о новом национальном возрождении в республике. Как и в Москве, его предвестниками и подвижниками выступили прежде всего литераторы. В поэзии это были В. Симоненко, Л. Костенко, В. Стус, Н. Винграновський, Д. Павличко, И. Драч, В. Коротич и др. В прозе — Е. Гуцало, Г. Тютюнник, В. Шевчук, В. Дрозд. В литературной критике — И. Дзюба, И. Свитличный, Е. Сверстюк. В живописи и графике — П. Заливаха, А. Горська, В. Зарецький, И. Якутович, Г. Севрюк. В кинематографии — С. Парджанов, Ю. Илленко, Г. Осыка.

Подражая в какой-то мере московским вечерам поэзии в Политехническом музее в Москве, в Киеве в основанном в 1959 г. студентами театрального института и представителям творческой интеллигенции в клубе «Спутник» читали свои произведения упомянутые уже Н. Винграновский, И. Свитличный, Е. Сверстюк, И. Драч, А. Горская и др. Во Львове подобный клуб возглавил Н. Косив, в Харькове — К. Чичибабин.

Украинским «шестидесятникам», в отличие от московских, пришлось почти заново создавать украинский интеллектуальный модерн, чему власть на первых порах не только не мешала, а даже способствовала. По крайней мере в годы, когда Компартию Украины возглавлял П. Шелест.

В первой половине 60-х произошли социальные выступления в Донбассе, Кривом Роге и др. Они подавлялись властями, не настроенными на диалог.

Между тем, жизнь в республике постепенно входила в мирную колею, становилась активнее и разнообразнее. На это нужно было реагировать, и со стороны власти предпринимались шаги, поощрявшие, с одной стороны, объективное стремление людей к улучшению условий их жизни и труда, образованию и культуре, а с другой,

позволявшие, как считалось, взять под контроль процессы в оживающем после сталинского террора и войны украинском обществе.

Весной 1956 г. было принято несколько постановлений, направленных на улучшение условий жизни людей. В марте 1956 г. на два часа была сокращена продолжительность рабочего дня в дни, предшествующие выходным, и в предпраздничные дни. Была увеличена продолжительность декретных отпусков. В апреле — отменена уголовная ответственность за уход с работы и прогулы. В мае — установлен 6 часовой рабочий день для подростков. В июле 1956 г. был принят закон о государственных пенсиях, которым повышались минимальные и сокращались максимальные размеры и была установлена т. н. «вилка» — 300 и 1200 рублей. В сентябре 1956 г. на треть была повышена оплата труда низкооплачиваемым категориям работников и ее не облагаемый налогом минимум (с 260 до 370 руб.)

В июле 1957 г. ЦК КПСС и Совета Министров СССР приняли постановление «О развитии жилищного строительства в СССР». Ставилась задача обеспечить всех нуждающихся жильем. В этом, конечно, была большая доза социальной демагогии, но в целом обращение властей к действительно очень болезненной проблеме, курс на новые технологии проектирования и строительства дали ощутимые результаты. Площади вводимого жилья быстро росли, и миллионы людей смогли переехать из бараков и перенаселенных коммунальных квартир в небольшие, но вполне благоустроенные индивидуальные. Начало расти предложение потребительских товаров, в том числе длительного пользования: телевизоров, радиоприемников, стиральных машин и т. п.

Было создано Министерство высшего образования УССР. В 1957 году основан Союз журналистов Украины, а в 1958 г. Союз кинематографистов. В 1962 г. была учреждена Шевченковская премия за достижения в области литературы, журналистики, искусства и архитектуры. Были реабилитированы многие деятели украинской культуры: А. Олесь (Кандыба), М. Вороный, М. Ирчан, Г. Косынка, А. Ковинька, В. Мысык и др. Был переиздан «Словарь украинского языка» Б. Гринченко. Осенью 1955 г. предпринята попытка увеличения доли преподавания в высших учебных заведениях республики на украинском языке.

В 1956 г. была отменена плата за обучение в старших классах средних общеобразовательных школ, в техникумах и вузах. В 1958 г. в 140 вузах Украинской ССР обучалось уже более 380 тысяч

студентов. Рос авторитет Академии наук Украинской ССР, которой с 1954 по 1962 г. руководил А. Палладин, а с 1962 г. по настоящее время бессменно — Б. Патон. В 1964 г. в Харьковском физико-техническом институте был создан первый ускоритель электронов. В 1957 г. образован вычислительный центр АН УССР. В 1960 г. в Институте физики введен ядерный реактор. В 1962 создан Институт кибернетики. В 1961 г. синтезированы искусственные алмазы. Происходит некоторое оживление в исторической науке. С 1957 г. начал выходить «Украинский исторический журнал», началась подготовка многотомной Украинской советской энциклопедии. Активно развивались музыкальное, театральное, изобразительное искусство, кинематография.

В 1959 г. был принят закон, предоставивший родителям право выбирать язык обучения детей в школе. В республике раздавались голоса, предупреждавшие об опасности этого шага в весьма специфических реальных условиях Украины. Спор об этом разгорелся, в частности, в 1963 г. на конференции по культуре украинского языка. На справедливые, как впоследствие оказалось, опасения деятелей украинской культуры не обратили внимания, и процесс постепенного вытеснения украинского языка в сельскую местность, а точнее — консервации его в ней, приобрел устойчивый характер. Уже к 70-м гг., за исключением, может быть, западных областей УССР, использование в быту украинского языка становится признаком либо социальной второсортности, либо демонстративного инакомыслия.

В высших и средних специальных учебных заведениях УССР преподавание велось, в основном, на русском языке. В 1965 г. министром высшего и среднего образования УССР было разослано инструктивное письмо, требовавшее постепенного перехода на украинский язык преподавания. Эти рекомендации не могли быть и не были выполнены, поскольку такие изменения требовали огромных финансовых и организационных затрат, продолжительного времени.

Продолжился начавшийся в годы войны процесс смягчения отношений церкви и советской власти. В 1948–1957 гг., например, выросло число лиц рукоположенных в священнослужители — 3657 человек. Значительно возросли доходы церкви и монастырей. Так в Глинском мужском монастыре в Сумской области они увеличились с 85 тысяч рублей в 1953 г. до 385 тысяч в 1956 году. Киево-Печерская лавра в том же 1956 году собрала 2,5 млн рублей пожертвований.

В середине 50-х гг. началось возвращение осужденных и сосланных греко-католических священников — 286 из 344 репрессированных. Многие из них возобновили проведение богослужений, в том числе в закрытых ранее греко-католических церквях. Имели место захваты верующими действовавших православных храмов и обращения с требованиями отменить запрет на деятельность УГКЦ.

По мнению властей, руководил этим процессом из Красноярского края находившийся там в доме инвалидов митрополит УГКЦ И. Слипый. Оживление в УГКЦ вызвало беспокойство в Киеве и в Москве. Часть священников, отбывших установленные им судом сроки и возвратившись в Украину, были вновь арестованы и сосланы.

В конце 50-х гг. политика в отношении церкви вообще и УГКЦ в частности снова ужесточилась. Начавшись в Центральной Украине, кампания по закрытию церквей распространилась и на западные области республики, которые традиционно отличала более высокая степень религиозности населения.

Общественная эмансипация первой половине 60-х гг. в УССР оказало заметное влияние на национальную творческую интеллигенцию. Первыми откликнулись писатели. Были опубликованы повесть А. Довженко «За ширмой», поэмы В. Сосюры «Расстрелянное бессмертие», «Мазепа» и повесть «Третья рота», роман Л. Первомайского «Дикий мед», произведения О. Гончара («Человек и оружие»), М. Стельмаха («Кровь людская — не водица», «Хлеб и соль», «Правда и кривда»). В украинской литературе появились новые громкие имена, ее молодая, но многообещавшая поросль: В. Симоненко, Н, Руденко, Л. Костенко, Д. Павлычко, М. Винграновский, Р. Лубкивский, Ю. Мушкетык, И. Чендей, И. Драч, В. Коротич, Э. Сврстюк, И. Светличный, В. Чорновил и др.

Возросло количество периодических изданий на украинском языке. В 1956–1958 гг. число журналов в УССР выросло с 49 до 64, 47 из них издавались на украинском языке.

Национальной экспансии способствовало то, что «украинская карта» в этой борьбе разыгрывалась всеми ее участниками. Усердствовал в этом, как уже отмечалось выше в связи с событиями в западных областях УССР, Л. Берия. Именно по его докладной записке в июне 1953 г. первый секретарь ЦК КП(б)У Л. Мельников был обвинен в нарушении принципов национальной политики и смещен. Но Л. Берия явно переоценил свое влияние в Украине и недооценил влияние проработавшего там многие годы Н. Хрущева. Заигрывание

с украинскими кадрами, имевшее, впрочем, некоторое позитивное значение для УССР, ему не помогло. Он был обвинен в подготовке государственного переворота и 26 июня 1953 г. на совместном заседании Президиума ЦК КПСС и Президиума Совета Министров СССР арестован и вскоре расстрелян. В Киеве были арестованы и выдвинутые им министр внутренних дел УССР П. Мешик и его первый заместитель С. Мильштейн, заменены руководители областных управлений МВД.

Летом того же 1953 г. вместо Л. Мельникова первым секретарем ЦК Компартии Украины был избран украинец А. Кириченко. С этого времени, как уже отмечалось выше, во главе Компартии Украины и фактически во главе Украины становились исключительно местные партийные руководители: Н. Подгорный (1957–1963), П. Шелест (1963–1972), В. Щербицкий(1972–1989).

В сентябре 1953 г. пленум ЦК КПСС избрал своим первым секретарем наиболее близкого к украинским проблемам Н. Хрущева.

Хотя Н. Хрущев, руководя УССР, был послушным и безжалостным исполнителем партийных решений и указаний И. Сталина, он умело использовал местный колорит — часто появлялся в украинских вышитых рубашках, любил украинские народные песни, что придавало его публичному образу некоторый демократизм и народность с характерным украинским оттенком. Удельный экономический вес республики и влияние ее представителей в высших органах власти после И. Сталина до 1985 г. давал политикам, сумевшим использовать их, преимущество в борьбе за власть и влияние. Компартия Украины в эти годы значительно выросла числено. Если в 1952 г. она насчитывала 770 тыс. членов и кандидатов в члены, то в 1959 г. уже около 1,3 млн человек, 60 % из которых были украинцами.

Постепенно в 50-е и в начале 60-х гг. среди высших партийных и государственных руководителей Советского Союза при поддержке Н. Хрущева появились выходцы из Украины — А. Кириченко, Л. Брежнев, Н. Подгорный, Д. Полянский и П. Шелест. Маршалами Советского Союза стали Р. Малиновский, А. Гречко и К. Москаленко. Первые двое к тому же были министрами обороны СССР. Комитет государственной безопасности СССР возглавлял В. Семчастный.

Уже в самом начале «оттепели» (1953–1956 гг.) в УССР прекратились кампании против буржуазного национализма, замедлился процесс русификации образования, культуры и СМИ, на руководящие посты стали выдвигаться местные украинские кадры. Началась

децентрализация ряда отраслей народного хозяйства, перевод предприятий, в первую очередь производящих товары народного потребления и обслуживающих население, из союзного подчинения в республиканское.

В решающие моменты своей политической биографии Н. Хрущев получал поддержку выходцев из Украины и опирался на них. Так, в июне 1957 г. на пленуме ЦК КПСС не без их помощи ему удалось отбить атаку обеспокоенных происходящим членов высшего партийно-государственного руководства: В. Молотова, Г. Маленкова, Л. Кагановича, К. Ворошилова, Н. Булганина. Первые трое и «примкнувший к ним» А. Шепилов были исключены из состава Президиума ЦК КПСС, а среди новых его членов появились еще два «украинца» — Л. Брежнев и Л. Кириченко. Последнего на посту первого секретаря ЦК Компартии Украины сменил Н. Подгорный, тоже поддержавший Н. Хрущева.

В марте 1958 г. после освобождения от должности Председателя Совета Министров СССР Н. Булганина, занявший ее с сохранением руководства партией Н. Хрущев завершил концентрацию власти в своих руках. Однако, отдавая себе отчет в изменениях, которые произошли в стране и потребностях ее экономического и социального развития, особенно на фоне быстро и успешно восстанавливающейся после военной разрухи Западной Европы, оформившегося глобального противостояния систем, Н. Хрущев продолжил, хотя и не всегда последовательно и продуманно, «эмансипацию» хозяйственной и общественно-политической жизни.

В сентябре 1962 г. Н. Хрущев подготовил записку в Президиум ЦК КПСС, в которой была изложена программа его решительной и глубокой реорганизации, не затрагивающей, впрочем, ни отношений собственности, ни монополии партии на политическую власть и государственное управление во всех сферах. Состоявшийся в конце 1962 г. пленум ЦК КПСС и пленум ЦК Компартии Украины приняли постановления о перестройке партийных органов по производственному принципу. Главной ее целью объявлялось приближении партийных органов к народному хозяйству. В каждой области создавались две самостоятельные партийные организации, во главе которых стояли соответствующие обкомы партии, одному из которых вменялось руководить промышленностью, а другому — сельским хозяйством.

Вместо райкомов партии были созданы 250 производственных колхозно-совхозных управлений и 78 промышленно-производственных

парткомов, призванных руководить работой промышленных предприятий, размещенных в сельской местности. В городах создавались 92 горкома и 71 городские районные комитета партии. В ЦК Компартии Украины образовывались два бюро — для руководства, соответственно, промышленностью и сельским хозяйством, а для координации их деятельности — Президиум ЦК Компартии Украины. По тому же принципу были разделены советы депутатов трудящихся, профсоюзы, комсомольские организации.

Менялся и внешний контекст советской украинской государственности. Именно в хрущевские годы формируется система отношений, в которой Украинская ССР приобретает статус «второй среди равных».

Помимо видимых персональных изменений на советском политическом олимпе, где украинцев стало заметно больше, примерно с этого времени публичная критика руководства республики из Москвы сходит на нет. С постепенным отходом от жестко и жестоко навязывавшихся обществу идеологических и управленческих схем, с началом вынужденной относительной либерализации все отчетливее проявлялось значение Украинской Республики, являвшейся наряду с РСФСР экономическим и этническим скрепом очень разнородного государственного образования Советский Союз.

Одним из проявлений этого стало помпезное, даже по тогдашним советским меркам, празднование трехсотлетия Переяславской Рады. Даже О. Субтельный называет проведенные по всей стране мероприятия «празднованием российско-украинского партнерства». Это — очень точное определение, сильно расходящееся с доминирующими в постсоветской украинской историографии взглядами на характер российско-украинских отношений в СССР. ЦК КПСС счел необходимым обнародовать тезисы, в которых провозглашалась нерушимость российско-украинского союза.

К юбилею Украине был сделан «подарок». 19 февраля 1954 г. Президиум ВС СССР издал Указ «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР». Подарок, правда, как выяснилось позднее, был не без изъяна и, может быть, даже не без умысла. «Бойтесь данайцев, дары приносящих». Крым ни исторически, ни этнически, ни культурно не был украинским. В 1944 г. из Крыма было выселено 191 тысяч крымских татар, 15 тысяч греков, 12,5 тысяч болгар, 10 тысяч армян, 1,1 тысячи немцев, огульно обвиненных в сотрудничестве с гитлеровцами в период оккупации. Ясно было, что

крымские татары, пока они существовали как этническая и культурная общность, никогда не примирятся с потерей своей исторической родины.

Чреватым неприятностями было и то, что Крым также лишился статуса автономной республики, став областью Украинской ССР. При этом в расчет брались территориальная близость, экономические и культурные связи, а также простое удобство управления — в это время велось строительство канала для переброски в Крым пресной воды.

Расширены были права и полномочия советов, а также права союзных республик, в том числе и Украинской ССР. В республиканскую компетенцию были передано территориально-административное устройство, принятие гражданского, уголовного и процессуального кодексов, судоустройство и судопроизводство. Верховный Совет УССР принял законы о бюджетных правах УССР и местных советов, о судебном устройстве, уголовный, уголовно-процессуальный, гражданский и гражданско-процессуальный кодексы.

Удельный вес промышленности, подведомственной УССР, вырос с 36 % в 1953 г. до 76 % в 1956 г. А в 1957 г. в республиканское подчинение в связи с введением совнархозов перешло 97 % предприятий. Были также расширены права республики во внешнеэкономической деятельности, пространство деятельности профессиональных союзов, общественных организаций — комсомола, творческих союзов и т. п.

Однако либерализация не касалась главного — единовластия и всевластия коммунистической партии. Говоря популярными ныне терминами, «властная вертикаль» стояла непоколебимо и являлась той осью, вокруг которой вращалась вся хозяйственная, общественно-политическая и культурная жизнь.

В годы четвертой, пятой и шестой пятилеток народное хозяйство УССР, как и всего СССР, развивалось неравномерно, но в целом весьма динамично. Этому способствовало ряд объективных факторов: огромный неудовлетворенный спрос людей на самое необходимое — продукты, товары, жилье; готовность людей работать, даже при том, что собственник-государство им за труд постоянно и бессовестно недоплачивал; гонка вооружений, перемещающаяся все более в область высоких технологий.

Необычным было уже то, что реформы были начаты с сельского хозяйства. После Сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, полностью

посвященного ему, в 1953–1958 гг. были значительно повышены закупочные цены на зерно — почти в семь раз, на картофель — восемь раз, на мясо и молоко — в пять с половиной раза. Колхозам простили задолженность по обязательным поставкам государству, они были уменьшены и были снижены налоги. Некоторые из них, наиболее одиозные, и вовсе были упразднены. Как, например, налог на фруктовые деревья и ягодные кусты колхозников. Колхозники впервые стали получать часть своего мизерного заработка в денежной форме и даже авансом.

В УССР с 1953 по 1964 гг. состоялось 14 пленумов ЦК Компартии Украины, посвященных сельскому хозяйству. Были расширены права колхозов и совхозов, они частично были освобождены от мелочной опеки и администрирования, могли самостоятельно определять некоторые основные параметры своей производственной деятельности: размер посевных площадей, поголовье скота и т. п. Примерно в 6 раз были увеличены государственные капиталовложения в сельское хозяйство. Были ликвидированы машино-тракторные станции (1958 г.), техника и машины были переданы колхозам, которые были значительно укрупнены. Сельскохозяйственное производство (валовая продукция) в шестой пятилетке выросла по сравнению с предыдущей на 35 %.

Украинские руководители всегда откликались и энергично поддерживали все исходившие из Москвы инициативы. Задним числом их часто сейчас за это осуждают. Но таковы были правила, нарушать которые после «прививки» «большого террора» некто не отваживался. В 1953 г. посевы кукурузы в УССР занимали около 2,2 млн га. В 1955 г. планировалось засеять кукурузой более 5,5 млн га, в том числе 4,3 млн га. на зерно. За два-три года «царица полей» заняла в республике 20 % посевных площадей. Были запланированы нереальные темпы роста производства сельскохозяйственной продукции в УССР на «семилетку» (1959–1966 гг.) — Н. Подгорный на XX съезде КПУ в 1959 г. пообещал, что республика выполнит задания семилетки по сельскому хозяйству за пять лет.

Еще одной, возможно, самой разрушительной по своим последствиям для сельского хозяйства страны и республики, была идея Н. Хрущева ограничить и со временем полностью ликвидировать индивидуальные хозяйства. Н. Хрущев полагал, что крестьянам в их личных хозяйствах крупный рогатый скот и свиньи не нужны, мясо и молоко они могут получить в колхозе. В 1955 г. в два раза

сократили размеры приусадебных участков. В 1956 г. был введен налог на выкармливание скота в городах и поселках. И снова украинские руководители не только шли «в фарватере» идей лидера партии, но и опережали его. В 1959 г. индивидуальный семейный откорм любого скота в городах и поселках специальным Указом Президиума ВС УССР был полностью запрещен.

Большой вред сельскому хозяйству УССР и естественной социальной эволюции в Украине нанесла политика т. н. «неперспективных сел». Республика была усеяна небольшими селами и хуторами. В условиях, когда производство сосредотачивалось в крупных центрах, а на индивидуальную трудовую деятельность сельских жителей налагались все новые ограничения, эти небольшие поселения были обречены на исчезновение. Власти этот процесс стимулировали и ускоряли, считая его прогрессивным. Из 13 тысяч колхозов, бывших в УССР в 1950 г., к 1965 осталось лишь 9,5 тысяч. Совершенно не принималось в расчет и то, что эти бесчисленные малые села в Украине являлись своего рода «подпочвенными водами» всей украинской культуры — от народного традиционного быта и народного художественного творчества до высоких академических ее образцов.

В целом, сельское хозяйство республики отреагировало на все эти нововведения вполне предсказуемо. После некоторого оживления и роста валового производства сельхозпродукции в 1950–1958 гг. на 65 %, последовало резкое падение темпов его прироста, составившего в 1958–1964 гг. всего лишь 3 %.

Экономические реформы 50-х годов изменили и условия промышленного производства. Важнейшим из этих изменений были реорганизация управления промышленностью и частичная переориентация научно-технического потенциала СССР с военных нужд на гражданские. Оба имели большое значение для УССР, где концентрировался большой научный и военно-промышленный потенциал.

Научные учреждения получили задание решить ряд проблем в машиностроении, металлургии, химической промышленности и некоторых других «гражданских» отраслях. Советские ученые, в том числе и украинские, еще раз продемонстрировали свой большой творческий потенциал, способность решать сложные научные задачи. Именно это, наряду с хорошо поставленным общим и специальным образованием, позволил осуществить поразившие весь мир

научно-технические достижения: запуск первого искусственного спутника в 1957 г. и первый пилотируемый космический полет в 1961 г. В апреле 2011 г. первый заместитель министра иностранных дел РФ Андрей Денисов, сказал: «Мы помним, что космические корабли собирались здесь — на Украине». Во многом так оно и было. Производственное объединение Южный машиностроительный завод в Днепропетровске стал и оставался до распада союза флагманом ракетостроения — гражданского и военного.

До середины 50-х гг. планирование и управление народным хозяйством Украины почти полностью осуществлялось из союзного центра — Москвы. Первые симптомы грядущих изменений в управлении промышленностью, транспортом и строительством появились уже в1953 г. Число союзных министерств было уменьшено с 30 до 20, а союзно-республиканских с 21 до 13. Началось переподчинение предприятий — из союзного в республиканское. С 1953 по 1956 гг. около 10 тыс. предприятий и учреждений были переданы в подчинение республике. Вследствие этого доля республиканской промышленности возросла, как уже отмечалось выше, с 36 % до 76 %.

В 1957 г. началась решительная ломка управления народным хозяйством, были созданы территориальные органы управления — советы народного хозяйства (совнархозы). 31 мая 1957 г. ВС УССР принял Закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством в Украинской ССР». Система отраслевого управления хозяйством упразднялась. Территория УССР была разделена на 11 экономических районов, число которых затем увеличивалось. Почти вся промышленность республики была подчинена Совету Министров УССР.

Все расположенные в их границах предприятия составляли единый хозяйственный комплекс, руководить которым должен был совет народного хозяйства — «совнархоз». Произошло сокращение административно-управленческого персонала. В 1960 г. был создан своеобразный координационно-объединительный центр в УССР — Укрсовнархоз.

А в 1962 г. было проведено укрупнение совнархозов: вместо 14 экономических административных районов было создано 7 — Донецкий, Киевский, Львовский, Подольский, Приднепровский, Харьковский и Черноморский, — причем слово «административный» в названии было демонстративно убрано.

Весной 1963 г. республиканские Госплан, Госстрой и Украинский совет народного хозяйства были преобразованы в союзно-республиканские органы. В марте 1962 г. началось создание производственных колхозно-совхозных управлений, больших, чем традиционные сельские районы.

В целом, нужно признать, что годы, когда во главе КПСС и советского государства стоял Н. Хрущев были временем наиболее динамичного развития промышленности Украины. Новые машиностроительные предприятия были введены в строй в Днепропетровске, Кременчуге, Херсоне, Запорожье, Львове, Николаеве. В последнем с выпуска траулеров и сухогрузов началось развитие мощного центра судостроения. На Харьковском авиационном заводе начат был серийный выпуск первого в мире турбореактивного пассажирского самолета ТУ-104, с 1960 г. — ТУ-124. На Киевском авиастроительном заводе был освоен выпуск турбовинтового самолета АН-24.

В 1962 г. была введена в эксплуатацию первая очередь магистрального нефтепровода «Дружба», через который нефть могла поступать в Польшу, Германию, Чехословакию и Венгрию. Были сооружены Кременчугская, Днепродзержинская и Киевская гидроэлектростанции Днепровского каскада.

В эти годы государство обратило серьезное внимание на социальные проблемы. Резко и значительно активизировалось жилищное строительство. Если в 1918–1940 гг. в УССР было введено 78,5 тыс. м кв. жилья, то всего за четыре года — с 1956 до 1960 гг. — 183 тыс. Почти 18 млн человек улучшили свои жилищные условия или получили новое жилье. Условия повседневной жизни людей начали улучшаться. Появилась бытовая техника — телевизоры и магнитофоны, стиральные машины и автомобили. Продолжительность рабочего дня сократилась до 7 часов, а в угольной промышленности — до 6 часов. Был осуществлен переход на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями. Пенсии увеличены были в два раза. В 1961 г. была проведена денежная реформа.

Н. Подгорный был человеком осторожным, медлительным, что отчасти компенсировало неуемность Н. Хрущева. Их отношения поначалу складывались хорошо. Н. Хрущев неизменно дважды в году приезжал в Киев отдохнуть или посетить несколько предприятий или хозяйств. Но, судя по всему, он испытывал некоторое недоверие или ревность по отношению к своим преемникам в Украине. В 1963 году, как уже отмечалось, сделал

выволочку Н. Подгорному за нерасторопность в связи с неурожаем. Н. Подгорный, в свою очередь, не одобрял разделения партии, но помалкивал. Его показная лояльность была вознаграждена. Н. Подгорный был переведен в Москву секретарем ЦК КПСС. Но благосклонностью Н. Хрущева все же он не пользовался. Возможно, поэтому Н. Подгорный сыграл особо активную роль в отстранении Н. Хрущева от власти в 1964 г.

Украинская ССР в 1964–1991 гг.

Время с 60-х годов до начала 90-х в истории Украины относительно непродолжительное — примерно 25 лет, но оно насыщено событиями и яркими личностями, отмечено переплетением и борьбой различных тенденций в экономическом, общественном, культурном развитии республики и управлении ею. В современной украинской историографии это время по внешним признакам чаще всего разделяют на два периода: брежневского «застоя» и горбачевской «перестройки».

Существенным недостатком такого разделения для нас, однако, является то, что в нем «исчезает» собственно Украина. Она как бы растворяется в истории СССР.

Общий исторический контекст, конечно, имеет значение, но он далеко не исчерпывает все содержание этого сложного, важного и очень поучительного периода украинской истории. Сосредоточенность на нем уводит от поиска ответов на вопросы, имеющие большое значение для понимания эволюции политического украинизма в XX веке.

Для Украины это был период расцвета и падения Второй (советской) украинской республики. Он начинается со смерти Сталина в 1953 г., относительной эмансипации общества, оживления общественно-политической и культурной жизни, поиска новых способов ведения хозяйства, мощного экономического рывка в годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) и, наконец, ощутимым повышением уровня жизни людей. В этот период, в условиях т. н. «оттепели», при известных трудностях и отступлениях, начинает зеленеть многообещающими всходами выжженное репрессиями 30-х гг. и войной поле научного творчества, украинской национальной литературы и искусства. Это также было время относительной стабилизации

управления государством после десятилетия непрерывных административных экспериментов.

Этот импульс, однако, довольно быстро угас. Замедляются темпы экономического развития, нарастают диспропорции и дефициты, становятся ощутимыми признаки общей социальной и духовной деградации, интеллектуального идеологического удушья. И, наконец, «перестройка» — последняя отчаянная попытка верхов преодолеть нарастающие негативные тенденции, которая заканчивается разрушением всей существовавшей в СССР общественно-политической модели.

Летом 1963 г. Н. Подгорного по рекомендации Н. Хрущева избирают секретарем ЦК КПСС, и он уезжает в Москву. Первым секретарем ЦК Компартии Украины становится П. Шелест, бывший до этого (с 1957 г.) секретарем Киевского обкома и (с 1962 г.) секретарем ЦК Компартии Украины.

Между тем, осенью 1964 года произошло смещение Н. Хрущева со всех занимавшихся им постов. Формально решение об этом было принято на заседании Президиума ЦК КПСС 12 октября 1964 г., но работа с членами ЦК КПСС, от которых зависело его принятие, проводилась загодя. Участники сговора вспоминают, что договариваться с украинцами было поручено лично Л. Брежневу, которого в УССР считали своим как бывшего первого секретаря Днепропетровского обкома Компартии Украины. Осторожный Л. Брежнев, перепоручил эту небезопасную роль Н. Подгорному и с его помощью заручился поддержкой украинских партийных руководителей. Во всяком случае и Н. Подгорный, и П. Шелест в своих выступлениях на Пленуме ЦК КПСС, снимавшем Н. Хрущева, не пожалели своего бывшего патрона. 14 октября 1964 г. первым секретарем ЦК КПСС был избран Л. Брежнев. Начался период, который применительно ко всему СССР получил условное наименование «застой».

После устранения Н. Хрущева Н. Подгорный формально становится вторым по значению лицом в партии и сам называл себя «вторым секретарем» ЦК КПСС, хотя такой должности не существовало. Но через два года — в декабре 1965 г. он был перемещен на номинальную по тем временам должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

На заседании Президиума ЦК КПСС, состоявшемся 2 сентября 1965 г., по этому поводу произошла спровоцированная самим Л. Брежневым дискуссия, закончившаяся тем, что Н. Подгорного

обвинили в потакании украинским местническим настроениям. На тот раз все обошлось, но стало поводом перемещения Н. Подгорного из ЦК КПСС в Кремль. Деятельная натура бывшего украинского лидера, однако, и здесь дала о себе знать. Он немало преуспел в превращении этой номинальной, как уже отмечалось, и скорее церемониальной должности если не в один из главных, то, во всяком случае, значимый элемент отправления властных государственных полномочий. Он также занялся строительством вертикали законодательных и других представительных органов власти, что косвенно расширило и властные полномочия Украинской ССР.

Л. Брежнев ему в этом не мешал, и вскоре выяснилось почему. В 1976 г., зимой, не без его участия, Н. Подгорному была устроена политическая обструкция на Харьковской областной партийной конференции. На выборах делегатов предстоявшего партийного съезда против кандидатуры формального главы союзного государства было подано 100 голосов. Это было неслыханно! Нечто подобное повторилось и на самом XXV съезде КПСС при выборах руководящих партийных органов. Поэтому, когда было внесено предложение объединить посты Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Верховного Совета СССР и оба предложить Брежневу, Подгорный уже не очень противился.

Настроения в украинском обществе существенно разнились в начале и в конце этого периода. Так, например, люди одобрительно отнеслись к некоторому ослаблению противостояния с Западом. Карибский кризис не на шутку напугал людей. Ощущение того, что мир находится в одном шаге от ядерной катастрофы, было не только пропагандистским приемом, оно буквально витало в воздухе. Помимо этого, люди устали от бесконечных реорганизаций хозяйства и управления, не приносивших каких-либо ощутимых улучшений их повседневной жизни. Несмотря на замедление темпов экономического роста, уровень жизни людей в брежневские годы повышался за счет увеличения экспорта дорогих на тот момент энергоносителей и импорта зерна и некоторых потребительских товаров.

О взглядах и деятельности диссидентов, знал ограниченный круг лиц — их близкие и знакомые из числа столичной и провинциальной интеллигенции, постоянные слушатели западных радиостанций и, разумеется, сотрудники специальных служб. Тогда еще пропаганда со своими задачами вполне справлялась. Свободомыслие проявлялось в увлечении песнями В. Высоцкого, переписывавшимися

на личных магнитофонах с отвратительным качеством звучания, анекдотах на исторические и политические темы и в пресловутых интеллигентских «кухонных дискуссиях».

Проблемы развития украинской национальной культуры находились на периферии общественного сознания. Село говорило попрежнему на украинском языке, город — все больше на русском. Интерес к украинскому языку сохранялся в элитах благодаря отдельным литературным произведениям, в массах — появившимся в это время нескольким украинским кинофильмам («Білий птах з чорною ознакою», «Вавілон XX» и др.), вокально-инструментальным ансамблям и отдельным исполнителям («Смерічка», «Червона рута», С. Ротару и др.).

До середины 80-х гг. национальное украинское самосознание находилось в русле и рамках, отведенных ему официальной концепцией советской культуры — «национальной по форме», «социалистической по содержанию» и провинциальной по сути, не переходя, за несколькими исключениями, о которых украинский народ узнает только в постсоветское время, в область государственной политики.

В ноябре 1964 г. Пленум ЦК КПСС отменил решения о разделении руководящих партийных и советских органов на промышленные и сельскохозяйственные, вновь объединив верхний социальный слой, названный с легкой руки Милована Джиласа «номенклатурой». Она хорошо усвоила этот урок и до событий середины 80-х гг. тщательно оберегала это с трудом восстановленное «единство». Были отменены ограничения на занятие руководящих должностей в партии и в советских органах. Восстановлена должность Генерального секретаря ЦК КПСС.

В УССР эти события и процессы обернулись укреплением позиций первого секретаря ЦК Компартии Украины П. Шелеста, который, хотя и был выдвинут Н. Хрущевым, вовремя сориентировался и поддержал его противников. Ощутив в этой связи себя вполне политически защищенным от центра, ощущая «вес» республики и ее растущее вместе с ростом ее человеческого, индустриального и научно-технического потенциала влияние в общесоюзных делах, П. Шелест начал использовать национальный фактор для дальнейшего укреплении своих личных властных позиций.

Так, например, не без его ведома летом 1965 г. секретарь ЦК КПУ А. Скаба на совещании ректоров и секретарей парткомов высших учебных заведений УССР потребовал перевода высшего

образования в республике на украинский язык. Стало модным в официальных выступлениях, в том числе на пленумах ЦК Компартии Украины и ее съездах, говорить по-украински. Все это, естественно, не проходило мимо внимания союзного партийного руководства.

Новым импульсом обострению отношений между Москвой и Киевом послужила ликвидация совнархозов и возвращение к отраслевому принципу управления промышленностью. Это было сделано в 1965 г. несмотря на то, что республиканские власти были недовольны явным ограничением своих полномочий. Внешне все выглядело благополучно. Октябрьский (1965 г.) пленум ЦК Компартии Украины одобрил ликвидацию совнархозов, как решение, имеющее «исключительно важное политическое и народнохозяйственное значение». Но в повседневной практике отношений с центральными партийными и государственными органами СССР П. Шелест нередко, как утверждают украинские историки и он сам в своих воспоминаниях, проявлял упрямство и несговорчивость, отстаивая свои представления о социально-экономическом и культурном развитии республики.

Показательна в этом отношении история с подготовленной им в январе 1968 г. запиской в Политбюро ЦК КПСС, касающейся перспектив развития добычи нефти и газа в Украинской ССР.

В ней он писал: «Принимая во внимание наличие огромных промышленных запасов этих видов топлива в центре развитой промышленности и густонаселенных районов Европейской части СССР, а также низкую себестоимость добычи и транспортировки нефти и газа потребителям, относительно небольшие капиталовложения для развития этих отраслей и ряд других позитивных экономических и технических факторов, создались очень благоприятные условия для ускоренного развития нефтяной и газовой промышленности в Украинской ССР».

И далее: « Мы считаем, что при соответствующей помощи добыча этих видов топлива на Украине по ориентировочным подсчетам может быть увеличена: нефти с 12 млн тонн в 1968 г., до 22 млн тонн в 1975 г. и 36 млн тонн в 1980 г.; природного газа, соответственно, с 51 млрд кубометров до 70 млрд кубометров в 1975 г. и 90 млрд в 1980 г.».

С точки зрения сегодняшнего дня очевидно, какого уровня и значения вопрос для Украины поднимал украинский руководитель. Приоритетное развитие добычи энергоносителей в Украине, за которое

он ратовал, имело в виду и фактически предполагало увязку ее с наращиванием переработки получаемых нефти и газа, ориентации ее кратного увеличения на промышленное развитие.

В Москве же, судя по реакции на записку и последующим событиям, смотрели на проблему и уже, и шире одновременно. Уже, потому что рассчитывали значительно улучшить снабжение населения товарами и продуктами за счет импорта, обеспечиваемого продажей нефти и газа из гигантских месторождений в Западной Сибири. Шире, потому что по-прежнему побаивались того, что с ростом своего промышленного потенциала украинское руководство станет еще менее послушным и сговорчивым.

В личной политической судьбе П. Шелеста эти разногласия остались в тени. На первый план были выдвинуты и вменены ему в вину «ошибки» в национальной политике. Он, действительно, приветствовал и опекал новую попытку украинского национально-культурного возрождения. На V съезде писателей Украины в ноябре 1966 г. и в речи в Киевском университете в 1968 г. он ратовал за повышение статуса украинского языка. Он поддержал предложение о создании мемориала на о. Хортица — историческом центре украинского казачества. В 1970 г. была издана его книга «Украина наша Советская», в которой в очень осторожной форме обозначались некоторые проблемы развития украинской культуры.

П. Шелест, конечно, не был ни диссидентом, ни украинским националистом. Он был типичным партийным руководителем, с авторитарными привычками, но он не вписывался в формировавшийся Л. Брежневым и его соратниками стиль партийного руководства, сочетавший в себе элементы культа вождя, но уже без ригоризма, аскетизма и народности.

Л. Брежнев опирался на «номенклатуру», наполняя ее лично преданными ему людьми. П. Шелест, однажды уже изменивший выдвинувшему его Н. Хрущеву, такими качествами в глазах Л. Брежнева не обладал и потому попытался повторить сталинский политический прием в одной отдельно взятой республике — УССР. Сделать это ему не удалось, и 24 мая 1972 г. он был заменен на высшем партийном посту в УССР более дисциплинированным, более современным и, главное. лично известным Л. Брежневу по совместной работе в Днепропетровске, В. Щербицким.

В апреле 1973 г. в журнале «Коммунист Украины» появилась критическая рецензия на книгу П. Шелеста «Украина наша Советская».

Как выяснилось позднее, еще 22 февраля 1973 г. Политбюро ЦК Компартии Украины приняло постановление, в котором обвинило бывшего своего руководителя в национализме. Вскоре он был выведен из состава Политбюро ЦК КПСС и отправлен на пенсию. Возвращаться в Украину ему было запрещено. П. Шелест прожил в Подмосковье до 1996 г. и «возвратился» в Киев только прахом на центральное городское Байковое кладбище.

В современной украинской историографии фигура П. Шелеста, хотя и с оговорками, описывается в основном положительно, а его преемника на высшем партийном и государственном посту в УССР В. Щербицкого, как уже отмечалось, наоборот, отрицательно, как послушного исполнителя указаний центра и даже как карьериста и «приспособленца». «В целом, в политическом руководстве Украины, — отмечают два других украинских историка, — обозначились две главные тенденции — автономистская, которую олицетворял П. Шелест, и централистская, которую проводил В. Щербицкий».

Здесь, как это часто бывает с историками, излишне подверженными влиянию политической конъюнктуры, реальный человек подменен адаптированной к современным условиям карикатурой и совершенно не принимается во внимание исторический и политический контекст описываемых событий и лиц. Он был представителем сформовавшегося нового поколения руководителей — вчерашних фронтовиков, лучше образованных, чем их предшественники, прошедших школу самостоятельной хозяйственной работы в провинции и имевших собственное представление о путях экономического развития республики.

Одним из таких руководителей и был секретарь Днепропетровского обкома Компартии Украины В. Щербицкий. Его карьерный взлет начался в 1961 г., когда он был назначен Председателем Совета Министров УССР и избран кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС.

В. Щербицкий знал «правила игры» и стал в 1971 г. членом Политбюро ЦК КПСС. Он был человеком своего времени, жестким и требовательным руководителем, умевшим выслушать, но не терпевшим непослушания и недисциплинированности. В. Щербицкий сам был членом «команды» Л. Брежнева, и себе формировал «команду» единомышленников. За несколько лет все сторонники и выдвиженцы П. Шелеста были отстранены от активной партийной и государственной деятельности. До 1976 г. из 10 членов Политбюро ЦК

Компартии Украины, избранных в 1971 г. осталось пятеро, а из трех кандидатов — только один. Изрядно «почищены» были и местные партийные и советские органы.

В том, что касается идеологии, в том числе национального вопроса, диапазон свободы действий первого секретаря ЦК Компартии Украины был еще уже. Первое и последнее слово в этих вопросах принадлежало всемогущему секретарю ЦК КПСС М. Суслову. Он был инициатором принятия Постановления ЦК КПСС «О политической работе среди населения Львовской области» в 1971 г. Попытка П. Шелеста на пленуме ЦК КПСС защитить первого секретаря Львовского обкома КПУ Куцевола от М. Суслова, а не его пресловутая книга, и стала поводом для его отстранения от власти. Тому же М. Суслову, по признанию самого П. Шелеста, принадлежала инициатива написания и публикации статьи в журнале «Коммунист Украины», поставившей последнюю точку в его политической биографии. В. Щербицкий все это хорошо знал и не мог не учитывать.

В октябре 1972 г. был освобожден от должности секретарь ЦК КПУ по идеологии Ф. Овчаренко. Его место занял В. Маланчук. Период его нахождения на этом посту с 1972 по 1979 гг. был отмечен неприятием любых, даже самых невинных проявлений украинофильства, решительным и немедленным их подавлением, нетерпимостью даже просто к творческой самостоятельности в среде украинской интеллигенции.

Наступал «золотой век» советской и украинской партийной и государственной номенклатуры. Послушание Москве, а в УССР еще и Киеву, оплачивалось фактическим всевластием в своих областях. Компартия Украины была поставлена над любой внепартийной критикой. В крайних случаях ответственность за экономические провалы и социальные проблемы, число которых множилось, возлагалась на отдельных работников областного и местного уровня.

Идейным обоснованием этого «золотого века», непродолжительного, правда, как оказалось, служила концепция «развитого социализма», выдвинутая Л. Брежневым в ноябре 1967 г. Она позволяла, с одной стороны, отодвинуть в неопределенное будущее неосторожно данное Н. Хрущевым обещание построить коммунизм, а с другой, наполнять ее неопределенные временные рамки любым удобным в данный момент содержанием, акцентируя внимание на успехах и замалчивая нарастающие социальные проблемы, замедление

темпов экономического развития, научно-техническое отставание от развитых капиталистических государств и нарастающие в народном хозяйстве диспропорции и дефициты.

Украинская ССР, которую отличали благоприятные природно-климатические условия, сравнительно высокий уровень потребления за счет самообеспечения основными продуктами питания и, в меньшей мере, товарами народного потребления, а также вполне здравая осторожность ее руководителей в отношении хрупкого внешнего баланса между республикой и центром, и внутри республики после присоединения западных областей и подавления националистического и диссидентского движения, стала в этот период своего рода эталоном относительного благополучия и стабильности.

Примеров официального восхваления достижений УССР огромное множество. Достаточно бегло ознакомиться с соответствующими разделами последнего общего исторического обзора — десятитомной Историей Украинской ССР, увидевшей свет в 1985 г. Официальная пропаганда, накал которой постоянно нарастал, все более расходилась с жизненными реалиями, эффективность ее стремительно снижалась. Она все более становилась своеобразным транквилизатором, успокоительным средством не столько для народа, сколько для самой партийной и государственной элиты.

С другой стороны, не менее неадекватным и политически «заряженным» был взгляд на положение вещей в УССР в те годы у украинских историков-эмигрантов, весьма не критически принятый некоторыми современными украинскими историками. Примером такого неадекватного восприятия реалий позднего советского социализма в УССР может служить, например, такая общая его характеристика: «В то время были широко распространены бесхозяйственность, безответственность, вседозволенность, приписки, показуха, коррупция, злоупотребления властью, расхищение государственной и колхозно-кооперативной собственности. Экономический и политический кризисы дополнялись моральной деградацией общества, социальной апатией, нежеланием и неумением хорошо работать, пьянством, расхождением слова и дела».

Показательно, что дискуссия о путях экономической реформы в Советском Союзе началась в Украине. Харьковский профессор Е. Либерман опубликовал в «Правде» статью под названием «План, прибыль, премия». В ней он предлагал соединить сильные стороны

рыночной экономики и государственного регулирования — плана. Именно в этом направлении попытку либерализации мобилизационно-директивной экономической модели предпринял Председатель Совета Министров СССР А. Косыгин в 1965 г. Сущность реформы была в расширении самостоятельности предприятий, использование таких экономических рычагов как прибыль, цена, кредит, хозрасчет, оплата труда по фактическим его результатам.

В апреле 1965 г. ЦК Компартии Украины составил план мероприятий по выполнению решений мартовского 1965 г. пленума ЦК КПСС «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР». Еще в ноябре 1964 г. были отменены указы 1958–1963 гг. о запрете на содержание скота жителями городов и рабочих поселков, об ограничениях на содержание его в личных подсобных хозяйствах колхозников и о повышении налогообложения лиц, занимающихся откормом скота. Была сделана робкая попытка перераспределить национальный доход страны и республики в пользу сельскохозяйственного производства. Вместо ежегодных планов заготовок устанавливался рассчитанный на шесть лет стабильный план закупок. Уменьшались планы продажи зерна и животноводческой продукции государству и повышались закупочные цены. Вводились надбавки за сверхплановую продукцию.

В результате был получен некоторый, хотя и не продолжительный экономический эффект. Валовое производство сельскохозяйственной продукции выросло в 1966–1970 гг. на 16,6 %. Была завершена электрификация сел в Украинской ССР. На треть увеличилось применение минеральных удобрений, улучшилась селекционная работа, существенно выросли поставки техники. Однако эффект, как уже отмечалось, был минимальным и краткосрочным. В целом, за 1966–1985 гг. капитальные вложения в сельскохозяйственное производство увеличились в два раза, а валовый сбор зерна всего на 18 %. Прирост производства в сельском хозяйстве снижался.

В то же время все более увеличивался разрыв в уровне жизни в городе и в селе, что вело к постоянному оттоку людей из села в город. В течение 1965–1985 гг. численность сельских жителей в Украинской ССР уменьшилась на 4,5 млн человек. Каждый четвертый сельский житель был пенсионером. Постоянным становилось привлечение к сельскохозяйственным работам городских жителей. Учебный год в вузах начинался с сельскохозяйственных работ, длившихся месяц и более. Постоянные отвлечения

инженерно-технических и научных работников на сбор, отгрузку и сортировку овощей и фруктов вызывал раздражение людей своей очевидной нерациональностью.

Восьмая пятилетка (1966–1970 гг.) была самой успешной из всех предыдущих и последующих. Производство промышленной продукции в Украинской ССР увеличилось на 50 %, производительность труда в промышленности — на 28 %. а национальный доход на 30 %. Однако сохранялся значительный перекос в сторону производства средств производства, с ростом доходов резко усиливался товарный дефицит. И уже с начала 70-х годов эффект от нововведений в управлении экономикой начал ослабевать. Система была не просто невосприимчива к ним, она их отторгала. Экономика сохраняла экстенсивный характер, уменьшались среднегодовые темпы прироста по основным показателям, усиливалась диспропорция между группами «А» и «Б», военно-промышленным комплексом и производством товаров народного потребления, качество которых к тому же оставалось низким. Реакцией на это стал возврат к административным методам управления хозяйством.

В 1971 г. на XXIV съезде КПСС стало ясно, что эксперименты с либерализацией, в том числе и экономической, закончены. Концепция «рыночного социализма» была объявлена ревизией марксизма-ленинизма. Этот робкий опыт экономической либерализации показал, что она не может быть успешно осуществлена без политических реформ. К ним советское руководство готово не было.

Советская экономика двинулась старым испытанным экстенсивным путем. Вместе с ней в том же направлении двигалась и УССР. Двигалась она все медленнее и медленнее. О чем можно судить по общим показателям экономического развития республики.

Таблица. Показатели экономического развития УССР.

Пятилетки	Показатели экономического развития в%%				
	Валовый общественный продукт	Национ. доход	Капитал вложения	Промышлен. продукция	Производ. труда
8 1966–1970	6,7	6,7	6,8	8,4	6,1
9 1971–1975	5,6	4,6	6,4	7,2	4,1
10 1976–1980	3,4	3,4	2Д	3,9	3,0
11 1981–1985	3,5	3,7	3,1	3,5	3,8

Удельный вес Украины в общесоюзном промышленном производстве оставался высоким. В начале 80-х годов УССР давала более половины общесоюзного объема производства железной руды, свыше одной трети чугуна, стали, проката. Но промышленность республики в силу объективных условий хозяйствования была крайне невосприимчива к новым технологиям.

В 70-е и 80-е гг. стало ясно, что нагрузка на среду обитания в Украине слишком велика. Республика была перегружена тяжелой промышленностью, шахтами, металлургическими и химическими предприятиями. Создание Киевского, Кременчугского и др. водохранилищ привело к затоплению около 1 млн гектаров плодородных земель. В Украине было распахано 80 % пригодных земель, в то время как в США — 25 %, и даже во Франции — 48 %.

Уровень жизни людей в 60-е — 80-е годы медленно, но рос. В значительной степени это оказалось возможным из-за роста мировых цен на нефть. В 1960 г. средняя ежемесячная заработная плата составляла 78 руб., а в 1980–155 руб.. В колхозах она составляла в 1965 г. 49,5 руб., а в 1985–134 руб. С 1964 г. колхозники стали получать пенсию, правда почти в символических размерах — 12–30 руб. в месяц. Почти вдвое увеличилось производство товаров народного потребления. В 1965–1985 гг. было введено в эксплуатацию 7,3 млн квартир.

В начале 80-х гг. цены поползли вверх (в 1980 г. на 3 % по сравнению с 1970 г., а в 1985 — на 5 %), что сказалось на уровне жизни. За 1971–1985 гг. денежная масса в обороте увеличилась в 3,1раза, а производство товаров — в 2 раза. Инфляция приобрела скрытые формы и проявилась в виде пресловутого «дефицита» — острой нехватки основных товаров народного потребления. Объяснить это на фоне пропаганды экономических успехов было трудно. Доверие людей к официальной статистике и официальной информации вообще падало, рушились нравственные устои общества, устанавливались «двойные стандарты» поведения — одни для других, другие для себя. Стремительно прогрессировали алкоголизм, давно превратившийся в эпидемию, коррупция, кумовство — т. н. «блат» и т. п.

Все это ощущалось еще острее на фоне роста образования и общей культуры людей. В 70-е годы был завершен переход ко всеобщему среднему образованию. В школах было введено преподавание новых дисциплин: обществоведение, основы государства и права и др. Несмотря на известную однобокость и догматизм в преподавании

общественных наук, цензуру и пропаганду политический кругозор людей последовательно расширялся. Повальным увлечением было чтение, и книги становятся одним из главных «дефицитов». Даже в узких рамках дозволенного, под пристальным присмотром партийных комитетов педагоги, работавшие в УССР, — В. Сухомлинский, В. Шаталов, М. Щетинин — искали и находили новые методы и приемы обучения и воспитания молодежи.

Число специалистов с высшим образованием в республике с 1965 по 1985 гг. возросло с 900 тыс. до 2,7 млн человек. В описываемый период число школ с украинским языком обучения в республике составляло 11,5 тысяч (75 %), но, в то же время, в 4,5 тыс. русскоязычных школ республики обучалось более половины всех учащихся. Среди учреждений Украинской Академии наук наиболее успешно развивались институты естественно-научной направленности: математической физики (М. Богомолов), кибернетики (В. Глушков), ядерной физики (Л. Ландау), электросварки (Б. Патон), порошковой металлургии (И. Францевич), селекции (В. Ремесло) и др.

Украинские историческая наука, украинская литература и язык тоже развивались и преподавались, но несколько в стороне от общего течения интеллектуальной и научной жизни в СССР. Сказывалась и личность человека, определявшего во многом государственную политику на этом направлении. Секретарь ЦК Компартии Украины по идеологии В. Маланчук, как уже отмечалось ранее, оставил печальный след в развитии украинской культуры: идеологические «чистки», составление т. н. «черных списков», поощрение доносов, ужесточение цензуры, увольнения по политическим мотивам. От обязанностей главного редактора «Украинского исторического журнала» и директора Института археологии АН УССР был отстранен Ф. Шевченко. Оказывалось давление на творческую интеллигенцию, в том числе таких известных литераторов как О. Гончар, И. Билык, Л. Костенко, В. Чичибабин и др. В. Некрасов был исключен из Союза писателей Украины и выслан из СССР. Были осуждены и отправлены в лагеря О. Бердник, В. Стус, И. Свитличный, В. Рубан, Ю. Литвак, Ю. Бадзё и др.

И, тем не менее, именно в эти годы украинская культура обогатилась целым рядом выдающихся произведений литературы и искусства: «Собор» О. Гончара, «Маруся Чурай» Л. Костенко, «Роксолана» П. Загребельного, кинофильмы «Тени забытых предков» С. Параджанова, «Белая птица с черной отметиной» Ю. Илленко, «Вавилон XX»

И. Мыколайчука, «В бой идут одни старики» Л. Быкова, «Тревожный месяц сентябрь» Л. Осыки, оперы В. Губаренко, Л. Колодуба, Г. Майбороды, симфонии и кантаты В. Кирейко, А. Филипенко, А. Штогаренко, полотна художников М. Глущенко, М. Дергауса, В. Шаталина, О. Шовкуненко, А. Эрдели, Т. Яблонской и др. Украинские исполнители занимали заметное место на всесоюзной оперной и эстрадной сцене (Д. Гнатюк, Е. Мирошниченко, В. Соловьяненко, Д. Петриненко, С. Ротару, В. Зинкевич, Н. Яремчук). Народную украинские песню и танец представляли в Советском Союзе и в мире государственный хор им. Г. Веревки, хоровая капелла «Думка» и ансамбль танца им. П. Вирского.

Идеологические и нередко догматические ограничения, налагавшиеся на развитие украинского языка и культуры вызвали к жизни движения общественного протеста, которые А. Урывалкин обоснованно, на наш взгляд, разделил на правозащитное (Н. Руденко, П. Григоренко, В, Чорновил, В. Стус, С. Хмара), национальное (В. Мороз, Л. Лукьяненко) и религиозное (И. Тереля, В. Романюк). Единой сколько-нибудь целостной программы эти движения не имели, были малочисленными и широкой поддержкой в обществе не пользовались. Точнее сказать, общество о них имело крайне скудную информацию. Какое-то внимание в столичных и связанных с ними узких провинциальных кругах привлекли несколько акций и изданий. Так, например, в сентябре 1965 г. во время представления в кинотеатре «Украина» кинофильма С. Параджанова «Тени забытых предков» И. Дзюба, В. Стус, Ю. Бадзё и В. Чорновил публично выступили против политических репрессий и арестов представителей украинской интеллигенции. В декабре того же 1965 г. И. Дзюба прислал в ЦК Компартии Украины рукопись статьи «Интернационализм или русификация?». В. Чорновил написал труд под названием «Горе от ума» (портреты двадцати «преступников»). В 1970–1972 гг. увидели свет шесть выпусков самиздатовского журнала «Киевский вестник», который редактировал В. Чорновил, а позднее С. Хмара.

В апреле 1978 г. вслед за принятием новой Конституции СССР была принята Конституция УССР. В ней украинское государство было провозглашено всенародным с достигнутым действительным народовластием. Политической основой этого объявлялись советы народных депутатов, а коммунистическая партия — руководящей и направляющей силой общества. Основой экономической деятельности провозглашалась общественная собственность на средства

производства в ее государственной и колхозно-кооперативной формах. Конституционно закреплялось, что экономика УССР является частью единого народно-хозяйственного комплекса СССР.

Вместе с тем, вне рамок политической стратегии, идеологии и распределения государственных ресурсов, у Компартии Украины и Совета Министров УССР оставалось большое поле для самостоятельной хозяйственной и административной деятельности. С 1945 по 1976 гг. состоялось 10 съездов и 75 пленумов ЦК Компартии Украины. Тематика выносившихся в повестку дня вопросов охватывала все без исключения стороны жизни республики. Так, например, в 1980 г. ЦК Компартии Украины выдвинул задачу переселить людей из бараков, подвалов и ветхих зданий в благоустроенное жилье. В 1984 г. в республике бараки исчезли, а в 1985 г. было завершено в основном переселение из подвалов и продолжалось активное отселение из ветхого жилья.

В политической сфере всего СССР Компартия Украины, как и УССР, имела некоторые преимущества. У нее одной среди компартий союзных республик было свое политбюро. ЦК КПСС, как уже отмечалось, как правило, избегал публичной критики украинского руководства. Да и на общепартийных мероприятиях ее старались без особой нужды не задевать. В партийных организациях РСФСР, формально не имевших своего ЦК и с которыми особенно не церемонились, это вызывало постоянное скрытое недовольство.

Любопытно, что ЦК Компартии Украины был единственным партийным комитетом такого уровня, где среди секретарей не было русского второго секретаря, в обязанности которого входило «присматривать» за национальными кадрами. Какое-то время эта функция была возложена на И. Соколова, но время показало, что при В. Щербицком она в УССР была явно излишней. В 1982 г. вторым секретарем ЦК Компартии Украины стал А. Титаренко — демонстративно жесткий руководитель, весьма органично дополнявший внешне деликатного и мягкого В. Щербицкого.

Во второй половине 70-х — начале 80-х гг. при замедлившихся темпах социально-экономического развития и тревожных для советского руководства событиях в соседней Польской Народной Республике политическая обстановка в УССР оставалась относительно стабильной. Ее удельный вес в союзном промышленном и сельскохозяйственном производстве несколько сокращается, но по многим объективным показателям — уровню жизни, развитию науки,

культуры, спорта УССР выгодно отличалась от других союзных республик, включая РСФСР. Открытие грандиозного мемориала победы в Великой Отечественной войне на днепровском холме в Киеве, на которое приехал уже тяжело больной Л. Брежнев, вызвало приступ политической ревности у первого секретаря Московского горкома КПСС В. Гришина и решение о сооружении еще более масштабного мемориального центра на Поклонной горе в г. Москве. Умевшие читать между строк партийные работники, поняли, что в «верхах» началась скрытая борьба за власть. В. Щербицкий считался одним из реальных и наиболее вероятных преемников дряхлевшего Л. Брежнева.

Нет надежных свидетельств о том, как относился ко всему этому сам В. Щербицкий. Воспоминаний он, как уже отмечалось, не оставил, да и человеком был сдержанным, не любившим делиться сокровенными своими мыслями. Как политик, не лишенный честолюбия, Щербицкий не мог не думать о такой возможности. Но как человек опытный, к тому же лишенный мелкого бытового тщеславия, он не мог не понимать всей сложности ситуации. Его «политический вес» был, безусловно, выше, чем «назначенных» ему партийной молвой в конкуренты москвича В. Гришина или ленинградца П. Романова. Но, равные с ним в «политическом» весе, но находившиеся ближе к «трону» «московские бояре» (так В. Щербицкий часто называл своих московских коллег в высшем политическом руководстве страны) — Ю. Андропов, А. Громыко и К. Черненко, вряд ли согласились бы упустить свои возможности и пропустить вперед «украинца». В. Щербицкий предпочел «синицу в руках» «журавлю в небе» и не проявлял видимой активности в борьбе за власть в Москве.

В ноябре 1982 г. умер Л. Брежнев. Его сменил Ю. Андропов (ноябрь 1982 — февраль 1984). После его смерти, в феврале 1984 г. новым Генеральным секретарем ЦК КПСС и Председателем Президиума Верховного Совета СССР был избран К. Черненко (февраль 1984 — март 1985). В марте 1985 г. по предварительному согласованию с последним из «тяжеловесов» — Андреем Андреевичем Громыко Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран человек из другого, чем В. Щербицкий, поколения советских политиков — Михаил Сергеевич Горбачев.

Возвратившиеся с пленума ЦК КПСС его украинские члены не скрывали своего разочарования и скептицизма. Сам В. Щербицкий

в работе пленума участия не принимал, находясь с визитом в США. Поговаривали о том, что это не было случайностью. Но вряд ли это так было. Поездки людей такого ранга да еще в такую страну, как США, планировались заранее. Он видел и понимал, какое гнетущее впечатление произвели следовавшие одни за другими похороны руководителей партии и страны. Избрание очень молодого, по меркам тогдашнего политбюро, М. Горбачева имело свои преимущества, которые В. Щербицкий осознавал и признавал.

Вместе с тем, отношения нового Генерального секретаря и опытного украинского лидера складывались по началу очень непросто. М. Горбачев, посетив Ленинград, в июне 1985 г. приехал в Киев. На собранном в этой связи партийно-хозяйственном активе республики он выступил с речью, дав понять, что время особого отношения к Украине закончилось. Судя по тому, что произошло потом, и его собственным высказываниям, Горбачев не имел намерения «обижать» Щербицкого, разрушать его авторитет. Он хотел расшевелить, разбудить украинскую партийную и хозяйственную элиту. От нее, в силу большого удельного веса республики в союзной экономике, во многом зависела реализация главной идеи нового генсека — ускорить социально-экономическое развитие страны. Не меньшее значение имела УССР и для осуществления Продовольственной программы, а также ставших первыми в новую повестку дня проблем машиностроения.

Более серьезные последствия и для личных отношений В. Щербицкого и М. Горбачева, и для отношений по линии союз — республика, имело другое событие. 26 апреля 1986 г. произошла авария на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС, расположенной в 140 км. от столицы УССР г. Киева. В результате пожара и взрыва реактор был разрушен, но даже жители Киева узнали об этом только через десять дней. Не только киевляне, но и высшее руководство республики в первые дни после аварии имели весьма приблизительное представление о ее масштабах и возможных последствиях. Это ставило украинское руководство в крайне неприятную для него позицию. Вся информация концентрировалась в Москве, там принимались решения, а Щербицкому с соратниками оставалось успокаивать взбудораженный и наполненный самыми невероятными слухами Киев. Отсюда и поступки, которые впоследствии многие ставили в вину украинскому лидеру: первомайская демонстрация, приход на церемонию возложения венков к могиле неизвестного солдата с внуком и т. п.

В чернобыльской катастрофе, на наш взгляд, можно, как в капле воды, увидеть и причины начала реформ в СССР, и того, что они пошли не так, как предполагалось. Независимо от конкретных причин аварии, отнесенных комиссией во главе с Б. Щербиной, в основном к недостаткам конструкции и к т. н. человеческому фактору — стечению обстоятельств, которые трудно себе представить, она высветила общие пороки системы управления многократно усложнившимся научно-производственным комплексом страны и «повзрослевшим» обществом.

Авария не была единственной и даже не была самой большой аварией в СССР. Она была такой аварией, которую невозможно было локализовать и скрыть и от своего народа и от мира. «В материалах СБУ (Служба безопасности Украины — ВМ.) за короткий период, непосредственно предшествовавший чернобыльской катастрофе и следующий за ним, содержится немало сообщений о поломках почти на всех атомных электростанциях Украины».

Но она же, наряду с обвалом мировых цен на сырую нефть — главный предмет советского экспорта в течении двух десятилетий и источник поступления средств на закупку продовольствия и товаров народного потребления — существенно ограничила материальные и финансовые возможности проведения реформ. Дефицит бюджета СССР в 1986 г. достиг 50 млрд рублей. 1987 год начался с серьезных сбоев в экономике. Промышленное производство упало на 6 % против декабря 1986 года. План 1987 года сразу же оказался под угрозой провала.

В феврале 1989 г. М. Горбачев приехал в УССР снова. В тональности его выступлений уже отчетливо проглядывала озабоченность нарастающими трудностями экономического и политического свойства и надежда на поддержку.

К этому времени, судя по всему, Горбачев понял, что Щербицкий, несмотря на мучившие его сомнения и беспокойство тем, как развивались события в республике и в стране, объективно был для него все это время, возможно, одной из главных опор. Особенно в связи с процессами, набиравшими силу в РСФСР. Но понимание этого пришло слишком поздно. В. Щербицкий написал заявление с просьбой освободить его от обязанностей первого секретаря ЦК Компартии Украины, и 28 сентября 1989 г. пленум ЦК удовлетворил ее.

За 30 лет (1961–1990 гг.) экономический потенциал УССР вырос почти в четыре раза. Объем промышленного производства увеличился

в пять раз. А электроэнергетика и машиностроение с металлообработкой — соответственно в шесть и двенадцать раз. Удвоилось производство сельскохозяйственной продукции. Зерна выращивали и собирали по одной тонне на человека, что считается оптимальным для отрасли показателем. Отсюда, по-видимому, и лучшее снабжение продуктами питания. Производительность труда и реальная заработная плата выросли в два с половиной раза. И, пожалуй, самым важным показателем, при всех пороках существовавшей тогда общественно-политической системы, можно считать то, что численность населения республики выросла за это время с 43,1 млн человек до 52 млн человек — почти на 9 млн человек.

В Украине все громче заявлял о себе и политический национализм, который, в отличие от внутрипартийных споров, которые не были чем-то новым для партии и которые научились подавлять или сглаживать, представлял реальную угрозу. В январе 1989 г. состоялась одна из встреч М. Горбачёва с представителями интеллигенции. Все чаще и острее на них возникал вопрос межнациональных отношений, «размороженных» общественной эмансипацией и непрерывно подогреваемых ухудшающимся социально-экономическим положением общества. Если республиканское руководство начинало борьбу с такими настроениями среди украинской интеллигенции, ему приклеивался ярлык «заповедника застоя». Если нет — его упрекали в национализме.

До 1990 года, а частично и после этого, политические процессы в Украине развивались в привычном традиционном ключе — повторяли те, которые происходили в Москве. К 1990 г. «внутри Компартии (Украины, — В.М.), — отмечается в одном из современных систематических изложений политической истории Украины, — оформилась Демократическая платформа, которая добивалась демократизации КПСС (отказ от коммунизма, как утопической мечты, отмена принципа демократического централизма и превращение партии в организацию парламентского типа). Но большинство делегатов XXVIII съезда КПСС (летом 1990) отклонили идеи демократизации партии».

В то же время, «часть коммунистической номенклатуры, которая поддерживала идею автономности Украинской ССР, стремилась, прежде всего, к перераспределению власти с центром и не собиралась выходить из союза». Кроме этого внутри Компартии Украины возникла и набирала политический вес группа так называемых

«суверен-коммунистов», лидером и лицом которых вскоре стал Леонид Кравчук — «самый яркий представитель коммунистов, которые «национализировались».

В УССР усилиями творческой интеллигенции в 1989 г. начало формироваться массовое политическое движение Народный Рух (движение) Украины за перестройку, сыгравшее значительную роль в разрушении второй и формировании третьей украинской республики.

Автор книги «Народный Рух Украины» Г. Гончарук, ссылаясь на лидера «Руха» И. Драча, пишет, что во многом благодаря именно секретарю ЦК КПУ Л. Кравчуку проект программы НРУ был в феврале 1989 г. опубликован в «Литературной Украине». Леонид Макарович помог обеспечить инициаторов «Руха» добавочно бумагой, когда они захотели сверх обычного тиража отпечатать сто тысяч экземпляров газеты с программой движения.

Выборы народных депутатов СССР в 1989 г. были организованы таким образом, что они собрали в Москве на съезде народных депутатов большую часть партийной, государственной, хозяйственной и интеллектуальной элиты союзных республик, в том числе УССР. На последовавших за ними в 1990 г. выборах новых представительных органов власти в союзных республиках в их состав были в основном избраны представители второго эшелона республиканской элиты, основным желанием которого, естественно, было стать первым. Борьба союзного и республиканских парламентов, таким образом, была фактически запрограммирована и не замедлила начаться.

Внутри Верховного Совета УССР, начавшего свою работу 15 мая 1990 г. впервые на постоянной основе, произошло разделение на две крупнейшие фракции: «За суверенную Советскую Украину», имевшую большинство (231 депутат) и оппозиционную «Народную Раду». В самой Компартии Украины произошел раскол, что засвидетельствовала республиканская конференция партклубов в Харькове 24–25 мая 1990 г.

В июне 1990 г., избранный Председателем Верховного Совета УССР первый секретарь ЦК Компартии Украины Владимир Ивашко, сменивший В. Щербицкого, оставил свой партийный пост. Новым первым секретарем был избран С. Гуренко. В условиях, когда первый Съезд народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г. принял Декаларацию о государственном суверенитете Российской Федерации, центр вспомнил об Украине. На XXVIII съезде КПСС в июле 1990 г.

М. Горбачев, избранный к тому времени Президентом СССР, но оставивший за собой пост Генерального секретаря ЦК КПСС, предложил избрать вторым секретарем ЦК В. Ивашко. Верховный Совет УССР тогда уже приступил к рассмотрению вопроса о государственном суверенитете Украины и потребовал немедленного возвращения в республику депутатов, участвовавших в работе съезда КПСС. 11 июля 1990 г. было оглашено заявление В. Ивашко о сложении с себя полномочий Председателя Верховного Совета Украины.

Далее события развивались стремительно. 3 июля 1990 г. Верховным Советом УССР был принят Закон «Об экономической самостоятельности Украинской ССР». 16 июля 1990 г. депутаты почти единогласно приняли Декларацию о государственном суверенитете Украины. 18 июля 1990 г. Председателем Верховного Совета Украины был избран Леонид Кравчук. 17 октября Верховный Совет УССР принял постановление, которым отказывался обсуждать новый союзный договор до принятия новой Конституции УССР. 20 ноября в Киеве Б. Ельцин и Л. Кравчук подписали так называемый Договор «солидарности» между РСФСР и УССР.

По замыслу Б. Ельцина этот договор должен был стать моделью нового Союза. В документе предусматривалось, что республики будут развивать равноправное взаимовыгодное сотрудничество во всех областях. Анализ текста договора, как и обеих деклараций о государственном суверенитете, говорит о том, что места для союза в каком бы то ни было виде — старом или обновленном — просто не оставлялось. М. Горбачев говорил: «Россия и Украина заблокировали решение Верховного Совета СССР, а нас обвиняют в том, что мы ничего не делаем». А советник Президента СССР выходец из Украины Г. Ревенко там же заявлял о том, что «идет скоординированная работа руководства России и Украины».

5 июля 1991 г. ВС УССР принял три закона, «которые положили начало коренной трансформации политического устройства страны»: «Об учреждении поста президента УССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Украинской ССР», «О Президенте Украинской ССР», «О выборах Президента Украинской ССР».

Довершил разрушение Союза так называемый «августовский путч» — предпринятая 19-21 августа 1991 г. членами высшего государственного руководства СССР попытка отстранить М. Горбачева и передать власть Государственному комитету по чрезвычайному

положению. После некоторых колебаний, вызванных общей неопределенностью ситуации и приездом в Киев представителя ГКЧП генерала В. Варенникова, 20 августа ВС УССР принял заявление, которым объявлял не действующими на территории республики любые распоряжения ГКЧП. А 24 августа 1991 г. после доклада Л. Кравчука и содокладов А. Мороза и И. Юхновского ВС УССР принял подготовленный Л. Лукьяненко и Л. Сандуляк Акт независимости Украины. 30 августа 1991 г. деятельность Коммунистической партии Украины была запрещена. Вторая (советская) украинская республика фактически умерла. Началось формирование новой Третьей украинской республики.

4 сентября 1991 г. в соответствии с постановлением Верховного Совета УССР над зданием, где проходили его заседания, был поднят желто-голубой флаг первой украинской республики — УНР. 9 сентября ВС УССР принял постановление о введении с 1992 г. собственной квази-валюты — т. н. «купона-карбованца». 8 октября был принят Закон «О гражданстве Украины», 7 ноября — Закон «О государственной границе». 15 ноября Л. Кравчук тайно от Президента СССР договаривается со своими российским и белорусским коллегами о встрече в Минске, а 25 ноября все они вместе при поддержке лидеров других союзных республик фактически срывают подписание нового союзного договора. Справедливости ради, нужно сказать, что во время встречи с Горбачевым в Крыму незадолго до «путча» на прямой вопрос о том, подпишет ли он новый союзный договор, Кравчук честно ответил, что он этого делать не будет до всеукраинского референдума.

1 декабря 1991 г. в УССР Всеукраинский референдум о независимости Украины состоялся. Одновременно были проведены выборы Президента Украины. 76 % граждан УССР поддержали Акт независимости Украины. За это проголосовало большинство граждан УССР во всех областях республики, за исключением Крыма. Президентом Украины был избран Л. Кравчук, набравший 61,59 % голосов. По числу набранных голосов за ним следовал со значительным отрывом (23,27 %) Вячеслав Черновол. 5 декабря 1991 г. новый Президент Украины принял присягу. И в тот же день новым Председателем Верховного Совета УССР был избран Иван Плющ.

Агония СССР, после принятия и оглашения Акта независимости Украины продлилась еще всю осень, но эти события обозначили собой наступление нового времени, которое поставит перед Украиной

новые проблемы. Тогда мало кто еще понимал, что в этом новом времени за бывшей на слуху проблемой государственного суверенитета России и Украины зримо и грозно замаячила другая — проблема взаимоотношений России и Украины, которая при том или ином ее решении способна была предопределить на многие годы пути экономического и политического развития двух этих и всех других новых независимых государств, и более того, общую политическую конфигурацию Евразии.

8 декабря 1991 г. в Вискулях (Беловежская Пуща, Белорусская ССР) Президентами России и Украины Б. Ельциным и Л. Кравчуком и Председателем ВС Белорусской ССР С. Шушкевичем было подписано Соглашение об образовании Содружества Независимых Государств. Именно Л. Кравчуку было предоставлено право объявить о ликвидации СССР.

21 декабря была принята Алма-Атинская декларация об образовании Союза Независимых Государств (СНГ), куда, помимо Украины, Беларуси и России, вошли так же Казахстан, Кыргызстан, Армения, Азербайджан, Молдова, Таджикистн, Туркменистан и Узбекистан. 25 декабря 1991 г. Президент СССР М. Горбачев выступил с заявлением о сложении с себя своих полномочий. Вместе с СССР вторая (советская) украинская республика уходила в историю. Наступало время третьей украинской республики.

Украина в 1992–2011 гг.

«Что же изменилось после того, как социалистический строй был свергнут в Украине?» — задается вопросом Г. Крючков. И сам отвечает на него так: «Управленческий аппарат невероятно разбух... Если в СССР один управленец приходился на 350 жителей, то в «независимой» Украине — один госслужащий на 240 человек». То есть он увеличился почти в полтора раза.

Это — наблюдение отчасти дает ответ на вопрос почему сопротивление партийно-государственной номенклатуры в УССР оказалось не таким сильным, как, казалось бы, можно было ожидать. За исключением тех, кто сам по каким-то личным соображениям, отказался участвовать в новом национальном политическом «проекте», большинство представителей элиты второй украинской (советской) республики довольно безболезненно и с большими материальными

приобретениями перешло в истеблишмент третьей. Но вынуждены были потесниться под напором рвавшихся в нее представителей второго и третьего эшелонов номенклатуры и отчасти — представителей национальной украинской интеллигенции, вчерашних диссидентов и появившегося слоя оборотистых кооператоров-коммерсантов.

Создание большого числа «недостающих» управленческих структур после провозглашения государственного суверенитета открывало для этого неплохие возможности, и слой «управленцев», «политиков» разного масштаба стал стремительно разрастаться на сжимающейся производственной и финансовой базе.

Вот как описывает это в целом во вполне лояльном третьей украинской республике и ее элите исследовании: «Возвращение общества в капитализм эпохи первоначального накопления капитала совершенно не способствовало его прогрессу. Всевластие экономически мощных транснациональных и национальных корпораций, нефтегазовых магнатов, а также крупных кооперативных структур с интегрированным в них мелким предпринимательством лишает конкурентоспособности любые другие предпринимательские структуры, стремящиеся найти «свою» нишу в глобализованной среде. Они как были так и остаются в блоке отсталых стран, которые не могут побеждать в острой конкурентной борьбе группы более развитых государств» .

И далее: «Таким образом, процесс приватизации в украинских условиях оказался не эффективным и не завершенным. Он не дал эффективного частного собственника, заинтересованного в инвестировании, ускоренном обновлении и качественном оздоровлении хозяйства. Не была достигнута оптимальная глубина приватизации. Как следствие, по ходу реформирования экономики не удалось создать эффективную структуру отношений собственности, укрепления позиций национального капитала. Новые организационно-правовые формы, возникшие в результате приватизации предприятий коллективами работающих на них людей, в свою очередь не смогли сделать важного следующего шага — массово превратиться в открытые акционерные системы хозяйствования, повысив таким образом и собственные доходы, и накопления для расширенного воспроизводства. Большинство приватизированных предприятий и по сей день остаются на непроизводительной и неконкурентоспособной стадии акционирования. Иначе говоря, они в основном

простаивают, не принося прибыли, а кое-где даже не возвращая совокупных затрат на их содержание или частичную эксплуатацию».

У такого малоутешительного положения дел в современной Украине времен третьей украинской республики есть историческое объяснение. После денонсации Союзного договора 1922 г. и прекращения существования Советского Союза как субъекта международного права Украина оказалась перед сложнейшей политической задачей — одновременного преодоления глубочайшего социально-экономического кризиса, формирования политической системы третьей украинской республики и определения своего места в системе международных отношений. Освоение новым украинским государством его функций в хозяйственной жизни, как мы видели, началось задолго до фактического распада СССР, но было скорее реакцией на действия российской администрации во главе с Б. Ельциным. Тогда же началось и конструирование политической системы третьей республики.

Еще в декабре 1990 г. была создана Конституционная комиссия, которая к июню 1991 г. внесла в Верховный Совет УССР концепцию новой Конституции Украины, которая и была им утверждена. Однако происшедшие в Москве события — т. н. «августовский путч» надолго отвлекли внимание украинских законодателей от этого важнейшего вопроса государственной жизни. Они пошли по другому пути — корректировки существующего законодательства. Верховным Советом УССР 12 созыва (1990–1994 гг.). Было принято 402 закона и более тысячи постановлений, 7 программ выхода из экономического кризиса. В Конституцию второй украинской республики (1978 г.) было внесено более 200 различных поправок. В связи с обострившимися противоречиями между Президентом и Верховным Советом процесс подготовки новой Конституции остановился, возобновившись в сентябре образованием новой Конституционной комиссии во главе с Л. Кучмой и лидером Социалистической партии Украины А. Морозом.

Экономическая и политическая ситуация в республике стремительно менялась. В июне 1992 г. в Украине был принят Закон «Об объединениях граждан», создавший правовое пространство для многопартийной политический системы. Количество политических партий начинает быстро расти, при незначительном в целом их влиянии на происходящие в обществе и государстве процессы.

Украинское общество, утратив в 1991 г. стержень политической системы, которым долгое время была Компартия Украины,

начинает лихорадочно искать новый и находит его в режиме президентской республики. Хотя пока что, до избрания в 1994 г. Президентом Украины «технократа» и хозяйственника Л. Кучмы, именно возглавлявшийся им какое-то время Кабинет Министров берет на себя эту сложнейшую и важнейшую функцию государственного управления. Однако действовать ему приходится в условиях кризиса, вызванного несовместимостью принципов управления однородным огосударствленным хозяйством, точнее одной искусственно отделенной его частью, и новыми хозяйственными и политическими реалиями. И, к тому же, в постоянной конкуренции с Президентом Украины и его администрацией.

В 1992 г. Витольда Фокина на посту Председателя Совета Министров Украины сменил Леонид Кучма, которому предстояло сыграть важную роль в событиях первых полутора десятилетий новейшей украинской истории. В ноябре 1992 г. он выступает с докладом в Верховном Совете Украины, в котором пытается объективно отразить состояние экономики и требует дополнительных полномочий для правительства в управлении ею. Такие полномочия были Кабинету Министров предоставлены. Но в январе 1993 г. Кучма вновь пришел в Верховный Совет и заявил, что «экономика зашла в глухой угол» и что «развитие украинской экономики зависит от России». 18 марта премьер-министр в третий раз выступает в Верховном Совете, предлагая принять его отставку. Парламент ее отклоняет, заняв, таким образом, сторону премьер-министра в его наметившемся к этому времени жестком противостоянии с Президентом Украины Л. Кравчуком. Тогда тот в июне своим указом создает Чрезвычайный комитет по вопросам оперативного управления народным хозяйством.

В стране оформляются фактически и юридически дав конкурирующих центра управления народным хозяйством. Распад централизованной плановой системы между тем продолжается. В июне 1993 г. вспыхнула забастовка шахтеров, которые впервые с 1989 г. вновь выдвинули политические требования. Она переросла в национальную забастовку, охватившую и другие отрасли украинской экономики. В этой ситуации Верховный Совет отправил в отставку Председателя Кабинета Министров Украины Л. Кучму, а 24 сентября 1993 г. назначил досрочные парламентские и президентские выборы.

Первые парламентские выборы в третьей украинской республике состоялись в 1994 году. Они происходили по мажоритарной системе

в три тура при низкой явке избирателей и растянулись почти на год. А в 44 округах и в конце 1994 г. депутаты так и не были избраны. Еще одной важной особенностью этих выборов было то, что они отразили острую объективную потребность украинского общества и его политической системы в радикальном обновлении. Так, из 188 депутатов Верховного Совета УССР (12 созыва) 138 были забаллотированы. А также они показали существенные перемены в общественных настроениях. Ожидание экономического чуда, которое ему было обещано в борьбе с Компартией Украины и за выход из Союзного договора 1922 г., сменилось разочарованием, сыгравшим в пользу не только Социалистической партии Украины, председатель которой А. Мороз был избран Председателем Верховного Совета Украины, но и Коммунистической партии Украины, которая добилась отмены запрета своей деятельности и провела в июне 1993 г. в г. Донецке свой восстановительный съезд, избрав своим лидером П. Симоненко.

Та же тенденция смены настроений в обществе привела к победе на президентских выборах, прошедших в два тура — 26 июня и 19 июля 1994 г. — бывшего Председателя Совета Министров Украины Л. Кучмы, заручившегося поддержкой 52 % избирателей или 14 млн 660 тыс. человек. Именно в годы президентства Л. Кучмы, продолжавшегося два полных предусмотренных соответствующим законом срока — с 1994 по 2004 гг. — сформировался политический режим третьей украинской президентско-парламентской республики.

Оценки деятельности второго Президента Украины в украинской историографии очень противоречивы и скорее негативные, чем положительные. На наш взгляд, это не справедливо. В существовавших тогда условиях, в целом, ему удалось провести украинский государственный корабль через сложнейший и опаснейший для молодого государства переходный период с минимальными потерями и к концу своего президентства обеспечить его относительную политическую и экономическую устойчивость. То, что он и до сих пор «на плаву» — несомненная заслуга простых украинцев и Л. Кучмы, вышедшего из их среды и хорошо их понимавшего.

Последовавшие затем события: т. н. «оранжевая революция» и резкая смена внешнеполитической ориентации страны, острейший внутренний политический кризис и кризис в отношениях с Российской Федерацией, а также то, как Украина из всего этого

вышла, — свидетельствуют, на наш взгляд, скорее не о слабости, а о силе сформировавшейся при Л. Кучме государственной модели. Другое дело, что отведенный ей историей срок был объективно очень короток. Обеспечив на каком-то этапе относительно быструю социальную реструктуризацию Украины, первоначальную адаптацию социума к новым условиям, она сама очень быстро устарела и стала тормозом для порожденных ею же позитивных тенденций.

Основными вехами пути, пройденного Украиной за эти годы были следующие. Во-первых, созданная в «ручном режиме» — указами Президента некая экономическая и административная переходная общественная модель, позволившая сформироваться мелкотоварному, прежде всего, сельскохозяйственному производству и обслуживающей его инфраструктуре, своеобразному «среднему классу», которые и обеспечили относительную устойчивость режима третьей украинской республики на этапе ее формирования, неоднократный выход из чередовавшихся кризисов мирным, политическим и правовым путем.

Во-вторых, разработка и принятие 28 июня 1996 г. пятой сессией второго созыва Верховного Совета Украины новой Конституции Украины, носившей компромиссный характер, но устранившей частично внутренние конституционные противоречия, накопленные в переходный период.

И, наконец, в третьих, подписание 30 мая 1997 г. т.н. «большого договора» с Российской Федерацией — весьма декларативного, но создавшего базу для относительной нормализации украинско-российский отношений.

В июле 1994 г. сразу после президентских выборов Президент Украины Л. Кучма, председатель Верховного Совета Украины А. Мороз и глава Кабинета Министров Украины В. Масол выступили с совместным заявлением, не имевшим значения, как юридический документ, но установившим некоторые принципы в отношениях между ними, которых, в основном, они придерживались. Получив в октябре 1994 г. после своего выступления в Верховном Совете, в котором Президент Украины заявил о «невиданном по глубине экономическом кризисе» право издавать указы, имеющие силу закона в нерегулируемых им сферах, Л. Кучма довольно эффективно этим воспользовался.

Ему, как уже отмечалось, удалось, несмотря на большое сопротивление, продолжить конституционный процесс и завершить его.

В декабре 1994 г. Президент Украины внес в парламент проект Конституционного Закона «О государственной власти и местном самоуправлении». 18 мая 1995 года Закон был принят, но для введения его в действие голосов не хватало. Тогда Л. Кучма предложил заключить Конституционное соглашение на период до принятия новой Конституции. Встретив ожесточенное сопротивление в Верховной Раде, Президент своим указом предложил провести плебисцит — фактически о доверии парламенту. Парламент отступил, и в июне 1995 г. Конституционное соглашение сроком на 1 год, было заключено.

В феврале 1996 г. в Верховный Совет был внесен проект Конституции. Обсуждение проекта происходило в трех чтениях в течение трех месяцев. Вновь возник конфликт с Верховным Советом, обсуждение приостановилось и Президент издал указ о проведении референдума. Чтобы избежать этого была сформирована Согласительная комиссия в Верховном Совете под председательством депутата Н. Сироты, которая в мае 1996 г. была утверждена, как временная депутатская комиссия ВС. 26 июня 1996 г. после двухдневного и ночного постатейного обсуждения проекта Конституция Украины была принята.

Президент сделал ряд принципиальных уступок в части своих полномочий и, в частности, контроля над правительством. Но взамен он получал, то что ему было более всего необходимо при избранной им формуле власти — практически полную свою несменяемость из-за крайне усложненной процедуры импичмента. В переходных положениях было зафиксировано право Президента в течение первых трех лет после принятия Конституции, то есть, до конца срока полномочий, издавать указы по экономическим вопросам, не урегулированным законодательством. Кроме того, полномочия действующего Президента продлевались на один год.

В мае 1997 г. был подписан, наконец, Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной, называемый часто просто «Большим договором». «Большой договор в окончательной редакции, — вспоминает один из участников его подготовки от Украины Владимир Горбулин, — был согласован и парафирован с нашей стороны Евгением Марчуком как главой правительства, а со стороны России — Олегом Сосковцом, как первым заместителем председателя Совета Министров РФ еще в 1996 г... Жесткая позиция была со стороны Бориса Ельцина — без

договоренности по ЧФ он отказывался подписывать Большой договор: подписываем соглашения по ЧФ — подписываем Большой договор».

Вопрос об условиях пребывания и самой возможности пребывания ЧФ РФ в Крыму, конечно, имел большое значение, но, на наш взгляд, он был далеко не самым важным в тогдашних российско-украинских отношениях. Он просто был очень удобен, чтобы сдерживать до времени (окончания раздела собственности в каждой из стран) развитие двусторонних межгосударственных отношений Сведение всего комплекса сложнейших вопросов, стоявших на повестке дня, к какому-либо произвольно выбранному, но «громкому» одному, было в духе Бориса Ельцина. В результате и Большой договор оказался весьма декларативным, и соглашения по ЧФ пострадали из-за спешки.

Следующий эпизод в этом отношении очень показателен. «Весной 1996 года в задней комнате Леонида Даниловича мы, — пишет В. Горбулин, — колдовали втроем над картой Севастополя: Виктор Черномырдин, Евгений Марчук и я. Карта была прекрасно исполнена, но Виктор Степанович в ней слабо ориентировался. Он не знал, где какая бухта, но знал их названия и стоял, как Брестская крепость, на своем. И все-таки нам вдвоём удалось его переиграть». Здесь все интересно: и самоуверенность российских представителей, и их неподготовленность к обсуждению, и сам дух переговоров — «переиграть» — вот главная задача. Переигрывали же, как правило, обе стороны только самих себя и никого более.

Договор, как уже отмечалось, получился декларативным даже для «рамочного» международного документа. Но учитывая характер отношений между Россией и Украиной, и то, как они складывались в первые годы новых межгосударственных отношений между ними, «Большой договор» был, несомненно, важной вехой в их развитии.

Общепринятые нормы международных отношений: взаимное уважение, суверенное равенство сторон, территориальная целостность и нерушимость границ, мирное урегулирование споров и отказ от использования силы или угрозы силой, включая экономические и иные способы давления, невмешательство во внутренние дела, взаимное соблюдение прав и свобод человека, выполнение принятых обязательств — в историческом контексте и в контексте двусторонних российско-украинских отношений звучали очень актуально.

Косвенно Большой договор признавал наличие и сохранение российского влияния в Украине. Стороны брали на себя обязательство координировать свои позиции и действия на международной арене. Министры иностранных дел обязались встречаться не реже, чем два раза в год. Украина и Россия обязались не заключать с третьими странами каких-либо соглашений, направленных друг против друга.

Обязательство соблюдать права человека и права граждан другой стороны, проживающих на их территории, в равной мере относились к обеим странам, но в силу с ложившихся обстоятельств налагали больше ограничений и обязательств на Украину. Требование воздерживаться от действий, способных нанести экономический ущерб ограничивали возможности Российской Федерации использовать свои экономические преимущества.

В Украине в большей мере, чем в Российской Федерации переход к рыночным отношениям и демократизация политической системы происходили и сверху, и снизу. Снизу рыночные отношения возникали и формировались стихийно. Большое число людей, потерявших постоянную работу, вынуждены были выживать за счет индивидуальных земельных участков и обслуживания тех из них, которые со временем приобретали все большую товарность.

Начались и изменения в социальной структуре украинского общества, которые, как вскоре выяснилось, значительно опережали аналогичные процессы в Российской Федерации. К. Бондаренко пишет: «Кучма видел, что в государстве появляется новая прослойка — средний класс, буржуазия, представители малого и среднего бизнеса... Он не мог понять, как вести себя с этой группой людей. Они были ментально чужды ему. Но ведь именно процессы перехода на рельсы рыночной экономики, инициированные в сове время Кучмой, породили ту прослойку. Украинская буржуазия стала порождением эпохи Кучмы и впоследствии она выступила в роли гробовщика эпохи Кучмы».

В 1991–2000 гг. в Украине были приватизированы все малые предприятия и 80 % средних и крупных. Если в 1990 г. в государственных, кооперативных и частных предприятиях было занято 70,4 %, 29,55 %, 0,05 %, то в 1999 г. уже соответственно 48,7 %, 50,6 % и 0,6 %. Спад производства начался еще в 80-е гг. Так, в 1981–1990 добыча угля сократилась на 13 %, газа — на 35 %, железной руды — на 12 %, производство тракторов на 22 %, автомобилей — на 8 %.

Продолжался он в начале 90-х. Национальный доход в 1990 г. в УССР уменьшился на 3,6 %, а в 1991 г. — на 11,2 %, производство промышленной продукции соответственно на 0,1 % и 4,8 %, сельскохозяйственной производство — на 3,7 % и 13,2 %. В 1992–98 гг. спад ускорился. Промышленное производство в Украине по отношению к 1990 г. составило в 1995 г. 52 %,, в 1997 г. — 50 % и лишь к 2000 г. сменился небольшим ростом, составив 58 % к 1990 г. Экономический спад продолжался до 1995 г., замедлившись в дальнейшем и сменившись общей позитивной динамикой начиная с 1999 г.

Практически неизменной оставалась отраслевая структура производства в Украине. Доля топливно-энергетического комплекса и металлургии выросла с 1991 по 1995 гг. в 2,5 раза, а легкой промышленности уменьшилась в 8 раз. Еще показательнее выглядит в этот период распределение инвестиций. В 1991–1999 гг. 2/3 всех инвестиций поступило именно в эти экспортно ориентированные отрасли в о время как в машиностроение поступило 7 %, а в легкую промышленность лишь 1 % инвестиций.

То, что за сменой формы собственности не последовало никаких существенных структурных или технических изменений в украинской промышленности лучше всего видно на примере текущих затрат на производство единицы промышленной продукции в 1999 г. 68.5 % из них относились к материальным затратам, 7,6 % — к амортизации, заработная плата и социальные отчисления составляли всего соответственно 9,6 и 3,5 %. Экономика третьей украинской республики, как и экономика Российской империи и Советского Союза оставалась экономикой сверхэксплуатации, «людоедской» экономикой. С той лишь разницей, что в СССР недоплата работникам использовалась либо на развитие материальной базы самой экономики, либо на вооружения, то теперь во все больших размерах на сверхпотребление нового узкого социального слоя новых собственников и чиновничества.

В сельском хозяйстве Украины выход продукции в расчете на 1 га. сельскохозяйственных угодий уменьшился в эти годы (1991–1999) в 2,5 раза. Государственные капиталовложения в сельскохозяйственное производство за тот же период уменьшились в 60 раз.

То что в такой ситуации украинскому обществу удалось выжить и даже относительно мирно (в отличие, например, от Российской Федерации с расстрелом парламента в 1993 г.) пройти это очень трудное время, произошло, на наш взгляд, прежде всего из-за двух

важнейших обстоятельств, одно из которых экономическое, а второе, скорее, политическое.

В первом случае Президент Украины своими указами «О неотложных мерах по ускорению земельной реформы в сельскохозяйственном производстве» (1994 г.), «О порядке раздела земли на паи» (1995 г.) и «О неотложных мерах по ускорению реформирования аграрного сектора экономики» (1999 г.) запустил механизм мелкотоварного производства в сельском хозяйстве. А во втором, утвердив режим третьей президентско-парламентской украинской республики и укрепив власть президента до полу-авторитарной.

«Благодаря» этому Л. Кучма мог до определенного времени и в определенной мере противостоять алчности возникших в стране экспортно ориентированных монополий и криминалу. Вполне понятно, поэтому, что попытка передать власть преемнику, связь которого с этими монополиями была хорошо известна, наряду с некоторыми другими внутренними и внешними причинами, вызвала по существу первую общественно-политическую бифуркацию в Украине осенью и зимой 2004 г.

21 ноября 2004 г. было объявлено об избрании президентом В. Януковича, но в результате массовых уличных выступлений в Киеве, известных как «оранжевая революция», это избрание было аннулировано. 26 декабря 2004 г. президентом Украины был избран В. Ющенко.

Фактическая неудача реформ и дискредитация идей, поднявших в те дни множество украинских граждан на борьбу за свои права, была предопределена тем, что массовой базой движения протеста были представители естественно возникшей и окрепшей без государственной помощи среды мелкотоварного производства и местного товарообмена, о которой шла речь выше. А во главе движения встали люди, связанные с крупным новым капиталом, сформировавшемся на бесплатной по существу приватизации и вешней торговле. Или люди, очень быстро перешедшие в этот лагерь. Некоторое скорее интуитивное понимание природы «оранжевой революции» и социальных обязательств ее вождей, если судить по действиям двух возглавлявшихся ею Кабинетов Министров Украины, присутствовало у Юлии Тимошенко. Но неравенство политических сил, непоследовательность и неразборчивость в методах политической борьбы привели этого, безусловно, яркого политика к поражению

на президентских выборах в феврале 2010 г. президентом был избран В. Янукович.

В целом же, можно констатировать, что вопреки тому, что было провозглашено Декларацией о государственном суверенитете Украины в 1990 г. и положениями Конституции Украины 1996 г. украинское государство и по сей день не обрело черт ни демократического, ни правового, ни, тем более, социального. Впрочем, как и все другие новые независимые государства на постсоветском пространстве.

Пока что украинская государственность в конкретно-исторической форме третьей украинской республики представляет собой большей частью лишь территорию и совокупность людей, живущих на ней, без ясно выраженных общих целей, обязательных для всех правил поведения и ведения бизнеса, без определенной внешнеполитической ориентации. Это, в значительной мере, реализовавшаяся ad hoc с очень большим опозданием, идея национальной украинской государственности, частично обесцененная еще и тем, что к тому моменту в мире полным ходом шел процесс глобализации.

Список использованной литературы:

История Украинской ССР. — Киев, 1982.История Украины: научно-популярные очерки / Под редакцией В. А. Смолия. — М. —2008.

Очерки истории Украины / Под общей редак. П. П. Толочко. — Киев: «Киевская Русь», 2010.

Баран В. К., Даниленко В. М. Україна в умовах системної кризи (1946–1980-і рр.). — Київ: Видавничий Дім «Альтернативи», 1999.

Україна: утвердження незалежної держави (1991–2001 рр.). — Київ: Видавничий Дім Альтернативи, 2001.

Політична історія України. XX століття. У шести томах/ Ред. кол., Курас І. Ф. (голова). — К., Ґенеза. 2003.

Політична історія України / В. А. Греченко, В. І. Танцюра, В. В. Калініченко та інш. — 2-ге вид., допов. — К.: Академвидав, 2008.

Две Руси. Украина Incognita. Под общей ред. Ларисы Ившиной. — Киев: Издательство АОЗТ «Украинская пресс-группа», 2004

Хроники современной Украины. Том 1: 1993–1994. — К.: Основные ценности, 2001.

Хроники современной Украины. Том 2: 1995–1996. — К.: Основные ценности, 2001.

Хроники современной Украины. Том 3: 1997–1998. — К.: Основные ценности, 2002.

Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Киев, 1977.

Касьянов Г. Україна 1991–2007: нариси новітньої історії. — К.: Наш час, 2008.

Україна і Росія: хроніка взаємин 1991–2003 рр. Ред.. Кол. Гол. М. І. Звеняков. Одеса.: Астропринт. 2004.

Украина и Россия: общества и государства / Под ред. Д. Е. Фурман. — М.: «Права человека», 1997.

В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Гергия Шахназарова (1985–1991). Сост. А. Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.

Бойко О. Д. Україна в 1985–1991 рр.: основні тенденції суспільно-політичного розвитку. Монографія. — К.: ІПіЕНД, 2002.

Бондаренко К. П. Леонид Кучма. Портрет на фоне эпохи. — Харьков: Фолио, 2007.

Брайчевський М. Конспект історії України. — Київ: Видавничо-поліграфічний центр «Знання». 1993.

Виталий Врублевский. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. — Київ: Фірма «Довіра», 1993.

Горбачев М. С. Жизнь и реформы. В 2-х книгах. — М., 1995.

Горбулин В. П. Без права на покаяние. — Харьков: Фолио, 2009

Иван Лысяк-Рудницкий. Советская Украина в исторической перспективе / Иван Лысяк-Рудницкий. Между историей и политикой. — М. — СПб, 2007.

Кравчук Леонід. Останні дні імперії... Перші кроки надії/ Запис бесід С. О. Кичигина. — К.: Видавництво «Довіра». 1994.

Кравчук Л. М. Маємо те, що маємо: Спогади і роздуми. К., 2002.

Крючков Г. К. Трудные уроки: Раздумья бывшего парт. работника. — Харьков, Фолио, 2009.

Кучма Л. Д. Украина — не Россия. М., 2003.

Кучма Л. Д. После Майдана. Записки президента. 2005–2006. К., 2006.

Кучма Л. Д. Зламане десятиліття. К., 2010.

Орест Субтельний. Україна. Історія. — Київ: «Либідь», 1991.

Содержание

ИСТОРИЯ УКРАИНЫ

Главный редактор издательства *И.А. Савкин*
Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Оригинал-макет *А.С. Михалев*
Корректор *С.А. Семенов*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

Формат 60х88 1/16. Усл. печ. л. 31,8. Печать офсетная.
Заказ № 133446

Данилевский Игорь Николаевич, доктор исторических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий кафедрой истории идей и методологии исторической науки

Таирова (Яковлева) Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук. Профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Директор Центра по изучению истории Украины СПбГУ

Шубин Александр Владленович, доктор исторических наук, руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН.

Мироненко Виктор Иванович, кандидат исторических наук. Ведущий научный сотрудник Института Европы РАН.

Алетейя

